

Разбойная дорога
Приют охотника

ДЭУВ
ДункаH

Разбойная дорога
Приют охотника

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ДЭУВ
ДункаH

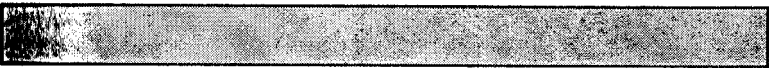
ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

DAVE
DUINKAN

The Reaver Road
The Hunter's Haunt

ДЭЙВ

ДУНКАН

**Разбойная дорога
Приют охотника**

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

ББК 84 (7США)

Д83

Серия основана в 1999 году

Dave Duncan

THE REAVER ROAD

1992

THE HUNTER'S HAUNT

1995

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с английского Н.К. Кудряшова

Публикуется с разрешения автора и литературных агентств
Richard Curtis Associates Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Дункан Д.

Д83 Разбойная дорога. Приют охотника: Фантаст. романы / Пер.
с англ. Н.К. Кудряшова. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. —
576 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-007090-X

По дорогам, градам и всеям бродит Омар, Меняла Историй, и жизни не
хватит на то, чтобы поведать все, чему он был свидетелем, о чем рассказал
потом в историях, где ложь казалась правдивее правды, а правда — лживее
лжи.

Желаете услышать о великих городах и могущественных богах, крово-
жадных варварах и прекрасных девах? Пожалуйста!!!

Желаете услышать, как звенели мечи и пели стрелы, как наступала орда
завоевателей на мирное Междуморье, Страну Множества Богов, и лишь чудо
могло спасти людей от ярости диких воинов? Слушайте!..

А может, вы желаете услышать историю о том, как довелось Омару
побывать богом? Лучшую из историй про любовь и войну, про славу и
бесславие, про опасность, чудеса и таинственный Занадон, прекраснейший из
городов на равнинах? Рассказ получится долгим, но впереди у нас — долгая
дорога!..

© David J. Duncan, 1992, 1995

© Перевод. Н.К. Кудряшов, 1998

© ООО «Издательство АСТ», 2001

Разбойная дорога

*С удовольствием посвящаю эту книгу
КЕВИНУ МАЙКЛУ ПРЕССУ
в надежде, что он,
выросши, полюбит книги
и — быть может
(когда-нибудь в грядущем столетии) —
даже эту.*

ПРОЛОГ

Нет-нет, вы не за того меня принимаете, господа хорошие! Я не нищий! В свое время кем я только не побывал, от низкородного жестянщика и до венценосного тирана — однажды даже богом! — но до попрошайничества не опускался никогда. По призванию же я — меняла историй, и лохмотья — мое обычное одеяние.

Этот тернистый путь, благородные господа, я выбрал по своей воле. Меня всегда влечет куда-то вдаль. В свое время мне довелось побывать почти во всех городах по Эту Сторону Радуги. Назовите мне любой — и я расскажу вам о нем.

Нет, все, чего я хочу, — это предложить вам обменяться по дороге историями, чтобы скоротать время и хоть ненадолго забыть о палящем солнце. Истории про любовь или войну? Истории про славу или бесславие? Про чудеса? Нет, ничего страшного, кушайте на здоровье, это мне не мешает...

О, вы так добры, господа. Признаюсь, из ваших котлов поднимаются восхитительно аппетитные ароматы. Ничего, ничего, я могу есть и рассказывать одновременно...

Каково быть богом? Право, это на редкость неприятное ощущение, не из тех, какие хотелось бы пережить еще раз.

Но рассказать об этом? Почему бы и нет — правда, рассказ получится долгий, вполне возможно, до следующего

привала на ужин, а то и дольше. Это случилось давным-давно, когда мне впервые приснился Занадон, прекраснейший из прекрасных городов на равнинах...

1. РАЗБОЙНАЯ ДОРОГА

Как и было предсказано, я спустился с холмов и зашагал по выжженной солнцем равнине. Очень скоро в рыжей дорожной пыли начал попадаться свежий конский навоз, чего я не видел уже много недель. И еще увидел я, что дезертиры, составлявшие мне компанию все это время, почуяв опасность, попрятались все до одного.

Так шел я и шел, заново привыкая к столь внезапному одиночеству, хоть и знал, что сто́ит посмотреть внимательно за изгородями или по полям — и исчезнувшие странники обнаружатся там, хоронящиеся в зелени. Вскоре один из них, самый смелый, высунулся и предостерегающе окликнул меня. Я же махнул ему рукой в знак благодарности, но продолжил свой путь, насвистывая и не испытывая ни малейших сомнений в своей дальнейшей судьбе.

Небо над головой было синим до боли в глазах, а жара — утомительной. Я гадал, не означают ли неясные силуэты на севере знаменитый Культиарский хребет, или же это просто далекий мираж. На востоке горизонт прочерчивали вчерашние столбы дыма. Каждое утро дымы все приближались.

Выйти наконец из бесконечных оливковых рощ было, с одной стороны, даже приятно, ибо я еще не настолько изголодался, чтобы есть сырые оливки. Однако, с другой стороны, теперь я лишился благодатной тени. Возделанные поля и сады, сулившие — как я надеялся — некоторое облегчение, оказались опустошены поспевшей раньше меня прожорливой саранчой. Уже полный день и полная ночь миновали с той минуты, когда я подлизал последние крошки со дна моей дорожной сумы.

Я никогда не беспокою богов своими жалобами. Они и без того прекрасно знают, что для исполнения своего долга мне нужно совсем немного, сущие пустяки. Худоба говорит сама за себя и без моих молитв. Быть может, я поступил нерасчетливо, поделившись остатками съестных припасов с малышкой Буллой. Если и так, я не жалею об этом, ибо груди ее были свежи как розы, а маленькие ручки неутомимы, как бабочки в летний день.

С той ночи, как сгорел Дом-Уилт, мне не встретилось ни одного человека, идущего с запада. Я двигался быстрее обычного, ибо крепкие мужчины редко встречались на этой дороге скорби. Дети, калеки и старухи, тянувшие за собой на тележках свой убогий скарб, были теперь моими спутниками. Лишившиеся денег, крова, в лохмотьях, в невзгодах своих, они тем не менее не озлобились и не лишились чувства сострадания. Отчаяние часто открывает людей с лучшей стороны. Многих встревожил поначалу мой чужеземный наряд и странная внешность — мое ремесло требует, чтобы я казался странником и пришельцем, и везде чужим, — но стоило мне раз заверить беженцев, что я не форканец, как они понемногу разговаривались, а я не спеша брел рядом с ними.

Вот так мне и удавалось порой собрать историю-другую. Впрочем, довольно скоро, ссылаясь на неотложность своего дела, я желал своим спутникам удачи и уходил, благословляемый богами, к следующей группе.

Теперь я шагал в одиночестве по безлюдной земле, и все, что я слышал, — только мое собственное насвистывание да еще бурчание в пустом животе.

Так шел я и шел, пока не вышел внезапно к широкой реке у брода, и место это показалось мне знакомым. И хоть не могла быть столь широкая река ничем иным, кроме как великой Йолипи, не увидел я на ее глади ни одной лодки. Правда, должен признать, что вода стояла низкая и из серебристых струй тут и там проглядывали отмели золотистого песка.

Почернелое пожарище обозначало место, где стоял домик паромщика, но меж обугленных бревен пробивалась

зелень, а это означало, что переправы здесь нет уже много лет. Рядом с пожарищем виднелись остатки сада — шесть тополей и пламенеющее алым цветом тюльпановое дерево. Ни дом, ни брод не остались в моих воспоминаниях, но тюльпановое дерево я узнал.

В тени тополей расположился на отдых отряд солдат. Они разлеглись на зеленом травяном ковре, не забывая приглядывать за своими щиплющими траву пони, а также за группой обнаженных — или почти обнаженных — людей, стоявших в воде под солнцем. Купальщики, однако, не выпускали ни радостных криков, ни других столь естественных для подобного занятия изъятий удовольствия.

При моем приближении солдаты повернули головы. Я-то знал, как жарко и душно им сейчас в бронзовых шлемах и железных панцирях, налокотниках и наголенниках, ибо мне и самому доводилось носить такие, хотя ни разу — по своей воле. И еще я знал, что их незадачливые пони способны передвигаться под таким бременем лишь неспешной трусцой. Эти доблестные воители, возможно, и умели неплохо управляться с безоружными крестьянами, но форканцы могли бы спокойно отплясывать вокруг них гавот.

Их предводителя легко можно было узнать по высокому гребню на шлеме и бронзовой кирасе. Даже валяясь на траве, он сохранял командный вид, внушая трепет своею мощной грудью и холодным прищуром глаз. Он лежал, приподнявшись на локте, и в его спокойствии ощущалась сила. Его черная, вьющаяся, пышная даже по меркам Пряных Земель борода опускалась почти до груди. Воистину такая величественная голова достойна украшать золотую монету или, скажем, сад — в виде мраморного бюста, разумеется. Да и на пике смотрелась бы не так уж плохо.

Я направил свои стопы прямо к нему. Кое-кто из солдат, что лежали ближе ко мне, сел, схватившись за мечи и провожая меня недоверчивыми взглядами. Мои волосы и кожа светлее, чем у жителей Пряных Земель, да и глаза у меня серого цвета. Бороду я в те дни стриг совсем коротко, так что и без чужеземной одежды наверняка казался этим вои-

нам чужаком, а чужаки, как известно, просто обязаны вызывать подозрение у любого уважающего себя солдата.

Я беззаботно улыбнулся им в ответ, и они позволили мне пройти. Подойдя к командиру, я уронил свой посох, скинул с плеча суму и уселся, скрестив ноги.

— Да будет жизнь ваша источником веселья для богов, капитан, — радостно произнес я.

Он приподнял одну кустистую черную бровь.

— Что-то не слыхал я еще таких приветствий.

Я заверил его в том, что хотел единственно выказать свое к нему уважение. Впрочем, если он предпочитает нагонять на богов тоску...

— Ну, когда ты объяснил, оно и впрямь кажется мне не таким уж дурацким. Ты и сам, поди, способен развлечь нас?

Я улыбнулся, дабы успокоить его:

— Именно в этом и единственно в этом состоит моя цель, ибо я меняла историй, и развлекать людей — мое ремесло. Меня зовут Омар, господин мой.

Огромная ручища капитана потеряла конец окладистой бороды.

— А я — Публиан Фотий, капитан Занадонского войска.

— А! Значит, вы в силах помочь мне. Тот город, о котором вы говорите, — уж не тот ли это славный Занадон, воины которого покрыли себя славой в столь бесчисленных сражениях, что его называют в Пряных Землях не иначе как «Занадон Непобедимый»?

Воин окинул меня внимательным взглядом и мрачно кивнул:

— Это действительно так, благодарение святой Майане и Балору Бессмертному.

— Вот спасибо! Воистину встреча с одним из благородных граждан Занадона — большая честь для меня. Но мои познания в географии — увы! — слабы, о благородный капитан. Вот уже много дней иду я Разбойной дорогой к Ширдлу и Тангу. Осмелюсь ли я предположить, что эта водная гладь и есть прославленная с незапамятных времен река

Йолипи, а раз так, что от Занадона Непобедимого меня отделяет не более дня пути?

— Твои познания в географии не так уж слабы, меняла историй Омар, — сказал капитан своим звучным командирским голосом, — ибо трудно описать наше местоположение более точно. Всего час ходьбы вверх по течению — и ты воочию узришь гранитные стены и сверкающие шпиль Занадона Непобедимого.

Я задумчиво пригладил ладонью свою стриженую бороду.

— В это смутное время, когда несметные полчища форканцев наводняют страну, оскорбляя богов грабежами и убийствами, когда даже могущественные города вроде Форбина, Полрейна или Дома-Уилта лежат в развалинах — воистину один Занадон Никогда-Непобедимый может устоять против захватчиков.

— Мы обрушится на них со всей отвагой и — если будет на то воля святой Майаны — прогоним их в хвост и в гриву!

— Вот речь, достойная отважного воина, благородного гражданина и преданного слуги святой... э-э... Майаны, — не без энтузиазма откликнулся я. — Однако... вы простите мою дерзость, если я задам вам еще вопрос... или два?

Капитан повернул свою величавую голову к реке и окинул взглядом стоящих там людей.

— Оно, конечно, мне скоро трогаться в путь, но молю тебя, продолжай, ибо не часто доводится мне вести беседу столь ученую и познавательную.

— Воистину доброта ваша сравнима с вашей доблестью, капитан. Тогда поведаю вам, что гнетет меня теперь. Велико число беженцев, встреченных мною в пути, что бегут, спасаясь от полчищ форканских варваров. Многие опередили меня, еще больше осталось позади. При всем могуществе и величии Занадона Непобедимого, при всей славе его как радушнейшего и гостеприимнейшего из городов, существует же предел тому числу несчастных, которым он может дать приют в своих стенах?

— Увы! Ты говоришь о том, что изрядно заботит и нас самих.

Я вздохнул:

— Уж не может ли тогда так случиться, что, проделав тот путь вверх по течению, о котором вы столь любезно поведали мне, я так и не попаду в город, а мое прошение будет отвергнуто?

Публиан Фотий уселся. Его воины, как по команде, повскакали с мест, звеня бронзой и скрипя кожей доспехов. Насколько я заметил, некоторым для того, чтобы встать на ноги, потребовалась посторонняя помощь, так тяжела была их броня.

— Так считай себя счастливым, меняла Омар. Ибо сдается мне, что сами боги привели тебя как раз к тому человеку, который способен помочь тебе в исполнении твоей мечты — попасть внутрь спасительных стен могущественного Занадона Непобедимого.

— И да будут благословенны боги в их милосердии!

Он уставился на меня с внезапной подозрительностью:

— А могу ли я поинтересоваться, что за дело у тебя такое в нашем городе?

— Мне было приказано идти туда, — объяснил я.

— Кем это приказано?

— Богами, капитан. Не знаю, правда, какими богами или богом, хотя есть у меня подозрение, что за всем этим стоит великий Кразат — или Балор, как вы его зовете. Надеюсь, вы поймете меня и простите мне ту радость, что я испытываю при встрече с человеком — единственным, кто способен помочь мне исполнить волю богов? Это занятная история, и я буду рад поведать ее вам. Все началось года два назад, когда мне впервые был ниспослан сон, который...

— Все это не так уж важно. — Капитан уперся волосатыми лапищами в траву, подобрал под себя ноги и с легкостью вскочил. Казалось, тень от его туши затмила солнце.

Я тоже поднялся на ноги, ощущая себя слабой ивой пред могучим дубом.

— Умоляю вас, благородный господин, поведайте мне, какие помехи могут задержать меня в пути и что мне делать, дабы избежать их?

Публиан окинул меня взглядом с головы до пят и махнул рукой своим людям. Часть их поспешила привести пони, другие отправились к реке и принялись звать купавшихся, причем в выражениях крайне грубых и, можно сказать, непристойных.

— Сдается мне, меняла, самым разумным с твоей стороны будет снять с себя одежду — всю и немедленно.

Несколько удивившись подобному предложению, я нахмурился:

— Что, господин? Подобные советы я до сих пор получал только от презренных грабителей и головорезов с большой дороги... ну, надо признать, что-то похожее говорили мне иногда представительницы прекрасного пола, правда, чаще всего намеками. Но, поверьте, я затрудняюсь понять, как столь неподобающее поведение может повысить мои шансы быть благосклонно принятым городскими властями Занадона Непобедимого.

— Раз так, посмотри-ка вон на того капрала, — невозмутимо произнес Публиан Фотий, сделав выразительный жест рукой. — Его звать Грамиан Фотий, он сын моего младшего брата. Скажи, чем не славный, крепкий парень, делающий честь войску, в котором мы оба служим?

— Воистину так, — согласился я, посмотрев на великана. — При всем его относительно юном возрасте скажу честно и откровенно: никогда глаза мои не видели еще воина, сравнимого с ним как статью, так и внушающими благоговейный ужас воинственными манерами.

— Тогда ты поймешь всю мудрость моего совета, ибо, если ты рискнешь промедлить с выполнением предложенных мною действий, капрал Фотий собственноручно, голыми руками оторвет тебе правое ухо.

Я согласился, что подобное уточнение, несомненно, проясняет ценность его совета, и поспешно снял шляпу, рубашу, штаны и сандалии.

— А ну обыщите его мешок, — приказал Публиан. — Поворотись-ка, пленный. Так, клейма нет... Следов плети тоже не видно. Ты, никак, ухитрился избегать до сих пор почетной процедуры бичевания?

— Боюсь, что так, благородный господин. Мои слушатели не всегда встречают те истории, что я им рассказываю, изъявлениями бурной радости, но и столь резкой и болезненной реакции на них, как вы изволили предположить, я тоже до сих пор не устаивался. — Я завершил оборот вокруг своей оси и стал ждать, перенося продолжающийся досмотр с присущим мне добрым расположением духа. Любой, кто провел бы столько лет, сколько я, с бушменами Гатойла, и думать забыл бы стесняться наготы.

— И ни одного боевого шрама! Ты что, воином никогда не был?

Я признался, что был раз или два, но заверил его в том, что Всемогуший Кразат всегда улыбался мне и обращал свой ужасный гнев на моих неприятелей.

— Хвала этому богу, — кивнул Публиан, — хоть имя его мне и незнакомо. Боюсь, чужеземец, придется мне сделать вывод, что ты у нас шпион. Как там у него с золотишком?

Воин, тщательно потрошивший мою суму, с отвращением отшвырнул последний кусочек кожи и встал, пряча меч в ножны.

— Никак нет, господин!

— Тогда поищи в одежде. Что-то не вижу я, меняла, твоего ножа. Как может человек выжить в этих краях без ножа?

— С набитым брюхом — по меньшей мере первые несколько часов.

— Или те истории, которыми ты торгуешь, настолько разорили тебя, что ты даже нож продал?

— Увы мне! — признал я. — Не истории мои упали в цене, но еда подорожала неслыханно. А хороший был нож, с костяной рукояткой, на которой были вырезаны сцепившиеся в борьбе демоны...

— Сдается мне, без него так оно будет спокойнее, — утешил меня капитан.

Я не без сожаления смотрел, как резали на мелкие лоскуты мои штаны — замечательные штаны из мягкой верблюжьей кожи с ярко-алой тесьмой, которые сшила мне темноглазая Иллина. Они закрывали мои ноги до колен, оставляя

лодыжки проветриваться в жаркий день. Сандалии я получил в награду за ночные празднества Семи Богов в Вейлмене — они последовали за штанами. И наконец, точно так же превратилась в жалкие клочки моя рубаша из прочной ткани, совсем еще новая — подарок караванщика с побережья, ибо обитатели Пряных Земель не знают такой одежды. Дорожная пыль всего континента приглушила ее пастельные тона, темные пятна пота изобразили на ней океаны, как на карте, и все же мне жаль было видеть ее бесславную кончину. Шляпу я сам смастерил из соломы, так что не особенно переживал, когда ее вернули в изначальное состояние.

Однако золота не оказалось и там. Публиан в первый раз за все время улыбнулся, и в его черной бороде янтарным отсветом блеснули зубы.

— Воистину твоя нищета — твое счастье, странник, ибо не могу представить себе шпиона без золота или оружия. И еще твое счастье в том, что у тебя хватило ума обратиться ко мне, дабы избежать мук голодной смерти. Как ты верно заметил, Занадон Непобедимый не без угрызений совести закрыл свои ворота перед всем тем сбродом, что гонят перед собой форканцы. Ибо прими он их, они, без сомнения, загадили бы все улицы, испортили бы весь воздух и оглашали бы наши ночи своими мерзостными воплями. Лишь одно малое исключение сделано из общего правила.

— Молю вас, откройте, какое? — спросил я.

Капитан махнул в сторону лязгающей кандалами цепочки несчастных, тянувшихся из воды.

— Меня с моими людьми отрядили на поиски крепких добровольцев, не возражающих против того, чтобы помочь горожанам в нелегком труде укрепления городских стен. И пусть по сравнению с капралом Фотием ты так себе мужичок — да и позировать для статуи Балора Бессмертного в храме тебе едва ли предложили бы, — я должен признать, что ты здоров, мускулист и вполне можешь окупить ту баланду, которой наше городское начальство, возможно, не пожалеет за твою добровольную помощь.

Не обращая внимания на ухмылки столпившихся вокруг меня солдат, я нагнулся, подобрал самый большой обрывок, оставшийся от моей рубахи, и аккуратно обернул его вокруг бедер. Не могу сказать, чтобы он особо закрывал что-нибудь, но даже так я оказался едва ли не самым одетым во всей компании.

— К вашим услугам, капитан.

— Это было очевидно с самого начала, — сказал Публий.

2. КОНЕЦ ЦЕПИ

Мне не так уж редко случалось попадать в невольники. После того как я искупался в реке, это рабство показалось мне значительно приятнее большинства других, и я охотно занял место в конце цепочки, даже сам помогая застегнуть у себя на шее бронзовый ошейник. Впрочем, несколько странных моментов я не мог не отметить.

Улов был скуден. В цепочке шагало тринадцать человек, из которых только один имел шанс выжить в каменоломнях, куда нас скорее всего и гнали. Он выглядел не менее внушительно, чем капрал Фотий. Пожалуй, даже более внушительно, ибо тело его было в значительно большей степени открыто взгляду. Плохо заживший корявый шрам тянулся от его грудины вниз к бедру, а свежая рана на икре от стрелы вынуждала его слегка прихрамывать. Вся его спина представляла собой узор из розовых и желтых рубцов.

Этого титана поставили замыкающим, отделив его от остальных рабов тяжелой длинной цепью. Когда меня приковывали за ним, он бросил на меня свирепый взгляд из-под могучих, как крепостные стены, бровей, и в джунглях его буйной бороды блеснули зубы. Мокрые пряди черных волос падали ему на плечи.

Вообще-то этого типа, как наиболее опасного, стоило бы поместить в середину, а к обоим концам цепи привязать

пони. Капитан Публиан Фотий выказал удивительную некомпетентность.

Все же — кажется, я уже говорил это как-то раз Владу Оскорбителю (а может, и его деду?) — единственное, что удивляет меня, это то, чего следовало бы ожидать. Как бы то ни было, я не стал просвещать капитана по поводу допущенных им промахов. Вместо этого я безропотно принял на плечи бремя проржавевшей цепи, хоть и видел по стертым в кровь плечам шагавшего передо мной, что мне предстоит не самые приятные ощущения. Когда наш конвой расселся верхом и процессия тронулась вперед по дороге, я передвинул цепь так, чтобы две петли ее свисали мне на спину, ибо двое молодчиков с кнутами испытывали от своей работы не совсем понятное мне удовольствие.

За последнее время мои ноги привыкли к сандалиям, а цепи на солнце быстро раскалились и больно жгли кожу, но я бодро шагал вместе с остальными, беззаботно насвистывая сквозь зубы. Более всего меня беспокоило, что Занадон Непобедимый может кормить своих рабов только один раз в день, и притом утром. Будь я из тех, кто привык молиться, я бы поделился своим опасением с богами. Самым же интересным из того, что находилось в поле моего зрения, были замысловатые следы, проделанные ручейками пота на пропыленной спине шагавшего передо мной волосатого великана.

Цепь позвякивала, пони цокали подковами по дороге, а живот мой по-прежнему урчал от голода. Впрочем, свернув с Разбойной дороги, мы видели все больше возделанных полей, зеленевших под защитой городских стен. Нам встретилось несколько отрядов вооруженных воинов. Урожай до сих пор не разграбили, а деревушки не пожгли. Занятые своим делом крестьяне склонялись к земле, не обращая на нас никакого внимания.

Капитан Фотий не солгал, сказав, что всего через час ходьбы мы увидим стены Занадона. Воистину гранитные стены и сияющие шпили производят неизгладимое впечатление, и я испытал священный трепет, созерцая воочию то, что так часто являлось мне во снах. К сожалению, великий город стоит на

вершине одинокой столовой горы, а потому видно его издали, чуть ли не с противоположного конца равнины.

Вскоре нам начали встречаться торговцы, и выючные караваны, и женщины с тюками на головах. Среди них выделялись нарядами горожане.

Климат Пряных Земель мягок, и только в холмах одежда действительно требуется для тепла. Даже зимние дожди теплы настолько, что на них можно не обращать внимания. В деревнях мужчины ограничиваются простейшими набедренными повязками. В городах же эти повязки — весьма непростое одеяние, любая деталь которого подчиняется сложным, тщательно соблюдаемым правилам. Законники не прекращают спорить из-за их расцветок, узоров, качества ткани и количества витков. Наиболее важной является высота нижнего витка. Рабы и чернь обязаны оставлять голыми обе колени, однако с ростом статуса закрывается сначала одна коленка, потом другая. У самых богатых и уважаемых горожан повязка опускается до лодыжек.

Человеку посвященному эта повязка говорит о занятии ее обладателя, его общественном положении, состоянии, семье и божьей покровительнице, о том, скольких детей он произвел на свет, — в общем, за повязками следят тщательнее, чем за любимым быком царя Клулита! Более того, все это сооружение должно закрепляться единственной булавкой, расположенной строго на пупке, — это обязательное условие. Дозволенные же украшения самой булавки достойны отдельного исследования.

Городские законы обыкновенно разрешают ношение хламид отдельным категориям населения — знати, представителям власти и духовенству, — но большинство редко носит что-нибудь выше пояса, если не считать шляп-горшков и прямоугольных черных бород. Кстати, в некоторых городах мужчинам не дозволяется жениться до тех пор, пока борода не отрастет у них до сосков — вот почему хорошенькие девушки из Ургалона известны как «нашейницы».

Что же касается женщин, то они вольны надевать все, что пожелают.

* * *

Лишь на закате дня добрались мы до основания пандуса, ведущего к городским воротам, и солдаты остановились дать отдых пони, да и самим перекусить немного. Они милостиво позволили нам полежать в прохладном, заросшем арыке — разумеется, после того, как из него напились пони. Жестокая кара была обещана любому, кто осмелится заговорить, и один солдат разгуливал с кнутом взад-вперед вдоль цепочки, готовый примерно наказать ослушников.

Я придвинул лицо к затылку моего соседа и выждал, пока конвоир не окажется у дальнего конца цепочки.

— Омар, — произнес я, почти не шевеля губами.

— Ториан, — донесся ответный шепот.

Я выразился в том смысле, что нам уготована работа до смерти или бесславная гибель с началом осады — для экономики съестных припасов.

Быстрый, едва заметный кивок был мне ответом. Я ободрился этим свидетельством того, что под буйной шевелюрой у Ториана имелось кое-что, кроме кости (вши не в счет). Я прикрыл глаза — конвоир подошел и снова отошел, — а потом спросил Ториана, может ли он порвать цепь без моей помощи.

Он пожал плечами. Должно быть, он полагал, что может, иначе вряд ли бы он так огорчился, лишившись заветного последнего места в цепочке.

— Если моя помощь понадобится, пригнись, — предложил я, — чтобы я мог дотянуться руками.

Еще кивок.

— Я скажу тебе, когда настанет время. И когда мы победим, пусти меня вперед, ибо я могу найти надежное убежище.

Стражник вернулся и вновь отошел.

— А вот твоя помощь мне понадобится, чтобы тащить цепь, — нехотя добавил я. Спутник, способный порвать цепь в одном месте, может порвать ее и в двух и бежать в одиночку.

— Каменоломня? — пробормотал он. — Они не отведут нас в город сегодня вечером.

— Отведут. Я точно знаю.

Щелканье бича и вопли с дальнего конца цепочки прервали наш разговор. Как раз вовремя, подумал я. Иначе Ториан вполне мог поинтересоваться, насколько хорошо я знаком с Занадоном.

3. БОЛЬШИЕ ВОРОТА

Мы начали восхождение по пандусу. Солдаты спешили и вели пони под уздцы — столь крут и долог подъем, что специальным распоряжением по армии все возвращающиеся в город всадники поднимаются только пешим ходом, дабы не перетрутить и без того усталых лошадей. У большинства офицеров хватает ума не противопоставлять себя подчиненным, игнорируя это распоряжение, однако капитан Публиан Фотий был исключением из этого правила.

В хвосте нашей процессии возникла громада Грамиана Фотия, и выражение его лица нельзя было назвать жизнерадостным. Если точнее, оно было просто злобным. Одной рукой он вел в поводу пони, в другой держал кнут из плетеной бычьей кожи.

Некоторое время он шагал рядом с Торианом, разглядывая его так, как разглядывает силач достойного соперника, ибо статью они не уступали друг другу. Несмотря на очевидное тактическое превосходство соперника, Ториан отвечал ему столь же пристальным взглядом.

Первым заговорил воин.

— Эй, раб, хошь еще немного, а? — спросил он как о чем-то само собою разумеющемся. — Хошь, еще твою спину приукрашу?

— Нет.

— Чой-то я не расслышал. Повтори погромче.

— Пожалуйста, не порите меня больше, — буркнул Ториан.

Фотий разочарованно фыркнул и ненадолго задумался.

— Э, да у тебя рана, — заметил он в конце концов, указывая на полузаживший шрам, прочертивший торс его собеседника. — Где это тебя так, а, раб?

— В бою с форканским сбродом.

На это Фотий резонно заметил, что в будущем рабу Ториану не будет позволено сражаться ни с чем, кроме каменных блоков, каковые блоки и будут ему, рабу Ториану, несомненно, более подходящими соперниками.

Ториан признался в том, что он ни в коей мере не возражает целиком и полностью передать решение вопросов с форканцами в компетентные руки капрала Фотия и нимало не сомневается в том, что кровавые разрушители Дом-Уилта, разорители Форбина и насильники-осквернители Полрейна остановят свое стремительное наступление, откажутся от своих разрушительных планов и в ужасе обратятся в бегство тотчас же, как уразумеют, с каким противником им предстоит иметь дело. Рассудительным и, можно сказать, вежливым тоном он добавил также, что будет счастлив встретиться с уважаемым капралом в поединке один на один на любых достойных условиях, известных человеку или богу, и что ради такой возможности он готов даже дерьмо собачье выбирать из сточных канав. И еще, продолжал он, ему невдомек, с чего это капрал так обильно потеет в прохладный вечерний час, да еще и на обдуваемом ветрами холме.

Я сделал вывод, что в присутствии духа Ториану не откажешь.

Конечно, Фотий мог бы вполне резонно возразить на это, что последнее наблюдение Ториана лишено справедливости, ибо ему, капралу Фотию, приходится тащить за собой непослушного пони, да еще в густой толпе, будучи при этом в тяжелых доспехах из бронзы и толстой бычьей кожи, в то время как на рабе нет ничего, кроме бронзового ошейника и маленькой повязки, которую можно вообще не принимать в расчет. Однако он не возразил — ибо кому из нас не приходилось порой умолкать, не в силах найти достойного ответа, и находить его значительно позже, когда спор давно окончен, а возможность упущена безвозвратно?

Предшествовавший же этому замечанию вызов благодаря хитроумному построению фраз и вовсе избежал внимания капрала, который решил отстать от Ториана и поглотиться надо мной. Что до меня, я вполне мог понять его очевидное огорчение: разве можно получить истинное удовлетворение от бичевания закованного в цепи пленника? К тому же царившая на пандусе толчея не давала руке простора, необходимого для получения мало-мальски ощутимого результата.

В большинстве известных мне стран путешественникам полагается держаться одной стороны дороги — какой именно, решается постановлением городских властей. Однако на пандусе Больших Ворот Занадона Непобедимого, согласно местным законам, всем входящим предлагалось идти посередине, в то время как выходящим — спускаться по краям. Не знаю, что послужило причиной такого решения, зато я воочию убедился в том, что результатом его является полное смятение в тех случаях, когда движение по пандусу достигает своего предела — а именно это и имело место в тот вечер. Стоит добавить, что парапет пандуса невысок, а высота, с которой предстоит падать любому, кто с него сорвется, — значительна.

Капрал Фотий созерцал меня не без любопытства, ибо кто, как не я, был тем безумцем, что сам явился к его дяде Публиану и, можно сказать, сам напросился, чтобы его забрали в рабство. В отличие от остальных я не казался ни изможденным, ни забитым. Да что там! То, что я сумасшедший, он мог понять уже по моей улыбке.

— Рассказчик историй, значит, а? — хмыкнул он.

— Меняла историй, — вежливо поправил я его. — Я рассказываю вам, вы рассказываете мне. Честный обмен, никакого подвоха.

Лязгнув бронзой, капрал пожал плечами:

— Ну, валяй.

Некоторая заминка с началом рассказа произошла по причине спускавшегося нам навстречу верблюжьего каравана. Фотиев пони отреагировал на него так, как все пони

обыкновенно реагируют на верблюдов. Впрочем, капрал унял неразумное животное, врезав ему по загривку мощным кулаком. Пони пошатнулся, но не упал. Вслед за этим капрал приготовился слушать, и я наконец мог начинать.

— С тех пор, как я попал в Пряные Земли...

— Так ты, значит, не здешний?

— Нет, — признался я. — Я рожден на острове Вечнотуманном, далеко на севере. Мой отец был резчиком по кости, а мать — профессиональным борцом. Так вам рассказывать историю про Вечнотуманный или про Пряные Земли?

— Пряные Земли, ясное дело.

Мне было все равно.

— Ну что ж. С тех пор, как я попал в Пряные Земли, я часто слышал рассказы про озорного бога Наска.

— Чегой-то не слышал о таком.

— Он бог всех дверей и всех начал.

— А, так ты о Неске.

— Возможно, здесь он известен как Неск. Говорят, что он еще и бог юности, питающий особое пристрастие к девственницам. Множество преданий утверждает, что он знал в этом толк, чего в общем-то вполне можно ожидать от столь полного юных сил божества. Так вот, среди жителей Вейлмена бытует, например, предание о том, как Небо, Отец Богов, застал как-то Наска в водах реки Натипи в обществе смертных дев. Будучи несказанно огорчен недостойным поведением непутевого сына, Небо приказал ему совершить тяжкий труд за каждую девственницу, которую тот столь бесцеремонно лишил чести, дабы плоды этих трудов вечно напоминали смертным о его грехе.

— А что он делал с этими девственницами?

Я вздохнул.

— О подробностях история умалчивает, но мне кажется, он делал с ними в точности то, что вы, капрал, делали бы, оказавшись в обществе столь прелестных созданий в уединенном местечке. Так вот, работа, которую пришлось выполнять Наску, состояла в сооружении монументов столь

величественных, что ни один смертный не смог бы повторить такого.

— А сколько девственников? — перебил он меня с неподдельным интересом.

— Воистину ваша проникательность, капрал, достойна восхищения, ибо вопрос ваш затрагивает самую суть тайны! Ведь зная, сколько монументов оставил на земле бог, мы узнаем и сколько дев он использовал без зазрения совести. Общее же число различные рассказчики оценивают по-разному. Впрочем, все сходится на том, что гранитный пандус Занадона, поднимающийся на столь головокружительную высоту, должен заслуженно расцениваться как первое из всех удивительных творений бога. Надеюсь, вы не будете с этим спорить?

Грамиан Фотий обдумал этот вопрос, наморщив лоб под тяжелым шлемом в явственном мысленном усилии. Однако прежде, чем он успел ответить, процессия остановилась, уперевшись в пробку у самых городских ворот. Злобно бормоча что-то, он протиснулся вперед посмотреть, из-за чего возникла заминка.

Поэтому я так и не узнал его мнения на этот счет.

Избавившись от необходимости развлекать капрала, я с облегчением уложил давившую мне на плечи цепь на землю. Лишь после этого, разминая затекшие плечи и потирая царапины, смог я по достоинству оценить чудеса, открывшиеся моему взору.

Воистину никакими словами невозможно описать Большие Ворота Занадона Непобедимого.

Сами ворота крепки и мощны — в толщину каждая створка достигает человеческого роста — и сколочены из могучих дубов Гилийского леса, окованных бронзой. Лебедки, открывающие и закрывающие ворота, приводят в движение упряжки сильных волов, отчего процесс этот занимает довольно много времени. Но так долгов подъем с равнины и так высоки сторожевые башни, что ни один захватчик не в силах поспеть к воротам так быстро, чтобы помешать им затвориться.

Не мудрено, что ворота часто называют вторым из чудес Наска.

А гранитные стены, окружающие город, заслуженно считаются третьим. Насколько хватало глаз, тянулись они в обе стороны от ворот, словно продолжение отвесных склонов. По моему, за свою жизнь я повидал больше городских стен, чем многие другие, но нет таких, чтобы могли сравниться с окружающими Занадон. Зачем городским властям вздумалось наращивать стены еще выше — на этот вопрос не нашел бы ответа и бог.

И все же я — равно как и большинство попадающих в город — склоняюсь к мнению, что еще большим чудом можно считать две фигуры, стоящие по сторонам от ворот. Я никогда не видел их в своих снах. Высеченные из того же темно-бурого камня, что и стены, статуи казались живыми. Глаза из слоновой кости и черного янтаря усилиями древних мастеров смотрели так пристально и пронзительно, что ни один из входящих в город не мог избежать их устрашающего взгляда. Они следили за каждым путником с того самого мгновения, как он ставил ногу на основание пандуса. Ни один смертный не мог попасть в Занадон, не замеченный его богами.

Слева стояла святая Майана, справа — Балор Бессмертный. Вечные любовники, родители и хранители Занадона, дети-близнецы Отца-Неба и Матери-Земли.

Майана увенчана серебряным полумесяцем, одни рога которого в четыре раза превышают человеческий рост. Сосцы ее — огромные драгоценные рубины, волосы на голове ее убраны алмазами, низ живота — сапфирами. Балор Бессмертный выше даже Майаны. Меч его и броня из чистого золота, борода — из темного железа.

Мои восторги были прерваны проходящим мулом, сделавшим попытку укусить меня за колено. Я поспешно отпрянул и чуть было не упал, дернув цепь, связывавшую меня с Торианом. Гигант поперхнулся и что-то злобно пробормотал.

Я извинился и дал мулу хорошего пинка по задней части тела. Мул вскинулся и полетел вниз по пандусу, чудом избе-

жав столкновения с двумя жрецами в желтом и тяжело груженным носильщиком. А потом толпа скрыла от меня их всех.

Точно так же скрыла она от нас и конвоиров, так что мы без помех могли разговаривать.

— Сдается мне, — заметил я, — что форканцам нет особой нужды захватывать Занадон. Если им и не удастся проникнуть в город, ничто не мешает им ободрать эти два изваяния. Тут столько ценностей, сколько им не собрать, разграбив все города Пряных Земель.

Ториан усмехнулся в спутавшуюся бороду, и в его угольно-черных глазах вспыхнул хитрый огонек.

— Тогда ты, быть может, не слышал, что приключилось с Сусианом, о Меняла Историй?

Я признался, что слышал о нем как о великом царе Феребианском, а также смутно помню что-то про его зверства и завоевания, однако понятия не имею о том, какое отношение он имел к Занадону Непобедимому.

— Так слушай же, — сказал великан, — ибо на том самом месте, где ты сейчас стоишь, Сусиан и встретил свою судьбу — кару, которую он, несомненно, заслужил всеми своими зверствами. Покорив все народы от хребта Культиар и до самого моря, от Форбина и до Соанских окраин, Сусиан Феребианский явился в расцвете своего могущества помериться силой с Занадоном, и потемнела земля от его полчищ.

— От настоящих полчищ земля всегда темнеет, — заметил я.

— Ну, значит, потемнела сильнее обычного, — настаивал Ториан. — Разумеется, ворота захлопнулись у него перед носом. Он трижды обошел вокруг города, обещая сохранить жизнь всем, кто сдастся на его милость, а жрецы кидали в него со стен кошками.

— Почему кошками?

— Не знаю, этого не говорится. Наверное, по наитию.

— Несомненно, — согласился я и извинился за то, что перебиваю.

— Тогда Сусиан, думая в точности так же, как ты, что ободра́ть охраняющих город бога с богиней будет вполне достаточно, чтобы окупить расходы на военную экспедицию, начал сооружать леса. По обе стороны от пандуса, я полагаю.

— Серьезный замысел, — признал я. — Ведь до божественных ног еще сотня локтей отвесной скалы.

— Вот именно. И горожане безжалостно забрасывали его камнями, нанеся серьезный урон строителям и еще больший урон — их воинскому духу. И тем самым расстроили его планы.

— Твоему рассказу недостает художественного завершения. И что же, могущественный Сусиан просто так взял и ушел, махнув на все рукой?

Ториан обеими руками раздвинул гриву волос, падавшую ему на лицо.

— Вовсе нет. Он соорудил таран невиданной длины, собираясь обрушить на ворота, которые ты лицезреешь ныне, всю мощь своей армии. И столь многочисленны были его легионы, что, взявшись за таран, они заполнили весь пандус от самого основания и до места, где мы сейчас стоим.

— Ага! Вся эта история начинает пахнуть неотвратимой катастрофой.

— Совершенно верно. Прежде чем они успели протаранить ворота, створки распахнулись, и на них обрушилось все Занадонское войско с самим Балором во главе.

— И кровь лилась рекой?

— И кровь лилась рекой.

— И они бежали как последние трусы?

— Не совсем. Сусиан, разумеется, был сражен самим Балором.

— Разумеется. Но кто-то ведь должен был спастись? Пандус не так уж широк, значит, те, кто стоял внизу, вполне могли бежать.

— В том-то и дело, что погибли все до одного! Не спорю, Балор и его войско уничтожили лишь авангард, но поток крови был столь силен, что утопил арьергард и смыл его в

Йолипи! Так что не осталось ни одного уцелевшего, чтобы домой, в Фереби, принести эту историю.

— Ну что ж, удачно, — признал я. — Воистину эпическое видение событий. Благодарю тебя, Ториан.

— Всегда к твоим услугам. Однако позволь заметить, что наша стража далеко и не смотрит на нас, а я вполне созрел, чтобы испытать крепость моих рук на этих мерзких путах и оковах. Есть тут одно звено, на вид послабее соседних.

— Да обуздает твое терпение бурлящую в тебе силу, — сказал я. — Здесь нам негде укрыться. — Я обвел рукой заполненный беженцами, мулами и верблюдами пандус. — Допустим, два беглеца могли бы затеряться в этой каше, но нам нужно укрытие и защита. Форканцы на подходе, так что нам нужно попасть в город.

— Другой возможности может и не представиться, — нахмурился великан, бросив на меня подозрительный взгляд.

— Представится, — заверил я его. — Разве не говорил я тебе раньше, что они доставят нас к воротам, а не в какую-нибудь отдаленную каменоломню? Доверься мне. А главное — доверься богам! Сегодня мы с тобой будем спать на свободе и в Занадоне Непобедимом, обещаю тебе.

Ториан пристально посмотрел на меня и пожал своими мощными плечами.

— Ты так веришь в силу молитвы?

— Я никогда не молюсь, — с негодованием возразил я. — Нет на свете худшего заблуждения. А теперь — цыц, ибо сдается мне, наши пленители возвращаются.

У меня не было причины говорить так; я хотел лишь получше изучить обстановку, ибо она заслуживала внимания. Я предался созерцанию. Одна створка ворот закрыта, проход бурлит визжащей, дерущейся толпой.

Солдаты в бронзовых доспехах, сияющих в лучах заката кроваво-красным блеском. Они протягивают руки в мольбе, выкликая свои подвиги и названия битв, в которых участвовали...

Толстые купцы в разноцветных хитонах возмущенно кричат, что их грамоты в полном порядке и нет никаких оснований изгонять их из города...

Уверенные смуглые горожане, невозмутимо предъявляющие свои бумаги и пропускаемые в обе стороны с поклоном...

Вьючные животные, повозки, рабы, несущие паланкины...

Посол со своею свитой в золотых одеждах, пунцовые от оскорбления, нанесенного их августейшему монарху в их лице. Их бесцеремонно заворачивают от ворот...

Благородные дамы в шелках и драгоценностях, готовые продать свое тело каждому, кто предоставит им кров в городе...

Богатеи, со слезами на глазах предлагающие последнее...

Форканцы наступали.

Я вздохнул. Сколько замечательных историй я мог услышать! Надо же, какая ирония судьбы: когда весь этот хаос утихнет, нас — четырнадцать полуголых мужчин в цепях — запустят туда, куда так рвутся эти несчастные. Запустят, конечно, только на время — пока мы не закончим работу или работа не прикончит нас. Я с трудом сдержал улыбку. Я вообще склонен к иронии.

Далеко внизу погружалась в темноту равнина. Тут и там, повсюду, насколько хватало глаз, вспыхивали огоньки костров — это стояли лагерями беженцы побогаче: царьки, бросившие свои города на растерзание, побитые генералы с остатками своего войска, изгнанные со своих земель племена горцев. Все они пришли изъявить преданность Занадону Непобедимому, заплатив за убежище кровью и мускулами молодых мужчин. Ничего, эти молодые мужчины еще предпочтут попасть в город хоть рабами — также на время, — пока их вожди голодают вне городских стен. Их косточки обгложут форканцы. А может, и сами занадонцы. Все зависит от времени, решил я.

О, истории, собранные на равнине! Десять тысяч жизнеописаний... любовь и смерть, насилие и жертвенность, ненависть и дружба. Сумей я растянуть один вечер на целую жизнь — и то не успел бы собрать их все. Но даже от той малости, которую я мог бы выслушать, мне пришлось отказаться ради того, что ждало меня внутри стен Занадона Непобедимого.

Край солнца коснулся горизонта, шелкнул кнут, и нас погнали через ворота в город.

4. ПОБЕГ

Вид, который открывается страннику, вступающему в древний Занадон, был воспет бесчисленными поэтами с тех самых времен, когда зародился туризм. Увы, мне не посчастливилось: все, что видел я, входя в город, — это широкую спину Ториана.

Впрочем, я не унывал, ибо считаю уныние одним из худших грехов. Я шагал, стараясь не думать о голоде и усталости и делая все возможное, чтобы забыть про тяжелые цепи. Честно говоря, я рад был ускользнуть от пронизывающих взглядов богов, охраняющих город, — очень уж угнетала меня их подозрительность.

Но я хотел увидеть город.

Наше продвижение было медленным; то и дело мы вообще останавливались. Тогда я приподнимался на цыпочки и пытался бросить взгляд через плечо Ториана на легендарные красоты великолепнейшего города. Я видел их сквозь лес похожих на горшки шапок, но все же видел.

— Что ж, впечатляет, — пробормотал Ториан. — Как правило, я не одобряю показной роскоши, но тут избыток роскоши даже вульгарность превращает в произведение искусства.

— Говорят, что точное количество башен неизвестно до сих пор, а куполам нет числа, — заметил я.

— Но у них всего один храм. Негусто, я бы сказал.

— Возможно, следствие узколобости.

— Я удержусь от дальнейших сравнений.

Я рассказал ему, как поэт Фимлу, воспевая красоту нового царского дворца в Ургалоне, охарактеризовал его как «достойный зваться трущобой в Занадоне», и царь вознаградил его лесть золотом.

Ториан покрутил головой в тесном бронзовом ошейнике и бросил на меня скептический взгляд.

— Монархи редко способны оценить подобную тонкость метафор.

— Расплавленным золотом, — признался я. — Он залил его Фимлу в глотку. Однако все описания сходятся на том, что этой улице нет равных.

Большой Проспект, о котором я говорил, вымощен белым мрамором и достаточно широк, чтобы по нему прошло войско по пятьдесят молодцев в ряд. Особняки и дворцы, фонтаны и статуи, тенистые деревья, которых хватило бы на небольшие джунгли. Если смотреть от городских ворот, он сужается, как наконечник стрелы, упираясь в ступени храма, стоящего на противоположном конце города, на самой высокой точке горы.

Сам по себе зиккурат, несомненно, величественное сооружение, увенчанное Обителью Богини, хотя все, что я мог разглядеть от ворот, — это блик на ее золотом куполе. И все же пирамида как-то теряется рядом со статуями, стоящими от нее по обе стороны, Майаной и Балором. Собственно, чертами они мало отличаются от изваяний, охраняющих вход, но гораздо выше и крупнее их. Орлы, кружащие в небе у их голов, кажутся малыми воробьями, и от глаз их трудно укрыться, где бы ты ни был в городе.

Итак, я снова оказался под пристальными взглядами богов-близнецов. Они наверняка видели, как я выглядываю из-за плеча Ториана, и я понял, что их неприветливость действует мне на нервы.

— Воистину, — пробормотал я, — нет города по Эту Страну Радуги, который охранялся бы богами лучше, чем Западон Непобедимый.

— Звучит как молитва, — заметил Ториан.

— Вовсе нет. Простая констатация факта.

На этом наш разговор оборвался, ибо цепи дернули нас вперед. Насколько хватало глаз, Большой Проспект был забит народом — горожанами и солдатами. Рабы с факелами протискивались через толпу, прокладывая дорогу своим господам. Запахи людей и животных смешались с ароматами готовящейся пищи. Направлявшиеся в город телеги с провиантом с трудом разъезжались с порожними, спешащими из города: пони, мулы и верблюды ржали и вопили, и все,

казалось, размахивают кнутами, извергают проклятия и выкрикивают команды. Рыдающих богатеев, которым все-таки удалось купить себе право войти в город, методично раздевали, превращая их в толпу нищих, которых можно будет с рассветом изгнать из городских пределов, как того требует закон. Благородных дам разводили по работам, на которые они согласились.

Процессия снова застопорилась, и я вновь привстал на цыпочки. Майана и Балор все стояли над городом, красные в лучах заката — словно их прогневило зрелище столь невероятного столпотворения. И опять они смотрели прямо на меня.

Все это время капитан Фотий и его воины пытались проложить нам дорогу сквозь толпу. Они устали, им не терпелось закончить дело и разойтись по домам. Они толкались, и пинались, и выкрикивали охрипшими голосами ругательства, но так ужасна была толчея, что все их усилия пропадали почти что даром, а небо мало-помалу темнело, отчего дымные факелы, казалось, горели все ярче.

И тут-то наконец представился давно ожидаемый случай. Но не будь я наготове, меня бы наверняка убило. На одной из телег лопнула бечева, крепившая большие бочки с вином, и те с грохотом покатались в разные стороны. Лошади, впряженные в следующую телегу, вскинулись и понесли.

— Давай! — крикнул я и бросился на спину Ториану, обеими руками схватившись за цепь между нами. Ториан схватился за цепь перед собой, намереваясь порвать ее, но не успел. Обезумевшие лошади как лемехом прошлись по толпе и врезались прямо в цепочку скованных рабов.

Остальные двенадцать рабов погибли мгновенно — им просто сломало шеи. Многим стражникам и случайным прохожим повезло гораздо меньше. Меня протащило цепью и швырнуло прямо в толпу уличных фокусников и акробатов, изгоняемых из города как недостойных. Я думал, что бронзовые оковы раздавят меня, но они лишь послужили защитой, когда меня волокло через эту бойню.

Когда я наконец остановился, я лежал под телегой, прижимаясь носом к заднему колесу, едва не переехавшему мне шею.

По неопишуемому шуму я заключил, что жив, и позволил своим рукам ослабить мертвую хватку на цепи. Повернув голову, я увидел знакомую спину Ториана, хоть и в непривычном ракурсе. Спина шевельнулась, напряглась и произнесла громкое «Ха!».

Освободившись от лежавшего перед ним трупа, Ториан перекатился на бок. Его борода и волосы были забрызганы кровью.

— Ты расточительно используешь свои силы, Чародей! — сердито сказал он.

Я ухитрился издать в ответ несколько неразборчивых звуков.

— Может ли твое волшебство разорвать эти оковы? — поинтересовался Ториан.

Я отрицательно мотнул головой, облизнул губы и почувствовал вкус крови, хотя, возможно, и не моей.

Ториан намотал цепь на кулаки. Мышцы его мощных рук вздулись как дыни, а на лбу выступили жилы. Я присоединился к нему, и мы стали тянуть вдвоем. Цепь натянулась, но не рвалась. Мы сдались и некоторое время сидели, жадно глотая воздух.

— Жаль, — вздохнул великан. — А мне казалось, было там одно слабое звено. Так или иначе, я в настроении совершить небольшую прогулку по местным достопримечательностям, памятникам истории и культуры и в этой связи предлагаю тебе отправиться вместе со мной — и с этой цепью, — дабы расширить кругозор, созерцая столь великолепные объекты.

Я не стал возражать.

Мы выбрались из-под телеги и не без труда поднялись на ноги. Зеваки устремились помогать раненым, не забывая при этом обмениваться живописными подробностями собственного чудесного спасения; им приходилось очень стараться, чтобы перекричать вопли и стоны. Пламя факелов металось на ветру. В общем, мы, два раба, были во всей этой сумятице почти незаметны.

— Тяжело! — прохрипел я, указывая на цепь, по-прежнему висевшую у меня на шее. Даже с раненой ногой Тори-

ан наверняка справился бы с дополнительной ношей лучше, чем я.

— Извини за бесцеремонность, — сказал гигант и схватил меня в охапку. — Изображай тяжелораненого — если сможешь, конечно.

— Попробую, — простонал я.

С воплями «Врача! Врача!» устремился Ториан сквозь толпу, используя меня в качестве тарана. Мы уже почти выбрались из толчеи, когда столкнулись лицом к лицу с капитаном Грамианом Фотием.

Судя по его виду, наши имена могли и вылететь у него из головы, но лица тем не менее показались знакомыми. Он сказал «Эй!», потом «У?» и, громяхая броней, рухнул под ударом Торианова кулака. Ториан наступил ему на лицо и продолжал бежать. Где-то за спиной слышались крики. Встречные пешеходы спешили убраться с нашего пути, и мы нырнули в темный переулок.

Хромая сильнее обычного, Ториан все-таки прибавил ходу. Мы свернули за угол и оказались в еще более узком переулке, по обе стороны которого тянулись высокие глухие стены, а крышей служило вечернее небо. Переулок показался мне знакомым.

— Погоди здесь, — сказал я.

Ториан остановился и, тяжело дыша, опустил меня на землю.

— Снова волшебство?

— Никакого волшебства. — Я стащил с плеч несколько локтей цепи. — Видишь шипы — вон над теми воротами?

— Весьма прискорбное проявление негостеприимства, — кивнул великан, принимая у меня цепь. Насколько это было возможно в темноте, он прицелился, сделал несколько взмахов цепью и метнул. Цепь с легким звоном перемахнула через ворота, едва не оторвав мне голову, и конец ее упал за ограду.

— Ух! — только и сказал я, приподнимаясь на цыпочки, чтобы вздохнуть.

Ториан подергал цепь.

— Кажется, зацепилась за один из шипов, — покорно сказал он. — Правда, никакого волшебства?

— Ты бы оставил небольшой запас с этой стороны, — прохрипел я.

— В следующий раз буду иметь в виду. — Здоровяк сложил руки в замок и подсадил меня не слишком высоко, поскольку цепь между нашими ошейниками была длиной в локоть. Я оперся коленом о его плечо и балансировал так, пока не нашел пустой ошейник, послуживший отличной опорой для ноги.

Ториан обошелся без этого. Используя цепь как канат, он подтягивался на руках, отталкиваясь ногами от деревянных досок ворот. Что до меня, я предпочел использовать ошейники в качестве ступенек. Вся эта процедура вышла чрезмерно шумной и неудобной, ибо соединявший нас отрезок цепи изрядно ограничивал свободу действий. Цепь колотила по воротам, ворота стучали петлями и гремели замком, я колотился о них всеми частями тела, а Ториан сыпал замысловатыми ругательствами. Странно, что на этот шум не сбежалось полгорода. Я изо всех сил старался не думать о том, что случится с моей шеей, если я упаду. Особенно если великан упадет вслед за мной.

Когда мы наконец добрались до верха ограды и заглянули во двор, мы были почти без сил. Клочок земли под нами явно служил кухонным двором какого-то большого особняка. Из окон струился опасно яркий свет, однако до сих пор ни одна душа не вышла посмотреть, что за шум такой у ворот.

Мой спутник тоже обратил внимание на странную тишину в доме.

— Даже собак — и то нет.

— Может, нам посчастливилось вломиться в приют для глухонемых? — предположил я.

Ториан начал осторожно перелезать через верх ограды, стараясь не задеть острые шипы. Случись ему упасть, и он своей тяжестью неминуемо увлек бы меня за собой, нанизав на острия. Впрочем, об этом я тоже старался не думать.

Когда он повис на руках, держась за край ограды, я последовал за ним, и мне посчастливилось благополучно мино-

вать шипы. Любой, проходивший по переулку, не мог бы не заметить двух явных взломщиков в лохмотьях, занимающихся акробатикой в ярком свете из окон особняка. Да и обитатели его наверняка бы заметили нас, хоть раз глянув в окно.

Удивительно только то, чего ты ожидаешь.

Так мы висели бок о бок, пока Ториан пытался освободить цепь, как назло застрявшую на шипе. Как раз когда я решил, что мои руки вот-вот соскользнут — кстати, все это время Ториан висел на одной руке, — он справился с трудностями, просто-напросто вырвав шип из дерева.

— На счет «три», — выдохнул он. — Раз... два... три!

Послышалось два шлепка и звон цепи. Минуту мы просто сидели рядом, задыхаясь и обливаясь потом.

Из-за забора слышались недовольные голоса и шлепанье сандалий по мостовой.

— Твое умение рассчитывать время выдает истинного профессионала, — заметил Ториан. — Должно быть, ты продельывал это сотни раз.

— Истинный художник никогда не повторяется, — с достоинством отвечал я. — Последователи Гасмарна Невообразимого избегают есть птицу. Твои религиозные воззрения не запрещают тебе этого?

— Скажи, не вызван ли твой интерес к моим религиозным воззрениям вон тем жареным гусем, что остывает на подоконнике?

Я кивнул и добавил, что, мне кажется, он сможет дотянуться до него.

— Уверен, что ты ошибаешься, однако давай попробуем.

Мы разом поднялись на ноги. Подобно сиамским близнецам, зашагали мы через двор. Ториан и впрямь не дотянулся до гуся, однако на сей раз я сцепил руки в замок, посадив его, — показать, что и я на что-то гожусь. С моей помощью ему удалось ухватить добычу, и он со звоном спрыгнул на землю.

— Ух ты! Горячий, гад!

— Не люблю, когда ворчат по поводу и без повода. Посмотрим лучше, что содержится в этой изящной амфоре.

Ворота, через которые мы перебрались, были достаточно широкими, чтобы в них могла проехать телега, а настил у дома, несомненно, предназначался для разгрузки. Там стояло несколько высоких глиняных сосудов с залитыми воском горлышками. Я глянул на печати.

— Не оливковое масло, это точно.

— Это радует.

— Похоже, вино. Послушай, твои религиозные убеж...

— Не бери в голову. Теперь найти бы еще укромное местечко, чтобы его распить. Как насчет убежища, Чародей?

Я огляделся. Здесь просто не могло не найтись какого-нибудь убежища. Выкрашенные в белый цвет сараи-кладовые были накрепко заперты. Вполне возможно, в них хранились не только съестные припасы, но и товары на продажу. Так или иначе, двери их были сооружены с целью не только противостоять грабителям, но и привлечь побольше внимания к попытке взлома.

Еще одна дверь вела в дом, да и в окна можно было бы залезть при желании — если бы мой друг отогнул прутья решетки. Я как раз обдумывал эту возможность, когда услышал за дверью приближающийся смех. Кто-то шел к выходу. Я знал, что где-то должно... Я повнимательнее пригляделся к настилу для разгрузки.

— Видишь эти ступени? — спросил я. — Отменно сделаны, правда? Крепкий камень, тщательно подогнанный, но уложенный всухую. Если ты хоть на секунду перестанешь чавкать, я не сомневаюсь, что ты смог бы приподнять верхнюю ступеньку за край.

Ториан бросил птицу и взялся за каменную плиту. Его мускулы напряглись, и камень неохотно, но поддался. Я подпер камень кувшином с вином, потом сунул в образовавшуюся щель цепь и вслед за этим забрался туда сам ногами вперед. Высота нашего убежища была недостаточной, чтобы стоять во весь рост, да и площадь невелика — под настил оно не заходило, ограничиваясь размером лестницы. И не важно, что вымощено оно было битым стеклом, — в ту минуту я даже этого не заметил. Ториан с гусем пролез вслед за

мной и приподнял камень плечом, чтобы я мог забрать амфору.

Плита с негромким скрежетом легла на место, и мы оказались в полной темноте.

Довольно долго единственными звуками в тесной каморке были чавканье и бульканье.

5. ИСТОРИЯ ОМАРА

— Не думаю, чтобы на этих костях что-то осталось, — заметил я. — Но может, ты хочешь обглодать еще?

— Еще бы! Я так просто не сдаюсь. Еще вина?

— Пожалуй, хватит. Неплохого урожая, но от него клонит в сон.

Послышался хруст костей.

— Ты обещал мне, — произнес Ториан с набитым ртом, — что мы уснем этой ночью в Занадоне вольными людьми. Не сочти меня неблагодарным, но я рассчитывал на помещение поуютнее.

— Это временно. Я выбрал его, исходя из принципов уединенности и тишины. Правда, должен признать, с вентиляцией здесь неважно.

— И моя левая коленка упирается в мое же правое ухо. И потом, давно усопшие мастера, соорудившие это место, — да упокоит Морфит их души! — похоже, использовали его для свалки обломков. Они исключительно больно ощущаются пятками, да и прочими частями тела тоже.

— Напротив, в этом его преимущество. Теперь, когда мы утолили голод, я предлагаю использовать эти обломки, чтобы перепилить наши цепи.

Ториан одобрительно фыркнул:

— Ослабь хоть одно звено, а уж с остальным я справлюсь. Вот только ошейники, черт, толстые.

— Боюсь, что так. — Я нашупал подходящий обломок и принялся за работу.

Дыра, в которой мы спрятались, и впрямь не отличалась особыми удобствами. В ней воняло вином, гусятиной и кровью, в которой мы оба измазались с головы до пят. Кроме того, даже не будь мой спутник таким гигантом, в ней все равно было бы тесно.

— Если ты вдруг ощутишь у себя на теле мои руки, друг Омар, не подумай ничего дурного. Я лишь пытаюсь нашить вторую твою цепь, чтобы помочь тебе.

— Доброта твоя превосходит все ожидания, — поспешно сказал я, — но мне кажется, лучше заниматься ими по очереди. В конце концов нам предстоит провести здесь не один час в ожидании, пока город утихнет, а у меня на шее и без того достаточно царапин и ссадин.

— Разумеется. Прости мою недогадливость.

Некоторое время он глодал кости, и хруст их не уступал в громкости скрежету камня по металлу.

— Твои способности приводят меня в изумление, о Меньяла Историй, — заговорил он наконец тем же извиняющимся тоном. — Ты не обидишься, если я задам тебе вопрос личного характера?

— Спрашивай, и я отвечу.

— Тогда поведай мне, как далеко простираются пределы твоего волшебства? Почему столь могущественный чародей предпочитает стирать пальцы в кровь, перепиливая цепь каменным обломком, словно дикарь из пустыни Хули? Зачем тебе было страдать от боли, жары и унижения в связке с рабами? Ответь же, ибо подобное противоречие сводит меня с ума.

— Клянусь честью и всем, что для меня свято, друг Ториан, но это истинная правда: я не чародей! И я не обладаю теми силами, что ты мне приписываешь.

— Ой ли? Ты продемонстрировал способность предсказывать будущее и умудрился посеять среди жителей этого великого города воистину дьявольский хаос. Твоими усилиями крошечное звено цепи с первой же попытки зацепилось

за острие на заборе — и не простое острие, ибо почти все шипы на этом заборе проржавели и едва держались. Редкие шипы заменены на новые, но именно на такой и упала цепь, как ты и говорил, обеспечив успех тобою же обещанного побега. Пища, и питье, и убежище — все ждало нас, и наш побег остался незамеченным по обе стороны ограды.

— Исключительно везение.

Ториан негромко зарычал — подобный звук издает очень, очень крупный хищник, пребывающий в сильном раздражении. Пожалуй, только в эту минуту до меня дошло, что мой спутник и впрямь не кто иной, как хищник немалых размеров, обладающий отменной способностью, чтобы не сказать — склонностью — к насилию. Будить в нем зверя было бы неразумно в любых обстоятельствах, а уж тем более делая с ним столь тесное пространство.

— Поверь мне, я не чародей и не провидец, — сказал я. — Я верю богам, вот и все.

— И отказываешься молиться? Сам ведь сказал.

— Молиться? Молитва — это жалоба, или попрошайничанье, или бестолковое хныканье. Я не утомляю богов, рассказывая им то, что им известно и без меня. Тем более не испрашиваю у них совета. Я принимаю все, что бы они мне ни ниспослали, будь то радость или страдание.

Я молча продолжал царапать металл, время от времени высекая случайный сноп искр. Великан, судя по всему, обдумывал мои слова — это явственно отображалось на его суровом лице.

— И ты не благодаришь богов за их милость?

— Если и благодарю, когда моя жизнь приятна, можешь не сомневаться: точно так же проклиная их, когда болен, ранен, голоден или жажду обладать женщиной. Или оплакиваю ушедшего друга, — добавил я, вспомнив темноглазую Иллину.

— И ты никогда не ищешь их помощи в беде? Боюсь, когда-нибудь они могут испытать твою выносливость.

— Они уже делали это раз или два, — ответил я. — Я переносил невзгоды безропотно. Они знают, что создали меня смерт-

ным и хрупким. Когда-нибудь они убьют меня. Никто не может избежать смерти. Впрочем, я и жизнь принимаю — принимаю такой, какая она есть.

— Значит, ты просто игнорируешь богов, навлекая на себя их гнев?

— Вовсе нет! Я всегда стараюсь развлекать их. — Я усмехнулся. — Друг Ториан, — я горд тем, что могу назвать тебя так, — ты одарил меня историей Сусиана Феребианского, и я теперь на одну историю богаче. Хочешь, я верну тебе долг, поведав мою собственную историю?

— Я весь внимание.

— Отлично. — Мгновение я собирался с мыслями. Мне и раньше приходилось рассказывать в полной темноте — собственно, в разное время мне приходилось делать почти все, что только можно делать, — но при этом ты всегда ощущаешь себя несколько странно. Невозможно рассказать одну историю дважды одними словами. Рассказ должен кроиться по слушателю, как перчатка — по руке, а в темноте как увидишь реакцию слушателя.

И еще: я до сих пор не раскусил до конца этого великана. На первый взгляд он казался грубоватым увальнем, хотя отчасти это объяснялось его неухоженной внешностью и теми условиями, в которых я с ним познакомился. Он мог быть осторожен в движениях и изящен в речах. Он утверждал, что сражался с форканцами, а ведь мало кто выжил, чтобы хвастаться этим. Рана, изуродовавшая его торс, могла его запросто прикончить. Словом, любопытный экземпляр.

— Родился я, — начал я свой рассказ, — лет сорок назад, в большом приморском городе Куарите, на Павлиньем побережье Лейлана. Он расположен далеко отсюда, на востоке, за бурными морями, хотя тебе, быть может, доводилось слышать о знаменитых фарфоровых чашах для омовения пальцев или даже о Куаритской Терке — забавном приспособлении для казни преступных элементов. Мои родители держали постоянный двор, «Кованую лилию», недалеко от гавани. Это были трудолюбивые и честные люди.

— Честные???

— Ну, относительно. Разумеется, они могли оказать какому-нибудь одинокому путнику услуги, о которых он и не просил, но они всегда старались соблюдать меру и, уж во всяком случае, следили за тем, чтобы останки были преданы земле со всеми почестями. Как часто говаривал мой батюшка, слишком строго следуя закону, нормальный труженик никогда не сможет платить налоги — и в этом он, несомненно, был прав. При всем при том они всегда считали, что качество обслуживания и умеренные цены — верный путь к успеху в делах.

Как я уже говорил, их заведение было расположено недалеко от гавани, так что пользовалось заслуженной популярностью у моряков и торговцев экзотическим товаром. Мои самые ранние воспоминания о том, как я ползаю под столами в поисках потерянных монет и подлизываю пролитое пиво.

— Наверное, это было для тебя счастливое время.

— Конечно, счастливое. Но с еще большим удовольствием вспоминаю я отрочество, когда я часами слушал рассказы моряков о дальних странах и сказочных городах. Именно тогда, как губка впитывая в себя истории о людях и богах, неведомых в Лейлане, я на всю жизнь приобрел интерес к анекдоту как форме искусства.

— Можно сказать, в этом искусстве ты преуспел.

— Ты переоцениваешь мои способности. Все же через некоторое время я составил себе небольшой репертуар из матросских баек и начал рассказывать их сам, развлекая клиентов и совершенствуя стиль изложения. Должен признаться, в своей отроческой невинности я порой грешил, преувеличивая отдельные детали, однако могу с гордостью сказать, что я вырос из этого и научился никогда не отклоняться от истины.

Я забыл упомянуть, что был единственным сыном в семье. Боги даровали моим родителям еще трех пригожих дочерей, старше меня годами, и в самые хлопотные дни я занимал клиентов рассказами, пока те ждали моих сестер. Это благоприятно сказывалось на делах, так что семья поощряла мои опыты.

— Они, должно быть, очень гордились тобой, — заметил Ториан. — Тебе не кажется, что это звено цепи достаточно ослабло, чтобы я попробовал разорвать ее?

— Если тебе удастся это сделать, не вышибив мне мозги, я буду рад еще раз извлечь пользу из твоей необычайной силы.

Ториан ухватил ошейник одной огромной ручищей, цепь — другой и резким рывком оторвал их друг от друга.

— Премного благодарен, — хрипло произнес я, потирая горло.

— Рад помочь. Теперь позволь мне освободить тебя от второго конца, пока ты продолжаешь свое эпическое повествование. — Он отобрал у меня острый камень и принялся пилить другое звено.

— Увы, рассказывать осталось не так уж много. Дела пошли хуже, и доходы упали — возможно, моя мать была несколько легкомысленна. Одного необычно богато одетого постояльца выследили его наследники — путь его лежал до «Кованой лилии» и там обрывался. Эти злонамеренные особы начали распространять отвратительные слухи и в конце концов учинили погром. В ту ночь — точнее, дело было ближе к утру — я вернулся из гостей и застал постоянный двор в огне, а моих родителей висящими бок о бок на вывеске над дверью.

Это, конечно, было ужасным потрясением для чувствительного паренька пятнадцати лет. Прискорбный конец для неплохого семейного бизнеса. Я так и не узнал, что случилось дальше с моими сестрами, но мне рассказывали потом, что они остались живы, так что я уверен — с их внешностью и деловой хваткой они нашли свое место в жизни. Их навыки высоко ценились у морского братства, хотя, разумеется, сам я не имел возможности это проверить.

Вот так я остался сиротой без гроша в кармане, без ремесла и особых талантов, если не считать некоторой гибкости языка. Не сочти за хвастовство, ибо я гляжу на свои детство и юность с высоты прожитых лет, стараясь быть беспристрастным.

— Не сомневаюсь, что твоя оценка юношеских задатков подтверждается плодами, вызревшими в твои зрелые годы, — вежливо заметил Ториан.

Я искренне поблагодарил его.

— Разумеется, моя непутевая голова полна была мечтами о любви, героических подвигах и славе. Я ничего не мог больше сделать ни для моих несчастных родителей, ни для сестер, поэтому я просто улизнул и нанялся матросом на купеческий корабль «Душистая фиалка», ходивший к Киноварным островам.

Я пошарил рукой в поисках кувшина с вином. Промочив пересохшее горло, я продолжал свой рассказ:

— Каждый из нас, сдается мне, рано или поздно прощается с юношескими иллюзиями и встречается с суровой прозой взрослой жизни. Что до меня, я обнаружил, что матросская жизнь лишена той романтики и тех приключений, которых я от нее ждал. Вместо этого я столкнулся лишь с монотонностью, лишениями и изнурительной работой. Ослепительно красивых городов с башнями было так же мало, как крепкогрудых дев, что шепчут слова любви, сбрасывая с себя шелка и драгоценности. Платою же за труд мне были плохая еда и тухлая вода.

Да, конечно, были еще необычайные морские чудища и несколько стычек с пиратами, в которых я показал себя, кажется, не так уж плохо. Да и очаровательные красотки все-таки иногда встречались. Однако рассказы об этих исключительных событиях могут дать несколько превратное представление о тех нескольких неделях, что я провел на борту.

Когда «Душистая фиалка» разбилась в шторм о скалы Даунтлесса — потеряв при этом, боюсь, большую часть экипажа, хоть мне и удалось спасти несколько человек, — я воспользовался этой возможностью, чтобы заняться другим ремеслом, и в конце концов остановил свой выбор на профессии рассказчика.

— Весьма разумный выбор, — заметил Ториан.

— Впрочем, одну вещь я усвоил уже тогда. Все эти моряцкие истории, что я слышал в детстве, были, конечно,

достаточно увлекательными, и никто не ставил под сомнение описываемые в них события, но я заметил, что эти истории повторяются от раза к разу, в то время как сами события произошли только раз. Можно иметь в запасе сотню разных историй, но девяносто девять из них ты будешь знать понаслышке и только одну переживешь сам. Осознание этого стало для меня потрясающим открытием!

Короче говоря, рассказы — жалкое подобие реальности. Увидев это, я пришел к заключению, ставшему с тех пор путеводной звездой моей жизни.

— Кажется, и эту цепь уже можно рвать, — сказал Ториан. — Ну, может, еще немного.

— В любой момент, когда ты будешь готов. Так вот, мой основной принцип, мое кредо, если хочешь, заключается вот в чем: рассказы — развлечение для смертных, но события — развлечение для богов.

— Теперь, когда ты сказал, это представляется само собой очевидным, но я не помню, чтобы раньше кто-то приходил к такой мысли.

— Я тоже. Но я увидел, что подлинное призвание менялы историй в том, чтобы видеть исторические события своими глазами — дабы искусство рассказчика соединялось с неопровержимостью истины. Я решил, что должен идти туда, куда направят меня боги, и видеть то, что боги позволят мне видеть. Они знают, что я — достойный доверия свидетель. Я не надоедаю им ни мольбами, ни жалобами, ни пререканиями. Я равно спокойно принимаю лишения и роскошь, не позволяя ни тому, ни другому заставить меня свернуть с пути.

И за это, — закончил я, — боги часто позволяют мне присутствовать при важных событиях. Порой они немного облегчают мою задачу, помогая мне последовательностью незначительных событий, — ты и сам видел это сегодня вечером. В конце концов то, что тебе представляется чудом, для них так, пустяк. Цепь, которую ты так ловко перебросил через забор, все равно должна была на что-то упасть. Так почему не на шип?

— В общем, все складывается из мелочей?

— Весь мир состоит из песчинок. Кто, кроме богов, способен сосчитать их или повелевать их движением? Богам почти ничего не стоит поддерживать мое существование.

— Просто как наблюдателя?

— А в дальнейшем — надеюсь — и как рассказчика. О, порой они даже позволяют мне непосредственно участвовать в событиях, ибо знают: я буду сотрудничать с ними безропотно.

— Готово! — Ториан разорвал цепь, ухитрившись при этом не посадить мне на шею ни одного нового синяка. — Твое повествование тронуло меня до слез.

6. ИСТОРИЯ ТОРИАНА

— Твоя похвала — большая честь для меня, — сказал я, протягивая руку к бутылке.

— Есть, правда, в твоём рассказе несколько моментов, которые мне хотелось бы прояснить. Ты не сочтешь это праздным любопытством?

— Ни в коей мере. Я с радостью объясню все, что ты пожелаешь.

— В самом начале ты вскользь упомянул, что тебе около сорока лет. Не знаю, как сейчас, но в последний раз, когда я на тебя смотрел, тебе вряд ли можно было дать и половину.

— Ты мне льстишь, — осторожно ответил я. — Впрочем, возможно, я переоценил следы, которые невзгоды оставили на моей внешности.

— Похоже на то. И еще одно тревожит меня: эта воистину завораживающая история плохо согласуется с тем, что ты наговорил капралу Фотию у городских ворот.

— А я и не знал, что ты слышал. Все очень просто: угощать подобного ублюдка чем-нибудь, хоть отдаленно похожим на правду, недостойно моей профессии.

— Не могу не согласиться, — сказал Ториан, вслед за чем послышался еще один радующий слух булькающий звук. — А! Славное вино... я хочу сказать, хорошего урожая. Да, за последние три дня я изрядно натерпелся от капрала Фотия. Однако скажу положа руку на сердце: несмотря на рану, что до сих пор терзает меня, я с радостью встретился бы с ним один на один в честном поединке.

— Воистину это было бы захватывающее зрелище, — заметил я, пытаясь представить себе всю его художественную прелесть. — Действие, драматизм, равновесие... напряженное спокойствие или открытый накал страстей? Это должен быть бой не на жизнь, а на смерть!

— Да, я с радостью приму любой исход.

— Тогда желаю удачи. Это как раз из тех развлечений, что боги находят наиболее захватывающими. При том, что — как я уже говорил — я избегаю докучать богам своими советами, я считаю вполне вероятным, что они устроят тебе такую встречу.

— Твои слова греют мне душу! Опять же мне будет чем занять мысли в часы досуга, мечтая, в какую грудку мясной нарезки я превращу этого презренного негодяя. — Великан зловеще усмехнулся. — А теперь, — добавил он, — не готовы ли мы покинуть сие тесное помещение?

— Боюсь, пока нет. Если мы хотим разгуливать в бронзовых ошейниках, лучше подождать, пока улицы опустеют окончательно. По меньшей мере до полуночи.

Он тихонько застонал и пошевелился, пытаясь разместить затекшие члены.

— Нам далеко еще идти?

Я признался, что не имею ни малейшего представления.

— Когда мы говорили с тобой в первый раз, — сказал он, помолчав немного, — ты утверждал, что знаешь в городе надежное убежище. Я и так благодарен тебе, о Меняла Историй, больше, чем можно выразить словами, и если твои друзья окажут помощь и мне, я...

— У меня нет друзей в этом городе, — перебил я. — Пока нет. Я не говорил, что знаю надежное убежище. Я сказал, что приведу тебя туда. И привел — сюда. Впрочем, мне сле-

довало бы быть поскромнее, особо отметив то, что сюда меня приведут боги, но, учитывая обстоятельства, я не склонен был в тот момент к многословию. Прости за допущенную неточность.

Ториан фыркнул. Фыркание было из тех, что, разносясь в сумерках по равнине, парализуют робких газелей, заставляя их безропотно отдаваться в когти хищнику. Я не газель, но и у меня мурашки пробежали по коже.

— И куда ты собираешься идти дальше?

Я терпеливо объяснил, что пойду туда, куда повелят боги. Я нужен им в Занадоне — так что вряд ли они допустят, чтобы меня выставили из города, пока я не стану свидетелем тому, что должно произойти здесь, что бы это ни было. Я даже высказал предположение, что во всем этом замешан сам великий Кразат.

Ториан задержал дыхание.

— Штах? Балор?

— Или Фаил. Его знают под всеми этими именами.

— А тебе никогда не приходило в голову, что ты можешь быть слугою Фуфанга, о Меняла?

— Разве не все боги равно покровительствуют нам? — терпеливо поинтересовался я. Мне не раз доводилось дискутировать на эту тему, но ни к чему определенному эти дискуссии так и не привели. — Если мой дух сейчас и в смятении, так только из-за спертых воздуха. Поэтому не трудно ли тебе приподнять эту плиту — совсем чуть-чуть, чтобы я мог подложить туда камешек?

— Отлично придумано, — согласился он.

Так мы и сделали, и долгожданное дуновение вечернего воздуха коснулось наших усталых тел. Слабый отсвет дал нам знать, что в окнах особняка все еще горит свет.

— Ничто не мешает нам продолжить беседу, — сказал я, — при условии, что мы не будем повышать голоса. Теперь твоя очередь. Какова же история Ториана?

Последовала пауза, а за ней — вздох, длившийся, казалось, несколько минут, что свидетельствовало о необычно большом объеме легких.

— Увы! Мне не о чем рассказывать. В сравнении с твоей история Ториана — все равно что дорожная грязь в сравнении с цветущим лотосом. Во-первых, моя недолгая жизнь совершенно лишена событий, достойных рассказа, а во-вторых, мне далеко до тебя в умении строить повествование, не говоря уже о приятности голоса. Ты пришел из чудесных далеких стран, переполненный невероятными историями. Ты был свидетелем героическим подвигам и деяниям богов. Рядом с твоею павлиньей пышностью я покажусь жалкой гусеницей в грязи птичьего двора.

— Какое вдохновенное начало! — с искренним восхищением сказал я. — Молю тебя, продолжай!

— Ты так снисходителен! Мой точный возраст неизвестен, но мать часто говорила мне, что я родился год или два спустя после Великого Затмения, случившегося в Танге, — иногда она говорила так, а иногда — этак. Выходит, по моим расчетам, мне двадцать три или двадцать четыре года. — Он помолчал. — Нет, давай будем считать, двадцать четыре или двадцать пять.

— Твоя страсть к точности заслуживает уважения.

— Это мой пунктик. Ладно, продолжим. Назвали меня, само собой, в честь Ториана, почитаемого в Пульсте как бог истины. Второстепенный бог, честно говоря, но от этого не менее почитаемый. В день, когда мне исполнилось шестнадцать, я поклялся быть всегда достойным его покровительства и со свойственной мне в те годы юношеской горячностью пообещал вырывать у себя по зубу за каждое лживое слово, которое произнесу вольно или невольно. Конечно, здесь довольно темно, но, если хочешь, можешь потрогать пальцем...

Я заверил Ториана, что уже обратил внимание на великолепное состояние его зубов.

— Отлично. Так вот, родился я в маленьком городке, расположенном менее чем в трех днях ходьбы отсюда.

От вопроса, где он приобрел столь заметный акцент жителя Полрейна, я на всякий случай воздержался.

— Называется он Сессмарш. Жалкий городишко, со стенами из дерна и кирпича-сырца. Его покровитель, Уркл,

добрый бог, но так стар и немощен, что, как говорится, мимо горшка промахивается. Короче, Сессмарш попал в вассалы Занадону Непобедимому, городу Майаны и Балора, которому и платит дань золотом и молодыми людьми.

Мой отец... — Его голос задрожал и прервался — эффект, которого я обычно стараюсь избегать, хотя ему он удался очень и очень неплохо. — Мне нелегко говорить об этом, Омар.

Я умолял его не впадать в отчаяние, ибо не имел намерения расспрашивать его о том, что ему хотелось бы сохранить в тайне. Разумеется, он отмел все мои возражения.

— Ты был настолько откровенен, рассказывая мне свою жизнь, что было бы стыдно утаивать от тебя хоть малую рещничку моей. Ладно, про отца потом. Знай же, что моя мать была четвертой из семи сестер. Дед мой, будучи человеком в высшей степени образованным, дал своим дочерям имена звезд. Итак, мать моя звалась Кассиопеей. Имена же моих теток были: Альдебаран, Сириус, Полярная, Алгол, Бетельгейзе и Альфа Дракона.

— Несущественные на первый взгляд детали всегда добавляют достоверности, — с уважением пробормотал я.

— Я это уже заметил. Так вот, бабка моя не перенесла родов бедной тетушки Альфы и умерла в тот же день. Дед ненадолго пережил ее. Так и вышло, что семь его дочерей, осиротев, продолжали жить в большом и богатом доме, который он выстроил в самом центре Сессмарша. Они зарабатывали на жизнь вышивкой и росписью кофейных сервизов, которые продавали прохожим, не выходя из дома, через окно.

Мирно и спокойно текла их уединенная жизнь — если, конечно, совместное существование семи дев можно назвать уединенным. Они обходились без слуг, а провизию и все необходимое покупали, также не выходя из дома, у уличных торговцев. В общем, такая жизнь их вполне устраивала.

— Весьма трогательная картинка, — заметил я, — неплохой задел для романтической истории. Они, конечно, все были красавицы?

— Не совсем. У Полли были кривые зубы, а у тети Сириус — вполне заметные усы.

— Правда? Прости меня за то, что вмешиваюсь в твоё повествование, но, излагая его в следующий раз, мой тебе совет, опусти эту деталь. Она мало что добавляет к достоверности.

— Весьма признателен тебе за добрый совет. Теперь об отце. Отец мой был бродяга, плут и мошенник. Собственно, по роду занятий он был — теперь ты поймешь, почему я не решался говорить об этом — странствующим рассказчиком.

Я ухмыльнулся в темноте, но промолчал.

— Однажды утром этот забулдыга имел несчастье остановиться у окна, из которого достойные девы торговали своими изделиями, и сумел увлечь мою мать беседой. Случись при этом кто-то из ее сестер, не сомневаюсь, результат оказался бы совсем другим. Но поскольку она была в ту минуту одна, она не смогла устоять перед его красноречием и пригласила его в дом отдохнуть от уличной жары и отведать ее пирожков с повидлом.

— Ни разу не бывал в Сессмарше, — сказал я, — хоть и давно мечтал туда заглянуть.

— Убей меня, не знаю зачем. Что же до прискорбного инцидента, о котором я рассказываю, — продолжал Ториан, — подробности его мне неизвестны. Я уверен, что совместную жизнь моих родителей можно назвать очень счастливой, хотя она вряд ли длилась дольше двадцати—двадцати пяти минут. Ну, самое большее, полчаса.

— В этом есть своя романтика.

— Ну, это зависит от точки зрения. Мои тетки оказались снисходительны и не устраивали моей матери сцен. Да и ко мне, когда я появился на свет, относились хорошо. Нет, правда же, они были очень добры ко мне, так что в детские годы я даже забыл, кого из этих славных дам звать «мамой», а кого «тетей».

— Наверное, у тебя было очень одинокое детство?

— Несомненно, именно таким должно оно казаться тебе, выросшему совсем в других, более обыденных условиях. Но

мне, не знавшему иной жизни, оно представлялось совершенно нормальным. Правда, теперь я вижу, что в тогдашней моей диете имелся явный избыток сладкого. Я никогда не выходил из дома, чтобы поиграть с другими детьми, однако дом был просторен, к тому же у него имелась большая плоская крыша, на которой мы спали в жаркую погоду. Я проводил там целые дни, глядя вниз, на сонную жизнь маленького городка. Этого мне вполне хватало.

— И сколько это продолжалось? — спросил я в ожидании надвигающейся трагедии.

— Я как раз приступаю к этой части моего повествования. Как я говорил, Сессмарш уже несколько веков платит дань Занадону. Тем самым он вроде как обретает защиту от других врагов, хотя одним богам известно, какую это вызывает у этих других врагов ненависть. Денежная дань не слишком обременительна, ибо Занадон не особо нуждается в золоте. Зато нашим сессмаршским юношам приходится проводить свои лучшие годы в Занадонском войске, и эта почетная обязанность их почему-то не очень радует.

Вот почему граждане Сессмарша стараются уберечь своих сыновей всеми возможными средствами. В детском возрасте мальчиков, как правило, наряжают девочками и воспитывают соответственно. А достигнув зрелого возраста, они обыкновенно переселяются на время к родственникам в других городах. Весьма разумный выход из неприятного положения.

— С ума сойти можно.

— Именно поэтому, следуя местной традиции, мать наряжала меня в девчачьи одежды и все мои отроческие годы учила меня вести себя, как девочка. И мои тетки тоже принимали в этом активное участие. Одним словом, совместными усилиями они добились того, что я и сам поверил, будто отношусь к нежному полу.

Он сделал большой глоток вина, громко рыгнул и продолжал рассказ:

— Меня научили управляться с иглой и готовить пищу. В то время как обычному мальчику полагалось учиться вла-

деть мечом и луком, лемехом и мотыгой, я вышивал передники и носовые платочки. Я освоил ткацкий станок и прялку и, кроме того, замечательно играл на лютне. Короче говоря, я искренне полагал, что я женщина — просто младше матери и ее сестер.

— Но не мог же ты, достигнув зрелости...

— Увы, даже тогда, — с горечью вздохнул он. — У матери и теток не было родственников в деревне, к которым они могли бы на время отослать меня. А я не общался ни с кем посторонним, и этот обман так и оставался нераскрытым, в том числе и мною самим.

— Но когда у тебя начала расти борода...

— Разве не говорил я, что у тети Сириус были пышные усы? Вот я и верил, что мне тоже не повезло, только сильнее. Я купался и спал один — откуда ж мне было знать, что под передничком у меня имелись и другие отличия? Даже плоская грудь мало меня смущала, ибо таким же недостатком страдали мои тетки — старые девы. Преисполнившись убеждения, что боги за что-то наказали меня особым уродством, я в конце концов перестал даже показываться на крыше. Я оставался в доме и проводил дни за изысканной вышивкой или не менее изысканной готовкой, не зная общества, кроме матери и ее сестер.

Он тяжело вздохнул.

— Мне трудно сказать, сколько продолжалась такая жизнь. Полагаю, я должен быть благодарен форканцам. Поток беженцев из захваченных и разоренных врагом Пряных Земель докатился до ворот Занадона Непобедимого, вызвав вполне естественную тревогу его военачальников. Городские власти спешно начали укреплять свое войско. Именно поэтому, вместо того чтобы послать, как обычно, сборщиков податей, они просто-напросто назначили каждому городу количество сильных юношей, которых надо прислать в Занадон, и этим вроде бы незначительным изменением процедуры невольно прервали безмятежное течение моей жизни.

Марионеточные правители Сессмарша, получив такое распоряжение, принялись исполнять его с обычным для холуев рвением, ибо только так могли они уберечь от войны

своих собственных отпрысков. С этой целью они внимательно прислушивались ко всем слухам. И настал день, когда исполнитель постучался и в наш дом.

— Должно быть, это стало для тебя ужасным потрясением?

— О, я ничего и не знал о его визите — я был на кухне и пек пирожные-корзиночки. Его принимала тетя Сириус, чью внешность я тебе уже описывал. Тем не менее, — со вздохом продолжал Ториан, — моей матери и ее сестрам стало ясно, что какие-то слухи все-таки просочились. В тот же вечер тетя Бетельгейзе, которой досталась короткая соломинка, отвела меня в свою комнату и открыла мне некоторые физиологические подробности, ускользавшие прежде от моего внимания. Должен признаться, я был потрясен. Я разрыдался, ибо именно так учили меня выражать свое огорчение. Я зарыдал еще громче, когда тетя объяснила, что исполнители неминуемо вернуться и обыщут дом и что у меня нет другого выхода, кроме как бежать. В мир, куда я еще не ступал ногой...

Тут я не выдержал.

— Ты смеешь смеяться над моим горем, несчастный?

— Нет, нет, нет! — поспешно вскричал я, утирая слезы. — Я потрясен постигшим тебя горем. Звуки, которые ты слышишь, происходят единственно от едва сдерживаемых рыданий.

— В таком случае прости мне мой гнев. Но рассказ на этом, собственно, кончается. Той же ночью я наскоро сшил себе кое-какую мужскую одежду, сложил в котомку немного булок с огурцами и пирожных-корзиночек на дорогу и в первый раз за всю свою жизнь шагнул за порог дома, где родился и вырос.

Так глубоко был я тронут этой историей, что с трудом мог сдерживать дрожь в голосе.

— И как давно это все случилось?

— Тому четыре полных дня, — с горечью ответил он. — На следующее же утро мне повстречался этот мужлан, капитан Фотий, верхом на своем дохлом пони. Убеденный, что он нуждается в добром собеседнике, дабы скоротать день, я сам наивно окликнул его, никак не ожидая, что вместо отве-

та он обогреет меня дубовой палицей по уху. Когда я пришел в себя, я был уже закован в цепи. В таком состоянии ты меня и застал.

— Твой гнев вполне понятен. Но ты забыл рассказать, откуда у тебя взялся этот не заживший еще шрам. Такие раны обычно наносятся длинными зазубренными форканскими клинками. Обыкновенно их получают те несчастные воины, которые, потеряв коня и щит, но предпочитая смерть позорному плену, осмеливаются сразиться с конным противником.

— Ах, это? — рассмеялся Ториан. — Должно быть, ты придаешь ему слишком большое значение, друг мой Омар. Нет, я покидал родной дом по водосточной трубе. Мне никогда еще не приходилось заниматься недостойными забавами, обычными для любого нормального мальчишки. По неопытности своей, а также из-за спешки я напоролся на гвоздь, вот и все.

— А отметина от стрелы на ляжке?

— Наступил на хвост спящей кошке. Она меня укусила.

— Не может быть!

— Ты сомневаешься в моей правдивости?

— Нет, нет, клянусь! — Я потянулся за кувшином, но обнаружил, что тот уже пуст. — Мне никогда еще не доводилось слушать истории замечательнее, и если нам с тобой удастся покинуть Занадон живыми, я буду рад — нет, просто счастлив — взять тебя в ученики, ибо вижу в тебе подлинный талант рассказчика.

— Но это так, ерунда, — запротестовал он. — Заурядный бытовой анекдот, трагедия без назидательной морали. И хотя твое любезное предложение глубоко тронуло меня, я, боясь показаться неблагодарным, все же рассчитываю сделать совсем иную карьеру.

— Позволь узнать, какую именно?

— Подумываю наняться кому-нибудь в услужение. У меня талант к растительным композициям.

— А как тогда быть с капралом Фотием?

— Разумеется, после того, как разделаюсь с этим засранцем.

7. ИСТОРИЯ БАЛОРА

— Ну теперь-то наконец мы можем отправиться дальше? — спросил Ториан после долгого молчания.

— Терпение! Только когда я уверюсь в том, что город спит и никто не будет с подозрением коситься на нашу одежду и бронзовые ошейники.

— Что касается меня, моя одежда этим ошейником и ограничится, ибо я потерял свою повязку где-то по дороге. Надеюсь, твои боги ниспослут мне что-нибудь взамен?

— Они привели меня сюда не без причины, так что, полагаю, они сохраняют мне жизнь. Впрочем, я могу служить им и в цепях. Поживем — увидим.

Действительно, рабство еще не самое худшее: рабов по крайней мере кормят. Нищенство — другая занятная профессия, не такая уж неприятная (если только представители закона не выказывают излишней рьяности). По крайней мере мой опыт говорит мне, что нищие, как правило, спят гораздо спокойнее купцов. Помнится, в царском дворце я едва не умер голодной смертью, зная, что каждый кусок, подаваемый мне на золотом блюде, может быть отравлен. С другой стороны, я жил по-царски в пустыне, где мои жены ухитрились волшебным образом готовить нечто восхитительно вкусное чуть ли не из песка.

Совсем другое дело — беглые рабы. Они притягивают к себе несчастья, как раненая антилопа — гиен. Перед ними закрыты все двери — от дворца до сортира. Помнится, в бытность мою беглым рабом... впрочем, я отклоняюсь от своего рассказа.

Меня сильно беспокоили наши ошейники. Я никак не мог придумать подходящую одежду, которая закрывала бы шею. Похоже, моего спутника одолевали те же мысли, ибо он произнес со вздохом:

— Возможно, нам стоило пилить не цепи, а сами ошейники.

— На это ушли бы дни.

— Тоже верно. Разумеется, — добавил он довольным тоном, — у меня-то его видно только со спины. С какой стати ты так обошелся со своей бородой? Не борода, а бурый мох какой-то...

— Мое ремесло требует, чтобы я выглядел странником. Он неодобрительно фыркнул.

— Ну и куда мы пойдем?

Я почесался и попробовал принять положение поудобнее. Как бы я ни притворялся, что это меня не беспокоит, теснота была ужасающей даже для меня, не говоря уж о Ториане. Я не знал ответа на его вопрос. Я пришел в Занадон и исполнил волю богов. Возможно, когда я усну, мне откроется, что делать дальше.

— Я уже тысячу раз оказывался в чужом городе без гроша в кармане и ни разу еще не умер. В нашем случае, думаю, мне стоит пойти в храм.

— Почему в храм? — спросил он после долгого молчания.

— Ну, — самым беззаботным тоном ответил я, — насколько мне известно, жрецы не могут быть рабами. Если мы попросимся добровольцами в жрецы, нас избавят от ошейников.

— Воистину твои мозги протухли, как недельная пахта! Ты что, не видел этих заплывших жиром, безбородых жрецов у ворот? Ничего не могу сказать о Майане как таковой, но рогатая богиня известна под многими именами. Богиня Страсти всегда требует от своих служителей полного отречения от людских страстей. О Меняла, прежде чем они избавят нас от ошейников, мы можем лишиться и более ценных для нас предметов.

— Ты, должно быть, особо переживаешь за них — только-только узнав их назначение?

Снова послышался рык хищника в лесу, и я понял, что слишком испытываю чувство юмора моего спутника.

— Возможно, это предположение заслуживает более внимательного рассмотрения, — согласился я. — И все-таки я по-прежнему намерен идти в храм.

— Объясни!

— Не так громко. Все очень просто. Ты слышал легенду о Балоре?

— Подобных баек не меньше, чем листьев в лесу.

— Тогда я тебе расскажу. Последняя история на сегодня — и мы приступаем к действию.

— Только покороче!

— Постараюсь.

Теперь я уже почти не сомневался, что этому юному гиганту суждено сыграть в эти беспокойные дни какую-то довольно важную роль, хотя какую именно — пока не знал. Планируя свой побег, я поначалу искал его общества лишь потому, что не люблю приключений в одиночку — диалог куда занимательнее никем не прерываемого монолога, — но боги устроили так, что мы оказались вместе, не спрашивая, хочу я того или нет.

Поэтому я поведал ему историю Балора — я сам услышал ее впервые года два назад, когда собирал рассказы в дельте Натиби, к югу от Берегов Небесного Жемчуга. Иногда эти места называют еще Серебряными Берегами. Города там такие древние, что даже трудно себе представить, сколько им столетий. Собственно, они настолько древние, что умирают от старости, утратив былые знания и позабыв легенды.

Когда-то, давным-давно, кто-то из друзей — ловцов жемчуга из Рейма — впервые сказал мне, что морские боги ненавидят дерево. Когда я посмеялся над его словами, ловцы жемчуга показали мне устои причала, источенные морскими рачками, потом взяли с собой на погружение, показав почти целиком изъеденные обломки кораблей на мелководье. Когда я и здесь выказал некоторое недоверие, они — рискуя утопить меня — заставили меня нырнуть глубже, к совсем древним обломкам, одетым в тяжелые панцири из ракушек и кораллов. Действительно, у тех кораблей не осталось ни одной деревянной доски — все обратилось в камень.

Вот это превращение вспомнилось мне, когда я попал на Серебряные Берега, в край, где море поднимается, чтобы поглотить деревни. Волны гуляют меж брошенных хижин, а

косяки рыб плещутся у очагов, там, где когда-то играли дети. Рачки и ракушки трудились над деревом, и деревни погружались в море, превращаясь в каменные памятники самим себе.

И точно так же, казалось, наступают на города, пожирая камень, джунгли — дерево за деревом, медленно, но неуклонно, как полчище ночных призраков. Кое-где еще жили люди — точнее, влачили существование на улицах, в тени лесных гигантов, пытаясь не замечать нашествия джунглей. Но их игра была проиграна, и во многих местах люди исчезли совсем, уйдя неизвестно куда. Дома обрушивались, зарастали мохом и лианами, и постепенно джунгли пожирали города. Но я снова отвлекся...

Как-то ночью, во сне, я увидел древнюю старуху в голубом хитоне, сидевшую у колодца под баньяновым деревом. Проснувшись поутру, я нашел площадь, дерево, колодец и ее саму — как и было предсказано. Я узнал ее по обилию морщин, по хитону и по бородавке на носу. Сомнений не было. И впрямь, она подслеповато уставилась на меня, сморщила свое и без того морщинистое лицо и сказала: «Пришел наконец!»

Я просидел с ней много часов, пока на площадь не легли вечерние тени, и за это время мы обменялись с ней множеством историй. Она была родом из Занадона и... впрочем, ее собственная история к делу не относится. Я поведаю ее вам как-нибудь в другой раз.

Она открыла мне чудес без числа: почему обезумели боги Дол Фарка, и куда ушли беженцы из Кишмайра, и кто украл Сосок Кса-Вок — столько тайн, что у меня голова пошла кругом. А когда на закате вороны, хлопая крыльями, полетели домой, я пообещал ей, что вернусь наутро, а она вздохнула, будто на нее снизошла благодать, и вежливо сказала, что она не придет, ибо ее искупление свершилось. Но она не стала вдаваться в подробности.

Когда на небо высыпали звезды, я сам не знаю как добрал до своего тогдашнего жилища и рухнул на тюфяк. Волшебные истории роились у меня в голове, и я не мог вы-

братъ, о какой из них поразмышлять в первую очередь. В конце концов я уснул и во сне увидел город со множеством башен, высоко на горе, попасть в который можно только по длинному пандусу с простирающейся внизу равнины. Со слов старухи я узнал Занадон и понял, что призван.

Среди прочих чудес она подробно описала Занадон и рассказала, как ему одному из всех городов Пряных Земель удалось остаться непокоренным. Такова воля Балора, сказала она и объяснила, в чем могущество Балора: из множества богов, зачатых Отцом-Небом и Матерью-Землей, только Майана и Балор — близнецы.

— Да ну! — возмутился Ториан. — А что же Ашфер и Бин Дос, или Сейлмок и...

— Заткнись! — отрезал я, и он смолк. — Воистину несть числа легендам, что рассказывают про богов, а жизнь коротка. Разобраться в них — жизни не хватит. Некоторые искажены или просто врут, некоторые неполны, некоторые кажутся нам противоречивыми, хотя сами боги видят в них какой-то смысл. Так давай придерживаться одной легенды — раз уж мы с тобой в древнем Занадоне, будем уважать его богов.

Города вырастают и обращаются в прах, империи возвеличиваются и приходят в упадок, и только Занадон носит имя «Непобедимый». Это известно всем и каждому не только в Пряных Землях, но и во всем мире.

Так вот, в Занадоне говорят, что Майана с Балором были близнецами. И когда боги спустились на землю, чтобы создать племена человеческие, Майана с Балором, будучи близнецами, основали Занадон и порешили, что он будет вечным. Они отстроили его великолепным и могучим и жили в этом городе, как было принято у богов в Золотой век. И Занадон процветал под их владычеством.

Тебе, конечно, известно, как окончился Золотой век и как Отец-Небо призвал всех богов в свою обитель по Ту Сторону Радуги, и созвал там Большой Совет, и поручил каждому богу или богине заниматься каким-то одним делом. Все признали правоту Его решения. И лишь Балор не согласился и был назначен богом войны.

Ториан издал звук, который мог означать и несогласие, но промолчал.

— Конечно, у Непостоянного есть и еще имена, — признал я. — Кразат, и Гар Грюнн, и Фаил. В Полрейне его зовут Штах, верно?

— Кажется, так.

Интересно, подумал я, почему это он не сознается, что он родом из Полрейна, первого города, павшего жертвой форканского нашествия. Так мало людей спаслось оттуда, что я до сих пор не слышал достоверного рассказа об этом несчастье и был бы не прочь восполнить пробел.

— И многие из тех, что зовут так бога войны, признают и Балора, хотя наделяют его другими атрибутами. Впрочем, я уже сказал, теологию мы оставим на потом.

Так вот, скрепя сердце отправился Балор исполнять обязанности, порученные ему отцом. А безутешная Майана осталась одна и правила с тех пор Занадоном без помощи брата.

Но на этом легенда не кончается. Известно, что как бог войны Балор беспристрастен. Если он благосклонен к кому-то в одно столетие, он должен отвернуться от его детей в следующем. Так повелел Отец-Небо, ибо только так поддерживается справедливость в мире, и мы и впрямь видим, что Балор недолго поддерживает кого-то одного. Он воодушевляет слабых на безумную храбрость в бою, а мощных ниспровергает. В Ургалоне даже говорят, что он слеп.

И единственным исключением из этого правила остается Занадон. В Занадоне говорят, что в отчаянии от непосильного бремени, возложенного на него на Большом Совете, Балор так рыдал, что остальные боги исполнились жалости к нему и стали просить за него Отца-Небо. Отец богов оставался непреклонен, и только когда сама Мать-Земля присоединила к их мольбам свой голос, он сделал одно-единственное послабление — позволил Балору никогда не обращать свой гнев на город, основанный им самим.

Так с тех пор и было. Когда к вратам Занадона подступает враг, Майана обращается к своему брату. Она напоминает ему о том, что они близнецы. Напоминает о счастливых днях,

что они провели здесь, правя городом. Она напоминает ему о том, что жители города — все равно что его дети. Она призывает его вновь стать ее царственным супругом и любовником, как было когда-то. И вспомнив, как сильно он любил Майану, Балор вспоминает о долге перед своим городом и своей сестрой. И тогда, приняв обличье смертного, сходит он в Занадон и сам ведет войско в бой. И ведомое самим Балором, войско это всегда торжествует победу, как бы ни был силен противник.

Наутро, после того как старуха рассказала мне все, я отправился искать ее. Я потратил на поиски весь день, и никто не смог сказать мне, с кем я говорил. Поэтому вечером я поцеловал Роатину — само собой, не обошлось без слез — и пошел через шумный базар на берег великой Натиби, и сел на судно, направлявшееся вверх по реке, вдоль Берега Небесных Жемчугов. Так попал я в Пряные Земли. Два долгих года странствовал я и теперь пришел.

— Вот так ты и попал в Занадон? — спросил Ториан. — И прямо в разгар войны.

— Я знал, что попаду сюда в разгар войны. Боги всегда направляют меня туда, где свершаются великие события, чтобы я свидетельствовал о славных подвигах и возвышенной любви. Что до любви и жертвенности, их я встречал предостаточно. Бурь, голода, землетрясений и войн — тоже. Но никогда еще я не видел бога, Ториан! Пока не видел.

— Теперь форканцы стоят у ворот.

— Теперь Балор придет во гневе и спасет свой город!

Я закончил свой рассказ, но все, что сказал на это Ториан, было: «Надеюсь, ты прав».

8. ДЕВА В БЕДЕ

С наслаждением выбрались мы из-под плиты. Ториан потянулся и потер спину.

Я на всякий случай оглядел темный двор. Свет в окнах погас; город спал. Луна должна была показаться незадолго до рассвета, но в Пряных Землях и звезд было больше, и были они ярче, чем в иных местах, в иное время, и небо было золотым великолепием. Я старался не смотреть наверх, ибо звезды отвлекают меня.

Наши нужды были просты, но нельзя сказать, чтобы их было мало: вода — смыть следы крови, одежда — прикрыть наготу, инструменты — снять ошейники и убежище — отдохнуть. Боги должны знать это не хуже меня.

Но прежде всего нам необходимо было убраться из этого двора. Сарай в одном углу походили на кладовые, в другом — на конюшню и каретный сарай. С моим дюжим спутником мы запросто могли бы забраться на крышу одного из них, но в летнюю ночь она вполне могла быть усеяна спящими слугами. Крыша же самого дома была выше и потому для нас недоступна. Окна забраны решетками, все двери и ворота наверняка надежно заперты.

Ториан вновь приподнял плиту. Я вынул амфору. Камень скользнул на место с ужасным звуком, который, казалось, прокатился эхом по всему городу, но на деле был почти неслышным. Только тут вспомнил я про цепь, оставшуюся под ступенями. Она могла бы пригодиться нам — перебраться через ворота на улицу. Но что потом? Обнаженные, в бронзовых ошейниках...

Мне не нужно было объяснять наше бедственное положение Ториану.

— Ну? — спросил он угрожающим шепотом. — Не помнили ли мы один плен на другой?

— Боги позаботятся.

— Лучше бы им поторопиться!

Что-то стукнуло у ворот.

Я нырнул в угол и вжался в него, изображая водосточную трубу. Ториан исчез со скоростью, замечательной для человека его сложения.

Мы попали во двор через большие ворота для телег, но сейчас открывалась со скрипом только маленькая дверца в

одной из створок. Ториан прижался к стене рядом с дверцей. В свете звезд мелькнула белая повязка — человек вошел и повернулся запереть калитку. Огромные лапищи Ториана сомкнулись на его шее и опустили обмякшее тело на землю.

— Осторожнее! — подскочил я к нему. — Не убей его!

Ториан склонился над своей жертвой. Взгляд, которым он смерил меня, обладал парализующей силой даже в свете звезд.

— Извини, — прошептал я.

Он ведь не предупреждал меня, что он воин. Впрочем, я мог бы и сам догадаться. Воины — хлопотные спутники: скоры на обиду и еще более скоры на наказание.

— Так, чуть-чуть пальцами артерии придавил, — прошептал он. — Судя по запаху, он все равно пьян. Голова поболит, конечно, но того, что я до него дотрагивался, даже не вспомнит.

Нет, право же, для мастера по изготовлению пирожных-корзиночек мой компаньон обладал прямо-таки удивительными способностями. Он мотнул головой в сторону ворот:

— Иди. Я сейчас.

— Подожди!

Нашей жертвой оказался крупного сложения молодой человек с достойной восхищения прямой черной бородой. Его повязка представляла собой замысловатое изделие из светлого шелка, закрывавшее его ноги до колен, а булавка, ее скреплявшая, была размером с ладонь и вся украшена самоцветами. Он явно не относился к прислуге, и я удивился, почему он разгуливал без сопровождения, да еще и вошел с черного хода. Час был поздний, и в городе царила тишина.

Я подобрал связку ключей, которая вывалилась из его руки. Их было около дюжины. Выбрав самый маленький, я склонился над своим компаньоном. Слишком мал... зато следующий радостно щелкнул. Разумеется, это было чистое совпадение, но я привык не верить в совпадения.

Замочных дел мастера не уступают в лени любому другому, поэтому не особо разнообразят механизм.

Я с облегчением расстегнул и свой ошейник.

— Ну? — усмехнулся Ториан.

— Нет. — Я бегом бросился через двор к дому. Мне понадобилось несколько секунд — за которые я успел взмокнуть как мышь, — чтобы найти подходящий ключ. Дверные петли болезненно заскрипели. Я побежал обратно, прикрыл калитку и, опустившись на колени, сунул связку в складки повязки спящего. Широкие плечи Ториана тряслись от беззвучного смеха.

А еще через пару секунд мы были в доме.

Свет звезд, проникавший через забранное прутьями окно, открывал нам три пути: лестницу вниз, лестницу вверх и дверь. Я выбрал дверь и обнаружил за ней кладовку, полную метел, тазов и ящиков, провонявшую воском и щелоком. Вдвоем мы еле в нее влезли; мне пришлось стоять одной ногой в ведре. Зато одним глазом я прижался ко вполне сносного размера замочной скважине.

Спустя несколько секунд наша жертва с грохотом привалилась ко входной двери, вслед за чем где-то в подвале зазвенел колокольчик. Судя по всему, ответная реакция на звонок запаздывала, поскольку человек за дверью начал лязгать ключами.

Пока он возился с замком, с половины слуг показался свет. На лестницу медленно проковылял старик с фонарем в руках. Поднявшись к двери, он приподнял фонарь, осветив ключ на гвозде у косяка.

Ситуация заметно осложнилась. Но человек внутри и человек снаружи одновременно пытались отпереть дверь, не понимая, что в этом нет нужды. Замок несколько раз щелкнул в обе стороны, однако в конце концов петли скрипнули еще раз, и вновь прибывший ввалился внутрь, на свет.

— Господин! — вскричал слуга, придерживая его свободной рукой. — Что-то случилось?

— Нем... немного вина п-поганого, Х-Хасмар... — пробормотал молодой человек. — Б-башкой стукнулся. — И он сам, и его повязка перепачкались грязью. — Из... извини, что заставил тебя п-под... подниматься...

— Хозяин спрашивал о вас, господин.

Вместо ответа послышалось неразборчивое ругательство.

— Может, вам лучше опереться на мое плечо, господин? — Сторож был, похоже, из рабов, поскольку я не увидел у него никакого оружия. Повязка едва доставала до колен. Щуплый, седой, сутулый, он вряд ли бы выдержал на плечах своего господина.

— Вытнетноб... неб... — Молодой хозяин выпрямился и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. — В... этом... нет... необходимости. Нет, ты держи свет. Я сам. — Осторожно переставляя ноги, он поднялся по ступенькам и исчез. Пожав плечами, раб закрыл и запер дверь, повесил ключ на место, потом вернулся в свою конуру в подвале.

Я вытащил ногу из ведра и вышел из кладовки. Ториан шагнул за мной. Следом за молодым человеком мы поднялись по ступенькам и вскоре увидели впереди его силуэт.

Большой дом был построен по тому же плану, что и все дома в Пряных Землях. Открытый прямоугольник с внутренним двориком — атриумом. Атриум был украшен деревьями и цветами, посреди него возвышался алтарь, посвященный богам, охранявшим дом. По стенам горели факелы, наполняя воздух запахом смолы. Лестница у одной из стен вела на галерею второго этажа. Размеры и убранство двора говорили о значительном богатстве владельца дома.

Мы остались в тени. Припозднившийся жилец пересек атриум и поставил ногу на нижнюю ступеньку лестницы. Из темноты за ним возникла еще одна фигура.

— Добрый вечер, Джаксиан.

Я проглотил невысказанное проклятие. Осторожно опершись на перила, молодой человек обернулся.

— Д-д-добрый вечер, отец.

— Разве не сказал тебе Хасмар, что я хотел видеть тебя сразу, как ты вернешься? — Говоривший был средних лет и крупного сложения, хотя состоял, казалось, скорее из твердых хрящей, чем из мышц или жира. Сильно выдающийся нос напоминал клюв. По обычаю Пряных Земель он наглядно демонстрировал свое высокое положение дорогими одеж-

дами: пестрой мантией (алой с бирюзовыми и синими узорами и отделкой) и шестью или семью золотыми цепями, поблескивавшими у него на груди в неверном свете факелов. Его редкие волосы начинали седеть, борода с белыми прядями была сравнительно короткой.

— Я х-хотел п-под... подняться, умыться сначала, — объяснил Джаксиан. Голос его звучал заметно трезвее, чем раньше. Конечно, отцы — неплохое средство для протрезвления, но и Джаксиан казался достаточно взрослым для того, чтобы реагировать так, — на вид ему было около тридцати, он, к моему удивлению, оказался довольно высоким — почти как Ториан. Похоже, в этом занадонском походе мне самую судьбой суждено находиться в окружении великанов. Впрочем, рост — неплохой показатель богатства. Бедняки слишком плохо питаются, чтобы вырасти такими.

Приглядевшись к нему, отец возмущенно фыркнул:

— Тьфу! Пьянчуга!

Младший был заметно больше его, но съезжился, как провинившийся ребенок.

— Т-так, с друзьями зашли после в-в-воинских учений. Вино несвежее, я п-п-полагаю.

— Надеюсь, с друзьями мужского пола?

Джаксиан икнул.

— Аг-га. — Он поднялся на пару ступенек, и на лицо его упал свет (до тех пор он стоял в тени пальмы). Я увидел такой же хищный нос, как у отца. Но отцу нос-клюв лишь придавал высокомерия. У застенчивого сына он казался не на месте.

— Я скорее готов простить бордель, чем кабак! — рявкнул отец.

— М-мне не за что п-просить прощения, отец. — Молодой здоровяк низко опустил голову, но не смог скрыть румянца.

— Я хотел поговорить с тобой про хлеб. Вчера вечером мы договорились поднять цену еще на две миты за буханку, не так ли?

— Ну, т-ты... т-ты... — Слова застряли у него в горле.

— Да. Я выслушал твои аргументы, внимательно выслушал, но в конце концов мы договорились, не так ли? Еще на две миты. И я обнаружил днем, что ты даже не отдал распоряжения!

— Но другие не повышали! П-поманьюк и д-другие пк... пекарни...

— Болван! Они ждут нас! Они сразу же последуют нашему примеру!

— Но н-народ...

— К черту народ! — взревел старший. — Пусть ищут деньги или подымают с голоду — нам-то какое дело. Ты хоть представляешь себе, как взлетят цены, когда начнется осада? Не представляешь? Недоумок! Вот ты каков — готов даром отдавать наш драгоценный хлеб! Ну ладно, завтра хлеб подорожает на четыре миты! Так уж и быть, я сделал за тебя работу и сам отдал распоряжения. Ты понял?

Я еле расслышал ответ.

— Д-да, отец.

— Сомневаюсь, что понял. Если остальные не последуют за нами, они могут истощать свои запасы по любой удобной им цене. Нам же больше останется на потом. Ясно?

— Да, отец.

— Марш спать, пьяный болван!

— Да, отец.

Милая семейная сцена подошла к концу. Отправленный в кровать как маленький, Джаксиан поплелся вверх по лестнице. Седьмая и двенадцатая ступени скрипнули. Отец остался на месте, глядя ему вслед.

Поднявшись наверх, молодой здоровяк повернул было налево, но, глянув вниз, увидел, что за ним продолжают наблюдать. Похоже, это заставило его изменить решение — он пошатнулся и двинулся направо, исчезнув за третьей от лестницы дверью. Она закрылась с громким стуком.

Сердито тряхнув головой, его отец пересек двор и растерялся в тени. Хлопнула другая дверь.

— Грязный барышник! — злобно прошипел Ториан.

— Просто ловкий делец, — возразил я. — Пошли.

— Куда?

— Наверх. Поищем ванную.

— Вот идиот! Там же в половине комнат кто-то спит!

Я уже совсем было собрался повторить свою лекцию насчет доверия богам, когда в недрах дома зазвенел колокольчик. Вот-вот кто-то выйдет на зов...

Бесшумно, босиком, устремились мы с Торианом к лестнице и взмыли по ней, перескочив через седьмую и двенадцатую ступеньки. Я рванул первую попавшуюся дверь, и, разумеется, это оказалась ванная. Закрывать дверь за собой я не спешил. В щель я увидел, как через атриум ковыляет старый Хасмар со своим фонарем, а через несколько секунд услышал голоса... Еще гости? В это время суток? Любопытно!

Убранство ванной комнаты впечатляло: мрамор, фарфор и мягкие, пушистые полотенца, привезенные с Серебряного Побережья, которое славится хлопковыми полями. Вода подавалась в золотой кран из какой-то закрытой емкости, наполнявшейся, несомненно, во время зимних дождей. Здесь был даже сток, по которому использованная вода отводилась на нижние этажи для других нужд.

Зажигать свет было бы слишком рискованно: доверять богам вовсе не означает испытывать их терпение. Поэтому мы совершили туалет как могли, в темноте, наскоро осмотрев друг друга в свете звезд из окна. Ванна, перепачканная кровью, два растянутых рабских ошейника в кладовке, пропавшие еда и вино... Хасмару придется оправдываться утром. Впрочем, возможно, ближе к утру его сменит кто-нибудь из слуг. А если хозяин накажет нескольких слуг за проступок одного из них, его несправедливость может вызвать у них недовольство.

— Твое волшебство продолжает неплохо служить тебе, — вполголоса заметил Ториан, натирая свои могучие руки ароматным маслом. — Как насчет одежды?

— Подожди здесь! — Я выскользнул на галерею. Стараясь держаться подальше от перил, я осмотрел двор и убедился, что он пуст.

Крадучись у самой стены — чтобы пол не скрипел, — я пробрался к следующей двери, прислушался и приоткрыл ее. В комнате было тихо. Я заглянул внутрь, потом вошел.

Звездный свет лился сквозь большие окна, высвечивая высокие конторки и полки с пергаментными свитками. Судя по всему, эта комната служила хозяину конторой — не совсем тем местом, где обыкновенно ищут одежду. Впрочем, одна из стен была украшена образцами тканей с орнаментами из цветов и птиц. Конечно, расцветка показалась мне слишком светлой для тайных ночных походов, но, может, так оно и лучше — меньше подозрений. Я сорвал со стены два куска ткани и осмотрелся в поисках какой-нибудь замены для булавок. Обнаружив несколько лент с восковыми печатями, я прихватил и их, а потом вернулся в ванную.

Ториан стоял на кувшине, пытаясь выглянуть в высокое окно, однако с моим появлением легко спрыгнул, и мы принялись сооружать себе повязки. По этой части опыта у него оказалось не больше, чем у меня, — а моя повязка то и дело сваливалась. Он здорово разозлился; я с трудом сдерживал смех. В конце концов мы решили, что сойдет и так — в темноте и на расстоянии. В том, что касается длины повязки, мы остановились на середине икр — это означало скромный, но все же уважаемый статус.

— А на ноги?

— Ничего. И шапок нет.

Куда теперь? Я уже исключил окно как возможный путь наружу. Возможно, мне и удалось бы в него протиснуться, но уж Ториану — никак. Я услышал цокот копыт в переулке и голоса. Нет, должен быть путь и лучше.

Я, несомненно, изрядно позабавил богов, снова приоткрыв дверь. Ударивший в щель яркий свет заставил меня отшатнуться назад. Я врезался в своего спутника с такой силой, что тот пошатнулся.

Потом свет удалился... Я прижался глазом к щели. Две женщины спускались по лестнице. Та, что шла первой, несла факел и была, несомненно, служанкой — вот почему я

не услышал никакого разговора, и они чуть было не застали меня врасплох.

Я ощутил знакомое покалывание — недоброе предчувствие. Что-то нечестивое творилось в этом небольшом дворце посреди ночи. Звонок означал гостей. Теперь еще и женщину поднимали зачем-то с постели. Я нюхом чуял интригу. Разыгрывался какой-то спектакль на потеху богам, и меня не случайно привело сюда — я должен был стать зрителем, свидетелем происходящего.

— Теперь ступай спать, — слышался снизу чей-то зычный бас. — Госпоже не потребуются больше твои услуги. Хасмар, ступай жди у выхода.

Хлопнула дверь. Рабы поклонились.

Меня прижало к стене, чуть не расплющив. Я повернул голову. Ториан навалился на меня, заглядывая через мое плечо. Глаза его горели в свете факелов.

— Ты видел эту, вторую? — благоговейно прошептал он.

— Конечно. Как раз вовремя.

— Что значит вовремя? Она прекрасна!

Я подавил искушение спросить, так ли она прекрасна, как легендарная тетя Сириус. Впрочем, я мог понять его потрясение.

— Ну, в каждой хорошей истории должна быть прекрасная героиня. Вот она и появилась. Ну что, посмотрим?

Великан кивнул и двинулся за мной следом. Теперь ничто на свете не удержало бы его. Он был околдован.

Служанка ушла на женскую половину, слуга удалился в противоположную сторону, и атриум опустел. Наверняка в этот поздний час никто не подслушивал у замочной скважины, и все же... Сосчитать, какая ступенька седьмая, а какая — двенадцатая, при движении сверху вниз оказалось значительно труднее, но нам удалось спуститься, не произведя лишнего шума, и спрятаться под каким-то декоративным кустом.

Здесь было довольно светло, и я смог наконец разглядеть своего спутника получше. Умытый и причесанный, он мало напоминал свирепого дикаря, каким казался в цепях. С его-то ростом и царственным взором он в мирное время

вполне мог бы ходить даже облаченным в ковер. Впрочем, время было далеко не мирное, так что вряд ли городская стража пропустила бы его просто так. Стриженная прямая борода доходила ему до груди, но лишь наполовину закрывала глубокую рану. Руки и плечи его были сплошь покрыты синяками и царапинами, а уж его спина привлекла бы к себе внимание стражников не хуже форканского знамени.

Я, конечно, несколько терялся на его фоне, но знал, что выгляжу не менее подозрительно. Шершавая цепь в кровь стерла мне спину и плечи.

Мы обменялись быстрыми улыбками, словно двое напроказивших детей. Мы в первый раз видели друг друга по-настоящему, и Ториан, похоже, поверил в то, что нас направляют боги, а может, снова предпочел считать, что все это результат моего волшебства.

А что дальше? Не может же настоящий меняла историй уйти, оставив маленькую тайну вроде этой нераскрытой. Однако что бы ни происходило сейчас в доме, от нас его отделяла закрытая дверь. Из-под нее выбивался свет. А распахивать ее и объявлять, что я послан богами подслушивать — пожалуйста, продолжайте, не обращайтесь внимания! — у меня что-то не было охоты.

Я прокрался на цыпочках к соседней двери — там вроде бы было темно. Ториан не отставал от меня ни на шаг. Он был возбужден, и еще как возбужден, но та, вторая, и впрямь отличалась поразительной красотой.

Героини всегда красивы.

Комната, в которой мы оказались, служила столовой — в ней стояли большой стол и много стульев. Оставив своего спутника закрывать за нами дверь, я пересек столовую и подошел к аркаде, через которую она открывалась в еще один внутренний сад. Нет, право же, это был не особняк, а небольшой дворец! В свое время мне доводилось видеть и царские дворцы, отделанные с меньшим вкусом, — дворец Влада Оскорбителя, например, с его фризом из человеческих черепов.

Из арок соседней комнаты в сад струился свет, в котором блестели листвою кусты и лилии в декоративном прудике.

Голоса в ночи...

— ...подождать до завтра? — Женский голос.

Низкий мужской голос прорычал что-то в ответ. Отец Джаксиана, разумеется.

Я скользнул в сад, и Ториан последовал за мной, удивительно бесшумно для своего роста. Хоронясь за кустами, я осторожно обогнул пруд и нашел место, откуда мог видеть все происходящее внутри.

Как совершенно справедливо заметил Ториан, женщина была прекрасна.

Красота — дар Ашфер, она мало общего имеет с той, что ваяют скульпторы или пишут художники. Мужчина или женщина могут обладать идеальными чертами и совершенным сложением и при этом быть начисто лишены красоты. У этой женщины красоты было в избытке. Так же как первой мыслью при взгляде на Ториана было бы «большой», о ней нельзя было думать иначе как о «прекрасной». При взгляде на таких женщин у мужчин захватывает дух.

Она была высока и стройна, девушка на пороге женственности, бабочка, расправляющая свои крылья, только-только выбравшись из кокона. На ней было небесно-голубое платье, перехваченное под грудью золотым поясом и ниспадающее множеством складок до самых золотых сандалий. Перехваченные золотой лентой, сверкающие, как темная вода, ее волосы небрежно спадали на плечи. Похоже, ее подняли прямо из постели, не дав времени причесаться. Ее губы были кровавыми рубинами на слоновой кости.

Ее бледность разожгла во мне огонь. Мне хотелось броситься к ней на помощь и вызволить ее отсюда. Мне хотелось сложить о ней эпическое повествование. Еще больше мне хотелось увидеть в ее глазах призыв и, повинаясь ему, развязать ее пояс, сорвать шелка и овладеть скрытым под ними безупречным телом. Сердце билось отчаянно. Над ухом у меня тяжело дышал Ториан.

Мужчина, разумеется, был тот же, которого мы видели раньше, — отец Джаксиана. Говоря, он размахивал руками, и на пальцах сверкали драгоценные камни. Он идеально

подходил на роль злодея — старый, блещущий роскошью и отвратительный рядом с юной девушкой. Его нос напоминал клюв стервятника.

— Я признаю, папа, что он молод и богат, — говорила девушка. — Я согласна — он весел и остроумен. Но его нравы пользуются дурной славой. От него просто *пахнет* разложением. Его тело, словно жабье, покрыто сочащимися язвами. Если бы ты...

— Вздор! — взревел мужчина; я в первый раз ясно слышал его реплику. — Где ты понаслушалась этих сплетен? Грязный бабий треп!

— Если уж на то пошло, об этом мне рассказал Джаксиан. Он видел его в бане — неделю назад, после упражнений с мечами. Половина их отряда передумала, посмотрев на него, и пошла мыться домой, сказал он. Он говорил, они скорее разделят бассейн со всеми форканскими ордами, чем с Ди-тианом Лиём. — Ее голос был мелодичен, как пение ста соловьев. Она вела себя почтительно с отцом и все же держалась твердо; для своего возраста она отличалась завидным хладнокровием. Когда она встретила с ним взглядом, я заметил, что она унаследовала его нос, хотя, конечно, в более изящной форме, сообщавшей ей достоинство и высокомерие, нимало не умаляя при этом ее красоты.

Внезапное прикосновение к моему плечу заставило меня оглянуться. Я посмотрел на Ториана, потом туда, куда он показывал. Мы были не единственными свидетелями этого любопытного разговора. Укрывшись в темноте, у стены стояли три фигуры в хламидах. Всецело поглощенные подслушиванием, они, похоже, не заметили еще, что население сада несколько увеличилось.

Теперь стало ясно, кто пришел, когда звонил звонок. И если не хозяин дома поставил их сюда шпионить, то кто?

Нет, ночь обещала быть очень любопытной.

— Я не верю, что ты хочешь, чтобы твоя дочь заразилась дурными болезнями! — сказала девушка. — Забудь про Лия, папа, прошу тебя!

— Твое вздорное упрямство превосходит все границы! — Мужчина потряс перед ее лицом кулаком, и в свете звезд сверкнули драгоценные камни.

Мы с Торианом переместились за кустами чуть дальше и в конце концов залегли в листве на дальнем конце пруда. Вода доносила до нас все звуки, и обзор отсюда был куда лучше, чем у тех, кто прибыл сюда раньше. Возможно, они просто считали перемещение ползком ниже своего достоинства.

Следующей реплики отца я не расслышал. Он злобно шагал взад-вперед по комнате. Моему искушенному взгляду его ярость показалась наигранной, но девушка, возможно, этого не замечала.

— Нет, это ты меня удивляешь, папа, — возразила она. — Сначала ты хотел кого-то из купеческого рода. Ты сказал, что это будет торговый союз. Куэрты — это же клан военных!

— Я пытаюсь угодить твоим вкусам.

Она расправила плечи, с достоинством выдерживая гнев отца, — она не отступила ни на шаг, голос ее оставался по-прежнему спокойным, а руки — неподвижными. Конечно, она была встревожена — а кто бы на ее месте не тревожился? — но, похоже, мужчина встретил сопротивление куда сильнее, чем ожидал. Интересно, а где сейчас ее мать?

— Да, конечно. Я знаю Сошьяка Куэрта. Он ведь капитан сейчас, верно? Его последняя жена скончалась от раны в затылок. Та, что была до нее, умерла от кровотечения: говорят, что он ударил ее, беременную. До нее была еще одна, так ведь? Можно лишь посочувствовать бедняге, как ему не везет. Только справедливо ли давать ему возможность пережить подобное несчастье еще раз? Мне не хотелось бы, чтобы он похоронил еще одну жену.

Ториан прямо-таки трясся от ярости. Я его понимал: если у человека есть хоть капля мужского достоинства, невинность в беде уже заставит его схватиться за меч, а красота только добавит жара. Я и сам чувствовал, как во мне закипает гнев, хотя обычно, будучи свидетелем каких-либо событий, я стараюсь держать себя в руках. Все это, возможно, какой-то мелкий семейный заговор; он может не иметь ни-

какого отношения ни к Балору, ни к надвигающейся на За-надон опасности. Эта девушка может быть просто листком в потоке истории, но так или иначе мое присутствие здесь не случайно.

К тому же ее лицо было мне подозрительно знакомо. Возможно, я видел ее во сне, а может, она просто воплощала мои представления о красоте — не знаю, но беда, в которую она попала, не могла оставить меня равнодушным. За всю мою жизнь мне довелось повидать горя гораздо больше, чем радости. Я боялся, что богам уже надоело плакать от моих рассказов. Неужели я снова должен стать свидетелем трагедии и нести слово о ней смертным, чтобы не родившиеся еще поколения смогли всласть поплакать над ней?

— Нет, это невыносимо! — взорвался мужчина. — Я предложил тебе на выбор самых блестящих и завидных женихов в городе, и ты отвергла их всех под абсурдными и надуманными предложениями. Это подтверждает то, о чем я и так догадывался, но чему не хотел верить.

Девушка прижала руку к губам.

— Я не понимаю, папа, что ты хочешь этим сказать.

— Ты спуталась с другим мужчиной!

С минуту она молчала, стараясь овладеть собой.

— Прости меня, папа, но как это возможно? Откуда взяться другому мужчине? Я никуда не выхожу одна, только с тобой или Джаксианом. Какой еще мужчина?

Отец молча шагнул к ней и посмотрел на нее в упор. Потом произнес имя, которого я не расслышал.

В ответ она залилась краской.

Ториан испустил сдавленный яростный стон, и мне пришлось толкнуть его, чтобы он молчал.

Девушка мотнула головой в безмолвном отрицании, но лицо ее пылало. Она прижала руки к горлу. Ее сопротивление было сломлено, и она это знала.

Отец подошел к ней еще ближе и заговорил громче:

— Я ведь вижу, как ты смотришь на него, а он — на тебя. Ты околдовала его и лишила рассудка.

Она в отчаянии покачала головой:

— Я... Я не знаю, о чем ты!

— Бесстыжая шлюха! Ты нас всех погубишь! Меня. Брата. Твоих теток и двоюродных сестер. Мы все пропадем из-за твоего злобного упрямства!

Она отшатнулась от отца и прислонилась к спинке кресла. Он схватил ее за хрупкое плечо и рывком повернул к себе.

— И не вздумай отпираться! Единственный выход — это выдать тебя замуж, и немедленно, пока ты не покрыла позором всю семью! Я перечислил тебе четверых достойных мужчин, каждый из которых будет счастлив породниться с кланом Тарпитов. Еще не поздно спасти нашу репутацию. Выбирай, или я сделаю выбор за тебя. За кого ты согласна идти: за Дитиана Лия, Фатмониана Вая, Сошьяка Куэрта или Османа По-маньюка?

Она зажмурилась. Мне показалось, что она вот-вот лишится чувств, ибо бледность вернулась к ней так же быстро, как только что сменилась румянцем.

Отец внимательно посмотрел на нее, потом заговорил чуть мягче:

— Шалиаль, доченька! Это единственный выход для нас, для тебя. И в первую для того несчастного глупца, который оказался не умнее тебя.

Она покачала головой, не поднимая на него глаз:

— Папа, ах, папа!

— Даже не пытайся обращаться ко мне, пока не докажешь своего дочернего повиновения. Если ты не хочешь сделать то, о чем я тебя прошу, из уважения к отцу или ради памяти твоей дорогой матери — да упокоит Морфит ее душу, — сделай это хотя бы ради *него* и спаси *его* — сейчас, пока есть еще время.

— Время? Конечно, у меня ведь есть еще время? Хотя бы до утра?

— Нет. Все должно быть решено здесь и сейчас. Я глаз не могу сомкнуть от горя. Так кто?

Ее голос прозвучал так тихо, что я не разобрал слов, но мне показалось, она ответила: «Они все чудовища!»

— Вздор! Твоему упрямству нет предела! Значит, тогда — Куэрт. Уж он-то сумеет тебя укротить.

— Папа! Предложи кого-нибудь еще!

— Нет. Ты должна выйти замуж как можно быстрее. Я не вижу другого выхода.

На мой взгляд, все это было очевидной западней, но она ничего не замечала. Комедия была тщательно продумана — вплоть до выбора часа, когда жертва менее всего в состоянии сопротивляться. Шалиаль с трудом уже сдерживала слезы.

— Есть еще один, — еле слышно пробормотала она, — еще один выход.

Она не поднимала взгляда, а то увидела бы промелькнувшее на лице ее отца выражение хитрого удовлетворения.

— Какой?

Она снова ответила шепотом.

— Зачем? Чтобы раскаяться?

— Чтобы стать жрицей.

Ториан снова застонал.

— Ты действительно это сделаешь? — грозно спросил отец.

Она кивнула.

— Скажи это! Если я поверю твоим словам, я, быть может, и соглашусь.

— Я стану жрицей.

Трое слушателей в хламидах качнулись вперед. Ториан сделал попытку вскочить, и я схватил его за плечо. С таким же успехом я мог бы попытаться уложить дикого быка мухобойкой. Тем не менее он снова плюхнулся на живот — не столько, боюсь, благодаря мне, сколько из-за того, что он забыл про толстую ветку над своей головой. Должно быть, удар слегка оглушил Ториана. На время он забыл свой рыцарский порыв и просто лежал, потирая затылок.

Девушка вздрогнула от страха и отвращения, когда трое мужчин шагнули в комнату. Все они были жрецами — безбородые, тучные, с выбритыми головами. Двое — в желтых хламидах, старший — в алой.

Вспышка алого в ночи придавала всей этой милой семейной интриге новую окраску — тут был замешан Балор. Все сходилось. Девушка в мольбе запрокинула голову, и эта поза лишь усилила мое ощущение, что я видел ее раньше.

Если я видел ее во сне, я не помнил из этого сна больше ничего.

— Вы слышали, ваше святейшество? — спросил отец.

— Мы слышали, — ответил Алая Хламида. — При встрече со старшим жрецом, детка, положено преклонять колена.

— Это же была ловушка! — свирепо прорычал Ториан.

— Разумеется. Молчи.

Девушка опустилаcь на колени. Старший жрец был приземист и до невозможности толст. Он возложил ей на голову свою пухлую руку и заговорил писклявым голосом евнуха:

— Шалиаль Тарпит, ты по собственной воле изъявила желание пойти в служение к святой Майане. Великая Мать приветствует тебя и прощает тебе твои прегрешения. Теперь ступай с нами, и да пребудет с тобой ее благословение. — Он усмехнулся.

Ловко проделано, подумал я. Ее просто вынудили это сказать. Интересно, кто же он, ее так и не названный любовник?

И еще интересно, что должен делать во всей этой истории я, если уж на то пошло?

Шалиаль не пыталась сопротивляться. Выходя из комнаты в сопровождении двух желтых хламид, она держала голову высоко, не глядя на отца. Она знала, что ее провели, и знала, кто это сделал. Знала она и то, за что, хотя мне это было неизвестно.

Тарпит остался наедине со старшим жрецом. Они улыбнулись друг другу.

Очень ловко проделано.

Даже если Тарпит один из главных людей в городе — а похоже на то, — что за уровень должен быть у этой интриги, чтобы вытащить главного жреца из постели посреди ночи для того лишь, чтобы посвятить молодую женщину в жрицы? Тарпит спокойно посмотрел на гостя, повернулся и скрылся из вида. Довольно скоро он вернулся с двумя полными кубками и протянул один жрецу.

— Да хранят боги этот дом, — произнес жрец.

— Мне кажется, ты мог бы отпустить нам все грехи. Я ведь делал все это без особой охоты, ваше святейшество! — Тарпит одним глотком опорожнил свой кубок.

— Еще бы! Да, тебе уготована ужасная роль. Но побуждения твои чисты. Ты всего лишь исполнил свой отцовский долг. Тебе не в чем раскаиваться, сын мой. — Толстяк в задумчивости отхлебнул из кубка. — Так в твоих утверждениях не было правды?

— Конечно, нет!

Даже на расстоянии я унюхал ложь, и, несомненно, это не укрылось от внимания жреца. Он наморщил лоб — казалось, даже бритый затылок собрался складками.

— Разумеется, в таких случаях, — произнес он масляным голосом, — принято делать небольшие приношения. — Он снова усмехнулся и протянул пухлую розовую руку. — Так, небольшой сувенир?

Купец нахмурился, но нехотя снял с шеи одну из толстых золотых цепей и повесил на протянутые в ожидании пальцы. Рука жреца не пошевелилась в ожидании большего.

— Условия были оговорены заранее, Нагьяк!

— Меня положено называть «ваше святейшество». На худой конец — «отец». — Пальцы продолжали ждать.

Похоже, купцу легче было смириться с потерей дочери, чем имущества. Он вспыхнул от ярости.

— Что проку тебе в золоте? Зачем кастрату позолота?

Глаза жреца почти скрылись в складках жира.

— Не забывай, с кем разговариваешь, сын мой. — Высокий голос зазвучал пронзительнее.

— Сам не забывай! Я возглавляю гильдию купцов города, Нагьяк. Мы помогли тебе возвыситься, мы же можем и скинуть тебя!

— Не думаю. Нет, право, не думаю. Это в высшей степени невероятно. — Улыбка жреца привела бы в ужас даже крокодила, но золотая цепь все же скрылась в складках хламиды.

Тарпит не сводил с него пристального взгляда. Мне редко приходилось видеть заговорщиков, относившихся друг к другу с такой враждебностью.

— Когда же? Как скоро?

Нагьяк пожал пухлыми — ни дать ни взять две подушки — плечами.

— Не печалься так, сын мой! Я согласен с военачальником Арксисом: у нас есть еще немного времени. Я полагаю, что этот хитрец хочет собрать все форканские орды у наших ворот. — Он визгливо хихикнул. — Ведь так мы сможем разделиться с ними разом, когда Балор поведет нас в бой, не так ли?

Купец уже повернулся, чтобы выйти из комнаты, но, услышав это, задержался. Теперь его возбуждение казалось более искренним, чем прежде, когда он обрушивался на свою дочь.

— Сорок лет! Сорок лет требуется на то, чтобы вырастить оливковое дерево! Видел ли ты дымы на востоке? И ведь я не один в таком положении, Нагьяк! Половина семей в городе разорена, а вы тут топчетесь в нерешительности!

— Половина семей? — надул пухлые губы жрец. — Оливковые рощи? Виноградники? Стада? А жизнь наших отважных юношей? О них ты подумал?

— У нас с тобой уговор! — свирепо повернулся к нему Тарпит. — Когда эта старая жаба исполнит свой долг?

Нагьяк развел руками в шелках, распутившись словно огромная алая роза.

— Когда будет благоугодно Майане. В новолуние. Или в следующее новолуние.

— Ходят слухи, что с ней случился еще удар.

— Не верь базарным слухам, сын мой! От них одно расстройство. Храни спокойствие и веру! Завтра глашатаи возгласят во всеуслышание о твоей жертве. Народ будет потрясен тем, что ты отдал единственную дочь в служение Великой Матери. Какая жертва! Они будут рыдать от умиления и рукоплескать тебе! — Он ухмыльнулся. — Возможно, они даже день или два не заметят, какие цены у тебя в лавках. Ну и конечно, будут дивиться подобным же жертвам, принесенным некоторыми другими видными горожанами.

Намек был достаточно прозрачен — купец побледнел.

— Но уговор!

Верховный жрец вновь протянул руку.

Побагровев от ярости, Тарпит снял с шеи оставшиеся цепи и отдал их.

— Твоя любимая дочь станет алмазом в короне Майаны, — сказал Нагьяк, растянув пухлые губы в усмешке. — Чистота твоих помыслов не подлежит сомнению. А теперь преклони колена, дорогой мой Бедиан, дабы я смог благословить тебя.

9. ЗНАКОМОЕ ЛИЦО

— В храм! — объявил я.

— Конечно, в храм!

В сопровождении Ториана, тенью следовавшего за мной, я обогнул пруд. Бедиан Тарпит по-прежнему стоял на коленях перед верховным жрецом у выхода из комнаты. Когда они пересекли атриум и направились к парадному входу, мы уже успели проскользнуть через столовую и подошли к черному ходу. По дороге я прихватил факел со стены.

— Ты спятил? Зачем? — запротестовал Ториан.

— А ты что, хочешь, чтобы тебя приняли за какого-нибудь грабителя? Доверься богам!

Помнится, впустив в дом Джаксиана Тарпита, слуга запер дверь. Я поднял факел повыше и нашел висевший на гвозде ключ. Выйдя, я запер дверь снаружи, а ключ сунул в складку своей повязки. Ворота, ясное дело, оставались незапертыми. Без колебаний распахнул я калитку и шагнул в переулок. Ториан прошипел что-то беспокойно, но последовал за мной.

Жрецы перемещались на носилках, так что мы не могли рассчитывать попасть в храм раньше их. Впрочем, я до сих пор понятия не имел, что буду делать, оказавшись в храме. Возможно, прогулка поможет прояснить мои мысли.

— Знаешь, о Меняла Историй, мне все труднее верить твоим утверждениям, будто ты не чародей. Откуда ты знал, что в переулке мы не наткнемся ни на кого из прохожих?

— А если бы и наткнулись? Теперь мы одеты и идем со светом, не таясь. Только стражники могут заподозрить что-то неладное.

Конечно, повязки наши были далеки от совершенства и не выдержали бы придирчивого осмотра. Мы шли босиком и без шапок. Умолчав на всякий случай о таких несущественных деталях, я свернул за угол и зашагал по другому узкому переулку. Здесь пахло верблюдами, и ноги то и дело наступали на что-то неприятно мягкое.

— В такое тревожное время весь город должен кишмя кишеть стражниками, — сказал Ториан.

— Значит, нам просто не следует попадаться им на глаза. Думаю, мы вполне можем добраться до храма, не выходя на Большой Проспект.

Некоторое время мы шагали молча, стараясь держать нужное направление. Высоко над головами жемчугами сверкали звезды, освещая нам путь. Летняя ночь была соткана из сочетания несовместимых запахов: конского навоза, готовки, неизвестных мне цветов.

И тем не менее город казался мне до удивления знакомым. Столько повидал я городов за всю свою жизнь, что они сливались в моей памяти как деревья в туманное утро. Конечно, мне никогда не забыть жемчужных шпилей Паэля или плавучих городов Фалланжа. Никуда не денется Даоль, в котором, казалось, время остановило свой бег, — пустынный днем, но оживающий ночью тенями, избегающими твоего взгляда. Были еще Города Молчания, где заговорить считается преступлением. Были и другие, о которых я не буду рассказывать. Но в любом из них, как правило, шагни в сторону от главных улиц — и окажешься в паутине переулков, повсюду одинаковых.

Голова гудела от вороха мыслей. Зачем этот влиятельный купец обманом заставил дочь пойти в жрицы? Он мог использовать ее для укрепления союза с какой-нибудь другой видной семьей. Для чего, если не для этого, существуют дочери, во всяком случае, в его мире из золотых стен? И почему ему помогал в этом деле сам верховный жрец? Судя

по их разговору, у них имелся на этот счет какой-то тайный уговор, хотя я не мог представить себе, в чем он заключался.

Я уже говорил, что стараюсь владеть своими чувствами, когда боги призывают меня в свидетели великих событий. Однако красота этой женщины тронула меня, к тому же лицо ее являлось мне и раньше — то ли в мечтах, то ли в воспоминаниях. И ей грозила серьезная опасность.

— Омар? — шепотом окликнул меня Ториан.

Я буркнул что-то в ответ.

— Ты уверен, что бог явится?

Я ответил, что да, уверен.

— Чудеса редки в наши прозаические времена. Это ведь не Золотой век. Сколько лет прошло с тех пор, как Балор в последний раз сходил на землю?

— Несколько веков — не знаю точно сколько. Я не справлялся в летописях и не говорил с мудрецами.

— А что случилось после? Судя по тому, что слышал я, Занадон несколько раз строил могучую империю.

— Вполне возможно. В этом нет ничего удивительного. Многие города создавали империи. Империи рушатся, порой вместе с ними гибнут и города. Что терзает тебя? — Я старался не замедлять шага, но начал уже задыхаться, и по груди моей струился пот.

Голос Ториана звучал негромко, но дышал он раздражающе спокойно.

— Но что будет потом? Когда бог сойдет на землю и разгромит форканцев — что потом? Вернется ли он после битвы к себе по Ту Сторону Радуги? Или останется править Великим Занадоном? Половина его давних противников уже обратилась во прах. Основывает ли Балор своим людям новые империи?

— Не знаю! — буркнул я. Я все не мог понять, куда он клонит.

— Может, он состарится, как смертный, и умрет? Может, родит сыновей, чтобы правили после него?

— Не знаю! — закричал я. — И не хочу знать!

— А я хочу, — тихо сказал Ториан.

Он был из Полрейна, где началась эта бойня. Я знал это по его слову. И он был воином — это по меньшей мере.

Помолчав немного, он начал снова:

— Царь Пульста известен под именем Мотин. Жрецы утверждают, что он — сорок третий, кто носит это имя, но вполне вероятно, что он уже пятьдесят девятый. Все цари Пульста носили имя Мотин.

— Ну и что?

— Неужели ты не понимаешь? Занадон остается непобедимым только потому, что стоит на неприступных скалах, вот и все. Ну, еще у него есть источники воды, чтобы выдержать осаду. Только и чудес, что утесы да стены. И когда появляется военачальник — будь то в час осады или в час атаки, — его провозглашают Балором. Как «Мотин» означает «царь» в Пульсте, так в Занадоне царь зовется «Балор»!

— Давай-ка срежем вот здесь... Но это не то, во что верят люди. Та женщина, что рассказала мне эту историю на Серебряных Берегах, — она твердо верила в нее. И я говорил со многими, кто спешил в город по Разбойной дороге в надежде на защиту, — они все ожидают живого бога.

— И я должен верить в хитроумные козни жрецов! Это же просто обман!

— Меня огорчает, что ты не веришь богам, друг мой Ториан.

— Я верю богам моей родной земли. Они по крайней мере остаются на своих местах. Я не доверяю этим странным богам долин, которые постоянно норовят во все вмешаться.

Я резко остановился и посмотрел ему в лицо, освещенное неровным, трепещущим пламенем факела. Два маленьких факела горели отражением в его черных глазах.

— Я не заставляю тебя идти со мной, — резко сказал я. — И ты меня тоже. Ступай с миром.

Какое-то мгновение мне казалось, что он так и поступит.

— Ответь мне на один-единственный вопрос, во имя Морфита, который рано или поздно унесет твою душу.

— Какой еще вопрос?

— Ты уже бывал в Занадоне?

Я колебался.

— Ну? — прорычал он. — У тебя на выбор два слова, оба не так уж сложно произнести.

Не так-то все просто.

— Во снах — да.

— А наяву?

— Не знаю, — ответил я. — Он так часто снился мне последние два года, что я, право, не знаю. Когда он приснился мне в первый раз, он казался совсем знакомым и уютным. Впрочем, во сне часто так бывает, правда ведь? Теперь, когда я здесь, он кажется мне знакомым — из снов. — Я вздохнул, ибо понимал, что вряд ли успокоил его этими словами. — Друг мой, если я и ходил по этим улицам раньше, то так давно, что память об этом поистерлась.

Он нахмурился, в черной бороде блеснули зубы. Должно быть, нерешительность была ему непривычна.

Я рассмеялся.

— Я мог бы поклясться, что эта улица ведет к площади. Должно быть, со времени моего последнего сна что-то изменилось. Все города похожи друг на друга, а я так долго странствовал! Идем, нам сюда!

Я повернулся и пошел, но спустя мгновение он догнал меня и зашагал рядом. Над головой, попискивая, сновали летучие мыши. Где-то вдалеке взвизгнула кошка. Когда Торриан заговорил снова, в голосе его звучал холод.

— Ты, наверное, знаешь, что Разбойных дорог две.

— Нет. Расскажи.

— Армия может попасть в Пряные Земли только двумя путями. Нельзя переправить конницу вверх по реке на судах — это не принято, да и неосуществимо. На севере — Култиарский хребет, на юге — Берег Небесного Жемчуга. Значит, захватчики могут попасть сюда либо с востока, либо с запада, либо через Девичий перевал, либо с Соанского побережья. Обычно они нападают сначала на Полрейн или на Танг и лишь потом принимают за остальных. Они прокатываются по равнине, ибо другого пути у них просто нет.

— Вот, значит, почему эта дорога называется Разбойной, — сказал я, слегка задыхаясь. Я начал бояться, что заблудился и что придется выходить на Большой Проспект. Дома здесь были выше и заслоняли собой звезды... Впрочем, я уже говорил, что не люблю смотреть на звезды. Я помолчал в нерешительности, а ночной воздух охлаждал вспотевшее тело.

— И посередине стоит Занадон, — продолжал Ториан.

— Ну и что? — Я не так силен в географии. Все, что меня обычно интересует, — это то, что ограничено горизонтом. Ториан, возможно, считал иначе, но на то он и воин, что бы он там ни сочинял про пирожные-корзиночки. Воины приучены думать не так, как рассказчики.

К тому же меня гораздо больше беспокоила сейчас география Занадона. Подумав, я пошел на восток.

— Так вот, Разбойных дорог две, и они встречаются на берегах Йолипи, у Занадона. Вот и выходит, что, когда города равнин объединяются против захватчиков — будь то форканцы или враги былых времен: кульпианцы, вариги, Охряные племена или кто угодно другой из тех, кто прокатывался по этой земле, сея смерть и слезы, — это происходит именно здесь. Будь набег с востока или с запада, конец один — последняя битва у стен Занадона.

Где-то впереди в просветах замаячил простор Большого Проспекта.

— Так ты считаешь, что города объединяются под властью Занадона?

— Возможно, под властью Занадона. Или просто под Занадоном. И кто бы ни стал вождем объединенной армии, его провозглашают Балором. И возможно, это не лишено смысла, ибо...

— Они пока не проявляют ни малейших признаков объединения. Ты сам видел, как их послов гнали от ворот. Или ты действительно полагаешь, что они провозгласят боевым вождем капрала Фотия?

Неужели все это было только сегодня вечером? Казалось, уже прошла неделя. Мои кости крошились от усталости, а ведь ночь еще не перевалила за полночь.

— Стой! — сказал я и нырнул в подворотню, спрятав факел за спину. От Большого Проспекта нас отделяло несколько шагов. Ториан встал рядом со мной.

— Что случилось?

— Надо дух перевести. — Я загасил факел о камни, оставив его тлеть. — Ты, возможно, и прав. Возможно, в древние времена все так и было, а нынешние людишки просто введены в заблуждение многочисленными преувеличениями и приукрашениями рассказчиков. Ну, если так, я стану свидетелем первого в истории падения Занадона — а это тоже достойное рассказа зрелище.

— И возможно, даже более интересное, — усмехнулся он.

Грохоча подошвами, по переулку прошел в направлении Большого Проспекта отряд солдат. Нас они не заметили.

Ториан испустил свой львиный рык.

— Ты знал о них!

— Нет. Мне надо было отдышаться. Я же сказал тебе.

Мощная рука сомкнулась на моем горле, приподняв меня над землей и лишив воздуха.

— Ты знал об их приближении!

Я захрипел, и хватка чуть ослабла.

— Я же говорил, что доверяться богам и испытывать их терпение — не одно и то же! Они хранят нас. Но это не значит, будто мы не должны по возможности облегчить им эту задачу.

Рука медленно, словно нехотя отодвинулась от моего горла.

— Когда мне кто-то врет, я его убиваю, — спокойно сообщил Ториан.

— Думаю, что со временем я это усвою, — прохрипел я. — Теперь пошли. Эти ублюдки не станут оглядываться.

Мы вышли на простор Большого Проспекта вдвоем, но я ощущал вставшую между нами стену недоверия. Храм высился прямо перед нами, совсем близко. Там горели огни. Оглянувшись на городские ворота, я увидел, что весь склон усеян огнями: светлячками или упавшими звездами. Я зашагал дальше, по-детски завидуя легкому шагу Ториана.

Довольно неприятно было ощущать себя таким маленьким, ибо ростом я не уступаю многим.

— Омар! — окликнул он меня. — Это безумие! Нас увидят!

— Кто увидит? Я же говорил — нам стоит остерегаться только стражи.

Проспект был широкий. Маленькие группы людей шли к храму или от храма — один-два человека в сопровождении слуги с факелом. Я решил, что все это просители. Долги, болезни, бесплодие — когда человек собирается обратиться к богам с какой-то серьезной просьбой, он предпочитает делать это незамеченным, в ночные часы. Не хочет же он в самом деле, чтобы его друзья застали его за молитвой Махусу! И потом, вполне возможно, ночью боги не так заняты, как днем, значит, им проще ответить на молитвы смертных.

В эти беспокойные времена просителей должно быть больше, чем обычно; купцы вроде Тарпита, потерявшие свои поля и плантации, жены, чьи мужья странствуют по дальним землям, матери, чьих сыновей взяли в армию.

Мы держались поодаль, не обращая на них внимания, и они точно так же игнорировали нас. Никто не замечал, что мы идем босиком. Хотя на нас и не было этих дурацких шапок-горшков Пряных Земель, но и не все из встреченных нами носили их. Вскоре мы дошли до колоннады, которой заканчивается Большой Проспект. Миновав арку, мы оказались в храме.

Площадь Тысячи Богов в Занадоне — самая большая площадь во всех известных мне городах-крепостях за исключением, быть может, Большой Площади в Сноворе. Я видал площади и больше в Островных Королевствах, полагающихся в своей обороне не на стены, а на флот, — но только там. В ту ночь зрелище лишило меня дара речи.

Правильный овал с боковых сторон ограничивал изгиб высокой стены, а со стороны, противоположной входу, — высокая пирамида храма. Колоннада, завершающая Большой Проспект, продолжалась портиками, окружающими площадь. Зиккурат — лестница богов — поднимался к небу

восемнадцать высокими ступенями, в три человеческих роста каждая. Лестница для смертных делила пополам ту его сторону, что была обращена к площади, и вела на самый верх зиккурата — к Обители Богини, золотая крыша которой сияла у самых звезд. По двум углам пирамиды стояли огромные, превосходящие ее по высоте Майана и Балор.

Они царили над площадью. Я запрокинул голову, чтобы посмотреть на их темные силуэты. Их головы касались небес. Они грозно смотрели на меня горящими глазами, хотя, возможно, это было всего лишь игрой воображения. Я подавленно отвел взгляд.

Только жрецам дозволено разгуливать по молельням и помещениям самого храма, но любой смертный может войти на площадь, чтобы совершить молитву. Перед каждой колонной стоит изваяние бога или богини.

Площадь была пуста. О, тут, возможно, была сотня людей, но это пространство запросто вместило бы все население города, так что площадь показалась бы пустой, даже если бы на ней упражнялись во владении пикой четыре кавалерийских когорты. Около двух дюжин огоньков горело забытыми звездами в ночи. На заднем плане, за колоннами, медленно передвигались, мерцая, факелы: небольшие группы жрецов и жриц, словно два огромных колеса, медленно вращались навстречу друг другу. Три или четыре маленьких воинских отряда пересекали площадь.

По меньшей мере половина огней не двигалась, очерчивая прерывистой цепочкой периметр площади, словно четки. Каждый огонек означал одного или двух молящихся. Факелы освещали коленопреклоненные фигуры просителей и выхватывали из темноты статуи богов. Кажется, только дюжина из тысячи статуй была освещена, слушая завывание у своих ног. В полумраке виднелись соседние изваяния — свидетели. От этого зрелища волосы встали у меня дыбом.

— Ну? — прорычал Ториан. — Девушка уже в храме. И что ты собираешься делать, о Меняла Историй? Взять храм Майаны приступом?

— Не знаю, — ответил я. Во рту у меня пересохло. — Кстати, вон те стражники направляются в нашу сторону. Пойдем-ка к кому-нибудь из богов и сделаем вид, что молимся. Там и подумаем.

— Тогда веди.

Старательно изображая слугу, который освещает дорогу своему господину, я двинулся через площадь. Я выбрал самый темный угол площади и направился в самую его середину, выбрав бога наугад.

Строго говоря, богов на храмовой площади Занадона всего-навсего триста сорок восемь — «тысяча» это, так сказать, поэтическое преувеличение. Позже, при свете дня, я изучил их; подобный набор я встречал и в других городах. В Вейлмене их так и вовсе больше четырех сотен. Большинство, правда, не более чем бессмысленные двойники — те же самые боги, но под другими именами. А остальные — покровители каких-то мелких городков, озер, рек и тому подобного. Причем некоторые настолько незначительны, что никто уже не помнил, кто они такие. Некоторые — совсем немного — даже и не люди: со звериными головами или крыльями. Как правило, этих экзотических богов ввозили из дальних стран.

Подавляющее большинство статуй изображало красивых мужчин и женщин, в человеческий рост или чуть крупнее, на невысоких, по колено, постаментах. Мужчины почти все были одеты, женщины — нет, хотя имелись и исключения. Почти половина держала в руках неперменные атрибуты вроде кувшинов с вином, пышных снопов или даже детей.

Когда мы подошли наконец к одной из фигур, я опустился на колени, как и положено молящемуся, и коснулся лицом земли. Ториан встал на колени рядом со мной.

Стояла тишина. Ночь была теплой и тихой: занадонцы молятся негромко — в отличие от многих других известных мне людей.

Я пребывал в замешательстве. Искать вход в храм и заходить внутрь казалось безумием. Я хотел найти прекрасную Шалиаль, хотя не очень представлял себе зачем — возмож-

но, чтобы предупредить ее об опасности. Но что, если она уже прошла инициацию и даже заговорить с ней будет преступным святотатством?

Если нас арестует сейчас как бродяг городская стража, нас от души выпорют и вышвырнут за городские ворота или, скорее, снова закуют в цепи и пошлют укреплять стены.

Но если нас поймают в храме Майаны, сбудутся самые худшие опасения Ториана. Рано или поздно нас, конечно, сдадут городской страже, но не раньше, чем лишат мужского достоинства. Я и сам слышал истории про тупые ножи, раскаленное железо, чтобы останавливать кровь, и истории еще более страшные, где все делалось ногтями... Большинство умирает от боли, и таким еще, можно сказать, повезло.

И что должен здесь делать я? Зачем мне была показана эта странная ночная сцена: человек, отдающий свою дочь в жрицы против ее воли? Если я не найду повод для пребывания здесь, Ториан посмеется надо мной и обзовет меня сумасшедшим. Мне отчаянно необходимо было уснуть и увидеть сон.

Для разнообразия Ториан откинулся назад и воздел руки к небу.

— Услышь мою молитву, о святой... — Он осекся и пригладился повнимательнее. — Рош? — прошептал он, прочитав имя на постаменте. — Этого бога зовут Рош. Кто такой Рош?

Он склонился к земле, а я выпрямился, воздев руки. Это улучшало кровообращение и к тому же выглядело убедительнее.

— Рош — бог истории, приливов и — иногда — памяти.

Я склонился, и Ториан выпрямился.

— Зачем приливам свой бог? — спросил он. — Бог — для того лишь, чтобы толкать воду туда-сюда?

— Не богохульствуй, — шепнул я.

Неожиданно Ториан вскочил и громко, с присвистом выдохнул. Потом выхватил факел у меня из руки и поднял его к лицу бога.

Я тоже встал, глядя на лицо изваяния. Высеченный из старого, выветренного гранита, Рош — симпатичный юнец, обнаженный, почти безбородый — загадочно улыбался нам со своего

постамент. В мерцающем свете факела губы его, казалось, шевелились, отчего улыбка казалась еще шире. Я чуть было не поверил, что он вот-вот поднимет руку в приветствии.

Ториан снова рухнул на колени, кланяясь до земли. Только теперь он кланялся мне.

10. ЗНАКОМАЯ СПИНА

Я тоже опустился на колени. Ториан все прижимался лицом к булыжнику. Я задумчиво потеревил бороду.

— Это просто совпадение, — сказал я. — Так, случайное сходство.

Ториан не ответил. Я отчетливо слышал, как стучат его зубы.

— Я человек. Омар, меняла историй. Не Рош, не бог.

Ториан медленно выпрямился и посмотрел на меня. Снова глаза его горели двумя маленькими факелами. Скулы над бородой побелели.

— Можешь поклясться, что ты смертен?

— Насколько мне известно, смертен. Я не знаю точно, так как доказать это смогу, только когда умру.

— Сколько тебе лет?

— Ах! Трудный вопрос. Я сам сбился со счета. Больше, чем кажется, во всяком случае. Думаю, боги хранят меня в благодарность за то, что я бываю им полезен. Но я дышу, и потею, и ем, и испражняюсь, как любой человек, и плету небылицы девушкам. — Я улыбнулся ему как можно более естественно, ибо мне было действительно жаль его. — Я трушу, и хвораю, и терпеть не могу брокколи. Это просто случайное сходство. Освещение тут плохое.

— Так ты клянешься, что ты смертный?

— Чтоб Морфит отверг мою душу, если вру! — Конечно, не самая убедительная клятва: будь я бессмертен, Морфит не имел бы надо мной никакой власти.

Похоже, Ториан не заметил противоречия; он протянул руку словно для пожатия. Я принял ее. Он сжал мне кисть. Наверное, такой хваткой он мог крошить кирпичи. По лицу у меня струился пот, и я закусил губу, пытаясь удержаться от крика боли. В конце концов я негромко взвыл. Только тогда он отпустил меня.

— Ты, чертов свинский высерок! — прохрипел я, растирая руку. — Если б я мог разить молниями, я бы тебе потроха выжег за это! — Я облизал кровь с руки и вытер слезы.

— Если б я не верил, что ты обладаешь сверхчеловеческими силами, — буркнул он, — я бы разорвал тебя в клочья. Что тебе от меня нужно?

— Дружбу. Не больше, но и не меньше.

Его угольно-черные глаза блестели в свете факела, но оставались холодными, как могила.

— Я не разбрасываюсь своей дружбой просто так. Это обязывает жизнью. — Разумеется, он имел в виду воинскую дружбу. Да, воинская дружба — это не то, что возможно предложить простому меняле историй.

— Тогда давай просто договоримся довольствоваться обществом друг друга и вести себя честно.

— Мне не нужно клясться, чтобы вести себя честно, Меняла. Ладно, ты человек забавный, к тому же, похоже, без подвоха. Значит, дружба на таких условиях. Теперь скажи-ка: почему приливов и истории? И почему бог истории — почти мальчишка?

— У истории свои приливы и отливы, сдается мне. — Я покосился на статую и ухмыльнулся. — А все-таки ведь не совсем мальчик? Да и грудь у него в волосах. Если б у меня были дочери, я бы старался не подпускать его к ним. Мне кажется, как История Рош изображается старше. А как Память он совсем юн.

— Почему? По-моему, это неверно.

— Спроси у жриц. Возможно, потому, что воспоминация юности самые счастливые. И потом, насколько я помню легенду... в воплощении бога приливов Рош взрослеет,

как смертный, до тех пор, пока не становится глубоким стариком. А потом снова молодеет — и так до бесконечности.

Великан нахмурился:

— Учитывая обстоятельства, вся эта философия меня мало утешает.

— Не ломай ты над этим голову, Ториан, — посоветовал я. — Как известно, боги никогда не позируют для своих изваяний — это делают за них смертные. Какой-нибудь король или богатый купец, задолжавший храму десятину, предпочел заплатить своему племяннику-скульптору. Или возжелал увековечить свою жену, или подружку, или сына. Ну, например, тетя Страшила в качестве богини Саранчи... Так при чем здесь сходство? Я никогда не позировал скульпторам: не настолько я горжусь своей внешностью. Какой-нибудь давным-давно забытый горожанин столетие назад в годы юности носил мои черты. Боги использовали их еще раз, когда творили меня, вот и все.

— Может, и так. — Судя по голосу, его не слишком удовлетворило мое объяснение.

— Это может даже пригодиться, если мне потребуется соврать что-то по большому счету, — усмехнулся я. — Знаешь, со мной, бывало, происходили забавнейшие вещи. Много лет назад я прожил некоторое время в Аху Савиш. Совершенно случайно обнаружилось, что я как две капли воды похож на младшего выборного мужа царицы, и...

— Как-нибудь в другой раз, пожалуйста. Скажи лучше, что нам делать сейчас?

— Думаю, что пойду в храм и найду там женщину.

Ториан уставился на меня так, словно хотел определить на глаз мою умственную полноценность.

— Ты слишком многого требуешь от моей дружбы! Конечно, девушка очень хороша и ее подло обманули. Я не считаю себя трусливее любого другого, но тебе придется доказать мне, что то, что мы можем сделать для нее, стоит риска, ибо, если жрецы изловят нас, от нас уже не будет пользы ни для нее, ни для любой другой женщины.

На этот вопрос мне нечего было ответить, но, к счастью, боги избавили меня от необходимости отвечать. В проходе за статуей слышались шаги.

— Кто-то идет!

Мы с Торианом не сговариваясь повернулись к Рошу и распластались ничком. Нельзя сказать, чтобы я слишком боялся, ибо все, что кто-то мог увидеть, поглядев на нас, были две обнаженные спины. Единственное, что мне грозило, — возможность уснуть. Коленопреклоненная поза оказалась слишком удобной, особенно после столь долгого и полного событиями дня.

Шаги и голоса приблизились и миновали нас, удаляясь по направлению к храму. Кроме сопрано евнуха, были и еще два голоса — хриплый баритон и утробный бас.

Последний показался мне знакомым.

Я покосился на своего спутника. Увидев сверкающий белок глаза и белозубый оскал, я предостерегающе нахмурился.

— Еще не время, — прошептал я.

Стоило им отойти чуть подальше, как мы на четвереньках заползли за колонну и выглянули оттуда. От нас удалялись трое. Перед ними шел прислужник с факелом, и все, что мы видели, — три темных силуэта.

Тот, что шел справа, был военным, и его я не знал.

Толстый коротышка, семенивший посередине, был жрецом, но в пурпурной хламиде. Не Нагьяк. Впрочем, пурпур тоже означал, наверное, кого-то важного.

Здоровяк слева шагал в коричневой повязке, обнажавшей одну ляжку, что означало невысокий статус. Его шапка возвышалась чуть не на два локтя над сиявшим лысиной затылком жреца; спина его не уступала шириной и мускулатурой спине Ториана. Я и раньше обращал внимание, насколько похожи они телосложением.

И что, интересно, делает этот увалень, капрал Фотий, во всей этой истории, да к тому же в штатском? Я снова повернул голову и подмигнул Ториану.

— Ну что, за ними?

Он молча кивнул.

* * *

Стражники не заподозрили нас ни в чем, когда мы поднялись на ноги и зашагали в направлении огромных ног Балора. Бесстрашные — или стараясь казаться бесстрашными, — поспешили мы за этой троицей. Они шли чуть правее, следуя изгибу стены — их факел мелькал меж колонн. Они могли направляться только в храм.

Я все думал об Аху Савиш.

— Может, лучше нам погасить огонь? — предложил Ториан чуть погодя.

Собственно, факел и сам вот-вот готов был угаснуть без посторонней помощи.

— Мне спокойнее, когда он горит. Уверяю тебя, с факелом мы выглядим гораздо менее подозрительно. Давай сделаем вид, будто собираемся помолиться какому-нибудь незначительному, забытому богу, затерявшемуся на этой необъятной площади. Ну, например, Ол-Ку-а-Ранну, покровителю некогда прославленного Поллидия. Если он здесь и присутствует, то только в самых глухих закоулках. Несчастный бог, позволивший своему городу погибнуть, — то-то, должно быть, остальные над ним потешались! Несомненно, у него хватит времени выслушать наши молитвы. Первейшее правило маскировки — это думать, как...

— Прекрати трепаться!

— Тоже верно, — согласился я. — Это со мной всегда так, когда я волнуюсь. Пойми, меня ведь никогда не учили быть храбрым, как подобает воину.

Впрочем, в страхе я был не одинок. Воин или нет, Ториан тоже потел так сильно, что кожа его блестела в свете факела. Храбрость — умение принять опасность. Храбрые люди боятся точно так же, как и трусы. Вся разница лишь в том, что они при этом исполняют свой долг.

Он остановил меня, схватив за плечо.

— Они, похоже, идут в храм. Уж не предлагаешь ли ты следовать за ними и дальше?

— Именно.

— Может, притворившись жрецом?

Уж за кого, за кого, а за жрецов бы нас не принял никто — достаточно одного только взгляда на бороду и волосатую грудь Ториана или даже на мою менее пышную растительность.

— Нет. Я просто верю в то, что боги помогут мне остаться незамеченным.

— Но это же чистое безумие!

— Тебе не обязательно идти, если ты не хочешь, — сказал я, хотя сам надеялся, что он пойдет: без него было бы слишком одиноко.

Мы и так уже беглые рабы. Стоит нам шагнуть за колонны — и мы превратимся в преступников, достойных кары, рядом с которой даже смерть покажется пустяком. Лицо Ториана исказилось, как от боли.

— Я с легкостью встречу клинок в бою, и я проливал свою кровь. Я не боюсь смерти! Но это? Ногти? Цепи?

Я стряхнул с плеча его потную руку.

— Да хранит тебя Кразат, друг мой, — сказал я и пошел вперед, оставив его стоять с факелом.

Должен признать, я был несколько разочарован. Я наслушался, да и сам рассказывал столько историй про героев, что поверил в то, что все герои должны вести себя героически. Иногда я забываю, что герои — тоже люди. У Ториана — как и у любого из нас — были свои слабости. И уж конечно, я мог понять его: воина учат полагаться лишь на собственную сноровку и на братьев по оружию. Я же за долгие годы привык доверять себя богам. Так что действительно положение его было не из легких.

Тем не менее не успел я сделать и несколько шагов, как факел, который он все еще держал в руке, погас. Я обернулся.

— Ты веришь в знаки? — спросил я.

Он издал очень негромкий горловой звук и шагнул вперед. Герой снова сделался героем.

Наверное, боги тоже слегка подтолкнули его. Все же мне кажется, он так и так пошел бы за мной, ибо воины не выносят, когда кто-то превосходит их в храбрости. Вместе мы прошли мимо исполинской ступни Балора.

— Я объясню тебе, как устроен этот храм, — сказал я. — Приблизительно, конечно. В центре пирамиды... что-то не так?

Ториан зашипел, как змея.

— Говоришь, никогда не был в Занадоне?

— Не был. По крайней мере я этого не помню. Помнишь, я говорил тебе про Аху Савиш, где я так смахивал на младшего выборного...

— Заткнись, — произнес Ториан со спокойствием, лишь подчеркивающим напряженность его чувств. — Я не желаю больше слышать твою пустую болтовню и фантазии. Если нас задержат, я собственными руками вырву тебе глаза, не дожидаясь, пока это сделают жрицы. А теперь заткнись!

Я счел за благо помолчать. Все, что я хотел рассказать своему вспыльчивому спутнику, — это некоторые наблюдения, вынесенные мною из знакомства с дворцом в Аху Савиш. Тот тоже выстроен по принципу ступенчатой пирамиды, хотя имеет не восемнадцать ступеней, а всего одиннадцать. К тому же он сооружен не из красно-бурого гранита, а из белого известняка. Впрочем, это не столь существенно.

Какого бы цвета ни была пирамида, она производит величественное впечатление. Кажется, что в ней полным-полно места, но на деле это вовсе не так. При том, что она может напоминать кому-то квадратную в плане разновидность купола, внутренность ее нельзя сделать полой без риска обрушить стены (или крышу; все зависит от того, как вам нравится называть боковые поверхности). А если вы построите внутренние стены, чтобы подпереть ими наружные, каким образом вы будете освещать или проветривать внутренние помещения? В общем, от ядра пирамиды не больше пользы, чем от косточки манго.

Дворец в Аху Савиш был изначально храмом, ступенчатой пирамидой из сплошной каменной кладки. Он был так стар, что никто уже не помнил, какому богу он посвящался. Царица решила перестроить его во дворец, поскольку ее подданные имели склонность то и дело затевать мятежи, а савишианцы славятся как чертовски меткие лучники. Три ее предыдущих дворца сгорели дотла, подожженные пущен-

ными посреди ночи горящими стрелами. Фьюить — прямо в окно. К тому же меткие стрелки подстрелили некоторое количество ее мужей.

Так вот, она сделала — точнее, приказала сделать, ибо царицы редко делают такие вещи своими руками, — в общем, она приказала построить по краю каждой ступени стену, вокруг всей пирамиды. Верх каждой стены приходился вровень со следующей ступенью.

Потом она перекрыла те места, которые ей понравились.

Таким образом, у нее получилось несколько окруженных стенами квадратных ярусов... могут квадраты окружаться? Трудно объяснить, не двигая при этом руками. В общем, эти ярусы имели достаточную ширину, чтобы их поделили на комнаты, оставив с наружной стороны коридор для сквозного прохода. Климат на острове Аху Савиш очень сухой, поэтому отверстия для проветривания и освещения можно проделать в крыше. У многих комнат вообще не было крыши.

Снаружи дворец производил весьма внушительное впечатление. У него не было окон, а это означало, что стрелы пускать некуда. Меткие лучники не видели снизу проемов в крыше. Не зная, куда целиться, они были вынуждены стрелять наугад. В некотором роде это был очень даже азартный спорт. Лежишь, бывало, в постели с царицей и слышишь: «звяк!» стрелы о крышу над головой. Несколько раз, когда я шел по коридору, к моим ногам валились мертвые слуги, пронзенные стрелой. Жизнь во дворце обыкновенно скучна, но не в Аху Савиш.

Точно так же царица оставила с носом и поджигателей. Хотя крыши были деревянные, полы оставались каменными. Самое страшное, что могла натворить горящая стрела, — выжечь комнату или две. Огню некуда было распространяться, а несколько часов работы восстанавливали комнату как новенькую. Кудряшка вообще обожала менять интерьеры.

Да, я забыл одну деталь. Лестницу пришлось высечь в толще старой пирамиды. Да вы, наверное, и сами уже догадались.

11. ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ

Проход за колоннами огибал исполинскую ногу Балора и заканчивался у основания пирамиды, посередине ее восточной грани. Из дверей струился слабый свет. Мы с Торианом находились уже в опасной близости от тех, кого преследовали, и слышали приветственные голоса. Жрец пропустил обоих солдат вперед внутрь.

В этом не было ничего неожиданного, но они вполне могли свернуть направо или налево, в одну из дверей. Я решил, что они ведут в подсобные помещения храма. Даже храм не может обойтись без прачечной, туалета и всего тому подобного. Возможно, там располагались и собственные храмовые огороды.

Тем не менее голоса не стихли сразу, хоть и сделались неразборчивыми. Потом стихли и они, а свет погас. Наша добыча ушла куда-то в глубь храма. Если мои предположения были верны, они могли пойти в одном из трех направлений. Я выждал несколько секунд — несколько тысяч ударов сердца, учитывая обстоятельства, — потом подкрался к двери и заглянул внутрь. Как раз вовремя, чтобы увидеть Фотия собственной персоной, исчезающего на лестнице прямо передо мной. Отсвет факелов где-то за ним отбрасывал на стены причудливые тени. Вправо и влево тянулись коридоры, но в них было темно.

Ториан издал тихий стон, но не отставал от меня, хотя я и заметил на его лице отсутствие особого энтузиазма.

Я рад был увидеть, что мои предположения до сих пор находили подтверждение. Лестница располагалась прямо перед входом, а коридоры вели в обе стороны. Я предполагал, что в таком огромном сооружении окажутся и другие лестницы — возможно, по одной на каждую сторону.

Мы осторожно вытянули шеи, заглядывая в узкое ущелье, уходившее на недостижимую высоту вверх. Далекие факелы отмечали продвижение тех, за кем мы охотились. Они уже миновали второй ярус и поднимались выше. К уже зна-

комой нам троице добавились еще двое — судя по всему, те, что встретили их у дверей. Процессию возглавлял уже не один, а двое с факелами — я разглядел, что оба были жрецами в белых хламидах. Человек в броне шествовал меж двух других жрецов — Пурпурной и Зеленой Хламидами. Капрал Фотий замыкал шествие — собственно, самое место ему было в хвосте.

Я поставил ногу на нижнюю ступеньку. Ториан схватил меня за плечо хваткой, не уступающей по силе львиным челюстям.

— Ты спятил! — прошипел он. — Фуфанг пожрал все твои мозги. Ты абсолютно, окончательно и бесповоротно сбрендил!

— Не переживай так, — прошипел я в ответ. — Они нас не видят: никто не оглядывается, поднимаясь по лестнице. И потом, мы с тобой в темноте. — Он не нашелся, что на это ответить, и мы начали подниматься.

Неспешное продвижение идущих впереди наводило на мысль, что подъем им предстоит долгий. Это несколько разочаровало меня, ибо хорошо известно, что в высоких зданиях при отсутствии живописной панорамы с самого верха наиболее важные люди живут и работают на нижних этажах. Наверх выселяют только самых зеленых новичков. Так по крайней мере обстояли дела в Аху Савиш.

И потом, чем выше подъем — тем дольше страдать бедняге Ториану.

Однако мои догадки насчет планировки здания подтвердились. На каждом этаже коридор вел вправо и влево от лестницы, но ни одного — в глубь пирамиды. Единственным путем к центру оставалась сама лестница, и она все так же карабкалась вверх, ни разу не вгрызаясь глубоко в гранитный массив. Храм отличался от дворца Кудряшки только в одном — все крыши и внутренние стены тоже были построены из камня. Вечный Занадон строил свой храм на века.

Факелы ползли вверх далеко перед нами, и мы молча поднимались следом. Мы не разговаривали, а скоро запыхались настолько, что и не могли бы говорить. Один раз я

услышал далекое пение молитв, а несколько раз даже храп, но в целом храм оставался погруженным в тишину, как и лежащий внизу город.

Большинство боковых коридоров были темными, и я замечал их только по мельканию звезд в просветах крыши. Там, где горел свет, мы передвигались с особой осторожностью, с опаской оглядываясь по сторонам, прежде чем прошмыгнуть на следующий лестничный проем. Обычно это просто горели факелы на стенах, но один раз мы увидели небольшую группу жриц. Ториан сдавленно охнул, когда я выскользнул из темного отверстия лестницы и бегом пересек освещенный кусок. Разумеется, боги устроили так, чтобы все до одной женщины повернулись ко мне спиной. Впрочем, я не стал задерживаться, чтобы посмотреть, чем они там заняты. Мгновение спустя Ториан, тяжело дыша, присоединился ко мне.

Мое сердце билось достаточно часто еще до того, как мы ступили на лестницу. Казалось, оно окончательно выбилось из сил уже к середине подъема. Камни под ногами казались ледяными; воздух был тяжелым от благовоний. Ноги подкашивались. Даже рука ныла от непрерывного цепляния за перила — вторая болела уже давно от общения с лапой Ториана. День выдался слишком долгим и трудным.

Выше и выше вели жрецы своих гостей. Мы двумя тенями скользили вслед за ними. Интересно, как выдерживает подъем толстый жрец в пурпурной хламиде? Больше всего я боялся, что вся компания остановится передохнуть, ибо тогда ничто не помешало бы им инстинктивно оглянуться — посмотреть, на какую высоту они поднялись. Нас с Торианом вполне можно было разглядеть в свете факелов нижних коридоров или в слабом мерцании звезд.

Я потерял счет ярусам. Я никак не мог отделаться от мыслей о том, что делать, когда нас обнаружат. Каково мне будет нестись вниз, подгоняемому роем разъяренных жрецов? Об этом не стоило думать, но я ничего не мог с собой поделать. Я смутно понимал, что, когда мы дойдем до вершины, нам придется либо остановиться, либо учиться ле-

тать. Может, Ториан еще не сбился со счета, а может, он просто заметил перемену в освещении или уловил слабое эхо голосов. Как бы то ни было, он схватил меня за плечо и дернул за собой в боковой коридор — по счастью, пустой. Свет на лестнице померк. Я не знаю, оглядывались ли жрецы с солдатами на проделанный путь, но это было бы вполне естественно с их стороны. Если так, то они — спасибо Ториану! — увидели лестницу пустой.

— Пошли! — прошептал я. Мы слегка ускорили шаг и, одолев два последних марша, за которыми исчезла наша добыча, оказались на самом верху храма. Дальше лестницы не было.

Не было и коридора. Лестница завершалась квадратной площадкой в ширину марша. По обе стороны виднелись тяжелые двойные двери. Слева доносились голоса, и из-под двери сочился свет.

Мгновение я размышлял, не подкрасться ли к двери, чтобы подслушать. Но в конце концов решил, что даже я не настолько безрассуден, чтобы испытывать терпение богов. Шансы на то, что младших жрецов с факелами отошлют перед началом серьезного разговора, были более чем велики. Тут-то они бы на нас и наткнулись.

Я поднял глаза к потолку. Звездный свет проникал через два больших отверстия. Я шагнул к ближнему из них, прислонился плечом к стене и сцепил руки в замок. Ноги мои тряслись, как танцовщицы из Синишистры.

Ториан пробормотал что-то нелицеприятное, но поставил ногу мне на руки. Локтевые и плечевые суставы сделали попытку выдернуться, но в последнее мгновение передумали. Он шагнул мне на плечи, и я почувствовал, что сейчас меня раздавят, как очищенный апельсин.

— Не могу дотянуться, — прошептал он.

Я чуть было не нарушил свое первейшее жизненное правило — не молиться. Вместо этого я стиснул зубы и поднял руки на уровень плеч ладонями вверх.

— Ты не сможешь! — прошептал Ториан.

— Не рассуждай! — огрызнулся я. Факелonosцы могли выйти из комнаты с минуты на минуту.

Прислонившись к стене, Ториан осторожно переставил ступни мне на ладони. Я пошатнулся, но попробовал поднять его. Ничего не вышло — у меня просто не осталось на это сил. И все же я знал еще один способ: я резко присел, подогнув ноги и одновременно распрямив руки; Ториан при этом оставался более или менее на одном месте. Не сгибая рук, я медленно выпрямил ноги, поднимая его выше. Ничего особенного, самый нехитрый трюк — я выучился ему, странствуя по Золотой Долине с Пав Им'пой и его труппой акробатов. Я часто видел, как они такое проделывали, хотя сам никогда не пробовал.

Ториан схватился за крышу, подтянулся и исчез. Миг — и передо мной, покачиваясь, повис конец его повязки. Мне пришлось подпрыгнуть, чтобы ухватиться за «канат», и он дернул меня вверх, как рыболов, подсекающий пескаря. В этот момент дверь отворилась и на стену упал луч света.

Судя по всему, жрецы не испытывали особого желания смотреть наверх — особенно учитывая то, что факелы они держали над головами. Они так и не заметили меня, хотя чуть не подожгли мне повязку. Потом лапа Ториана сомкнулась у меня на запястье и он вытащил меня на крышу.

Я лежал на спине, задыхаясь, истекая потом и щурясь от великолепия звезд.

Столько Слез Неба, и так они прекрасны, что от одного взгляда на них я ощущаю себя почти богом. Мысленно я протягиваю руки, чтобы обнять их, я желаю их так страстно, как нищий желает золота. Они пляшут в ночи во всем своем великолепии, холодные и яркие, как чистейшие из чистых алмазов, безразличные к смертным, что вызывают к ним или плачут от их красоты. Они кружатся в танце — холодные, ледяные! Но порой, когда я смотрю на них так — и это самое страшное, а может, самое прекрасное, я так и не решил, — порой мне начинает казаться, что я смотрю на них не снизу вверх, но сверху вниз, и когда на меня накатывает такое, я падаю и падаю. Я проваливаюсь в бездонную пропасть, полную звезд. И звезды из ледяных становятся горячими, жгу-

щими, а темное пространство меж ними заполнено тайной и манит к себе, словно сокровенные места женского тела — мягкие, сладкие! Мне говорили, что в такие минуты дыхание мое пресекается, а суставы хрустят... но не будем больше об этом.

На сей раз это длилось всего мгновение. Ториан склонился надо мной, заслонив собою небо, и встряхнул, приводя в чувство. Я услышал его хриплое дыхание, снизу доносились негромкие голоса. Я приподнялся и отвернулся от звездного великолепия.

Под нами два жреца с факелами спускались по лестнице в сопровождении четырех жриц в разноцветных хламидах. Жрец в зеленой хламиде остался на площадке — на часах, решил я. Дверь закрылась. Выходит, младших отослали, теперь можно начинать серьезный разговор.

Зато мы с Торианом на крыше имели неограниченные возможности для наблюдения. Он встал и снова облачился в повязку, а потом отправился послушать, какой еще заговор затевается в такой поздний час. Я кое-как поднялся и поплелся за ним.

Мы были высоко — над горой, над городом, над долиной. Легкий ветерок овеивал мою мокрую от пота кожу, принося с собой илистый запах рисовых чеков. Мир простирался под нами, растворяясь в ночной тьме, замкнутый куполом звездного неба. Вдали за башнями и шпилями Занадона блестела серебряная лента реки Йолипи. А еще дальше на востоке на холмах светились огненные точки и черточки — возможно, оливковые рощи или деревни, через которые я проходил несколько дней назад. Там были форканцы — достаточно близко, чтобы по спине пробежал неприятный холодок. Ближе, чем я ожидал.

Сбоку, неожиданно далеко от нас, стояла к нам спиной огромная фигура Балора. Как высоко мы ни стояли, он был еще выше. Мы находились где-то на уровне его плеч. Ощувив легкое головокружение, я схватился рукой за стену — верхнюю ступень пирамиды. Она заслоняла от меня расположенную на верхнем уровне Обитель Майаны и саму Майану на западе.

Я переключил внимание на то, что находилось прямо подо мной. Первое помещение было почти полностью открытым — скорее маленький дворик для отдыха. В нем стояло несколько кушеток и стол, а также какая-то штукovina, в которой я не сразу узнал кресло-носилки. Горевшая на стене лампада отбрасывала тени, которые сверху нам казались донельзя причудливыми. В это время года такой дворик может служить кому-то очень высокопоставленному спальней.

Будь он совсем без крыши, мы с Торианом могли бы обойти его только по гребню наружной стены, где нас было бы легко заметить как с земли, так и с нижних ярусов — жрецы, как и простые смертные, предпочитают теплыми летними ночами спать на крыше. Однако нам не понадобилось рисковать, так как вдоль внутренней стены тянулась крытая галерея, по кровле которой мы и пробрались на крышу следующего помещения.

Двери его также оказались закрыты, зато на крышу выходили три отверстия для освещения и вентиляции. Наверное, в дождь их прикрывают, но в эту жаркую ночь они были открыты настежь. Комната была такой высокой, что мы без труда могли разглядеть все углы. К тому же мы стояли в относительной темноте. Пока мы держались поближе к темной гранитной стене верхнего яруса, снизу нас не мог заметить никто.

Комната была длинной, она протянулась почти до угла яруса. Судя по всему, она служила молельней, — у дальней стены стоял небольшой алтарь, а по обе стороны от него возвышались изваяния Майаны и Балора в человеческий рост. Перед ними у кресла с высокой спинкой стояли полукругом пять человек.

Само кресло представляло собой сложную конструкцию из резного дерева, роскошных тканей и кож, поставленную на колеса. И только разглядев все, я заметил, что в комнате присутствует и шестая персона, сидевшая в этом самом кресле. Я не заметил ее сразу, хоть она и была одета в алую хламиду. Очень маленькая и очень дряхлая, она сидела в

неудобной позе, словно страдала искривлением позвоночника — мокрое полотенце, выжатое и брошенное в угол. Она спала. Седые пряди выбивались из-под богато изукрашенной головной повязки; лежавшие на коленях руки напоминали скрюченные клешни, лицо превратилось в высохшую морщинистую маску. Я вспомнил, что Бедиан Тарпит говорил что-то про выжившую из ума старую жабу.

На плоской груди, гротескно большое по сравнению с ней самой, висело алмазное украшение в форме полумесяца. Увидев его, я понял, что предо мной верховная жрица Майаны, которой принадлежит власть в этом храме, а возможно, и во всем городе.

По одну сторону от нее стоял верховный жрец Нагьяк — чудовищная ухмыляющаяся туша в красном. Я удивился, как это он забрался на такую высоту, но потом вспомнил про кресло-носилки во двореке.

Рядом с Нагьяком стоял жрец в пурпурной хламиде, сопровождавший гостей. Он был выше и чуть моложе, чем верховный жрец, хотя в тучности почти не уступал ему. Подобно Нагьяку, он был безбород и выбрит наголо. Он все никак не мог отдышаться после подъема.

По другую сторону кресла стояла дородная женщина средних лет. Пурпурная хламида и головная повязка выдавали в ней жрицу, да и лицо ее отличалось характерной для храмовой жизни бледностью, но столь мощная комплекция подобала бы скорее крестьянке — у нее были большие, мужские руки и тяжелая челюсть. Жрица хмуро смотрела на гостей, всем своим видом напоминая крестьянина, на огород к которому забрели две голодные свиньи.

Так, значит, эти четверо и есть высшая духовная власть Занадона? Перед ними стояли на коленях Грамиан Фотий и еще один мужчина в латах, заметно старше.

— ...верить твоему уважаемому мнению, Военачальник, — говорил Нагьяк, — наше положение безнадежно? — Его фальцет звучал надрывно.

— Да, ваше святейшество. — Зычный солдафонский голос мог бы прокатиться по парадному плацу и вернуться

обратно эхом, почти не ослабнув. — По земным меркам безнадёжно.

— Значит, армия не может сражаться без Балора?

— Увы, именно так.

Все ждали, что скажет на это верховная жрица. Она всхрипнула во сне.

— Я же говорила, — буркнула вторая жрица. — Все без толку.

Нагьяк бросил на нее взгляд, исполненный ненависти, и подвинулся ближе к старухе в кресле.

— Святая мать! Ваше святейшество! Возлюбленная Майаны? — Он визжал ей прямо в ухо, но с таким же успехом мог бы обращаться к каменным изваяниям у алтаря.

— Позови по имени, — посоветовала женщина в пурпурной хламиде. — Это иногда помогает.

— Скикалм!

Губы и веки — казалось, они древнее самих богов — шевельнулись. Сухая листва на ветру. Глаза неуверенно мигнули, слепо уставившись в пустоту.

— Форканцы! — визжал Нагьяк. — Они грабят, жгут, убивают и насилуют по всем Пряным Землям!

Старуха пошамкала губами. Мириады морщин на ее лице извивались как змеи.

Нагьяк повернулся к своему подчиненному в пурпуре, хранившему полную невозмутимость. Покосился на вторую женщину — та только пожала плечами. Он еще раз склонился к верховной жрице.

— Город в опасности! Ты должна призвать бессмертного Балора!

Беззубый рот шевелился почти беззвучно. Она устала скрюченный палец в стоявшего на коленях воина и пробормотала что-то неразборчивое.

Остальные переглянулись, и я, к ужасу своему, понял, что Нагьяк откровенно забавляется.

В храме любой богини власть принадлежит верховной жрице, но и здесь богиня случая перехитрила всех. Скикалм в своей старческой немощи позволила власти ускользнуть у

нее из рук, и верховный жрец не преминул подхватить ее. Женщина в пурпурной хламиде явно не обладала должным авторитетом, если допустила такое.

— Гиллиан Твагус? Гиллиан Твагус умер тому уже боги знают сколько лет, святая мать. Ему наследовал Джолиак Твагус. Да и тот давно помер. Это Ротиан Арксис. Он теперь командует войском.

— Тебе незачем так кричать. Я не глухая.

— Конечно, святая мать. Враг у ворот!

Древняя старуха подняла скрюченные руки и принялась теревить сверкающий полумесяц на серебряной цепочке. Она растерялась. Она пустила слюну.

— Тебе надо пойти в Обитель Богини! — воскликнул верховный жрец. — Завтра ты должна возлечь на священное ложе и воззвать к бессмертному Балору. Бог сойдет к тебе, как сходил он к Майане в тамарисковой роще, когда они основали город. Он коснется тебя своей божественной рукой, и годы спадут с тебя, как спадали с Омии и Пиалы! Он окинет тебя взором, и ты покажешься ему прекрасной. Он вспомнит Майану. Ты станешь Майаной для него, и он возляжет с тобою во всей своей мужественной силе. Велика сила Балора!

Старуха снова задремала.

Нагьяк вздохнул и отступил от нее.

— Военачальник Арксис, ты исполнил свой долг. Ты доложил ее святейшеству о грозящей беде.

— И что теперь? — спросил вояка, хотя мне показалось, он уже знал ответ. Они с верховным жрецом разыгрывали сложную партию. Военачальник был высокий и жилистый. Шлем скрывал от меня его лицо; волосы на руках были седыми.

— Завтра мы пронесем этот старый сундук вокруг... — Верховный жрец хихикнул и покосился на вторую женщину проверить, как та среагировала. — Виноват... ляпнул глупость. Я имею в виду, завтра верховная жрица Скикалм также исполнит свой долг. На закате она отправится в Обитель Богини и будет ждать там Бессмертного Балора.

— А он точно придет? — усомнился Арксис.

— Не знаю. Он может счесть подношение недостойным. — Нагьяк снова хихикнул и покосился на разъяренную жрицу в пурпуре.

— И что тогда, святой отец?

По каким-то им одним ведомым причинам они разыгрывали спектакль, рассчитанный на дородную жрицу — не на второго жреца, ибо тот продолжал оставаться в тени, и, уж во всяком случае, не ради того, чтобы развлечь мрачного Фотия. И уж тем более не меня, хотя боги в своем разумении привели меня сюда, чтобы я стал свидетелем этого. Нет, очевидной жертвой всего этого была дородная женщина в пурпурной хламиде.

— Если он не сойдет этой ночью во всем своем величии, тогда верховной жрицей станет святая сестра Белджис, и следующей ночью она в свою очередь будет ожидать бога. — Он одарил ее сальной улыбкой.

Женщина стиснула свои тяжелые кулаки; губы ее побелели.

— Как повелит Майана... Но нам надобно дожидаться новолуния.

— До новолуния целых три ночи! — промурлыкал Нагьяк. — Не думаю, чтобы у нас было столько времени. Опасность велика, не так ли, военачальник? Очень, очень страшно!

— Ситуация просто критическая, госпожа, — кивнул Арксис, беспокожно поерзав на коленях.

— Завтра! — решительно заявил Нагьяк. — Мы начнем завтра. Конечно, болезнь святой матери пришлось на редкость некстати, но я знаю: мы можем положиться на тебя, ты будешь достойной ее преемницей, принимающей мудрые решения. Ты не станешь подвергать город опасности, ожидая положенного срока — особенно теперь, когда военачальник объяснил нам, насколько серьезна ситуация?

Белджис ощерилась, словно собираясь зарычать. Она обладала непривлекательными, вздорными манерами человека, получившего значительную власть, но лишенного должного такта, чтобы использовать ее как подобает. Как предводи-

тельница она постоянно шарахалась бы от уступок кому-то более решительному к самой грубой тирании и обратно.

Однако Нагьяк не отставал от нее.

— Ну, сестра? Судьба Занадона зависит от твоего решения.

— Стало быть, завтра, — согласилась она с плохо скрываемой неохотой. — Начнем завтра.

Верховный жрец добился, чего хотел. Он позволил себе еще одну сальную улыбку.

— Не сомневаюсь, ты приняла верное решение. Но что гнетет тебя, сестра? Уж не терзаешься ли ты сомнениями?

— Конечно, нет!

Мне показалось, что она все же чем-то озабочена. С другой стороны, я предпочел бы совокупиться с дюжиной крокодилиц, только бы не помогать ни в чем этому жрецу в алой хламиде. Он напоминал мне жонглера из труппы Пав Им'пы — тот ухитрялся жонглировать шестью маленькими топориками, шаря одновременно по карманам зрителей.

И возможно, Нагьяк еще не самая главная ее забота. До этого момента я никогда не думал о ритуале, но Занадон в беде, несомненно, должен был призвать на помощь своего защитника. Теперь же мне обрисовали и церемонию: верховная жрица должна предложить свое тело, соблазняя бога. Девственница в возрасте Белджис вряд ли придет в восторг от подобной перспективы.

Она попыталась взять себя в руки, но дрожь в голосе свела все ее попытки на нет.

— Если с-св-вятая м-матерь потерпит неудачу, я исполню долг верховной жрицы.

— Да будет так, — кивнул Нагьяк с масляной ухмылкой. — Мы с уважением относимся к бремени, которое ты добровольно приняла на свои плечи.

— Тогда объясни мне кой-чего, верховный жрец. Ведь приводить мирян в храм запрещено, так?

— Из этого правила есть исключения.

— Ага, исключения. Да только редкие. Ну, зачем здесь военачальник Арксис, я еще понимаю. Он обязан доложить

святой матери, какая опасность грозит городу, и ты верно сделал, что привел его сюда. Это делалось и раньше.

— О, я рад, что ты признаешь, что так делалось и раньше.

Белджис бросила на него взгляд, полный неприкрытой ненависти.

— Но этого-то ты чего сюда притащил? — Она ткнула трясущимся от гнева пальцем в молодого Фотия.

И в самом деле, зачем?

Я ощутил на плече тяжелую руку Ториана. Он прижался губами к моему уху.

— Говорил я тебе, — выдохнул он. — Предупреждал ведь! В наши суетные времена боги не спускаются на землю. Ты приперся в Занадон, чтобы увидеть бога, а стал свидетелем всего-навсего затейной жрецами интриги.

12. ЗАГОВОР ПРОЯСНЯЕТСЯ

Я не поверил ему.

Да и жрица в пурпурной хламиде, услышь она эти слова, тоже бы ему не поверила. Я плохо представлял себе, что думают на этот счет присутствующие мужчины, но мог поручиться в том, что вторая жрица Белджис верила, что бог лично, во плоти сойдет на землю, дабы помочь городу.

Как бы то ни было, пусть формально она и оставалась второй после больной и немощной верховной жрицы, ей не под силу было тягаться с дьявольски хитрым верховным жрецом. Встреча проходила в точности так, как задумал он.

Обыкновенно богам служат только мужчины, однако у многих богинь имеются как служители, так и служительницы. В таких храмах жрецы и жрицы редко находятся в добрых отношениях. Ториан был, конечно, прав — я чуял интригу на интриге, — но все смертные слабы, и не какому-то там Нагьяку поколебать мою веру в Балора.

— Встань, военачальник, — сказал Нагьяк ухмыляясь. — Дай нам поговорить с твоим внуком.

Арксис неловко поднялся и отошел от своего молодого спутника. Фотий остался стоять на коленях, комкая в огромных лапищах свою шапку. Его буйная шевелюра, густая борода и обнаженный торс явно не вписывались в окружающую обстановку. Он казался диким кабаном, по ошибке заглянувшим в свинарник.

— Капрал... э-э?... — вкрадчиво улыбнулся Нагьяк.

— Грамиан Фотий, — подсказал военачальник Арксис.

— Славный парень, отличный образец мужественного защитника Занадона. — Верховный жрец сделал шаг вперед, подмигнув гиганту; его пороссячи глазки находились почти на одном уровне с глазами капрала. — Неиспорченный, невинный. — Он вздохнул. — Полный мужской силы. Сколько тебе лет, сын мой?

— Двадцать три, — подумав, ответил здоровяк.

— Тебе приходилось убивать человека?

Фотий колебался, неловко косясь на деда.

— Да, господин.

— Святейшество! — поправил его Нагьяк.

— Ась?

— Ты должен обращаться ко мне «ваше святейшество».

— Да, господин.

Нагьяк облизнул губы.

— Расскажи мне о человеке, которого ты убил.

— Троих, гос... это... святейшество.

— Восхитительно! Ты убил их мечом?

— Дубиной, господин ваше святейшество. Я... это... рабов ловил, вот им и вломил чересчур крепко.

— Боги! — Жрец снова вздохнул. — Как ни прискорбны подобные инциденты, в них не может быть твоей вины. И сколько времени прошло со дня твоего возвращения из... где все это случилось?

— Плюньжаб, свя... ваше святейшество.

— Так когда ты вернулся из Плюньжаба?

Фотий снова неуверенно покосился на деда и некоторое время беззвучно шевелил губами.

— Тому две недели, господин. Ну там на день или два меньше.

— Две недели! — умилился Нагьяк, словно это совершенно меняло дело. Он оглянулся на Белджис и развел пухлыми руками. — Оруженосец? Когда бог явится, ему понадобятся слуги. Мы полагаем, что оруженосец вполне сойдет для начала. И мальчик производит впечатление, не так ли? — Он ухмыльнулся. Должно быть, именно так улыбаются змеи.

— Оруженосец? — Жрица фыркнула совсем как простолюдинка. Мне показалось, что она готова сплюнуть. — Ты мог бы выдумать и чего поубедительней, святой отец.

Нагьяк пожал плечами, словно не особо заботясь, верит она ему или нет.

— Не можем же мы предлагать богу грязные доспехи и оружие. Нам нужен день работы, к тому же моим парням не хватает опыта. Встань, сынок.

Фотий взгромоздился на ноги, сразу же затмив собой всех присутствующих. Ториан не произнес ни слова и не пошевелился, но я ощутил волны ненависти, исходявшие от него, как жар от печки.

— Посмотрите-ка, — задумчиво сказал Нагьяк. — Он ростом почти с Балора. Я говорю об этом Балоре. — Он повернулся и глянул на статую у алтаря.

Только сейчас я обратил внимание на то, что эти статуи бога и богини не копировали те огромные фигуры, что возвышались над храмом или у ворот. Изваянные из того же красно-бурого камня, они не были украшены ни золотом, ни самоцветами — просто отполированный гранит. Майана была облачена в хламиду, на волосах — головная повязка. И никакого полумесяца. Ее символ присутствовал только в виде нагрудного украшения вроде того, что висело на спящей Скикалм. Одним словом, богиня, воплотившаяся в собственную верховную жрицу.

Зато Балор по другую сторону алтаря был совершенно наг, идеально сложен и вызывающе мужествен — не бог, а этакый бык-производитель в мужском обличье.

Нагьяк, хихикнув, помахал рукой в самоцветах.

— Стань-ка рядом с Балором, сынок, дай нам посмотреть.

Фотий послушно подошел и стал, как ему сказали. Действительно, ростом и сложением он напоминал изваяние, да и цвет кожи приближался к оттенку гранита. Статуя вдруг словно утратила часть своей величественности.

— Разве не замечательно, а, сестра? — Верховный жрец визгливо засмеялся и захлопал в ладоши. — Как вы считаете, не снять ли ему повязку для полного сходства?

— Срам какой! — не выдержала, покраснев, Белджис.

— Вовсе нет. Напротив, очень даже интересно!

— Ты богохульствуешь!

— Ну, если ты так считаешь... — нехотя уступил Нагьяк. Он издевался в открытую. — И все же великолепная мужская фигура, ты не согласна?

— Это святотатство! — Белджис совсем смешалась, иначе заметила бы, куда он клонит.

Верховный жрец расплылся в улыбке.

— Ну, не скажи. Легенда гласит, что эти самые фигуры в молельне верховной жрицы изваяны с натуры в те дни, когда Майаной стала Омия... третье пришествие Балора, когда он разметал варигов. Ты ведь не ожидаешь кого-то мельче, верно? Ну-ка, капрал, стань рядом со святой госпожой, чтобы мы могли посмотреть, какую славную пару ты... она... составит с Балором.

Фотий, пожав плечами, шагнул к жрице. Жрица попятилась. Повинуясь приказу, он двинулся следом за ней и, без всякого сомнения, продолжал бы в том же духе, даже если бы Белджис выбежала из храма и бросилась по Большому Проспекту прочь из города. Но Белджис остановилась и позволила волосатому великану приблизиться. При том, что ее нельзя было назвать низкой, ростом она едва доходила ему до плеч.

— Ближе! — приказал Нагьяк.

Фотий шагнул еще ближе к Белджис. Жрица старалась не смотреть на него, но лицо ее стало смертельно бледным.

Даже с крыши я видел, как она дрожит. О да, Белджис верила, что бог явится во плоти.

— Ну? — визгливо спросила она. — Теперь ты удовлетворен?

— Я? — с самым невинным видом удивился Нагьяк. — Ну, меня-то удовлетворить легко. А вот каково будет удовлетворять Балора?

До Фотия наконец дошло, о чем речь, и он ухмыльнулся. Жрица, отскочив от него, спряталась за спинку кресла старой Скикалм.

— Я не верю в эту байку насчет оруженосца Балора! Придумай что-нибудь получше, святой отец!

Нагьяк улыбнулся вкрадчивой улыбкой сытого кота и повернулся ко второму жрецу:

— Святой брат Тальяк, почтенный военачальник исполнил свой долг здесь. Должно быть, его ждут дела — ведь он должен готовить войско к пришествию бога. Проводи его до ворот, будь добр, и не забудь благословить на прощание!

Тяжелое, квадратное лицо Белджис перекошилось от гнева.

— Только его? Ты что, серьезно хочешь оставить этого юного людоеда здесь, в храме? Но это святотатство!

Фотий бросал на деда умоляющие взгляды, но его, несомненно, предупреждали об уговоре, так что менять что-либо было уже поздно.

Нагьяк довольно потирал пухлые руки.

— Людоед? Монстр? Нет, сестра, это просто молодой мужчина. Само естество, можно сказать. Не испорченный воспитанием. И капрал... э-э... Фотий — вполне достойный воин и — главное! — заслуживает абсолютного доверия. В этом нам ручается своим словом его дед — не так ли, военачальник? Или ты беспокоишься за его нравственность? Ты сможешь удержать своих девушек, если они обнаружат его, а, сестра?

Белджис кипела от ярости и в конце концов прибегла к последнему, самому очевидному оружию.

— Ты-то, евнух, что ты знаешь о таких вещах?

Жирное лицо Нагьяка, казалось, съежилось, словно пышный цветок на закате.

— Не больше твоего, не сомневаюсь. Мужчина остается здесь! Мне казалось, моих объяснений будет достаточно. Впрочем, подожди, я объясню тебе кое-что еще. — Улыбнувшись еще раз, он погнал остальных к двери.

Ториан, только что стоявший рядом со мной, исчез, и я решил, что он намеревается проследить, куда отведут Фотия. Я оставался на месте — меня интересовала жрица Белджис. Женщины такого типа никогда меня не привлекали, но мне было жаль ее. Вполне возможно, она была неплохой помощницей дряхлеющей верховной жрицы. Теперь она осталась одна — никто не помогал ей принимать решения, не подсказывал, как справиться и с кознями Нагьяка, и с досадной помехой в виде бога. Возможно, она понимала, что ей не справиться ни с тем, ни с другим.

Она молча проводила взглядом выходящих мужчин и, склонившись к спящей Скикалм, осторожно потрясла ее за плечо. Единственным результатом этого было то, что сбившаяся набок головная повязка сползла еще сильнее. От верховной жрицы помощи ждать не приходилось.

Покосившись на дверь, Белджис направилась к алтарю. Я думал, она будет молиться Майане, но вместо этого она подошла к Балору. С минуту она смотрела на его мощную блестящую грудь, потом склонила голову и, опустившись на колени, поцеловала его гранитные ноги.

Потом она откинулась назад и воздела руки, словно чтобы воззвать к нему, но в результате оказалась прямо напротив его гипертрофированных мужских достоинств. Вздвогнувшись, она отшатнулась и, ползком перебравшись ко второму изваянию, распростерлась на полу перед Майаной.

Я увидел, как вздрагивают ее плечи.

Святая жрица искренне верила, но была бы куда счастливее, окажись ее вера чуть тверже.

Ториан скользнул обратно ко мне — самый мускулистый призрак из всех, какие мне когда-либо попадались. Его глаза блестели в свете звезд, но он молчал.

В молельне под нами хлопнула дверь — вернулся, зевая и потягиваясь, Нагьяк.

— Все эти ночные заботы тяжелы для нас — в нашем-то возрасте, верно? Впрочем, кое-кому из нас, возможно, придется еще хуже, ты согласна? — Он хихикнул, тряся пухлыми щеками.

Белджис уже снова стояла на ногах, глядя на верховного жреца покрасневшими глазами.

Он увидел, что шутка его не была принята.

— Послушай, — произнес он злобно. — Раз уж у тебя не хватает ума самой сообразить, что к чему. Ты что, не видишь, что этот молодой лопух находится здесь как заложник?

— Заложник? — переспросила Белджис, словно не веря собственным ушам.

— Вот именно, заложник. Форканцы у ворот, город осажден. Мы, разумеется, должны хранить веру в своих богов, но это вовсе не означает, что мы должны вести себя беззаботно или безрассудно. Капрал, оставшийся в храме, гарантирует нам верность его деда, а ведь Арксис верховодит всеми военными кланами. С купеческими семьями справиться труднее, но глава их — Бедиан Тарпит. Его дочь тоже здесь, у меня, и не без умысла.

Жрица смотрела на него с недоверием, которое я мог легко понять.

— Ты опасаясь измены?

— Ну, не совсем. Вряд ли найдется такой дурак, который просто откроет ворота этим гадким форканцам. Но за стенами толпы беженцев, а в городе — беспокойный народ. Опасные времена требуют жесткого правления. — Он довольно ухмыльнулся. — Страх перед богами редко подводит, но эти двое действительно могут нам помочь — если кто-то еще может нам помочь, — а без их помощи никто не осмелится выступить против нас. Девушка Тарпит станет жрицей; это уже договорено. — Он хихикнул. — Жаль, но к мальчишке это неприменимо — мне пришлось пообещать, что его никоим образом не изменят физически. Пришлось сделать

исключение, но раз уж я пообещал... Впрочем, мы будем держать его взаперти.

Белджис неуверенно кивнула.

— Почему ты не нашел кого-нибудь менее страшного? Этот меня пугает.

— Еще бы не пугал. — Нагьяк в досаде покачал головой. В первый раз он казался искренним. — Говорят, до тринадцати лет он рос нормально. Потом начал приставать к одной девочке. Ну, скажем так, несколько жестоко приставать. Хочешь выслушать подробности?

— Конечно, нет!

— Ладно. В общем, ее братья избили его. С тех пор он слегка не в своем уме.

— Но до тех пор он был нормальным, да?

— Не по годам развитый. Склонность к насилию у них в семье наследственная. Они держали его подальше от людей в уединенном поместье до тех пор, пока не нагрянули форканцы. Арксис заверил меня, что мальчик не причинит нам особых хлопот, если только мы ограничим ему потребление мяса и будем снабжать его женщинами.

Белджис как раз начала успокаиваться, умиротворенная рассудительным тоном жреца. Однако при этих словах она испустила крик, едва не срывающийся на визг:

— Ты шутишь! В священном храме? Какие женщины?

Хламида Нагьяка затряслась, как мешок с дынями.

— А ты не хочешь кликнуть добровольцев?

Она снова взвизгнула, и я почувствовал на себе взгляд Ториана.

— Ты думаешь, я так из-за пары лишних синяков на шкуре? — тихо спросил он. — Я видел, как этот ублюдок удовлетворяет свои потребности.

Я вздрогнул.

Тем временем в часовне под нами Нагьяк успокаивал разъяренную жрицу:

— ...не стоит беспокоиться... обо всем уже договорились. Каждый день его будет навещать кто-нибудь из родных и приводить с собой слуг. И потом, это ненадолго. Как только

явится Балор и угроза минует, мы уберем его отсюда. Это всего лишь необходимая мера предосторожности, сестра.

Еще какая необходимая. Я уселся, чтобы дать отдохнуть ногам, прислонился спиной к гладкой, холодной стене и позволил усталости кипящей волной навалиться на меня.

Нагьяк раздражал меня, ибо он принадлежал к типу людей, которых я не терплю более других — манипуляторам, которые с легкостью дирижируют другими в собственных целях. Теперь я понял его замысел. Он был мне отвратителен, но еще более отвратительно было осознание того, что с учетом обстоятельств эту интригу можно было бы даже оправдать. Занадон в осаде — или будет в осаде через день-другой. Этот скользкий политик завязал одним узлом жречество, военных и богатеев, и — как он только что сказал — это было вполне разумной предосторожностью. Тошнотворной, но необходимой.

Я хотел спать. Мои веки слипались сами собой. Не говоря уж о том, что я смертельно устал, сон мог принести мне подсказку или прямые указания. Балор не появится еще как минимум день, возможно, даже два. Никто и ничто не мешает мне забыть про Фотия и эту девицу Шалиаль. Они заложники — дабы их семьи вели себя хорошо. Не более того.

Так все просто...

13. ЛУННЫЙ СВЕТ

— Она будет здесь с минуты на минуту! — сказал Нагьяк.

Протесты Белджис доносились до нас менее разборчиво — что-то там было немыслимо. Я слушал уже вполуха. Если честно, я наполовину спал. Ториан опустился рядом со мной на колени.

— Нам надо идти, Омар. Луна восходит.

Я слепо глянул на юго-восток и увидел над холмами сияние — золотое, окрашенное местами в оранжевое дымом. Огни раздробились на месиво хаотичных точек. Воздух сделался прохладнее. До рассвета оставался час или два.

Да, пора идти, пока мы не оказались запертыми в храме. Только куда идти?

Я заставил свою бедную сонную голову прислушаться к разговору в молельне. Нагьяк настаивал на том, чтобы Шалиаль Тарпит немедленно прошла полный обряд посвящения в жрицы. Белджис возражала, что закон есть закон и что сначала она должна пройти послушничество.

— Но право же, я обещал, что ее волосы останутся неприкосновенными, — протестовал жрец.

Ответом было шипение, достойное клубка рассерженных змей в сезон спаривания.

— Что они сделали с Фотием? — тихо спросил я. — Заперли?

— Нет, — буркнул Ториан. — Они отослали военачальника, но этого говнюка оставили сторожить за дверью.

Я попробовал понять, что он имеет в виду, и потерпел неудачу.

— Какой еще дверь?

— Дверью по ту сторону лестницы. Он должен ждать, когда мимо пройдет девица Тарпит.

Одно из моих дурацких предубеждений гласит, что все крупные мужчины глупы. Я знаю, что это не так, но ничего не могу с собой поделать. Ториан был едва ли не крупнее всех известных мне мужчин, но глупым его нельзя было назвать никак. На деле он, возможно, был куда сообразительнее меня — во всяком случае, он углядел что-то, мимо чего я прошел, не заметив.

Что?

Спор у нас под ногами тем временем разгорался.

— Она прекрасное дитя! — кричал Нагьяк. — И она так трогательно посвящена богине. Она знает все писания — мы как следует проверили это. И — да, она девственница. Мы и это проверили.

Я с отвращением отвернулся и снова посмотрел на Ториана. Его зубы сверкнули в гримасе. Он ждал, пока я дойду до всего своим умом. Зачем заложнику Фотию показывать заложницу Тарпит? Почему не наоборот?

— У нас нет времени, чтобы спорить всю ночь до утра, дура! — визжал верховный жрец. — Враг подступает. Дела хуже некуда!

Ториан знал ответ — или считал, что знает.

Белджис сказала что-то про бдения.

— Ладно, — сердито согласился Нагьяк. — Ладно! Мы можем оставить ее здесь до рассвета — пусть бдит на здоровье, если уж ты упряма как ослица. Нет, право, ты невыносима, поняла? Но утром чтоб она прошла обряд!

Женское бормотание в ответ подтвердило, что они достигли некоторого компромисса.

Я потерял глаза и снова посмотрел на Ториана.

— Он не посмеет! — сказал я.

— Ты уверен, о Меняла Историй?

Нет, я не был уверен.

— Но как? Разве возможно такое?

Самое время было отправляться на разведку.

Я заставил себя встать на ноги и зашагал по крыше в сторону города, стараясь не отходить от стены. Ториан пошел за мной. Когда я дошел до угла, освещенные отверстия молельни остались у меня за спиной. Одинокое отверстие в кровле подсказывало, что за ней расположена еще одна небольшая комнатка, хотя света не было видно. Пару секунд я размышлял: как же в нее попадают? Комната расположена за алтарем, а в той стене не было ни одной двери. Может, в нее можно попасть с другой лестницы?

Я заглянул за угол и изучил главный фасад пирамиды. По оси его огромные ступени для торжественных шествий вели от основания к вершине. Дальше высился в темноте бок Майаны, но все, что я мог разглядеть, — это лишь изгиб ее груди. Ее рога чернели на бархатной подкладке звездного неба — я торопливо отвел взгляд: не стоит мне в нынешнем утомленном состоянии засматриваться на звезды.

Покрытие передо мной представляло собой гладкую поверхность из полированного гранита, сверкавшего в ночи как вода. Никаких вентиляционных и световых проемов. Разумеется, я не мог видеть нижние ярусы.

Я начал пробираться вперед, пригнувшись, чтобы меня нельзя было увидеть снизу. Повязка здорово мешала мне передвигаться; подумав, я развязал и сбросил ее. Ключ от особняка Тарпита упал на камни со звоном, от которого — так мне казалось — должен был проснуться весь город. Освободившись от одежды, я пополз дальше, пока не добрался до края, а там растянулся на животе и осторожно высунул голову. Спустя несколько мгновений Ториан лежал рядом со мной.

Никто так и не смог внятно объяснить мне, почему высота всегда кажется большей, когда смотришь сверху вниз, а не наоборот. Старый Тумбал из Тенка говорил обычно, что так устроили боги, чтобы чувствовать себя еще божественнее, но я ему не верю. Но если это все же так, то мы с Торианом должны были бы ощущать себя самыми что ни на есть богами. Я помню только, что меня поразила высота пирамиды.

Далеко-далеко под нами разрозненные светлячки на Площади Тысячи Богов означали склонившихся в молитве. Дальше уходил вниз, к воротам, Большой Проспект, движущиеся огненные точки отмечали перемещения военных патрулей. Редкие освещенные окна говорили о болезни или о каких-то неладах в доме. Впрочем, мы пришли сюда не затем, чтобы глазеть на город.

Нас интересовал храм. Предыдущий ярус тоже представлял собой гладкую плоскость из темного гранита.

Я покосился на своего спутника. Он кивнул, но ничего не сказал.

Некоторое время мы пятились ползком, потом я поднялся и, пригнувшись, поспешил к восточной грани. Громада Балора темнела на фоне лунного сияния; золотой меч угрожающе блестел.

Я снова растянулся на пузе и высунул голову посмотреть на ярус под нами. Разница была налицо — множество темных отверстий и редкие светлые отмечали комнаты и коридоры. Жаль, что я не видел ярусы, расположенные ниже, но я не сомневался, что картина будет приблизительно такой же.

Из трех светлых отверстий над молельней доносилось негромкое женское пение.

Я посмотрел на Ториана, не отстававшего от меня ни на шаг.

— Нам надо залезть на самый верх, — сказал я.

— Святой Фуфанг не даст в обиду своих.

Я улыбнулся, с гордостью ощущая, что мой спутник начинает доверять богам больше, чем собственной хитрости и силе.

В моем плане имелось одно-единственное слабое место. Стоит кому-то на Площади Тысячи Богов посмотреть вверх — и он увидит нас. Правда, зритель может и не поверить своим глазам. К тому же поверхность камня напоминала цветом и фактурой человеческую кожу, а мы оба были обнажены. Это могло помочь, как бы странно это ни казалось. Мы разом поднялись и бросились бегом к парадной лестнице.

Бок о бок устремились мы по широким ступеням к самому верхнему уровню. В центре его стояла Обитель Богини — высокий цилиндр из гранита, увенчанный золотым куполом. Каким-то образом плавность его линий сочеталась с угловатостью остального сооружения. Единственным проемом в гладкой стене была входная арка. Мы не сбавляли хода, пока не добежали до нее.

Я ворвался внутрь, увидел перед собой Майану и рухнул на колени.

Ториан пошел еще дальше, распластавшись на полу.

— Прости нас! — простонал он. — Святая Владычица, мы ищем только славы твоей!

Это была молитва, а я с некоторым усилием вспомнил, что терпеть не могу молитв. Богиня знала, что мы пришли, и знала зачем. Я откинулся на пятки полюбоваться на нее.

С земли Обитель, конечно, казалась крошечной, да и здесь я с трудом мог оценить ее истинные размеры из-за высоты

купола. Так или иначе, приходилось мне видеть и тронные залы царей меньшего размера. Гладкий пол из мрамора не нарушался ничем. На фоне темной дальней стены стояла богиня страсти — серебряная фигура в три моих роста.

Из всех изваяний богини, которые мне доводилось видеть до сих пор, это, наверное, самое яркое. Той ночью она была окутана в лунный свет, свет тайны. Каким бы слабым он ни был, он сиял на ее рогатом полумесяце, играл на бриллиантах в ее волосах, зажигал багровые рубины на ее губах и сосках и горел обольстительным синим огнем в паху. Ее взгляд пронизывал меня насквозь, холодя сердце страхом. Вечная мать, вечная супруга! Страх — да, конечно, но, кроме страха, я ощущал еще и желание, от которого перехватывало дух. Я трепетал от ее призыва. Право же, за всю свою долгую жизнь я никогда еще не был столь самонадеян, чтобы являться в самую обитель богини нагишом и без приглашения.

Ну, может, меня все-таки приглашали? И потом, есть ведь боги и богини, настаивающие на том, чтобы в их присутствии смертные были только нагими, ибо одежда есть не что иное, как тщеславие и показуха. Или помеха — в некоторых случаях.

Я неуверенно поднялся и начал оглядываться. Осмотрев интерьер, я вышел на улицу и направился к северному краю яруса, заднему фасаду храма. Последнюю часть пути я привычно проделал на карачках. Я посмотрел вниз, на ярус, с которого мы только что поднялись, и снова увидел проемы расположенных под кровлей помещений. Снова нижние ярусы остались скрытыми от моего взгляда, но я не сомневался в том, что они отличаются очень мало — ну, возможно, света от факелов чуть больше, да еще добавляются дворники со спящими в них жрецами и жрицами.

За храмом земля полого понижалась; кое-где за склон цеплялись небольшие домики. Городская стена подходила с этой стороны совсем близко к храму.

Я не стал изучать западный фасад. Вместо этого я вернулся к Ториану — он лежал ничком и отползал, пятась как

рак — молящиеся всегда покидают священную обитель таким вот образом.

— Все как мы и думали, — сообщил я. — В праздники жрецы и знатные горожане поднимаются по парадной лестнице. Они не видят ничего, кроме гладкого камня. Из этого я делаю вывод, что главный фасад храма — цельная каменная кладка. Остальные три фасада полые и заселены, хотя их никогда не показывают мирянам. Грязное белье снижает священный ужас перед богами.

— А здесь, наверху?

— Ничего. Никаких входов. Никаких дверей. Ничего. Под нами сплошной камень.

Ториан встал, и, несмотря на его могучее сложение, даже он уже с трудом двигался от усталости.

— Должен быть путь, и Нагьяк должен знать о нем.

— Надеюсь, что ты ошибаешься. Я в этом уверен. Через день-два мы это узнаем.

Он издал свой львиный рык.

— Думаю, что я убью этого Фотия еще сегодня — для верности.

От страха у меня перехватило дыхание.

— Нет! Не смей! Мы здесь только свидетели, мы не должны вмешиваться в поток событий.

— Ты, возможно, и свидетель. Ты — человек слов. Я — человек дела.

Мне необходимо было подумать. Я продекламировал про себя простенький стишок, которому научила меня Иллина.

— Грамиан Фотий — заложник, — объявил я. — Если ты убьешь его здесь, ты развяжешь в городе гражданскую войну.

Он опять зарычал — и еще раз, уже чуть тише.

— Возможно, ты и прав, хотя у меня руки чешутся придушить его. Кстати, луна уже осветила ступени. Как мы будем спускаться, о слуга богов?

— По заднему фасаду.

Почтительно поклонившись богине, мы покинули Обитель.

Мы подползли к северному фасаду. Лежа на холодном граните, мы смотрели на уступ под нами. Уступ казался высоким. Может, лучше все-таки рискнуть спуститься по лестнице?

— Я могу спустить тебя немного, — сообщил Ториан. — А будь у меня повязка, спустил бы еще ниже.

— Только не жди, что я потом поймаю тебя.

Он усмехнулся:

— Сломаю ногу и нарушу тем самым монотонность нашего существования.

Я перевалился через край. Ториан взял меня за запястья и опускал, насколько хватало длины его рук. К своему удивлению, я обнаружил, что ноги мои, вместо того чтобы упираться в стену, болтаются в воздухе, а перед носом маячит резной карниз. Прежде чем я успел за него ухватиться, Ториан отпустил меня, и я рухнул вниз. Я хлопнулся сильнее, чем ожидал, громко охнув от удара. Колени и локти обожгло огнем. Оставалось только надеяться, что те, кто обитает в комнате под ближайшим проемом, спят крепко.

Мгновение спустя следом за мной скользнул через край Ториан. Он тоже заметил нависающий фриз и успел, зацепившись, повисеть немного, изучая его. Фриз почти не выступал из стены, но тянулся по всей грани, а возможно, и вокруг всего храма. Я как-то расстроился, что не заметил его раньше. Правда, у нас не было возможности разглядеть храм вблизи при дневном свете, но я обычно горжусь своей наблюдательностью. Наблюдательность — основа моего ремесла.

Ториан, цепляясь за рельефы, как муха полз вниз до тех пор, пока не повис на нижнем поясе, откуда и спрыгнул ко мне. Он приземлился гораздо мягче, чем я, и тут же устремился к краю яруса, лег и осторожно выглянул вниз. Когда он вернулся, я уже встал и более или менее обрел способность ходить. Первым делом мы пошли подбирать свои повязки.

— Ничего, — шепнул он. — Только верхний.

— Но почему фриз тянется вокруг верхнего яруса, если его нет на остальных? Это идет вразрез с моими представлениями о красоте.

— Потому, что рельефы здесь расположены не случайно, а с умыслом.

— С каким умыслом?

Тут проем, мимо которого мы проходили, осветился.

Разумеется, мы заглянули в него.

Спальня под нами была небольшой, но для одного человека вполне просторной. Соответственно этому она была и обставлена — просто, но со вкусом: складная койка, стол и, возможно, еще несколько предметов, вне поля нашего зрения. Мне приходилось жить в куда более скромной обстановке, и не раз. Однако спальня показалась просто крошечной, когда в нее вступил Грамиан Фотий, на ходу излагая в простых, но достаточно ярких выражениях свою точку зрения на размеры кровати.

Высокий голос посоветовал ему спать на полу. Потом огонь померк, а дверь хлопнула. Я услышал лязг засова.

Я схватил своего спутника за руку, хотя не питал иллюзий насчет возможности удержать его, если он решит свести счеты с охотником на рабов.

— Если он лежит, я мог бы прыгнуть на него, — возбужденно прошептал Ториан. — Это пойдет на пользу его потрохам — для начала.

— Я понимаю, что соблазн велик, но мне очень хочется увидеть твое представление. Боюсь, я не смогу оценить его по достоинству в темноте.

— Ага! Вот, значит, в чем дело.

— Пошли. — Я поспешил увести его от проема.

Мы вернулись к исходной точке над верхней лестничной площадкой. По лестнице спускались две длинные цепочки жриц. Пение прекратилось: церемония была завершена. Я распластался на крыше и, просунув в проем голову и плечи, успел увидеть из положения вверх тормашками во главе процессии что-то алое — жирный Нагьяк спускался на своем кресле-носилках на плечах четырех молодых жрецов.

Ночные дела близились к концу — скоро храм утихнет, и мы сможем подумать о том, как отсюда выбраться. И вовремя: полумесяц уже выглядывал из-за дымной завесы, а с рас-

светом все начнется по новой. У нас оставалось совсем немного времени.

И все же нам пришлось задержаться. В смежном с площадкой дворике три молодые жрицы укладывали древнюю верховную жрицу спать. Белджис топталась рядом, возможно, надеясь на какое-то просветление, но старуха оставалась недвижна, как мешок картошки. Мы не осмелились идти по узкой полоске кровли над ними.

Я оттащил Ториана на безопасное расстояние и уселся. Он с усталым вздохом сел рядом со мной. Меня самого шатало от усталости — с той минуты, когда я проснулся в оливковой роще, миновали долгие, долгие сутки.

— Скикалм? — сказал я. — Завтра ее торжественно пронесут по городу. На закате ее оставят в Обители Богини. Интересно, что случится с ней, если Балор не откликнется?

Я вспомнил: о том, что наследницей нынешней верховной жрицы станет Белджис, говорили так, будто Скикалм в случае неудачи должна умереть. Однако реакция Ториана застала меня врасплох:

— А что с ней случится, если откликнется?

— Ты же слышал! С рассветом она снова сделается юной и прекрасной супругой бога. Сама Майана, возможно, не участвует в этом, ее будет представлять здесь верховная жрица. Как Омия, они сказали, или Пиала. Должно быть, были и другие — в более далекие времена. Несомненно, не все имена сохранились в памяти.

— Только на сей раз бог окажется подозрительно похож на Грамиана Фотия, а жрица — на Шалиаль Тарпит?

— Я уверен, он не посмеет! — не сдавался я. — Даже если боги и допустят такое, горожан не обмануть. Шалиаль — не Скикалм.

— Кто помнит, какой была Скикалм в юности? — буркнул Ториан.

Я нахмурился — его логика начинала доходить до моего сознания.

— Но Тарпит — один из самых богатых купцов в городе! Множество людей должны знать его дочь!

— Совсем не обязательно. Вполне возможно, она большую часть жизни провела в затворничестве. А этот ублюдок Фотий много лет прожил в какой-то сельской дыре. Ты сам слышал это. Он всего две недели как вернулся и часть этого времени провел вне города, охотясь на рабов. Неплохо, не так ли?

Я не ответил.

— Люди верят в то, во что хотят верить, Омар.

Увы, это часто бывает так. Я видел как-то священный источник в Сейлмоке, где, по слухам, бог творит чудеса. Каждый год тысячи людей приходят туда. Они приносят жертвы, пьют воду, купаются, покупают под видом сувениров какой-то хлам, а потом объявляют себя исцелившимися — во всяком случае, многие объявляют. Однако за то время, что я был там, я не видел ни одного чуда, достойного внимания, а те, что документально подтверждены, случились давным-давно. Кто хорошо живет в Сейлмоке — так это тамошние жрецы. Мне не хотелось соглашаться с Торианом, но это так.

— Помнишь, Тарпит давал Нагьяку золото? — продолжал Ториан. — Зачем, как по-твоему? Это сговор, и еще какой! Внук военачальника и дочь главного купца! Арксис верит, что сможет сохранять власть над Балором-Фотием, а супруга бога проследит за отцовскими интересами. Те двое будут закулисными правителями. Занадон станет их дойной коровой. Должно быть, Нагьяку заплатили по-царски — бьюсь об заклад, торг был жуткий.

— Но форканцы?

— Ты слышал, что сказал Арксис? Армия ждет Балора. Фотий крепок и свиреп. Отличный символ, способный придать им мужества. А думать от него не требуется — за него подумает дед.

Немыслимо!

Ториан сочувственно похлопал меня по плечу.

— Говорил я тебе: ты приперся в Занадон увидеть бога, но все, что ты увидишь, — обыкновенные фокусы жрецов.

— Но ведь Занадон до сих пор оставался непокоренным...

— Это сработает и сейчас! Войско поверит в свою непобедимость — ну как же, ведь их ведет сам бог! Они хотят верить в то, что они непобедимы. Само собой, Занадонское войско никто еще не побеждал — с таким-то боевым духом! Поверь, Омар, уж я-то знаю воинов!

— Ну и какую историю приобщать мне тогда к моему собранию? — простонал я. — Ты говоришь, что Балор будет поддельный! Нет, хуже, ты утверждаешь, что он был таким всегда?

— Мне кажется, что я прав, — вздохнул Ториан. — Кто знает все наверняка — так это Нагьяк. Может, то, что он вычитал в древних манускриптах, и подсказало ему идею розыгрыша.

— Значит, старуху уберут оттуда и убьют? — пробормотал я. — И ее место займет самозванка? Но ведь весь город будет участвовать в бдениях вокруг храма. Как им удастся устроить подмену?

Я гнал прочь воспоминания о своем старом приятеле-циркаче Пав Им'пе. Вот кто не колеблясь взялся бы за такую задачу (ясное дело, за солидный куш, хотя, может, и просто ради того, чтобы выступить перед такой солидной аудиторией). Пав смог бы извлечь женщину из шляпы, стоящей на сцене, ну а явить зрителям Балора на верху пирамиды для него было бы раз плюнуть.

— В таком месте, — сказал Ториан, — должно быть полно потайных ходов.

— Мы же осматривали с тобой Обитель Богини. Мы не видели никаких тайных дверей.

— Мы были там ночью. Пусти меня туда на час в дневное время — и я найду ход. И еще этот фриз: в нем скрытые отверстия для воздуха. Для того он и сделан.

Выходит, верхняя ступень — полая, но не соединяется с обитаемой частью храма. Иными словами, тайная. Ничего не скажешь, все эти загадки расположены слишком близко от Обители — точнее, прямо под ней.

— Не поверю, пока не увижу собственными глазами, — заявил я. — Нам пора.

Я оперся на его плечо, чтобы встать, а потом дал ему руку. Кряхтя как старики, мы вернулись туда, где белели на камнях наши повязки. Жрицы ушли, а скрюченная старуха громко храпела на своей кушетке. Кроме ее храпа, в храме не было слышно ни звука.

Проходя мимо молельни, я увидел свет одинокой лампы, освещавший коленопреклоненную фигуру перед алтарем. Шалиаль Тарпит совершала ночное бдение.

Завтра ее могут отдать на растерзание Грамиану Фотию. Зачем ему позволили подглядывать за ней, если не для того, чтобы ее красота возбудила его? Все выглядело логично до тошноты.

— Нам надо до наступления дня найти безопасное убежище, — сказал Ториан, когда мы оделись.

— Доверься богам.

— Если они помогут нам благополучно выйти отсюда, мне кажется, они могли бы и обеспечить нам мягкие постели... да и основательный ужин не помешал бы. Тот гусь давно уже улетел.

— Не канючь, — ответил я и направился к лестнице.

Я еще раз задержался у молельни, чтобы посмотреть на маленькую, трогательную фигурку Шалиаль перед алтарем. Каковы бы ни были ее грехи, она не заслуживала Фотия.

И тут я вдруг понял, что хотели от меня боги!

Я опустил на колени, потом лег на живот, свесившись до плеч через невысокий бортик отверстия.

— Это будет хуже, чем выйти замуж за Дитиана Лия, — сказал я.

14. ИСТОРИЯ ОМАРА

Задохнувшись от неожиданности, она подняла на меня глаза.

— Или Османа Поманьюка, — добавил я, — или Сошьяка Куэрта, если уж на то пошло. Или даже того типа... ну, из Ваев.

— Фатмониана?

— Совершенно верно. Запоматовав имя.

— Кто ты?

— Друг. И если вы закричите, меня схватят, изувечат и, возможно, предадут смерти.

— Я не имею обыкновения предавать своих друзей, — холодно ответила она. — Во всяком случае, без повода с их стороны.

— Тогда дозволено ли мне будет спуститься и поговорить с вами?

— Прыгай, если хочешь. Я могу уделить тебе несколько минут.

— Поверьте, я нарушаю священный ритуал вовсе не из пустой прихоти.

— Я все равно заснула. Раз уж ты разбудил меня, почему бы не поговорить?

Бормоча солдатские ругательства, Ториан снял свою повязку и опустил меня в молельню. Последние несколько футов мне пришлось все же пролететь, и я приземлился в сидячем положении как раз перед Шалиаль. Поскольку свободных стульев в помещении не наблюдалось, я в этом положении и остался.

Ее глаза слегка покраснели, и все же она оставалась прекрасна — даже в тусклом свете лампы, позволявшем видеть только ее лицо. Тело ее скрывала бесформенная белая хламида, волосы были убраны под повязку. Подбородок Шалиаль был не по-женски решителен, нос — слишком отцовский для канона красоты, но она была неописуемо, безумно, возбуждающе прекрасна.

И не только внешне. Богиня красоты Ашфер начинает с души.

Я попытался собраться с мыслями — сонная голова совсем не соображала.

— Я — Омар, меняла историй, а вы — Шалиаль Тарпит.

— Неверно. Вот уже скоро час, как я послушница Саньяла.

— Шалиаль мне нравится больше.

— Мне тоже. — Она посмотрела вверх. — Кто твой помощник?

— Просто силач. Его полезно иметь под рукой, но изъясняться он предпочитает междометиями. Не думаю, чтобы он вас заинтересовал.

Ее усталые глаза сердито вспыхнули.

— Ты претендуешь на то, чтобы знать мои вкусы — при столь недолгом знакомстве! Болтливость не украшает мужчину.

— В данном случае это просто сочетание крепких мускулов, угнетающе твердых моральных принципов и неустрашимой дерзости. Серьезная, глубоко религиозная молодая женщина вряд ли найдет что-нибудь в его постоянной веселости и, можно сказать, бесшабашности.

Глаза ее вспыхнули еще ярче.

— Сдается мне, если меня застанут в столь компрометирующем обществе, меня ждет наказание. Если не ошибаюсь, здесь в ходу порка ивовыми прутьями. Мне лучше по возможности уменьшить вероятность этого. Изложи, что привело вас сюда, и побыстрее.

— Разумеется, мы пришли выручить вас.

— Откуда выручить?

— Отсюда.

— Отсюда? И куда, интересно?

Меня редко удастся так поймать на слове. Мы с Торианом не знали в Занадоне никого. У нас не было надежного убежища, но Шалиаль прожила здесь всю свою жизнь, и, кроме того, она знала еще одно заинтересованное лицо: ее безымянного любовника. Тогда в беседе с отцом одно упоминание об этом заставило ее вспыхнуть — значит, нет дыма без огня. Вот оно, убежище, приготовленное для нас богами! Этот человек просто не может не принять нас с распростертыми объятиями, если мы объявимся с его несчастной возлюбленной на руках! А если и может — ну, допустим, он, к примеру, женат, — его можно будет склонить к сотрудничеству шантажом.

При всем при том я подозревал, что требовать от Шалиаль, чтобы она назвала его имя и адрес на данной стадии знакомства, по меньшей мере преждевременно. Сначала необходимо завоевать ее доверие. Все убеждены в том, что она совершает бдение, в комнате снаружи храпит старая развалина — до рассвета нас никто не должен беспокоить.

— Я не могу сказать вам, куда мы направимся, пока не буду уверен в том, что вы согласны помочь нам.

Лицо ее посуровело.

— Я совсем не помню своей матери: она умерла, когда я родилась. Но я не сомневаюсь, будь она сейчас здесь, она бы не посоветовала мне посреди ночи пускаться в путь в обществе двух оборванцев мужеского пола, один из которых изъясняется только междометиями, а второй отказывается ответить на простейший вопрос.

— Для попавшей в беду девы вы ведете себя решительнее, чем я ожидал.

— Мне кажется, я сейчас закричу, — твердо заявила Шалиаль Тарпит.

— Скажите, если я поведаю вам, как и почему я пришел сюда к вам на помощь, уменьшу ли я этим ваше желание закричать?

— Во всяком случае, ваш рассказ может оттянуть этот момент, — ответила она и села поудобнее, приготовившись слушать.

Я прищиприл свои готовые выключиться от усталости мозги, послав их с места в карьер.

— Великая река Йолипи, — начал я, — несет свои воды через все Пряные Земли к самому Жемчугу Неба. Там она оmyвает стены большого и могущественного города Ургалона.

— Можешь не углубляться в географию. Я и сама в ней преуспела.

— Ах... Прошу простить. Впрочем, детали играют в моем рассказе существенную роль, так что прошу вас, потерпите немного, если мне придется злоупотреблять ими для передачи местного колорита. Так вот, южнее Ургалона река минует узкое ущелье, известное как Врата Роша. Как вам, на-

верное, известно, Рош — это бог приливов, и уровень воды в том месте действительно меняется в течение дня, чего не увидишь нигде выше по течению.

В этих самых наводящих ужас ущельях речной бог дважды в день сражается с могучим морем. Волны вздымаются выше крыш, захлестывая высокие скалы, окутывая все туманом брызг и оглушая окрестности устрашающим ревом.

— Да, я слышала об этом, — тихо произнесла она. — Мой брат рассказывал мне.

Терпеть не могу слушателей, которые то и дело перебивают.

— Эти опасные речные проходы известны как Врата Роша.

— Ты это уже говорил.

— Верно. Но в прибрежных землях их знают под другим именем. Там люди называют их Гневом Наска. Бойкий Наск — возможно, он более известен вам под именем Неск — бог всех дверей и начала всех деяний.

— И дефлорации! — озорно улыбнулась Шалиаль.

— Вы забегаете вперед. Поскольку река, можно сказать, единственная дверь с побережья в Пряные Земли, второе название тоже не лишено смысла. Я вам не надоел пока?

— Я сгораю от любопытства.

— Спасибо, — вежливо сказал я. — Через это дьявольское место должно проходить все, чем торгуют Пряные Земли, и то, что получают они взамен: огромные тюки хлопка, розовые кедровые бревна и доски, пыльные мешки руды.

— Ты забыл упомянуть дымчатые жемчуга и играющие огнем алмазы, перья попугаев всех цветов радуги, легкие как паутина шелка из загадочных стран на краю света, золото из пустынь Шайфу, кроваво-красные рубины из дьявольских копей Аркраза с голубинное яйцо каждый и дающие мужскую силу порошки из рога горного козла и толченого мумий.

Я начал проникаться симпатией к методам, которыми Бедиан Тарпит решал свои семейные проблемы.

— Сразу видно купеческую дочь.

Она хитро улыбнулась:

— Мой отец не обсуждает свои дела с женщинами.

— Но не ваш брат.

Она приняла мое предположение за твердое знание и удивилась.

— До недавнего времени он вел отцовские дела в Ургалоне, — признала она.

— Не рассказывал ли он вам про знаменитые фарфоровые чаши для омовения пальцев из Лейлана?

— Не помню такого.

— Это достойно сожаления. Так я продолжу? Опасно плавание через Врата Роша, а в отдельные луны оно и просто невозможно. В прилив и отлив бурлящие воды стремительно несутся по скалам и камням, и несчетное количество судов превращается тогда в обломки. Только при высокой или при низкой воде корабль может отважиться выйти в путь, и одолевая ущелье ему приходится короткими переходами из одной знакомой гавани в другую. Несчастье ожидает того, кто замешкается хотя бы на минуту и опоздает причалить к берегу, и все прохождение ущелья может занять немало дней.

— Четыре с половиной.

— Спасибо. Так вот, обитает в этой горной стране один стойкий народ, отличающийся простыми и бесхитростными нравами. Их убогие хижины лепятся к пристаням, и они зарабатывают себе на жизнь продажей провизии, починкой судов и тому подобными не слишком прибыльными, но честными путями.

— Прирабатывая попутно воровством и проституцией, — снова усмехнулась она. Если она хотела шокировать меня своими познаниями, ей это не удалось.

— Совершенно верно, — спокойно продолжал я. — Я как раз хотел рассказать про их темные делишки. Помимо всего прочего, они собирают обломки кораблекрушений, ибо им известны места, куда их выносят волны, и к тому же они время от времени позволяют себе немного передвинуть бакены и створные знаки, дабы пополнить запас.

Моя семья жила в стороне, на пустынном берегу узкого и опасного рукава, известного как Русло Последнего Приюта.

Суда редко бросают там якорь, разве что когда попадают в беду и не успевают доплыть до гавани в Заливе Сладких Вод. В таких редких случаях мой дед с дядьями поднимались — даже в самую плохую погоду — и сбрасывали на них камни с утеса. Такую скорость набирают их снаряды к концу долгого падения, что стоит хоть одному попасть в корабль, и он пробивает его насквозь, и тот тонет, не дождавшись, пока прилив освободит его.

Шалиаль побарабанила пальцами по полу, но в первый раз с начала рассказа смолчала, не сводя с меня внимательного взгляда. Развивая успех, я продолжал:

— Бушующие волны смывают команду за борт, и следующий же северо-западный ветер пригоняет обломки в нужную бухту. Многие поколения моих предков занимались этим делом и весьма преуспели в нем.

Моя мать была единственной дочерью, и она не знала своей матери, ибо та умерла родами. Ее — в смысле мою мать — вырастили ее отец и шестеро братьев. Тяжелой и одинокой была ее жизнь, и столь отдалено было их жилище от остальных, что только раз в год, на традиционном Балу Могильщиков Кораблей, виделась она с соседями. Она славилась как женщина мягкого нрава и необыкновенной красоты.

— Мне кажется, я и сама догадалась бы об этом.

— Ее звали... мне стоит назвать ее имя, ибо в рассказе будет меньше романтики, если я продолжу называть ее своей матерью... так вот, ее звали Нугга. В то время, о котором пойдет рассказ, Нугге исполнилось семнадцать лет, и ее чудесная красота как раз только-только расцвела.

Я бросил на Шалиаль оценивающий взгляд и был награжден легким румянцем, проступившим на ее щеках.

— И вот однажды весной, — продолжал я, — Нугга с братьями спустились к воде, пробираясь по камням и отмелям в поисках обломков и скромных даров моря. Погода стояла тихая, но слегка туманная. И так увлеклась Нугга поисками, что потеряла счет времени и не заметила, как отошла от берега слишком далеко.

Честно говоря, она просто не устояла перед искушением обобрать два трупа, но обыкновенно я опускаю эту подробность.

— Вполне понятно.

— Так вот, случилось непоправимое — так, во всяком случае, казалось. Начиная с этого момента, мой рассказ делится на два. Вот что увидели мой дед и его сыновья. Волна прилива обычно возвещает о своем приближении ревом, от которого кровь стынет в жилах — словно рычит тысяча морских львов. Однако в тот день ветер дул от берега, и они до самого последнего момента не слышали этого предупреждения. Тревожно перекрикиваясь, бросились они на берег и, только оказавшись в безопасности, заметили, что Нугги с ними нет. В отчаянии оглянулись они и увидели, как Нугга бежит от берега к морю, судя по всему, в надежде спастись на одной из торчавших из воды скал, хоть и известно, что ни одна скала не спасет от прилива по весне. Потом из тумана выдвинулась стена воды и поглотила ее, и она исчезла.

— Семнадцать лет, ты сказал? — Шалиаль прикусила губу.

— Семнадцать лет и четыре дня.

— Ты еще не родился тогда?

— Разумеется, нет. Но моя... но Нугга увидела совсем другое. Она услышала громкую музыку — веселую, мелодичную, никак не похожую на рык бесчисленных морских львов — и увидела молодого человека, выбежавшего к ней из тумана с распростертыми объятиями. Он улыбался и показался ей божественно красивым — тем более что она почти не видела мужчин, если не считать своих родных.

Шалиаль приподняла брови — очень, надо сказать, красивые брови.

— Могу я спросить, как он был одет?

— Не думаю, что в этом есть необходимость. Судя по лицу, это, конечно же, был Рош, бог приливов, ибо дело происходило в его владениях. Это ведь его Врата. Впрочем, Роша редко замечают в делах вроде того, о котором идет речь... но я не буду вдаваться в излишние подробности. Теперь вам ясно, почему я упомянул второе название этих мест — Гнев Наска, ведь Наск

пользуется дурной славой... ладно, скажем только, что он — бог начал и дефлорации, а никто, даже бог, не зарабатывает подобную репутацию за просто так.

Возможно, в тех местах Рош перенял некоторые атрибуты Наска, ибо среди богов такое бывает. Как бы то ни было, Нугга сразу поняла, что это бог, и нимало не колебалась. Не обращая внимания на угрожающую ей смертельную опасность, поспешила она в его объятия.

Я помолчал немного, и в конце концов моя слушательница, не выдержав, застенчиво спросила, что случилось дальше.

— Не могу сказать доподлинно, но подозреваю, что все было как обычно... или немного более того. С родной матерью не очень-то поговоришь о таком. Она рассказывала мне все только в самых общих выражениях — что ее закрутил сияющий туман. Вообще рассказы такого рода грешат символизмом: пена, вздымающийся прилив... ну и тому подобное.

И наконец наступил отлив. Мои дядья в скорби спустились к воде в надежде найти хоть тело несчастной Нугги, чтобы предать его земле. Каково же было их удивление, когда они увидели ее целой и невредимой, мирно спящей на узкой полоске песка. Ее одежды пропали, но на ней не было ни царапины.

— Это, конечно, Рош вернул ее?

— Судя по тому, что о нем рассказывают, это вполне в его духе.

— И спустя девять месяцев...

— Восемь. Я родился до срока, что, возможно, объясняет некоторую порывистость моего характера.

— Ммм, — задумчиво произнесла Шалиаль. — Интересно, какое отношение это имеет ко мне?

— Ах... Я как раз собирался переходить к этому. Единственная подробность, которую Нугга запомнила отчетливо и не скрывала ни от кого — собственно, ее она готова была рассказывать любому желающему по многу раз, — это то, что случилось в конце. Она лежала в объятиях бога, а вокруг них плескали о песок последние волны.

«Мне пора, — сказал он с печалью в голосе, — ибо как бог не могу я ждать смертных — ни мужчин, ни женщин. И ты должна сделать выбор. Ты можешь пойти со мной, и я провожу тебя до самого царства Морфита, или можешь вернуться в мир смертных. И если таков будет твой выбор, знай, что никогда больше ты не увидишь меня. Но и смертного ты не сможешь полюбить, ибо тот, кто познал любовь бога, не удовлетворится меньшим».

«И конечно, я понесу ребенка от тебя?» — спросила она.

«Само собой», — ответил бог несколько хитро.

— Очень трогательная история! — вздохнула Шалиаль. — Не то чтобы слишком оригинальная, но украшенная любопытными лирическими отступлениями.

— Я еще не закончил, — возразил я. — Ибо тогда спросила Нугга у своего любовника: «Разве не принято у бога, зачавшего ребенка со смертной, наделять своего отпрыска каким-либо божественным даром?»

— Ага! Очень предусмотрительно с ее стороны! Так мы наконец подошли к сути?

— Совершенно верно. Так вот, бог улыбнулся тогда своей божественной улыбкой и сказал: «Тогда выбери сама, каким даром могу я его наделить».

Шалиаль снова вздохнула, и даже в бесформенной хламиде послушницы это движение ее груди не утратило волнительности.

— И что твоя мать — я хотела сказать, Нугга, — что она ответила на это?

— Она ответила: «Я бы предпочла родить девочку».

Шалиаль широко раскрыла свои огромные темные глаза и облизнула алые губы.

— О! Не слишком ли бестактно с ее стороны?

— Действительно, бог пришел в некоторое замешательство. Он нахмурил брови в божественном гневе и сказал, что об этом надо было просить раньше. Поэтому Нугга смирилась с тем, что у нее будет сын, но попросила даровать ему способность предсказывать будущее.

Шалиаль тихо присвистнула.

— «Ты просишь слишком о многом, — сказал ей бог. — Дар предвидения редко дается людям и неминуемо принесит смертным столько горя, что я не пожелал бы такого своему ребенку».

— Но Нугга настояла?

— Боюсь, она повела себя довольно упрямо. И она хорошо знала свои права.

— «Ну ладно, — сказал бог вставая. — Он будет видеть будущее во сне, но в своей божественной милости я ограничу его дар так, чтобы он мог видеть только судьбы других людей и только тогда, когда он сможет использовать это, дабы предотвратить большую беду». И он исчез так же, как появился, — скрывшись в тумане.

В молельне воцарилась тишина — та тишина, которая обычно следует за завершением удачно рассказанной истории.

Я видел, что рассказ произвел впечатление на Шалиаль. Конечно, она была еще очень молода, и невинная красота ее — даже в слабом свете стоявшей у алтаря лампы — грела мое сердце. Огонек лампы затрепетал и заплясал, чего я до сих пор не замечал за ним...

— Так ты предсказываешь будущее? — спросила она.

— Мне снятся события, которые только еще должны произойти. Боги говорят со мной во сне, как со всеми нами, только со мной они, похоже, говорят более ясно.

— И я приснилась тебе? — спросила она, и снова щеки ее окрасились легким румянцем.

— Конечно, ты мне снилась, и не раз. Эти сны начались почти год назад, когда странствия мои завели меня в город под названием... гм... Плюньжаб.

— Я слышала про Плюньжаб, — сказала она хмурясь.

— Это другой Плюньжаб, гораздо дальше. Так вот, та ужасная беда, что увидел я во сне, не давала мне покоя, ибо знал я благодаря дару, унаследованному мною от бога, что никто, кроме меня, не в силах предотвратить ее. Поэтому я тотчас отправился искать вас. Долгим и тяжелым было мое

путешествие, и по мере того, как приближался я сюда, сны становились все отчетливее и отчетливее.

Она сцепила руки, уставившись в них взглядом.

— И что поведали тебе твои сны?

— Они поведали мне о вашей красоте, само собой, и о юности, о невинности и добродетели. Еще они рассказали мне о тайной любви.

— О? — Стиснутые пальцы чуть побелели.

— Они поведали мне о предложенном вам ужасном выборе — Фатмониане и прочей шайке. Они показали мне, как вы отвергли их всех, как вас безжалостно выдернули среди ночи из родного дома и доставили сюда, в храм, с целью обречь на пожизненные лишения. Они поведали мне о плачущем верном возлюбленном, который так и не узнает, что случилось с женщиной, что владеет его сердцем.

— О! — Шалиаль продолжала избегать моего взгляда, но ее руки успокоились. Несколько обеспокоенный этим, я тем не менее продолжал:

— И они сказали мне, что я должен рискнуть своим благополучием и, быть может, даже жизнью и поспешить к вам с этими вестями. И наконец, они поведали мне, что я должен уговорить вас бежать немедленно, не теряя ни минуты, и доставить вас в надежные руки человека, что любит вас.

Наступила тишина. Я осмелился вытереть пот со лба. Мне показалось, что я выступил не так уж плохо, учитывая мою усталость. Все же мне пришлось довольно долго ждать ее ответа, и когда ответ наконец последовал, он был так тих, что я едва расслышал его.

— Причудливая вышла история.

— Но боги часто поступают причудливо. И ведь я представил доказательство того, что все это правда. Я ведь назвал вам имена тех четверых, которых предлагали вам на выбор, — четырех злых демонов, что ждут не дождутся занять в вашем сердце место подлинной любви. Как иначе я мог узнать их?

Шалиаль подняла наконец взгляд и внимательно посмотрела на меня.

— Если в жилах твоих течет почти чистый ихор, ты, должно быть, прожил уже сотни лет, словно первые смертные Золотого века?

— Отнюдь. Мне столько лет, сколько кажется на вид. Но конечно же, я надеюсь, что мне отпущено еще много сотен лет жизни.

— Судя по твоим поступкам, ты не слишком-то дорожишь ею.

— Значит, вы понимаете, чем я рискую ради вас.

— И ты хочешь, чтобы я бежала с тобой сейчас? С тобой и твоим неразговорчивым спутником?

— Вы должны, если только не хотите до конца жизни остаться погребенной в этом мавзолее. Эта ночь решает все. Время делать выбор.

— И куда мне идти?

— В объятия человека, которого вы любите и который любит вас.

— Ммм? — задумчиво протянула она. — Правда? Мне кажется, у меня есть еще один маленький вопрос.

— Так спрашивайте.

— Почему ты одет в коврик, украшавший стену отцовской конторы?

— Вы введены в заблуждение случайным сходством.

— Я сама ткала его.

— Жаль, что вы не сказали этого раньше, — не без досады проворчал я.

— Это могло бы что-то изменить?

— Могло.

— Даже твоё происхождение? — Шалиаль Тарпит смерила меня взглядом, которому позавидовал бы даже её папочка: холодным, как зимняя полночь, опасным, как клубок змей.

— Возможно, даже это, — вздохнул я.

— Мне кажется, я снова готова закричать.

— В таком случае, возможно, мне пора откланяться. Сколько у меня времени?

— Ссекунд пять-шесть.

— Не уверен, что этого хватит.

К счастью, в это мгновение из-за статуи Балора выступил Ториан.

15. ИСТОРИЯ ТОРИАНА

— О! — только и сказала Шалиаль и уставилась на него широко раскрытыми глазами, прижав руки ко рту.

Как я, должно быть, уже говорил, у Ториана была впечатляющая фигура, квадратная угольно-черная борода и рваный шрам через всю грудь. И вообще он подавлял своими размерами. Подходя к нам, он не сводил глаз с Шалиаль. Даже усевшись, он продолжал подавлять размерами.

Они продолжали молча смотреть друг на друга.

Я решил, что крик откладывается — по крайней мере на некоторое время.

— Вот человек, о котором я говорил вам, — вмешался я. — Он выступает здесь под именем Ториан, но это, разумеется, псевдоним.

Молчание продолжалось. Я посмотрел вверх — мне показалось, что небо в проеме чуть посветлело.

— Его история не лишена любопытства, — заметил я. — Жаль, что у меня нет времени поведать ее.

Снова молчание.

— Ну ладно, — добавил я. — Тогда начнем. Полрейнское царство — как наверняка известно любому знакомому с географией — лежит далеко на востоке, в гористой стране, где Берега Небесного Жемчуга встречаются с Культиарским хребтом. Это суровый пограничный край, народ которого испокон веков охранял от набегов Девичьи перевалы, а стало быть, и все Пряные Земли, будучи, так сказать, первой линией обороны. Женщины его отличаются большой грудью и изобретательностью в любви. Мужчины же славятся прос-

тотой, суровостью и некоторыми мужскими достоинствами, граничащими порой с уродством.

Я терпеть не могу слушателей, то и дело перебивающих рассказчика, но и некоторый отклик с их стороны тоже не мешает. С таким же успехом я мог бы обращаться к Майане и Балору. По крайней мере Майана и Балор смотрели своими каменными глазами, в которых застыло подозрение, на меня, в то время как эти двое продолжали смотреть только друг на друга. У меня начало складываться ощущение, что мне лучше вежливо откашляться и уйти.

И все же я продолжил свой рассказ:

— Много лет Полрейном правил царь по имени Нестран — мудрый и сильный правитель, любимый народом. Известный своей справедливостью, он тем не менее не терпел несогласных и поддерживал мир в стране твердой рукой. В дни своей силы родил он двоих сыновей. Старшего звали Торакс, а младшего — Биндлис, и они столь же отличались друг от друга, как вино и глина.

С самых ранних лет Торакс прослыл славным и бойким мальчуганом, обладавшим множеством достоинств. Он был физически крепок, но в то же время замечательно внимателен и нежен. Он с должной решимостью выполнял свой долг, был весел и жизнерадостен в компании и предан богам. И семья, и дворцовая прислуга души в нем не чаяли, и по мере того как он рос, слава о нем распространялась по стране, и народная любовь к нему росла и в конце концов сделалась беспредельной. Он достиг зрелых лет, став силачом, настоящим богатырем, в совершенстве владеющим оружием. Он был справедлив и набожен. Ум его остротой не уступал мечу, и все до одного сходились в том, что как правитель он не уступит своему отцу Нестрану, если не превзойдет его, когда настанет его черед занять престол.

Единственной реакцией на мои слова оставалось мерцание лампады.

— Младший же сын рос хилаком и трусом. Он был нехорош собой, манеры его оставляли желать лучшего, а уж про нравственность и говорить нечего. Пока его брат учился вла-

деть мечом и луком и скакать на коне — даже в юности опережая в этих искусствах зрелых мужей, — Биндлис ошибался у дворцовой кухни, преследуя молоденьких служанок или таская исподтишка пирожные-корзиночки. Еще не достигши зрелых лет, он успел погрязнуть во всех возможных и невозможных пороках.

Поэтому все царство было едино во мнении, что старший сын единственно достоин наследовать трон великого Нестрана и что младший имеет мало шансов сделаться правителем.

И настал день, когда старый царь слег, смертельно больной, и весь его народ оплакивал его неминуемую скорую кончину, радуясь, однако, уже тому, что у него имеется столь достойный наследник.

Но увы!

Ториан бросил на меня удивленный взгляд. Это длилось лишь долю секунды, и все же это была хоть какая-то реакция.

— В день, когда до последнего вздоха царя оставались, казалось, считанные часы, Торакс получил записку с призывом безотлагательно поспешить в бедную хибару, расположенную на склоне холма над дворцом. Казалось, ничто не смогло бы оторвать его от бдения у постели умирающего отца — и я не могу не упомянуть о том, что Биндлис, по своему обыкновению, где-то шатался, даже в столь скорбный день устроив очередную оргию, — но едва прочитав это письмо, старший царевич бросился на конюшню, вывел своего коня, к которому из-за его свирепости никто не отваживался подойти, взлетел ему на спину и как изголодавшаяся ласточка понесся на призыв.

Ибо в этой ветхой хибаре ждала своего смертного часа женщина по имени Думпит, самая простая крестьянка без каких-либо особенных добродетелей. Единственное, что отличало ее от остальных, — это то, что в молодые годы ее наняли во дворец нянчить маленького царевича Торакса.

Теперь уже оба следили или по крайней мере делали вид, что следят за моим рассказом.

— Царевич всегда любил простую женщину, которая заботилась о нем в детстве. Он следил, чтобы старость ее была по возможности спокойной, он никогда не забывал поздравить ее с днем рождения, и теперь он поспешил от больного отца к ее смертному ложу. Это был благородный жест, но и трагическая ошибка.

Небо действительно светлело. Я ясно мог разглядеть световой проем в дальнем конце молельни.

— И в этот трагический час Думпит отплатила за преданность царевича ужасным признанием. Она поведала ему, как в дни ее молодости мимо их скромного жилища проходил отряд наемных солдат и как один из них решил приударить за ней, когда она пасла отцовских коз. Вряд ли мне стоит рассказывать о том, как сельская простушка не устояла перед натиском опытного вояки? История слишком зау-рядная, и в свой срок обычное происшествие привело ко вполне ожидаемому результату.

Покинутая своим любовником, презираемая родными и уstraшенная сознанием собственного греха, нашла она уединенное убежище и там родила сына. И так случилось, что в тот же самый день разрешилась от бремени своим первенцем царица во дворце.

Царица рожала тяжело, тяжелее, чем простая, грубая крестьянка. Чтобы сберечь пошатнувшееся здоровье царицы и чтобы наследник рос здоровым, было решено нанять кормилицу.

Вот теперь уже оба слушали меня не отвлекаясь.

— Думпит накинула на голову свою лучшую шаль, и пошла во дворец, и нанялась кормилицей царскому ребенку. И она обманула их, сказав, что ее собственный ребенок родился мертвым.

— О нет! — воскликнула Шалиаль.

— Увы, да. И при первой же возможности она подменила ребенка.

— Это невозможно! — вскричала она.

— Уверяю вас, такое случается сплошь да рядом.

— Но что она сделала с царевичем?

Я с горечью покачал головой:

— Мне не хочется даже говорить об этом. Она скрывала ужасное преступление всю жизнь и только на смертном одре призналась во всем своему взрослому сыну. И сделав это, она тотчас испустила дух.

Когда Торакс медленно возвращался верхом во дворец, он услышал барабанный бой — это означало, что царь, которого он всегда полагал своим отцом, умер.

— Ну и что? — не выдержала Шалиаль, широко раскрыв глаза от страха. — Ты же сказал, из него должен был выйти идеальный наследник! Ты же сказал, что народ хотел в правители только его!

— Но я сказал еще, что он был человеком чести.

— О боги!

— Вот именно. Торакс не колебался ни минуты. Он сразу отправился на поиски своего ничтожного брата и сообщил ему — конечно, после того, как тот малость протрезвел, — что он единственный обладает законными правами на престол. И исполнив таким образом свой долг, Торакс оседлал коня и направил его в горы.

Шалиаль повернулась к Ториану:

— Но это же ужасно!

Ториан покосился на меня, вскинув бровь, но заговорил — в первый раз за все время:

— Таков был его долг перед богами, госпожа. Воин должен быть верен чести, ибо в противном случае вся жизнь его потеряет смысл.

Взгляд Шалиаль уперся в багровый шрам на его груди.

— Этот шрам?

— Этот шрам, — ответил я, — лишнее свидетельство подлинного ужаса свершившегося. Не успел презренный Биндлис воцариться на троне, как несметные полчища форканцев, одолев горные перевалы, обрушились на Полрейн. Сильный и умелый правитель вроде Торакса смог бы встретить их вовремя и во всеоружии, воодушевил бы народ собственной отвагой и, несомненно, сокрушил бы вражьи полчища еще на дальних подступах, избавив Пряные Земли от нынешних несчастий.

Жалкий же Биндлис в страхе бежал, бросив свою страну и свой народ. Полрейн был захвачен и разорен.

Шалиаль закрыла лицо руками.

— Когда Торакс прослышал о вторжении, он поспешил обратно, чтобы послужить своей родине, — поспешил в сопровождении единственного спутника, верного слуги, с которым дружил с детства. По дороге они попали в засаду — на них бросились шестеро форканских солдат. Он в одиночку одолел всех шестерых, но получил в схватке опасную рану. Слуга унес его с поля боя и каким-то образом сумел сохранить ему жизнь, отступая с толпами беженцев.

Она подняла глаза — на ресницах блестели слезы.

— А что потом?

— А потом, когда его крепкий организм справился с раной, он поспешил в Занадон Непобедимый, с тем чтобы предложить свою жизнь и опыт Балору и отомстить злодеям, терзающим его народ.

— Но эти ссадины у вас на шее?

— Увы, да. Занадонские военачальники отвергли воинов из других городов. Царевича Торакса схватили и заковали в цепи как раба.

— И тебя тоже, о преданный друг детства? — просто-на-чала она.

До сих пор я не думал о себе как о преданном с детских лет слуге, но в данный момент это, возможно, было наиболее удобной ролью.

— Не мог же я бросить своего господина!

— Это ужасно! — заявила Шалиаль. — Я рада, что вам удалось бежать. Но мне кажется, вам не стоит задерживаться в этом святилище. Вас наверняка обнаружат, и ничего хорошего из этого не выйдет.

Теперь можно было разглядеть даже самые темные углы молельни — до рассвета оставались считанные минуты. Ну почему наша юная жрица никак не может позволить убедить себя?

— Госпожа! — пророкотал Ториан. — То, что грозит нам, — пустяк в сравнении с той ужасной интригой, о

которой удалось нам услышать нынче вечером в храме. Завтра же вечером почтенную верховную жрицу Скикалм перенесут в Обитель Богини, с тем чтобы она призвала Балора Бессмертного.

— Что ж, давно пора!

— Возможно. Но нам доподлинно известно, что верховный жрец Нагьяк не надеется на то, что бог откликнется, и поэтому собирается устроить подмену. Старуху тайно унесут оттуда еще до зари. Вас поместят на ее место и представят народу в качестве омолодившейся Скикалм. Ваш отец знает о заговоре, хуже того, он его активный и добровольный участник. И еще хуже — роль Балора будет поручена некоему Грамиану Фотию, внуку военачальника Арксиса. Этот человек — чудовище и недоумок. Вам придется стать супругой этого негодяя, и уверяю вас, он будет хуже любого из предложенных вам на выбор женихов, возможно, даже всех четверых, вместе взятых. Вот от какой судьбы мы пытаемся вас избавить.

Шалиаль с радостной улыбкой захлопала в ладоши.

— Такой потрясающей сказки я не слышала уже много недель!

Ториан, не вставая с колен, повернулся к алтарю.

— О Великий Штах, Бог Войны, стань свидетелем моей клятвы! Да выпадет меч из моей руки, когда я обнажу его во гневе, да умру я как безродная дворняга, если я лгу или лгал этой женщине! Аминь!

Он коснулся лицом каменного пола, потом снова повернулся к девушке:

— Я не подпишусь ни под одним словом из тех баек, которые наговорил вам мой спутник, но клянусь честью воина, что я сказал истинную правду.

Краска сбежала с ее лица.

— Но то, что ты говоришь, — это святотатство! Он же верховный жрец!

— Нагьяк — главный заговорщик. — Ториан так хорошо справлялся с задачей, что я решил не вмешиваться в разговор. Он оказался способным учеником.

Шалиаль беспокойно оглянулась на богиню у алтаря.

— Мой отец? Но мой отец — благочестивый человек. Да, конечно, он торгуется до последнего, но это в том, что касается дел. Он почитает богов. Он и нас воспитал — меня и брата — в поклонении им. — Она обращалась к Ториану, но голос ее звучал так, словно она скорее убеждала себя саму. — Он щедро делится с храмом!

— В этом я не сомневаюсь, госпожа.

— Мой брат тоже набожен! И я... меня бы здесь не было, если бы я не хотела служить Великой Матери. Мое сегодняшнее решение вовсе не случайно. Конечно, разговор с отцом ускорил события, но он не принуждал меня!

— Я не сомневаюсь, что и верховный жрец верит в богов, — сказал Ториан, и его грубый бас прозвучал удивительно мягко. Так статуя прекрасной Ашфер может быть высечена даже из самого твердого камня. — Я ведь не говорил, что он не верит или что ваш отец не верит. Но вера в богов вовсе не означает веру в то, что чудо обязано свершиться.

Это совсем потрясло бедную девочку. Она в ужасе посмотрела на Ториана:

— И ты? Ты тоже считаешь, что Балор не придет?

Он покачал головой.

— Но форканцы?

— Они всего лишь люди, а значит — уязвимы перед другими людьми. И я не только не уверен в том, что Балор явится во плоти, я сомневаюсь в том, что Балор вообще являлся когда-либо, даже в древние времена. Веры в Балора, возможно, уже достаточно.

Шалиаль облизнула пересохшие губы.

— Но что нам тогда делать? — хрипло спросила она.

— Нам с Омаром надо уходить, или мы погибнем, так ничего и не добившись. Вам надо идти с нами. Ваше отсутствие вряд ли задержит их надолго, но по крайней мере вы не будете втянуты в их грязные махинации.

— Куда идти? Где я могу найти убежище?

— В самом деле, где, госпожа? Мы чужие здесь и никого не знаем. Зато у вас должны быть друзья.

Она в ужасе замотала головой.

— Ваш отец считает, что у вас есть... гм... романтическое увлечение.

Она вспыхнула. Даже в гневе она казалась душераздирающе беззащитной.

— Ты хочешь сказать, у меня есть любовник? Он заблуждался. У меня нет любовника. И я не знаю никого, кто мог бы укрыть меня... ни от отца, ни от храма. Вряд ли кто в городе пойдет на это.

Последние ее слова, возможно, и были правдой, но вот насчет любовника она продолжала врать. Кто бы это ни был, решил я, он должен быть человеком известным — раз, и женатым — два.

Ториан пригладил волосы.

— Но вряд ли здесь все до одного так заморочены жрецами, что откажутся выслушать наш рассказ?

Она зябко обхватила себя руками, съежившись, словно от холода.

— Мой брат... — С минуту она смотрела на моего огромного спутника, начисто игнорируя меня. — Но Джаксиан никогда не пойдет против отца! И если даже то, что ты говоришь, правда, этот маскарад необходим, чтобы дать городу надежду в трудный час.

Она очень быстро добралась до сути.

— Боюсь, это правда. Если вы так считаете, значит, ваш долг помогать им. И все же лучшие советчики — ваша душа и богиня.

Шалиаль стиснула руки.

— А вам лучше идти.

Ториан выпрямился во весь свой гигантский рост и с жалостью посмотрел на нее сверху вниз.

— Мне жаль, что все так вышло. Да помилуют вас боги. Она посмотрела на его колени.

— И вас.

— Пошли, Омар, — сказал он резко.

Небо начинало голубеть.

Чуть не в первый раз в жизни я не нашелся, что сказать. Я встал и следом за Торианом обогнул статую Балора. За ней была потайная дверь.

16. ПРИШЕСТВИЕ РОША

Ториан закрыл за нами украшенную резьбой панель. Она затворилась с щелчком, оставив нас в полной темноте.

Я услышал стук кремня. В темноте вспыхнули искры, потом занялся трут. Ториан зажег свечу в небольшой лампепрожке. Я осмотрелся. Помимо кушетки, в потайной комнате стояли стулья и несколько загадочных сундуков. Полуистлевшие свитки валялись грудой в одном углу, такие же дряхлые ковры — в другом. Воздух был какой-то затхлый.

— Это место воняет, — сказал я. — Я чую пробуждение древнего зла; столетние заговоры, как змеи, свиваются кольцами, пробуждаясь от сна.

— Это просто пыль. Я поднял ее, спускаясь. — Ториан повел лучом, остановившись на полоске мха под проемом в потолке. На ней отчетливо виднелись следы его приземления.

— Ты здорово рисковал, — заметил я, — прыгая в незнакомое помещение, да еще в темноте.

— Все лучше, чем слушать твои разглагольствования о Вратах Роша.

— В этой истории довольно много правды — больше, чем тебе кажется.

— Не сомневаюсь. Я решил, что из этой комнаты должен быть ход в молельню и что его проще найти с этой стороны. А теперь ступай сюда. — Он посветил в противоположный угол. — Видишь? Лестница вверх и вниз.

— Вниз, — сказал я, и мы стали спускаться.

Стены здесь были шероховатые и местами сырые, ступени — неровные, из-за чего спускаться приходилось осторожно.

Словно по контрасту с тщательной отделкой остального храма кладка была неряшливой. Ториан спускался первым, освещая дорогу; я шел следом, стараясь не оступиться в тени. Ход, казалось, будет тянуться вечно — вниз, вниз, к самому сердцу пирамиды. В одном я был уверен — это в том, что мы не напоремся на бегущего нам навстречу Нагьяка.

Собственно, свисавшая со стен и потолка паутина не оставляла сомнений в том, что этой лестницей уже не одно столетие никто не пользовался. Не исключено, что она вела в тупик — тогда мы останемся в западне, не имея возможности выйти из храма до наступления темноты, лишены еды и питья. Хуже того — пока верховная жрица будет ждать Балора в Обители Богини, вокруг храма соберется столько верующих, что мы не сможем покинуть его еще несколько дней.

Боги привели меня в Занадон для того, чтобы я стал свидетелем; они не обещали мне, что я поправлюсь на этой работе.

Впрочем, не обещали они и того, что я увижу сошествие на землю Балора во славе. Убийственная логика Ториана представлялась мне все более убедительной, поскольку даже мои божественные покровители поддерживали его — разве не они привели меня к молельне верховной жрицы, чтобы я мог подслушать заговор? Мне не дали спасти прекрасную Шалиаль, ибо она играла в этом плане важную роль. Как бы она ни пострадала от Грамиана Фотия и как бы я ни переживал из-за этого, все было предопределено. История, которую я унесу из Занадона, выходила совсем не такой, какую я ожидал.

Ториан замер как вкопанный, и я врезался в него сзади. Ощущение было примерно такое, будто я столкнулся со среднего размера кедром. Похоже, он и не заметил этого.

Лестница закончилась, и мы оказались в подземелье. Слабый свет светильника выхватывал из темноты зловещие катакомбы, тянувшиеся в обе стороны от лестницы. Через равные интервалы стояли арки, поддерживавшие низкие

каменные своды. От запаха гнили и крысиного помета начинала кружиться голова.

Ториан что-то буркнул и, высоко подняв светильник, двинулся направо. Из-под наших ног поднимались облака пыли. Первые два отсека оказались пустыми. Третий — нет. Подойдя поближе, мы пригляделись к гряде хлама у дальней стены. Мой живот свело судорогой, пульсирующая боль в висках усилилась.

Все, что я увидел сначала, — это какие-то сухие палки, покрытые толстым слоем той же пыли, что лежала на полу, почти не видные в тусклом свете, и все же уже тогда я знал, что это не обычные палки — просто разум отказывался верить в то, что видели глаза. Еще в этом хламе виднелись округлые предметы, похожие на страусиные яйца, — они смотрели на меня пустыми глазницами и скалили желтые зубы.

— Шестеро, — пробормотал Ториан. — Кажется, шестеро.

— Не меньше пяти, — согласился я. Количество трудно было определить на глаз. Возможно, их было больше шести, поскольку самые древние кости обратились во прах, а обломки черепов перемежались с глиняными черепками. По меньшей мере один череп был пробит топором, но я разглядел еще и цепи, и обрывки веревок. К другим цеплялись клочки кожи и высохшей плоти... волосы в пыли...

Ториан нагнулся, поднял длинную кость и приложил ее к своему бедру.

— Рослый человек. — Отшвырнув кость, он зашагал прочь.

На ватных ногах я поспешил за ним. Я хотел только одного: бежать, бежать из этого проклятого места, пока дурной воздух не прибавил к этой коллекции наши кости.

Это место до сих пор снится мне в ночных кошмарах. И более всего терзает меня воспоминание о черепках. Я могу поверить, что цепи остались там просто потому, что снимать их с трупов было бы еще сложнее, но глиняные сосуды означали еду и воду. Мне хотелось бы верить, что жертвы попадали сюда уже мертвыми... ну, в крайнем случае почти

мертвыми. Из того, что мне известно, это могут быть преступники, или нарушившие обет жрецы, или кто-то в этом роде. Но я знаю, что думал Ториан, и сам верил в это. И верю до сих пор.

Должно быть, врач или аптекарь определил бы по этим костям гораздо больше. Он мог бы сказать нам, были ли среди жертв женщины. Он мог бы утешить нас, сказав, что некоторые из умерших были совсем уже старыми и дряхлыми. Мне хотелось бы верить в то, что Балор, спасая свой народ, остаток своей земной жизни правил Занадоном — если хотел, конечно. Однако живой бог должен рано или поздно вернуться туда, откуда пришел, исчезнув не менее загадочно, чем явился. Даже если он мирно почил в своей постели, после него не останется разлагающийся труп. Храм никак не мог обойтись без тайного захоронения, места, где можно спрятать останки бога. Мне хотелось бы верить, что мы с Торианом наткнулись той ночью на такое захоронение, на братскую могилу.

Но Ториан уже спрашивал этой ночью: что случится, когда Балор спасет Занадон? Если боги и не ответили ему прямо, они намекнули достаточно прозрачно. Не могу сказать, чтобы я особенно переживал за Грамиана Фотия, но и ему я не желал такой участи — валяться скованным в этой темнице в ожидании скорой смерти. Гораздо страшнее была мысль о том, что такая же участь может ожидать и супругу Балора. Я отчаянно жалел, что не могу притащить сюда Бедiana Тарпита и военачальника Арксиса — пусть бы полюбовались.

Мы вернулись к лестнице, по которой попали сюда, и пошли по другому коридору. Следующие несколько отсеков подземелья оказались пусты. Еще два были завалены обломками давно обрушившихся полок и горами истлевших пергаментов. Несколько свитков отлетели в сторону и сохранились чуть лучше — по крайней мере по ним можно было понять, что они были когда-то документами. Мы попали в храмовый архив. Судя по всему, крысам он пришелся по вкусу.

Пройдя подземелье из конца в конец, мы оказались еще перед одной лестницей, упирающейся наверху в люк. В потайном хранилище царила вечная ночь, но там, наверху, уже занимался день, и обитатели храма могли проснуться.

— Ну, Меняла Историй? — Ториан посмотрел на меня в упор. — Что твои боги, выведут нас наружу в целости и сохранности?

— Разумеется, — вздохнул я и шагнул на лестницу.

По правде говоря, мне было настолько дурно от тяжелого воздуха подземелья, что я почти не думал о том, что может ждать меня наверху. Я поднялся наверх, уперся руками в камень и напрягся.

Камень поднялся бесшумно. Люк открылся в темноту. Успокоившись, я толкнул его сильнее. Свет ударил мне в глаза так внезапно, что я чуть не уронил крышку — грохот от ее падения разбудил бы весь храм. Вместе со светом в глаза полетела пыль. Только теперь я понял, что нахожусь под ковром. Я прислушался и услышал хорошо знакомый звук — чей-то храп. Ториан взялся за люк, приняв его вес на себя, я отполз в сторону и высунул голову из-под ковра, оглядываясь. Комната была большой и богато обставленной — вся в разноцветных коврах и резной мебели. Сквозь высокое окно лился утренний свет. Звучный храп издавал раскинувшийся на пуховой перине в алой шелковой пижаме верховный жрец Нагьяк.

Проснись Нагьяк в следующие несколько минут, он стал бы свидетелем чрезвычайно странного поведения собственного ковра на полу — тот шевелился, горбился и в конце концов исторг из-под себя исхудавшего мужчину с коротко стриженной бородкой, после чего вздыбился еще сильнее и из-под него вылез второй мужчина, заметно крупнее первого. Нагьяк мог бы услышать сдавленные проклятия, когда эти двое, ломая ногти, осторожно опускали камень на место. Однако боги не стали будить его в столь ранний час, и он продолжал храпеть.

Мы расправили ковер, на цыпочках прокрались к двери и вышли. Само собой разумеется, коридор был пуст.

Я неплохо ориентируюсь в пространстве, так что не сомневался в том, что мы находимся в западной части храма, на уровне земли. Мы поспешили по коридору к светлому пятну, означавшему выход и безопасность — точнее, относительную безопасность. Мы все равно должны были избегать стражников, однако за пределами священного храма нам не угрожало ничего страшнее быстрой смерти. Порка или рабство казались теперь и вовсе пустяком.

Возможно, сказывалось пребывание в затхлом подземелье, а может, я просто смертельно устал, но меня уже ничего не беспокоило. Думаю, что Ториан пребывал в таком же состоянии.

— Ну и куда мы пойдем теперь, Меняла? — спросил он, даже не пытаясь приглушить голос.

— Искать любовника, конечно.

— Любовника Шалиаль? Ты знаешь, кто он?

— Я знаю, кто поможет нам найти его.

Мы уже почти добрались до выхода, когда отворилась одна из боковых дверей и из нее вышла молодая жрица. Мы застыли, чуть не столкнувшись с ней. Жрица зажала рот руками и бесшумно осела на пол.

Мы перешагнули через нее и вышли.

— Ты всегда оказываешь на женщин подобное воздействие? — поинтересовался я.

— Нет, — буркнул Ториан. — Обычно они падают на спину.

Мы вышли во двор. Солнце еще не встало, но было уже светло. Справа от нас как раз закрывались за кем-то ворота храмового сада. Прямо перед нами стояли, беседуя, пять или шесть жрецов. Так и не замеченные ими, мы прошли между колоннами и зашагали прямо через двор. Теперь мы покинули запретную территорию и могли вздохнуть чуть свободнее.

Несколько особо упорных верующих все еще стояли на коленях перед своими богами, но стражники ушли. Ощущая себя жалкими букашками, мы прошли мимо огромных каменных ног Майаны и пересекли Площадь Тысячи Богов.

Всю дорогу Ториан молчал, погружившись в размышления. Он прервал молчание, только когда мы миновали колоннаду и вышли на Большой Проспект.

— Ты все еще хочешь говорить с ее братом?

— Конечно.

— Но это немыслимо!

— Не думаю, чтобы он принимал участие в заговоре. Он не лишен совести — ты же слышал его мнение по поводу цен на хлеб.

— По сравнению с этим то были сущие пустяки! — свирепо фыркнул Ториан.

— Вот именно.

Нам встретилось несколько горожан, направлявшихся в храм. Они косились на наш необычный внешний вид, но, похоже, считали, что это их не касается — что, собственно, соответствовало истине.

Я дерзнул посмотреть наверх. Майана сурово глядела на меня краем глаза, словно предостерегая от разглашения подслушанной мною ужасной тайны. Я поспешно перевел взгляд на Балора. Он казался не более угрожающим, чем накануне, — точнее, даже менее угрожающим, почти веселым. Какими бы именами его ни называли — Балор, Кразат или как-то еще, — он всегда остается Непостоянным.

Я пришел в Занадон, убежденный, что меня призвал сюда сам Балор, но теперь начинал подумывать, не замешан ли в этом какой-нибудь другой бог. Любой смертный, оказавшийся вовлеченным в дела богов, рискует нарваться на серьезные неприятности. Здесь, в городе Майаны, я целиком и полностью находился во власти богини страсти: мало кто из богов способен устоять перед ней. Если ей захочется раздать жалкого менялу историй, шатающегося по ее городу, кто из богов посмеет навлечь на себя ее гнев, встав на мою защиту?

Ториан продолжал недовольно хмуриться.

— Ты считаешь, ее брат поможет нам?

— Если он не поможет, я знаю, кто сделает это.

— Девушка говорила, он никогда не пойдет против отца.

— Она сказала также, что он очень набожен.

— Ты расскажешь ему про подмену?

— Наверное, — ответил я зевая. — Давай-ка свернем в этот переулок.

Мы свернули с Большого Проспекта, становившегося опасно людным.

— Ты с ума сошел!

— Ты говоришь это уже не в первый раз.

Во дворах голосили петухи. Лаяли собаки. Раз или два мы видели кого-то в отдалении; мы слышали голоса и вдыхали дразнящий аромат пекущегося хлеба. Хлопали отворяющиеся ставни. Скоро первые солнечные лучи разбудят орлов, гнездящихся на шлеме Балора, и уже сейчас можно было не сомневаться в том, что день будет жарким. Я с трудом переставлял ноги, радуясь только тому, что идти почти все время приходилось вниз. Я обдумывал все, что случилось со мной за последние сутки, но мысли путались в моей усталой голове, как водоросли в заросшей дельте Натипи. Казалось, болит каждая мышца моего тела.

— Омар, — не успокаивался Ториан, — но это же безумие! Ты доказал мне, что боги помогают тебе, но не ты ли говорил мне, что полагаться на богов и испытывать их терпение — вовсе не одно и то же. У нас нет никаких оснований ждать помощи от Джаксиана Тарпита! Скорее уж он пожелает отрубить нам головы, ибо мы обладаем тайной, угрожающей процветанию его семьи.

Увы, я так устал, что мне не хватало сил терпеть сетования моего спутника.

— Ты ошибаешься, — сказал я. — Боги открыли мне способ добиться его поддержки.

— Что еще за способ?

— Ты сам видел. Вспомни, что Джаксиан Тарпит — человек глубоко верующий и что он довольно долго вел дела своего отца в Ургалоне. Девушка сама нам это рассказала.

— Ставкой в этой игре — моя жизнь. Я не собираюсь отгадывать твои дурацкие загадки!

— Тогда доверься мне, — огрызнулся я.

Переулок, по которому мы шли теперь, раздваивался, и я пытался выбрать, по какому из двух одинаково малоприятных путей идти дальше. Оба поднимались вверх, оба были завалены мусором, оба были настолько узки, что мы не могли идти рядом.

— Не хочу! Попробуй рассудить здраво! Мы можем найти безопасное убежище в этом доме — на чердаке или в сарае! Мы ловки и хитры. Ручаюсь, что я смогу открыть любое окошко на твой выбор, и мы запросто найдем место, где сможем переждать день — голод и жажду мы как-нибудь стерпим. Лучше уж прожариться на крыше, чем попасться в лапы стражникам. Возвращаться в дом Тарпитов — безумие. Забудь об этом!

Как ни печально, я позволил своей усталости взять верх над обыкновенно учтивыми манерами. Я даже не потрудился ответить.

— Тогда прощай, друг, — буркнул за моей спиной Ториан.

— Прощай и ты.

Я молча зашагал дальше. Когда через минуту я оглянулся, солнце сияло на золотом шлеме Балора. Я остался один.

Боги привели меня к воротам, которые я оставил незапертыми. Несколько минут я просто стоял, прислонясь к стене, проклиная свою нерешительность и отсутствие моего бесстрашного спутника. Я так устал, что мог бы упасть и уснуть прямо здесь, в уличной пыли. Я слишком устал, чтобы бояться. Я отворил калитку и проскользнул во двор — знакомый двор, хотя при дневном свете он казался больше. Я порывлся в складках повязки и нашел ключ — казалось, с тех пор, когда я украл его, прошло много лет, а не каких-то несколько часов. Оказавшись в доме, я запер за собой дверь и повесил ключ обратно на гвоздь.

В доме все еще царила тишина. Я передвигался короткими перебежками от одного укромного места к другому, но не видел ни души и не слышал ни единого звука. Собрав остаток сил, я взбежал вверх по лестнице и подошел к двери Джаксиана.

Пора было становиться богом.

Несмотря на усталость, я повторил в уме те аргументы, которые мне стоило бы изложить Ториану:

«Джаксиан Тарпит был послан в Ургалон. Купец, ведущий дела в этом городе, не может не беспокоиться о судоходстве через Врата Роцца, а его сестра говорила, что он глубоко верующий человек. Он не мог не молиться часто богу приливов. Интересно, продолжает ли он молиться, вернувшись в Занадон?»

Я отворил дверь с осторожностью цветка, распускающего лепестки, проскользнул внутрь и так же осторожно закрыл ее за собой.

Посреди просторной, светлой комнаты стояла пустая кровать, застланная шелками. Во всем убранстве ощущалось богатство: ковры с вышитыми цветами и ракушками, одежды, украшенные драгоценными камнями, мягкие шкуры на полу, низкие столики из оникса и яшмы, на которых лежали золотые гребни и булавки, алебастровые вазы и зеркало из полированного серебра размером с суповую тарелку.

Большая дверь в противоположной стене вела на балкон. Стоявшая на нем кровать была занята. В летнее время жители Пряных Земель предпочитают спать на свежем воздухе.

«Видишь, Ториан, — произнес я про себя, — ты заметил сходство даже в неверном свете факела. Подобное совпадение не может быть ничем иным, кроме как ниспосланным богами знаком».

Я развязал повязку и бросил ее на пол.

— Враг у ворот, — объяснил я. — Жители Занадона ожидают явления бога со дня на день.

В чем мать родила — в точности как статуя — я шагнул к балкону.

«Если один бог может явиться во плоти, почему бы это не сделать и другому? — спросил я отсутствующего Ториана. — И Джаксиан — глубоко верующий человек. Он увидит сходство. — Я склонился над кроватью. Сердце мое колотилось совсем не по-божески. — Не спорю, выдавать себя за бога — святотатство, но мне было велено поступить так».

Я упер руки в бока и изобразил на лице загадочную улыбку Роша.

— Пробудись, смертный! — возгласил я. — У меня есть дело к тебе!

Спящая фигура в кровати повернулась.

Она села, дав мне возможность полюбоваться пышной, но красивой грудью, и в ужасе воззрилась на мою наготу. Я уставился на нее с таким же удивлением. Мы вышли из оцепенения одновременно. Она натянула одеяло. Я повернулся и устремился к двери. Она... за свою долгую жизнь мне приходилось слышать много визга, возможно, даже более громкого. Однако с этим, пожалуй, не сравнится ничто.

17. ЕЩЕ ОДИН ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ

Я успел спуститься только на полмарша вниз, когда заметил четверых мужчин в латах, поджидавших меня внизу с мечами наготове. Решив, что верхний этаж выглядит гостеприимнее, я сменил направление. Трое других солдат ждали меня на верхней площадке. Я застыл на месте. Визг так и не прекращался, громкий, как пожарная труба. Из дверей на галерею выходили все новые люди; дворик внизу заполнился множеством слуг.

Я был абсолютно наг.

Обычным наказанием за изнасилование служит медленное насаживание на кол. В случае, если попытка изнасилования не удалась, наказание могут и смягчить, но не обязательно. Это зависит от обстоятельств. До сих пор я не находил никаких свидетельств того, что законы в Занадоне более милосердны, чем в других городах.

Ситуация настоятельно требовала трезвого рассудка на холодную голову. Увы, хоть пот, стекавший у меня по спине, и казался ледяным, мозги мои, похоже, превратились в кипящую жижу. Я здорово утратил бдительность, в чем могу

винить только свою усталость. Эти увальни в бронзе наверняка поджидали меня, и они никак не могли дышать, не скрипя кожей и не лязгая металлом. Я не мог не услышать этого. Но не услышал.

Вооруженный отряд сверху продолжал наступать, заставляя меня пятиться вниз. Когда я оказался на нижней ступеньке, а острие командирского меча почти уперлось мне в пупок, я остановился и обворожительно улыбнулся. Наверху кто-то оборвал визг звучным шлепком.

Сквозь толпу протолкался и стал рядом с капитаном Бедиан Тарпит собственной персоной. На нем был простой синий халат. Седые волосы и борода были всклокочены, глаза — мутные со сна, но на жестком, крупном лице играла довольная улыбка.

— Вы были абсолютно правы, капитан! Они собирались вернуться.

Возможно, Тарпит обнаружил свидетельства пребывания в доме чужих вскоре после того, как проводил верховного жреца. Возможно, он решил принять ванну или проверить какие-нибудь записи в конторе. Вполне естественно, городская гвардия не может не лезть из кожи вон, если за ниточки дергает такой денежный мешок, как Тарпит. Исчезнувший ключ, незапертые ворота... Я редко действую так неосторожно, хотя как раз сейчас был самый, пожалуй, неудачный момент сокрушаться по этому поводу.

Капитан был суровым типом с необычной для здешних мест раздвоенной бородой. Вид его, во всяком случае, был далек от дружелюбного.

— Пока только один из них, господин.

— Тогда заставьте его говорить.

— Ба, да вы, должно быть, отец Джаксиана! — вскричал я. — Какая честь для меня! — Я сделал попытку поклониться, но чуть не ткнулся мордой в клинок и поспешно выпрямился.

— Эй, вор, где твои сообщники? — спросил капитан.

Я придал лицу удивленное, даже изумленное выражение.

— Сообщники? — Я обернулся к Тарпиту, как бы ища поддержки. — Господин, это какое-то недоразумение!

Выражение радостного любопытства на его лице отнюдь не делало его менее зловещим.

— Не уверен. Улики налицо. Если только ты, конечно, не один из собутыльников моего сына, заглянувший опохмелиться.

Я заметил Джаксиана, стоявшего на заднем плане и смотревшего на меня поверх голов. Пожалуй, роль собутыльника мне не подходила.

— Я его деловой партнер, — конфиденциальным тоном сообщил я. — Не может быть, чтобы он не говорил обо мне — Омаре из Аркраза, торговце самоцветами.

В глазах Тарпита промелькнуло нечто, похожее на тень сомнения; впрочем, это могло быть и обыкновенной алчностью. Солдаты ухмылялись в ожидании предстоящего допроса с пристрастием. Короткий взгляд поверх голов дал мне понять, что к похмельному отчаянию Джаксиана добавилось смятение.

— Для торговца у тебя очень уж необычный наряд, Купец, — заметил Тарпит.

— Урниамист.

— Что-что?

— Я почитатель Урниам, — объяснил я, — богини детей и невинности. Дабы мы не поддавались соблазну греховного щегольства, Прямодушная запрещает нам носить одежды везде, кроме общественных мест или собрания неверующих. Знал бы я, что здесь соберется столько народа, я бы оделся соответственно. Если это вас раздражает, я готов отбросить свои религиозные убеждения и принять любое одеяние.

— Неслыханная дерзость, — буркнул Тарпит, потом повернулся и рывкнул: — Джаксиан?

Высокий мужчина протолкался через толпу. Глаза его были красны, как закат в ветреную погоду. Я почти физически ощущал, как трещит у него голова.

— Отец? — выдавил из себя он.

— Ты знаешь этого человека?

Джаксиан тупо уставился на меня. Я изобразил на лице загадочную улыбку Роша, что, учитывая обстоятельства, потребовало от меня значительной концентрации сил.

— К-к-каж... кажется, его л-лицо... к-кажется знакомым, — неуверенно произнес Джаксиан.

— Храни меня Балор! — взревел его отец. — Один из твоих дружков-собутыльников, не иначе?

— Господин! — рывкнул я так, что Джаксиан вздрогнул. — Я же сказал: я почитатель Урниам! Мясо и спиртные напитки Избранным запрещены строго-настрого. Нет, нас с вашим сыном познакомил в Ургалоне общий друг, судовладелец. Мы вели переговоры о поставке значительной партии рубинов, которыми так славится Аркраз, однако отъезд Джаксиана временно прервал их. Я обещал найти его, когда буду проездом в Занадоне. Так вот, вчера вечером мы случайно встретились на улице...

— Н-нет, — с заметным усилием произнес Джаксиан. — Нет, я его н-не з-знаю.

— Ты уверен? — спросил его отец, словно такой определенный ответ был чем-то необычным.

— Абс...солютно, — пробормотал Джаксиан, зажмурившись. — У меня х-хорошая п-память на голоса.

А я-то надеялся, что воспоминания молодого человека о прошедшем вечере будут менее внятными. Судя по всему, мой план рухнул. Нужно было срочно придумать что-то еще. Я бросил на него недоверчивый взгляд и усмехнулся, словно вдруг понял.

— Он хочет сказать, — прошептал я, — что вопрос сугубо конфиденциальный и что нам лучше перебраться в более уединенное место, чтобы обговорить детали.

— Он хочет сказать, что ты не произнес еще ни одного слова правды!

Меня всегда приводит в замешательство, когда очевидный мужлан вдруг обнаруживает чувство юмора, — мужлану положено ограничиваться односложными репликами. С другой стороны, это могло оказаться и кстати. Бедиан Тарпит получал от моего спектакля живое удовольствие — сродни радости маленького ребенка, мучающего котенка, — обычно я рассчитываю на другую реакцию зрителей, но по крайней мере я до сих пор оставался цел и невредим.

Ощущая явную нехватку свежих идей, я решил положить на то, что выражение муки на лице Джаксиана связано не только с чудовищным похмельем, но и с некоторыми сомнениями.

— Ну конечно же, — радостно сказал я, — вопрос настолько конфиденциален, что мне поневоле приходится недоговаривать. Как только мы избавимся от лишних свидетелей, я открою, в чем суть дела.

— Тебе нечего открывать, — заметил Тарпит-старший. — И так все напояз. Капитан...

Джаксиан застонал.

— Я не уверен! — всхлипнул он. — В-возможно, я видел эт... это л-лицо р-раньше!

Его отец, капитан, даже я — все посмотрели на него с отвращением.

— Ты приглашал его сюда? — зарычал отец.

— О нет! Никогда.

— Тогда мы можем продолжать уже с уверенностью.

— Безумие? — заявил я. — Не Урниам, но Фуфанг? Конечно, я должен быть безумцем, чтобы возвращаться сюда. Если подобный вариант интересует вас больше, я могу изобразить очень убедительные конвульсии. Только для этого вам придется чуть посторониться — места маловато.

Тарпит оставил мое предложение без внимания.

— Ладно, давайте-ка посмотрим, каковы обвинения. — Он поднял взгляд на зрителей с галереи. — Мандиаль? Что с женщиной?

На вопрос ответила пожилая матрона с суровым лицом:

— Ничего. Только напугалась. Он не прикасался к ней.

— Ну да. В противном случае он должен был бы потропиться, — заметил капитан, глядя на меня с неприязнью.

— Но он оставил это у двери, — добавила Мандиаль, вывесив на перила на всеобщее обозрение сброшенный мною коврик-повязку. Мои ночные похождения не улучшили его внешнего вида — храмовая пыль так и сыпалась с него.

— Так где твои сообщники? — Капитан ткнул кончиком меча мне в правое бедро. Пошла кровь.

— У меня нет сообщников. У меня не бывает сообщников.

— Значит, на тебе было два ошейника? — На этот раз он ткнул в левое бедро, ближе.

— Я не знаю, где он. Мы расстались, выйдя отсюда. — Мне больно признавать это, но мне решительно нечего было сказать. Такое случается со мной крайне редко, но каждый раз это удивительно неприятное ощущение. От правды на этот раз явно было бы очень немного пользы. Стоило бы мне только упомянуть жрецов, храм или даже Балора, как Тарпит немедленно вырвал бы мне язык.

Поэтому я принялся снова обрабатывать Джаксиана, всем своим видом пытаюсь намекнуть ему на то, что он совершает ужасную ошибку.

— Бедиан! — вдруг взвизгнула Мандиаль на галерее. — А где же Шалиаль?

Еще несколько женщин дружно запричитали, заметив отсутствие молодой госпожи, и поспешили проверить спальню.

Я многозначительно посмотрел на Джаксиана.

Его отец вспыхнул от злости. Он явно предпочел бы сделать это заявление в более тесном семейном кругу.

— С Шалиаль все в порядке! — проревел он. — Ее отсутствие никак не связано с этим человеком!

Я сделал Джаксиану знак бровью и мотнул головой. Он побледнел, точнее, зеленоватый оттенок кожи над бородой сменился голубоватым — как бы то ни было, он отреагировал. Удача!

Бедиан заметил это. Он покосился на меня с явным подозрением. Я почувствовал, как по спине снова потекли струйки холодного пота. Мне необходимо было передать весточку сыну так, чтобы об этом не узнал отец — более хитрый, больше знающий и, уж во всяком случае в данный момент, значительно более трезвый. И дать отцу понять, что я знаю что-то, еще хуже, чем не дать знать сыну...

Все ждали объяснений Бедиана. Он изложил их, так и не спуская с меня глаз:

— Госпожа Шалиаль решила посвятить себя служению Святой Матери. Мы обсудили это вчера вечером, и я дал ей свое благословение. Я благополучно доставил ее в храм.

Молодого Джаксиана явно ни о чем не оповестили. При этих словах у него отвисла челюсть, а глаза полезли на лоб. На помощь с его стороны я мог не рассчитывать.

— Не вывести ли нам пленника на улицу для допроса? — осведомился капитан. — Мне бы не хотелось пачкать полы кровью.

Тарпит нахмурился. Он лихорадочно размышлял. Должно быть, он понимал, что я подслушал его разговор с Нагьяком. Он не был уверен, что я не начну плевать этими сведениями вперемешку с кровью и выбитыми зубами.

— Мне кажется, капитан, мы можем заключить, что это обычный воришка.

Вид у солдат был разочарованный, особенно у капитана.

— Как вам будет угодно, господин. Мы можем пришить ему изнасилование и взлом, но если вам угодно проявить милосердие, мы просто уьем его здесь.

— Это слишком хлопотно, — вмешался я, — и к тому же противоречит закону. И потом, я силен в проклятиях.

— Уж получи лучше по полной, парень, — тряхнул бородой капитан. — Казнь за изнасилование пользуется наибольшей популярностью.

— А может, убить при попытке к бегству? — Мысль явно пришла Тарпиту по вкусу.

У меня не было ни малейшего желания играть главную роль на публичной казни, однако я всегда твердо верил в то, что смерть надо встречать, стараясь оттянуть ее до последнего.

— У вас слишком много свидетелей того, что я не оказывал сопротивления! — заявил я.

Впрочем, свидетели потеряли ко мне всякий интерес. Слуги и члены семьи возбужденным шепотом обсуждали новости о Шалиаль. Не думаю, чтобы они что-нибудь заметили, даже если бы меня забальзамировали заживо.

— Допустим, он попытается бежать, когда вы выведете его во двор? — предположил Тарпит.

— О, разумеется, — ответил капитан. — Мы можем даже придумать что-нибудь убедительное с этими шипами на воротах.

— Я протестую! — сказал я с горечью. — Мои религиозные убеждения не разрешают мне проливать кровь. — Впрочем, меня все равно никто не слушал.

— О Бедиан! — вмешалась Мандиаль. — Надеюсь, ты не оставишь его подыхать здесь часами, скулящего, как последний дворовый пес?

— А как насчет награды за беглого раба? — предложил я за неимением в рукаве ничего, кроме этого... тьфу, у меня и рукава-то не было.

И солдаты, и купец неожиданно посерьезнели. Глаза Тарпита заблестели так же, как при упоминании рубинов.

— Это покроет ваши расходы? — спросил он.

— Большую часть. — Нет, право же, этот солдафон не был лишен купеческой жилки!

— Более чем покроет, капитан, насколько я могу сосчитать. — Кто в здравом уме усомнится в умении Бедиана Тарпита считать?

Он не без уважения осмотрел меня с ног до головы, прикидывая мою стоимость в денежном выражении и оценивая, насколько велик риск оставить меня в живых. И разумеется, победили деньги. Если я и знаю что-то — даже если поделюсь своими познаниями со всеми рабами на стенах, — чем это может угрожать Бедиану Тарпиту? Все равно жить мне осталось не больше нескольких дней.

— Да, пожалуй, так будет лучше. Можете забирать его, капитан. Сдайте его куда положено и получите награду в возмещение расходов. Да проследите, чтобы ваши люди получили свою долю.

Я подпрыгнул, когда капитан отсалютовал своим мечом. Я поискал взглядом Джаксиана, но тот уже ушел. Конечно, ему было о чем поразмышлять, помимо безумного взломщика. Да и мне было о чем подумать, помимо него.

Тут мне положено было бы описать, каково это — идти по городу в цепях, подгоняемым мечами целого отряда садистов, которых только что лишили развлечения. Я мог бы описать свои голодные мучения, ибо меня доставили в загон

для рабов, когда завтрак давно уже кончился. Я мог бы даже описать ощущения раба, гнущего спину на голодный желудок, после бессонной ночи, под безжалостным солнцем Пряных Земель...

Я не буду этого делать.

Кому-то может показаться, будто я жалуясь.

18. ИСТОРИЯ ОМАРА

Древние стены Занадона возвышаются на краю обрыва по периметру горы. Однако утес не везде неприступен. То тут, то там его прорезают овраги и расселины, которые приходится перекрывать искусственными укреплениями. В одном из таких мест, на западном склоне, вода подмыла основание стены, и она обрушилась. Судя по деревьям, растущим среди обломков, это несчастье имело место много поколений назад. Обленившиеся в безопасности горожане не давали себе труда заделать брешь до самого последнего момента — пока форканцы не оказались почти у порога.

Вместе с пятью другими рабами меня определили приводить в движение лебедку, и это была сравнительно легкая работа. Описать ее вполне в моих силах. Все, что от меня требовалось, — это толкать рычаг ворота и идти по кругу, по кругу, по кругу...

Примерно раз в час полоумный паренек притаскивал нам вонючий бурдюк с водой. Скрипели блоки и канаты, поднимая вверх каменные глыбы. Надсмотрщик предпочитал сидеть в тенечке. Впрочем, если ему казалось, что его вмешательство необходимо, он выражал свое недовольство вполне ощутимыми методами.

Здесь, на верху стен, дул свежий ветерок, да и вид отсюда открывался великолепный, и это скрашивало нам работу. Небо в Пряных Землях ярко-синее и бескрайнее. Покрытой садами и рисовыми чеками равнине, кажется, нет конца и

края, ибо она встречается с пустыней Хули где-то далеко за горизонтом.

На строительной площадке было шумно илюдно. Рабы и надсмотрщики трудились под бдительной охраной латников. Где-то далеко под нами толпы людей и мулов собирали обрушившиеся каменные блоки, прорубаясь к ним через лес. На самой стене каменщики и рабы двигали камни, стучали кирками, месили известь, и обрушившиеся устои мало-помалу восставали из руин. В другое время я мог бы даже гордиться тем, что помогаю восстанавливать это великолепие — тем более что строилось все на века.

Моим соседом спереди был крестьянин из Фаблусских гор. Учитывая то, что он потерял жену и четверых детей и не имел представления о том, что случилось с ними, зато очень хорошо представлял, что будет с ним, он держался на редкость весело. Моим соседом сзади был дезертир из форбинского ополчения, считавший свои нынешние мучения божественной карой за трусость. Я не спорил с ним на этот счет. Чувство вины и меланхолическое настроение делали его не лучшим собеседником.

Блоки, которые мы поднимали, укладывались на салазки, которые волоком оттаскивались на место группами по четыре человека. Ториан появился примерно через час после меня, и его направили таскать салазки. Судя по всему, при задержании он оказывал активное сопротивление, ибо лицо его превратилось в кровавое месиво, а на спине добавились новые кровоточащие шрамы. Я радостно помахал ему в знак приветствия, на что он ответил незнакомым мне жестом. Я до сих пор не знаю точно, что именно этот жест означал, хотя он изрядно позабавил моих приятелей.

Да. День выдался утомительный. Большую часть его я провел с закрытыми глазами и в молчании, что не похоже на меня.

И все же я попал в Занадон и был пока жив. Мне показали, что скрывалось за легендой о Балоре, а теперь боги поместили меня в безопасное место в ожидании событий, свидетелем которых мне только предстояло стать. Конечно,

они могли выбрать место и поудобнее, но зато с безопасностью все в порядке.

Я решил, что таким образом мне велели не вмешиваться в дела Шалиаль Тарпит и Грамиана Фотия. Впрочем, возможности вмешаться у меня все равно не было — раб, к счастью, избавлен от утомительной необходимости принимать решения.

Все, что мне грозило, — это умереть от сердечного приступа или от усталости — и то, и другое представлялось маловероятным. Еще одно преимущество рабства — это то, что тебе уже практически нечего бояться.

Солнце уже начинало клониться к горизонту, когда нашу работу прервал внезапный крик. Мы заклинили ворот, ибо блок, который мы поднимали, одолел только половину высоты. Мы так устали, что даже не задавали вопросов о причине нарушения распорядка, а просто рухнули, кто где стоял, вздыхая с облегчением.

Неожиданно меня рывком поставили на ноги, и надсмотрщик отомкнул мои цепи. Я, как мешок, повалился на землю. Тогда надсмотрщик пнул меня несколько раз, но я почти не почувствовал боли. В конце концов двое солдат под руки отволокли меня к месту, где восседало начальство. За моей спиной слышались щелканье кнута и сдавленные вскрики — это оставшихся пятерых снова заставили работать. Мне было жаль, что... Нет, если говорить честно, не было.

Мутным взглядом окинул я людей, поджидавших меня. Человек пять-шесть солдат и двое или трое штатских, выделявшихся чистотой и яркой одеждой. Один из них явно был здесь главным. Над черной как смоль бородой гордо торчал крючковатый нос. На нем была разноцветная повязка, заколотая богатой булавкой. Его шапка почти упиралась в холщовый навес, и он стоял, скрестив мощные руки на широкой груди. Меня поставили перед ним, я пошатнулся, чуть не упав, и тут понял, что это Джаксиан Тарпит.

— Кажется, этот, — произнес он. — Он в сознании?

Кто-то врезал мне по почкам — проверить. Потом меня снова поставили на ноги. Я сделал попытку сфокусировать взгляд, сопоставляя при этом стоявшего передо мной богатого вельможу с тем пьяным и трясущимся ничтожеством, которого видел раньше.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Я уже говорил, — ответил я, закрывая глаза.

Меня снова ударили и снова поставили на ноги. На этот раз в глаза попала пыль, и мне пришлось проморгаться.

— Омар из Аркраза?

— Верно.

Он угрожающе нахмурился. Я не сомневался в том, что его беспокоят посторонние уши, но ни капельки не жалел его. Наверное, он целый день провел, терзаясь в нерешительности — пытаюсь узнать, что случилось с Шалиаль, пытаюсь вспомнить, где он видел раньше мое лицо, пытаюсь набраться храбрости, чтобы пойти на стену и поговорить с рабом, пытаюсь представить себе, что скажет его папочка, если узнает об этом, и все это время я ходил по кругу, по кругу, по кругу...

— Зачем ты вернулся в наш дом?

— Поговорить с вами, разумеется.

— Оставьте его! — рявкнул он как раз вовремя, чтобы спасти меня от нового удара. Очень кстати, ибо я мог остаться без почек и без колен. — Я очень занятой человек. Мне некогда играть в загадки. Что ты хотел сообщить мне?

Я из последних сил собрался с мыслями.

— Дело сугубо конфиденциальное.

Он пожал плечами и покосился на солнце.

— Постарайся получше!

— Я не могу говорить об этом в таком обществе, — ответил я, слабо махнув рукой в сторону солдат. Несколько рук легло на рукояти мечей, стиснулись кулаки, а надсмотрщик поднял кнут.

Джаксиан кашлянул, и они застыли как вкопанные.

— Посадите его на этот стул. И вы все можете идти. Это займет не больше минуты.

Я повернулся и пошел. Должно быть, я застал всех врасплох, ибо я успел пройти половину расстояния до моего ворота, пока меня не изловили и не оттащили обратно под навес. Меня сунули на стул, и от перемены позы у меня аж суставы хрустнули.

Джаксиан смотрел на меня с возросшим интересом.

— Так что?

— Дайте мне всего несколько минут, господин, — предложил надсмотрщик, — и он не доставит вам никаких хлопот. Дюжину плетей? Ну хоть полдюжины!

— Молчать! Объясни, Омар.

— Если вы действительно хотите услышать то, что я имею сказать, — ответил я, — вам придется предложить мне что-то получше, чем возможность посидеть пару минут на стуле. Я расскажу вам, вы уйдете, и этот Сила-Есть-Ума-Не-Надо разделает меня на котлеты. Я не спал двое суток и не ел уже несколько дней, и все потому, что хотел оказать вам услугу.

Несколько человек заговорили одновременно, но Джаксиан усмирил их одним взглядом. Моя дерзость, похоже, забавляла его.

— Дай мне хоть намек на то, что ты имеешь сказать что-то важное.

Этого оказалось достаточно. Человек посмекалистее дал бы знак надсмотрщику взяться за меня — так, посмотреть, что будет дальше.

— Послушница Саньяла, — произнес я.

Он отпрянул и снова побледнел.

— П-пос... послуш...?.. — Он пожевал ус и принялся за ногти. Теперь я узнал того Джаксиана, которого видел ночью. Все остальные молча ждали.

— Отлично, Омар, — сказал он наконец. — Я п-прослежу, ч-чтобы ты п-получил достойный обед и смог выспаться с к-комфортом, ч-что бы ты ни сказал дальше. Если это стоит дороже, я з-заплачу — хорошо заплачу. В-все вплоть до свободы. — Под растительностью на лице обозначилась слабая улыбка. — Т-такое предложение тебя устроит?

— Неплохо. Но здесь находится мой друг. К нему это тоже относится.

Солдаты нахмурились. Надсмотрщик закатил глаза. Рука, стиснувшая кнут, побелела от напряжения.

— П-похоже, я найму его т-торговаться! — усмехнулся Джаксиан и вопросительно посмотрел на своих спутников. Они смотрели на него во все глаза. — Что ж, я никогда еще не совершал сделки с тем, кто предлагает так немного, — объяснил он.

— Господин! — не выдержал надсмотрщик. — Вам зачем тратиться на эту пададь. Я могу заставить его говорить для вас! Я могу заставить его делать все, что угодно вашей милости!

— Ну... э-э... гм? Нет, я дал слово. Ну, г-где т-тут твой друг, Омар?

Я показал на Ториана. Двое солдат пошли и расковали его. Он держался лучше, чем я, и имел значительно более устрашающий вид. Они привели его, держа мечи наготове.

До сих пор я не имел возможности разглядеть, как его отделали. Все лицо его было разбито в кровь и опухло, как баклажан, его волосы и борода были сплошь покрыты запекшейся кровью, и вдобавок он потерял пару зубов. Он ухитрился ухмыльнуться мне, когда его привели, но даже это движение, судя по всему, причиняло ему боль.

Джаксиан казался столь обеспокоенным такой устрашающей внешностью, что я начал опасаться за еще не обретенную свободу.

— Господин, — вмешался я. — Позвольте мне представить вам Его Царское Высочество, наследного царевича Ториана, наследника трона Полрейна, Великого Князя Тристрейнской долины, Великого Визиря Ордена Бронзовой Перчатки, Властелина Восточных Болот и прочая, и прочая!

— П-правда? — удивился Джаксиан.

— Истинная правда, — ответил я, и, возможно, никто из нас не знал, насколько близок я к истине.

Вряд ли я ошибался слишком сильно, ибо мой огромный друг явно был из клана воителей и родом из Полрейна.

Так мало людей спаслось — особенно из семей военных, — что он мог без боязни присвоить себе половину титулов царства. И потом, проверять мелкие детали все равно было некогда.

Что бы ни думал на этот счет сам Ториан, на его изуродованном лице это никак не проявилось. Однако он и не спорил.

— Для меня большая честь познакомиться с таким выдающимся предводителем горожан, как Джаксиан Тарпит. Я счастлив приветствовать вас в великом городе Занадоне. — Он поклонился.

Надсмотрщик заплакал от огорчения.

— Э-э... я тоже, — ответил Джаксиан. Они с Торианом были примерно одного роста; Джаксиан даже чуть выше — возможно, потому, что был обут в сандалии. — У меня есть друзья среди военных, которые были бы рады познакомиться с вами, Ваше... — Он никак не мог заставить себя обратиться к рабу как к человеку царского рода.

Возможно, он также заметил убийственно хмурые лица своих спутников-солдат. Естественно: если любой уважающий себя купец непременно считает другого купца лжецом и мошенником — что не лишено оснований, — воины одного города считают воинов из другого города шпионами и потенциальными противниками также небезосновательно. Вполне возможно, если Джаксиан откажется от своего покровительства, я обрекаю Ториана на смерть. Однако с этим можно было разобраться и потом.

Джаксиан повернулся и приказал нам садиться в его экипаж. Еще через несколько минут он присоединился к нам, и мы двинулись. Ториан перепачкал подушки кровью.

Повозка представляла собой некое подобие лодки на колесах и с навесом. Ее тянула четверка пони, а впереди гарцевали вооруженные всадники. В ней с комфортом разместилось бы четверо мужчин нормального роста, но я оказался зажатым в углу Торианом, а Джаксиан как раз занял

оба противоположных сиденья. Все остальное пространство было занято слишком длинными ногами.

Улицы в Занадоне вымощены гранитной брусчаткой, а у повозки не было рессор. Поэтому каждый камень мостовой отдавался в моем теле острой болью. Правда, это не дало мне заснуть раньше времени.

Будь я в лучшей форме, поездка доставила бы мне удовольствие. Улицы, по которым мы проезжали, уступали размерами Большому Проспекту, но не становились от этого менее красивыми. Для города-крепости их можно было считать очень даже широкими. По обе стороны возвышались богато украшенные фасады. Толпы были яркими и радовали глаз. После недель общения с оборванными беженцами приятно было видеть признаки процветания и радостные лица — вернее, это было бы приятно, если б глаза мои не слипались, а в голове не бродили тревожные мысли. Вот таким мне и являлся Занадон во снах.

Оживленное движение на улицах и толпы пешеходов замедляли наше движение, но грохот деревянных колес мешал разговаривать. Джаксиана просто необходимо было ободрить хоть немного. Вид у него был еще более растрепанный, чем обычно; возможно, он боялся, что мы просто разыгрываем его. Я мог представить себе, как он пытается объяснить своему милому папочке, почему семейный экипаж так перепачкался кровью. Я думаю, он тоже представлял себе эту сцену, только в деталях и гораздо более живо.

— Так говори же! — крикнул он. — Мне некогда выслушивать все, иб-бо м-мне пора на очень в-важную церемонию. В-возможно, я уже опаздываю. М-мой кучер отвезет вас в трактир — там вас накормят, и я приду сразу, как смогу. Таково мое слово — вас накормят, и вы выпитесь со всеми удобствами. А теперь говори!

Ториан двинул меня ногой.

При всей моей усталости я не нуждался в этом предостережении. Как союзник Джаксиан Тарпит был слишком ненадежен. Если я выдам ему сейчас то, что узнал про козни его отца со священнослужителями, он просто ударится в

панику. Он может выгнать нас из города или отправить обратно в рабство — и уж там-то нас теперь наверняка прикончат. Сами боги не взялись бы предугадать, как поступит Джаксиан Тарпит.

Значит, придется пойти на отвлекающий маневр.

— Мы виделись в Ургалоне, — сказал я. — Вы помните?

Он огорченно покачал головой.

— Я знаю, что видел тебя где-то... только совсем недавно.

— Все равно. Это было недолго, и с тех пор прошло уже некоторое время. Меня зовут Омар. Вы, наверное, слышали о моей семье — об Ангилтах.

— Какого клана? — подозрительно спросил он.

Я почувствовал, как Ториан дернулся. Ангилты владеют самыми богатыми из печально известных Дьявольских шахт Аркраза; этот клан богат, и представителей его можно встретить почти повсюду. Представитель Ангилтов должен был быть в Ургалоне и, возможно, даже в самом Занадоне. Джаксиан должен знать кого-нибудь из них.

— Джалпор, — конфиденциальным тоном сообщил я. — Мой дед — Джалпор из Трайменов. Не судите обо мне по внешности, господин. Мой отец всегда считал меня паршивой овцой. Он обвинял мать в слишком нежной дружбе с местным мельником.

— Но это же чудовищное обвинение! — вскричал Джаксиан. — Возмутительно! У нее что, б-братьев не было защитить ее честь?

— Я пошутил, господин мой! Я хочу сказать только, что мои каштановые волосы и серые глаза служат моим родственникам мишенью для шуток — порой дурных, — ибо наш род известен темной мастью.

Джаксиан немного успокоился. Ториан расслабился. Возбудить подозрения, а потом успокоить их — трюк старый, но от этого не менее полезный, а одно из преимуществ моего ремесла — то, что я много где побывал и много чего слышал.

Так или иначе, я, кажется, был как-то женат на девице из Ангилтов. Правда, очень недолго.

— Моя семья, естественно, очень обеспокоена войной в Пряных Землях — особенно возможной опасностью для Занадона.

— Это почему? — нахмурился он.

Повозка вдруг набрала скорость, и постукивание колес слилось в сплошной рев, от которого закладывало уши. Я подождал, пока мы не сбавили ход, и снова заставил себя выйти из ступора.

— Потому что форканцы могут осадить город. Даже если они ограничатся тем, что обдерут священные статуи за воротами, они с одной Майаны наберут несколько телег рубинов. Как упадут цены — страшно подумать.

Джаксиан снова кивнул. Подобный чисто деловой подход произвел на него впечатление.

— Поэтому меня послали разузнать, как обстоят дела. Собственно, это можно назвать бескорыстной помощью, хотя и не лишенной коммерческих аспектов.

— Ясно, — согласился он.

— Я нанял небольшую флотилию и загрузил ее оружием и доспехами. Мы поднялись по Йолипи, и мои корабли поджидают меня сейчас у Пульста. Я отправился вперед, чтобы все устроить, но имел несчастье оказаться на пути одной из шаяк головорезов, что в изобилии рыщут среди беженцев. Они напали на наш лагерь в темноте. Мне удалось бежать — без одежды, только с мешком денег, — но меня окружили посреди плантации тмина. Думаю, все мои спутники погибли. Я и сам разделил бы их участь, не появившись на сцене царевич Ториан...

Я как раз собирался поведать леденящую душу историю спасения, но заметил, что аудитория теряет интерес. С женщиной надо говорить о любви, с солдатом — о войне, а с купцом — о деньгах. Эту нехитрую истину я усвоил давным-давно. Да, со жрецами надо говорить о погоде. В общем, я перевел разговор на свою флотилию. Две доу, три мелководные баржи и пара люгеров, объяснил я. Все могут выходить и в море — кроме барж, конечно.

Джаксиан поинтересовался грузом. Он совершенно забыл о своей сестре.

— Не буду утомлять вас цифрами, — объяснил я. Горло болело от необходимости кричать. — Четыре тысячи мечей — по меньшей мере. Возможно, даже пять. Все отличной сноваройской работы. Щиты, и шпоры, и кирасы. Само собой, полный набор конской упряжи. Не потеряй я свои записи при нападении грабителей, я перечислил бы точнее.

Он понимающе кивнул и крикнул что-то, но не смог перекричать рев толпы. Повозка дернулась и стала. Мы с Торианом оглядывались. Джаксиан привстал посмотреть, в чем дело.

Мне нигде не приходилось видеть закатов короче, чем в Пряных Землях. Солнце движется к горизонту быстрее, чем карманник в толпе. Наступили сумерки. Прямо перед нами раскинулся Большой Проспект, но проехать нам не давала чудовищная толпа — настоящее море людей. Вверх по проспекту, в направлении храма двигалась блестящая процессия: жрецы и жрицы, солдаты, сановники, факелonosцы, музыканты. Правда, что именно играли эти трубы и цимбалы, расслышать было невозможно. Все население города высыпало на улицу, выплескиваясь на боковые улицы, и тысячи глоток взывали в унисон:

— МАЙАНА! МАЙАНА! МАЙАНА!

И тут перед нами проплыли носилки, несомые шестнадцатью дюжими жрецами. Маленькая фигурка верховной жрицы Скикалм в одеянии богини восседала на серебряном троне, покачиваясь над морем голов и шапок. Сотня факелов освещала ее путь, а зеваки все визжали, заходясь в восторженной истерике.

Старуха то ли спала, то ли пребывала в забытии, но горожане этого не замечали. Ну да, сегодня же ее должны с почестями отнести в Обитель Богини. Сегодня Балор сойдет к своей возлюбленной.

Джаксиан беспокожно встрепенулся.

— Мне п-пора! Я д-должен быть в храме!

Сопровождавшие его стражники, похоже, предвидели эту проблему. Один из солдат протолкался верхом сквозь толпу и стал около нашей повозки. Потом он спешился, и Джаксиан взгромоздился в седло, даже не оглянувшись на нас с Торианом. Другой воин бросил коня в толпу, прокладывая дорогу, и оба всадника скрылись из вида.

— Неплохо проделано, Омар, — зевнул Ториан.

— Ты очень добр, — благодарно улыбнулся я и тут же уснул.

19. МИНУС ОДНА

Каким бы вялым и нерешительным ни казался Джаксиан, за ним стояло состояние его семьи, и он свое слово держал. Он отдал необходимые распоряжения кучеру. Когда Ториан разбудил меня, встряхнув, повозка стояла перед обещанным трактиром.

На первый взгляд «Бронзовый кубок» не слишком процветал. Конюшенный двор был тесный и вонючий, окруженный со всех сторон высокими зданиями. Входные ступени покосились от времени. Зато из дверей лился свет и струились соблазнительные запахи еды и вина. Помимо этого, оттуда слышались смех и пение — горожане отмечали неминуемое явление Балора.

Перед дверью стоял трактирщик собственной персоной — невысокий, кряжистый мужик, угрожающе хмурившийся на нас, сложив руки на груди. Я мог понять его неприязнь: мы представляли собой пару грязных, окровавленных нищих. Однако кучер шепнул ему несколько слов — не иначе, волшебных, — и он махнул нам рукой. Возможно, это заведение просто принадлежало Тарпитам.

Следом за Торианом я поднялся по скрипучей лестнице и оказался в пыльной спальне. В ней стояли две широкие,

мягкие кровати, при виде которых меня окончательно одолела зевота. Тем не менее трактирщик еще извинялся...

— Ничего, сойдет, — милостиво кивнул Ториан.

— Молю вас, господа, войдите в мое положение: город забит народом... Чтобы предоставить вам отдельные комнаты, мне пришлось бы...

— Ничего, ничего, мы потерпим, — заверил его Ториан. Спать!

Но прежде чем я рухнул на кровать, я обнаружил, что мы не одни. Джаксиан обещал нам обслуживание по полной программе, и мы его получили. Но даже если наш хозяин немного перестарался, я на него не в обиде. Я решил, что недолгий сон в повозке взбодрил меня.

Они сказали нам, как их зовут, но спросонья я тут же все позабыл. Впрочем, это ничего не меняло. Ториану досталась высокая и пышная, мне — миниатюрная и изящная. Она искупала меня в медном корыте и намазала мои раны бальзамом. Она сделала мне массаж, умастив благовониями. А потом — ибо комнатка была невелика — она накрыла обед прямо у меня на кровати. Я лежал по одну сторону от подноса, а она по другую, и она кормила меня, как маленького, засовывая мне в рот кусочки жареной уткины и давая потом облизать ее пальчики. Потом дыню, и ягоды, и прочие сладости. Я делал то же для нее, и мы кривлялись и хихикали. Мы пили из одного кубка. Затем она убрала посуду и не давала мне спать еще некоторое время, чтобы потом крепче спалось. По крайней мере так она объяснила. В моих руках она была податливой как воск — чудо да и только.

Я уже говорил, что никогда не молюсь, но иногда позволяю себе немного расслабиться и пробормотать слова благодарности. Надо же быть вежливым в конце-то концов.

Кровавые брызги алели на лавровых зарослях. Вздыхал ветер.

Я стоял на поле боя под темнеющим небом, на котором в ужасе открывали глаза первые звезды. Вокруг меня повсюду валялись тела — кони, люди... Резня кончилась совсем

недавно, ибо крики раненых означали, что Морфит продолжает еще собирать свою жатву. Я слышал далекие рыдания — это женщины пробирались между тел, отыскивая родных и близких. Я видел, как засыхает на истоптанном и истерзанном копытами дерне кровь, я обонял горький дым первых погребальных костров.

Смерть, разрушение...

Странно, но в этом сне я не мог определить ни доспехи павших, ни знаки на их изорванных знаменах. Поэтому я так и не знал, кто же бился здесь, не говоря уже о том, кто выиграл или проиграл.

Так стоял я на этом поле смерти, плача при виде страданий, и тут услышал приближающиеся приветственные крики. Ко мне ехал по полю всадник на черном коне — огромный мужчина в серебряных доспехах, с обнаженным мечом. За ним следовало его войско, победители, за которыми осталось поле боя. Многие хромали, многие были перевязаны, но все славили своего вождя, принесшего им победу. И когда он приближался, раненые — те, кто мог — вставали, шатаясь, и шли за ним, а те, кто не мог, только махали, и все присоединялись к радостным крикам.

И, как это бывает во сне, он приблизился ко мне. Натянув поводья, остановил он коня и посмотрел на меня сверху вниз, и смолкли славившие его воины, глядя на меня с укором.

Я поднял руку, приветствуя вождя. Он убрал меч в ножны. Его борода пропотела и была серой от пыли.

— Так было предсказано! — сказал он мне сердито.

— Так было предсказано, — согласился я. — Ты сделал все, что требовалось, и боги рукоплещут тебе.

Он кивнул, успокоенный. Потом он снял шлем, и я увидел его лик. Это был, конечно, Ториан, и на голове его сияла золотая царская корона.

Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко. Сквозь окно в нашу комнату проникало немного света, но и этого хватило мне, чтобы понять, что с рассвета прошло уже несколько часов. Я лежал немного, зажмурившись и пыта-

ясь вспомнить, где я и почему все тело болит так, словно меня колотили палками. Потом я унюхал запах вина, и свеч, и мыла. Сны...

— Омар! — повторил звучный голос.

Я открыл глаза — даже веки мои, казалось, болели.

Надо мной склонился Ториан.

— Дверь заперта снаружи!

— Это... уау!.. меня не удивляет, — сказал я зевая. Девушки ушли. Ясное дело, их ждал и другие клиенты.

— Нам надо уходить!

Я пошевелил пальцем ноги. Он болел. Оставалось проверить еще несколько тысяч других костей и мышц.

— Зачем? Мне и здесь хорошо.

Он испустил свой львиный рык, и звук этот странным образом успокоил меня.

— Затем, что сюда явится Джаксиан Тарпит, чтобы выслушать то, что ты имеешь ему сказать. Он снова вернет нас на стены.

Я обдумал это. Я подумал, что скажу Джаксиану. Сон быстро выветривался из головы. Я поднял руку и почесался.

— Утро, — сообщил я, как будто это было не ясно и так.

— Ну да.

Я почесался еще.

— Значит, его сестра уже Майана, а Грамиан Фотий... Храни нас Уркл!

— Кто-кто?

— Ничего, это я так. Вряд ли мы можем что-либо изменить.

Ториан вздохнул и сел на край моей кровати. Она крякнула и покосилась. Похоже, у него тоже болели все мышцы, и его спина была сплошь разрисована красными и черными полосами от кнута. Его лицо выглядело получше, чем накануне вечером, и все же он казался проигравшим битву.

— Я и не думал, что нам что-то удастся, — с горечью сказал он. — И боюсь, святому Грамиану Фотию вряд ли угрожает сейчас что-то с моей стороны.

— Ну, это как знать. У нас тут нет одежды, верно?

— Нет.

— И из окна этого нам не выбраться. Что-то не так?

— Слышишь? — спросил Ториан.

Я прислушался.

— Ничего не слышу.

— И я тоже ничего.

Утро в переполненном трактире, в шумном городе — городе с мостовыми из брусчатки и множеством солдат? Ни звука. Ничего.

Есть такая старая легенда о путешественнике, попадающем ночью в незнакомый город в самый разгар карнавала. Он пляшет и развлекается со всеми вместе, а проснувшись поутру... да вы наверняка сами знаете эту историю.

Я вспомнил ее тогда, и у меня волосы встали дыбом.

Ториан повернулся и посмотрел на свисающий со стены шнурок от звонка, потом покосился на меня. Даже сквозь ссадины и синяки видно было, как он побледнел.

— Вот странно, — пробормотал он. — Никак не решусь позвонить. Кто отзовется? Что, если никто?

— Почему бы нам не поспать еще? — предложил я. — Может, когда мы проснемся, окажется, что мы сейчас с тобой вовсе спим. — У меня не было никаких внятных объяснений этой невероятной, устрашающей тишине. Как бы мы ни устали вчера, если бы форканцы ворвались в город ночью, мы не могли бы не услышать шум резни — и почему тогда они пощадили нас?

— Может, Балор уже выступил на битву, и все население ушло с ним? — предположил Ториан, теребя пальцами бороду.

— Другие предположения?

— Попробуй сам.

— Внезапная чума?

Он фыркнул:

— Стали бы тогда боги посылать тебя свидетелем!

— Тогда мне пора приниматься за дело, если только уже не поздно.

Тут за дверью скрипнула лестница — раз, другой. Ториан шагнул к умывальнику, единственному за исключением двух кроватей предмету мебелировки в комнате. На маленьком столике стояли тазик, кувшин, и лежала пара чистых полотенец. Ториан бросил мне одно полотенце, обернул второе вокруг бедер и положил руку на кувшин. Как я понял только теперь, кувшин являлся единственным годным к использованию оружием в комнате. По лестнице грохотало уже несколько ног.

Лязгнул засов, и дверь отворилась. Вошел наш хозяин с подносом. Борода его была посыпана белой пылью. Он молчал. Не поднимая глаз, он на цыпочках пробрался к столику и опустил на него поднос, стараясь по возможности не шуметь.

За ним в комнату вошел Джаксиан Тарпит, чуть не задев шапкой за притолоку. Его борода была грязна, как старая метла. Что еще удивительнее, его набедренная повязка спускалась до колена с одной стороны, но оставляла голой почти всю вторую ногу. Когда трактирщик исчезал за дверью, я заметил, что и его одежда отличалась такой же странностью. Еще я успел заметить за дверью по меньшей мере двух вооруженных людей.

Джаксиан тихо прикрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной, скрестив руки под своей бело-серой бородой.

— Ешьте, пожалуйста, — прошептал он. — И постарайтесь говорить одновременно с едой.

Ториан удивленно нахмурился и потянулся за дымящимся горшком на подносе. Может, одна голая нога — это такая занадонская мода? Если так, для меня это было новинкой. В большинстве городов предпочитают рыдания, причем чем громче, тем лучше. Впрочем, я слышал, что кое-где используется и молчание. Что же до посыпания бороды пеплом, этот обычай распространен почти везде в Пряных Землях, да и во многих других странах.

— Господин? — тихо спросил я. — Вы в трауре?

Он кивнул.

— Могу я спросить почему?

— Весь Занадон в трауре. Вы не слышали?

— Мы только что проснулись, господин. — Я чувствовал себя дурак дураком, объясняясь шепотом.

— Балор не явился.

Мы с Торианом обменялись удивленными взглядами. Может, верховный жрец Нагьяк передумал, или это мы неправильно оценили угрозу? Я настолько уверовал в наше предназначение, что новости Джаксиана выбили у меня из головы почти все разумные мысли, оставив там только бесформенные клочки. Значит, Шалиаль до сих пор просто жрица. Грамиан Фотий продолжает чистить оружие и не провозглашен воплощением Балора. Жирный, скользкий Нагьяк и вторая жрица Белджис... Я вспомнил старуху, которую с таким торжеством несли в Обитель Богини, и у меня перехватило дух от внезапной догадки.

— А верховная жрица Скикалм?

Джаксиан скорбно кивнул.

— Мертва?

Он нахмурился:

— Конечно.

— Как? — спросил Ториан, но я уже знал ответ.

Так по кому скорбели больше, по Балору или по старухе? Теперь я понимал, чего так боялась вторая жрица Белджис.

Джаксиан утверждал, что высота храма составляет пятьдесят два локтя. По моим прикидкам выходило больше, но, возможно, он рассчитывал исходя из собственного роста. Он присутствовал в Обители Богини, когда туда принесли верховную жрицу. На заре он вместе с другими представителями городской знати вернулся, чтобы приветствовать бога, но чуда не произошло и бог не явился. Скикалм обнаружили в том же положении, в каком ее оставили накануне, словно за ночь она не пошевелила и пальцем. Отвергнутая Балором, она была низвергнута жрецами. Она успела вскрикнуть только раз, а потом так и катилась до самого низа.

Пока мы слушали эту печальную историю, Ториан передал мне дымящуюся кружку горячего бульона и пару спелых

персиков. Я все еще сидел на кровати. Он обошел ее и сел рядом.

Джаксиан по-прежнему стоял у двери. На мой взгляд, вид у него с одной обнаженной волосатой ногой был презабавный, но траурные обычаи часто причудливы. Во многих местах женщинам положено бриться в таких случаях наголо. Я надеялся, что этой привычки в Занадоне нет.

— Прошлой ночью ты вернулся в наш дом, — прошептал он. — Я хочу знать, что произошло до этого — в первый твой приход.

Собираясь с мыслями, я впился зубами в персик, и сок потек мне на бороду.

— Разрешите, господин, я скажу? — негромко произнес Ториан. — Мой спутник — приверженец Фуфанга и не всегда понимает разницу между правдой и вымыслом.

Джаксиан кивнул. Я обиженно покосился на Ториана, но он не обратил на меня никакого внимания.

— Как вам, господин, должно быть, известно, мы бежали из рабства. Мы перебрались через вашу стену и спрятались у вас во дворе, под какими-то ступенями. Мы вылезли из своего убежища около полуночи, как раз когда вы вернулись домой.

— А!

— Я оглушил вас. Я должен признаться вам в этом. Потом мы с помощью вашего ключа попали в дом. Если вы согласитесь выслушать наши аргументы, помните, что мы стали жертвой неспровоцированного нападения Занадона. У нас было полное моральное право обращаться с вами, как с врагом.

Джаксиан сухо улыбнулся:

— Я восхищен твоею смелостью. За одно твое признание тебя можно было бы посадить на кол. — Он задумчиво потербил заголку на животе — драгоценные камни на ней стоили уйму денег. — Вы ведь могли ограбить меня или даже убить. Ладно, продолжай.

Я поднял бровь; этот человек тоже вырос в моих глазах. Я заметил, что его заикание куда-то исчезло. Он был уве-

ренное в себе — таким он был вчера, когда пришел на стену освободить меня.

— Так вот, господин, мы проникли в дом, — продолжал Ториан. — А потом... ваш отец вызвал к себе вашу сестру, прервав ее сон.

— Ты это видел?

— Мы видели ее. За всю мою жизнь глаза мои не видели женщины прекраснее.

Джаксиан покраснел и насупился.

— Простите меня! — спохватился Ториан. — Я не всегда был рабом, господин, а она так прекрасна!

— Продолжай! — Купец больше не улыбался, а Ториан шел по куда более острому краю, чем ему казалось.

— Мы стали свидетелем того, как ваш отец, господин, обманул ее. Точнее, заманил в западню.

Джаксиан слушал его молча, с откровенным недоверием, кусая ус.

— Нагьяк тоже подслушивал, и...

— В-верховный ж-ж-жрец? В нашем доме?

— Да, господин. — Ториан описал сцену в саду, и купец кивнул, слушая его уже не так скептически. Впрочем, дружелюбнее он тоже не стал — ну как же, ведь мы, можно сказать, шпионили за его отцом и Нагьяком.

— Потом мы отправились в храм...

Джаксиан напрягся:

— Вы п-пытались говорить с ней?

Если Ториан и дальше собирался подробно выкладывать все в своей манере добросовестного вояки, это могло привести к катастрофе. Самое время было мне вмешаться.

— Мы подслушали разговор верховного жреца Нагьяка и военачальника Аркиса, — сообщил я.

— Но этого не может быть!

— Саньяла! — тихо напомнил я ему. — Откуда еще мне знать это имя?

Он угрожающе посмотрел на меня.

— Я п-пытался встретиться с ней вчера, и мне отказали, но я б-без труда узнал ее имя. Это ничего не д-доказывает.

— Мы слышали и еще кое-что, — буркнул Ториан. — Вам не приходилось встречать молодого человека по имени Грамиан Фотий, а, господин?

Джаксиан бездумно почесал бороду, и с нее ссыпалось облачко пепла.

— Нет, не... О Святая Матерь! Кажется, я слышал о нем. Внук в-военачальника?

— Да. Животное! Он тоже находится в храме.

— К-какое отношение он имеет к моей сестре? — визгливо вскричал Джаксиан.

— Боюсь, самое непосредственное. Скажите, господин, вы действительно ждете, что на помощь городу придет сам Балор?

Бледный как полотно, Джаксиан снова кивнул.

— Ваша вера делает вам честь, — осторожно заметил Ториан. — Но мы слышали достаточно, чтобы понять, что верховный жрец Нагьяк не разделяет ее. У него совсем другие планы. Итак, бог оставил без внимания первый призыв. Что дальше?

— Н-ну... у нас новая в-верховная жрица. Сегодня вечером она... На что ты намекаешь?

Ториан осушил свой кубок и поставил его на кровать.

— За всем этим стоит ваш отец. Простой подлог. Майана и Балор — дочь старшего купца, внук военачальника.

Джаксиан Тарпит был рохлей, но никак не дураком. Лаконичное военное изложение Ториана он понял сразу. Он закрыл лицо руками.

Я не без интереса ждал, что же он скажет на все это. Поверит ли он нам, или обвинит нас в клевете и святотатстве, что означает нашу скорую и ужасную смерть? Когда он снова поднял на нас глаза, они полны были боли.

— Грамиан Фотий? Тот, который?..

— Насильник, — ответил Ториан. — Убийца.

— Его дед считает, что в состоянии контролировать его, — объяснил я.

— Не д-думаю. А форканцы?

Я положил руку на плечо Ториану.

— Вот перед вами, господин, настоящий воин. Скажите ему, что его ведет в бой бог! Скажите ему, что он сражается за правое дело и что оно не может не победить! Скажите ему, что, если он падет в бою, он может не бояться за свою душу. Да если он поверит хотя бы в половину ваших слов, господин мой, он будет биться до последней капли крови.

— Он прав, — буркнул Ториан.

Джаксиан в ужасе кивнул.

Этот разговор памятен мне нагоняющим жуть контрастом: кругом тишина, и мы тихо-тихо перешептываемся о делах столь ужасных, что даже не верится. Один раз за все это время я услышал вдалеке конское ржание, но и только. Копыта, конечно, можно обмотать тряпками, но движение колесных экипажей наверняка просто запретили.

— Вы верите в то, что ваш отец способен на такое? — спросил Ториан.

— Он может, — кивнул Джаксиан.

— Сегодня — верховная жрица Белджис. А завтра?

Молчание.

— Сегодня новолуние, — пробормотал я. — Ночь для той, что украшена рогатым полумесяцем.

Джаксиан облизнул пересохшие губы.

— Но есть же сотня жриц старше ее.

— А кто решает?

— Боги знают! Нагьяк, наверное. Может, это и не по правилам, но будет именно так. Но как они осуществят эту подмену? В-верховная жрица остается там одна.

— Там должен быть потайной ход.

— Да, должно быть. Ох, попадись мне только этот жирный евнух! — Джаксиан вздрогнул и посмотрел на меня в упор. — Так т-ты за этим вернулся?

— Конечно. Я хотел поговорить с вами и предупредить вас.

Губы его раздвинулись в невеселой улыбке.

— Ага, я так и понял, почему ты пошел в ту дверь. Должно быть, ты видел, как я заходил туда!

Я кивнул.

На каких-то полминуты он развеселился.

— Так тебе и надо, шпион! — Но только на полминуты. Потом он снова начал чесать бороду. Он скоро весь пепел из нее вытрясет, подумал я. — И почему ты решил, что я пойду против отца в этом?

— Потому, что он не позвал вас, когда вызывал вашу сестру. — Когда нужно, я могу врать очень убедительно, и он мне поверил. Опасность миновала.

— Я д-должен обсудить это... — пробормотал он, — это святотатство! П-поговорить к-кое с кем. Г-Грамиан Фотий! И г-город в опасности...

Я понял, что Джаксиан Тарпит не решится ни на какие действия еще несколько дней. С кем он собирается говорить? Конечно, не со своим проклятым папочкой, а разговор с кем угодно еще будет означать предательство. Он будет дрожать, и переживать, и пытаться увидеть сестру, и получать отказ, и в конце концов не добьется ничего. И что он сделает в этой связи с нами? Я встал и пошел к подносу с завтраком. Если уж мне суждено вернуться в рабство, пусть это лучше будет на полный желудок.

— Кто ты? — вдруг спросил он. Я обернулся, но он обращался к Ториану.

— Воин, господин. И из Полрейна. Все остальное — так, вздор.

— Не царевич?

Ториан пожал плечами:

— Просто воин.

— А этот?

— Странствующий рассказчик. Он пришел в Занадон, так как боги во снах повелели ему.

Джаксиан заломил бровь. Ториан печально кивнул. Если бы они крутили пальцем у виска или закатывали глаза, они вряд ли выразили мысль более четко. Я уже привык к такому и не обращаю внимания. Иногда такое отношение даже кстати.

— И в-все же я видел твое лицо г-где-то, — задумчиво произнес Джаксиан.

— Многим так кажется, господин. У меня очень пространенный тип лица.

Он повернулся, как бы собираясь уходить. Он даже взялся за дверную ручку, и тут с ним случился новый приступ нерешительности. Он снова повернулся к Ториану:

— Возможно, вы оба понадобитесь мне как свидетели. Вы готовы помочь мне?

— Конечно, господин.

— Тогда поклянитесь мне клятвой воина. Вы будете держаться подальше от храма и дома моего отца. Вы ни с кем не будете обсуждать то, что рассказали мне. И вы встретитесь со мной сегодня же вечером — здесь, через час после заката. — Он не предлагал альтернативы. Ему это и не требовалось.

— Клянусь, — сказал Ториан.

— Ты можешь контролировать своего товарища?

— Нет, не может, — вмешался я. — Но я тоже клянусь. Как вы думаете, может меняла историй упустить такую?

Оба пожали плечами.

— Мы будем здесь вечером, — тихо пообещал Ториан.

— Хорошо. Я пришлю вам одежду. — Джаксиан порылся в складках своей повязки. Он вытащил горсть золота и кинул ее на кровать. — Я обещал хорошо заплатить.

Дверь за ним закрылась.

Для такого рохли он очень даже славный. Мне стало стыдно, что я наговорил ему столько лжи.

— Ему бы стоило запретить нас, — прошептал я.

— Ему бы стоило отрубить нам головы, — возразил Ториан.

20. ИСТОРИЯ ДЖАКСИАНА

И снова Джаксиан оказался верен своему слову. Скоро мы с Торианом вышли из «Бронзового кубка» на солнце. Впервые могли мы передвигаться по городу свободно, не

остерегаясь ничего, ибо мы были одеты как подобает — от удобных сандалий и до шапок-горшков. Мы выступали как находившиеся в услужении у влиятельной семьи Тарпитов, и никто не посмел бы оспаривать наше право разгуливать по улицам. С помощью трактирщика мы обернули наши повязки, как того требовали законы траура, оставив правую ногу обнаженной. Мы посыпали бороды пеплом, хотя на черных зарослях Ториана он смотрелся куда более впечатляюще, чем на моем клочке бурого моха.

Улицы были относительно пусты. В воздухе ощущалось необычное, тревожное напряжение, усугубляемое зловещей тишиной. Даже латники, казалось, маршируют на цыпочках. Редкие всадники обернули копыта своих пони тряпками, а уж колесных экипажей, как я и предполагал, и вовсе не было. Зато меня немного утешило то, что волосы на женских головах все-таки остались. Они носили их распущенными, и некоторым это очень даже шло. Большинство были в ярких саронгах. И у всех встреченных нами мужчин одна нога была обнажена, а борода посыпана пеплом.

Пару раз гвардейцы замечали изукрашенную спину Ториана и шепотом окликали нас, но, посмотрев внимательно на наши повязки и скреплявшие их булавки, отпускали с миром.

Не сговариваясь, мы начали свою прогулку, спустившись по Большому Проспекту к городским воротам. Одна створка была закрыта, другая распахнута. Мало кому разрешали войти, а желающих выйти не было вовсе.

Потом мы поднялись на стену и там впервые за этот день оказались в толпе. Озабоченные, опечаленные горожане валили туда валом — посмотреть на равнину, на далекие столбы дыма. Новости и слухи возбужденным шепотом передавались от человека к человеку.

И все же форканцев пока не было видно, хотя прошел слух, что те дошли до реки. Кому-то, видимо, удалось навести некоторый порядок среди беженцев — теперь их лагеря располагались правильными рядами, уходившими в розовую дымку у горизонта.

Значит, жертвы форканцев дошли до последнего предела — им осталось только сражаться или умереть с голоду. Да и сами форканцы, должно быть, едят уже не досыта. Кто соберет урожай в Пряных Землях в этом году?

Ториан кипел бессильным гневом. Он-то понимал, что занадонской армии полагалось бы сейчас быть там же, готовясь к битве, но мы оба слышали, что говорил Тарпиту Наггяк: военачальник Арксис хотел, чтобы эти оборванные, голодающие беженцы обескровили форканцев еще немного, прежде чем он пустит в бой свое войско. Каким омерзительным бы это ни казалось с точки зрения морали, в военном отношении такое решение было не лишено смысла. В конце концов я не слишком разбираюсь в подобных делах, чтобы судить кого-то.

Дав Джаксиану обещание, Ториан намеревался держать меня под присмотром, но мне необходима была информация. Оторваться от него в такой толпе оказалось проще простого. Прюделав это, я отправился знакомиться с Занадоном сам по себе. Разумеется, я не мог отделаться от взглядов Балора и Майаны, но мне снова показалось, что Балор смотрит на меня скорее одобрительно. Майана продолжала гневаться.

Согласно условиям траура, никому не разрешалось заводить разговор, если только в этом не было острой необходимости. Однако заставить все население большого города соблюдать это — не сказать чтобы приятное — правило просто невозможно, особенно когда народ обеспокоен. Балор не откликнулся на призыв, и народ встревожился более обыкновенного. К тому же я умею разговорить почти любого, чем я и занимался в этот день.

Официальный траур закончился в полдень. Стоило солнцу пройти зенит, как город начал оживать. На улицах появились телеги и экипажи. Женщины заплели косы. Мужчины разошлись по домам вычесать пепел из бород и сменить повязки на более симметричные. Из-за отсутствия опыта по этой части мне пришлось прибегнуть к помощи ехидной молоденькой шлюхи в одном из боковых переулков. Я отблагодарил ее, уго-

стив обедом на деньги Джаксиана. Она многое знала о Бедиане Тарпите и подтвердила почти все, что я узнал о нем сам. По странному стечению обстоятельств я встречался раньше с ее сестрой — один раз и очень коротко.

Начиная с полудня Занадон сделался заметно приятнее, и я наменялся историями досыта.

Когда солнце стало клониться к закату, весь город начал собираться у храма. Опоздавшие толпились на Большом Проспекте, но я предвидел эту трудность, и у меня не было никаких дел, способных меня задержать. Когда процессия подошла к храму, я стоял в толпе на Площади Тысячи Богов.

Там собралось много тысяч горожан, но когда звуки музыки и радостные вопли приблизились, я почти не удивился, увидев неподалеку голову Ториана, — я же говорил, что не верю в случайные совпадения. Я протолкался к нему.

— Добрый вечер, ваше высочество! — шепнул я.

Он сердито покосился на меня. Потом улыбнулся, и в эту минуту на него приятно было посмотреть. Он дернул себя за бороду.

— Это лицо мне знакомо. Ты напоминаешь мне одного знакомого бога.

— Тогда ты ведешь себя недостаточно почтительно.

— С этим у меня всегда трудности! Омар, меня тревожит эта девушка.

— Это не наше дело.

— Но она так прекрасна! Ее отец — змей, брат трусливее мыши-полевки, а Грамиан Фотий — убийца.

— Мне кажется, жрецы не будут подменять Белджис на нее, как — по нашим предположениям — собирались подменить Скикалм. Они задумали что-то другое.

— Возможно. Значит, по крайней мере еще сутки ей ничего не грозит?

— Думаю, да.

Он кивнул.

В сгустившихся сумерках ярко горели факелы. Процессия вступила на площадь. Разговаривать дальше было невозможно, и мы присоединились к реву толпы.

МАЙАНА! МАЙАНА! МАЙАНА!

Возможно, Ториан кричал только из необходимости, но я обожаю толпы. Я больше не был Омаром, я стал Занадоном.

МАЙАНА!

Я был стиснут толпой, так что с трудом мог дышать, голова шла кругом от удушливой вони — чеснок в Пряных Землях гораздо дешевле мыла, — но я не обращал на это внимания. Солдаты расталкивали нас, прокладывая путь процессии, и я толкал их обратно, я бился изо всех сил, только бы оказаться ближе к богине. Я толкался и кричал вместе со всеми.

МАЙАНА! МАЙАНА!!!

Носилки проплыли совсем близко от меня. Я хорошо видел верховную жрицу на серебряном троне.

МАЙАНА!

Она смотрела прямо перед собой, не обращая внимания на крики; она была прекрасна, царственна, божественна. Ну конечно же, Балор Бессмертный не сможет не откликнуться на ее призыв.

Я видел не дородную крестьянку в богатом платье, прячущую страх под румянами и драгоценностями. Я видел Майану, и она была прекрасна, и я любил ее, и я с ума сходил от счастья уже от одного того, что она прошла так близко от меня. Я уже сказал, что обожаю толпы.

МАЙАНА!

Было слишком темно, чтобы разглядеть лица сановников и городской знати, шествующих за носилками с тронном вверх по храмовой лестнице. Я знал, что среди них идут и Джаксиан, и его отец, и военачальник. Подъем был долгий. Должно быть, жирному Нагьяку он дается с трудом.

Когда процессия подошла к дверям Обители Богини, стемнело окончательно. Мы все охрипли от крика, а теперь начали петь. С третьего или четвертого раза все запомнили слова, и мы повторяли их снова и снова, восславляя нашу богиню, умоляя ее уговорить бога прийти нам на помощь. В Обители горели факелы — там шли последние приготовления. Над головой сияли звезды. Потом огни двинулись вниз

по лестнице, а дверь продолжала светиться, как маяк в ночи. Это было так прекрасно, что мы заплакали.

А потом все ушли, оставив несчастную Белджис в одиночестве дожидаться Балора. Но я не думал о ней как о несчастной Белджис. Я думал о ней как о Майане.

Площадь опустела неожиданно быстро. Людской поток выплеснулся на Большой Проспект, как Йолипи в отлив, и на улицах воцарилось веселье. Ториан все не отставал от меня, крепко держа за локоть.

— Это веселье кажется тебе несколько неестественным? — спросил я.

Он с опаской посмотрел на меня сверху вниз:

— Ты пришел в себя?

— Я что, напугал тебя? — рассмеялся я. Я охрип, устал, все тело мое болело, но мне было хорошо. — Ох, Ториан, у меня такое ощущение, словно я занимался любовью с ними со всеми, а они все — со мной! Но знаешь, мне кажется, что мы — то есть они — не так веселы, как хотели бы казаться.

— Еще бы! Вчера они не сомневались. Сегодня они уже знают, что его недаром зовут Непостоянным.

Мы все дальше уходили от храма, и мое возбуждение спадало.

— Несчастливая Белджис! — сказал я. — Как страшно ей должно быть там, на троне!

— В опасении, что Балор не придет?

— Или что придет.

Ториан снова взял меня за руку.

— У тебя все еще растерянный вид. И почему она должна бояться этого?

— Здорового быка вроде этой статуи в молельне? Она... Ладно, не бери в голову.

Когда я немного успокоился, он отпустил меня.

— Ты собираешься вернуться в трактир?

— Конечно. Почему бы и нет?

— И что ты надеешься там найти?

— Это зависит от обстоятельств, — ответил я. — Если Джаксиан говорил со своим папашей, нас убьют, стоит нам только шагнуть на порог. Скорее всего удушат. Это чище.

Лев зарычал.

— С другой стороны, — беззаботно продолжал я, — если он не говорил с отцом, он скорее всего не говорил ни с кем. В таком случае он уверился, что он все равно ничего не сможет сделать.

— И что тогда?

— Тогда он будет ждать нас лично. Он принесет нам свои искренние извинения и только после этого прикажет нас убить. В конце концов это его долг перед семьей и городом.

Ториан прошел еще несколько шагов и только тогда рассмеялся.

— Тогда зачем тебе возвращаться туда?

— А тебе?

— Потому, что я дал слово, конечно же.

— Я тоже.

— Но я же воин!

— Это означает, что ты сумасшедший?

— Иногда. А ты... — Он вздохнул. — Ты таков, какой есть.

— Вот именно, — сказал я.

Мы вошли в трактир с черного хода, так как до сих пор не знали, где у него парадный. Маленькая прихожая оказалась пустой, но дверь захлопнулась за нашей спиной, стоило нам войти. За дверью стоял человек с обнаженным мечом. словно по сигналу, разом отворились другие двери и из них вышли еще мечники. Все они были штатскими, не солдатами, и следом за ними вышел Джаксиан, а не его отец. Тарпит-старший привел бы гвардейцев, тогда как Джаксиан нанял обыкновенных головорезов. Впрочем, это мало что меняло. Все они были мускулистыми, волосатыми и на редкость грозными. Даже половины их хватило бы, чтобы совладать с нами, вздумай мы проявить героизм.

Я сорвал шапку и почтительно поклонился. Ториан последовал моему примеру. Лицо купца казалось усталым и

измученным — судя по всему, он надеялся, что мы не придем. Он облизнул губы...

— Прежде чем вы перейдете к действиям, господин, — заявил я, — не позволите ли перекинуться с вами парой слов наедине? Есть еще кое-что, чего я не говорил вам раньше, ибо не был уверен в отдельных подробностях.

Джаксиан заколебался — впрочем, это было его обычное состояние. Он покосился на Ториана, который явно прикидывал шансы прихватить с собой в мир иной двух или трех мечников. Тот только пожал плечами.

— Минуту, не больше. Идите сюда. — Джаксиан подошел к одному из своих людей и взял у него меч. Потом вернулся в комнату, из которой вышел. Мы с Торианом зашли следом, и дверь за нами закрылась.

Насколько я понял, мы оказались в комнатке трактирщика. Маленькое помещение до сих пор не остыло от дневной жары. В комнате стояло несколько стульев. Три свечи освещали ее неровным, трепещущим светом, добавляя к запаху винных паров вонь дешевого воска. Сквозь щели в дощатой перегородке в комнату доносился смех. У единственного зарешеченного окна стоял небольшой стол, заваленный пластинами для письма и обломками мела; другого выхода из комнаты не было.

Джаксиан облокотился на стол и упер меч острием в пол.

— Б-быстрее, — хрипло сказал он.

Я не осмелился сесть.

— Есть семьи, — начал я, — над которыми довлеет проклятие. Я хочу поведать вам об одной из таких семей. Жил один человек, у него было три сына. Сам он был купцом; имя его не имеет значения. Первые два его сына умерли в младенчестве. Сам он имел несколько сестер, но ни одного брата, и он страсть как не хотел, чтобы род его оборвался с ним. Поэтому, хоть первые два раза жена его рожала тяжело, как ни любил он ее, он все же зачал третьего сына. Родив его, несчастная мать слегла с лихорадкой и умерла.

Лицо Джакситана побагровело от гнева. Я знал, что времени у меня осталось совсем немного.

— Третий сын выжил. Он рос сильным ребенком, не по годам крупным. Однако отец так и не смог простить ему смерти любимой жены и не хотел иметь с ним дела. Много позже купец женился вторично, и снова его постигло несчастье. Его вторая жена умерла, родив ему дочь.

Он снова тяжело переживал смерть жены, что никак не улучшило его отношение к сыну. Точнее, его злоба только усиливалась, и он не упускал случая напомнить мальчику, какой ценой обошлось его существование. Как только сын достиг совершеннолетия, отец отослал его в далекий город, где у их семьи были торговые дела. Там он должен был постигать ремесло торговца.

— Ах ты, жалкий шпионишка, п-подлый т-т...

— Сын помнил свою сестру только маленькой девочкой. Она вообще не помнила его. Когда ему исполнилось двадцать лет, отец послал ему приказ жениться, чтобы родить наследника. Юноша сделал неудачный выбор. Брак оказался несчастливым и бездетным. Женщина умерла.

Я сделал паузу перевести дух, но на этот раз Джаксиан промолчал. Я весь вспотел — в комнате было слишком жарко.

— Когда в Пряные Земли пришла война, сына вызвали домой, в безопасный Занадон. Он плохо знал этот город, где у него почти не осталось друзей. Ему исполнилось тогда тридцать два года. Его сестре — семнадцать. Собственно, можно сказать, что они встретились впервые. И тут проклятие, преследующее их семью, достигло своего предела, ибо не может быть несчастья страшнее, чем несчастная любовь, а вспыхнувшая между ними любовь запрещена как людскими, так и божескими законами.

Я снова замолчал, чтобы проверить, не подписал ли я только что смертный приговор самому себе.

Джаксиану Тарпиту потребовалось несколько минут, чтобы принять решение. Потом он подвинул стул и сел, положив меч на пол рядом.

— Садитесь, — бросил он нам.

Я сел. Ториан тоже. Я не осмеливался смотреть на него. Я знал, как он со своими представлениями о воинской чести может отнестись к подобной истории.

— Это тебе Шалиаль сказала? — спросил Джаксиан. Теперь он побледнел и старательно прятал руки. Его лицо влажно блестело в свете свечей.

— Нет, господин. Мы подслушали, как отец обвинил ее в том, что у нее есть любовник. Она это отрицала. Позже, когда мы той же ночью говорили с ней в храме...

— Это невозможно!

— Нет, господин. Согласен, это кажется невероятным, но это было. — Я побоялся тратить время на то, чтобы объяснить, что боги специально делают меня свидетелем... ну и все такое. Некоторые люди с трудом воспринимают это. — Она сказала, например, что сама ткала коврик, который я украл, чтобы сделать из него повязку.

Джаксиан кивнул, и я поспешил продолжить рассказ:

— Но когда я повторил ей то, что сказал ваш отец, она снова все отрицала.

Он спрятал лицо в ладонях. Шалиаль была мужественной девушкой — интересно, что она только нашла в этом тюфяке? Он и братом-то был не ахти каким, не то что возлюбленным. Запретный плод сладок, но он должен и выглядеть красиво, иначе кто соблазнится отведать его?

И не мудрено, что такой проницательный человек, как его отец, не мог этого не заметить. Та женщина, которую я разбудил, когда пытался притвориться богом, была Нильгия, наложница Джаксиана. Вот почему он направился в ее комнату. Нильгия была недавним приобретением Тарпитов. Бедиан Тарпит приказал сыну пойти и найти себе женщину — точно так же, как приказал бы пойти постричься. Правда, это была почти пустая трата денег. Ее сестра поведала мне за обедом, что Нильгия нашла свою новую работу необременительной.

Джаксиан поднял голову и уставился на меня покрасневшими глазами.

— Проклятый длинноносый проныра! — рявкнул он, и я вдруг увидел другого Джаксиана, благородного господина, богатого купца. Этот Джаксиан не заикался. — Это верно, что мы с сестрой встретились уже взрослыми. Да, мы сочли это положение затруднительным. Как ты думаешь, мог я не

обращать внимания на такую красоту, как у нее? И она... она почти не встречалась с мужчинами своего круга, и тут вдруг появляется один, да еще живет под одной крышей с ней... Конечно, нам нелегко было отделить семейную привязанность от... от других эмоций. Но если ты предполагаешь, что мое поведение — или ее — нарушает законы нашего города или волю богов... я сам вырву твой язык! — Он смерил меня свирепым взглядом.

— Я не сомневаюсь в вашей чести, господин.

— И правильно делаешь! Ладно, если это не Шалиаль сказала тебе, то кто же? Кто распространяет подобные слухи?

— Я сам догадался. Я заподозрил что-то неладное, когда она так легко покорилась отцу. Позже я рассказал ей сказку про кормилицу, которая подменила младенцев...

Он блеснул зубами в улыбке.

— И мне ты тоже рассказывал какой-то вздор насчет своего отца, будто бы он считает тебя чужим ребенком! — Может, Джаксиан был и тюфяк, но в проникательности ему не откажешь.

— Да, — признал я. — В обоих случаях я получил ту реакцию, которой ожидал. Люди, оказавшиеся в том положении, в котором, подозреваю, находитесь вы, господин мой, часто тешат себя подобными фантазиями.

— Потому, что нас обоих растили кормилицы? Потому, что я на локоть выше отца? Закон требует более убедительных доказательств! — Тяжело дыша, он отвернулся от меня.

В наступившей тишине я осмелился посмотреть на Ториана. На его хмуром лице читалось все, чего я боялся.

— Я и в мыслях не имел думать о законе, господин, — возразил я. — Я не думаю о том, что все кончится хорошо. Боюсь, ваша любовь обречена. Я думаю только о невинной девушке, которую может жестоко изнасиловать маньяк, Грамиан Фотий.

Джаксиан бросил на меня взгляд, полный боли.

— Ты считаешь, я не д-думал об этом весь день?

— И вы считаете, что боги одобряют такое преступление? — не отступал я, в первый раз с начала разговора повысив

голос. — Вы считаете, святая Майана допустит такое святотатство — такое осквернение ее храма, в котором замешан ее же собственный верховный жрец? Господин Тарпит, я всего лишь случайный странник здесь, но я заявляю: я готов рискнуть своей жизнью, чтобы не допустить этого. И если вы не готовы помочь ей как сестре, тогда, ради всех богов, вы обязаны помочь ей как женщине, которую любите!

— Т-тебе известно, что б-будет с человеком, вторгшимся в храм?

— Да. И вы не готовы рискнуть даже ради Шалиаль? Я готов.

— И я тоже, — тихо произнес Ториан. Голос его был едва слышен сквозь шум из-за перегородки.

— Чтобы пойти и изнасиловать ее самому?

Ториан вскочил.

— Возьми свои слова обратно! — проревел он. — Или...

Наступила тишина. Пьяная компания за стеной затянула песню. Меч Джаксиана лежал на полу, за дверью ждали его люди, а невысказанная угроза означала смерть.

Я застыл, словно примерзнув к стулу. Лицо Джаксиана приобрело пепельно-серый оттенок.

Потом он встал, не делая попыток поднять меч.

— Или? — хрипло спросил он. — Или что?

Я с изумлением понял, что бледность его исходит от гнева, не от страха. Он стоял лицом к лицу с воином, принимая его дерзкий вызов.

Ториан бросился на него. Я прыгнул и попытался удерживать Ториана, ибо понимал, что жить нам осталось от силы несколько секунд. Он отмахнулся от меня, и я с грохотом рухнул на пол, опрокинув стул.

Бац! — Джаксиан врезал ему кулаком под дых, потом еще раз. Ториан тоже рухнул, привалившись к двери как раз тогда, когда кто-то из людей Джаксиана сделал попытку открыть ее снаружи.

— Убирайтесь! — рывкнул Джаксиан. — Ничего страшного.

И так оно и было. Я лежал на спине, а Ториан сидел, скорчившись и пытаясь вздохнуть. Похоже, я все-таки помешал

ему, ибо с чего иначе обыкновенный купец так быстро одолел закаленного воина, к тому же моложе его годами?

Так ли? Конечно, мое восприятие было слегка затуманено в результате падения, но я не мог отделаться от странного ощущения, что Ториан пропустил удар нарочно. Вполне возможно, это было самым разумным, что он мог сделать, ибо не дозволено рабу поднимать руку на благородного, да еще у того в городе. Это разрядило смертельно опасную ситуацию... хотя с точки зрения воинской чести это вряд ли было самое достойное поведение. Я вспомнил его минутную слабость при входе в храм и подумал, что мой герой снова дал слабину. Или просто повел себя по-человечески, напомнил я себе.

Да и Джаксиан оказался не таким уж беззащитным ягненком, каким я его считал. Он явно мог быть настоящим мужчиной — в случае, если думать некогда.

Он снова сел, тяжело дыша и продолжая свирепо сверкать глазами. Я тоже поднялся и сел, потирая затылок.

— Ссорой мы ничего не добьемся, — устало сказал я. — Наша цель — спасти Шалиаль.

— Я беру свои слова обратно, — буркнул Джаксиан.

Последовала пауза.

— Прошу прощения, — пробормотал Ториан. Он тоже вернулся на место, болезненно скорчившись и не глядя на нас.

Я немного расслабился:

— Говорят, Фотий убивает женщин.

Джаксиан застонал.

— Это правда, — подтвердил Ториан. Слова давались ему с трудом. — Я видел, что он делал с беженцами. Это было на моих глазах. Его дядька не позволил никому вмешиваться.

Джаксиан обмяк на стуле, словно его позвоночник вдруг сделался мягким.

Я развивал наступление.

— И самого Фотия тоже предадут смерти — жрецы, сразу же, как прогонят форканцев. Шалиаль тоже может постигнуть та же участь.

— Нет! — вскинулся Джаксиан. — Нет, нет!

— Под храмом расположено подземелье, — сказал Торин. — Я знаю, у нас нет доказательств, но мы сами видели его, и там лежат старые кости. Балор становится помехой, как только нужда в нем отпадает.

— Мой отец н-не п-пошел бы на это!

— Он мог и не знать. Но как вы думаете, долго ли храмовая верхушка потерпит правящего ими поддельного бога? Что тогда сможет сделать ваш отец? Или Арксис? Обвинить жрецов? Те просто поднимут их на смех!

Джаксиан дернулся, словно хотел встать, но силы оставили его.

— Даже если мы... Это же н-невозможно! Нас п-п-поймают!

Он снова превратился в зайца. Наверное, в детстве он всегда был примерным мальчиком, послушным ребенком, отчаянно желающим понравиться отцу, почти не обращавшему на него внимания. А теперь два хулигана предлагали ему пойти на шалость.

Я откинулся, опершись спиной о стену, и ободряюще улыбнулся:

— Не сегодня. Мы все равно не знаем, где ее держат сейчас, и на поиски уйдет не меньше недели. Но я сомневаюсь, что ей грозит что-то сегодня. Завтра или послезавтра — как только Нагьяк решит, что нагнал на город достаточно страха и неуверенности. Тогда он посадит Шалиаль на трон и пронесет ее через весь город. И в ту ночь мы будем точно знать, где она!

Джаксиан затряс головой — так трясут почти пустую бутылочку из-под соуса.

— Это б-безумие!

— Но это лучше, чем то, что грозит ей.

— Ну... допустим, вы сможете к ней пробраться. Что вы будете с ней делать?

— Доставим ее в безопасное убежище, которое вы готовите, конечно. Вот почему нам необходима ваша помощь — и еще убедить ее, что она может нам верить. Если вас не будет с нами, она вполне резонно может испугаться

того, что вы сами предположили несколько минут назад. Она может предпочесть попытать счастья с Балором.

Разговор слишком затянулся. Шум пирушки за стеной сделался еще громче.

Я уже не надеялся на то, что Джаксиан Тарпит ответит на мое предложение. Ему потребуется год или два, чтобы переварить его. И разумеется, он найдет тысячу отговорок.

— А Нагьяк? — пробормотал он. — Наутро?

— Это и впрямь любопытно, — согласился я. — Майаны он там, конечно, не обнаружит. Надо будет подумать над этим. — Если в деле будет участвовать Ториан, Нагьяк скорее всего обнаружит там мертвого Балора, поразительно похожего на некоего Грамиана Фотия.

Предложение принимается.

Оставалась еще одна небольшая проблема — форканцы. Миф о Балоре был палкой о двух концах. Явившийся во всем великолепии бог войны поведет свое войско на неминуемую победу. Но если он откажется явиться, занадонская армия рухнет как сноп.

Я решил оставить эту проблему на усмотрение самого бога.

21. МИНУС ДВЕ

Мечники за дверью начинали беспокоиться. Один из них постучался и заглянул в комнату. Джаксиан рывкнул, чтобы тот убирался, но это вторжение сбило его с мысли, и он забыл, какие еще возражения хотел выдвинуть.

Он встал со стула, шатаясь как старик.

— Завтра, — пробормотал он. — Если Б-Балор не п-придет... Я п-постараюсь узнать, кто п-последует за Б-Белджис.

Мы с Торианом хором одобрили его решение.

— Я приду к вам сюда.

Мы снова согласились. Джаксиан вышел и в сопровождении телохранителей двинулся по коридору. Хлопнула вход-

ная дверь. Я вытер пот с лица. Этот разговор дался мне труднее, чем борьба с питоном, — это я по опыту говорю.

Ториан скривил избитое лицо в радостной улыбке, продемонстрировав отсутствие нескольких зубов. Мне сильно хотелось спросить его, не нарочно ли он поддался Джаксиану в драке, но я слишком хорошо представлял себе, насколько опасно усомниться в чести воина.

— Ты серьезно намерен спасти эту девушку? — с невинным видом спросил он.

— Совершенно серьезно. Определенно, боги хотят, чтобы я сделал это.

— Определенно. Но ты совсем недавно говорил, что это нас не касается.

— А теперь касается! Разве ты не видишь, как новая, любовная тема меняет весь сюжет?

Он нахмурился:

— Брат и сестра? Это немыслимо! Это же преступление против всего святого!

— Сводные брат и сестра. И не возводи на него напраслины. Мы ведь слышали, как верховный жрец говорил, что она еще девственница.

— Надеюсь, что так!

— Ничего удивительного, что один запил, а другая ударилась в религию. В равной степени бесполезные занятия, надо сказать.

— Ты богохульствуешь! — рявкнул Ториан.

— Ни капельки. Что надеется получить тот, кто перекладывает свои трудности на плечи богов? Они же первые ему эту беду и послали! Они и так знают о ней. С какой стати они должны помогать плаксам?

— Некоторые молят дать им сил.

— Боги сами знают твою силу. Они могут только показать, как ее лучше использовать.

— Ба! Да ты зануда похуже жреца, хоть и отстаиваешь противоположную точку зрения. Но мне-то ты позволишь принять участие в спасении?

— Ты что, думаешь, что Джаксиан или я справимся с капралом Фотием? Я давно понял, что ваши судьбы сплетены слишком тесно.

Воин удовлетворенно вздохнул и улыбнулся. Я подозревал, что за этой улыбкой таились и еще кое-какие надежды, но промолчал.

— Забавный тип этот Джаксиан, — заметил я. — Ведет себя как два разных человека, переходя из одного в другого без предупреждения. Ты заметил, как одно упоминание о его сестре поменяло все? В свое время я встречал нескольких таких людей. Влад Оскорбитель, например, был одним из самых любящих родителей, каких только можно...

— Омар! Ты не боишься, что я накормлю сейчас тебя вот этим стулом?

Пока я обдумывал его предложение, в комнату вошел трактирщик. Вид у него был озабоченный — он не получил на наш счет никаких дальнейших распоряжений. Ториан сунул руку в складку повязки и достал сияющий золотой.

— Наша комната еще свободна?

Это было совсем другое дело! Коротышка жадно уставился на золотой кружок в сильных пальцах воина.

— Я... У меня есть комната лучше, господа!

— Добавь лучший обед и самое лучшее вино. Да... что Саши и Элина?

— Они очень скоро будут у вас, господин.

— Нам потребуется их общество на всю ночь.

Наш хозяин поперхнулся.

— На всю ночь? Но, господин!.. У них ведь работа...

Ториан достал еще золотой. Этого хватило, чтобы изменить рабочий график девушек. Нас проводили наверх. Новая комната была больше, прохладнее и лучше обставлена — вплоть до медной ванны в углу. Хрустящее льняное белье пахло лавандой. Наш хозяин исчез, пробормотав что-то насчет горячей воды.

— На всю ночь? — переспросил я.

— Вчера вечером я был не в лучшей форме, — объяснил Ториан, потягиваясь и касаясь пальцами потолка. Он довольно вздохнул.

— Я тоже, — признался я. — Я думаю, они не возражали против легкого вечера.

— Это была не моя идея, — сказал Ториан, наклоняясь и касаясь ладонями пола.

Дверь распахнулась, и я оказался в крепких объятиях моей вчерашней подружки. Сильно возбужденная новостью, что она может посвятить мне целую ночь, она впилась пальчиками мне в спину, прижавшись ко мне своей маленькой грудью. Я услышал гортанный смех моего друга, которого приветствовали подобным же образом.

Я забыл спросить, которую из них звали Саши, а которую — Элиной, так что называл свою подружку Розовым Бутончиком, и Жемчужиной Моей Мечты, и Аватарой Майаны, и прочими подобными глупостями, и она тоже называла меня множеством забавных имен. И мы занимались с ней другими восхитительными делами.

Я стоял на стене Занадона, глядя на равнину. Я не знаю другой точки, с которой мир казался бы таким большим. Солнце только-только село, и узкий полумесяц богини висел низко в небе под хмурой грозовой тучей, верх которой окрасился в кроваво-красный цвет. Крепнущий ветер трепал мои волосы.

Я повернулся и посмотрел на Майану, светлым силуэтом выделяющуюся на темном восточном небосклоне. Она стояла боком ко мне, и ее наполовину скрывало от меня дерево в желтом цвету.

Спустившись со стены, я начал подниматься по склону к храму. Надвигалась гроза, и ветер вздымал в воздух листву. Я шел по едва видной дороге, по поросшей травой колее, и она вилась меж полуразрушенных деревянных построек, брошенных давным-давно. Это был бедный квартал, но я видел храм прямо перед собой.

Кто-то лизнул меня в губы.

— Еще! — потребовала Саши... или, возможно, ее звали Элина.

— Конечно, э-э... дорогая, — согласился я. Целуя ее, я продолжал думать, что мне рассказало бы продолжение сна.

Снова поднимался я по склону. Последние закатные лучи окрашивали волосы Майяны в кроваво-красный цвет. Дорога упиралась в покосившуюся изгородь, примыкавшую к стене храма. Я толкнул калитку на проржавевших петлях и оказался в заваленном древним хламом, заросшем зеленой дворице.

Кто-то ущипнул меня.

— Еще! — пробормотала моя подруга.

Я подумал, не перестарался ли Ториан, соря деньгами.

— Это невозможно, — сердито буркнул я.

Прошло несколько минут.

— Все еще невозможно? — прошептала она.

— Ты сама видишь, что нет, — ответил я тоже шепотом. —

С чего это ты взяла?

Я так и не досмотрел сон до конца.

С рассветом я и Ториан стояли в толпе, собравшейся на Площади Тысячи Богов. Многие провели здесь всю ночь. Какой бы огромной ни была площадь, нас собралось здесь столько, что невозможно было пошевелиться. Я никогда не думал, чтобы такое количество людей могло хранить такую тишину. Я слышал и ощущал дыхание стоявших вокруг меня людей, но других звуков не было. Стоило мне раствориться в толпе, как сердце мое переполнилось ее страхом и напряжением, и скоро я тоже потел от возбуждения. Ожидание казалось невыносимым — явился ли Балор, чтобы спасти нас, или он снова отверг жрицу? Та часть меня, что оставалась Омаром, знала ответ, но та, что стала Занадоном, — нет, а в эту предрассветную минуту я был Занадоном. Я дрожал от нетерпения как в лихорадке.

Небо окрасилось голубым, готовясь к приходу солнца. Обитель Богини казалась на его фоне крошечной, а дверь ее — черной. Факелы погасли.

Вверх по лестнице поползло округлое алое пятно — Нагьяк. За ним следовали две цепочки жрецов, за ними — градоправители, купцы, военные. Они поднимались мучительно медленно.

Когда они приблизились к верхней площадке, в солнечных лучах вспыхнул золотой шлем Балора. Два орла сорвались с него и поплыли по небу. По толпе прокатился вздох. Все глаза были прикованы к Обителю Богини в ожидании, кто же покажется из дверей.

Никто не показывался. Когда верховный жрец достиг верха лестницы, миряне остановились и разошлись по краям ступеней, оставив посередине широкий проход. Простой народ на площади застонал в унисон, словно это была не толпа, а один огромный зверь. Цепочки жрецов продолжали движение, втягиваясь в темное отверстие двери.

Луч солнца упал на золотую крышу, заставив ее вспыхнуть, как шлем Балора.

Рассветную тишину разорвали пронзительные крики. Мы застонали снова.

В дверях показались четверо молодых жрецов в ослепительно белых хламидах. Они несли женщину. Вот они подошли к краю лестницы... Вперед, назад, вперед, назад, ох...

Падая, она успела крикнуть только раз, но крик оборвался, когда ее тело рухнуло на гранитные ступени далеко внизу. Оно катилось вниз, до самой площади, между двумя рядами зрителей, оставляя на ступенях кровавый след. Наш вой взметнулся до небес.

Ториан больно пихнул меня под ребра. Я пошатнулся и вспомнил, кто я и что делаю в этой толпе. Я прекратил всхлипывать и вытер слезы.

— Спасибо, — прошептал я, и мы поплелись с площади. Толпа молчала, слышались только сдавленное всхлипывание и шарканье ног, но страх и горе невидимым дымом повисли в воздухе. Балор снова не откликнулся на зов своего народа.

Солнце заливало лучами Большой Проспект. День обещал выдаться жарче обычного.

Следующая ночь была ночью молодой луны.

* * *

Мы с Торианом как раз кончали завтракать у себя в комнате, когда появился Джаксиан. Как и накануне, борода его была посыпана пеплом, а правая нога — обнажена. Судя по его виду, он всю ночь не смыкал глаз. Его щеки ввалились, отчего нос казался еще длиннее. Глаза были красны, как вишни. Он рухнул в кресло и обиженно уставился на нас. Ториан не сказал ничего, но я ощущал его неприязнь к нашему бесхребетному союзнику.

— Какие новости, господин? — спросил я.

Джаксиан покачал головой:

— Я н-не смог узнать н-ничего. Мой отец улыбается от уха до уха. Если это вам что-то говорит.

— Значит, надо действовать очень быстро. Процессия начинается от городских ворот, верно? Как только мы убедимся в том, что ваша сестра...

— Я н-не верю, что ваш п-план возможен! Т-там же охрана п-повсюду! В-вы чт-чт-чт... что, д-думаете, жрецы не учли возмж... возможности, что ее п-попытаются п-похитить или п-подменить?

Он заикался даже сильнее обычного. Впрочем, я решил, что человеку, которому вскружила голову собственная сестра, можно простить небольшие слабости. Кара за кровосмешение обычно жестока так, как только можно вообразить — а некоторые люди отличаются прямо-таки ужасным воображением.

— Честно говоря, я сомневаюсь, что жрецы думали о такой возможности, — искренне сказал я. — Подавляющее большинство их хранят нерушимую веру в Майану и Балора, как и вы хранили до тех пор, пока мы вас немного не просветили.

Джаксиан свирепо покосился на меня:

— Я до сих пор верю. И вам советую.

Это никуда не годилось. Если он расторгнет наш союз, нас ждут большие неприятности. Очень большие неприятности.

— Я верю в них, господин. И еще я верю в людское коварство.

— Довольно. Заговор, о котором вы говорите, просто невозможен.

— При всем моем уважении, господин, не вы ли говорили мне, что ни капельки не доверяете верховному жрецу Нагьяку?

— Я верю в волшебство! Я верю в чудеса! — Джаксиан пронзил меня еще одним свирепым взглядом, потом устало потер глаза. — Я четыре раза б-был в Обители Б-Богини. Там нет никаких тайных ходов, о которых вы говорили. Стены сплошные, и п-пол — тоже. Статуя слишком в-велика, чтобы ее сдвинуть, но слишком мала, чтобы в ней б-был тайный ход. — Он посмотрел на меня, но не убедился в том, что убедил меня. — К-камни там длиной в п-полтора локтя! И п-примерно п-половину этого в ширину. П-потребуется целая фаланга, чтобы п-поднять хотя бы один, или д-дюжина верблюдов. И п-пол т-такой же.

— Есть и другие способы маскировки. — Я загадочно улыбнулся... вспомнил улыбку Роша и сменил улыбку на более беззаботную.

— Назови хотя бы один.

— Вы принимали в расчет носилки? Жрица сидит на серебряном троне, а тот стоит на больших носилках. Когда-то я был знаком с иллюзионистом, который запросто спрятал бы там троих людей. Или одного Грамиана и пол-Фотия.

Джаксиан нахмурился — я сморозил откровенную глупость.

— Оказавшись в Обители, она сходит с носилок, и их уносят. Ее освобождают от украшений и наряда и оставляют нагой... ну, на ней остается пара прозрачных ленточек, но это все равно почти что ничего. Она остается там, перед б-богиней, в пустом зале, и с ней нет больше никого.

Я избегал взгляда Ториана.

— Должно быть что-то, — упрямо сказал я. — Разве ей не положено брачное ложе, чтобы искушать бога? Или она лежит на голом граните?

— Жрецы наваливают кипу т-тамарисковых ветвей. Т-такова т-традиция. — Он помолчал. — Чертовски неудобно, если вы хотите знать м-мое мнение, — добавил он.

— Значит, в нужную ночь тамариск приносят заранее, и Фотий прячется под ним!

— Вздор! П-полная ч-чушь. — Впрочем, он не смотрел на меня. Так что убеждал, скорее, сам себя. Следующие же его слова подтвердили это. — И если даже я поверю в вашу т-теорию, я не верю, что мы можем сделать что-то!

— На запад от храма, — сказал я, — чуть выше того места, где мы восстанавливали городскую стену, растет дерево с желтыми цветками. Заросшая колея поднимается от этого места к стене храма — это недалеко, вы, наверное, сами знаете. По левую руку от дороги находится заброшенный двор. В этом дворе лежит достаточно деревянных обломков, чтобы соорудить из них нехитрую стремянку. Возможно, там даже есть лестница — я не искал как следует.

— Почему? — подозрительно спросил он.

Художникам снятся сны, жрецы веруют, но крестьяне, солдаты и торговцы отличаются до обидного практичным, твердолобым взглядом на жизнь. Объяснить источник моей информации означало бы окончательно подорвать его веру в то, что я говорю.

— Мой обыск был прерван, — устало объяснил я. — Под покровом темноты трое крепких мужчин с лестницей без труда ступень за ступенью поднимутся на верх храма. Если понадобится, Ториан может спустить вашу сестру на спине. Меня гораздо больше беспокоит то, куда мы отведем ее потом... господин.

Джаксиан недоверчиво смотрел на меня. Ториан хранил безразличное спокойствие, но жилы на его руках вздулись, как корабельные канаты. Он, несомненно, тоже понимал безумие того, что я предлагаю. К счастью, он не произносил этого вслух — он начинал привыкать к тому, что от меня можно ожидать чего угодно.

Джаксиан к этому не привык. Он деланно рассмеялся.

— И как ты попадешь в Обитель Богини, чтобы расправиться с этим волшебным Фотием? Как ты вынесешь оттуда мою сестру? Факелы горят там всю ночь до утра. И полгорода собирается смотреть и молиться на площади. Любого вхо-

дящего или выходящего можно будет легко увидеть на фоне светлого дверного проема!

Я не имел намерения входить в Обитель с парадного входа, но и посвящать Джаксиана в свои замыслы я тоже не собирался. Я покопался в мозгу, надеясь найти хоть какую-нибудь завалящую идею.

— Ближе к утру факелы выгорят, — сказал я наугад.

— К этому времени мою сестру уже изнасилуют, а Фотий будет разгуливать в доспехах Балора.

— Верно... Экая неприятность... Ну, я полагаю, человек вполне может пролезть в дверь ползком так, чтобы его не увидели с площади.

На этот раз Джаксиан вместо ответа разразился потоком ругательств, каких я от него даже не ожидал. Его кормилице стоило бы почаще мыть ему рот в детстве. Выговорившись, он мрачно уставился в пол. Он обхватил себя руками как старуха, хотя руки у него были большие и волосатые, как у Ториана. Мы потеряли союзника, хотя, возможно, так было даже безопаснее. В конце концов он заговорил, обращаясь на этот раз к Ториану:

— И ты пойдешь на это?

— Так или иначе пойду. — Лицо воина все еще было в синяках, так что казалось еще более бесстрастным, чем обычно. Впрочем, воинов учат быть бесстрастными. Учеба часто бывает жестокой. — Надо только продумать детали.

— Даже зная, что будет с тобой, если тебя схватят? — не унимался Джаксиан. — Я глубоко уважаю т-твое мужество... вас обоих. Но я? Мне ведь больше терять, чем вам!

— Я удивился бы, если бы это произошло, — спокойно ответил Ториан.

— Я не это имею в виду! Т-ты хоть можешь п-представить себе, что будет, если меня п-поймают вместе с вами? Моя сестра будет замешана в это... отец, тетки. Всю нашу семью уничтожат, наши п-поместья, всех, кто работает на нас! Я не могу рисковать всеми этими жизнями даже ради Шалиаль.

— И вы оставите ее Грамиану Фотию? — спросил Ториан.

— Мне приходится полагаться только на ваши слова... — Вспомнив, что говорит с воином, Джаксиан поспешно сменил тему. — Нет, я навел кое-какие справки. Никто не знает, где сейчас Фотий, т-так что я верю вам. И он в самом деле могучий мужчина, д-достойный играть роль Б-Б-Балора.

— Он примерно нашего с вами роста, — успокоил его Ториан. — Только с лицом гориллы и повадками акулы.

— Правда? — Джаксиан вспотел. — Говорят, он в самом д-деле груб с женщинами. Но ведь многие так. Но ведь он не может причинить вред моей сестре, пока п-притворяется Б-Балором, а она — Майаной, разве не ясно? Балор не подбивает Майане глаз и не выбивает ей зубов! Я д-думаю, вы п-преувеличили опасность.

Даже мне сделалось тошно. Я ни капельки не удивился бы, схвати Ториан Джаксиана за горло и удуши его на месте.

— Насколько я понимаю, вы против того, чтобы спасти ее? — с досадой спросил я.

Купец хмуро смотрел в пол.

— Я не буду запрещать этого, — прошептал он.

И без всякого сомнения, он с радостью предложил бы нам солидную награду, попроси мы об этом. Только на его месте я не стал бы даже заикаться о награде, боясь, что Ториан перепачкает его кровью все гостиничные ковры.

— Даже так я иду на значительный риск, — продолжал Джаксиан, обращаясь к моим ногам. — Вас видели в моем обществе, и вы наверняка заговорите п-под п-пыткой. — Он беспокоено покосился на Ториана. — Само собой, я говорю не о тебе. Но Омар... Он ведь не закаленный воин.

— Нет, он не воин, но он храбрый человек. Можете считать это приятным сюрпризом. И потом, разве ваш отец не может защитить вас от обвинений, выбитых под пыткой?

Джаксиан нахмурился еще сильнее. Он почесал в бороде — из нее посыпался пепел.

— Надеюсь, до этого не дойдет, и в любом случае это исключительно ваше дело. Мне, право же, пора. П-патрули, упражнения на мечях — все мы теперь воины в Занадоне!

— Это впечатляет, — мрачно кивнул Ториан. — Да, еще одно, господин. Ваша сестра может не поверить в наши добрые намерения. Если она станет отказываться идти с нами, как нам убедить ее?

Джаксиан порылся в набедренной повязке, достал сложенный клочок пергамента и нехотя протянул его Ториану. Тот смерил его взглядом, по которому сразу можно было понять, что именно думают настоящие воины о таких недостойных мужчины занятиях, как чтение. Поэтому пергамент перекочевал ко мне.

Я развернул его и прочитал вслух, чтобы Ториан знал содержание: «Ты можешь довериться рассказчику Омару и его спутнику. Надежное убежище ждет тебя там, где ты купила серебряную бабочку».

— Оно не подписано, господин.

— Она знает мой почерк.

— Конечно.

— Я не мог д-дать точный адрес, — извиняющимся тоном добавил Джаксиан. — На случай, если письмо попадет не в те руки... Это будет несправедливо по отношению к содержателю этого места.

И он не назвал этого места нам — ведь нас могут пытаться. Мне больше нечего было сказать.

И Ториану тоже.

Джаксиан встал, но даже ему слова давались с трудом.

— Я... Вы... Я б-буду молиться за вас, господа.

Мы молча поклонились. Джаксиан вышел, выпрямившись, но с пылающим лицом.

Ториан поднял кресло, на котором только что сидел купец, и начал ломать его голыми руками. Он не останавливался до тех пор, пока от него не остались одни щепки.

22. ИМЯ ОБЕЛИСКА

Мы ушли из трактира почти сразу же, поскольку не могли больше доверять Джаксиану. Стоит отцу спросить у него, с чего это он так мрачен, и он выложит все без остатка. Вот почему мое описание плана действий было таким неполным. Меня нельзя назвать дотошным человеком. Я редко рассчитываю на несколько ходов вперед — я хватаюсь за каждый шанс, какой попадаете под руку. Пороку я путаюсь. Я могу даже менять героев в середине рассказа. Но даже я не настолько самоубийца, как могло бы показаться Джаксиану.

С посыпанными пеплом бородами, обнажив одну ногу, вышли мы в город. Занадон в это утро был не только тих, но и почти безлюден. Половина жителей продолжала бдение на Площади Тысячи Богов. Другая половина высыпала на стены, тревожно глядя на юг — на далекое жаркое море и пыль.

Форканцы наступали. В охватившем всех страхе слухи и фантазии плодились как мухи. Или росли как грибы после дождя, если вам так больше нравится. Мы с Торианом составили маленькую, но чрезвычайно толковую военно-разведывательную службу. Я умею разговаривать людей. Он же знал, о чем спрашивать и как понимать ответы. Мы набрали с дюжину имен вождя, организовывавшего беженцев, и в конце концов Ториан пришел к выводу, что там должен действовать небольшой военный совет во главе с одним самым энергичным человеком. Наиболее популярной личностью являлся полрейнский царевич по имени Обелиск, и с каждым упоминанием его имени Ториан становился все более задумчив.

Мы слышали не меньше тысячи предположений насчет действий форканцев; Ториан отмел их все, кроме одного.

— Ты же видишь пыль, — фыркнул он.

Это было очевидно — они поворачивали на запад, обходя лагерь беженцев к югу от города.

— Разве в этом есть тактическая выгода? — удивился я.

— Разумеется. Это смешает оборону беженцев. Кроме того, они получают и стратегическое преимущество. В горах форканцам нечего было есть, но теперь они забрались в кладовую. Занадонцы могут любоваться на то, как горят их хлеба. И если западные города пошлют помощь, форканцы смогут перехватить ее. Или они просто двинутся дальше, сжигая все на своем пути. И еще, — добавил он, — люди чувствуют себя очень неуютно, когда их окружают, а Занадон, можно считать, уже окружен.

— Ты считаешь, что военачальник должен действовать, и действовать быстро?

Ториан снова издал свой львиный рык, но теперь это был довольный лев.

— Он не может действовать, пока не начнет действовать Нагьяк. Они ведь не могут выступать без Балора. Я вот все думаю, уж не поднял ли жрец цену?

Мы покинули причитающую толпу и пошли на запад, стараясь держаться параллельно стене. Мы оба знали, куда идем, так что не заговаривали об этом.

— Мне нравится, как Балор смотрит на нас теперь, — заметил я. — Взгляд его значительно дружелюбнее, чем поначалу. Мне кажется, он одобряет то, что мы делаем.

Ториан улыбнулся мне щербатым ртом, но продолжал идти молча.

— Вот только Майана... — вздохнул я. — Ладно, в конце концов мы ведь вламываемся в ее храм. Какая женщина обрадуется мужчине, ведущему себя подобным образом? Или доверится ему, если быть точным. Ты не согласен?

Ториан буркнул что-то невнятное.

— Тебе не кажется, что Обелиск — не совсем обычное имя для царевича? — поинтересовался я.

— Я не знаю царевича с таким именем, хотя оно нередко встречается среди воинов.

— Ну да, наверное. В свое время я знал многих воинов, но ни одного Обелиска.

— Если оно кажется тебе необычным, значит, так оно и есть, мой неразговорчивый друг.

— Ты что, ощущаешь себя мужественнее, подшучивая надо мной?

Он дернулся, будто я воткнул в него иглу.

— Мне приходится проявлять нечеловеческую выдержку, чтобы удерживать свои руки подальше от твоего горла. Ты хуже назойливой мухи! Ты не закрываешь рта и вынюхиваешь все, как собака-крысолов. Пообещай мне, что помолчишь пятнадцать минут, и я объясню тебе все про Обелиска.

— Десять.

Ториан застонал:

— Ладно, не будем торговаться. Так слушай. В Полрейне заведено, что молодой воин, достигший совершеннолетия, берет себе настоящее имя и приносит обет Штаху, которого ты зовешь Балором...

— Я предпочитаю звать его Кразатом. Балором он зовется здесь... Извини. Продолжай, пожалуйста.

— Грр! Обретение имени — самое торжественное событие в жизни мужчины. Он вспоминает подвиги великих героев прошлого, которых выбирает образцами для подражания — их так и называют: «образцы», — и разыгрывает их с помощью трех своих лучших друзей. Для всех для них это очень важный ритуал. Очень часто все четверо дают клятву друг другу и становятся друзьями по имени, группой посвященных... Впрочем, тебе незачем знать все это.

Он помолчал, вспоминая. Несмотря на свой исполинский рост, Ториан шагал с парадной выправкой солдата. Я подумал, испытывает ли он мою способность молчать, или просто вспоминает свою юность и погибших друзей. Когда он заговорил снова, голос его сделался жестче.

— Его новое имя выбирается ему тремя друзьями, и ни он сам, ни кто-либо другой не может вмешиваться в это. Никто! Даже король не имеет права участвовать в выборе имен для своих сыновей. Часто выбранное таким образом имя повторяет имя одного из образцов для подражания. Имя Обелиск известно уже много веков, так что и раньше были Обелиски, достойные подражания. Но примерно пятнадцать лет назад некто Феотин Обелиск возглавил набег на Деви-

чий перевал и вернулся с несметными стадами. Таких трофеев не видели уже несколько поколений. И после этого многим юношам друзья давали имя Обелиск и плакали от гордости. Теперь ясно?

— Не совсем, — весело признался я.

— Уфф! Конечно, часто имя мужчины остается тем же, что в детстве, или это имя его деда, или просто кличка, или имя кого-то из богов. Но если его друзья решат, что имя Обелиск подходит ему более всего, он останется Обелиском до смертного часа и будет гордиться этим. Я знал Богоподобного и Кровососа. У меня был добрый друг по имени Торопыжка. Это было его подлинное имя, и боги могли только пожалеть того, кто посмел бы смеяться над этим, ибо он сразу же приобрел бы четверых смертных врагов. Понял?

— Это объясняет некоторые истории, что я собрал в...

— Арргх! — зарычал он. — Ты трепешься как баба и меня заражаешь этим. Будь мужчиной, помолчи немного!

Я понял, что лекция закончилась, и переключился на другие мысли, когда он заговорил снова, совсем тихо:

— И если они дают своему другу очень странное имя, они оказывают ему очень большую честь. Тебе понятно это, Коротышка?

— Нет. — В самом деле рядом с ним я казался просто коротышкой!

— Конечно, это проявление дружеских чувств, но прежде всего это показывает то, что они верят: у него хватит сил нести нелегкое бремя. Такие имена называют «именами-рогами». У меня был брат по имени Веснушки, — гордо сказал он, сделав еще несколько шагов. Дальше он шел молча, глядя прямо перед собой. Ветер сушил слезы на его щеках.

Мы стояли на западной стене, и половина мира раскинулась перед нами. По обе стороны от нас по стене разгуливали дозорные, но, если не считать их, мы были одни, ибо наблюдавшие за форканцами горожане сюда еще не добрались. Стены Занадона достаточно широки, чтобы на них могли разминуться две колесницы. В одних местах они воз-

вышаются над землей, в других их вершина со стороны города находится почти на уровне земли, и это как раз было одно из таких мест. Я сориентировался по плечу Майаны и нашел дерево с желтыми цветами.

— Вот та дорога, о которой я говорил, — сказал я. — Я должен тебе признаться, Ториан: я видел это место во сне.

— Я тоже, — буркнул он, опершись на парапет и глядя на далекое море и белые облачка над горизонтом. — Я очень благодарен тебе, Омар, что бы я там ни говорил.

Я удержался от лишних вопросов и получше осмотрелся по сторонам. У меня слух рассказчика, зато у Ториана опытный глаз воина. Я не сразу понял, что расселина перед нами — та самая, где стена обрушилась и построена заново. Теперь здесь стояла тишина. Работы закончились, и все следы стройки тоже исчезли. Я перегнулся через парапет и пригляделся к лесу под нами. Странно, почему там так много птиц?..

— Ториан! Вон, внизу! Видишь?

— Вижу, — ответил он, продолжая смотреть вдаль.

Занадон больше не нуждался в рабах. Если бы Джаксиан не забрал нас отсюда, мы бы тоже лежали там.

Мы поднялись по заросшей дороге между хибарами и вышли к дворику, который мне приснился. Мы не видели ни души, так как все ушли к храму или на стены. Большую часть хлама, что видел я во сне, составляли инструменты, оставшиеся от ремонта стен: лестницы, блоки, канаты, молотки. Возможно, рано или поздно все это уберут отсюда и продадут, но пока никто не мешал выносить что душе угодно.

Ториан изучал высокие камни стены храма.

— Уж сюда-то мы залезем, — кивнул он.

— Мы начнем отсюда. Но вряд ли мы сейчас далеко от двери, из которой выходили тогда.

— Надеюсь, ты это не серьезно — насчет подъема по наружной стене храма?

— Это только для Джаксиана. Нам ведь показали тайную лестницу внутри.

Он снова кивнул, размышляя.

— Тогда нам понадобятся фонари и оружие.

— Никакого оружия! Попробуй купить сейчас в Занадоне меч, и не пройдет и часа, как тебя укоротят на голову.

— Что сделает меня одного роста с тобой! — нехотя усмехнулся он. — Ладно, без оружия так без оружия. Тогда, может, лучше моток бечеvy? Очень полезная вещь. И давай побыстрее сматываться, пока на нас не обратили внимание.

23. ДВОЕ НАВЕРХУ

Остаток дня прошел в унылом, выматывающем нервы ожидании. Даже в полдень, по окончании официального траура, покров страха и скорби так и продолжал висеть над городом. В глаза бросались посыпанные пеплом бороды и обнаженные ноги. Становилось все жарче, и в конце концов напряжение сменилось свинцовой, потной усталостью. Мы с Торианом держались вместе, хотя это давалось нам не так легко. Мне отчаянно хотелось пособировать истории, а его раздражала болтовня. Правда, должен заметить, большинство горожан тоже были не в настроении общаться.

Одно ободряло меня: Балор по-прежнему относился к моим намерениям одобрительно; он почти улыбался мне из-под своего золотого шлема. С другой стороны, каждый раз, когда я поверх крыш ловил на себе взгляд Майаны, она казалась еще суровее прежнего. Я не стал говорить об этом Ториану. Мне не хотелось огорчать его.

Закат застал нас на краю толпы у городских ворот. Мы тащили кожаный мешок с двумя фонарями и еще кой-какими припасами, на которых мы остановились. Мы наелись досыта — по настоянию Ториана, ибо у меня аппетит пропал. Впрочем, я понимал, что он прав.

Показалась процессия. Толпа в молчании ждала. Сначала жрецы, потом городская знать и, наконец, факелы и носилки.

Толпа восторженно взревела. Эхо криков отдавалось от каменных стен, поднимая в воздух стаи перепуганных птиц.

Это была Шалиаль. Даже Белджис в наряде Майаны казалась красивой. Шалиаль же стала ожившей мечтой. Ее собственная красота сияла из-под румян, серебра и самоцветов, и украшения тускнели в этом сиянии. Если она и боялась, этого не было видно. На лице ее играла слабая улыбка, но взгляд скользил поверх голов, поверх визжащей толпы. Ей и не требовалось смотреть ни на кого — и без того не было здесь ни одного мужчины, не готового умереть за свою богиню.

И тут я понял, почему ее лицо с первого взгляда показалось мне таким поразительно знакомым. Интересно, заметил ли это верховный жрец Нагьяк, и если да, не это ли вдохновило его планы?

МАЙАНА!

Легкий изгиб носа, гордая осанка... сходство было не таким разительным, как между мной и Рошем, но все же оно было, и я решил, что не я один заметил его.

Я сопротивлялся притяжению толпы и оставался самим собой. Это потребовало некоторых усилий, но так было надо. И стоило богине миновать нас, стоило толпе устремиться за ней к храму, как мы с Торианом выскользнули из толпы и побежали — так быстро, как только можно было в такой душливой жаре.

У дерева в желтом цвету мы остановились перевести дух и оглянулись на равнину. Мы оба знали, что можем никогда больше не увидеть мир таким. Я осознавал опасность не хуже Ториана. Я все еще доверял богам, но уже не так, как прежде, ибо боялся, что изрядно превышаю свои полномочия. Я вмешался в события, что делаю крайне редко. Мы оба отчаянно рисковали и знали это.

Солнце село только что, и мне показалось, что я вижу в небе тонкий полумесяц богини — он висел низко над горизонтом, под чудовищной грозовой тучей, верх которой был окрашен кроваво-красными лучами заката. Воздух был зноен и плотен, как горячее масло.

— Ночка обещает выдаться бурной, — заметил я.

— Штах с Зоматпом братья. Будем надеяться, это добрый знак. Пошли. — Ториан повернулся и зашагал вверх по склону.

На свалке мы сняли с себя пышные одежды Тарпита и спрятали их. Вместо них мы облачились в безликие черные повязки, достаточно короткие, чтобы не стеснять движений. Даже на таком расстоянии от ревущей толпы у меня по коже пробегали мурашки. Я знал, что все до одного мужчины смотрят сейчас на Шалиаль, думая, что Балор, если только он настоящий бог, не может отвергнуть такую красавицу. Во всем Занадоне не найдется женщины прекраснее, чтобы предложить ее богу.

Мы приставили лестницу к стене, и Ториан полез первый. Я не стал возражать. Все жрецы должны быть заняты на церемонии... все ли?

Перебравшись через стену, мы оказались в тенистом саду из лимонных деревьев. Не решаясь заговорить, мы поспешили к самому храму. Мне не нравилось похрустывание под ногами — здесь было слишком темно, чтобы разглядеть, чей это помет. Хорошо, если овечий, но гуси еще лучшие сторожа, чем сторожевые псы. Правда, до сих пор на нас никто не набросился с лаем или с гоготом. Сумерки были одновременно преимуществом и недостатком. Если мы могли передвигаться без света, это же мог и кто угодно другой, и мы могли не заметить его вовремя.

Толпа запела — это значило, что процессия уже поднимается по лестнице. От напряжения у меня ослабли колени и пересохло в горле. Мы добрались до задней стены келий в том месте, где она примыкала к храму. Пение сделалось громче. Теперь начиналось самое опасное. До сих пор мы находились на запретной земле, но могли в любую минуту броситься обратно через сад и стену. Начиная с этого момента отступления не было.

Ториан медлил. Я обошел его и отворил калитку. По левую руку от меня темнела дверь в храм, по правую — кельи. Прямо

передо мной факелы освещали ступню Майаны. Я видел и слышал толпу, но, не задерживаясь, нырнул в храм, прислушиваясь к шлепанью босых ног за спиной. Коридор казался совершенно темным, но на фоне входа нас могли увидеть. Желудок свело ожиданием того, что вот-вот послышится чей-то крик или я просто столкнусь с каким-нибудь жрецом, медитирующим в полумраке. Держась рукой за стену, я осторожно шагал к двери в покои Нагьяка, расположенной в дальнем конце коридора. Когда я дошел до нее, мои глаза привыкли к темноте. Если дверь заперта, все пропало.

Дверь оказалась не заперта. Мы закрыли ее за собой, и я позволил себе перевести дух. Я узнал неприятный, удушливый запах пышно убранной комнаты, но мебель и драпировки едва угадывались в слабом свете из проема в потолке. Чудо из чудес — ковер оказался скатан. Это снимало еще одну проблему: как нам положить ковер на место после того, как мы нырнем в люк. Воистину боги помогали нам. Развлекались ли они, глядя на нас? Как знать...

Будь я один, мое путешествие на этом бы и закончилось, ибо у тайного люка не оказалось ни ручек слоновой кости, ни бронзовых колец. Я знал, где он должен находиться, и без труда нашел нужный камень — я все-таки не такой уж тупица, — но сам ни за что не смог бы отворить его, даже пожертвовав всеми ногтями и зубами. К счастью, наблюдательный Ториан еще в прошлый раз обратил внимание на то, что камень не поднимается вверх, но поворачивается вокруг своей оси. Когда он встал на нужный край и приподнялся на цыпочки, проклятая штука сдалась. Противоположный край поднялся достаточно, чтобы я сумел схватиться за него. Мы открыли люк и нырнули вниз.

Вы, наверное, слышали историю про старую деву, которая запирает дверь своей спальни изнутри, потом задвигает задвижку, потом набрасывает крючок, потом накидывает цепочку и, наконец, придвигает к двери гардероб, и тут голос...

Ну конечно, слышали. Я и не говорил, что эта история не старая.

Так вот, именно она вспоминалась мне, когда я сидел в крошечной тьме рядом с Торианом на холодных каменных ступенях. Я тяжело дышал, как собака — отчасти из-за сперттого воздуха, отчасти переводя дух после страшного напряжения. Я слышал, что Ториан тоже отдувается. Я был до смешного счастлив, что добрался до этого подземелья. В прошлый раз это место показалось мне склепом, но сейчас оно было надежным убежищем. Мне казалось, что самая страшная часть нашего похода позади. Здесь, в тайной части храма, любой, кого мы встретим, и сам будет чувствовать себя не в своей тарелке, к тому же он не сможет позвать на помощь. Нельзя сказать, что эти рассуждения отличались особой логичностью, но меня они успокаивали. И все же из головы у меня не шла старая дева — я представлял себе, как Грамиан Фотий приближает в темноте губы к моему уху и шепчет: «Буу!»

Мне приходилось видеть людей, умерших от страха, и это не так трудно, как может показаться.

Ториан рылся в мешке в поисках трута. Я просто сидел. В подземелье было холодно — отчасти из-за того, что я весь вспотел, отчасти сказывался дурной воздух. Голова гудела как котел. Я знал, что мне угрожает обморок, да и Ториану тоже, ибо даже физическая сила не спасает от отравленного воздуха. Стоит нам задержаться здесь, и нас можно считать покойниками. Эти катакомбы могут стать отличной ловушкой для грабителей. Интересно, подумал я, не этим ли объясняются кости в дальнем углу?

Сверкнула искра. И другая. То ли сказывался дурной воздух, то ли мы просто купили плохой трут, но Ториан сыпал полрейнианскими ругательствами, искры сыпались падающими звездами, а трут все не разгорался. Я ощутил приступ паники. Верховный жрец Нагьяк мог уже вернуться в свою комнату, прямо у нас над головой. Он вполне может надумать прогуляться и сосчитать, все ли кости на месте. Даже если он просто прилег на кровать с хорошей книжкой в руках, он уже отрезал нам путь к отступлению.

Ториан перешел от анатомических подробностей к молитвам, а это всегда опасный признак. Впрочем, возможно, это было мудрое решение, ибо почти сразу же трут воспламенился. Нам хватило бы одного фонаря, но он зажег оба, и я не спорил. Огонь осветил древние стены и своды, а также рассыпанные по полу остатки храмовых архивов. Какие-то мелкие твари поспешно прятались по углам.

Я приподнял фонарь; тени раскачивались и плясали. Ториан передал мне почти пустой мешок. Сам он взял второй фонарь и маленький топорик — единственное оружие, которое мы осмелились купить. Вооружившись подобным образом, мы отправились дальше.

Я гадал, проходил ли кто-нибудь здесь за последние три дня. Я совершенно не сомневался в том, что, когда жирному верховному жрецу надо попасть в тайные места, он заставляет поднять себя в молельню, чтобы зайти с другого входа. С другой стороны, даже ему, должно быть, непросто объяснять, чем это он занимается так долго в покоях верховной жрицы — даже сейчас, ибо совершенно очевидно, что очень мало кто из жрецов посвящен в заговор.

Мы подошли к лестнице. Я свернул, но Ториан продолжал идти вперед, крадучись как леопард.

— Болван несчастный! — вскричал я. Гулкое эхо отлетело от сводов и пошло гулять по подземелью. — Нам сюда!

— Заткнись, — буркнул он не оборачиваясь.

Я подскочил к нему.

— Ты что, спятил? Давай убираться из этой выгребной ямы, пока не задохнувшись.

— Грамиан Фотий вооружен мечом, — произнес он негромко, но даже так его голос отозвался эхом, — и, возможно, будет в латах. При необходимости я пойду на него и с топором. Но мы могли и проглядеть...

Мы разом застыли. В коллекции останков произошло пополнение. Только теперь рядом с потемневшими от времени костями белела плоть. Сотня маленьких красных глаз злобно уставилась на нас, и маленькие мохнатые звери нехотя разбежались, прервав трапезу. Ториан шагнул вперед

посмотреть; я повернулся и бросился к лестнице. Ноги были словно ватные, голова шла кругом, сердце рвалось из грудной клетки. Шатаясь, начал я подниматься по ступеням, но несколько раз мне пришлось останавливаться и, прислонясь к стене, пережидать приступ слабости.

В голове все мгновенно прояснилось. Вряд ли я поднялся высоко; скорее всего я находился чуть выше уровня земли, но перемена была ощутимой и очень своевременной. Уж не сдала ли Майана, подумал я, подвал своего храма в аренду какому-нибудь богу с дурным характером, который терпеть не мог гостей? Я сел на ступени и отдышался в ожидании моего спутника. Я видел, как его фонарь показался в углу и начал подниматься, и вот он уже подошел ко мне с фонарем в одной руке и топориком в другой, отбрасывая за собой исполинскую тень на потолок. Он остановился не доходя одной ступеньки до меня, но садиться не стал. Он так и стоял, глядя на меня сверху вниз и жадно глотая свежий воздух.

— Кто-то знакомый? — спросил я с надеждой, думая о Фотии.

— Нет.

— Скажи. Я не буду визжать.

— Женщина. Почти девочка. Ничего особенного. Не из благородных, не жрица: у нее руки в мозолях.

— Ясно. Как она умерла?

— Страшно, — тихо ответил Ториан. — В основном кулаки. Но в конце концов ее задушили. Он делает так, когда его оттаскивают. Кому бы ты ни рассказывал потом об этом, Меняла Историй, не забудь об этой девочке.

— Обещаю.

— Она здесь совсем недавно.

— Да, конечно.

— А теперь придется убрать свет. И пусти-ка ты меня идти первым, Коротышка.

Я не стал спорить.

Подъем на вершину занадонского зиккурата долог и крут. Сравнивая потом наши воспоминания, мы сошлись на том,

что он не прерывается ни площадками, ни поворотами, и если лестница и виляет немного из стороны в сторону, то слишком незначительно, чтобы обращать на это внимание. Если бы мы продолжали освещать себе путь, нас можно было бы видеть сверху. Однако у нас был с собой тлеющий трут, и в мои обязанности входило держать его в кожаном мешке — так мы в любую минуту могли зажечь фонарь. Как многие другие хорошие изобретения, трут не всегда ведет себя так, как от него ожидалось.

Я не могу даже приблизительно сказать, сколько мы поднимались вот так — казалось, за это время можно сжать поле пшеницы перочинным ножиком. Ступени были разной высоты, и нет ничего более раздражающего, чем подъем по неровной лестнице, даже при свете, — разве что спуск. В темноте же подобное занятие превращается в пытку. Что еще хуже, Ториан спешил. Наша тактическая позиция была уязвимой, и он твердо был убежден в том, что скорость — одно из главных преимуществ в военном деле. Я не хилjak и готов поспорить, что не уступлю ему в ходьбе, но тут начал отставать. Сначала я оступался, обдирая руки и колени, наталкивался на него сзади и бормотал проклятия. Потом он оторвался от меня, и я перестал наталкиваться на него.

В конце концов, когда я отказался от надежды догнать Ториана и просто плелся в одиночестве, я услышал сквозь собственное дыхание и грохот сердцебиения какие-то странные звуки. Они раздражали меня, ибо я никак не мог понять их происхождения. Потом я услышал их снова и решил, что это храм сотрясается на своем основании.

На третий раз звук оказался громче, и я понял, что это голос Зоматпа. Должно быть, молния ударила ближе, так как я на мгновение увидел своего спутника далеко впереди и выше. Гроза бушевала почти над нами.

Я подумал об этом немного, не отвлекаясь от борьбы со ступенями. Сильные грозы пугают; это не может не произвести впечатления на толпу. Если ливень сильный, он прогонит зрителей с площади — но жрецы могут укрыться в кельях. Гром заглушит подозрительные звуки. Зато молнии

могут высветить то, что не стоило бы высвечивать... В целом гроза была ободряющим признаком. Возможно, это Балор посылал своего брата нам на помощь. Зомапп — вестник богов, а не только их оружие.

Потом я снова увидел Ториана, на этот раз ближе. Свет не погас совсем, но остался, слабый и трепещущий. Гром зарокотал еще раз, громче.

Ториан остановился. Я подошел и выглянул у него из-за плеча. Перед нами была потайная комната за молельней, и пламя свечи отчаянно трепетало. Из светового проема в потолке сыпались дождевые капли. Потом все осветилось лиловой вспышкой, чтобы тотчас же снова погрузиться в темноту.

Увиденное продолжало стоять у меня перед глазами, и по мере того, как глаза снова привыкали к слабому свечному свету, я начинал различать детали. За последних три дня в комнате произошли изменения. Теперь она была прибрана и казалась более обжитой. В ней стоял новый стол с хлопьяющей на ветру белой льняной скатертью. Даже глядя снизу, я видел, что на нем стоят серебряные тарелки. Кушетка исчезла, а стулья переместились к столу. Мне показалось, что сундуков стало меньше. Возможно, здесь провел последние три дня Грамиан Фотий, хотя почему-то я в этом сомневался. Скорее уж это напоминало комнату для совещаний, штаб заговора.

Гром ударил над головой и продолжал рокотать, удаляясь.

В забавном мы оказались положении. Враги могли выйти на нас с трех сторон — по лестнице из подземелья, через тайную дверь из молельни или спуститься сверху по другой лестнице, которую мы еще не обследовали.

— Тащи фонарь. — Ториан перешагнул последние ступени, зашел за угол и исчез на второй лестнице.

Роясь в мешке в поисках трута и фонарей, я подошел к столу. Трясущимися от спешки руками я сначала выронил свечу из моего фонаря, потом обжегся о трут — без которого я вполне мог обойтись. Сообразив, я попробовал зажечь фонарь от стоявшей на столе свечи, но тут порыв ветра за-

дул ее. Мне пришлось шарить руками по полу, пытаюсь найти трут. В конце концов мне удалось-таки зажечь фонарь, и комната снова выступила из темноты. Покидав в мешок все свое барахло, я поспешил за Торианом. Дождь усилился.

Эта лестница оказалась более пологой и шла вдоль главного фасада храма. Вскоре я увидел перед собой две ноги — сперва я принял их за два сосновых ствола, — стоящие на верхней ступеньке, но они двинулись в сторону, освобождая место для меня. Остальная часть его тела находилась в верхнем помещении. Я стал рядом с ним, поднял фонарь — и из темноты выступили лица. Я пискнул что-то и чуть не уронил фонарь.

— Ш-шш! — прошептал он.

Это были статуи. Мы оглядывались в большом, высоком помещении, уставленном с одной стороны изваяниями, а с другой — сундуками и какими-то непонятными узлами. Потолка я почти не видел, понял только, что он сводчатый. Стоявший прямо передо мной молодой человек хитро улыбался, и я вспомнил Роша с площади. Правда, нижняя часть тела у этого юноши отсутствовала — вот почему он смотрел сейчас прямо мне в лицо. За ним виднелась однорукая матрона.

Свалка. Жрецы использовали это место, чтобы складывать сюда старье. В самом деле, что делать с поврежденным богом или богиней? Ломать — святотатство. Молиться — богохульство. Все, что остается, — это убрать их с глаз долой. Это было место, где умирают боги.

Медленно одолели мы последние несколько ступеней и оказались в неземном обществе. Направо и налево тянулся узкий проход. Куда идти?

Ториан схватил меня за плечо.

— Кажется, слева мелькнул свет, — шепнул он. — Прикрой фонарь!

Я сунул фонарь в мешок. Стало темно. Я стоял в крошечной тьме, балансируя на верхней ступеньке и отчаянно стараясь не стучать зубами, — мне представлялось, как из-

ваяния, пользуясь тем, что мы их не видим, подкрадываются к нам.

Узкие лучи света прорезали темноту над головой и исчезли. При первом посещении храма мы обнаружили отверстия, скрытые в декоративном карнизе, что шел по периметру верхнего яруса пирамиды. Скорее всего это были узкие трубы, пригодные для вентиляции, но не для того, чтобы пропускать свет. На улице грохотал гром — сюда он проникал сильно приглушенный. Он доносился скорее даже по лестнице снизу. Все же воздух здесь был свежий, и я даже ощущал его движение.

Я решил, что в случае появления когорты разъяренных жрецов я спрячусь в толпе статуй и буду загадочно улыбаться. Возможно, даже отломаю одну руку для убедительности.

Теперь и я различал слабый свет слева. Где же Грамиан Фотий? Может быть, над моей головой, в Обители Богини, возносится к славе над рыдающей Шалиаль Тарпит?

Он может быть и слева от меня, там, откуда пробивается свет, наряжаясь с помощью дюжины жрецов в доспехи Балора. Впрочем, с учетом того, что ему предстоит таскать эту броню на себе весь предстоящий день, я бы на его месте не спешил облачаться в нее задолго до рассвета. Да и для общения с красивой женщиной я выбрал бы что-нибудь другое.

Он может обедать сейчас внизу, в храме с верховным жрецом Нагьяком и несколькими избранными богатеями, получая заодно в сотый раз наставления, как себя вести и что от него требуется — не в эту ночь, конечно, а в предстоящие дни.

Снова ударила молния, две вспышки одна за другой, и мне показалось, что я вижу в углу Ториана. Гораздо вероятнее, я видел призрака.

Я заставил себя заняться географией. Я должен находиться почти под верхними ступенями главной лестницы, перед Обителью Богини. Не надо быть гением, чтобы догадаться, что помещение в плане имеет форму квадрата. Обитель Богини должна поддерживаться массивным столбом посередине пирамиды, значит, этот коридор обходит его по

периметру. Помещения на всех остальных этажах лепятся к пирамиде с трех сторон, поскольку главный фасад остается монолитным, но этот потайной этаж освещается не сверху, так что может занимать всю площадь уступа пирамиды.

И если он весь захламлен так, как та его малая часть, что я видел, здесь есть где спрятаться, если вдруг нагрянут жрецы.

Свет погас.

Я проверил, не погас ли фонарь в мешке, чуть приоткрыл горловину, чтобы пропустить внутрь больше воздуха, потом снова прикрыл его. Свет ослепил меня, и некоторое время я не видел ничего.

Мне захотелось чихнуть.

Мне отчаянно захотелось чихнуть.

Я тер нос до тех пор, пока он не заболел.

Молния. Гром. Я никогда еще не встречал человека ростом с Ториана, способного передвигаться так бесшумно. Впрочем, тишина сама по себе уже была хорошей новостью. Если бы он напоролся на кого-нибудь, я услышал бы это.

Мои ноги еще не отошли от долгого подъема, а теперь еще и затекли со всеми вытекающими последствиями. Я пошевелил пальцами. Мне снова захотелось чихнуть.

Потом я увидел свет справа от меня — дрожащий, приближающийся. Я знал, что это может быть только Ториан, завершающий обход по кругу, но мое сердце колотилось громче, чем Зоматт, пока он наконец не появился у лестницы. Его лицо освещала свеча, которую он прикрывал свободной рукой. Топорик он нес, зажав под мышкой.

Он осторожно пробрался между богами, подошел ко мне, и зубы его блеснули в улыбке.

— Никого, — прошелтал он.

— Ты уверен? — Меня трясло от облегчения.

— Не думаю, чтобы у этого борова хватило ума прятаться. — Улыбка исчезла. — Конечно, он может быть еще наверху.

— Туда можно попасть отсюда?

— Да. Что-то вроде люка, разумеется. Тот, кто проектировал это сооружение, похоже, увлекался люками в полу. Давай сюда свет.

Он поставил серебряный подсвечник на сундук, и я достал фонарь.

— Это безопасно? — спросил я.

— Скоро будет. — Ториан нагнулся и взялся за крышку люка — она была сделана из крепкого дерева, окованного металлом, и покрыта таким слоем пыли, что было совершенно ясно: ее не закрывали уже много лет. Петли скрипнули, и он подождал.

— Именем Балора, что ты такое делаешь? — удивился я.

— Жду грома. Ага!

Лучи света снова ударили в потолок.

— Ториан! Если ты закроешь ее, ты отрежешь нам пути к отступлению!

Он начал говорить, но раскат грома заглушил его слова. Скрип петель показался мне громче, но, разумеется, с двух шагов его никто бы уже не услышал. Люк хлопнулся, подняв облако пыли, потрескивающей у свечи.

Он довольно усмехнулся.

— Перережу путь преследователям, ты хотел сказать. Ладно... Ух ты! Помоги лучше. — Он пытался подвинуть ближний сундук.

— Нет! — сказал я. Нам не было нужды таиться, но я продолжал говорить шепотом. — Ты с ума сошел!

Но я знал, как именно он сошел с ума. Я давно уже догадывался, что он вынашивает собственные планы. Я просто не хотел признаваться в этом себе. Теперь я столкнулся с этим в открытую.

— Как по-твоему, что они здесь... — Ториан поднял крышку сундука и присвистнул. В тусклом свете свечи блеснуло золото. Он оглянулся, за ним я. Всего здесь стояло шесть больших сундуков — из крепкого дуба, окованные металлом. Это была храмовая сокровищница. Ничего удивительного, что они такие тяжелые.

— Давай! — буркнул он и приготовился толкать.

— Но как мы будем выводить отсюда Шалиаль? — огрызнулся я. — Она ведь уже там, в Обители Богини. Мы ведь пришли сюда спасать ее, ты что, забыл?

Он выпрямился. Потом одним шагом стал прямо передо мной. Он грозно посмотрел на меня сверху вниз и постучал по моей груди указательным пальцем.

— Нет, Меняла Историй, не за этим. Я думаю, ты и сам понял уже, зачем я здесь с тобой сегодня. Ты ведь пришел в Занадон увидеть бога. Что ж, вот ты видишь одного перед собой. Я — Балор. Можешь стать на колени.

24. ТРОЕ НАВЕРХУ

— Черта с два! — сказал я.

Но, честно говоря, я не был так уж уверен, что он не бог. То есть я абсолютно не сомневался в том, что он смертный, но с самого начала я подозревал, что боги уготовили ему какую-то роль. Его поместили на моем пути, и даже когда мы разошлись, поспорив, нас очень скоро снова прибило друг к другу.

Я — свидетель. Меня послали в Занадон наблюдать, и в первые же часы моего пребывания в городе мне было показано множество тайн. Без Ториана я никогда бы не смог увидеть этого. Поэтому вполне возможным представлялось, что он как бы назначен моим помощником. Эта мысль нравилась мне больше.

Я все еще надеялся, что Балор действительно явится во всем своем великолепии, чтобы спасти Шалиаль от жалкой смерти на ступенях храма. Я все еще рассчитывал увидеть это своими глазами, и опять-таки без моего дюжего спутника я ни за что бы не попал сюда.

Но если Балор все-таки не явится лично, разве не может случиться так, что он пошлет взамен себя подходящего смертного? Вполне возможно, именно такая истина стоит за древней легендой. Возможно, именно так все и было раньше. Это больше похоже на то, как обыкновенно действуют боги.

Ториан сам предположил это в самый первый вечер, едва успев вырваться на свободу.

А почему бы и нет? Ториан — воин, к тому же здесь его никто не знает. Он умен и решителен. На мой взгляд, из него вышел бы куда лучший полководец, чем из недоумка Фотия — марионетки своего деда. Вполне возможно, именно его послали боги... и если так, то, выходит, помощником получаюсь я.

Он взял меня за горло.

— Теперь я Балор. Я поднимусь к Шалиаль и все ей объясню. Если она видела уже Фотия, она обрадуется замене. Если нет... что ж, она все равно предпочтет меня перспективе ужасной смерти. Я не новичок в общении с женщинами, друг мой Омар. Ты ведь видел, как она смотрела на меня?

Правда, я видел.

— Я буду обращаться к ней с подобающим почтением, — буркнул он. — Я несказанно преклоняюсь перед ее отвагой и скажу ей это.

— Есть еще одна сложность, Ториан, — прохрипел я, с трудом шевеля кадыком.

— Сложностей несть числа, но боги позаботятся об этом. Не ты ли советовал мне доверяться богам? Я так и поступил, и вот что вышло. А теперь ты поможешь мне. Ведь поможешь?

Его рука сжалась. Я с трудом пошевелил головой, что означало кивок, и мне позволено было сделать вдох.

В конце концов я все равно не смог бы остановить его. Люк был уже закрыт, и он не позволил бы мне открыть его. Может, мне удалось бы уговорить его позже. А может, и нет — как знать?

История понесла, закусив удила.

Я пришел Ториану на помощь. Вдвоем мы кое-как передвинули сундук на крышку люка. Потом нашли другой, заполненный только наполовину, и каким-то образом ухитрились поставить его на первый. Мне показалось, я окончательно надорвал себе спину. Но конечно, на долю Ториана пришлось

львиная доля нагрузки. Интересно, как Балор намеревается служить городу, если заработает себе грыжу?

И в довершение всего мы водрузили на верх этого сооружения гранитную статую. Жрецам пришлось бы прорубать дорогу топорами, а на это у них уйдет несколько дней. Отсюда нас беспокоить не будут.

Потирая спину, я взял фонарь и отправился осматривать храмовый чердак. Первая галерея была сплошь завалена скульптурными обломками и прочим старьем. Я удивился, как это пол выдерживает такую тяжесть, и тут же сообразил, что подо мной — сплошная каменная кладка.

Вторая — восточная — галерея оказалась чуть свободнее. По большей части там лежали полуистлевшие одежды — судя по всему, слишком священные, чтобы уничтожить или выбрасывать их. Прогнившие ковры в рулонах. Штабеля столов и стульев, как правило, сломанных. Еще там стояли загадочные шкафы в весьма плачевном состоянии — наверняка их никто не открывал уже несколько столетий. Неописуемая грязь покрывала все это толстым слоем. Я посмотрел наверх и увидел гнезда ласточек, облепившие потолок — их тут было не счесть, — как камешки на берегу. Я поискал взглядом летучих мышей, но не нашел.

Ближе к концу галереи я нашел-таки расчищенное пространство и там — следы недавнего обитания — кушетку с относительно чистым бельем, стол с остатками пищи, пару стульев. Это, решил я, и есть логово Грамиана Фотия. Увидев на столе несколько серебряных подсвечников, заляпанных оплывшим воском, я зажег свечи, чтобы стало посветлее. Все, чего я добился, — так это того, что тьма вокруг только сгустилась.

— Глянь! — сказал Ториан, показывая на кровать и на пол возле нее. — Кровь, и довольно свежая. Здесь она и погибла.

Я поперхнулся. В ответ прогрехотал гром.

Рядом с моей ногой лежал гребень, а чуть дальше — тряпка, которая вполне могла быть набедренной повязкой, ос-

тавленной здесь тем, кто предпочитает хранить одежду на полу.

— И поди сюда, посмотри. — Ториан двинул лучом фонаря дальше, рассекая темноту до тех пор, пока не уперся им в угол, потом поднял фонарь выше, осветив здоровенную скамью, вполне способную послужить обеденным столом отряду солдат. В луче света вспыхивали и переливались золото и бронза — первое подлинное свидетельство задуманной подмены. Вот они — доспехи бога: шлем и нагрудник, кольчуга и наголенники, налокотники и перчатки. Они не походили ни на что, виденное мной до сих пор, но Балора всегда изображают в подобных допотопных доспехах.

Ториан взял меч и взвесил его в руке. Рукоять блеснула самоцветами. Он одобрительно хмыкнул, попробовал кромку клинка пальцем и кивнул. Потом примерил шлем. Тот тоже был отделан серебром, золотом и крупными самоцветами. Шлем подошел ему в самый раз — и он вдруг сделался удивительно похож на Балора. В таком шлеме кто угодно сойдет за бога, напомнил я себе.

— Ты считаешь, он... то есть ты... ты считаешь, что человек сможет устоять во всем этом? — спросил я.

— Я могу стоять в этом! Да что стоять, я мог бы целый день сражаться в этом! Они сделаны просто замечательно! Очень, очень старой работы, но качество великолепное. Я никогда не видел доспехов лучше, даже в полрейнском дворце. Грех переводить такие доспехи на этого недоумка Фотия. — Он с сожалением положил шлем обратно на скамью. — Старую кожаную подкладку, конечно, заменили. Но даже меняли очень давно, и все равно шлем в хорошем состоянии. Нет, в прекрасном.

Скамья была завалена тряпками, и в воздухе пахло маслом. Фотия не держали без дела. Я беспокоюсь вглядывался в окружающую темноту. Слишком уж гладко все шло до сих пор. Где же драма? Где негодяй? Пища и следы недавней деятельности говорили о том, что он ушел совсем недавно — и что он может вернуться с минуты на минуту.

Я надеялся, что он не наверху, не с Шалиаль.

Ториан сделал шаг, и свет его фонаря выхватил из мрака новые чудеса: стопку чистых бумажных одежд, которые не могли лежать среди окружающей их грязи дольше, чем несколько дней, скорее даже часов. Я подошел посмотреть на них поближе и понял, что это рубаша и штаны, которые надевают под броню.

За ними стояла серебряная женщина без головы, на поверку оказавшаяся платьем на деревянном манекене. Она тоже была слишком чистой, чтобы храниться здесь долго. И серебряный же головной убор...

Мы находились уже в северной галерее, и хлама здесь было меньше: в основном вещи полегче, которые просто убрали с пути. Мебель и ящики с пергаментными свитками. Пройдя половину галереи, я оказался у проема с лестницей, уходившей в толщу центрального столба. Я сверился с картой у меня в голове и решил, что лестница должна выходить наверху прямо под Майаной или чуть сбоку от нее. Я приподнял фонарь.

Все потолки в храме находились на высоте в два с лишним роста, и этот альков не был исключением. Ступени уходили к самому потолку, который служил одновременно полом Обители Богини. Как сказал Ториан, там тоже должен быть потайной люк, иначе вся эта конструкция просто теряла смысл. Я поднялся на половину высоты и увидел массивную ручку и два тяжелых бронзовых засова. Судя по блеску металла, их недавно чистили и смазывали.

— Ну! — загрохотал голос за моей спиной, и я подпрыгнул. — Ну, Меняла Историй, не пора ли нам подняться и известить прекрасную Шалиаль о некоторых изменениях в программе?

Я все еще колебался.

— А что с восточной стороны?

— Все то же самое и очень вонючий ночной горшок в придачу. Одним словом, большой свинарник! Идем же! — Ториану явно не терпелось снова встретиться с Шалиаль.

— Ты не хочешь взять с собой меч Балора на случай, если она там уже не одна?

— Люк заперт с этой стороны, Омар. И доспехи Балора тоже здесь. Я не ожидаю увидеть Фотия с той стороны. Это то, что называется стратегическим мышлением.

Раздосадованный тем, что уступил в споре, я поднялся по лестнице. Ториан не отступал от меня ни на шаг. Когда голова моя коснулась камня, я глянул на его размер и безнадежно вздохнул.

— Это нереально! — сказал я. — Джаксиан был прав! Вдвоем его ни за что не поднять.

— Он же поворачивается вокруг оси, тупица! Видишь? Вон упоры в стене. А теперь отодвинь засовы или пусти меня.

Я изогнулся, почти распластавшись на верхней ступени, и дотянулся до засовов. Я потянул первый. Он легко выскользнул из гнезда. Я поменял руку, попробовал второй, и тот не доставил мне больших хлопот. Тогда я уперся плечами в холодную гранитную плиту. Наверное, Ториан тоже поднимал ее вместе со мной, но мне приятнее думать, что я поднял ее сам. Огромная плита была так тяжела, что мне пришлось напрячь все мускулы до последнего, чтобы стронуть ее с места, но дальше она пошла сама. Свет ударил мне в глаза, ослепив на мгновение, и я задохнулся вонью горячей смолы.

Когда камень поднялся приблизительно параллельно лестнице, противовес ударил в упоры, и плита резко остановилась. Казалось, содрогнулся весь храм. Все еще подслеповато щурясь, я высунул голову осмотреть Обитель Богини.

Груда зеленых веток была свалена почти посередине зала в некоторое подобие постели. Груда была недостаточно высокой, чтобы удобно сидеть на ней, но Шалиаль Тарпит все же сидела, опершись на отведенные назад руки, вытянув ноги — одна безупречной формы лодыжка лежала на другой, — и, чуть покраснев, смотрела на меня с удивлением в огромных темных глазах.

— Вы все еще уверены, что не хотите замуж за Дитиана Лия? — вежливо спросил я.

25. ТАМАРИСКОВАЯ РОЩА

Сорок или пятьдесят больших факелов горели, коптя, в нишах в стене, но стоило за дверью блеснуть молнии, как все помещение осветилось лиловым светом с прочерченными черными тенями, и сразу за этим мы, казалось, очутились в темноте.

Гром ударил почти без промедления, достаточно громко для того, чтобы все в голове перемешалось. Гроза была прямо над нами. Чудовищная гроза. Дождь барабанил по золотому куполу. На гранитных плитах перед дверью выросла серебряная трава из брызг. В первый раз с тех пор, как я попал в Пряные Земли, воздух сделался прохладным.

Я выбрался из люка и выпрямился, поправляя повязку, потом пригладил волосы и улыбнулся самой обаятельной из всех моих улыбок. Шалиаль оказала бы подобное воздействие на всякого, у кого растут волосы на груди, или на всякого, кто надеется, что они вырастут, или на всякого, кто помнит, как они у него росли. Следом за мной выбрался на четвереньках Ториан, встал и повторил те же действия в той же последовательности. Он ухитрился добавить к этому взъерошивание бороды, до чего я не додумался.

Как и предсказывал Джаксиан, наряд ее ограничивался платьем, прозрачным как легкий туман. Ее тело просвечивало через него. Ее волосы были убраны кольцами, и на голове ее красовался серебряный полумесяц. Больше ничего. Она казалась — что вполне естественно — продрогшей, но прекрасной, как сама Ашфер.

Глядя на нее, я не мог понять, почему помещение не забито богами.

— Мне кажется, вы пришли не по адресу, господа, — произнесла она спокойно. Похоже, она почему-то не хотела, чтобы ее спасали. Вид у нее был даже сердитый.

ВСПЫШКА!

До этого мгновения я не замечал Майаны, но тут отблеск молнии на серебряной коже выхватил ее из темноты,

словно она сама сделала шаг вперед. Богиня Страсти царила в большом зале. Она казалась богиней огня и света, звездным небом, отлитым в форму женщины. Это было, конечно, очень даже красиво, и все же я не ощущал присутствия богини. Взгляд мой вернулся к прекрасной Шалиаль.

БА-БАХ!

Отсветы факелов плясали на стенах — ветер играл языками пламени. Часть факелов уже прогорела и дымила, распространяя острую смоляную вонь, от которой слезились глаза. Дверь была занавешена серебряной завесой воды.

ВСПЫШКА!

Обычно молния освещает весь мир, и все же я ничего не увидел снаружи. Только дождь. Дождь и ничего, кроме дождя.

— Вы должны помнить меня. Я — Омар. Мой друг откликается на имя Ториан. Мы пришли, чтобы спасти вас.

Шалиаль недоверчиво приподняла бровь:

— А что, если я не хочу, чтобы меня спасали?

— Он говорит неправду, — буркнул Ториан. Он пересек зал и опустился перед ней на колени. Она посмотрела на него с открытой неприязнью, что он перенес со своей обычной невозмутимостью. — Я пришел вовсе не спасать тебя, госпожа. Я пришел помочь Занадону в час нужды. Я — Балор.

Шалиаль прикусила губу.

— Правда? Но твое лицо все избито, на теле шрамы от меча, и когда ты залезал сюда, мне показалось, на спине у тебя следы от плети. — **ВСПЫШКА!** — Возможно ли, чтобы бог войны проиграл сражение? Кто может победить его? Или это другие боги преследуют тебя, господин? — **БАБАХ!**

Именно это пытался я объяснить Ториану — как может столь изуродованный человек даже надеяться выдать себя за бога?

Он пожал плечами:

— Шлем скроет лицо. Возможно, когда я буду отдавать приказы, кто-нибудь и заметит отсутствие одного-двух зубов, но мне кажется, это только добавит суровости моему лицу — взрослые мужчины будут рыдать от моей улыбки. А что до шрамов на теле — их не будет видно под доспехами.

Ты будешь знать о них, но никто больше. Для народа я буду богом. Для вас — человеком.

Она с трудом уняла дрожь.

— Это правда, сегодня ночью я ожидаю в гости бога, но я не уверена, что ты подходишь под его описание. Или, может, у тебя с собой верительные грамоты?

— Я призываю в свидетели погоду. Разве это не подходящая обстановка для сватовства бога?

БАХ! — громыхнул гром. Длинные желтые языки пламени факелов дернулись, и я чуть не закашлялся от их удушливого дыма. Дождь безжалостно хлестал по крыше. Ничего не скажешь, романтично...

Шалиаль с трудом перекикивала шум грозы:

— Возможно, это и так, но если это намек на нашу дальнейшую совместную жизнь, соседи могут пожаловаться на шум.

Она повернула голову ко мне со спокойствием, почти невероятным для столь юной девушки в ее отчаянном положении. Она не могла не знать о том, что случилось со Скикалм и Белджис; я мог только предполагать, что она причастна уже к заговору — но согласилась ли она на Фотия? Видела ли она его хоть раз?

Я отошел на несколько шагов и уселся, скрестив ноги, посмотреть на сватовство Ториана. При первом посещении храма этот высокий зал показался мне мирным пристанищем, но теперь ослепительные вспышки и сотрясающие все удары грома не давали покоя и здесь. Он и сейчас казался фактически пустым — кроме нас троих, открытого люка и охапки ветвей на полу, никого и ничего больше не было. Мне начинало казаться, что я уже не влияю на ход событий, став чем-то вроде детали обстановки. Но Шалиаль так не считала. Она улыбалась мне.

— Мне кажется, у Омара для этого лучшие данные. По крайней мере я имею абсолютно достоверные — его собственные — свидетельства того, что он сын святого Роша.

Мое сердце отчаянно забилося. Я даже не думал никогда о такой возможности, но ведь и правда я мог бы сыграть роль Балора куда убедительнее, чем Грамиан Фотий. Верно, я не

воин. Верно, мне далеко до Фотия или Ториана, и все же моя фигура не лишена мужественности, и к тому же у меня богатый опыт сценического перевоплощения. В свое время кем я только не был — гончаром, портным, солдатом, моряком, землевладельцем, нищим, попрошайкой, политиком... — список так велик, что я и сам уже позабыл половину.

Но богом я еще не был никогда.

Шалиаль повернулась обратно к Ториану — тот нахмурился.

— Наполовину бог лучше, чем никакой, господин. И к тому же тело его в отличие от твоего не носит следов ранений. Ну, например, я полагаю, что все зубы его на месте.

Ториан бросил на меня взгляд, не обещавший ничего хорошего. Брачный сезон в разгаре. Он положил на нее глаз с первой же минуты, когда увидел ее в доме ее отца.

— Одень его в доспехи Балора, и он исчезнет. Да он просто рухнет в них! Шлем сползет ему до плеч!

— Вот и хорошо! Тогда никто уж точно не увидит его лица!

— Ты очень храбра, Шалиаль, — сказал Ториан. — Храбрость — первое, что нужно мужчине. Но и женщину она украшает наилучшим образом.

Она чуть вздрогнула, но все же продолжала хранить каменное спокойствие.

— Я не поверила тебе в тот раз, господин мой. Я признаю это и прошу за это прощения. Но сегодня его святешество объяснил мне все, и мой отец был при этом, и подтвердил все.

— Что именно они тебе объяснили?

— Что много веков миновало с тех пор, как Балора Бесмертного призывали в последний раз, и что в наши жалкие времена он может и не ответить на наш зов. Ему дали три шанса. Если он не явится до зари, придется пойти на подмену. Опасность, грозящая городу, велика, и армии нужен вождь. Так вот, вопрос в том, ты ли заменишь бога?

— Я гораздо лучше того человека, которого выбрали они.

— Гм? Ты простишь мне сомнения в том, что твое предложение совершенно лишено корысти?

МОЛНИЯ! ГРОМ!

Ториан улыбнулся ей, но, возможно, это было его ошибкой, поскольку показало ей сломанные и отсутствующие зубы. Не поднимаясь с колен, он заговорил, перекрикивая грозу:

— Позволь, госпожа моя, я расскажу тебе о себе. Мое подлинное имя не Ториан, но я действительно воин из благородного рода. Мой отец — двоюродный брат царя Полрейна. Я пятнадцатый в списке претендентов на трон, хотя теперь это мало что значит. Моя семья владеет обширными землями, хотя теперь это значит еще меньше. Мне двадцать четыре года, и я не женат. Мое имя становилось известным за пределами моего клана, но это тоже не значит почти ничего.

Я был ранен под Гизатом, где пал от рук форканцев цвет нашей армии. Мои отец и братья были в числе павших, и они пируют сейчас с храбрейшими из храбрых в чертогах Штах. Клянусь, я не посрамил в бою имена тех, кого избрал образцами для подражания, но не пристало воину хвастаться своими успехами. Там получил я рану, которую ты видишь. Много дней провел я на краю смерти. Тотчас же, как я окреп настолько, чтобы держаться в седле, отправился я в путь, чтобы продолжить борьбу против захватчиков. Мне удалось догнать и обогнать их, и так я оказался в Занадоне, ибо давно уже понял, что здесь предстоит решающая битва. Я направил коня к первому же отряду солдат, чтобы предложить свои услуги городу. Меня обезоружили, раздели и погнали в рабство.

Шалиаль подобрала ноги и крепко обхватила себя руками. Возможно, она просто озябла. Возможно, ей становилось страшно. Но она не сводила взгляда с Ториана. Я вздохнул про себя, прощаясь с безумной надеждой стать богом.

ВСПЫШКА!

Майана, казалось, пошевелилась.

БА-БАХ!

— Шалиаль Тарпит, — продолжал Ториан, — ты, несомненно, прекраснейшая из всех, которых доводилось мне встречать. Прими мою любовь, и счастье твое будет значить для меня больше, чем моя собственная жизнь, мое здоровье, мое богатство и все, что дорого мне. Я клянусь тебе в этом моим подлинным именем, моей честью и именами моих образцов. Прими меня как Балора, которого ты ждешь, — и я буду служить твоему городу во славу тебе. Я буду мстить форканцам за братьев и моих друзей по имени. Я знаю военное дело и нашего врага, как никто другой в Занадоне. Я могу повести вашу армию к победе — в этом я не сомневаюсь. И когда мы победим, я возьму тебя с собой на мою родину и соединюсь с тобой в браке. Ты будешь править нашими землями бок о бок со мной, почитаемая народом, как моя госпожа и единственная любовь. С тобой мне не нужно будет никого другого — в этом я тоже готов поклясться.

Речь прозвучала впечатляюще, и она была тронута. Румянец загорелся на ее щеках, и она потупила взор. Но она была храбрая женщина, и ответ ее тоже был смелым.

— Господин, ты оказываешь мне большую честь, и я верю всему, что ты сказал. Предложи ты мне это три ночи назад, я могла бы принять тебя, каким бы безумием это ни показалось — ведь мы почти незнакомы с тобой. Но ты забыл, что теперь я посвящена богине, покровительнице этого города. Я верховная жрица Майаны и не могу больше сочетаться браком ни с кем, каким бы благородным он ни был или как чисто ни было бы его сердце. — Она сморгнула слезинку. — Прости меня, господин. Ты пришел слишком поздно. Тому, что ты предлагаешь, не бывать.

— А что этот поддельный Балор, которого тебе обещали?

Она удивленно подняла взгляд.

— При чем здесь он? Я верю в бога, господин мой! Я жду подлинного Балора, жду всем сердцем, надеясь на его любовь к родному городу. Если он явится, тогда, разумеется, как жрица я должна отдаться богу. Но если и я покажусь ему недостойной, тогда мне придется исполнить свой долг перед городом. Я расскажу тебе, как это будет. До зари святой

Нагьяк и мой отец приведут с собой человека, который сыграет роль бога для черни. Ты сказал, что его зовут Фотий, но я не уточняла. Они заверили меня в том, что он вполне подходящий кандидат, благородный воин, и я приняла их выбор. Что еще могу я сделать ради своего народа? Я буду стоять на верху лестницы, когда они восславят его. Какое это имеет отношение к браку, господин?

В самом деле, какое?

БАХ! ТАРАРАХ!

Эхо, перекатываясь, унеслось вдаль.

Ториан открыл рот и закрыл его. Он бросил быстрый взгляд на меня и снова устался на свои колени.

Мы ошибались! Нас ввела в заблуждение легенда про жрицу и бога. Нас сбило с толку то, что Ториан знал об этом Фотии и его убийственных наклонностях. Но все это пустяки, и хитрый Нагьяк понял это, а мы нет. Не будет никакого священного совокупления и тем более изнасилования. Во всем этом не будет никаких чувств, только голая политика. Шалиаль — верховная жрица. Фотий — простой, никому не известный вояка — изобразит Балора во главе войска. Секс здесь вовсе ни при чем.

Мы недооценили Бедиана Тарпита. Если даже его сынку-молокососу была известна репутация Грамиана, то уж ему тем более. Если он доверил этому ублюдку свою единственную дочь, ему уж наверняка дали гарантии того, что с ней ничего не случится. Чего бы там ни ожидал сам Фотий — а одним богам известно, чего ему наобещали, — его будут использовать как марионетку, лишив мяса и снабжая только безродными наложницами. Шалиаль будет править как верховная жрица. Они будут появляться вместе публично и держаться порознь все остальное время. Исключительно голая политика без всякого намека на чувства.

Мы ужасно заблуждались.

Шалиаль казалась удивленной внезапным молчанием ее поклонника.

— Они придут до зари, господин мой. Если ты не тот человек, которого они должны привести, мне кажется, вам

лучше уходить отсюда, и побыстрее. В конце концов я ожидаю здесь бога, а боги, как известно, ужасно застенчивы. Ваше присутствие может отпугнуть его. Я благодарна тебе за твои слова. Ступай же, Святая Матерь благословляет тебя.

Ее выдержка потрясала. Каков каприз богов: дать столько отваги дочери и так мало сыну!

— Я не могу уйти! — буркнул Ториан. — Мы загородили проход, по которому попали сюда. Жрецы наверняка уже обнаружили это, так что его больше не открыть. Я или Балор рядом с тобой, госпожа, или все равно что мертвец.

Я задумчиво посмотрел на потоки воды, стекающие перед дверью. Гроза бушевала, не ослабевая, и огонь факелов бешено метался в нишах. Некоторые уже погасли. Никто из стоящих на площади не заметит в такой ливень двух мужчин, выскользнувших из Обителя Богини. Буря вряд ли продлится долго, но у нас еще есть время выйти через эту дверь. С божьей помощью мы сможем спуститься на предыдущий уровень, залезть через проем в крыше в тайную комнатку за моленной и спуститься в подвал по длинной лестнице. Когда Нагьяк выйдет из спальни по своим дневным делам, мы сможем бежать. Только надо спешить, пока гроза не стихла.

Шалиаль побледнела.

— Ты отказываешься уйти?

— Я не могу уйти! — рявкнул Ториан. — Более того, фальшивый Балор, которого ты ждешь, не может прийти по той же самой причине. Когда наступит утро, рядом с тобой буду я — или никого. И в этом случае жрецам придется завершить ритуал, и ты последуешь за Скикалм и Белджис.

Он говорил правду! Наша ошибка обрекла ее на участь еще более горькую, чем мы опасались.

Она вспыхнула от негодования.

— Ах ты несносный, безмозглый бык! Я жду здесь бога, а вместо этого получаю двух шутов гороховых откуда-то из глубинки. Забирай своего костлявого безбородого дружка, уползай в свою берлогу и оставь меня в покое!

БАБАХ!

— Но, госпожа! Сначала ты отвергаешь мое...

Шалиаль рассвирепела окончательно.

— Я жрица! То, что ты предлагаешь, — святотатство!

— Но ты не можешь отказать мне в возможности отомстить за мою семью, госпожа! Признай меня как Балора, и клянусь...

— Ты слишком во многом клянешься! Мужчина, который должен стоять рядом со мной, избран городскими предводителями. Если бы им был нужен беглый раб вроде тебя, они без труда нашли бы тысячу таких, стоит выйти за городские ворота. Ты предлагаешь мне отдать Занадон в руки бродячего искателя приключений по его собственной просьбе? Уйди, говорю тебе! И не забудь закрыть за собой дверь!

Знатные, сильные молодые люди, пятнадцатые по счету в списке претендентов на трон, редко обладают опытом принимать отказ. Ториан совершенно потерялся, бессильно метаясь от гнева к смутению и обратно — словно собака меж двух кошек.

— Тогда тебя предадут смерти, женщина!

— Что ж, пусть так! — Шалиаль на редкость быстро приобретала капризные манеры верховной жрицы.

— Гм? — осторожно прокашлялся я. Она с опаской покосилась на меня, а за ней и Ториан.

— Складывается впечатление, — сказал я, — что бог не придет, а человек прийти не сможет. Разве не может случиться такое, что сможет прийти кто-то еще, кто-то, стоящий между человеком и богом?

Ториан испустил рык разъяренного льва.

— Если это начало очередной твоей проклятой байки...

— Разумеется, начало.

— Она короткая? — поинтересовалась Шалиаль.

— Очень короткая, госпожа.

— Тогда можешь рассказать. А потом уходите оба. — Как бы сожалев о короткой вспышке, она приготовилась слушать, игнорируя кипящего от ярости человека у ее ног.

— Давным-давно, — начал я, — когда история не то что делала первые шаги, но и ползала-то с трудом, когда боги порой сходили еще прогуляться по земле, когда Занадон был

всего-навсего жалкой деревушкой на горе — так вот, тогда не было еще никакого храма, а была только роща тамариска, посвященная Майане. В те давние дни случилось так, что к деревне подступил отряд врагов. Всего оружия у них было — каменные топоры да палицы, и передвигались они пешком, ибо не было у них пони, и все же они были опасны, и жители деревни были сильно напуганы.

— Ну и что? — ворчливо спросила Шалиаль.

— Среди деревенских воинов разгорелся спор о том, кому вести молодежь на врага. И пока они спорили так, враг подступал все ближе, и все же ничего нельзя было сделать до тех пор, пока не выберут такого вождя, чтобы его приняли все остальные. Таковы уж они всегда, эти воины, — их гордость мешает им подчиняться чужой воле. Они выбирают своих собственных вождей и подчиняются только им. Так было во все времена.

— Ну и что? — пробормотала она снова, искоса глянув на Ториана.

— И тогда главный деревенский жрец придумал план. Он объявил, что призовет бога, чтобы тот возглавил молодых воинов, и все согласились подчиниться богу. Получив одобрение, жрец объявил, что главная жрица должна остаться на ночь в священной роще, чтобы бог, привлеченный ее красотой, явился совокупиться с ней. И когда он возляжет с ней, она уговорит его принять командование и разбить врага, и он согласится, ибо кто может отказать в скромной просьбе в такую счастливую минуту? Нет такого мужчины, и бога тоже нет. Так вот, главная жрица в сильном волнении отправилась в рощу на закате и принялась ждать там бога. Жители этой деревни были просты и грубы, но вовсе не глупы. Они увидели возможность подлога. Во избежание домыслов жрец поставил сторожей, дабы те не пускали никого в рощу от заката до рассвета, угрожая ослушникам наказанием или даже смертью.

Глаза Ториана сияли.

— Увы, — продолжал я. — Когда настало утро, никакого бога не было видно. Поэтому жрец объявил главную жрицу

недостойной, и ее тотчас же предали смерти. Деревня, посочинившись, выбрала новую главную жрицу, и следующей ночью она тоже осталась в роще в ожидании бога.

— И долго это еще будет продолжаться? — холодно спросила Шалиаль.

— Вот именно этот вопрос начали задавать жители деревни. И в конце концов жрицей была избрана дева, у которой был возлюбленный, храбрый и умелый воин. Он очень не хотел увидеть, как его любимую обезглавят при первых лучах восхода — впрочем, равно как и в другое время суток. Чтобы спасти ее, он готов был даже рискнуть собственной жизнью, как и положено настоящему верному влюбленному. И с наступлением темноты прокрался он мимо сторожей в священную рощу и там соединился со своей любимой.

БА-БАХ!

— А она узнала его в темноте? — печально спросила Шалиаль.

— Как знать? Какая разница? Утром его провозгласили богом, и он повел остальных молодых воинов на битву.

— Они победили?

— Конечно, победили! — взревел Ториан. Он взял ее за руку и принялся растирать ее, словно она замерзла. — Их вел отважный и ловкий человек, который доказал это уже тем, что рискнул жизнью ради любви. Что еще нужно войску?

Она не отняла руки. Она посмотрела на меня и нахмурилась.

— Объясни свою байку, господин. Кто стоит между человеком и богом?

Я не успел открыть рот.

— Герой, — ответил за меня Ториан. — Человек, доказавший свой ум, свою отвагу... и свою любовь. Вот зачем ты здесь, госпожа, — призвать героя из Занадона. Не настоящего бога. Не фальшивку, выбранную жрецами. Настоящего героя, выбранного им одним, — только так и получают настоящие герои.

Шалиаль, не глядя на него, смахнула со щеки слезу.

— История, рассказанная твоим другом, тронула меня. Она многое объясняет.

— О, Шалиаль, позволь мне быть твоим героем!
МОЛНИЯ!

— Он не сказал только про поединок с драконом, — сказал Грамиан Фотий, появляясь из люка.

БА-БАХ!

26. ЧЕТВЕРО НАВЕРХУ

Он распрямился, и мы увидели у него в руке большой меч Балора. На нем были сапоги и шлем Балора, и ничего больше. Он был огромен.

Шалиаль завизжала. Я вскочил на ноги, но Ториан оказался проворнее. Я даже не успел заметить, когда он успел вскочить. Казалось, он перелетел через охапку тамариска, и не прошло и секунды, как он стоял уже у стены, схватив факел.

Пожалуй, мне стоит подробнее описать эти факелы для тех, кому ни разу не доводилось бывать в Пряных Землях или других краях с битумными озерами. Когда Ториан повернулся, чтобы отбить нападение своего противника, в руках его был бронзовый шест длиннее и тяжелее, чем меч. Верхний конец такого факела полый, и его набивают паклей, пропитанной жидкой смолой. Такая пакля при горении дает яркий свет, поэтому эти факелы часто используют для уличного освещения. Одним из их преимуществ является то, что ветер, задувающий обычные светильники, лишь заставляет их гореть еще ярче. Правда, из-за тяжелого, вонючего дыма их почти не используют в помещениях.

Часто на нижнем конце бронзового стержня делают деревянные ручки, ибо, несмотря на длину, металл сильно разогревается. Факел, что держал в руке Ториан, не был рассчитан на переноску. Он был отлит из бронзы, украшен серебром и золотом, но наверняка обжигал ему руки.

Таково было буйство стихии этой ночью, что даже в Обители Богини половина факелов погасла, в то время как остальные горели особенно ярко. Верхний конец Торианова факела раскалился докрасна, и остатки смолы в нем кипели. В общем, для человека, у которого не хватило ума надеть доспехи, бывшие под рукой, факел представлял значительную угрозу.

И все же факел — не меч. У него не было ни острия, ни эфеса, чтобы защищать пальцы. Оба бойца были примерно одних лет, одного роста и равной силы, но шансы Фотия казались предпочтительнее. Его меч с лязгом ударил в стену в том месте, где только что стоял Ториан, и тут же парировал первый выпад факела. Потом они отступили на пару мгновений, оценивая друг друга.

У меня было две возможности: я мог попытаться достать еще один факел и присоединиться к схватке или утешать Шалиаль. Я предпочел утешать Шалиаль. Вы можете счесть это трусостью. Однако в ту минуту мне так не казалось, поскольку победа Фотия угрожала и мне. В моих интересах было ввязаться в поединок. Но я ведь находился там как наблюдатель, не забывайте, а наблюдателю положено оставаться нейтральным. И потом, я помнил желание Ториана лично расквитаться с жестоким ублюдком, и я знал, что он вряд ли одобрит мое вмешательство. Я не слишком беспокоился, ибо хранил веру в богов. Пусть только шансы будут если не равными, то хотя бы близкими к равным, говорил Ториан, и он с радостью примет бой. Ну что ж, его мечта сбылась.

Фотий захохотал и взмахнул мечом, пытаясь отсечь своему противнику руку. Ториан отбил удар факелом, повернув его вертикально. Пламя змеей извивалось над их головами. Фотий сделал выпад, целя в живот. Ториан отскочил в сторону и снова парировал удар.

За время этого первого обмена ударами я успел поставить Шалиаль на ноги, успокаивающе обнял ее за плечи и отвел к стене, чтобы смотреть оттуда. Она дрожала и при-

жималась ко мне, так что моя роль наблюдателя была не лишена некоторой приятности.

Возможно, у меня до сих пор складывалось превратное впечатление о Грамиане Фотии, ибо складывалось оно на основании реплик Ториана. Конечно, он был глуп и примитивен. И все же он отличался животными ловкостью и чутьем и быстро показал, что противник он опасный, и даже очень. Должен заметить, не так уж просто признавать какие-то достоинства в отрицательном персонаже.

Я до сих пор не знаю, каким образом ему удалось разминуться с нами в потайном этаже. Поймите, я рассказываю только правду и ничего, кроме правды, так что не могу утверждать наверняка ничего, чего не видел своими глазами. Конечно, для некоторой завершенности рассказа можно попробовать представить себе то, что происходило. Однако вы понимаете, это всего лишь догадки.

Вчерашний день выдался исключительно жарким и душным. Возможно, ему пришлось слушать наставления жрецов или чистить доспехи, а может, он просто утомился от занятий любовью, если это можно так назвать. Скорее всего, мне кажется, он прилег соснуть на свою кушетку. Должно быть, его разбудило пение, когда Шалиаль провожали в Обитель Богини. Увидев, что уже стемнело, он зажег свечу — ту, которая горела, когда появились мы с Торианом.

Я полагаю — и опять-таки это всего лишь мои предположения, — что он сунул ноги в сапоги и пошел прогуляться, не потрудившись захватить свечу, и в таком случае наиболее вероятной целью его прогулки был горшок, который нашел Ториан. Вернувшись же оттуда, он увидел постороннего.

Я уже говорил, что у него было звериное чутье. Он не мог знать, кто это или скольких спутников он привел с собой, и все же даже Фотий не спутал бы Ториана со жрецом. На этом захламленном этаже можно найти тысячу мест, где укрыться даже такому верзиле. Поэтому он скорее всего спрятался и наблюдал за нашими действиями. Вполне вероятно, как только мы поднялись, он поспешил к выходу, намереваясь известить жрецов о посторонних в храме. Однако выход ока-

зался наглухо завален. Поэтому он взял меч и шлем и полез наверх послушать, что там творится. Так, во всяком случае, мне кажется.

ТРАХ! БАБАХ!

Бой продолжался, однако противники больше перемещались, чем наносили удары. Гроза старалась превзойти самое себя. Ветер завывал в зале, раздувая прозрачное одеяние Шалиаль, начиная даже раскидывать тамарисковые ветви по полу. Майана безразлично взидала на поединок двух силачей у ее ног. Трепещущие языки пламени лизали стены, и все больше факелов гасло. Молнии вспыхивали одна за другой почти без перерыва. Ночь выдалась безумной.

И все же Ториану удавалось удерживать горящий факел, используя его как палицу. До Фотия дошло, что он сражается не с новичком, и он начал действовать осторожнее, не приближаясь к сопернику, но угрожая ему кончиком меча. И наконец Ториан увидел просвет, отбил клинок и нанес молниеносный удар, целя в глаза.

На Фотии был шлем с защищающей нос пластиной и нащечниками, но остальная часть осталась незащищенной. Он не особенно беспокоился за свое лицо, но от удара Ториана у него загорелась борода, и кипящая смола выплеснулась ему на грудь. Факел зашипел и погас. Через несколько секунд горящая борода тоже погасла, но расплавленная смола, как известно, ужасно горяча и к тому же липуча. Я до сих пор не пойму, почему он не ослеп. Я знаю, что он получил ужасные ожоги. По всем правилам бой должен был бы на этом и закончиться.

Долгий, раскатистый удар грома заглушил его истошные вопли, иначе толпа на площади и под колоннадой услышала бы их. Да что там, их могли бы услышать и в Полрейне. Шалиаль и я разом вздрогнули.

Бою полагалось бы уже закончиться. Достигни один из последующих ударов Ториана цели, так бы и случилось. Но этого не произошло. Мне претит сама мысль восхищаться садистом-убийцей вроде Грамиана Фотия, но и не отметить его храбрость я тоже не имею права. Усилием воли, равного

которому я еще не видел, он, несмотря на чудовищную боль, сохранил самообладание. И не прошло и секунды, как он устремился в ответную атаку.

Обезумев от боли, он ураганом обрушился на Ториана. Он кричал без устали, заглушая даже раскаты грома, и крутил тяжелый двуручный меч, как легкую прогулочную тросточку.

Факел погас, и в нем не осталось смолы, но конец его оставался раскаленным. Ториан оборонялся, оставляя на теле противника большие багровые круги. Он обрушивал факел на шлем врага с силой, на мой взгляд достаточной, чтобы сокрушить череп любому нормальному человеку. С таким же успехом он мог бы сражаться мухобойкой, ибо ничто не могло остановить капрала. При всей ловкости и умении Ториану приходилось пятиться под натиском этого бронзового урагана.

Нам с Шалиаль оставалось только со страхом смотреть на битву. До меня дошло, что лучше мне забыть свои предубеждения и принять в событиях более активное участие, ибо потом может быть уже поздно.

— Прошу меня простить, — вежливо пробормотал я, не без сожаления снимая руку с ее плеча. — Осторожно, сзади! — крикнул я, увидев, как быстро Ториан отступает к центру зала. Удар грома заглушил мои слова, и поединок закончился. Ториан исчез, оставив поле боя за Фотием.

Пятясь, Ториан не заметил отверстия в полу и наступил в него — не со стороны лестницы, но со стороны противовеса, что было еще хуже. Он упал на стоявшую наклонно плиту, скатился по ней и исчез в темноте, сопровождаемый раскатами грома.

Спустя долгую секунду мы услышали, как факел его лязгнул о каменный пол. Скорее всего Ториан сломал ноги или даже спину — во всяком случае, из боя он выбыл.

Продолжая размахивать мечом, Фотий некоторое время озадаченно смотрел на зияющее отверстие. Потом торжествующе взвыл, воздев меч над головой. Грудь его была в не-

которых местах прожжена до костей, и мне не хотелось думать, что творится под шлемом.

Я взял Шалиаль за руку.

— Мне кажется, нам лучше бежать, дорогая, — сказал я, оценивая расстояние до двери. Фотий посмотрел на меня, и мне показалось, что он смеется.

Он двинулся в нашу сторону.

— Беги! — крикнул я, подтолкнув Шалиаль, и бросился к ближайшему факелу.

Порыв ветра ворвался в зал и задул все огни. На секунду даже молнии прекратили вспыхивать, слышались только рев дождя и завывание ветра. Должно быть, дверной проем выделялся светлым пятном, но глаза мои не привыкли еще к темноте. На несколько секунд я совершенно ослеп.

Я двинулся вдоль стены, держась за нее рукой, чтобы не упасть следом за Торианом в люк; так я в конце концов должен был добраться до выхода. Я шел, каждую секунду готовый столкнуться с Фотием.

Пара бледных голубых огоньков ожила — не задутые до конца факелы начали разгораться.

И тут Шалиаль снова завизжала.

БА-БАХ!

Фотий ухватил ее за развевающийся шлейф платья. Я надеялся, что он оторвется, но прозрачная ткань оказалась омерзительно прочной.

БА-БАХ!

Он подтянул ее к себе и ухватил за руку. Шалиаль беспомощно барахталась, пытаясь вырваться.

БА-БАХ!

— А ну иди сюда, раб! — крикнул он мне. — Иди, пока я не отрезал ей титьки!

— Немедленно отпусти эту женщину! — послышался новый голос. — Или т-ты р-раскаешься! — добавил он.

БАХ! ТАРАХ! БА-БАХ!!!

В дверях стоял человек с обнаженным мечом в руках.

27. ПЯТЕРО НАВЕРХУ

Да, это был Джаксиан Тарпит. Разумеется, это был Джаксиан Тарпит. Кто еще это мог быть?

Начиная с этой секунды события начали развиваться гораздо быстрее, и ситуация сделалась довольно-таки запутанной. Взять хотя бы два оставшихся факела — они шипели и плевались искрами, то почти угасая, то снова разгораясь. Майана то возникала, когда дальний конец зала освещался вспышками молний, то проваливалась в небытие. Мы попеременно оказывались то в непроглядном мраке, то в ярко освещенном зале. Раскаты грома сделались такими громкими и продолжительным, что думать стало затруднительно. Весь храм, казалось, сотрясаясь от этого грохота.

Все это в некоторой степени извиняет неважное качество моих наблюдений. В том, что касается событий после появления Джаксиана, мои воспоминания иначе как очень отрывочными не назовешь.

Я помню, как бежал к Шалиаль, которую видел короткими выхваченными из темноты мгновениями, повернутую то так, то этак — она все еще боролась с Фотием. Все ее движения в промежутке между этими мгновениями были скрыты темнотой и не фиксировались глазом. Она была как героиня в книжке с картинками, и кто-то невидимый перелистывал страницы.

Точно так же видел я Джаксиана, бегущего от дверей с мечом наготове. Он походил на серию рисунков тушью. Длинная черная тень опережала его. С каждой новой картинкой он скачком перемещался ближе к нам.

Кажется, я схватил Шалиаль за руку, как раз когда Фотий отпустил ее, словно мы бежали эстафету, а она была палочкой. Я помню, что она была со мной, что я обнимал ее, что мы снова приближались к двери, когда лязг бронзы возвестил о начале поединка.

Я помню, как она вскрикнула: «Джаксиан!» — прямо мне в ухо.

— Он сейчас догонит! — заверил я ее и потянул прочь из Обители Богини. Она не хотела бросать его, хотя у меня нет ни малейшего представления, каким образом она надеялась ему помочь.

Выбегая из дверей, я оглянулся и увидел выхваченные вспышкой молнии две фигуры воинов; они словно застыли в разгар боя. Золотой шлем Балора сиял на голове у Фотия, а Джаксиан, все тело которого было мокрым, блестел серебром, как статуя Майаны на заднем плане. Лишенная тела голова, сражающаяся с обезглавленным телом.

А потом мы с Шалиаль вывалились под дождь, и тут же нас чуть не сдуло. То, что казалось из помещения безумной ночью, снаружи оказалось крошечным адом. Дождь хлестал сильнее кнута. И темнота... скорее слепота. Если вам когда-либо в жизни приходилось бежать по верхушке пирамиды с глазами, залитыми тропическим ливнем, волоча за собой сквозь пену прибоя визжащую женщину, вы поймете, что я ощущал. Если же нет, вам этого не понять.

Шалиаль хотела вернуться спасать брата. Я хотел найти лестницу.

— Мы все теперь воины в Занадоне, — говорил Джаксиан, имея в виду то, что все здоровые и крепкие мужчины записались в ополчение. Но я видел, как Фотий одолел Ториана, и понимал, что мечник-любитель вроде Джаксиана тем более не имеет никаких шансов. Я думал о Джаксиане как о покойнике, а Балор не может быть безбородым...

Прошу прощения, не забегаю ли я вперед?

Похоже, забегаю, хотя в тот момент я вряд ли думал слишком связно. Ториан загородил тайный проход, так что жрецы никак не смогут на заре провести в Обитель Богини поддельного Балора. Зато им известно, что он находится наверху и что публичная церемония начнется утром, с рассветом. Возможно, они придут к выводу, что это Фотий перегородил им дорогу. Еще они могут прийти к выводу, что он сделал это с какой-то гнусной целью — чтобы его с Шалиаль никто

не беспокоил. Тогда им останется только ждать и надеяться, что она переживет это знакомство и что Фотий сможет сам облачиться в доспехи бога и выйти к народу без их помощи.

Но Балор изображается исключительно с пышной бородой до груди, а Фотий свою бороду утратил. Ториан мертв или искалечен. Джаксиана вот-вот разделает на котлеты Фотий. Моя борода не выдерживает критики, а у Шалиаль ее и вовсе нет. Так что вся затея с подменной терпит крах.

Очевидно, Джаксиан, устыдившись своей трусости, решил принять участие в спасении сестры. Я наврал ему с три короба, говоря о планах подъема на вершину пирамиды с помощью стремянки. В принципе двое мужчин в тихую ночь и смогли бы забраться так, но это было решительно невозможно сделать в одиночку, тем более в такую грозу, — и все же ему это как-то удалось, иначе откуда он взялся? Значит, где-то есть лестница, и я твердо вознамерился найти эту лестницу, чтобы спуститься по ней с Шалиаль.

Бессмыслица? Тогда мне так не казалось.

Вернее, не казалось до тех пор, пока я не выскочил под дождь. Чуть не сбитый с ног потоками воды, чуть не сдутый порывами ветра, ослепленный вспышками молний, чередующимися с крошечной темнотой, я полностью заблудился уже через несколько секунд. Зная, что Джаксиан мог принести свою лестницу только с западной стороны, я повернул направо. Потом я сообразил, что он мог забираться по северному фасаду, где у него было меньше шансов попасться кому-нибудь на глаза. Шалиаль вырвалась у меня из рук и исчезла. Я решил вернуться за ней. Или мне лучше сначала найти лестницу?

И к этому времени я уже забыл, где что находится и куда я собирался идти.

Вода с ревом неслась по камням, и я понял, что кровля имеет наклон для стока воды. Я пошел вниз. Вовремя ударившая молния показала мне, что от беды меня отделяет только один шаг, и я застыл. Потом я сообразил, что лестница может и не выступать за край стены, и в таком случае мне придется искать ее всю ночь. Я повернулся, дождался,

пока следующая молния не выхватит из темноты Обитель Богини, и двинулся обратно.

Если в моем изложении мои действия покажутся вам сумбурными, значит, я плохо рассказываю. На деле я поступал еще бестолковее.

И вдруг я увидел их всех в облаке брызг. Я увидел ожесточенно обороняющегося Джаксиана — тот отступал под дождем, но был, как ни странно, еще жив и даже невредим. Они приближались к обрезу платформы. Еще минута такого отступления — и Джаксиана постигнет та же участь, что только что Ториана. Шалиаль спешила к ним. Понимая, где я обязан находиться, я тоже поспешил ему на помощь. Все четверо столкнулись на самом краю, когда ослепительная вспышка...

Я пришел в себя от дождя, беспощадно колотившего мне по лицу и груди. В голове слышался странный звон, да и во всем теле тоже. Еще я наполовину утонул и почти ослеп.

Я приподнялся на локте и попробовал вспомнить, где я. Потом вспомнил и пожалел об этом. Я повернул голову налево и подождал немного, отплеываясь и отхаркиваясь. Гроза слабела, и следующей молнии пришлось дожидаться. Когда она наконец ударила, она не осветила ничего, кроме потока воды, стекающего по граниту. Я повернул голову в другую сторону и подождал еще.

Потом я сообразил, что ноги мои висят в воздухе, и подобрал их. Мне приходилось видеть людей, в которых ударила молния. Результаты этого столь непредсказуемы, что во многих странах Зоматта считают богиней. Однажды я видел, как молния поразила половину бронированной фаланги при Отрантане. Четверо погибли на месте, примерно столько же получили тяжелые ожоги, а остальных только оглушило.

Поэтому я не слишком удивился, когда следующая вспышка осветила человека, лежавшего ничком возле меня, и никого больше. Наступила темнота, но, напрягшись немного, я вспомнил, что видел набедренную повязку и не видел шлема, из чего

следовало, что это Джаксиан. Я не мог сказать, жив он или мертв и кто — Зомапп или Фотий — постарался так, если он все же мертв. Я потряс его за плечо — никакой реакции. Он был холоден как смерть. Я, впрочем, тоже.

Когда я с трудом поднялся на колени, новая вспышка блеснула на бронзе у его вытянутой руки. Я пошарил в темноте, пока мои руки не сомкнулись на рукояти его меча.

Очевидно, боги ожидали от меня, чтобы я сам спасал прекрасную Шалиаль теперь, когда два человека сильнее меня потерпели неудачу. Сквозь звон в голове внутренний голос слабо напоминал мне, что пора браться за дело, иначе я могу опоздать. Допустим, я смогу даже совладать с Фотием, но что потом? Мне не хотелось даже думать о том, что будет «потом».

Шатаясь и петляя словно пьяный, вернулся я к дверям Обители Богини и вошел внутрь. Зал казался гораздо больше, чем раньше, — возможно, из-за того, что его освещали теперь только два расположенных далеко друг от друга догорающих факела. Я протер глаза, несколько раз с наслаждением вдохнул воздух, не смешанный на две трети с водой, и, пытаясь не обращать внимания на хор голосов в голове, приступил к оценке ситуации. Шалиаль боролась с Фотием на краю полураскиданного ложа из тамариска. Он снял свой шлем и сорвал остатки ее одеяния, вяло трепетавшие на полу в стороне. Я решил, что он еще играет с ней и что я успел вовремя, чтобы предотвратить худшее.

Я был бы рад сказать, что взревел свирепо: «Оставь эту женщину, негодяй!» Собственно, я попытался это сделать, но издал только жалкий писк. Впрочем, возможно, писк оказался громче, чем показалось моему полуоглушенному сознанию, ибо Фотий услышал. Он оглянулся и увидел меня... я был бы рад сказать «решительно шагавшего к нему», но точнее будет «неуверенно бредущего в его направлении».

Он небрежно швырнул Шалиаль на ветки — это лишний раз доказывало, что он и раньше мог без труда сделать это, — поднял с пола меч Балора и ринулся ко мне.

Мне и раньше приходилось действовать мечом. Я не лишен навыков в благородном искусстве фехтования, но посмотрев на Фотия в поединке с Торианом, я не тешил себя иллюзиями насчет своих возможностей в бою с ним.

И все же долг есть долг. Я поставил свои сделавшиеся ватными ноги в более или менее боевую позицию и поднял свой...

Ну, точнее будет сказать, поднял рукоять. Клинок меча Джаксиана, как я увидел только теперь, исчез. От него остался жалкий обрубок, конец которого был оплавлен. Я тупо уставился на этот забавный феномен, пытаюсь одновременно придумать, как мне сразаться с отрицательным героем, будучи вооруженным только рукоятью меча.

Фотий остановился прямо передо мной, подбоченился и почти ласково посмотрел на меня. От него разило палеными волосами и мясом, и мне не хотелось вглядываться в его лицо. Я бы с удовольствием ушел, но это представлялось теперь весьма маловероятным.

Он произнес что-то обидное, по счастью, заглушенное хором голосов в моей голове. Я уронил рукоять меча на пол и сделал шаг назад. Потом еще один.

От дальнейших шагов меня остановило острие меча, поднесенное к самому моему носу. Фотий злобно смотрел на меня сверху вниз — или мне так казалось. На то, что осталось от его лица, было неприятно смотреть при любом его выражении. Он издавал звуки, означавшие, как я решил, смех. Я уперся спиной в стену — дальше отступать было некуда.

Краем глаза я увидел, что Шалиаль спешит ко мне на помощь. Она держала в руках шлем Балора с явным намерением врезать им изо всех сил Фотию по башке. Интересно, успел подумать я, кому достанется больше? Успеет ли она вовремя, чтобы спасти меня? Вряд ли она ударит достаточно сильно, чтобы из этого что-то вышло. Она может только разозлить его еще сильнее.

Кто-то взревел, и на этот раз это был настоящий грозный рык, отдавшийся от стен эхом как удар грома. Мне показалось, что он произнес: «Прекрати это!» Я увидел, что Шалиаль за-

мерла, и они с Фотием разом повернули головы к дверям. Я вяло отметил про себя все это и только тогда сам повернул голову посмотреть, что же так заинтересовало их.

28. ИСТОРИЯ ЛЬВИНОГРИВА

От дверей к нам большими прыжками неся Джаксиан Тарпит. Казалось, гроза не нанесла ему никакого вреда, если не считать того, что он насквозь промок и оставлял за собой на полу цепочку мокрых следов. Его волосы и борода слиплись от воды, но вид у него от этого был не менее грозный.

Фотий испустил яростный крик и тут же забыл обо мне. Как бык ринулся он на Джаксиана — точнее, как единорог, ибо он, судя по всему, намеревался пронзить ему солнечное сплетение.

Как я уже говорил, мое восприятие в ту ночь не отличалось особой четкостью. Я не могу в точности поклясться в том, что я видел. Мне показалось, что Джаксиан уклонился от меча и ударил своего противника по руке кулаком. Что-то вроде этого имело место, потому что я увидел, как меч со звоном упал на пол, как Фотий пошатнулся, пытаясь восстановить равновесие, и как Джаксиан, не сходя с места, спокойно повернулся, глядя на неприятеля.

Фотий взвыл так громко, что даже я услышал его, и снова бросился в атаку, протягивая руки к горлу Джаксиана. Это был неразумный шаг, хотя и не лишенный храбрости, ибо оба не уступали друг другу в росте и мощи. Мне показалось, что Джаксиан вообще не пошевелился, ну разве что отставил ногу для упора, но в одном я уверен — он даже не покачнулся, когда капрал врезался в него. Он выдержал удар как гранитная колонна. Потом он схватил Фотия и швырнул его.

Я имею в виду, швырнул не как борец бросает другого борца, но как швыряют дротик.

Фотий описал в воздухе дугу и врезался головой в стену. До стены было шесть шагов, и он врезался в нее на уровне плеч. Он мешком обрушился на пол и остался лежать там в позе, какие удается иногда изображать юным акробатам, но какой невозможно ожидать от живого мужчины.

Джаксиан повернулся к Шалиаль и протянул к ней руки. Она бросилась к нему, и они обнялись. Жаль, что богиня не предусмотрела кресел для гостей — мне пришлось прислониться ко все еще открытой крышке люка. Я вяло думал, скоро ли я проснусь и что буду думать обо всем этом, когда это случится.

Джаксиан все еще целовался с сестрой.

Ну, в конце концов это не мое дело.

Хотя, как правило, меня мало заботит, мое это дело или нет.

Мне отчаянно хотелось, чтобы у меня перестало шуметь в голове, а предметы прекратили без конца менять цвет.

Ночь наполовину прошла, мы все еще не могли выбраться из Обители Богини, и у нас все еще не было Балора. Дождь понемногу стихал, а грома вообще больше не было слышно... что странно, ибо гроза, проходя, обычно слышна еще долго. Возможно, Зомалп просто доставил уже свое послание.

Шалиаль продолжала целоваться с братцем врасос.

Я мог зажечь и еще факелы, но те два, что остались, горели теперь ровным светом, и его пока хватало. Я решил спуститься и посмотреть, что с Торианом.

Я нырнул в люк и столкнулся с ним, поднимающимся по лестнице. Все его волосы и борода были в крови, и он то и дело прислонялся к стене, словно ему не хватало сил подняться. В свободной руке он держал меч, но я не удивлялся уже ничему, что видел в этом храмовом чердаке.

— Ты как? — спросил я, уверенный, что он ответит: «Ужасно».

— Ужасно, — пробормотал он. — Но я еще могу разделиться с этим боровом.

— Джаксиан опередил тебя.

Он недоверчиво посмотрел на меня и зажмурился. Кажется, глаза его движутся сами по себе, без его ведома. Он шатался, как хмельной, от слабости и боли. Он явно сильно расшибся при падении.

— Джаксиан? Тарпит? Он?!

— Давай помогу. Обопрись на меня.

— Я тебя раздавлю.

Все же я оказался настойчивее. Я закинул его руку с мечом себе через плечо и медленно, но втащил его наверх — когда мне надо, я могу быть сильнее, чем кажусь. Мы высунились из люка.

Джаксиан и Шалиаль расцепились ровно настолько, чтобы заглянуть друг другу в глаза. Они держались за руки. Она смотрела на него с удивлением и восторгом, он светился полной любви улыбкой.

Я пошел к ним, оставив Ториана ковылять за мной следом. Джаксиан оглянулся на меня и улыбнулся. Ехидное замечание так и застряло у меня в горле. Во взгляде его появилась спокойная решимость, которой я раньше не видел и не ожидал увидеть. Взгляд его стал довольным — я бы даже сказал, самодовольным — и немного хитроватым, а это означало, что о чем-то он знает гораздо больше меня. Или вообще обо всем.

У Влада Оскорбителя иногда бывал такой вид, когда он хотел живьем содрать с кого-то кожу.

— Ну, Тот-Кто-Называет-Себя-Омаром? — произнес он, и даже голос его приобрел новое качество, этакую зычность, которой я за ним раньше не замечал. Он бил по ушам как колокольный звон. — Достаточно ли ты видел чудес сегодня, чтобы рассказов о них хватило тебе на несколько лет, а?

Я неуверенно кивнул и проямлил: «Да... господин».

Что-то в моем ответе позабавило его еще больше. Он вскинул кустистую бровь, но промолчал. Потом посмотрел на Ториана, и его лицо потемнело. Никто так и не проронил ни слова.

Я тоже посмотрел на Ториана, и на его замешательство, право же, стоило посмотреть. Я рад был бы описать его, но

мне не хватает слов. Как и у меня, этот незнакомый Джаксиан не укладывался у него в голове. Куда делся тот жалкий трус, который отказался помочь в спасении собственной сестры? Даже надменный богач, которого мы видели пару раз, не шел ни в какое сравнение с этим. Новый Джаксиан, казалось, готов был взять храм приступом в одиночку, убив любого жреца, который окажется у него на пути. Даже достоинство, с каким он держал свои богатырские плечи, делало его еще больше, чем прежде. Просто чудо, что делает с человеком немного удачи, промелькнула у меня слабая мысль.

Шалиаль тоже казалась удивленной, но более всего гордой. Она встретилась со мной взглядом и счастливо улыбнулась. Тут до нас обоих дошло, что она совершенно раздета. Она покраснела, и я поспешно отвернулся.

— Я поищу вам чего-нибудь накинуть, госпожа, — предложил я.

— В этом нет никакой необходимости. — Абсолютная категоричность, прозвучавшая в зычном голосе Джаксиана, остановила бы даже разъяренного быка, а я и подавно застыл как окаменевший. — Можешь сам снять свою повязку, если хочешь. В этом нет ничего зазорного.

Моя набедренная повязка промокла насквозь, так что носить ее было довольно-таки противно, но я колебался. Джаксиан расстегнул булавку, и его собственное мокрое одеяние упало на каменный пол. Я последовал его примеру.

Таким образом, единственным одетым в помещении остался Ториан.

— Что здесь происходит? — крикнул он. Действительно, это был неплохой вопрос. С каждой минутой мир становился все менее реальным.

И снова Джаксиан бросил на него опасно неприязненный взгляд.

— Что здесь для тебя? — переспросил он холодно. — Ты имеешь наше позволение уйти. — Он снова повернулся к сестре и улыбнулся. — О, Любовь Моя!

— Джаксиан! Что ты такое говоришь!

— Ты Майана! — Он склонился, чтобы снова прижаться своими губами к ее, и рука его переместилась к ее груди.

Ториан издал свой самый угрожающий рык и в два прыжка оказался рядом с ними, приставив свой меч к горлу Джаксиана.

— Это твоя сестра! Отпусти ее немедленно и прикрой срам! Это гнусность — в глазах человеческих и...

Джаксиан отпустил Шалиаль и повернулся к своему укорителю с такой ослепительной яростью, что я похолодел. Он небрежно взял меч и отшвырнул его в сторону. Тот громко лязгнул о стену у него за спиной.

Да, я видел это совершенно отчетливо.

Он взял меч за лезвие голой рукой. Конечно, само по себе это мало что доказывает, ибо оружие могло пролежать среди прочего хлама много столетий, и если бы этот меч был на что-то годен, он бы вообще вряд ли оказался там. Он, должно быть, был почти круглый, как шпага. Нет, меч ничего не доказывает.

Конечно, ему нужно было еще выдернуть меч из руки Ториана. Как проявление физической силы это впечатляло ничуть не меньше, чем уничтожение Фотия. Джаксиан Тарпит явно был невероятно сильным человеком.

Но потом он схватил Ториана за бороду и рывком поставил его на колени. Ториан взвыл и остался в этом положении, исказив залитое кровью лицо в попытке посмотреть на стоявшего над ним человека.

— Девять лет назад в этот же месяц ты принес нам присягу, Ториан Львиногрив из Квилтана! — Слова эхом отдавались от стен.

Ториан всхлипнул.

— Ну? — прорычал Джаксиан.

Шалиаль попятилась, широко раскрыв глаза то ли от удивления, то ли от страха.

— Штах?

— Да, Штах! Так был ты верен этой присяге?

— Я был верен! — вскричал Ториан.

Джаксиан дернул его за бороду с силой, достаточной, чтобы свернуть шею любому другому.

— Нет, не был! О, при Гизате ты держался неплохо! Мы даруем тебе Гизат. Наши чертоги были полны в день битвы при Гизате. Великие подвиги и кровавая битва! Образцы и друзья по имени кричали от восторга и рыдали от гордости, и никто не ликовал сильнее Трумина Доблестного, Суммина Телобла и Шандилия Розоцвета. «Смотрите! — кричали они. — Видите, сколько крови он проливает и сколько душ посылает Морфиту! Смотрите, как Львиногрив чтит нашу память!» Ты помнишь?

Ториан застонал:

— Мои образцы! Они видели?

— Разумеется, видели! И когда твой отец и твои братья вступили в наши чертоги в тот день и были встречены как герои, они тоже славили тот пир стервятникам, что устроил их родич, могучий Львиногрив! И не было предела их радости.

Ториан беспомощно всхлипывал; слезы стекали у него из глаз по запрокинутому лицу к ушам.

— Но потом! — грохотал Джаксиан. — О, что было потом! Когда Морфит пожалел тебя — что тогда? «Он помнит меня! — кричал Телобл. — И страшна будет месть за нас!» Ты выжил, хоть и высоки были ставки на то, что ты не выживешь. Но затем ты позволил поймать себя и отдать в рабство!

— У меня не было выбора! — вскричал Ториан. — Я был безоружен!

— У тебя был выбор! Ты выбрал жизнь — жизнь раба! Какой воин согласится хотя бы час прожить рабом? Нет, не час, минуту? И ты сказал им, что тебя зовут Ториан!

От брезгливости, прозвучавшей в его голосе, по коже у меня пробежали мурашки.

— Но таковы их обычаи! Это же не наш народ! Они бы... — Ториан осекся и замолчал.

Джаксиан, похоже, рассвирепел еще сильнее.

— Они бы посмеялись над рабом по имени Львиногрив? Еще как посмеялись бы! Для того и изобрели эти имена! И ты мог бы ответить оскорблением на оскорбление и уме-

реть, как подобает воину. Закололи бы тебя мечом или забили до смерти, ты бы умер за свое подлинное имя. Это было хорошее имя, и трое удачно выбрали его тебе тогда, но позже ты сделался недостойн его. Как ты думаешь, что сейчас чувствуют твои друзья по имени, а, Раб? Они не ходят на празднества. Они не говорят о том, какой доблестной была их смерть, и о том, скольких форканцев они убили. Как тени стенают они в стропилах, как совы летают в тумане. И образцы твои понурились и говорят о других наследниках.

Джаксиан отпустил бороду Ториана, и воин рухнул на пол у его ног.

— Ты просил прощения у купцов! — добавил Джаксиан, и опять меня пробрал озноб; мне сделалось дурно от подобного немыслимого проступка, хотя, помнится, в тот момент я вполне одобрил это извинение.

Ториан чуть приподнял лицо.

— Позволь мне уйти, Боже, — прошептал он, — и я умру.

— Поздно! Всех форканцев не хватит, чтобы смыть твой позор. Так слушай наш суд и наше повеление — отныне ты только Ториан, и не Львиногрив больше!

Ториан завыл и ударил лицом об пол.

— Господин мой?

Джаксиан обернулся на этот шепот и просветлел, но даже так лицо его было холодно, как зимнее солнце.

— Любовь моя? Говори!

Шалиаль смотрела на Ториана с сожалением — ведь это он предлагал ей стать ее героем.

— Неужели нет искупления, о Боже? Неужели нет способа ему восстановить свою честь?

Джаксиан нахмурился, и лицо его напомнило мне ночные кошмары или ужасы, что таит морская пучина. Мне хотелось бежать от этого лица, хотя оно хмурилось не на меня, но на всхлипывающего ослушника.

— Есть один. Бывают дороги столь тяжелые, что изменяют всех, кто идет по ним. Тот, кто ступил на такую, никогда не доходит до конца, а тот, кто дошел, никогда не начинал пути. Если этот трус сможет найти такую дорогу и пройти

по ней достаточно далеко, он может снова найти свое подлинное имя. Но человек, который будет носить его тогда, будет уже не тем, что лежит здесь.

— Ты подскажешь ему, где искать такую дорогу, Боже? — осторожно спросила Шалиаль.

— Он знает, что от него требуется. Он скорее найдет на этом пути смерть, чем честь, а еще вероятнее — позор, ибо он не всегда распознает честь. А теперь ступай, Беглый Раб. Возьми наши меч и шлем и приготовь их. Жди, пока мы не призовем тебя.

Ториан попятился, так и не вставая с колен, пока не скрылся в люке, захватив с собой закопченный шлем и огромный меч Балора.

Я уже говорил, что то, как Джаксиан отобрал у Ториана меч, ничего не доказывало, но то, как он отобрал у Ториана его имя, потрясло меня. Как мог купец Джаксиан Тарпит знать о Львиногриве и его образцах? Не было ни волшебства, ни угрозы, ни награды, которые заставили бы Ториана пресмыкаться так перед смертным.

Джаксиан снова смотрел на меня, чуть забавляясь, словно знал, в каком смятении я пребываю.

— Ты видел, Меняла Историй?

Я видел, и слышал, и надеялся, что воина подвергли таким мукам не для того, чтобы предостеречь меня. Шалиаль называла брата «Боже»...

Кивнув, я рухнул на колени. Я редко не знаю, что сказать. Шум в голове достиг оглушительной громкости. В полумраке обнаженная пара время от времени, казалось, менялась, то приобретая фактуру выцветшей старой картины, то превращаясь в мозаичное изображение, как на руинах Поллидия. Я уже не был так уверен в том, что это действительно Джаксиан.

Да и Шалиаль тоже. Она чуть отпрянула, когда он обнял ее, и со страхом заглянула ему в лицо.

— Кто ты?

— Мы — Балор. И мы явились во плоти на твой зов, на зов Майаны.

— Но ты мой брат!

И тут он вдруг хихикнул и улыбнулся совершенно земной улыбкой. Мозаика превратилась в жизнь. И голос его снова сделался голосом Джаксиана.

— Да, я твой брат. Сводный брат. Но Балор с Майаной — близнецы, разве не так? — Он хитро улыбнулся. — И разве не они первые из детей Земли открыли радости любви — там, в тамарисковой роще? Жрица не может отвергнуть бога, любовь моя. Разве ты не видишь — вот то решение, что мы искали?

Шалиаль сильно побледнела.

— То, что дозволено богам в Золотой век, не дозволено смертным в наши дни.

— Но дозволено нам. — В голосе его снова появилась сила.

— Ты наденешь доспехи и выйдешь к народу? Ты сыграешь роль Балора?

— МЫ — БАЛОР! — Голос его снова гремел как гром.

Шалиаль зажмурилась на мгновение. Потом повернулась и пошла от нас, остановившись перед возвышавшейся в полумраке фигурой Майаны. И поскольку отлитая из металла богиня отсвечивала серебром в свете факелов, а ее жрица еще не просохла от дождя, они казались двумя одинаковыми изображениями — одно больше, другое поменьше.

Она опустилась на пол и низко поклонилась, но я не слышал, чтобы она молилась. Я не знаю, благодарила ли она богиню, или молча просила простить ее или дать совет. Впрочем, ее общение с богиней было недолгим, ибо я помню, что затаил дыхание на все это время. Когда она встала, она улыбалась. Она медленно подошла к ложу из тамариска. Я с благоговением следил за движениями ее бедер и длинных ног. Она казалась чудом грациозности и чувственной женственности. Мужчины были бы счастливы умереть за одно только чудо, как эта грудь, или за улыбку на таких губах.

Я подумал, что, будь я Джаксианом Тарпитом, я тоже нашел бы способ.

Она села, она подняла свои длинные ноги на ложе, она легла. Ее брат одобрительно смотрел на это.

Я попятился к люку, но эти ужасные темные глаза уставились на меня.

— Ты останешься!

Женщина призывно протягивала к нему руки, но, услышав это, опустила их.

— Господин мой?

Он улыбнулся ей:

— Ты еще не узнала его, Любовь моя? Помнишь тот день, когда мы впервые пошли в храм вдвоем? Через два дня после приезда Джаксиана? Мне кажется, именно в тот день он понял, что влюбился. И в тот день ты поняла, что влюблена. Мы молились тогда семи богам и богиням, благодаря их за счастливое возвращение Джаксиана.

Шалиаль посмотрела на меня, чуть нахмурившись. Я был слишком напуган, чтобы стесняться наготы. Нагота беспокоит смертных, а в Обители Богини творилось этой ночью такое, что и не снилось миру смертных. Я даже камня под коленями не чувствовал. Человек, стоявший надо мной, представлялся мне то Балором, то Джаксианом, то снова Балором. Хор в моей голове сделался еще громче, зал плясал вокруг меня.

— Рош? — прошептала она.

— Бог памяти, — кивнул Балор. — Наш брат. Оставайся, Младший Братец. Ибо вот оно, явление Балора, и в этом нет сомнений. Пусть никто не скажет, что Джаксиан Тарпит был фальшивым богом или что Балор уклонялся от своих прав и обязанностей. Пусть это будет запечатлено.

Его страшный взор приковал меня к полу, и я мог только кивнуть.

И он бросился в ее объятия, а я остался на месте и был наблюдателем, как и велели мне боги.

Я видел сам, как Балор явился в Обитель Богини и возлег с верховной жрицей на ложе из тамариска. Он бросился к ней со страстью, и она приняла его с радостью. Велика была их любовь, и громко кричали они от наслаждения, что испытывали друг от друга.

29. ПРИШЕСТВИЕ БАЛОРА

Сгорбившись при свете единственной свечи, Ториан все точил меч Балора на оружейном столе. Должно быть, он занимался этим давно и, как мне вскоре предстояло увидеть, проделал отличную работу.

Я заметил, что он обрезал волосы и укоротил бороду почти до подбородка. Он ссутулился, как старик. Единственное лекарство от позора — страдание, и мне вовсе не хотелось быть тем, кто страдает, так что я не предлагал ему ни сочувствия, ни ободрения. Я только передал, что его ждут наверху. Ториан пошел к лестнице, не посмотрев на меня и не проронив ни слова. Я собрал облачение верховной жрицы и пошел следом.

Звезды за дверью начинали гаснуть. До рассвета оставалось совсем немного.

Шалиаль сияла — все еще слегка покрасневшая и взъерошенная, но счастливая, как любая девственница в день свадьбы. Она очаровательно поблагодарила меня за то, что я принес ее наряд. Я хотел было предложить свою помощь, но подошел Балор с факелом, а я подозревал, что бог войны должен обладать не только очень острым слухом, но и обостренным чувством ревности.

Ториан уже вернулся из дальнего конца зала, согнувшись под тяжестью Фотия. Тело было пугающе бесформенным, но уже начинало коченеть. Ториан бесцеремонно сбросил его в люк, в который сам упал во время поединка, а потом полез следом по лестнице. Балор начал спускаться за ним, а я — за Балором, оставив Шалиаль саму разбираться со своими одедами.

Когда мы дошли до люка на нижний уровень, Балор сам поднял и убрал с дороги статую и сундуки. При этом казалось, что он ни капельки не напрягался. Я нагнул, чтобы открыть дверцу, пытаясь придумать, что лучше сказать, если я увижу на лестнице верховного жреца Нагьяка. Впрочем, его там не оказалось.

Ториан не стал спрашивать, свободен ли путь до самого подвала. Возможно, он спросил раньше, а я не слышал. Возможно, ему было все равно. Возможно, он доверял сверхъестественному знанию Джаксиана Тарпита. Впрочем, возможно, он просто был приучен не задавать вопросов, получив приказ.

Как бы то ни было, Ториан и его страшная ноша скрылись на лестнице, ведущей вниз. Я закрыл люк, и Балор с той же легкостью вернул груз на место. Какую силу должен продемонстрировать человек, чтобы ты признал его кем-то большим, чем простой смертный? Силач из трупы Пав Им'пы мог поднять коня — с помощью специальных каната и лебедки, но я видел однажды, как дряхлая, страдающая артритом старушка сорвала с петель дверь конюшни, чтобы спасти внука из огня. Сама по себе сила мало что доказывает.

— Ты поможешь мне с доспехами, Младший Братец? — Он говорил шутливым тоном, но я счел это приказом, не вопросом.

— Конечно, Боже.

Правда, когда мы подошли к скамье, я вдруг понял, что мой спутник снова стал настоящим Джаксианом Тарпитом. Окинув взглядом снаряжение, он почесал в затылке и застонал. Потом ухмыльнулся мне:

— Видишь, боги тоже потеют!

Я неуверенно улыбнулся в ответ, и он рассмеялся.

— Да не бойся ты так! Балор любит тебя, это точно, и я очень, очень тебе благодарен. Мне жаль твоего друга — но тот, кто служит суровому господину, должен ожидать суровой же дисциплины, не так ли? Нет, ты только посмотри на весь этот антиквариат! Как по-твоему, с чего положено начинать?

Как обнаружилось, Джаксиан мог быть поразительно симпатичным человеком. Любовь к нему Шалиаль сразу стала казаться вполне понятной. Пока я одевал его в нижнее платье, он сыпал шуточками, поддразнивал меня, называя мою роль свидетеля вуайеризмом, — в общем, старался отвлечь меня,

чтобы я расслабился немного. Скоро я успокоился настолько, что позволил себе задать вопрос:

— А что с лестницей, Боже?

Он удивленно огляделся по сторонам.

— Какой лестницей? Ах да, стремянкой! Нет никакой стремянки. Хотя по пути сюда мы видели несколько штук. Разве ты не заметил? — Он махнул рукой куда-то в сторону восточной галереи.

— Значит, иногда ими все же пользуются?

— Похоже на то. Иначе с чего бы им здесь быть. Но у меня не было никакой стремянки. Само собой, вчера я чувствовал себя ужасно. Давай-ка сюда наголенники. Я все думал об этом Грамиане Фотии. Я пытался поверить в то, что отец настоял на гарантиях и что заговор не пойдет так далеко, как вы боялись. Где-то за полдень до меня дошло, что задумал твой друг Ториан, и мне стало еще хуже. Потом мне пришлось провожать Шалиаль в Обитель. И глядя на то, как ее усаживали на тамариск, я подумал, что она очень напоминает приманку — приманку для героя.

Тут ему пришлось прервать свой рассказ, потому что настал черед нагрудной пластины панциря. Я с трудом поднимал ее, но он надел ее с легкостью. Он больше не заикался.

— Хуже всего, я ведь всегда был уверен, что единственная женщина, которую я любил, недостижима для меня, а теперь я видел способ соединиться с нею, если бы только мне хватило отваги. Но не хватало! Я пошел домой, и мне даже напиться не хотелось, в таком жалком состоянии я пребывал. Теперь налокотники, пожалуйста. Эта застежка на месте? Потом началась гроза. Я взял меч и пошел в храм, терзаемый муками совести, ибо представлял себе, как вы с Торианом сражаетесь со стремянкой на таком ветру. Подтяни-ка этот ремешок. Когда я дошел до Площади Тысячи Богов, дождь лил уже как из ведра, и ступеней практически не было видно. Почти не думая, я бросился к ним и начал подниматься. Никто не увидел меня в грозу. Я появился как раз вовремя, чтобы увидеть, чем закончилась попытка То-

риана... — Он вздохнул. — Если бы он победил, мне кажется, я пошел бы обратно.

В конце концов я передал Джаксиану шлем, и он водрузил его себе на голову. Теперь он казался еще больше, чем обычно. Точь-в-точь Балор — да он и был Балором! Страшные, горящие глаза светились всезнающим весельем — лирическое отступление закончилось. Мне передали недостающую часть истории и предупредили, чтобы я не совал нос дальше. Я понимающе поклонился.

— Идем, — сказал он, поднимая меч, и шагнул к лестнице.

Наверху, в Обители Богини, ждала нас в своем серебряном великолепии Шалиаль. Рогатый головной убор скрывал ее спутанные волосы, жемчуга сияли у нее на пальцах и на шее. Я еще раз подивился красоте, которая может носить что-то или вообще ничего, но с каждым разом выглядит все великолепнее. Когда бог приблизился, она опустилась на колени. Он одобрительно усмехнулся и поднял ее. Она улыбнулась... нет, она просияла, глядя на него с восхищением. Небо за дверью посветлело, и край его окрасился розовым в преддверии рассвета.

— Закрой люк! — приказал мне Балор.

Гадая, зачем он снова брал меня с собой наверх, я согнулся и полез обратно на лестницу.

— С этой стороны!

— Но... — Я-то думал, что закрою дверь за ними и буду ждать внизу до тех пор, пока меня не выпустят позже днем или даже следующей ночью. — Но, Боже, как я смогу задвинуть засовы? И если я останусь здесь...

С богами не спорят. Словно ошпаренный его взглядом, я поспешно вскочил и налег плечом на крышку. Она медленно опустилась и захлопнулась. Люк был закрыт. До тех пор, пока на него никто не наступит, конечно.

Балор задумчиво оглядел меня.

— Подойди-ка сюда, Младший Братец.

Я неуверенно подошел к нему. Он все еще держал в руках свой огромный меч. Взявши меня за подбородок, он наклонил мне голову набок.

То, что случилось потом, возможно, было самым странным из всех событий этой ночи. Пока я испуганно смотрел на него, великан выбрил меня мечом бога войны. Мало кто смог бы удержать этот меч и обеими руками. Он двигал им легко, как перышком. Моя борода осталась на полу. Балор оставил мне небольшие усики и узкую полоску волос на подбородке, как у статуи на площади.

Потом он убрал меч в ножны и хитро подмигнул мне — я уже начал привыкать к этому хитрому взгляду.

— История, несомненно, должна выступать неприкрашенной. Но возможно, той части тебя, что остается Омаром, будет спокойнее в набедренной повязке?

Нет, это решительно невозможно! Я склонил голову.

— Будь так, как ты повелишь, Боже.

Право же, не зря бога войны зовут Непостоянным.

— Значит, останешься нагим. Жди здесь. Выйдешь, когда я спрячу меч в ножны. — Он повернулся, чтобы взять Шалиаль за руку.

Вот так я и стал богом.

Воздух был свеж и прохладен после дождя, а мир — чисто умыт.

Стоя в тени, смотрели мы, как процессия — яркие муравьишки далеко внизу под нами — поднимается по ступеням. Площадь Тысячи Богов как песчинками была усеяна бесчисленными лицами, и я мог представить себе, какое напряжение царит сейчас в этой толпе. Половина Большого Проспекта тоже была заполнена народом.

Вот показался задыхающийся от подъема жирный Нагьяк. Где-то в двойной цепочке людей за ним были Тарпит и Арксис — двое, которым предстояло удивиться по-настоящему.

Шалиаль в переливающемся платье выступила из тени и подошла к верхней ступени. Жрецы застыли. Увидев ее во всем великолепии, увенчанную рогатым полумесяцем, толпа разом вздохнула, и даже отсюда я услышал этот вздох, словно ветер пробежал по кукурузному полю.

Она шагнула в сторону, поправила подол и опустилась на колени. Балор вышел вперед и стал рядом с ней.

Вот это был шум!

Весь город содрогнулся от людского рева. Эхо отдавалось от всех стен. Птицы тучей срывались с крыш.

БАЛОР! БАЛОР! БАЛОР!

Занадон славил своего спасителя.

Бог выхватил меч и высоко поднял его, и солнечный луч вспыхнул на клинке. БАЛОР! Он сиял в первых лучах — шлем, и доспехи, и могучие члены, и черная борода до бронзовой груди.

БАЛОР! БАЛОР! БАЛОР! БАЛОР!

Он убрал меч в ножны. Он поднял Шалиаль и поставил рядом с собой. Потом повернулся и протянул руку мне.

И Рош, бог приливов, бог истории и памяти, вышел из дверей и стал рядом с Балором.

Рев толпы оборвался так же резко, как возник. В свинцовой тишине я продолжал слышать дикое пение у меня в голове. Город лежал предо мною, а за ним — равнина, и все это представлялось мне живописным полотном, полным причудливых форм и странных цветов. Но небо было синим, а росистое утро пахло тамариском.

И ветер был холодным.

Балор спускался по центру лестницы, сопровождаемый Майаной с одной стороны и Рошем — с другой. Нагьяк отскочил и пал ниц — но я успел увидеть его выпученные глаза и пепельно-серое лицо. Должен признать, мало какое зрелище доставило мне столько удовольствия.

Толпа взревела снова:

БАЛОР! БАЛОР!!!

При нашем приближении зрители расступались и падали ниц. Первыми, само собой, были жрецы, и вскоре я слышал шепот, пробегающий по цепочке: «РОШ!» Имя опередило нас, ибо толпа начала кричать еще и «РОШ! РОШ! РОШ!». Те, что сообразительнее и образованнее, должно быть, уже начали истолковывать значение того, что Балор

привел с собой бога-брата. Он показывает, что помнит свой народ? Или что ему надо напомнить про его народ? Или то, что здесь будет вершиться история? Что форканские орды будут обращены в бегство? Да, то-то раздолья будет богословам — споров на много лет вперед.

Следом за жрецами шла знать, и первыми выступали, конечно же, военачальник Арксис и Бедиан Тарпит. Оба побелели как мел, но Тарпит смотрел больше на меня, и не только из-за того, что стоял с моей стороны лестницы. Бедиан Тарпит отдал меня в рабство. Если раб сбежал еще раз и выдает себя за бога, об этом надо объявить, встав и крикнув во всеуслышание, что все представление полностью лживо, что неминуемо вызовет бурю. С другой стороны, если он продал в рабство настоящего бога, серьезные неприятности грозят ему не только при жизни, но и после смерти. Я загадочно улыбнулся ему, и он уткнулся лицом в ступени.

Балор остановился.

— Военачальник!

Арксис, шатаясь, опустился на колени, но не смог выдавить ни звука. Даже если он и знал Джаксиана Тарпита в лицо, он вряд ли мог узнать его в шлеме, под которым нельзя было разглядеть ничего, кроме глаз и бороды. В Занадоне наверняка тысяча таких же бород, но нет ни одной другой пары таких глаз. Арксис не мог не понять, что перед ним не его внук.

— Снаряди повозки! — приказал Балор. — Все колеса, что есть в городе. Нагрузи их провиантом, оружием и доспехами да призови всех врачей, каких сможешь найти. Отшли их нашим союзникам. Когда повозки вернутся, нагрузи их и пошли снова.

Арксис несколько раз пошевелил губами и сделался еще бледнее.

— Боже!

Бедиан Тарпит поднял голову и, не веря своим глазам, смотрел на этого нежданного Балора. Он один во всем городе должен был знать, кто стоит в этих доспехах.

— А кто заплатит? — взвизгнул он.

— Ты заплатишь! — От божественного гнева, казалось, содрогнулся весь храм. — Завтра мы разгромим форканцев. Ступай и отвори двери своих амбаров, Бедиан Тарпит! Ступай и установи цену на хлеб такой, какой была она в это же время год назад. Ну!

Тарпит поднялся на ноги. На мгновение мне показалось, что он начнет спорить, ибо он попытался расправить плечи. Но то ли он разглядел бога под обличем сына, то ли понял, что сопротивление в таких обстоятельствах подобно смерти, ибо жрецы растерзают его на части... Он послушно поклонился и побрел вниз по лестнице, ссутулившись, как древний старик.

Балор снова обратил взор на мертвенно-бледного военачальника.

— Окажи нашим союзникам всю потребную им помощь, ибо они понадобятся нам. Все, что они попросят, дай им и не проси ничего взамен. Сегодня битвы не будет. Собери их вождей, ибо мы хотим говорить с ними.

Арксис, шатаясь, побрел по бесконечной лестнице следом за Тарпитом.

Это была весьма впечатляющая демонстрация божественной мудрости. Разумеется, ни о какой битве сегодня не могло быть и речи — кто будет сражаться по колено в грязи? Даже мелкий бог вроде Роша мог догадаться об этом.

Ну и каково это — быть богом?

В первую очередь это очень утомительно. Приходится все время улыбаться одной и той же загадочной улыбкой. Порой становится не по себе — при мысли, что ты абсолютно наг, особенно когда в толпе окружающих тебя смертных много красивых девушек. Приходится почти все время молчать, что мне показалось особенно невыносимым. Приходится все время бояться того, что все отчаянно хотят от тебя чего-то. Приходится стоять рядом с Балором и смотреть.

Конечно, ведь История всегда следует за Войной.

Никто не спорил с ним, и — насколько я могу судить — он не сделал ни одной ошибки. Если вам хочется верить,

что Джаксиан Тарпит просто исключительно сильный человек с неплохими актерскими данными, мне мало что есть привести в доказательство обратного.

Был, конечно, инцидент с Львиногровом, который и убедил меня. Он знал вещи, которых никак не мог знать. И раз или два за этот долгий день я стал свидетелем других неожиданных проблесков — особенно когда вожди беженцев пришли поклониться своему новому командующему.

Пожилого царя Форбина он решительно отверг даже раньше, чем объявили о его приходе.

— Уберите этого! — прорычал он, ткнув в дверь пальцем в металлической перчатке. — Что толку нам от дрожащего труса, доспехи которого насквозь проржавели от мочи? Уберите его и приведите нам крепкого сына его — того, что косоглазый!

Коренастый парень с косящим левым глазом протолкался через толпу и преклонил колена перед богом войны.

— Вот ваш предводитель, — объявил Балор, и парень расплылся в улыбке гордости и восхищения, а с ним и все остальные представители Форбина.

И посланники Полрейна...

— Царевич Обелиск? — скептически хмыкнул Штах. — С каких это пор в роду Пуэльтинов завелись царевичи?

Сильно покраснев, коленопреклоненный воин пробормотал что-то насчет царской семьи, полностью перебитой при Гизате.

— Смотри, чтобы твой придворный чин не рос быстрее, чем слава воина, — посоветовал бог, и все присутствующие ухмыльнулись.

Когда полрейнцы собрались уже уходить, Штах поманил к себе того самого Пуэльтина Обелиска. Воин с опаской приблизился. Это был рослый, грозного вида человек; не будь рядом бога, он казался бы здесь главным. Только я слышал то, что случилось за этим.

— Сегодня в твой отряд запишется человек по имени Ториан.

— Ториан, Боже? — Мужественное лицо воина просветлело от радости. — Львиногрив? Значит, это правда, что он спасся?

— Львиногрив погиб. Это самый обыкновенный Ториан. Ты отправишь его в самое опасное место.

Обелиск покорно кивнул, больше ничего не спрашивая.

Но остальная часть дня прошла скучно.

Этой ночью я как гостящий бог спал со всеми удобствами в храме. Верховная жрица послала прислуживать мне очень хорошеньких послушниц. По древнему закону, да и по естественному влечению жрица не может отвергать бога. Однако оставалась еще проблема обязательств перед будущим ребенком — дара, которым бог должен наделить своего смертного отпрыска. Неохотно решил я, что выбирать любимчиков будет несправедливо. Весьма неохотно!

Уже тогда я понимал, что не смогу долго выдержать эти божественные штучки.

Еще я обнаружил, что богам не снятся сны.

В самом деле, что может сниться богу?

На самом верху надвратной башни расположена смотровая площадка с низким парапетом. Там, в холодных лучах рассвета, стояли, глядя на то, как Балор выступает со своим войском из Занадона, верховная жрица Саньяла и бог истории. Цокали копыта, лязгала бронза. Трубы и барабаны сотрясали воздух. Распевая свои боевые песни, юные смельчаки маршировали, высоко поднимая головы. Они нисколько не сомневались в предстоящей победе, ибо кто может победить их, если их ведет на бой сам бог войны? И возможно, они помнили еще и то, что бог истории смотрит на них.

Должны бы помнить — такое не забывается. Стоя на такой высоте, я чувствовал себя очень и очень неудобно. Когда войско вышло наконец за городские стены, все вернулось в норму — они удалялись спиной ко мне, но все время, пока они маршировали по Большому Проспекту, я старался сам

держаться спиной к ним. Жаль, что парапет был недостаточно высоким, чтобы... в общем, жаль, что он не был выше.

И кроме того, мне свело скулы от непрерывной загадочной улыбки.

Все городские стены, насколько хватало глаз, были усеяны женщинами и детьми. Я горько сожалел, что не настоял в свое время на набедренной повязке, как бы это ни противоречило традиции. Я мог бы догадаться о последствиях, когда Старший Братец Кразат принимал решение.

Но это был мой единственный шанс поговорить наедине с Саньялой, то есть с Шалиаль Тарпит.

— Вы больше не сомневаетесь? — спросил я.

Она искоса посмотрела на меня из-под длинных ресниц.

— В чем, Боже? В победе? Ни капельки!

— Я думаю, в победе мы все можем не сомневаться, — согласился я. — Форканцы гнали перед собой саранчу, так что должны уже голодать. И отступить они могут только на запад, а даже это означает победу Занадона. Нет, я имел в виду совсем другое.

— Тогда что же, Боже?

— Пожалуйста, не зовите меня так! Вы знаете, что Балор на самом деле ваш брат, а я всего только меняла историй.

— Я знаю, что ты меняла историй, Боже, но мне кажется, ты больше, чем просто меняла историй.

— Я — это я, и всегда только я, — сердито фыркнул я. — Джаксиан... ну, Джаксиан кажется двумя разными людьми.

— Он всегда был двумя разными людьми.

То павлином, то каплуном, подумал я, но вслух не сказал. Она тоже молчала.

— Конечно, — предположил я, — можно ожидать некоторой нервозности от человека, влюбившегося в собственную сестру.

— Это не я! — резко сказала она. — Это все отец. Джакс был совсем мальчиком, когда уехал отсюда. И всю его взрослую жизнь отец был для него чем-то вроде далекого бога, посылающего приказы... И когда он вернулся, он снова оказался мальчиком. Нет, Боже, в этом нет моей вины! Ты, долж-

но быть, заметил, как он заикается? Это отец со своими придирадками и упреками тому причиной.

Я собрался было поспорить, но потом понял, что она права. Одно упоминание об отце заставляло Джаксиана блясть как овца, но в трактире, когда мы говорили только о Шалиаль и их любви, голос его звучал ровно.

— Теперь он уже целых три человека, — сказал я. — Или два человека и бог. Но что из этого? Я видел, как он творил странные вещи и открывал странное знание... но как могу я быть уверенным? Я пришел сюда, чтобы увидеть бога. Я ожидал огня и блеска. Я ведь до сих пор сомневаюсь, Шалиаль. Может, я просто наблюдаю за спектаклем великолепного актера?

Мой вопрос был дерзким, чтобы не сказать еретическим, и единственный ответ, который она могла мне дать, — это счастливая улыбка.

— Вчера я раз или два видел самого Джаксиана, — не успокаивался я. — Наверное, и вы тоже? — Я допытывался изо всех сил, ибо у бога тоже есть свои обязанности.

Она одарила меня еще одной терпеливой, загадочной улыбкой.

— Я не слышала, чтобы он заикался, Боже! Но да... Иногда он действительно был Джаксианом. — Тут она покраснела; краска набежала на ее лицо, как тень от тучи на равнину. Но она твердо встретила мой взгляд, и я первый отвернулся и стал смотреть на удаляющееся войско. Я не осмеливался спросить, что такого делал вчера Джаксиан, когда возвращался.

Значит, Балор приходит и уходит? Возможно, ему надо принимать участие и в других войнах.

Земля еще недостаточно просохла после дождя, и пыли не было, но форканцев можно было разглядеть как темное пятно, расплывающееся от горизонта. Занадонцы строились в боевой порядок.

— А потом? — решил я. — На сколько Балор задержится здесь?

— Почему бы тебе не спросить об этом его самого, Боже?

— Почему ты не отвечаешь богу?

Она слабо улыбнулась, не сводя глаз с медленно движущихся колонн на равнине.

— Неплохо сказано! Я не спрашивала его, но могу поделиться с тобой моими предположениями.

— Спасибо на этом.

— Мне кажется, Балор покинет нас вскоре после битвы. Мне кажется, Джаксиан уедет через несколько дней.

— А мне кажется, — сказал я, когда она замолчала, — что многие не устояли бы перед соблазном остаться и править. Но Джаксиан не из таких, и мне кажется, что жрецы тоже не будут долго терпеть подмену. — Свидетельством тому служили кости в подвале, но я не был уверен в том, что она про них знает.

— А что с Рошем, Боже? Насколько он задержится у нас?

— Ровно настолько, сколько надо, чтобы найти хоть какую-нибудь одежду!

Она рассмеялась. Мне нравилось, когда она смеялась, ибо смех ее снимал с моих плеч бремя божественности. От него становилось светлее.

— История и приливы не ждут. Другие важные дела ожидают меня.

Она не стала спрашивать, что это за дела, хотя я думал, что она спросит. Минуту мы постояли молча, и я заметил на ее глазах маленькие звездочки-слезинки.

— Джаксиан вернется в Ургалон? — спросил я.

— Он был очень счастлив там.

— А верховная жрица Саньяла? — безжалостно спросил я. — Она должна остаться в Занадоне и служить городу?

Насколько это возможно для одного человека, она будет править им. Ее отец должен очень гордиться тем, чего добился. Она никогда не сможет уехать, а Джаксиан никогда не сможет вернуться.

Что за сложные создания эти смертные! Джаксиан Тарпит просто крайний случай. При всей своей подлости его отец не лишен был чувства юмора и мог даже искренне верить в то, что печется о нуждах города, когда замыслил по-

садить свою дочь на трон верховной жрицы. Фотий — гнусный убийца — был одновременно и великолепным бойцом сверхчеловеческой храбрости. Ториан, закаленный в боях герой, оставался все же человеком и в силу этого проявлял слабость: дважды отказывался он умереть за честь. И я — я, Омар, неутомимый искатель правды — поднял искусство обмана на недостижимую, святотатственную высоту.

И только Шалиаль Тарпит была пряма и чиста. Я не сомневался, что она останется верна обетам, принесенным Майане...

Тут я увидел, что Шалиаль Тарпит смотрит на меня со странной улыбкой.

— Но, Боже! Верховная жрица должна подавать пример своим младшим сестрам и послушникам. Останься я здесь, только представь себе, что за скандал выйдет!

— Какой еще скандал? — удивился я. Ее улыбка сделалась шире, и я вспомнил, что бывает, когда боги любят смертных. Конечно же, Шалиаль не сможет оставаться верховной жрицей — она вообще не сможет жить в Занадоне. — О! Но он ведь будет наделен дарами, правда?

— Она! — твердо заявила Шалиаль. — Балор говорит, что его сыновья такие большие, что их почти невозможно выносить. Ужасно хлопотно, говорит он.

Тут мы оба начали смеяться, и женщины с детьми, стоящие на стенах, удивленно смотрели на нас, слыша, как верховная жрица и святой Рош заходятся от веселого смеха.

Нет, самым тяжелым из того, что я перенес, будучи богом, было то, что я не мог обнять ее и прижать к себе, как мне этого ни хотелось. Будь на мне хоть набедренная повязка, я бы рискнул.

История этой битвы хорошо известна, так что я не буду утомлять вас подробностями. Я видел почти все сражение, но с большого расстояния, так что кровь, вонь и ужас войны не коснулись меня. На расстоянии это казалось скорее медленным танцем или величественным приливом. Форканцы

попали под жернова Кразата и были перемолоты. Кто может биться против бога войны?

Вооруженные длинными мечами, верхом на крепких и выносливых лошадях, форканцы не встречали еще в Пряных Землях никого, кто мог бы устоять перед их натиском. Не встречали до тех пор, пока не наткнулись на бронзовую стену Занадонского войска. Они накатили темной волной и разбились брызгами о скалу. Поворачивая, чтобы перестроиться, они обнаружили, что путь им преграждает вспухшая от дождей Йолипи.

И тут с обеих сторон на них обрушились беженцы. Воины Занадона встали неодолимой стеной с одной стороны, река стискивала их с другой, и форканцы оказались в западне, без надежды на пощаду. Кразат считает, что воевать надо решительно.

Форканские воины всегда отличались беспощадностью; не ожидали они пощады и от врагов. Форканские женщины слишком уродливы, чтобы кто-то пожелал их даже в качестве рабынь. К закату воды Йолипи сделались красными, последний форканский ребенок был убит, и орда навсегда ушла в прошлое.

Молодая луна только-только взошла на западе, когда Балор под бурю восторженных возгласов проехал по Большому Проспекту. Не так-то просто кричать во всю глотку, лежа лицом в пыли, но горожанам Занадона это удавалось блестяще. И так поступали и богатеи, и сановники, и даже жрецы.

Не задерживаясь, прошел он прямо в покои верховной жрицы, где мы с Шалиаль ждали его.

Тут он рухнул...

Мы стащили с него все эти невероятные доспехи, оставив Джаксиана Тарпита лежать на ковре в окружении груды бронзы и насквозь пропотевшего нижнего платья. Его борода и волосы свисали мокрыми прядями, во многих местах кожа стерлась до крови, а лицо было серым от усталости.

Шалиаль опустилась на колени и вытерла ему лицо.

— Боже? — испуганно прошептала она. — Что тебе нужно, Боже?

— Вина, — пробормотал он. — И жратвы. Целый день не ел. И помыться тоже не помешало бы.

Мы принесли ему все это, ибо давно приготовились к его приходу. Он хлебнул вина и чуть прибодрился. Шалиаль омывала его, а я совал ему в рот еду — жуткое количество еды. Он ел, как оголодавший конь. Он ел даже лежа на животе, пока она протирала ему спину и делала массаж.

Потом он отодвинул остатки еды, а Шалиаль окончила массаж. Он все еще сидел на полу — великан, усталый от тяжелой битвы. Его веки слипались.

Он озадаченно смотрел на меня с минуту, как бы раздумывая о чем-то. Потом вспомнил.

— Он жив. Показал себя хорошо. Он неплохо начал.

— Спасибо, — сказал я. — Что начал?

Джаксиан устало покачал головой:

— Понятия не имею. О ком это мы? Это все, что я знаю.

— Ты можешь дойти до кровати, Боже? — тревожно спросила Шалиаль, опускаясь на колени. Я подумал, сможем ли мы с ней поднять его вдвоем, и решил, что, возможно, и сможем, но попробовать мне не хочется.

— Думаю, что смогу, — пробормотал он. Он уперся рукой в пол, чтобы подняться, но снова осел.

Шалиаль покосилась на меня.

— Бог ушел? — спросила она, прикусив губу.

— Он сделал свое дело, любовь моя.

Она кивнула. Джаксиан призывно надул губы. Она наклонилась и подарила ему невинный поцелуй.

Он обиженно тряхнул головой.

— Нет, это слишком похоже на обычную сестру.

Она попробовала еще.

— Ага! — вскричал он, вскакивая на ноги и увлекая ее за собой. Он крепко обнял ее, и они страстно поцеловались.

Я пошел к двери. Проходя мимо них, я похлопал его по плечу.

— Что-нибудь еще нужно? — спросил я. — Может, немного тамариска?

— Вон! — страшным голосом взрычал Балор.

Я выскочил как испуганный заяц. Когда я закрывал за собою дверь, я услышал смех и скрип кровати.

По дороге из покоев я задержался обернуть вокруг бедер полотенце. Так я почувствовал себя гораздо лучше. Нет, я, право же, начал понемногу возвращаться к реальности, словно в первый раз за два дня проснулся или протрезвел. Мир сделался отчетливее. Я видел древние камни храмовых стен и пляшущие язычки свечей. Я чувствовал запахи старого мыла, и прокишшего супа, и кожи, и еще — чуть-чуть — слабый запах тамариска. Я слышал далекое пение — храм продолжал жить своей повседневной жизнью, как жил тысячи лет, с тех пор как на этом месте не было ничего, кроме тамарисковой роши.

Я мог представить себе эту рошу так отчетливо, словно видел ее своими глазами.

Выйдя в прихожую, я столкнулся лицом к лицу с мерзким верховным жрецом. Он казался встревоженным и усталым, и его необъятная алая хламида покрылась пятнами пота. Он опустил на колени, но сделал это скорее на случай, если кто-нибудь еще войдет в помещение. Он смотрел на меня взглядом, который истинно верующий счел бы по меньшей мере недостаточно уважительным.

Возможно, он и боялся Балора, но моя улыбка никогда не была достаточно загадочной, чтобы убедить Нагьяка. Он понимал, что я — простой смертный, самозванец, и я не надеялся, что он будет долго терпеть меня.

— Какие-нибудь проблемы, святой отец? — весело спросил я.

Он задумчиво пожевал губу и решил поиграть в маскарад еще по меньшей мере несколько минут.

— Нет, Боже. Что, Балору Бессмертному нужно еще что-нибудь от нас? Или там всего достаточно? — Он едва не лопался от невысказанных вопросов и опасного негодования. И возможно, от страха — но не слишком.

— Мы считаем, что он не желает, чтобы его тревожили сегодня ночью. Впрочем, у нас самих есть несколько просьб.

Его пухлое лицо подозрительно нахмурилось; наголо выбритый череп блестел в свете свечей.

— Все, что пожелает Ваша Божественность, — приказ для нас, — ответил он с прямо-таки трогательным отсутствием искренности в голосе.

— Что, городские ворота закрыты?

Ага! Он расплылся в хитрой улыбке.

— Полагаю, что так, Боже.

— Но, надеюсь, у вас найдется моток крепкого каната и парень покрепче, чтобы втянуть его потом обратно? А еще повязка попрстойнее и пара сандалий? Горсть мелочи и мешок снеди — не слишком большая плата за оказанные услуги. Видишь ли, мы намерены лично осмотреть поле сражения, чтобы сохранить это для истории.

— Полагаю, это можно будет устроить. — Мерзко улыбаясь, он поднялся на ноги. — Вы нас покидаете?

— Именно так. Я даже заключу с тобой сделку.

Жрецы обожают сделки так же, как купцы — золото, а воины — кровь. Он довольно потер руки.

— Да, Боже?

— Ты пойдешь со мной вместе и поклянешься мне самой торжественной своей клятвой в том, что не перережешь веревку раньше, чем я благополучно спущусь со стены, — а я, так уж и быть, расскажу, как мы это сделали.

Нагьяк зажмурился и визгливо рассмеялся.

30. РАЗБОЙНАЯ ДОРОГА

Я вышел к широкой реке у брода, и место это показалось мне знакомым. Вода стояла низкая, и из серебристых струй тут и там проглядывали отмели золотистого песка. Несколько темных черточек в потоке, вполне возможно, были выне-

сенными на мель трупами, но вода снова стала серебряного цвета, а не красного — если только она действительно окрашивалась в красный цвет. Ниже по течению виднелись далекие пестрые паруса рыбацких лодок, колыхавшиеся в жарком полуденном мареве.

Почернелое пожарище обозначало место, где стоял домик паромщика, но меж обугленных бревен пробивалась зелень, а это означало, что переправы здесь нет уже много лет. Рядом с пожарищем виднелись остатки сада — шесть тополей и пламенеющее алым цветом тюльпановое дерево. Это тюльпановое дерево запомнилось мне особенно хорошо.

В тени тополей расположились на отдых десятка два или около того молодых людей. Они разлеглись на зеленом травяном ковре, перекусывая, отгоняя назойливых мух и не забывая при этом приглядывать за парой пасущихся рядом долговязых форканских лошадок.

Это была разношерстная компания, но большинство носили драные кожаные штаны полрейнского покроя. Некоторые были босиком, некоторые — в сапогах. У каждого под рукой лежал щит и меч, но все остальное их оружие скорее всего было увязано во вьючные тюки. У них было либо мало снаряжения, либо мало провианта. Почти все были совсем еще молоды, некоторые — в повязках, некоторые — оправляющиеся от ран. Несмотря на свою юность и неухоженный вид, они производили впечатление закаленных воинов, привыкших смотреть смерти в лицо.

Когда я подошел к ним, тот, кто был ко мне ближе всех, собрался вставать, и я замедлил шаг в ожидании оклика.

— Пусть подойдет! — рявкнул знакомый голос.

Я прошел меж ними к человеку, который был мне нужен. Он сидел чуть поодаль, привалился спиной к тюльпановому дереву. Он был немного старше большинства остальных. На голове его все еще белела повязка, да и шрамов на теле прибавилось. Это был очень рослый, волосатый мужчина, и он смотрел на меня, нахмурившись, как демон царицы Гупль.

Я сел и сделал большой глоток из бутылки с водой. Когда я покончил с этим, он все еще смотрел на меня, лениво почесывая необычно короткую бороду.

— Чего тебе надо?

— Всего лишь поговорить со старым другом.

— Ну говори. Что еще? — Он рычал, как лев на охоте. — Только для дружбы нужно по меньшей мере два человека. — Он оглянулся проверить, не слушает ли нас кто из его спутников.

— У меня к тебе послание. Точнее, два послания.

— Тогда передавай их и катись.

— Первое — от Штаха. Он сказал, что ты неплохо начал.

Гневный румянец загорелся на его щеках. Он ничего не сказал, но я слышал уже про его подвиги и понимал, что они заслуживают похвалы выше, чем эта. Наличие такого количества верных подчиненных уже наглядно свидетельствовало о той репутации, которую Ториан Безымянный заработал за один кровавый день.

— А второе?

— Это будет длиннее. Мы можем продолжать разговор в пути.

— Чтобы ты свел меня с ума своим бесконечным трепом и дурацкими байками? — грозно буркнул он. — Мечтай о чем угодно, Омар, только не об этом.

— Тогда я не передам тебе послания, — безмятежно ухмыльнулся я.

— Так ты больше не бог?

— Храни меня боги! Нет, мне не понравилось быть богом. Он задумчиво сдвинул свои густые брови.

— Сдается мне, это многое объясняет. Ответь мне правду, если хочешь быть моим другом, — где и когда ты рожден?

— Не помню. Я был тогда слишком мал.

Черные глаза угрожающе вспыхнули.

— Если ты смертен, я могу убить тебя. Собственно, если подумать, я вижу, что просто должен убить тебя, ибо ты был свидетелем моего позора, а я не могу позволить, чтобы весь мир болтал об этом.

— Я думал, ты лучше знаешь меня, — сказал я, не скрывая обиды. — Я никогда не предаю друзей. Я никогда и никому не рассказываю о позоре до тех пор, пока это не добавит им только славы.

— До каких пор? Какой еще славы?

— Второе послание как раз об этом.

Он смерил меня подозрительным взглядом.

— От кого это второе послание?

— От богов, конечно.

— Храни меня, Штах! — Он вскочил на ноги и вышел из тени на солнцепек. Остальные удивленно посмотрели на него, но не прошло и нескольких секунд, как они побросали недоеденные остатки в походные сумы, подняли свое оружие и встали, готовые к выходу. Двое держали под уздцы лошадей.

Я тоже встал и, шурясь на яркое солнце, подошел к Ториану.

— Что нового слышно о Балоре? — спросил я.

— Он задержался после тебя еще на один день. В основном улаживал споры из-за награбленного добра. Потом и он вернулся к себе, на Ту Сторону Радуги.

— А Шалиаль? Я хотел сказать, Саньяла?

Ториан нахмурился.

— Она исчезла. Говорят, бог забрал ее с собой.

Я счастливо вздохнул. Горожане, конечно, будут оплакивать потерю своей прекрасной верховной жрицы, но им и в голову не придет пытаться отыскать ее. Ургалон — славный город. Никто не знает там Шалиаль Тарпит как сестру Джаксиана, и они не настолько похожи друг на друга, чтобы незнакомые люди заподозрили что-нибудь неестественное. Нет, право же, наконец-то счастливый конец истории! Майана возвращает свои долги, даже если Кразат — не всегда.

Ториан ухмыльнулся, показав щербатый рот, потом снова нахмурился и беспокойно покосился на меня.

— А ты? Куда лежит твой путь, Омар?

— Я иду в Полрейн. Я никогда еще не был там — по крайней мере я не помню такого. Возможно, был раз, но слишком давно.

— Почему в Полрейн? — буркнул он.

— Потому, что царство рухнуло. Потому, что должен появиться новый царь и построить новое царство. Это работа для героя, но найти героев не так просто. Я могу предсказать долгую и кровавую борьбу — там мне будет на что посмотреть.

— Я знал, что дорога будет тяжела, но не ожидал, что так тяжела, — простонал он сдаваясь.

— Мне был послан сон — в ту первую ночь в «Бронзовом кубке». Тогда я не понял его. Зато тебе это было бы интересно!

— Длинный сон?

— Нет. Очень короткий.

Впрочем, пока исполнится это пророчество, пройдет еще немало времени — его борода была во сне седой.

Он неохотно усмехнулся:

— Мы тоже собираемся в Полрейн.

— Надо же, какое приятное совпадение!

— Ну, не прямо туда. Мы собирались еще пограбить немало тут и там.

— Замечательная разминка, — довольно пробормотал я.

— Как ты нашел меня?

— Я тоже получил послание — тюльпановое дерево...

— Если ты не будешь непрерывно мешаться под ногами, я, пожалуй, и потерплю тебя день или два.

— Значит, решено! И по пути, друг мой Ториан, после того как я расскажу тебе то, что мне было предсказано, не расскажешь ли ты мне в ответ кое-что?

Его лицо снова сделалось угрожающим.

— Что?

— Мне не терпится узнать о подвигах Трумина Доблестного, Сумминама Телобла и Шандилия Розоцветы.

С минуту мне казалось, что вот-вот он убьет меня одним ударом. Однако постепенно кулак его разжался.

— Ты этого в самом деле хочешь, да?

— Еще как! — Я оглянулся на шагающий за нами отряд. — Я никогда раньше не слышал о таком обычае. И все твои спутники тоже имеют своих образцов?

Ториан глубоко вздохнул, потом усмехнулся:

— Конечно, имеют, и каждый из них будет счастлив рассказать про них тебе, похваставшись при этом, как он их превзошел. И ведь некоторые действительно превзошли! Ладно, поговорим потом. У нас впереди еще долгая дорога.

Приют охотника

Моей дочери Джуди — которой ни разу не посвящали книги так, чтобы не посвятить их при этом еще кому-нибудь (ведь откуда нам было знать, сколько книг еще получится!) — с запозданием, но с любовью посвящается

ВНИМАНИЕ!

Это второй фрагмент воспоминаний Омара — Менялы Историй, предлагаемый в переводе вниманию публики. Отдельные моменты могут противоречить заявлениям, сделанным Омаром в первой книге. Пусть это не беспокоит тех, кому не довелось читать ту — первую — книгу. Тех же, кто с ней знаком, это удивит вряд ли.

1. ВОЗВРАЩЕНИЕ СТРАННИКА

Досадный инцидент, не более того... Прошлым летом, когда я впервые посетил этот постоялый двор. ...А, ерунда, ничего серьезного, господа, — так, мелкое недоразумение. И право же, из-за совершенно ничтожной суммы.

Должен признать, факты, вроде бы, говорили против меня. Мой обычай выбирать самый короткий путь нередко трактовали превратно. Когда на рассвете я отправился в дорогу — собственно, рассвет еще не наступил, но по натуре я ранняя птица, — я не счел необходимым изменять своим привычкам. Я спешил, путь мой лежал в Гильдербург, до которого оставались еще многие лиги утомительной ходьбы. И кроме того, я боялся, что могу потревожить драгоценный сон постояльцев, если буду спускаться по скрипучей лестнице. Только пройдя уже половину огорода, я сообразил, что забыл уплатить по счету. Дверь в дом заперта, ну я и решил оставить деньги на доске в конюшне.

Единственно за этим я и зашел на конюшню. Что еще мог я там делать? Ведь моего коня там не стояло — собственно, у меня и коня-то не было.

Все-то и случилось потому только, что Фриц, трактирщик, по своей невиданной жадности сдал постояльцам собственную комнату, а сам устроился спать на сеновале, откуда открывался чудный вид на мое окно.

Дверь на конюшню даже не скрипнула. Я нагнулся за своей котомкой, а когда выпрямился, прямо передо мной было нечто, поначалу принятое мною за стог сена.

Я не раз устаивался лестных отзывов за свое умение обращаться с животными, и, насколько мне известно, скот размещают внизу, а фураж — на сеновале. Даже самая сообразительная скотина редко умеет лазать по лестнице. Именно поэтому я слегка удивился, что майн герр Фриц отступил от общепринятого обычая. И только приглядевшись, понял я, что передо мной в предрассветных сумерках не кто иной, как майн герр Фриц собственной персоной. Рубахи на нем не было, что, возможно, и сбilo меня с толку. Запрокинув голову, я увидел над собой и его лицо.

Было что-то нездоровое во взгляде его голубых глаз и в том, как сжались его чудовищные челюсти.

Инстинкт подсказал мне, что назревает конфликт. И я поспешил объясниться, стараясь говорить коротко и внятно.

Но сразу же возникла другая проблема — с оплатой. Я не отрицаю, что цена была написана большими буквами на стене у пивной стойки — весьма подробный и доходчивый прейскурант. Никто не вправе оспаривать и тот факт, что цены соответствуют уровню предлагаемых услуг. Как-никак, а «Приют охотника» — постоянный двор высшего разряда. Здесь вам предоставят все, что необходимо даже такому опытному и, можно сказать, требовательному путешественнику, как я. В определенном смысле это один из лучших постоянных дворов, удостоенных моего посещения, и я искренне намеревался рекомендовать его всем своим многочисленным знакомым, которых я то и дело встречаю, странствуя по белу свету, — о чем я, разумеется, и сказал трактирщику. Единственная неприятность — будучи в горах Гримм человеком новым, я ошибочно предположил, что цены проставлены в нургийских динарах.

К моему искреннему удивлению, Фриц сообщил мне, что в самом низу прейскуранта значились гильдербургские талеры. На это я ответил, что всякий раз, когда я накануне вечером смотрел в ту сторону, Фриц как раз наливал пиво

из того самого бочонка, что стоит под надписью. При этом столь важный постскрипtum заслонялся его широкими плечами. Воистину это было существенное обстоятельство — большинство людей не смогли бы перегородить мне поле зрения, но Фрица никак нельзя было отнести к этому большинству — если только посчитать его за трех разом.

Разумеется, у меня хватило бы денег рассчитаться, когда бы эта цифра исчислялась нургийскими динарами.

В этом и была загвоздка, майне геррен. Увы, этот чурбан не поверил мне.

Впрочем, не следует судить его слишком строго. При всех своих исполинских размерах Фриц был слишком молод для ремесла трактирщика. Даже человек постарше и поопытней и то мог бы неправильно оценить столь двусмысленную ситуацию. Возможно, он мог бы выражаться поизящнее. Возможно, он мог бы проявить чуть больше такта, разворошив мою котомку, обозвав мои запасные одежды жалкими обносками и кинув их в грязь на скотном дворе. Наивно ждать учтивости от молодежи. И все же он удержался от чрезмерного применения силы, что, согласитесь, всегда сильное искушение для человека с его природными данными.

Точнее сказать, почти удержался. Он вывел меня за ухо за дальние амбары и там вручил мне ужасающих размеров топор. Далее он показал мне десять или одиннадцать срубленных деревьев, велел нарубить дров и отметил, какой длины должны быть поленья, чтобы вошли в печь. Потом он свистом подозвал некое животное, которое я мельком уже видел накануне и принял за взрослого медведя. Животное оказалось псом.

Псом, по кличке Крошка, но даже по меркам Фрица это определение явно не соответствовало его размерам. Крошка, как заверил меня Фриц, не даст мне сбежать без ведома хозяина. К этому он добавил, что Крошка великолепный сторожевой пес и у него только один недостаток — страсть к убийству, проявляющаяся, впрочем, только в тех случаях, когда он учует свежую кровь.

Пока я переваривал эти зловещие намеки, мой бывший хозяин поспешил обратно в дом готовить завтрак постояль-

цам. Крошка вывалил язык, похожий на черный половик, повешенный на частокол белых зубов, и улегся обдумывать план моего растерзания.

Уже взошло солнце, и день обещал быть жарким. Я со рвением принялся за работу и не сбавлял темпа до тех пор, пока Фриц не удалился, переключившись на другие неотложные дела.

Кажется, я уже упоминал, что имею некоторый опыт общения с животными? Сделав небольшой перерыв, чтобы отдышаться, я подошел к углу поленицы. Крошка ошетинился и рыкнул — этот звук вызвал в моей памяти землетрясение, разрушившее стены Атламбарона. Эта тварь недвусмысленно намекала, что еще шаг — и мне крышка. По счастью, я уже подошел к нужному мне месту достаточно близко.

Подробный рассказ о моих дальнейших действиях может смутить особо чувствительных слушателей, поэтому я опущу подробности. В общем, я сделал так, что указанный угол упомянутой уже поленицы приобрел определенный интерес для собаки. Когда я кончил с этим, Крошка встал и подошел изучить плоды моего труда, всем своим видом показывая, что — пусть он и не слишком хорошо разбирается в дровах — в этом-то он знает толк. Короче говоря, он подошел ко мне совсем близко. Когда он отвернулся от меня, чтобы тоже оставить свою визитную карточку, я оглушил его обухом топора.

Я лишился завтрака и своей котомки, но в следующей же деревне продал топор за шесть гильдербургских талеров — и таким образом даже остался в выигрыше.

Все это, как я уже сказал, имело место прошлым летом. Теперь же стояла зима.

Я пришел в Фолькслянд в надежде узнать конец одной давней истории, чего мне не удалось. Опытный собиратель историй умеет достойно встречать разочарования. Где-нибудь когда-нибудь я найду недостающий фрагмент — в базарных сплетнях или в случайной фразе попутчика, в пьяном рассказе за столом в кабаке или в древней легенде,

услышанной в каком-нибудь монастыре, затерянном в глуши... Теперь же меня влекли теплые края, ибо мой образ жизни несовместим с зимней стужей.

Я мог выбрать один из трех путей на юг. Я мог сесть на корабль, хотя плавание в это время года небезопасно. Я мог дожждаться каравана, следующего по Янтарному Пути, и дойти с ним до самых соляных озер, хотя дикие сыны степей опять устраивают набеги. Пожалуй, самое разумное — отправиться через горы Гримм — путь неблизкий, но чрезвычайно живописный.

Нельзя сказать, чтобы пребывание в северных болотах ничем меня не порадовало. Мой запас историй значительно обогатился. Я выехал из Лютцфройля солнечным морозным утром верхом на гнедой кобылке, в компании развеселых купцов, направлявшихся в туманные долины Винлянда. Разговор наш, яркий и искристый как иней на траве, не стихал все время, пока мы пробирались меж холмов. Я приобщил к своему собранию несколько тривиальных историй, по своему обыкновению отплатив за них другими.

Мы остановились в живописной ложнине, чтобы подкрепиться и дать лошадям передохнуть. Вершины вокруг сияли на солнце во всем своем зимнем великолепии, хотя пейзаж — на мой взгляд, конечно — был слишком уж красив.

Впрочем, после полудня небо понемногу приобрело зловещий свинцовый оттенок, колючий холодный ветер все норовил забраться под теплые плащи, и мы въехали в темное лесное царство. Жилье здесь встречалось редко, да и то — одинокие избы лесорубов или углежгов. Мы посоветовались, не лучше ли переждать непогоду в какой-нибудь хижине, но решили все-таки, что стоит поспешить — может, удастся одолеть перевал прежде, чем погода окончательно испортится... или исправится, ведь погода в горах переменчива.

Увы, беда пришла с другой стороны. Мы нарвались на шайку грабителей, преизобилующих в этих глухих местах. Они были оборваны, косматы и свирепы — отчаянные, бессовестные головорезы, — с такими моим миролюбивым спутникам не под силу справиться, даже будь их в пять раз меньше.

У меня имеются определенные навыки владения мечом, но как раз меча-то у меня в этот день с собой и не было. Я всегда предпочитал военную хитрость безоглядному натиску, а уж в нашем случае было куда предпочтительнее затаиться в засаде, чем рваться в бой с заведомо превосходящими силами противника. Когда моя кобыла испуганно попятилась, я вытянул руки вверх и ухватился за мощный дубовый сук, по счастью, нависавший над дорогой. Я подтянулся, уселся поудобнее, вытянул свой кинжал и приготовился прыгнуть на первого разбойника, который окажется в пределах досягаемости.

Я не надеялся остаться незамеченным, ведь деревья стояли голые. Тем не менее мне это удалось.

В ужасе наблюдал я за тем, как мои спутники были безжалостно убиты, их добро разграблено, их тела раздеты. Очень скоро стало ясно, что вмешательство мое ничего не изменит, я только совершу благородное самоубийство. И не прошло и получаса, как злодеи погнали караван в свое логово, оставив на дороге раздетые трупы.

Я оказался в затруднительном положении. Разбойники ушли на юг, в горы. Вряд ли они передвигались быстрее меня, так как не у всех были лошади. У меня не было ни малейшего желания догонять их и сообщать о том, что меня-то они и проглядели.

Единственное, что мне оставалось, — это продолжить путь на север в надежде добраться до жилья какого-нибудь лесоруба. Меж ветвей тем временем начали уже кружить первые хлопья снега.

Подождав еще немного, дабы убедиться, что разбойники не вернутся, я осторожно слез с дерева, с болью в сердце сказал последнее «прости» своим бывшим друзьям — принеся им при этом извинения за то, что не могу даже похоронить их как подобает — и отправился в одинокий путь через лес, подбадривая себя свистом.

Несть числа историям про троллей и прочих злых духов, подстерегающих путников в горах Гримм. Мне ни разу не доводилось говорить с человеком, который видел бы их собственными глазами, хотя это еще не доказательство того, что все эти

россказни — брехня. Сам я, во всяком случае в тот вечер, не встретил ни одного. С чем я встретился на деле — так это со снежной бурей из числа тех, что сгубили больше путников, чем все горные тролли, вместе взятые.

В крошечной мгле бьющий в лицо снег уже не кажется белым — он угольно-черный. Снег забивается во все складки одежды, тяжелым грузом ложится на плечи, набирается в башмаки, щиплет, леденит, ослепляет. Я наверняка сбился бы с дороги, если бы лес не был таким дремучим. Уклоняясь в сторону, я неминуемо натыкался на дерево.

Но где же эти проклятые избушки? Через некоторое время пришлось признать, что я или прошел мимо, не заметив их, или просто заблудился. На перевал ведет несколько дорог, и я запросто мог свернуть не туда. Во всяком случае, никакой уверенности в том, что я найду у дороги хоть какое-то жилье, у меня не было.

Итак, ночь — все холоднее, ветер — сильнее, а сугробы — глубже. Я никогда не досаждаю богам своими молитвами, ведь их всеведению вовсе не нужны мои напоминания, но в ту ночь я совсем было приготовился встретиться с ними лично. Я достиг последней стадии отчаяния и усталости: это когда обещаешь себе отдых через пятьдесят шагов, потом еще через пятьдесят — зная, что стоит остановиться, и больше уже никогда не поднимешься.

И вдруг впереди, к моему удивлению и несказанному облегчению, забрезжил слабый огонек. Спустя секунду он мигнул и исчез, но это меня не обескуражило — я хорошо понимал, что, если ставень распахнуло порывом ветра, его постараются побыстрее закрыть. Важно одно — то, что где-то совсем рядом жилье и там кто-то есть. Наверняка они там не откажут в гостеприимстве одинокому честному путнику, тем более в такую ночь.

Я пробирался по пояс в снегу, держа курс на слабые проблески света. Не знаю, сколько времени мне понадобилось, чтобы добраться до двери. Дверь распахнулась: в комнату ворвался снежный вихрь, и я рухнул на пороге. Таким, нельзя сказать чтобы тихим, образом оказался я вновь на постоялом дворе «Приют охотника».

2. ВЫЗОВ ПРИНЯТ

Как и подобает постоялому двору, майне геррен, «Приют охотника» невелик. Так как это единственное обитаемое место на много лиг в обе стороны по Гильдербургскому тракту, здесь не жалуются на отсутствие постояльцев. И хотя это на первый взгляд странно, но переменчивая погода тут скорее союзница, чем недруг. Случается, зимою путники просто вынуждены по нескольку дней пережить буран.

Предыдущие владельцы «Приюта охотника» умерли года два назад от чумы — и это вполне обычный исход для тех, кто имеет дело с путешественниками. Теперь заведением владели и, соответственно, вели все дела их дети. Фрица я уже упоминал. Кратко его можно охарактеризовать как блондина с дурным характером и — что уж явно перебор — огромного роста вдобавок.

Зато сестра его... у меня нет слов! Редко кому удается настолько околдовать меня. Но Фриде хватило для этого нашей непродолжительной встречи прошлым летом.

Ну конечно же, Фрида была юна и прекрасна. Одно ее слово кружило головы всем присутствующим мужчинам, а два лишали их остатков разума. Она была блондинкой, как и ее брат; и, пожалуй, даже высока для женщины — с меня ростом. Она заплетала свои золотые волосы в две пышные косы. Глаза ее — как бездонное летнее небо, щеки — спелые персики, губы манят обещанием райского блаженства. Она была стройна и легконога, и как ни старались тяжелые дмотканые платья и необъятные передники скрыть ее фигуру, ни у кого не оставалось сомнений в том, что тело под одеждами столь же совершенно, как и лицо.

Предваряя ваш вопрос, майне геррен, поспешу признать: она изрядно преуспела в той части хозяйства, что ложится обыкновенно на плечи женщины, — весь дом благоухал чистотой, а от аромата ее яств слюнки текли даже у самых привередливых гурманов. Несколько недель на ее стряпне, и даже травяная змея растолстеет.

Не стану отрицать, мужчины слишком часто судят о женщинах по таким тривиальным качествам, но я настаиваю, что в данном случае они существенно дополняют общую картину. Поверьте мне, майне дамен, что за свою кочевую жизнь я встречал красавиц тысячами, а хороших кулинарок сотнями. А одна или две даже сочетали в себе и то, и другое. Но ни ее внешнее очарование, ни ее рагу из зайца не привязали бы меня к ней так, если б этим все и ограничивалось!

Фрида была не только умелой и привлекательной, она была еще и умна. Вот это уже — очень редкое сочетание, как в женщинах, так и в мужчинах. Много ли вы знаете шутников, которые бы обладали внешней привлекательностью?

Она отвечала шуткой на шутку, цитатой на цитату, шпилькой на шпильку, и ее музыкальный смех запоминался надолго. В тот первый вечер она взяла надо мною верх в баре — причем с легкостью, можно сказать, играючи, изрядно позабавив постояльцев и удивив меня. Да, майне геррен, такое случается, но редко без того, чтобы я сам не подыграл победителю. В случае же с Фридой я вовсе не поддавался; просто она оказалась на голову выше. Да нет, на две головы! Увы, такова была единственная награда за мое желание пококотничать. Правда, я не сомневаюсь, что и остальным постояльцам мужского пола повезло не более моего.

Хотя я все же имел некоторый успех — если судить по откровенной враждебности Фрида в тот вечер, задолго до утреннего недоразумения с нургийскими динарами. Когда Фрида подседа ко мне на лавку, он так сжал кулаки — с кузнечный молот каждый, — что аж жутко стало. В отличие от сестры чувство юмора у него отсутствовало напрочь. Все мои попытки вовлечь его в беседу потерпели крах, хотя, как правило, мне это удается легко.

Возможно, майне геррен, самое время сейчас описать гостиную постоялого двора, ибо она играет не последнюю роль в моем дальнейшем повествовании.

Она занимает почти весь первый этаж. Попробуйте представить себе четыре стены грубой каменной кладки, толщины которых хорошо заметна по глубоким бойницам окон —

снабженных, разумеется, крепкими ставнями. Входная дверь сработана из старого дуба, обитого медными гвоздями. Деревянная лестница у противоположной стены ведет наверх, к четырем тесным комнаткам для постояльцев и каморкам хозяев на чердаке. У стены огромный камин; напротив — дверь на кухню за массивной пивной стойкой.

В те времена, о которых я веду свой рассказ, в углу стойки красовались три здоровых бочонка с пивом, причем на самом деле годилось для питья содержимое только одного из них — среднего. Полки над бочонками были уставлены местной глиняной посудой: чашками, тарелками, пивными кружками. Рядом с полками-то и висел тот самый злополучный преЙскурант. Изящные черные буквы были, несомненно, выписаны давным-давно каким-нибудь странствующим писарем в уплату за ночлег или за кувшин пива с куском оленины.

Декор гостиной был довольно тривиален. Головы лосей, оленей и горных баранов свидетельствовали о том, что охотники здесь перебивали в большом количестве. Сложнее было объяснить боевой топор и двуручный меч над камином. Под ними, на каминной полке красовались всякие безделушки: покореженный солдатский шлем допотопного фасона, друга горного хрусталя, маленькая медная ваза, несколько глиняных фигурок, песочные часы, музыкальная шкатулка в резном футляре. Ни изысканных живописных полотен, ни изящных скульптур здесь не было.

Сухой мох покрывал каменные плиты пола. Потолочные балки почернели от копоти, а длинный деревянный стол посередь комнаты был почти зеркально-черным от жира, ввевшегося в доски за несколько десятилетий. В дневное время к нему придвигали две длинные лавки, а два кресла с высокими спинками стояли у камина. В эту холодную ночь лавки тоже придвинули поближе к огню. Медный кувшин на плите распространял возбуждающие запахи хмеля и пряностей. Ужин уже унесли и стол вытерли, хотя в воздухе еще витал запах жареного мяса. Тусклая лампа одиноко качалась над стойкой, но потрескивающие в камине сосновые поленья давали достаточно света.

Постояльцы жались поближе к камину, и их причудливые тени плясали в холодных углах. Ветер завывал в дымоходе и шевелил мох на полу. В общем, атмосфера довольно гадостная, но в такую ночь желанным покажется любое пристанище.

Тут уж выбирать не приходится, оставаться в лесу — верная смерть.

Отсутствие собаки настораживало.

Как и следовало ожидать, мое драматическое появление вызвало смятение. Я был поднят с пола и перенесен к огню. Как только выяснилось, что я один и что никто из моих спутников не ждет на улице, дверь снова закрыли и задвинули засов. Под хор сочувственных голосов с меня сняли обледеневший плащ и шапку, потом шерстяную рубаху и башмаки. Раздетый до нижнего белья, я был быстро завернут в толстое одеяло.

Я бросил взгляд на того, кто меня заворачивал, и поспешно натянул на голову угол одеяла, но было уже поздно. Ее ярко-голубые глаза распахнулись от удивления — она тоже меня узнала.

— Идиот! — прошептала она.

Мне приходилось слышать и более теплые приветствия, но в данном случае это слово служило предупреждением и, возможно, было сказано с добрыми намерениями. Я свернулся калачиком под одеялом, чтобы быстрее согреться, и компания, оживленно переговариваясь, вернулась на свои места.

— Эй, трактирщик! — Голос был мужской, энергичный и громогласный. — Не может быть, чтобы твой новый гость отказался от кружки подогретого пива с пряностями! — Мне показалось, что говоривший мне знаком, но я предпочел не высовываться.

— Какой он мне гость! — отвечал голос, с опознанием которого я не испытывал никаких затруднений. — И я не хочу, чтобы мои одеяла пачкали!

Одеяло было немилосердно сорвано, оставив меня лежать на свету скрюченным и в мокром белье. На глаза мои

навернулись слезы — это руки, ноги и лицо разом начали оттаивать. Меня трясло с такой силой, что я едва смог повернуть голову, чтобы хмуро посмотреть на светловолосого великана.

— Хо! — вскричал первый голос. — Ты, наверно, не знаешь, что твое заведение почтил присутствием сам знаменитый Омар, прославленный Меняла Историй?

Теперь я точно вспомнил его — купец, которого я не раз встречал во время странствий. Только имени его я не мог вспомнить сразу, а когда услышал, оно было не тем, под которым я знал его прежде. Собственно, из людей, собравшихся в ту ночь в «Приюте охотника», я знал некоторых и раньше, хотя не всех по имени или по роду занятий.

— Прославленный вор, — отвечал юный Фриц. — Известный нахлебник. Он пытался увести лошадь. Он убил мою собаку. Не видать ему пристанища под этим кровом как своих ушей, господа хорошие.

Поднявшийся гул протеста был заглушен раскатистым смехом купца.

— Постой! Куда так спешить, хозяин, надо хотя бы обсудить юридическую сторону дела. Выгнать странника из дома в такую ночь — все равно что обречь его на верную смерть.

— Мои подушки останутся сухими, — стоял на своем юный изверг.

Я вынужден признать, что дискомфорт сделал меня раздражительным.

— Сынок, — буркнул я. — Как я вижу, твои шансы вырастить усы до сих пор остаются чисто умозрительными, однако, если ты и дальше будешь расти такими темпами, тебе придется завести хибару повыше, чтобы не стукаться головой о потолок.

Фриц зарычал и протянул свои лапищи, явно намереваясь вышвырнуть меня вон.

— Стой, тебе сказано! — рявкнул купец. — В таком деле спешить нельзя, все мы здесь заперты до утра — то есть все, за возможным исключением Омара. Излагай свое обвинение, трактирщик!

Великан отпустил меня и выпрямился.

— Воровство, майн герр! Он сбежал, не заплатив по счету. Он спер у меня топор. Он убил мою собаку.

— Конкретнее! — проворчал купец, поднося к губам пенящуюся кружку. — Сколько именно он остался тебе должен?

— Пятнадцать талеров.

— Двенадцать, — возразила Фрида откуда-то сзади.

— И еще три за топор! — взревел ее братец.

— Двенадцать? — переспросил купец. — Да, он, должно быть, объедал весь дом на протяжении всего вечера!

— Еще как, — мрачно ответил Фриц.

Гнусное преувеличение! Всего три-четыре кружки, не больше!

Купец улыбнулся. Это был дородный мужчина средних лет, одетый в мягкие меха и блестящие кожи. Он весь блеснул: кольца на пальцах, пряжки с камнями на башмаках и золотая цепь на груди. На его лицо падали красные отблески камина, а может, он раскраснелся от доброго обеда и обилия пива. То, что он занимал одно из двух кресел у огня, говорило о том, что либо он здесь выше других по положению, либо просто богаче. Даже мешки под глазами у него, казалось, набиты золотом. Он был из тех, что любят порадоваться жизни, особенно за чужой счет.

— Но, возможно, он вернулся сегодня движимый раскаянием и намерен вернуть свой долг? Если он сделает это и уплатит за то, что ему потребуется на этот раз плюс небольшую компенсацию за моральный ущерб, вы ведь вряд ли сочтете возможным отказать ему?

— Еще как сочту, майн герр! У нас нет свободных комнат, и со стола уже убрали. И так или иначе, у этого бродяги нет золота.

Ветер взвыл в дымоходе особенно злобно, и тревожно вскрикнули несколько голосов. Хлопнул ставень.

— Ну, Омар?

Я вздохнул и продолжил разглядывать горящие поленья в камине. Вчерашним утром я выезжал из Лютицфройля с пятью или шестью талерами в седельном мешке. У меня все

еще было несколько медяков в кармане. Остальное досталось грабителям. Я сомневался, что моя печальная история произведет впечатление на трактирщика, даже если он поверит в нее, во что не верил я.

— Все это дело — всего лишь недоразумение, — заявил я.

Хор на заднем плане возмущенно загудел.

Купец хрюкнул и чуть не поперхнулся от смеха, словно ничего другого и не ожидал.

— Что тогда, этот плащ? С соболевого опушкой, между прочим! Башмаки, кинжал, шапка... не самая модная, конечно, но все же еще достаточно крепкая и теплая. Я бы сказал, что на пятнадцать талеров все это добро уж наверняка тянет. Забирай это, хозяин, и будем считать, что с прошлым делом разобрались.

— Это хороший плащ, — раздался голос Фриды.

— Наверняка краденый. И потом, кому нужна такая шапка?

— Вы выгоните его на улицу в одном белье? — спросил капризный женский голос. — В такую ночь?

Как бы в подтверждение этих слов ветер снова сотряс дверь и пыхнул дымом из камина.

— Ах! — вздохнул купец. — О будущем разговор еще впереди, майне дамен. Нам бы пока разобраться с прошлым.

В прошлом мой язык помогал мне найти выход из сложных ситуаций. Сегодня же мне предстояло скорее найти с его помощью вход, а я — вот досада! — все еще недостаточно оттаял, чтобы сконцентрироваться на этом.

— Расплатиться за собаку можно только кровью! — возгласил Фриц.

Он все еще стоял у меня за спиной. Я прикинул, не стоит ли мне попробовать ухватить его за пояс и швырнуть через голову в камин. Я знавал воинов, которые смогли бы проделать такое. Впрочем, вряд ли у меня самого хватило бы на это сил. Скорее, он просто раздавил бы меня. Если мне даже удастся двинуть его башкой о плиту, он только поморщится.

— Откуп? — пробормотал купец. — Самое время взглянуть на дело с точки зрения профессионального юриста. Советник?

Взгляды всех обратились на кого-то, сидевшего на лавке. Я тоже изогнулся и увидел невзрачного человечка в черной мантии законника и в берете. То, что он сидел дальше всех от огня, уже достаточно красноречиво говорило о его статусе. Лицо его имело желтоватый оттенок, хотя черты трудно было разглядеть за воротником, который он поднял, защищаясь от холода.

— О, моя квалификация не позволяет мне... — пискнул было он.

— Она выше, чем у любого другого в этой комнате, — сказал купец, складывая руки на пузе. — Не сомневаюсь, ты сможешь найти какой-нибудь законный выход из сложившейся ситуации. Так вот, как может Омар уладить дело с собакой?

— Откуп вряд ли... хотя, полагаю, в некоторых инстанциях собак рассматривают в качестве компаньонов. — Нотариус задумчиво пожевал губу и закатил глаза к потолку. — Я помню прецедент, когда истец утверждал, что ответчик жестоко и предумышленно...

— Боги отцов моих, спасите меня! Этак весна наступит, а мы и не заметим. Так сколько за собаку?

— Если память не изменяет мне, окончательная пеня по тому делу составила тридцать талеров, основываясь на...

— Итого выходит сорок пять, — довольно подытожил купец. — Добавим к этому еще пять за сегодняшние кров и стол. Дружище Омар, по нашему разумению, ты должен нашему хозяину пятьдесят талеров; в противном случае ему придется конфисковать твою верхнюю одежду и выставить тебя на улицу в твоём нынешнем виде. Как ты намерен погашать свой долг?

Он протянул трактирщику пустую кружку, и тот бросился наполнять ее. Я вздохнул с облегчением: все время, пока он стоял у меня за спиной, я ожидал удара по почкам. Купец откинулся на спинку кресла и улыбнулся мне, раздумываясь еще сильнее.

Мое лицо тоже покраснелось от огня; от белья шел пар. Немного привстав, я окинул собравшихся взглядом. Как я

уже говорил, некоторые лица были мне знакомы, но имен я точно не знал. Для простоты перечислю их в том порядке, в каком они сидели в этот вечер.

Дородный купец занимал кресло слева от камина. На лавке рядом с ним устроилась юная дама яркой наружности, судя по всему, его жена. Ее наряд почти не уступал мужу в роскоши: зеленое бархатное платье, горностаевые шапка и муфта, изысканные самоцветы и драгоценные металлы. В прошлый раз, когда я видел ее, она плясала на столе, одетая в сережки, только сережки и ничего, кроме сережек. Поскольку в даре перевоплощения ей явно не откажешь, я буду именовать ее далее актрисой.

Она старалась держаться подальше от другого своего соседа, согбенного, жалкого, изнуренного молодого человека в поношенном костюме. Его волосы были длинны и прямы, выражение лица — жалостнее некуда, а из носа текло как из кипящего чайника. Каждые несколько минут он с ожесточением сморкался в рукав; чихал он тоже с завидной регулярностью. Я помнил его как второразрядного менестреля, но в этот вечер можно было не бояться, что он запоет.

Дальше всех от меня на этой лавке сидела, оставаясь, как и подобает хорошей хозяйке, дальше всех от огня, волшебная Фрида. Вспомнив наш невинный флирт и шуточки в прошлый мой визит сюда, я подумал, встанет ли она на мою сторону против брата. Это представлялось маловероятным, если только она не относилась к покойной собаке с такой же антипатией, как я.

С другой стороны камина кресло у огня было занято пожилой дамой, почти не видной под длинной шубой из дорогих соболей и меховой шапкой, надвинутой на воротник, что милосердно помогало закрывать ее волосы и шею. Руки она прятала в соответствующей муфте. Алые полосы румян на выступающих скулах лишь подчеркивали морщины и дряблость кожи.

Рядом сидел высокий, худощавый мужчина с глазами голодного орла. По отметинам от кольчуги на его бурой кожаной куртке и короткой стрижке седых волос — обычно-

венно так стригутся те, кто привык носить шлем — я решил, что он военный. Кроме того, на поясе его висел двуручный меч. Путешествовал ли он один или сопровождая даму, я пока не понял. Он был уже немолод, но все еще явно из тех, с кем стоит считаться.

Рядом с ним сидела женщина помоложе в линялом шерстяном плаще, слишком легком для такой погоды, и низко надвинутой на глаза шляпке. Потупленные глаза и простой наряд заставляли предполагать, что она — служанка старой дамы. Побитый молью нотариус сидел следом за ней.

Вот такой компании предстояло решить мою судьбу: купец, актриса, менестрель и Фрида, с одной стороны; старая дама, солдат, служанка и нотариус — с другой.

Вернулся Фриц и протиснулся между лавками, чтобы подать купцу его кружку. Потом от отступил на шаг и уставился тяжелым, взглядом то ли на огонь, то ли на меня. Рот мой наполнился слюной при мысли о глотке пива или даже о куске чего-нибудь съестного, но я был не в том положении, чтобы о чем-то просить.

Во всяком случае, не открыто.

— Мой уважаемый друг, — произнес я — имея в виду, разумеется, купца, хотя мой сарказм мог и не понравиться всем присутствующим, — поторопился вынести приговор на основании не совсем точной информации. Как я пытался объяснить, мой конфликт с нашим хозяином вызван исключительно недоразумением. Поэтому суд должен принять во внимание истинное положение вещей. До тех пор, пока он не выслушает мои показания, повсеместно принятые законы гостеприимства требуют, чтобы путник, застигнутый непогодой и темнотой, получил приют. Я вполне могу удовольствоваться местом у огня и возможностью завернуться в свой плащ, когда он немного просохнет. Конечно, ломоть-другой хлеба и...

— Вон! — взревел Фриц, стоявший на заднем плане, скрестив ручки, как два древесных ствола, перекрученных смерчем. — Можешь завернуться в тряпку у двери, если ее еще не унесло ветром. И учти, я позаботился укрепить замки на дверях конюшни и амбаров.

— Приятно, когда человек знает, чего хочет, — заметил купец, самодовольно смахивая пену с пухлых губ.

— Но в такую ночь это означает верное убийство! — взвизгнула старая дама.

— Разумеется, означает, госпожа, — согласился я, благодарно улыбаясь. — И боюсь, вы все будете считаться соучастниками этого злодеяния.

— Действительно будем? — резко спросил до сих пор молчавший солдат. — И кто осудит нас? В чьих владениях стоит твой двор, трактирщик? Кому ты платишь налоги?

— Налоги, капитан? — Фриц изумленно вылупил на воина. — Налоги? — Он один стоял на ногах, возвышаясь над всей компанией, как бык в курятнике.

Обветренное лицо старого вояки сморщилось в некотором подобии улыбки.

— Тогда кто защищает тебя?

Фриц поднял кулак весом с хорошую кувалду.

— Что ж, желаю тебе подольше полагаться на это, парень, — пробормотал солдат. — Нотариус! Чья власть законна в этих краях?

Нотариус беспокойно дернулся.

— Неплохой вопрос, капитан! Вольный город Гильдербург не заявляет прав на земли по эту сторону перевала, впрочем, я не уверен, что и южные кантоны на них претендуют...

— Значит, ничейная территория?

— Да, полагаю, что принцип «terra nullius» вполне применим.

— Но если здесь не правит никто, — сказал купец, — значит, мы сами и есть Закон?

Нотариус помялся, не желая вслух признавать правомерность столь дерзкого предположения, но в конце концов утвердительно кивнул.

— Вон, мерзавец! — произнес Фриц, однако не пошевелился, оставаясь на заднем плане. Он получал удовольствие от этого спектакля — и явно не он один.

— Воистину драматическая ситуация, — возгласил купец. — Есть какие-нибудь предложения?

Изогнув красивую бровь, актриса хмуро покосилась на меня. Возможно, она тоже помнила нашу прошлую встречу. Она явно не собиралась упоминать о ней, но не переоценивала своего влияния на возлюбленного, даже пожелай она вступить за меня.

— Ну, — буркнул солдат, — сдается мне, тридцать талеров слишком большая сумма за какую-то псину. При всем моем уважении, трактирщик, серебряная крона ей красная цена.

— Я был исключительно привязан к этой собаке, капитан, — стоял на своем Фриц.

— О, я не сомневаюсь! Я и сам люблю животных. Но если ущерб нанесен твоим чувствам, а не кошельку, как может золото возместить его?

— Что вы предлагаете, майн герр? — В светлых глазах зажегся нехороший огонек; губы угрожающе скривились.

— Будь я на твоем месте, — задумчиво промолвил старый вояка, — я бы потребовал удовлетворения хлыстом. Подобное действо утешило бы мою душу куда лучше, чем деньги.

— Воистину отличное предложение! — радостно заметил купец. — Ты не согласен, дружище Фриц?

— Надо подумать, ваша честь. Так это, выходит, вы предлагаете мне выпороть его, прежде чем вышвырнуть на улицу?

— Именно в таком порядке. Видишь, Омар, насколько улучшилось твое положение? Мы уже сбавили сумму до каких-то двадцати талеров.

— Ну уж нет! — возмутился Фриц. — Вы включили пятерку за ночлег сегодня, а он этого не получит. Так что пусть будет пятнадцать. Спускай штаны, ворюга, а потом проваливай.

— Всего пятнадцать! — восхитился купец. — Сущий пустяк. Ба, да моя голубка на утренние покупки тратит больше! Разве не так, дорогая?

Актриса изобразила на лице улыбку.

— Ты так добр ко мне, любовь моя! — Она склонилась к нему, чтобы обнять, и чмокнула его в щеку.

Моя спина уже вполне прожарилась, но я боялся отодвигаться от огня, по крайней мере пока положение мое не

станет более определенным. Вьюга завывала за стеной еще громче. Весь дом содрогался под порывами ветра, и тени на стенах угрожающе кривились. Я отчаянно нуждался в спасительном озарении, но мои обыкновенно бойкие мозги упрямо оставались тупыми как пробка.

— И мы договорились, что стоимость плаща и башмаков как раз составляет пятнадцать талеров, — продолжал купец. — Так что нашему хозяину достаточно осуществить порку, и тогда с вопросом о собаке будет покончено раз и навсегда... Я ничего не пропустил, а, Меняла Историй?

— Развлечение, — спохватился я. — Развлекая благородное общество, я обыкновенно ожидаю компенсации, а вы сейчас получаете удовольствие за мой счет, даром.

Его глаза, казалось, потемнели. Он прикусил пухлую губу, как ломоть бифштекса с кровью.

— Конечно. Пожалуй, стоимость кружки пива на дорогу будет вполне справедливой компенсацией.

— У меня предложение, — объявила скрипучим голосом старая дама.

Все почтительно посмотрели в ее сторону.

— Сударыня? — пробормотал солдат.

— Не тот ли это Омар, про которого говорят, что он лучший в мире рассказчик?

— Так утверждают другие, — поспешно сказал я, — но никак не я.

Глаза, уставившиеся на меня, напоминали мне два янтаря.

— Так ты отрицаешь это?

— Я не вправе выносить такое суждение! — Я пошевелился, чуть отодвинув спину от огня. — Я не могу слушать себя самого так, как слушаю других. Таким образом, я не в состоянии сравнивать.

— Но разве реакция публики не дает тебе возможности сравнивать? Впрочем, это не важно. Я не собираюсь карабкаться по этой лестнице вверх в ледяную спальню до тех пор, пока не стихнет пурга. Я останусь здесь! И, думаю, многие со мной согласятся.

— Действительно! — задумчиво произнес купец, хотя рука его скользнула на бедро его спутницы. — Полагаю, это са-

мое теплое место в доме. Так вы, сударыня, предлагаете позволить Омару развлечь нас одной из своих баек?

Она усмехнулась — звук напоминал шорох змеи в сухих листьях.

— Я предлагаю состязание! В конце концов, у нас здесь сегодня еще один профессионал. — Старая карга вытащила из муфты костлявую кисть и ткнула длинным пальцем в менестреля.

Тот вздрогнул.

— Простите великодушно, госпожа, но я не в состоянии петь сегодня для вас, ибо... — Он оглушительно чихнул, сложившись чуть не вдвое.

— Нет, мы не просим тебя петь, трубадур. Но если я попрошу нашего хозяина приписать к моему счету еще кружку пива с пряностями, как ты считаешь, сможешь ли ты рассказать нам что-нибудь?

Он заметно просветлел.

— Вы очень добры, госпожа!

Она улыбнулась, прикрыв отсутствие зубов все той же костлявой рукой.

— А потом Омар может попытаться превзойти твой рассказ! А мы все будем судьями.

Старая жаба умело пользовалась своим возрастом и положением: никто даже не пытался возражать ей. Я решил, что она, возможно, и не так ядовита, как может показаться. Моя жизнь продлевалась по меньшей мере на полчаса.

— Замечательное предложение, сударыня, — произнес солдат. — Однако ночь еще только начинается. Почему бы нам не продлить состязание?

Она подозрительно покосилась на него.

— Что это вы задумали, капитан?

Я решил, что они знакомы и он, судя по всему, состоит у нее на службе. Я с трудом мог представить ее верхом, а из всех присутствующих он один мог быть ее кучером.

— С позволения нашего хозяина, сударыня, я предлагаю, чтобы каждый из нас рассказал по истории. И после каждой этот Омар должен будет предложить свою историю. Мы будем голосовать по каждой паре.

— Ага! Вы говорите, как настоящий стратег! А если он проиграет?

— Как только он проиграет, состязанию конец. Мы все отправимся спать, предоставив хозяину вымещать свою скорбь по безвременно погибшему животному и после этого вышвыривать Омара из дома, на что у него есть все права.

Старая дама кивнула.

— Ты не возражаешь, трактирщик?

Только в кишаших крокодилами болотах Черной Аринбы доводилось мне видеть улыбку шире, чем улыбка этого увальня при мысли о том количестве еды и питья, что он продаст этой ночью.

— Сударыня, сейчас он отсюда выметется или на рассвете, мне все равно. Эти бураны часто продолжаются по нескольку дней. Я не против, если решено, что он уберется отсюда.

— А ты принимаешь эти условия, Омар? — спросил солдат.

Если он и хотел сказать мне что-то взглядом, я не смог прочесть этого.

— Конечно, нет, — ответил я.

Скрипнул ставень. Девять пар хмурых глаз уставились на меня.

Ах, эта юношеская нетерпеливость! Фриц заговорил первым:

— Думаю, капитан, я не буду возиться с кнутом. Голыми руками сподручнее будет. Я всегда вспоминаю бедного Крошку, когда слышу хруст костей. — Этот недоумок вовсе не шутил; он просто вел себя как всегда.

— Тебе виднее, парень. У тебя встречное предложение, Омар?

Перспектива семи словесных поединков меня вовсе не смущала, но мне на ум пришло несколько дополнений к правилам. Первым из них было условие, согласно которому в случае, если я сумею одолеть всех своих соперников, мне будет позволено уйти беспрепятственно и с целой шкурой. В то же время подобное условие требовало, чтобы Фриц отказался от своей кровной мести, а это означало, что кому-то

придется его подкупить. Из всех присутствующих только купец и дама обладали достаточным для этого состоянием, и ни тот, ни другая не горели желанием сделать это добровольно.

В любом случае веселье продлится до рассвета, а кто знает, что боги пошлют нам с новым днем?

— Я не имею возражений против состязания, — объяснил я, — но у меня позади тяжелое путешествие. Я голоден и измучен жаждой. Что хуже, я, можно сказать, совсем не одет. Абсурдно ожидать от меня, что я в моем нынешнем наряде смогу рассказать что-либо убедительное.

— Нищие не выбирают, — заявил Фриц.

— А честные люди не злорадствуют! — вскричала Фрида, подскочив к нему.

Он удивленно повернулся к ней, потом вскипел от злости. Она не дала ему сказать ни слова, погрозив пальцем. При том, что Фриду никак нельзя было назвать миниатюрной женщиной, рядом с ним она казалась маленькой.

— И вовсе тебе нечего дуться, братец! Разве не ты приказал собаке его сторожить и при этом додумался дать ему топор? Ты, наверное, считаешь, что это потому, что ты такой умный, он пришел обратно в твой дом и оказался в твоей власти? Так я скажу: это боги рассудили так! И еще скажу, что не намерена смотреть на то, как человека выставляют на всеобщее обозрение раздетым. Это приличный дом! Ты сейчас же пойдешь наверх и принесешь ему чего-нибудь из одежды!

Выходит, у меня появился союзник. Точнее, даже два, ведь старый солдат постарался отсрочить мою казнь на несколько часов.

Фриц попытался было возразить, но сестра уперлась руками в его широкую грудь и толкнула. Вряд ли она сумела бы сдвинуть его хоть на дюйм, вздумай он сопротивляться, но он безропотно позволил повернуть себя к лестнице. Сердито бурча, он поднялся наверх.

Фрида забежала за стойку, на ходу сорвала с крючка лампу и исчезла на кухне.

Со своего места на полу я окинул взглядом публику. Лицо старой дамы оставалось непроницаемым, солдат явно потешался, наблюдая происходящее, маленькая служанка испуганно таращила глаза, невзрачный нотариус недовольно хмурился. Сопливый менестрель, похоже, вообще ничего не замечал, углубившись в размышления о том, что он будет рассказывать. Актриса едва заметно подмигнула мне, а купец приподнял густые брови в циничном восхищении.

Фрида вернулась первой. Она быстрыми шагами подошла ко мне, держа в руках деревянный поднос с белым сыром, желтым маслом, круглыми луковицами и двумя толстыми ломтями ржаного хлеба ее собственноручной выпечки, который я запомнил еще по предыдущему посещению. Я вскочил. Я не принял угощения, хотя при виде его у меня чуть рот не свело.

— Боги воздадут вам за доброту, друг мой, — произнес я, — но я не могу. Я не могу вносить разлад в этот дом.

— С чего это вдруг не можете? Вот — ешьте быстрее!

Но тут тяжелые шаги на лестнице объявили о том, что Фриц спускается с чердака. Я многозначительно покосился на старую даму.

— Ее милость предложила этот поединок и приняла меры, чтобы его участник предварительно подкрепил свои силы... если она также будет так добра, что примет на себя ответственность за этот ваш благородный жест, чтобы я состязался на равных условиях, неприятностей можно будет избежать.

Старая ведьма свирепо на меня зыркнула. Ноги Фрица показались уже на верхних ступенях лестницы, она еще немного помедлила и наконец кивнула.

Увидев меня за едой, Фриц взревел как разъяренный бык, но его быстро уняли, объяснив все. Он хмуро покосился на сестру, показывая, что догадывается, чья была идея, потом отошел к стойке приписать заказанное к старухиному счету.

Я натянул вполне пристойные штаны и накинул принесенную им куртку. Конечно, и то, и другое было мне до смешного велико, зато штанины закрывали даже пальцы ног — с точки зрения тепла так гораздо лучше, а бегать в этот вечер,

надеюсь, мне не придется. Длинные рукава куртки я подвернул. Теперь я был неповоротливый, как черепаха, и по уши утонул в воротнике, принявшись за еду.

Ну и что? Передо мной поставили кружку горячего пива с пряностями, и кое-кто из зрителей счел, что пора и им наполнить опустевшие кружки — это явно взбодрило нашего хозяина. Я примостился на лавке рядом с нотариусом и наслаждался едой так, как редко чем наслаждался в жизни. Фрида вернулась на свое место напротив. Фриц уселся рядом с ней. Это означало, что мы оказались неприятно близко друг к другу, почти соприкасаясь коленями, но он вроде бы совладал с желанием меня прикончить, и решил подождать. Месть сладка предвкушением.

В конце концов мы все приготовились к рассказу, и в комнате наступила тишина, нарушаемая лишь завыванием бури и, наверное, хрустом, с которым я жевал лук.

— Можешь начинать, менестрель, — милостиво разрешила старая дама. — И представься сначала, чтобы мы хоть знали, с кем имеем дело.

Вместо ответа менестрель четырежды чихнул и провел по носу мокрым рукавом.

— Меня зовут, сударыня, — просипел он, — Гвилл, сын того Гвилла, что служил придворным трубадуром правителя Лейлы. Отец мой, да упокоят боги его душу, определил меня в ученики к Рольфо, менестрелю, имя которого хорошо известно в Винлянде. Мой наставник хорошо относился ко мне и обучал своему искусству, как и обещал моему отцу. Он научил меня владеть лютней и цитрой, исполнять баллады и романсы. По его рекомендации я был принят в цех трубадуров Файмы. Устный рассказ — не мое...

— Что ты делаешь в северных болотах? — перебила его старая карга. По тому, как она паялилась на него, я сделал вывод, что она близорука. При таком освещении она не видела почти ничего.

Лицо юнца скривилось в скорбной улыбке.

— Я отправился в Фолькслянд в надежде устроиться при дворе какого-нибудь знатного господина.

— И что тебе помешало?

— Увы, сударыня, я оказался неподготовленным к тому большому миру, в который попал. В день, когда я пришел в вольный город Гильдербург, когда я еще бродил по улицам, задрав голову и любуясь на пышные здания, меня окликнула пожилая дама. Опираясь на клюку, она согнулась под тяжестью наполненной доверху корзины. Она робко спросила меня, не буду ли я так добр помочь ей поднять корзину на верхний этаж.

В Винлянде молодежь учат почтительности и услужливости по отношению к старшим. Поэтому я с радостью взял у нее корзину и понес в указанный ею темный переулок. Я успел сделать только три шага, после чего очнулся в грязи на мостовой с шишкой на затылке. Грабители забрали мою лютную, которая была особенно дорога мне, ибо принадлежала раньше отцу, все мои сбережения и даже одежду за исключением той, что я оставил в гостинице. Старухи и след простыл. Мне сказали, что ее исчезновение означает только, что она тоже одна из шайки, и что я угодил в ловушку, хотя даже сейчас мне трудно поверить в это. Все мои попытки заработать хоть немного потерпели неудачу. Вот я и бегу от северной зимы обратно, в Винлянд.

Он помолчал, но никто не откликнулся.

— Если вам интересно, я поведаю вам Историю Страны Множества Богов.

Я чуть не поперхнулся, стараясь сдержать смех. Вряд ли он мог сделать менее удачный выбор. Тогда я еще не знал ни того, что заставило его выбрать эту историю, ни того, куда это заведет меня той ночью.

3. РАССКАЗ МЕНЕСТРЕЛЯ

Майне либе дамен унд геррен, надеюсь, мой рассказ понравится вам. Сегодня вы хотите, чтобы я был рассказчиком, а ваши пожелания — для меня закон, однако вы, суда-

рыня, не определили, каким должен быть мой рассказ: печальным или веселым, фривольным или нравоучительным, романтическим или ужасным. Учитывая плачевное состояние моего здоровья, буйство стихии и воистину достойное сожаления положение, в котором находится один из нас, я склонен выбрать трагедию.

Музыка — мое ремесло, и все же нынче ночью я должен тронуть ваши души, не прибегая к ее помощи. Молю вас проявить снисхождение, и я в меру моих сил попробую пойти по стопам величайшего из великих сказителей. Это может показаться странным или даже забавным, но звали его так же, как того, что сидит сегодня среди нас. Омар было его имя, или Гомер на иных диалектах. Имя это не столь уж редкое, и может статься, что множество поэтов и сказителей на протяжении многих веков во многих странах носили его.

Тот Омар, о котором я поведаю рассказ, прославился как придворный сказитель царя Гильгаматара в стране, лежавшей далеко на восток от этих мест.

Рассказывают, что однажды, когда этот Омар уже совсем состарился и, можно сказать, доживал последние свои земные дни, явилась к нему одна юная царевна, приходившаяся царю внучкой. Она нашла его сидящим в саду. В развевающихся одеждах белого шелка, с золотыми лентами в волосах, порхала она меж деревьев подобно бабочке на летнем ветерке. Она была юна, прелестна и весела, да и стайка ее подружек и служанок, разодетых во все цвета радуги, тоже не уступала ей в юности и веселье, а многие — и в красоте.

Омар сидел на низкой стене у прудика с золотыми рыбками. Солнце начинало клониться к закату. Борода его была бела, лицо его скорбно, и на приветствие царевны он не ответил ни единым словом, все так же молча созерцая игру солнечных лучей на золотой чешуе рыбок.

— Эй, Омар! — обратилась к нему царевна. — Нам скучно. Мы желаем, чтобы ты развлек нас рассказом. — Сказавши так, она нетерпеливо уселась на траву, подобрав под себя ножки, а ее свита расселась вокруг, возбужденно перешептываясь в ожидании легенды от знаменитого сказителя.

— Ваше высочество! — вздохнул Омар. — Если вам скучно сейчас, когда вы юны, а на дворе стоят пригожие летние дни, как же вы сможете выносить жизнь, когда задуют холодные ветры, а цветы увянут от холода? Мой вам совет: не ждите от старика преданий о том, что могло случиться когда-то, ступайте и просто наслаждайтесь жизнью такой, какая она есть — полной радости, любви и света, — и не тревожьте покой того, кто почти забыл уже, что это такое. — Ответив так, он вернулся к созерцанию золотых рыбок.

— Омар! — капризно сказала царевна, явно подражая своей матери. — Ты посмел ослушаться царского повеления! Расскажи нам историю, да почудесней! Расскажи нам историю, какой еще не рассказывал.

И снова вздохнул старик.

— Осталась только одна история, которой я еще не рассказывал, милая моя царевна, и эту историю я не хотел бы рассказывать вообще.

Увы! После таких слов упрямой царевне и ее подружкам еще сильнее захотелось услышать не рассказанную еще историю Омара. Они обвиняли его в том, что он дожил до седин, утаивая эту историю от других, и может так и умереть, не рассказав ее, и она так и останется неизвестной. Они продолжали настаивать, пустили в ход слезы и угрозы и уговорили-таки старика. Выбив из них обещание, что, услышав историю до конца, они уйдут и оставят его в покое, поведал он им Историю Страны Множества Богов.

Далеко-далеко на востоке, давным-давно лежала Страна Семи Городов. Называли ее также Междуморьем, и Страной Улыбок, и Страной Множества Богов. Теплые моря омывали берега ее с востока и запада. Густые джунгли подступали к ее границам на юге, а высокие снежные перевалы — на севере. Три больших города лежали на западном побережье: Кайлам, Йомбина и Ламбор. Три лежали на восточном: Дамвин, Илмерг и Майто. И был еще Утом, что Посередине.

Населял страну веселый и искусный народ, любящий музыку, танцы и споры. Женщины их искусно пряли, ткали и

красили ткани, хотя шить и не любили. И женщины, и мужчины предпочитали просто оборачиваться в ткани всех цветов и рисунков. Получавшиеся в результате пестрые наряды могли быть и скромными, и вызывающими — по желанию, — и их легко было менять в зависимости от обстоятельств.

Богатые и бедные, мужчины и женщины, городские и деревенские жители этой страны славилась своей упрямой независимостью.

Сыны городов зачастую становились мореходами и торговали с дальними странами. Море, говорили они, закаляет мужчину.

Крестьяне же набирались упорства от самой земли. Местность эта — холмистая. Деревушки из белых домиков с красными черепичными крышами гнездились в небольших долинах среди садов, оливковых рощ и маленьких земельных наделов. Образ мыслей человека, обрабатывающего пусть крошечный, но свой собственный клочок земли, может показаться непонятным наемному рабочему с больших плантаций. Земля была здесь плодородна, и дожди выпадали в избытке. Реки и каналы, может, и текут по прихоти царей, но дождь боги распределяют между всеми поровну. Возможно, поэтому народ той страны был фанатичным поклонником идей равенства.

При всем своем упорстве и, можно сказать, упрямстве тамошние жители отличались бережливостью и верностью своим богам. Возможно, благодаря этому они процветали. Более того, они процветали в мире. О причинах этого долго размышляли, но ответ нашли слишком поздно.

Первой причиной было отсутствие в стране лошадей. Овцы паслись в холмах, мулы и коровы — на равнине. Лошади приживались здесь плохо. Без лошадей не было там ни конницы, ни конных воинов, ни крепостей. Если и случалась там война, она сводилась к неуклюжему метанию копий деревенскими парнями, после чего все вновь возвращалось к уборке урожая. Война не приносила дохода, да и славы тоже не приносила, а потому ее повсеместно считали глупостью.

Случалось, два города могли поспорить, из-за чего-то, а остальные тоже принимали участие в споре, но, поскольку семь городов были примерно одного размера, они делились, как правило, на два примерно одинаковых союза. Даже если один из них и получался больше, ему редко хватало сил или устойчивости, чтобы одолеть того, другого.

Более того, семьи правителей семи городов отдавали своих дочерей замуж за сыновей других с такой же легкостью, как обменивались поздравлениями с днем рождения. Таким образом, каждый правитель состоял в родстве со всеми остальными. Каждый новый царь, который по свойственной молодости горячности престоупал семейные связи, встречал сопротивление легиона дядюшек и тетюшек, быстро остужавших его порыв.

Но истинной причиной того, что в Междуморье так долго царил мир, было обилие богов. Каждая семья поклонялась своему богу. Семьи могли возвышаться или приходить в упадок, но продолжали хранить верность своим богам, а боги в свою очередь приглядывали за их детьми.

Имена богов были настолько древними, что значение их, если таковое когда-то имелось, давно уже забылось: Вокскан, и Грейм, или Дралминт, например. Люди носили эти имена вместо фамилий. Купцы из других земель могли, конечно, прятать в бородах ухмылку, торгуя с Прямодревом Воксканским, Шлемоблеском Греймским или Сказожемчугом Дралминтским, но сами жители Междуморья не видели в этом ничего странного, ибо так было всегда.

И если бы Страна Множества Богов продолжала жить и процветать, как в те блаженные дни, мне нечего было бы рассказывать, кроме того, как проще всего попасть туда. Увы, это не так.

Карцван был семейным божеством правителей Утома, что Посередине. Древние предания гласят, что Карцван означает «Могучий», однако никаких письменных свидетельств тому не сохранилось. Возможно, он не был столь могуч, как когда-то, или просто бремя столетий сделало его глухим к мольбам сво-

их подданных, но, так или иначе, царь Утома, что Посередине, состарился, а наследника у него так и не было.

Звался он Меднорог Карцванский, и как-то пришел он в богато убранную дворцовую молельню, где стояло изваяние его божества. Статуя была древняя-древняя, искусно вырезанная из самого чистого зеленого нефрита, и представляла собой кузнечика ростом в две руки. Она стояла на резном мраморном постаменте, окруженная драгоценными камнями и прочими дорогими безделушками, которые члены семьи дарили божеству из года в год. На этот раз Меднорог преклонил колена и поднес ему жемчужину необычного розового оттенка, которую много лет уже приберегал для такого случая. Сделав это, царь изложил свою просьбу:

— О Пресвятой Отец Карцван, услышь мою мольбу! Я устал от прожитых лет, и силы мои на исходе. Жена моя бесплодна и, похоже, такой и останется. Сколько раз говорил я тебе об этом, и столько раз тебе не угодно было даровать нам чудо, что я смирился. Видно, такова твоя воля. Нет у меня и охоты изгонять жену и брать взамен другую, ибо боюсь я, что и новый брак будет так же бесплоден, а на чудо не надеюсь больше. И выходит, что придется мне умереть, не оставив наследника. Город мой останется без правителя, о Пресвятой Отец, а ты — без подданных, что прославляли бы тебя и совершали приношения.

Я тщательно изучил свое фамильное древо и правящие семьи других шести городов. У меня множество племянников и внучатых племянников, а теток, дядьев и прочей седьмой воды на киселе несть числа, но не нашел я среди них отпрыска, которого мог бы провозгласить своим наследником, без того, чтобы не посеять раздоров среди его родственников в остальных пяти городах. Молю тебя, яви мне свое божественное решение на этот счет.

И подумав немного, бог ответил:

— Сын мой, ты исчерпывающе изложил суть проблемы. Шумногром Мейтский — послушный молодой человек, но его шурины полны зависти к нему, и это лишь добавило бы им раздражения. Чистовод Янгский слишком горяч, Добро-

столп Колимский — распутник, ну и так далее. Так слушай и сделай так, как я скажу. Созови жителей своего города на собрание и повели им выбрать из своего числа восемь человек, славных умом и рассудительностью, и будут они твоими министрами в следующие двенадцать месяцев. Пусть правят городом от твоего имени. Какие бы указы ни приносили они тебе — пусть даже совсем уж глупые, — подписывай не раздумывая.

— Я все услышал, о Пресвятой Отец, — молвил царь, — но слабый разум мой не понимает этого. Трижды по двадцать лет правил я с твоего благословения; моя мудрость и проницательность славятся повсюду, хотя, конечно же, я не приписываю это себе, но исключительно твоей божественной воле. И по крайней мере разум мой еще крепок. Однако восемь дилетантов — даже вряд ли из самых благородных семейств, ибо тебе ведь известно, какую чушь несет народ, собираясь большой толпой, — так вот эти восемь наверняка вместо того, чтобы править разумно, будут тянуть каждый в свою сторону?

Разумеется, бог не ответил, ибо боги никогда не объясняют своих решений. А потому Меднорог встал с колен, и пошел, и сделал, как велел ему бог. Люди, конечно, удивились, но повиновались. Они выбрали восемь представителей, и царь назначил их своими министрами. Как он и предсказывал, они перессорились, и наделали ошибок, и подняли налоги, но, в общем, справлялись не так плохо, как он боялся.

На исходе года Меднорог вернулся к своему богу и снова сделал ему подобающее подношение. Он побеспокоил его одной-двумя молитвами, касающимися своего здоровья, а потом вернулся к вопросу, что же ему делать дальше с управлением.

— То же самое, — отвечал бог. — Пусть народ выберет других восемь представителей, а впрочем, если хочет, может и этих. Они будут учиться, да и их избранные тоже.

Хотя Меднорог и утвердился окончательно в мысли, что его бог Карцван совсем лишился разума, он послушно исполнил его указания, и на второй год дела пошли немного

лучше. Люди потихоньку поняли, что могут ворчать, не будучи при этом ослушниками, ибо министры были совсем не то что цари, которые всегда правы, а такие же глупцы, как они сами, возможно, даже еще глупее. Министры же в свою очередь обнаружили, что править городом в некотором роде очень даже выгодно, но поняли также, что их не переизберут, если они будут править плохо, поэтому старались как могли. Каждый следил за тем, чтобы остальные грабили не больше, чем он сам, и это удерживало коррупцию в рамках приличия.

Так прошло несколько лет. Меднорог Карцванский умер. Его оплакивали, но не слишком-то убивались, ибо город управлялся теперь без его участия. Народ продолжал выбирать магистратов, магистраты же продолжали стремиться к переизбранию. Конечно, не обходилось без ворчания и споров, но недовольные знали: достаточно потерпеть год, а потом они повыкинут ублюдков из правительства, а даже если и не выкинут, то хотя бы попробуют это сделать. Купцы, и крестьяне, и художники занимали свои места в правительстве, и законы, которые они издавали, разумеется, служили интересам купцов, и крестьян, и художников. Торговля процветала. Великолепные здания преображали лик города.

Умирая, Меднорог завещал своим министрам заботиться о его семейном божестве, ибо не осталось больше у Карцвана детей, что делали бы ему подношения и прославляли бы его. Конечно, у каждого из магистратов имелся свой собственный семейный бог. Принять под кров еще одного означало бы серьезные сложности, поэтому после некоторых споров все восемь решили, что осиротевшего бога должен принять весь город — в конце концов, кто, как не он, дал им возможность занимать высокие должности со всеми связанными с этим приработками, хотя так откровенно они, конечно же, не высказались.

Так Карцван стал городским богом Утома, что Посередине, и все горожане стали его большой семьей.

Вскоре жители других городов начали обращать на это внимание. Они начали задумываться, почему жители Утома, что

Посередине, — граждане, в то время как они — просто подданные. Они начали задумываться, почему они платят налоги, на которые во дворце ставят мраморные ванны, тогда как в Утоме, что Посередине, строят общественные туалеты. Они начали задумываться, почему им приходится держать язык за зубами, тогда как граждане Утома, что Посередине, свободны обвинять власти во всех мыслимых и немыслимых грехах, каковым правом частенько и пользуются, особенно во время выборов.

Впрочем, правящие семьи тоже обратили на это внимание. Дядюшки и тетуски собрались и решили, что им необходимо снова посадить на трон Утома, что Посередине, царя, дабы покончить со столь опасным экспериментом. За это единогласно проголосовали все. Осталось решить только один, последний вопрос: какого принца посадить на трон? Однако дискуссия по этому вопросу затянулась на годы, и максимум, чего удавалось достичь, — это уменьшить количество кандидатов до шести.

Даже боги обратили на это внимание. Они увидели, что Карцван проживает в огромном общественном храме, а не в маленькой молельне на задах дворца. И еще они увидели, что ему приносят подношения и славят его тысячи людей.

Город за городом требовали права избирать магистратов. Царь за царем, к удивлению своему, обнаруживали, что их семейные боги тоже поддерживают эту идею. Некоторые цари пытались сопротивляться. Увы, пораженные народным гневом или внезапной лихорадкой, все они умерли молодыми, не оставив наследников. Другие подчинились, после чего быстро оказались в роли церемониальных кукол, которым не дозволялось ничего, кроме перерезания ленточек да зачитывания речей, написанных министрами.

Вскоре во всех городах воцарилась демократия, и в каждом появился свой величественный храм. Кое-кто даже начал называть эту страну Страной Семи Богов.

Некоторое время новая власть действовала вполне неплохо — не то чтобы слишком долго, но и не слишком ко-

ротко: некоторое время может показаться долгим смертным, но коротким богам. В общем, неприятности в Междуморье начались, когда внуки внуков первых магистратов бескорыстно — или почти бескорыстно — служили своим городам.

На западном побережье Кайлам все рос и богател, переманивая к себе торговлю от своих соседей, Йомбины и Ламбора.

На востоке порт Дамвина начал мелеть. Дела год от года шли все хуже, а деньги уплывали в Илмерг и Майто.

Магистраты Дамвина посовещались со своим богом Олиантом, однако бог решительно не хотел говорить о причинах обмеления и путях выхода из этой неприятной ситуации. Магистраты приказали построить ему новый храм, больше и роскошнее прежнего, а также изваять новую, большую статую Олианта (обыкновенно изображаемого в виде сидящего толстопузого мужчины с медвежьей головой). Порт продолжал мелеть. Они повелели собрать ему дополнительные подношения, провели в его честь пышные празднества, день и ночь искуснейшие певцы услаждали его слух, на его шею каждый день вешали свежие венки, однако в состоянии порта не наблюдалось никаких положительных перемен.

По мере приближения новых выборов магистраты Дамвина тревожились все больше. Когда до выборов осталось совсем немного времени, к ним явился человек, представившийся как Черновлас Луситарский. Он носил странное платье и говорил с забавным западным акцентом. Было в нем что-то скрытное: он настоял, чтобы встреча имела место в частном доме и после наступления темноты. И даже так он выказал странное нежелание перейти к делу.

— Ваши превосходительства, — произнес он наконец, подозрительно оглянувшись и подавшись вперед в кресле. — Тут у вас на востоке один город беднеет, а два богатеют. На том побережье все наоборот: два хиреют, а один жиреет.

— Ну и что из этого? — спросил тогдашний председатель, Честнослуг Джирбский.

— Не так громко! — прошептал Черновлас. — Все мы хорошо знаем, что магистраты приходят и уходят. Бывают хорошие, бывают плохие. Бывают умные, бывают честные.

Но по большому счету кажется, что всем городам должно примерно одинаково везти с властями, не так ли? Я имею в виду, если рассматривать достаточно продолжительный промежуток времени.

Его слушатели обменялись тревожными взглядами, потом придвинулись поближе.

— Продолжай! — пробормотал Честнослуг.

— Так не может ли так быть, что благополучие города зависело бы, по преимуществу, от способностей его бога?

— Ну...

— Что?

— Давай дальше.

Черновлас нахмурился, потом тяжело вздохнул.

— Мне стало известно, ваши превосходительства, что города Йомбина и Ламбор всерьез обсуждают совместную акцию против этих надутых, самодовольных, жадных гиен из Кайлама!

— К-какую акцию? — переспросил Ясноутр Хаунский, который уступал остальным семерым в сообразительности, хотя честность его никогда не ставилась под сомнение.

— Ну... захват их кораблей, разрушение порта, поджог амбаров, разграбление городской казны, возможно, еще похищение богатейших купцов и мореходов. Разумеется, я говорю чисто умозрительно.

— Разумеется, — поспешно согласились все восемь.

— Итак, отважные граждане Ламбора и Йомбины уверены в том, что их дело правое, и оно победит, если они выступят вместе — и безотлагательно, пока ненасытные стервятники из Кайлама не разжирели еще сильнее. В то же время помощь третьего союзника добавила бы им уверенности в благоприятном исходе дела.

— Но как это может помочь нам? — удивился Ясноутр.

— Он хочет сказать, — начал Честнослуг и замолчал, обдумывая слова. — Нам хотелось бы знать, какую этот теоретический третий союзник может иметь выгоду от разрушения Кайлама в случае, если такой союз состоится?

— Ну... — сказал Черновлас, подавшись вперед еще сильнее и оглянувшись через другое плечо, — в то время как боль-

шая часть... гм... компенсации может быть поделена поровну между двумя первоначальными союзниками, в Кайламе имеется некое имущество, которое не может быть поделено. Видите ли, ни один из союзников не желает, чтобы оно досталось другому, и, если вы меня поняли, ни тот, ни другой не хотят, чтобы оно осталось на прежнем месте. Однако оба могут приветствовать его перемещение куда-нибудь подальше от его нынешнего местонахождения, где его возможное влияние не будет затрагивать их жизненных интересов.

Семеро магистратов задумчиво надули губы, но Ясноутр сказал:

— Гм?

Вот так и случилось, что спустя несколько недель после этого разговора три поспешно собранные армии обрушились на несчастный Кайлам. Его корабли были захвачены, его порт разрушен, его амбары сожжены, казна разграблена, а богатейшие купцы и мореходы проданы в рабство за океан. Похожий на пантеру образ Янга, его божества, был торжественно перевезен в Дамвин и установлен в большом храме. Олианта переселили в очень маленький храм на задворках и забыли о нем.

Остальные города Междуморья были прямо-таки шокированы такой дерзостью. Они стали ждать, что из этого выйдет.

А вышло то, что несколько сильных гроз обрушилось на побережье у Дамвина. Вода в реке сильно поднялась и смыла весь ил, из-за которого мелел порт.

Тут все города принялись в срочном порядке возводить стены, набирать армии, закупать лошадей и оружие — в общем, готовиться к войне.

Подготовка к войне, как хорошо известно повсюду, а теперь стало известно и в Междуморье, занятие на редкость увлекательное. Скоро люди Страны Семи Богов научились ценить радости и горести осад, грабежей, сожжения урожаев, рабства, резни и массовых изнасилований. За этим последовали голод, поветрия и непосильные поборы.

Уцелевшее население Кайлама, чувствуя себя незаслуженно обиженным, провело молниеносный ночной набег на

Йомбину и, торжествуя, вернулось домой с тамошним богом Колимом. В ответ армия Йомбины обложила Майто, потребовав выдачи ей святого Майта.

Как долго все это могло продолжаться, одни боги знали, а возможно, не знали и они.

Единственный бог, который не стал терпеть все это, был Карцван из Утома, что Посередине.

— Это, — заявил он как-то собравшимся магистратам, — должно прекратиться!

Все восемь покорно уткнулись лбами в пол. Надо пояснить, что они уже стояли на коленях, а потому это не составило труда даже самому старшему из них. Храм Карцвана был одним из самых пышных, если не самым пышным в Междуморье. У него были мраморные колонны и гранитный пол. Сам Карцван был теперь уже почти в рост человека, хотя порфир, из которого он был изваян, и уступал чистотой прежнему нефриту, да и качество резьбы стало хуже. Например, левое жвало его было слегка короче правого. Зато наваленные перед ним подношения не поддавались исчислению.

— Половина доходов казны спускается на оружие, — раздраженно сказал кузнецик. — Мой новый восточный портик, похоже, не достроят никогда. И у меня нет ни малейшего желания переезжать в какую-нибудь дыру с влажным морским климатом. Разве не ясно, что кто-то должен прекратить все это? — Он не стал дожидаться ответа. — Разве не ясно, что Утом Посередине, в силу своего местоположения самой судьбой предназначен быть первым и главным городом Междуморья? А я — быть его главным богом? — добавил он на случай, если магистраты не поймут намека.

— Воистину так, — промямлил тогдашний председатель.

— Тогда мы должны взять власть, — продолжал бог. — И поскольку мы не можем доверять другим богам, то бишь городам, в достижении этой цели, нам надо поискать союзников дальше.

Горе, горе! Печален становится мой рассказ, а дальше он будет еще печальнее. По наущению городского бога отправили магистраты послов к варварам.

* * *

Далеко за покрытыми вечными льдами горными пиками, за опасными перевалами лежит страна зеленых степей, где живет воинственный народ кочевников-скотоводов. Я не упоминал о нем раньше, ибо в этом до поры до времени не было нужды. С той поры, когда мир был юным, кочевали они по степям небольшими племенами, и их собственных кровавых распрей им вполне хватало, чтобы не зариться на цивилизованные южные страны.

И надо было случиться такому, чтобы именно теперь среди них появился вождь, и имя ему было Ханнаил. Ханнаилом Ужасным его называли потом.

Еще в молодые годы, не отрастив даже бороду, прославился он как свирепый боец, каких варвары называют пожирателями крови. Однажды он оказался один в горах. За ним гнались, его косматая лошадка хромала, и он почти умирал от голода и холода, ведь одет он был лишь в обычные для его народа кожаные штаны — не лучшее одеяние для заснеженных гор.

В конце концов он подъехал к каменистому склону под высоким утесом и увидел над собой темное отверстие большой пещеры. Он спешился и, ведя коня в поводу, поднялся по склону к пещере, рассчитывая, что, может, получится укрыться там на ночь. Ветер дул северный.

Не успел он шагнуть внутрь, как из глубины пещеры раздался громовой голос:

— *Кто ты?*

Его конь шарахнулся, он натянул повод, пытаясь удержать его, и они соскользнули по склону немного вниз. Когда он справился наконец с капризной скотиной, он снова подвел ее ко входу в пещеру, хотя волосы у него стали дыбом от страха.

— Я Ханнаил! — объявил он.

— Чей Ханнаил?

— Ханнаил ничей, — отвечал юноша. — У меня нет бога. Я убил отца и дядек, и их бог выгнал меня. А теперь мои родные и двоюродные братья преследуют меня, чтобы убить.

— Я — Хол! — произнес голос. — Поклонись и почитай меня, возьми меня своим богом, и я сделаю тебя правителем всего вашего народа.

Радостно рассмеялся Ханнаил и пал ниц, славя Хола и пообещав ему сделать его навсегда своим единственным богом.

— Вот и хорошо! — ответил бог. — А теперь принеси мне в жертву твоего коня.

Ханнаилу грозила ночь в пустынной земле, без еды и питья, и не было у него другого средства передвижения, кроме верного коня, но он выхватил меч и перерезал горло верному коню, и вымазал себе по дикому обычаю своего народа лоб свежей кровью.

Немного погодя его родные и двоюродные братья подъехали и окружили его. Он так и стоял перед входом в пещеру, не делая даже попыток взяться за меч или лук.

— Готовься к смерти, — сказали они, а кто-то еще и добавил: — Мучительной!

— Прежде выслушайте меня! — отвечал Ханнаил, и поведал им о своем новом боге и как Хол обещал сделать его правителем всего их кочевого народа, и восславил он силу и жестокость Хола.

Его родные и двоюродные братья подняли его на смех и потребовали, чтобы бог сам подтвердил это, а иначе они убьют преступника, как требуют того законы их предков.

И воззвал Ханнаил к богу, чтобы тот подтвердил его слова. Сначала тот не отвечал, но Ханнаил не дрогнул в своей вере, продолжая звать к нему, даже когда мстители швырнули его на землю и начали сдирать с него кожу. Только тогда ветер снова завернул к северу, и бог заговорил из пещеры.

— Повинуйтесь Ханнаилу, избраннику моему, — произнес бог. — Он доказал мне свою стойкость. Идите туда, куда он вас поведет. Убейте того, на кого он укажет. Свергните всех других богов и поклоняйтесь только Холу!

И тогда все родные и двоюродные братья пали ниц и поклялись поклоняться Холу и повиноваться Ханнаилу, его избраннику. Они достали маленькие статуэтки, какие носят

повсюду с собой все мужчины их-народа, и разбили их. Они преклонили колена перед Ханнаилом и поклялись идти туда, куда он поведет их.

И все вышло так, как обещал Хол. Никто не смог устоять перед Ханнаилом. Прежде чем первые его сыновья взяли себе жен, он правил всеми племенами варваров, и не осталось у них других богов, кроме Хола. Ханнаил был тогда мужчиной в расцвете сил, пожирателем крови, и не было у него больше противников в степях.

И тут послы Утома, что Посередине, одолев горные перевалы, явились в страну варваров и испросили аудиенции у их вождя.

— Выслушай слова святого Карцвана, — сказали они ему. — «Мой город самой судьбой предназначен править всеми семью, и все же остальные шесть не приняли меня. Пошли своих свирепых юных воинов покарать ослушников от моего имени. Мои посланцы принесли с собой золота, и ты можешь забрать себе все, что сможешь увезти из этих шести городов. Их юноши будут твоими рабами, их девы — твоей усладой. Не тронь только Утома, что Посередине».

Когда послы договорили и Ханнаил предал их смерти — ибо таков был его обычай, — он сел на коня и поехал один в горы, к священной пещере. Не было там ни храма, ни жрецов, ни изваяния, ибо Хол был суровым богом и требовал от своего народа поклонения без всей этой мишуры. Только груда белых костей на склоне указывала на то, что здесь обитает бог.

Ханнаил прождал на голом склоне несколько дней, пока не подул северный ветер, ибо теперь он знал, что так угодно его богу. Тогда он преклонил колена и передал Холу слова посланников Утома.

— Это хорошо! — отвечал Хол громче, чем Ханнаил когда-либо слышал от него. — Бери своих свирепых юных воинов, и ступай в Междуморье, и разори его. Сбрось семь богов семи городов и не давай людям ставить никого на их место. И начни с того, что Посередине, как бы он там ни назывался. И будь ужасным!

Исполнившись радости от такого приказа, Ханнаил простерся ниц на холодных камнях.

— Клянусь, я заставлю этих поганных собак день и ночь вечно поклоняться тебе!

— Нет! — возразил Хол. — Если ты заставишь их поклоняться мне, они тоже станут моим народом. Терзай их от моего имени как тебе нравится, любым способом заставь их страшиться меня, но не делай меня их богом. Ты — мой избранник. Я обещаю тебе — твой род будет править Междуморьем доколе солнце движется по небу.

И так оно и вышло.

Ханнаил Холов сделался Ханнаилом Ужасным. Он повел своих варваров через перевалы. Первым делом он нагрязнул в Утом, что Посередине, и превратил его в руины. Он лично разбил Карцвана на мелкие зеленые обломки, которые утопил в отхожих местах. Потом он прошелся по обоим побережьям, разрушив Кайлам, Йомбину, Ламбор, Дамвин, Илмерг, а также Майто, хотя и не обязательно в таком порядке. Страна Семи Городов стала страной без городов. Междуморье от берега до берега переполнилось плачем и стенаниями, и Страна Улыбок забыла, что такое улыбки. Страна Множества Богов превратилась наконец в страну без богов.

Такую историю поведал старый Омар, Омар Гильгаматарский, о котором я вам рассказывал.

Когда Омар замолчал, царевна вскочила в сильном гневе и крикнула, что истории хуже и порочнее она еще не слышала.

— Вот почему я никогда не рассказывал ее, — спокойно отвечал Омар.

Но царевна не утешилась. Плача, бросилась она к своему деду-царю, а ее плачущая свита — за ней. Перебивая друг друга, пожаловались они царю на гадкую историю, которую поведал им Омар. Царь согласился, что рассказ вышел неблагочестивый, дающий искаженное представление о деяниях богов. Он изгнал Омара из дворца, и с тех пор его никогда больше не видели в Гильгаматаре.

Майне либе дамен унд геррен, надеюсь, моя история пришлась вам по вкусу!

4. ИНТЕРЛЮДИЯ

Рассказ менестреля был встречен удивленной и несколько напряженной тишиной. Ветер издевательски завывал в дымоходе и в лесу за стенами постоянного двора. Камин снова напустил дыма в комнату.

Старая дама покачивалась в кресле. С другой стороны от камина актриса склонила голову на плечо купцу. Возможно, ей было изрядно неудобно, но в конце концов это ее дело. Еще как ее.

Что печальнее, голова Фриды тоже покоилась на плече Фрица. Это плечо было побольше, хотя, несомненно, значительно жестче. Увы, похоже, она чувствовала себя вполне уютно и даже закрыла глаза. Фриц перехватил мой взгляд, обращенный на нее, и свирепо нахмурился.

Записка, которую я нашел в краюхе ржаного хлеба, лежала теперь у меня в кармане. У меня до сих пор не было возможности прочитать ее.

Красноглазый и не менее красноносый менестрель потряс свою кружку в надежде обнаружить там хоть каплю, а может, в надежде, что кто-нибудь обратит внимание на то, что она пуста. К концу рассказа голос его сел почти окончательно. Его можно было хоть сейчас брать и хоронить. Случись на дороге похоронные дроги, его бы приняли без расспросов.

Я одарил его благодарной улыбкой, хотя это потребовало от меня некоторого усилия. Неужели он правда считал, что мне требуется такая фора? Я заметил в глазах солдата циничную усмешку и понял, что тот думает точно так же.

— Если ты считаешь, что сможешь рассказать историю получше, майстер Омар, — безмятежно заметил он, — мне кажется, ты можешь начинать.

Компания ожила и зашевелилась.

— Станный выбор, признаться, — пробормотал нота-риус рядом со мной. — Неопишемое изложение при достойном сожаления отсутствии поучительной морали.

Старая дама приоткрыла морщинистые веки.

— Не будем судить преждевременно! — сказала она. — Воздержимся от комментариев, пока не выслушаем другую историю. Можешь начинать, майстер Омар.

— Огонь требует дров, сударыня. Эй, трактирщик, налей-ка менестрелю кружку пива с пряностями и запиши на мой счет.

Фриц злобно покосился на меня и сжал кулаки. Потом встал и сделал шаг к огню.

— Запиши лучше на мой, — сказал купец. — Бедолаге это действительно не помешает.

Ай да Кошельки-Под-Глазами! Менестрель прохрипел что-то в знак благодарности.

— Не найдется ли у вас еще чашки вашего чая из трав, а, хозяйка? — попросила старуха. — А тебе, дитя мое?

— О да, благодарю вас, госпожа. — Может, у служанки нет имени, или ее хозяйка просто не позаботилась узнать и запомнить его? Плащ ее был тонкий и простой выделки. До этой минуты я не слышал ее голоса, да и лица почти не видел из-под полей шляпки. Я подозревал, что она простужена. А может, она просто была голодна.

Купец заказал еще пива себе и своей жене — если она и в самом деле была его женой. Нотариус порылся в своей котомке и сказал, что, возможно, и ему не помешает полкувшина легкого; при одной мысли о легком пиве мне чуть не сделалось дурно.

Фрида пошла приготовить чай и как бы невзначай коснулась моего плеча. Даже разливая пиво, Фриц не забывал следить за нами. Я нащупал записку в кармане — собственно, в его кармане, поскольку на мне была его куртка. Что за послание передала мне его сестра? Веселье и юмор, оказанные ею в прошлое мое посещение, куда-то делись. Неужели несколько месяцев в обществе этого мужлана могли так подействовать на нее? Или ее тревожило то, что я вряд ли продержусь эту ночь?

Жаль, что мне нечем скрасить ее жизнь. Как говорил мой старый друг Благонрав Суфский, сколько бы ты ни знал, для тебя в этом может быть гораздо меньше радости, чем для остальных. Что-то он еще говорил на эту тему, не помню только что.

— Ханнаил Ужасный родил Ноннила, — сказал я. — Ноннил родил Гросалья Жестокого. Гросаль...

— Мы еще не готовы! — перебила старуха. Она пребывала не в лучшем расположении духа, что неудивительно, учитывая выступление менестреля.

— Собственно, я еще не начал, — возразил я. — Я просто готовлю почву. Междуморье оправилось немного от первого потрясения. Конечно, от городов осталось лишь жалкое подобие былого величия.

— Неужели мы не можем выбрать рассказ повеселее? — простонал купец.

Я только улыбнулся ему.

— На трагедию надо отвечать трагедией, ибо как иначе сравнивать их? Так вот, Кайлам пятьдесят лет спустя... Можете вы представить себе пятьдесят лет правления северных варваров? Ужасных светловолосых дикарей?

Как раз в это время рядом проходил Фриц с большим медным кувшином, и на какое-то мгновение мне показалось, что он собирается опустить его мне на голову. Фрида бросила на меня тревожный взгляд, как бы предупреждая, что его обещание убить меня — не пустая угроза. Впрочем, это я знал и сам.

Когда все снова расселись и приготовились слушать, а огонь в камине запылал еще ярче, я начал.

— Я Омар — Меняла Историй, но это вы уже знаете. Как там начинал Гвилл? «Майне либе дамен унд геррен, надеюсь, мой рассказ понравится вам»? Так послушайте тогда Историю о Белорозе-Верлийской.

5. ОТВЕТ ОМАРА НА РАССКАЗ МЕНЕСТРЕЛЯ

Всю ночь Белороза помогала раненым, потерявшим близких, осиротевшим детям. Едва рассвело, она выскользнула из здания и поспешила по опустевшим улицам домой. Когда

она поднималась наверх, в свою комнату, каждая ступенька на лестнице, казалось, кричала от боли в опустевшем жилище. Слуг она отослала накануне вечером, наверняка дом Утрозвезда сожгут еще до захода солнца, и всех, кого найдут в нем, ожидает неминуемая смерть.

Это был скромный дом на скромной улице недалеко от порта. Вот уже пятьдесят лет горожане Кайлама не осмеливались выставлять богатство напоказ. Захватчики-варвары правили, сея ужас и смерть. Любой местный житель, стоило ему хоть чуть-чуть высунуться, рисковал поплатиться головой, его добро конфисковывалось, его женщины угонялись в рабство, где их скорее всего тоже убивали.

Сначала она зашла в отцовскую комнату. Кровать его была аккуратно застелена, его вещи все еще висели в шкафу, его гребни лежали на комод, но комната уже казалась опустевшей и неприветливой.

Из тайника над кроватью Белороза вынула маленький, узкий стилет, острый, как бритва, сработанный в какой-то дальней стране. Стиллет принадлежал ее прабабке — так, во всяком случае, рассказывал отец, но и он не знал о его происхождении больше ничего. Он не знал даже, пользовались ли им когда-нибудь. Слабое потемнение на лезвии могло быть, а могло и не быть ядом. Сегодня она, возможно, узнает, верно ли семейное предание.

Она пересекла комнату и подошла к портрету матери. Златоцвета улыбнулась дочери так, как всегда улыбалась ей, сколько та себя помнила. Она казалась едва ли старше Белорозы, какой та стала сейчас. Она погибла вскоре после того, как был написан этот портрет, — как-то утром она наткнулась на улице на отряд варваров. Они изнасиловали ее прямо на мостовой, а потом убили, пока горожане Кайлама разбегались в страхе. Жестокость была для варваров политикой, демонстрацией превосходства. Златоцвете просто не повезло: она попала им на пути после получения приказов Хола.

Воспоминания далекого детства жгли сердце Белорозы раскаленным железом.

— Прощай, мамочка, — прошептала она. — Ты все поняла бы. Надеюсь, я смогу быть достойной твоей памяти.

Она привсталась на цыпочки и поцеловала портрет. Она делала это раньше только однажды, в тот вечер, когда Волнорез спросил ее, не возражает ли она, если его отец зайдет к ее отцу переговорить о брачном союзе между двумя домами. Помолвка состоялась, но свадьбу пришлось отложить из-за восстания. Где он теперь, Волнорез Кравский? Лежит ничком в луже крови у Мельничного ручья? Или похоронен в братской могиле рядом с Утрозвездом Верлийским и многими, многими другими?

Вернувшись к себе в комнату, Белороза умылась и расчесала волосы. Дрожа — не только от холода, — она обдумала наряд, который наденет. В правление варваров люди Междуморья — особенно женщины — научились одеваться в обществе скромно и незаметно. Только у себя дома позволяли они себе носить традиционные одежды своих предков. В последние несколько недель они с радостью вернулись к древним обычаям, и улицы снова расцвели яркими красками. Однако недолгая весна восстания прошла, и снова наступала зима террора.

Она начала со своего любимого платка, который соткала сама из лучшей шерсти, какую только удалось достать, — легкого, как из тонкого хлопка, ало-изумрудного. Она накинула его на левое плечо. Углы опускались ниже колен. Она расстелила платок на кровати и укоротила на треть.

На правое плечо она предпочла накинуть шелк, принадлежавший еще ее бабке — медные цветы на ярко-синем фоне. Его она укоротила наполовину, потом повязала на пояс золотой кушак, расправив свисающие концы тканей так, чтобы они образовывали подобие юбки.

Она надела серебряные сандалии, бабушкины серьги из оникса, жемчужное ожерелье, подаренное ей Волнорезом к помолвке. Она старалась не думать о Волнорезе. Она знала, что ее отец убит. Ей рано было еще терять надежду на счастливую любовь. Так у нее по крайней мере сохранялся смысл жизни, ведь мести с весьма сомнительными шансами на успех было недостаточно.

Только после этого решилась она посмотреться в зеркало. Сердце ее колотилось, дыхание перехватывало. Обнаженные руки, обнаженные ноги, едва прикрытая грудь — она бы не стала показываться в таком виде перед отцом и даже перед Волнорезом, во всяком случае, до свадьбы. Даже по собственным меркам она вырядилась абсолютно бесстыдно, значит, варвары точно придут в ярость. Ну и пусть, позор смущал ее теперь меньше всего. Пусть наживкой послужит ее собственное тело.

И последнее — она спрятала за кушаком стилет.

Белороза спустилась по лестнице и вошла в гостиную, стараясь держать голову высоко и шагать не спеша. Гостиные ее далеких предков представляли собой настоящие залы, пригодные для балов, в них свободно могли разместиться десятки людей. Эта казалась тесной даже тогда, когда в ней собирались все восемь вождей сопротивления.

Маленькая ниша над очагом была занята. В каждом доме Кайлама и всего Междуморья над очагом обязательно имелась такая ниша. Когда-то в них жили домашние божества. Потом нагрянули варвары и разбили всех богов, которых смогли найти. Только пустые ниши остались воспоминанием об утерянной свободе. Сколько Белороза помнила себя, ниша эта оставалась пуста за исключением редких случаев, когда отец отпускал всех слуг, запирал двери и вынимал из тайника Верла, чтобы поклониться ему. Когда дочь достигла совершеннолетия, он представил ее богу, и с тех пор они поклонялись Верлу вместе.

Месяц назад боги Междуморья снова вернулись на свои места. Вот и сейчас Верл стоял в своей нише по древнему праву — маленький белый голубок. Не то чтобы он был красив или слишком похож на настоящего, просто глиняное изображение птицы. Один глаз обозначался маленьким черным камешком, на месте другого была дырка. Его ноги были скручены из проволоки, и он потерял пару когтей. Он был очень стар — тысячу лет, а может, и больше. Он был богом семьи Белорозы, и она любила его.

Она опустилась на колени и склонила голову. На камине перед ней лежали меч и золотая цепь, заляпанные засохшей кровью.

— О Пресвятой Отец, услышь мою молитву. Мне нечего поднести тебе...

— Ты даришь свою жизнь, — ответил шепот. — Какой бог может желать большего? Кстати, раньше ты всегда называла меня «Матерью».

Белороза улыбнулась сквозь слезы.

— Теперь я глава семьи. Мне кажется, Отец подходит лучше.

— Как тебе больше нравится, — прошептал голубь голосом тихим, как далекий-далекий прибой. — Ты последняя из моих птенцов — по крайней мере сейчас, — и все остальное не так уж важно. И потом, кто сможет отличить голубя-отца от голубки-матери... кроме разве что другого голубя?

— Значит, Святая Мать, — вежливо поправилась Белороза. — Дай мне храбрости исполнить задуманное.

— Я не могу дать тебе храбрости, дитя мое, ее у тебя и так не меньше, чем у твоих предков, ведь я знаю твою семью не сосчитать сколько лет и зим. Я горжусь тобой, как гордился Утрозвездом, когда он, овеянный славой, заходил ко мне два дня назад. Никто из твоих предков не поднимался выше него.

Белороза подавила всхлип.

— Мне нечего подарить тебе, Пресвятая Мать. Я прошу твоего позволения взять вот это. — Она положила руку на странную цепь.

— Это сильно увеличит риск, — вздохнул бог.

— Но увеличит и мои шансы на успех?

— Это тоже. Так что бери ее вместе с моим благословением.

Белороза подняла цепь. Цепь была тяжелее, чем казалась на вид. Она зазвенела и обожгла ее пальцы холодом. Белороза положила ее на ковер рядом с собой.

— А ты сама, Госпожа? Вернуть ли мне тебя в потайное убежище?

Последовало молчание. Потом бог вздохнул:

— Я ведь очень мелкое божество, дорогая моя. Я не могу заглядывать в будущее далеко. Я даже не знаю, будешь ли ты жива или нет сегодня к вечеру, но знаю, что дом этот уже не будет стоять на этом месте завтра. Да каждая ваша судомойка понимает это. Так что заверни меня лучше в тряпку поневзračнее и захвати с собой. Отдай меня чужеземцу и накажи ему бережно хранить меня до срока. Он поймет.

— Чужеземцу? — вскричала Белороза, пораженно глядя на маленькую фигурку. — Чтобы он хранил наше домашнее божество? И что за чужеземец?

— Так надо. Ты узнаешь его при встрече. Поспеши, дитя мое! Время жертвоприношения близится. Варвары уже жгут костры на холмах.

Белороза невольно вздрогнула. Ей показалось, что кости ее стали мягкими от страха. Она вспомнила улыбающийся портрет наверху.

— Смелее, последняя из моих птенцов! — тихо прошептала голубка. — Будь отважной, и за тобой придут другие. Будь отважной, и мы добьемся отмщения.

Завернувшись в тяжелый шерстяной плащ, держа в руках два маленьких свертка, поспешила Белороза во дворец. Небо уже светлело, солнце играло на печных трубах и черепичных крышах Кайлама. Ветер нес по темным еще улицам легкий соленый аромат моря. По городу бесцельно слонялись собаки, озадаченные тишиной и отсутствием людей. В порту должно быть все по-другому. В порту сейчас толпы обезумевших людей рвутся на последние отходящие корабли. Детский плач, крики...

Со дня битвы при Мельничном ручье прошло два дня.

Прошлой ночью на холмах запылали костры торжествующих варваров.

Сегодня начнется месть.

Кайлам погибнет первым — до него ближе, и вдобавок именно магистрат Кайлама поднял знамя восстания. Утом станет последним. Бежать из Утома будет уже некуда. Так

что месть варваров начнется с портовых городов: Кайлам, Йомбина и все остальные по очереди. Вполне возможно, Вандок сможет поделить свои силы, послав половину расправляться с восточным побережьем, пока сам занят западным. А почему бы и нет? Армии, способной противостоять им, больше не существует. Страна беспомощна. Обнажена, беззащитна и лежит, покорно распростершись на земле...

Белороза дошла до площади, так никого и не встретив. Только дряхлый нищий сгорбившись сидел на ступенях. Сколько она себя помнила, этот слепой старик всегда сидел здесь. Удивляет ли его тишина? Объяснил ли ему кто-нибудь, в чем дело? Или он просто решил, что там, где шансов спастись нет почти ни у кого, слепому старику и вовсе не на что надеяться? Она пожалела, что не захватила с собой денег. Дома от них все равно никакой пользы, а так старик по крайней мере умер бы счастливым от внезапно свалившегося на него богатства.

Она не стала подходить к нищему, но поспешила вверх по ступеням к сияющему портику.

Ни у кого не было никаких сомнений, откуда начнется резня. Это было единственное приметное здание в городе. Вандок начнет отсюда, с места гибели его отца.

Когда-то это был храм Янга — в те давние времена, когда дамвианцы еще не похитили его, чтобы сделать своим богом. Очень недолго здесь был храм Колима, когда Кайламу удалось похитить дитя-бога Йомбины. А потом пришли варвары, и богов больше не стало. С тех пор храм служил дворцом губернатора. В редких случаях, когда царь переходил горы поохотиться в южных колониях, он служил также царской резиденцией.

— Если бы они только остались здесь! — не раз и не два говорил сокрушенно дочери Утрозвезд. — Если бы они поселились здесь и жили бы среди нас, мы бы смогли просветить их! Поколение, возможно, два, и поселившихся с нами варваров уже было бы не отличить от местных. Ханнаил был слишком умен — или его бог. Тот или другой увидели эту опасность. Вот они и посылают своих сыновей терзать нас,

но отзывают их обратно, чтобы браки заключались только в пределах их племен, и потом посылают новое поколение грабить и убивать. Наша страна — не вассальное государство, для них это всего лишь охотничьи угодья.

Поднимаясь по высоким ступеням, Белороза поняла, что больше не боится. Страх вернется потом. Страх смерти, страх боли. Не думай об этом! Думай об отмщении! Думай об отце, отважно встретившем смерть на поле битвы. Много людей говорили ей, что смерть отца была славной. Смерть — это страшно, откуда бы она ни пришла. Она уверена, отец отважно встретил смерть. Но его смерть не была славной, смерть славной не бывает...

Она миновала портик и вступила в базилику. Это было высокое, холодное, пустое место, хотя на потолке еще сохранилась красивая резьба. Варвары сбили все украшения, до которых смогли дотянуться, и многие из тех, кто был здесь раньше желанным гостем, нашли здесь свою смерть. Мужчин и женщин морили в этом зале — в клетках, голодом, сжигали, распинали, четвертовали, обезглавливали. Насиловали.

Трон исчез — его вытащили отсюда, не прошло и часа после того, как повстанцы объявили его плахой, и Утрозвезд собственноручно отрубил на нем голову царю Гросалю. На месте трона стоял дубовый стол совета, и каждый день здесь заседали магистраты, а люди сотнями приходили сюда и в благоговейном молчании смотрели на них, восхищаясь восстановленной демократией, той свободой, про которую им рассказывали их деды.

Она удивленно застыла. Она ожидала, что зал будет так же пуст, как улицы, но в нем оказалось полно народа. Четверо или пятеро сидели за столом. Сотня или больше стояли вокруг в мрачном молчании. Они пришли увидеть закат, угасание пламени, горевшего так недолго.

Она увидела перевязанные обрубки, людей на костылях. Даже детей привели сюда увидеть конец недолгой мечты. Значит, не все горожане попрятались в холмах или ждали очереди на корабль.

Она поколебалась немного, разглядывая людей за столом — вожди сопротивления, те, кто выжил. Старый Чистохрабр Фарнский, седой и согбенный. Высокосил Калинтский с рукой на перевязи и повязкой на голове... Это он первым сказал ей, что смерть Утрозведа была славной. Она даже узнала вдов на заднем плане. Победенные, потерявшие близких, раненые... В горле ее застрял ком. Человеческие обломки Кайлама.

Эти люди наверняка не дадут ей исполнить задуманное.

Колени вдруг начали дрожать. Страх снова навалился на нее. До тех пор, пока ожидающее ее испытание было неизбежным... Но теперь без этого, возможно, удастся и обойтись... Может, надежда — это тяжелее, чем неизбежность? Вздор! Она расправила плечи. Но как ей миновать всех этих упырей, этих зевак у труп?

И что они вообще делают здесь?

— Ожидают условий сдачи, — произнес голос рядом с ней.

Она поняла, что, должно быть, заговорила вслух, и посмотрела на говорившего. Потом посмотрела повнимательнее.

Это был человек среднего роста, средних лет — стройный, спокойный, аккуратно одетый. Его короткую бороду уже тронула седина. Кудрявые волосы начинали седеть; стрижка — какая-то странная. В лице его не было ничего особенного, и все же...

— Они ожидают, что Вандок потребует сдачи города, — объяснил незнакомец, в свою очередь внимательно рассматривая ее.

— А он что? — спросила она.

— Не думаю, что ему это нужно. Я думаю, он придет и возьмет город сам.

— И сожжет.

— Разумеется.

Что-то в нем чувствовалось такое... Его глаза были серого цвета, в Междуморье таких не встретишь. Он был первым мужчиной без меча или по крайней мере без палицы, которого она видела за последние несколько недель. Да и голос его звучал немного странно, а от одежд пахло морем. Он

был одет в просоленные моряцкие штаны и открытую спереді рубаху, которая была когда-то довольно дорогой. Теперь она вылиняла и порвалась. У ног его лежал узел.

— Кто ты? — спросила она.

— Странник, госпожа. — Казалось, она заинтересовала его чем-то, а может, он всегда такой любопытный. Он отличался той же спокойной уверенностью, что ее отец так часто... что была у ее отца.

— В злое время попал ты сюда, странник. Лучше тебе здесь не задерживаться.

Он покачал головой и улыбнулся. Было что-то успокаивающее в его улыбке и что-то неуловимо печальное.

— В некотором роде я специалист по плохим временам, госпожа. Я слышал, была битва. Я опоздал на нее. — Он нахмурился. — Странно все это!

— Почему же? — Она сама не знала, зачем тратит время на пустой разговор.

— О, обыкновенно меня доставляют вовремя. Боги помогают. Ладно, это не важно. А ты кто?

— Просто городская женщина.

Он удивленно переспросил:

— Просто? Молю тебя, скажи мне.

Если бы он видел, как она одета под плащом, он не принял бы ее за знатную даму.

— Белороза Верлийская.

— Дочь Утрозвезда? — Он низко поклонился ей. — Тогда тебе-то уж тем более лучше здесь не задерживаться.

— Я должна. — Зачем, зачем говорит она это совершенно незнакомому человеку?

Чужеземец! Кто еще, если не этот человек?

Придерживая плащ одной рукой, она протянула другой один из своих свертков.

— Мне было сказано отдать тебе вот это.

Он удивленно склонил голову, но не так удивленно, как она ожидала.

— Кем сказано?

— Верл.

— А... — Человек осторожно принял завернутого бога. — А что там внутри?

— Верл. Она... Он сказал, чтобы ты вернул ее, когда настанет срок.

— Не назвал ни времени, ни места?

— Нет. — Все это звучало настолько безумно, что она испугалась, не сочтет ли чужеземец ее совсем умалишенной.

Однако он оставался совершенно серьезен. Он посмотрел на маленький сверток в руках. В зал бегом ворвались несколько человек и бросились к столу. Другие поспешили наружу. Чужеземец один стоял столбом посреди смятения, не обращая на него никакого внимания, словно единственным, что могло быть интересным в городе, был этот маленький сверток.

— Так он или она?

— Как тебе больше нравится.

— Но она не будет говорить со мной?

— Нет, она говорит только с членами ее семьи.

Чужеземец нахмурился.

— А подношения? Как мне заботиться о ней?

— Мне кажется, от чужого она не примет и подношений. Возможно, стоит время от времени сыпать ей несколько зерен кукурузы... так, чтобы показать ей, что она не забыта, ладно?

Чужеземец серьезно кивнул и спрятал бога за пазуху. Рубаха почти не оттопыривалась.

— Прямо на сердце, — сказал он. — Я верну ее, когда настанет срок. Обещаю тебе. — Он взглянул в лицо Белорозы неожиданно ясными серыми глазами. — А по какой дороге пойдешь теперь ты, госпожа моя?

Снова одолела ее предательская дрожь. Она поплотнее запахнула плащ.

— Молю тебя, уходи! Позаботься о Верл.

— Белороза! — крикнул знакомый голос.

Она вскрикнула и обернулась. Волнорез! Он, хромая, спешил к ней, опираясь на посох. На голове его была пропитавшаяся кровью повязка, лицо покрыто черной щетиной, но это был Волнорез, живой. Посох со стуком упал на пол,

когда он обнял ее. Она прижалась к нему и ощутила твердый стилет под кушаком.

— Я не сомневалась, — солгала она, уткнувшись в его плечо. С очень высокими мужчинами всегда такие сложности.

— Твой отец... ты уже знаешь? Ну конечно, ты не можешь не знать! Дорогая, он встретил славную смерть. Я сам видел. Цвет варварского войска...

— Я слышала. Ты ранен. — Она собиралась ранить его еще сильнее.

— Ногу подвернул во время бегства. О, дорогая моя! Я был у тебя дома...

— Повязка на голове, потому что подвернул ногу?

— Так, царапина. Стрела... ты же знаешь, у меня шкура что броня. Она и отскочила. Если бы у нас только были хорошие доспехи и оружие, все повернулось бы совсем по-другому! Пошли, дорогая моя, времени у нас в обрез.

— Нет, — ответила она.

Он немного отстранился, чтобы заглянуть ей в лицо.

— Нет? Ты что... нет? Нас ждет корабль. Капитан — старый друг... Он обещал мне подождать еще час, и час этот почти уже прошел. Там, в порту, такое творится... Быстрее!

— Нет. — Он сделал попытку увести ее силой, и она вырвалась, натянув плащ. — Милый, я понимаю, как тебе больно, но я не могу идти.

Люди кричали. Каким-то смятенным краешком сознания она воспринимала происходящее. Орда наступает. Вандок со своим войском входит в город. Никаких условий...

Толпа повалила прочь из базилики, обтекая ее с обеих сторон. Перед глазами мелькали искаженные паникой лица, слезы. Слышались крики. Но видела она лишь боль и смещение в глазах Волнореза. Он нагнулся за посохом, потом снова попытался увести ее, и она вырвалась из его рук. Хорошо еще эта его лодыжка! Будь у него свободны обе руки, он просто унес бы ее с собой.

Он закричал на нее. Она попятилась, на глаза навернулись слезы. Она пыталась объяснить, что любит его. Он продолжал бубнить что-то про ждущий корабль. Объяснить ему

было невозможно. Она пыталась заставить его уйти, снова и снова повторяя, что не пойдет с ним.

В конце концов Волнорез потерял терпение. Судя по всему, нога причиняла ему больше страданий, чем он хотел показать, и кровь на повязке... не похоже, что это всего лишь царапина. Он нашел им корабль, спасение, он нашел ее, а она отвергала его... Еще бы ему не потерять терпение.

Когда слезы перестали застилать глаза, она стояла в зале одна.

Она сбросила плащ на пол и почувствовала себя совсем голой. Хуже, чем голой. Выступив из сандалий, прошла она через базилику к заваленному бумагами столу и дальше, в торец зала, на помост, где стоял раньше трон. Высохшую кровь на этом месте так и не стали смывать.

Она развернула второй сверток и достала цепь. На ней тоже была кровь Гросалья. Она повесила было цепь на шею, но передумала. Так Вандок может просто задушить ее.

С площади донесся какой-то шум. Она повернулась к дверям.

Какое-то движение в тени за колоннами привлекло ее внимание. Приглядевшись, она с удивлением увидела чужеземца, так и стоявшего с узелком у ног.

— Уходи! — крикнула она.

Он не успел ответить, во дворец ворвались варвары.

Вандок оказался моложе, чем она ожидала. Он сидел на своем огромном коне так, словно был частью его, и удивленно смотрел на одинокую фигурку, замершую в ожидании. Его свита — два десятка вооруженных всадников — замерла за его спиной. Казалось, прошло столетие, прежде чем кто-то заговорил.

Да, он был моложе, чем она ожидала, но выше и крепче. Золотая цепь, наискось пересекавшая грудь, обозначала его царский сан, но и без нее совершенно ясно, кто здесь главный. Если не считать цепи и стягивавшей длинные волосы ленты, на нем были только кожаные штаны кочевника. Усы его были пышными, подбородок зарос золотистой щетиной.

Он казался ужасно массивным, словно был вырезан из дуба. Меч и лук с колчаном приторочены к седлу.

— Говорят, он хуже всех в роду, — говорил ей отец. — Но этого можно было ожидать. Говорят, он ужасно похож на самого Ханнаила.

Утрозвезд рассчитывал на полгода подготовки. Вандок оставил ему меньше месяца. Он вышел абсолютным победителем в кровавой смуте, неизбежно следовавшей за смертью каждого царя варваров, перешагнув через четверых старших братьев. Словно смерч пронесся он по степям, собирая войско, и перешел перевалы еще до первого снега. Не прошло и месяца со дня смерти его отца, как он ворвался в Междуморье, почти как его прадед пятьдесят лет назад.

Огонь вспыхнул в его светлых глазах, когда он увидел потемневшую цепь в руках у женщины и кровавые пятна на полу у ее ног. Он должен был понимать, чья это кровь. Возможно, он понимал, и кто она такая. Она подавила желание схватиться за рукоять стилета. Он должен подойти к ней. Он просто обязан! На глазах у всех этих его людей — он должен!

Но Вандок не подошел.

Он подал знак. Четверо воинов спрыгнули с седел и бросились к ней. Стальные руки стиснули ее с такой силой, что она вскрикнула. Один из них отобрал у нее цепь и отнес ее царю. Тот долго рассматривал цепь, наконец кивнул и надел на себя. Помедлив еще немного, он спешился, остальные последовали его примеру.

Но и тогда не подошел он к Белорозе.

Он отдавал приказы, не двигаясь с места. Голос его был негромок и спокоен, и он подкреплял свои слова жестами. Варвары рассыпались по зданию, разглядывая бумаги на столе, отводя лошадей с прохода.

Белороза беспомощно стояла, удерживаемая тремя дюжими воинами. Странно, но кинжала они до сих пор не обнаружили. Они держали ее за запястья — так крепко, что у нее затекли кисти — и за плечи. Сапогами они придавили ее босые ноги к полу. Чьи-то пальцы вцепились ей в волосы и запрокинули голову. Но никто не нашел еще нож.

Она поняла, что не обошлось без предательства. Новые и новые воины-варвары вводили в зал пленных: Чистохрабра, Высокосила, Верноклятва... Соппротивление предали. И поделом! Соппротивление предаю страну, потерпев поражение. Они обещали свободу, а принесли лишь новые страдания.

И наконец Вандок снова обратил на нее внимание. Он направился было к помосту, но остановился в нескольких шагах.

— Имя?

Она попробовала ответить, но во рту пересохло. Ей стали выкручивать руки, она задохнулась от боли и еле выдавила шепотом: «Белороза Верлийская».

— Громче!

Она повторила свое имя.

Вандок улыбнулся:

— Раздеть ее!

Одежды ее были мгновенно сорваны с тела. Стиллет лязнул о пол.

Вандок только рассмеялся. Один из мужчин отшвырнул ногой оружие, другой убрал тряпки. Третий сорвал с шеи цепочку и безжалостно вырвал из ушей серьги. Она подавила крик боли.

Только тогда сам царь шагнул на помост и подошел к ней вплотную — хищный зверь, от которого пахло конским потом и дымом, пахло кочевником, который много недель провел в седле. Он презрительно посмотрел на нее сверху вниз — она стояла, обнаженная и беспомощная в руках грубых солдат. Он был очень высок, очень крепок и казался прочным, как дубовая мебель. Она вздрогнула от ненависти, горевшей в его глазах. Знала ли она раньше, что такое настоящая ненависть? Надежда умерла. Мама!

— Ты и впрямь думала, что со мной так легко справиться? — произнес он. — Твой отец убил моего — здесь? На этом месте?

Она кивнула.

Он протянул руку и взялся за левую грудь. Ухмыляясь, сжал он ее так, что она вскрикнула. Потом оглянулся и обвел зал взглядом — толпа скаливших зубы воинов, пленников... Зал заполнялся народом. Зрителей предостаточно.

— Как надлежит поступить с отродьем мятежника? — спросил он.

Зал взревел. Ответ был известен заранее.

— На пол ее! — приказал Вандок. — Прямо сюда, где кровавые пятна! И подведите пленных поближе. Наказание начнется прямо здесь и сейчас — пусть полюбуются.

Он еще раз посмотрел на Белорозу, улыбнулся и расстегнул пояс.

6. ПЕРВЫЙ ПРИГОВОР

— Майне либе дамен унд... геррен, да? Ладно, в общем, надеюсь, что моя история пришлась вам по вкусу.

На этот раз никто не кивнул в ответ. Старая дама сердито смотрела на меня; полосы румян горели на ее пергаментных скулах, как следы побоев. Купец и солдат смотрели на меня столь же неодобрительно. Актриса кусала губки и печально качала головой. Маленькая старухина служанка, похоже, плакала, закрыв лицо ладонями. Впрочем, в этом я не был уверен из-за проклятой шляпки.

— Тише, детка! — сказала старая дама. — Но Белороза ведь не умерла, майстер Омар, правда?

— Ну, не сразу, конечно. Не в тот день.

— Тогда мне кажется, ты мог бы закончить свой рассказ более приемлемо!

— Но я ведь не знаю, когда и как она умерла! Ведь не хотите же вы, чтобы я выдумывал то, чего не знаю? Вандок прилюдно изнасиловал ее. Возможно, он и намеревался убить ее, но потом передумал и решил произвести впечатление, выставив дочь Утрозвезда напоказ во всех семи городах. Право же, я не знаю, что он там думал. Я знаю, что он взял ее с собой в Йомбину и там, на рынке, в телеге...

— Хватит! — взвизгнула старая жаба. — Это не тема для разговора в благородном обществе.

— Из этого я заключаю, что вы голосуете против меня, сударыня? — с досадой спросил я. — Тогда не угостит ли кто-нибудь приговоренного к смерти кружкой пива? — Огонь в камине уже догорал, и тени из углов подступили ближе. Возможно, буран уже не так свирепствует, но все равно погода убийственная.

Молчание становилось зловещим.

Солдат кашлянул. Его обветренное лицо было прочерчено глубокими морщинами, напоминавшими дороги на карте. Карте долгой и, возможно, бурной жизни? Если бы я выбирал партнера для игры из этой компании, собравшейся в пропахшей пивом комнате, Фрида была бы первой, тут даже и думать нечего, а актриса — второй с очень незначительным отрывом. Но если бы мне требовался напарник для опасного дела, я бы однозначно выбрал старого вояку. Ну, для настоящей махаловки, возможно, сошел бы еще Фриц с боевым топором...

— Чужеземец? — переспросил солдат. — Тот, что взял бога? Ты не назвал нам его имя. Ты знаешь, кто это был?

— Да, капитан. Но это совсем другая история.

Актриса хихикнула, как маленькая девочка.

— Хитрый майстер Омар играет с нами в очень старую игру!

Я слегка нахмурился — пусть знает, что мы помним и кое-какие другие игры!

— Отлично, — молвила старая дама. — Давайте решим, чей рассказ лучше.

— Если мне позволено высказаться, сударыня, — просипел менестрель, — я бы проголосовал за майстера Омара.

— Не уверена, что это лучший выбор. Давайте опросим по кругу. Бургомистр? — Она улыбнулась купцу. Предложенная ею процедура оставляла последний голос за ней.

Толстяк надул губы и покосился на свою спутницу.

— Ты лучше меня разбираешься в искусстве, дорогая. Проголосуй за нас обоих.

— О, рассказ майстера Омара, конечно, был изрядно шокирующим. — Актриса помолчала, вглядываясь в мое лицо. Она прекрасно понимала, что мне известно, в каких искуст-

вах она преуспела более всего, так что я вполне могу рассказать и более шокирующие истории. — Но мне кажется, он был поведен нам лучше, так что будем считать, первый раунд за ним.

Менестрель уже проголосовал. Фрида слабо улыбнулась мне. Фриц насупился — ничего другого я от него не ожидал.

— Выбор, конечно, непростой, — сказал я, — но в целом я голосовал бы за себя.

Нотариус поерзал на лавке и поднял на меня глаза.

— Как давно все это имело место?

Ему-то, черт возьми, какая разница?

— Полагаю, около двухсот лет назад. Возможно, чуть больше.

— Я считаю оба рассказа неуместными. Я отказываюсь голосовать.

Служанка промолчала.

— Думаю, я проголосую за мастера Омара, — буркнул солдат. — Как уже заметила дама, он играет с нами в старую игру, но мне пока не хочется спать. До утра еще далеко — как знать, может, позже у него получится лучше.

— Значит, большинство за меня! — Я не особенно беспокоился. Менестрель сам сдал этот круг. — Так никто не хочет угостить победителя пивом?

Никто так и не откликнулся.

Фриц встал и подошел к камину подбросить еще дров. Я нащупал в кармане записку, но оставил ее пока лежать там. Великан поднял с полки медный кувшин и с надеждой обвел собравшихся взглядом. Желающих не обнаружилось. Он вернулся на место с кислой миной, не красившей его.

— Ну и кто будет следующим рассказчиком? — Старуха изогнулась в кресле, словно огромная мохнатая черная гусеница. Или, возможно, паучиха.

— У-у! — Актриса возбужденно стиснула ручки на груди и оглянулась на своего благодетеля за поддержкой. — Милый, тебе не кажется?.. Тебе не кажется, что мне стоило бы попробовать?.. Разреши, я попробую, милый!

— Валяй, голубка моя.

— О, замечательно! — воскликнула она.

Я собрался с мыслями — должен признаться, это получалось у меня с трудом. На лице Фрица появилась улыбка, что само по себе уже плохой знак. Впрочем, считать он умел не хуже меня.

С ее-то пухлыми губками-бутончиками и пышными как опахало ресницами она могла бы собрать голоса всех мужчин, даже рассказав рецепт приготовления борща — если только ей приходилось хоть раз в жизни готовить борщ. Я не мог представить себе никого, кто проголосовал бы против этой кокетки, за исключением, быть может, старухи. И ее служанки, разумеется. Хуже того, компанию начинало клонить в сон. Каковы бы ни были рассказы, состязание может прекратиться без злого умысла — только по невнимательности. И как только большинство проголосует против меня, Фриц исполнит свою давнюю мечту.

Не собирался я убивать его проклятую собаку! Знай я, что он так к ней привязан, я бы спрятал тело в лесу. Так он никогда бы и не узнал, что случилось, да и я бы не нарвался на неприятности.

— Дайте подумать, — начала наша новая рассказчица своим детским голоском, поудобнее устраивая белоснежную горностаевую муфту. — Мне положено начинать с рассказа о том, кто я, да? Ну ладно, звать меня Марла. Я — подкидыш. Меня нашли как-то морозной зимней ночью девятнадцать лет назад на пороге обители Богини Чистоты в Лютцфройле, так что я ничего не могу рассказать вам о моих родителях, хотя они должны быть благородных кровей, ибо на углу одеяла, в которое я была завернута, был вышит серебряными и золотыми нитками вензель. Увы, одеяло позже украли, а ко времени, когда я выросла, никто уже не помнил, какие там были ихние инициалы.

Росла я, ясное дело, в обители. Я как раз должна была пройти последние посвящения, когда (боги, это было уже месяца четыре или пять назад!) бедная сестра Заух получила ужасное, право же, ужасное известие! Ее любимый брат, единственный, кто остался у нее на всем белом свете, лежал при смерти. Ну, сестра Заух и сама была уже совсем старенькая, вот мать-настоятельница и послала меня с ней. Вот так я и

оказалась в большом мире, словно маленький птенец, впервые покинувший родное гнездо.

Если таково было ее вступление, рассказ обещал стать впечатляющим.

— И там, в Бельхшлоссе, повстречала я милого Йоханна, и мы с первого взгляда полюбили друг друга, не так ли, милый? — повернулась она к купцу.

— Ну конечно, светоч моей жизни!

Болезный менестрель рядом с ней покосился на меня с очень странным выражением лица: глаза в красных кругах, сжатые губы побелели. Что, и кулаки стиснуты? Может, это у него припадок начинается? Тут я вспомнил, что развлечения в том заведении, где я впервые повстречался с этой дамой, включали в себя музыку. Юный Гвилл вполне мог выступать там, в «Бархатном стойле». Не за деньги, конечно, — ему платили натурой. Такие заведения обычно расплачиваются так с артистами — певцами, музыкантами, сказителями... так мне, во всяком случае, говорили. Возможно, Гвилл знал эту даму и ближе, чем я, но уж наверняка он не встречался с ней в святой обители.

Так называемая Марла набиралась самоуверенности как горная лавина, катясь вниз по склону.

— Я поведаю вам историю куда приятнее и романтичнее той, что рассказал Омар! Майне либе дамен унд геррен, надеюсь, мой рассказ понравится вам! Я ничего начала, а, милый?

— Ты все делаешь восхитительно, розочка моя!

Девятнадцать? Если уж на то пошло, скорее двадцать пять. Звали ее вовсе не Марла, она в жизни близко не подходила к обители, и у нее были татуировки на местах, о которых не принято говорить в обществе.

7. РАССКАЗ АКТРИСЫ

После того как царь Вандок опозорил Белорозу на глазах городских властей и своих людей, он приказал отправить ее

под охраной в ихний лагерь. Остаток дня он грабил и разрушал Кайлам. Это было ужасно! Дома пылали, и повсюду валялись мертвые тела! Пожалуй, я не буду вам говорить эти ужасные, кошмарные подробности.

Вечером он приказал привести Белорозу в его шатер и снова возлег к ней. Он несколько раз против ее воли овладел ею. Он был такой большой и сильный, что сопротивляться даже не имело смысла!

И на следующий день она оставалась у него в плену, хотя стража обращалась с ней не так уж жестоко — они ведь знали, что она принадлежит царю. То есть они принесли ей много-много всякой еды и красивых одежд. Еще они говорили ей, какая она красивая — даже в несчастье.

Так вот, и на следующую ночь царь призвал ее к себе и наслаждался ею. Снова она безуспешно пыталась противостоять его грубой силе, но он, в общем, даже не хотел сделать ей больно — просто такой уж он был страстный и неодолимый!

Наутро он повел свое войско на Йомбину и там выставил ее на рынке в цепях — показать всем, что дочь человека, возглавлявшего восстание, находится теперь в его власти. На ней было простое черное платье и украшений никаких, но все равно она была такая красивая, что все плакали, глядя на нее!

Потом Вандок вернул ее в лагерь, а ближе к вечеру сам пришел к ней и принес красивые платья, что награбил в городе, и красивые драгоценности. Она, конечно, знала, что они все краденые, но решила надеть их, потому что боялась: вдруг он рассердится и выместит свою злость на бедных жителях города. Ведь она видела дым пожаров!

И этой ночью ее снова отвели в его шатер, но только теперь она была такой красивой в своем красивом платье и прекрасных камнях. Он ей так и сказал!

— Я знал много красивых женщин, — сказал он, — но никого красивее тебя.

Тогда она увидела, что он чисто умыт и выбрит, да и одет получше, чем прежде, — в шелковую мантию, так что даже на царя стал похож. И вообще он был такой весь симпатичный — волосы длинные-длинные и блестящие, и усы,

и глаза голубые. Он настоял, чтобы она пообедала с ним, а после обеда сам раздел ее — осторожно и даже нежно, и когда потом он прижал ее к своей груди, мускулистой и в золотой шерсти, она начала опасаться, что может и влюбиться в него, потому что до него она никогда не спала еще с мужчиной, а женщине очень трудно не влюбиться в мужчину, который первый занимался с ней любовью, даже если она его ненавидит!

Конечно, если бы она с самого начала полюбила его... да нет, это невозможно!

Я ведь не говорила, что Белороза забыла того, кого любила на самом деле, Волнореза, или как она рассталась с ним в ссоре, потому что не рискнула сказать ему, что хочет убить вражеского царя. Она-то надеялась, что Волнорезу удалось переплыть море и что он будет счастлив в чужой земле.

А наутро царь повел свое войско дальше на... в общем, на другой город. Когда они вступили в него, он подъехал верхом к экипажу, в котором ее везли.

— Госпожа моя, — так он сказал ей, — я хочу и здесь показать тебя людям, но я хочу, чтобы ты ехала рядом со мной верхом на этом красивом белом коне, и я хочу, чтобы ты надела платье покрасивее, и я принес тебе еще красивых камней, чтобы ты их носила, и они все будут плакать, видя тебя такую красивую в моей власти.

— О, ваше величество, — ответила Белороза. — Молю вас, не срамите меня, заставляя мой народ поверить, будто я их предала. Лучше закуйте меня обратно в цепи — пусть их знают, что я ваша беспомощная рабыня!

Царь нахмурился, но потом согласился сделать все как она просила, и он сделал золотую цепь, и повесил ее ей на шею, а другой конец держал в руке. И Белороза проехала по городу на красивом белом коне, и она лила горькие слезы, глядя на его — то есть города, а не царя — страдания! И все люди видели, как она прекрасна и как беспомощна во власти царя, и они все тоже плакали! И даже некоторые варвары тоже плакали, такая она была красивая и беспомощная во власти ихнего царя!

И когда она вечером пришла к нему в шатер, он подпрыгнул и поцеловал ее.

— О прекрасная царица Белороза, — сказал он. — Я покорил эту страну, и все здесь теперь мое, и все должны делать как я хочу, но ты мне дороже всего, потому что ты так красива и отважна. Я хочу принести мир твоей стране, сделаю тебя моей царицей и соединив наших два народа.

Тогда Белороза заплакала.

— Не плачь! — сказал царь. Я хочу, чтобы ты улыбалась, потому как ты еще никогда не улыбалась мне. Почему ты плачешь, когда я предлагаю тебе стать царицей над всей этой страной и страной моего народа тоже?

Белороза хотела сказать ему, что никогда не сможет полюбить его, какой бы он ни был большой, сильный и красивый, потому что любит другого и будет любить его всегда, если даже больше никогда его не увидит, но испугалась, что царь разозлится на нее и выместит злость на бедных горожанах.

— Твои слезы меня тронули, — сказал царь. — Я не хочу принуждать тебя против твоей воли. Но, может, ты ляжешь со мной по своей охоте?

Тогда Белороза прекратила плакать.

— Ваше величество! — объявила она. — Если это принесет мир моей стране и прекратит страдания невинных людей, я сделаю все, что вы хотите от меня.

— Нет, мне этого мало, — сказал царь. — Ты должна честно сказать мне, что любишь меня как мужчину, потому как я люблю тебя так, как не любил еще никакую другую женщину.

Но Белороза не ответила ему, так как дамы не приучены врать.

Тогда царь кликнул своих солдат и приказал отвести Белорозу обратно в ее шатер. И покуда она лежала там одна, глядя в темноту и думая, не выйти ли ей все-таки за царя, чтобы принести мир своему народу, она услышала странный шорох. И тут полог шатра откинулся, и вошел человек.

Она открыла рот, чтобы закричать, и вдруг услышала знакомый голос:

— Ты ли это, любовь моя? Ты, Белороза, которая снится мне каждую ночь?

И Белороза узнала голос, и ее сердце чуть не разорвалось от радости!

— Да, это я, Белороза. А ты, правда ведь, Волнорез, любовь моя?

— Да, я Волнорез, — ответил мужчина, — и я, рискуя жизнью, пришел сюда, чтобы спасти тебя!

И тогда Белороза прыгнула с кровати — да, я забыла сказать, что она была все еще прилично одета, потому что слишком горевала, чтобы снять красивое платье, и красивые каменья, и другие ихние подарки — и обняла Волнореза, и он был даже выше и сильнее, чем царь, и она любила его больше даже жизни, и она подумала, что вот бы им с Волнорезом заниматься любовью каждую ночь — ну, я хотела сказать, почти каждую ночь — вместо Вандока.

— Скажи мне, дорогой, — спросила она, — как это ты оказался здесь, в самом сердце лагеря свирепых варваров?

— Это печальная история, любовь моя, — отвечал Волнорез. — Когда я ушел от тебя, я пошел в порт, чтобы сесть на корабль, который увезет меня в безопасное место, и понял, что не смогу уплыть, потому что жизнь без тебя все равно что не жизнь. И я сказал капитану, чтобы плыл без меня, а сам вернулся искать тебя. Но свирепые варвары увезли тебя раньше, чем я нашел тебя, и они жгли дома и убивали людей. Я сам сразился с несколькими и убил их всех, но тебя не нашел.

Потом вражеская армия пошла на Йомбину, и я пошел следом, и несколько верных друзей со мной. Мы узнали, что ты — царская пленница, и решили освободить тебя, но нашли не сразу. А теперь нас ждет корабль, который отвезет нас за море, и мы с тобой там поженимся и будем жить счастливо.

— Тогда пошли сейчас же, — сказала Белороза, — ведь я люблю только тебя, а царь Вандок — ужасный человек, хоть и такой хорошенький.

И они выбежали из шатра, но тут ночь осветилась множеством горящих факелов, и перед ними стоял сам царь Вандок, а вокруг него сотни свирепых воинов!

— Кто этот наглец? — вскричал он грозно.

— Я тот, кого любит Белороза, — крикнул Волнорез и как схватится за свой меч!

— Тогда ты должен умереть, — крикнул царь, — потому как я сам ее люблю и не позволю другому мужчине владеть ею! — И он тоже вытащил свой меч.

И они начали биться — Волнорез и царь Вандок, а Белороза в страхе смотрела на то, как они бьются, моля богов, чтобы человек, которого она ненавидела, не убил человека, которого она любила, а все свирепые воины стояли вокруг и тоже смотрели.

Царь был знаменитый боец, он зарубил много людей и победил во многих поединках, но Волнорез был тоже ему под стать. Мечи звенели и сверкали в свете факелов, и они все кружили, а все воины смотрели, потому что никогда не видели еще такого поединка!

И тогда царь остановился на секунду перевести дух, и он так вспотел, что весь блестел от пота, и тяжело дышал.

— Право, Волнорез, — сказал он, — я бился со многими знаменитыми воинами и всех убил, но такого, как ты, еще не встречал.

— Это все потому, что я бьюсь за женщину, которую люблю! — отвечал Волнорез. И он ни капельки не вспотел и дышал ровно!

И они схватились снова, и наконец Волнорез выбил меч из рук царя и приставил кончик своего меча к самому его сердцу.

— А теперь я убью тебя! — сказал он. — Потому что ты опозорил мою любимую.

— Тогда все мои свирепые воины убьют в отместку тебя и ее тоже, — сказал царь. — Белороза, если ты скажешь мне, что любишь меня, я пощажу его жизнь и отпущу его.

— Я не могу сказать такую ложь! — крикнула царевна Белороза. — Я люблю одного Волнореза, и если вы его убьете, я себя тоже тогда убью! Вы можете за мной следить, но вы ведь не можете следить за мной все время, и я все равно убью себя, а не то мое сердце разобьется, и я зачохну и так умру! — И она обняла Волнореза.

— Увы! — воскликнул царь. — Это у меня сердце разбито! Я тебя тоже люблю, потому, что ты такая красивая, и потому, что ты храбрее всех женщин, которых я знал когда-то. И ни в чем, Белороза, я тебе не могу отказать. Так ступай с этим своим избранником, и пусть боги принесут тебе счастье.

И царь позволил Белорозе и Волнорезу уйти из лагеря, и они поскакали на корабль, и уплыли вдвоем за океан.

— Надеюсь, я вам понравилась, майне геррен? То есть не я, а мой рассказ. И майне дамен, конечно, тоже.

8. ИНТЕРЛЮДИЯ

Я ощутил в животе неприятную пустоту.

Купец светился гордой улыбкой. Жена его сидела, скромно потупив взор, но глаза ее под длинными ресницами тоже сияли.

Молодой Гвилл сложился вдвое, закрыв лицо руками. Судя по тому, как сотрясались его плечи, он находился под воздействием каких-то сильных эмоций.

Лицо Фриды оставалось бесстрастным, зато сидевший рядом с ней мужлан ухмылялся как страдающий бешенством волк.

Морщины старой девы собрались в одобрительную улыбку; старый вояка казался не просто удивленным, он был потрясен, словно меч его в самый разгар сражения взял и растаял; служанка утирала счастливые слезы. До сих пор у меня не было возможности разглядеть ее лицо. Она оказалась на удивление хорошенькой, и я мог бы поверить, что за этими изящными чертами скрывается живой ум, не будь она так растрогана всей этой романтической белибердой.

Вандок — один из самых кровавых убийц в истории. В сравнении с Вандоком даже его прадед Ханнаил был невинным дитятей. Ханнаил по крайней мере приносил в жертву Холу только животных.

— Но это абсурд! — возмутился я. — Полный бред! Вы все это выдумали!

Актриса приняла обиженный вид.

— Ты хочешь сказать, ты можешь поклясться в том, что каждое из сказанных тобою слов — правда, майстер Омар? Ты действительно знаешь, что за мысли были в голове женщины, жившей двести лет назад?

— Небольшой поэтический домysel — это одно, а...

— Я не помню, — вмешалась старая дама, — чтобы мы договаривались говорить одну правду. Все, что требовалось, — это занимательность рассказа. Спасибо, фрау Марла, за впечатляющую историю. Нам всем понравилось... Правда ведь?

Менестрель поднял голову. Из его опухших глаз струились слезы.

— Это было незабываемое выступление, сударыня, — прохрипел он.

— Насколько я помню легенды, — пробормотал солдат, — Белорозе в конце концов все-таки удалось отомстить, а это означает, что она бежала. Я верно рассуждаю?

— Да, — буркнул я. — Но я никогда не слышал о том, как она бежала.

— Значит, теперь услышал, — торжествующе сказала актриса.

— Это наглядно демонстрирует нам... ап-чхи! — чихнул Гвилл, — как свет может пролиться на правду в самых неоп-чхи!!! ...жиданных местах.

— Совершенно верно, — согласился я. — Все покровы невежества и обмана спадают со временем.

Актриса вспыхнула — наша угроза не осталась незамеченной. Ее губки-бутончики разошлись, обнажив маленькие, но острые зубки. Я улыбнулся, и Гвилл тоже попробовал, но у него слишком текло из носа и глаз. Ее татуировки никуда не могли деться. Скорее всего она принимает мужа в полной темноте, ссылаясь на естественную для воспитанницы обители застенчивость. Вряд ли он сможет долго оставаться бургомистром Бельхшлосса, если станет известно, что он женат на шлюхе.

Не замечая нашего безмолвного разговора, он обнял ее.

— Замечательная история, и рассказано прекрасно, ангел мой! Как насчет глотка вина в ознаменование твоего успеха? Эй, трактирщик, у тебя есть вино?

Фриц немедленно вскочил.

— Ну конечно, майн герр! У меня есть великолепное красное из монастырских виноградников Абайлы и еще белое с гор над Полуппо. Сладкое и молодое, майне герр, и хранил я его в прохладном месте.

Ха! В этих северных краях, тем более в глухих сельских тавернах вино может быть только слишком старым и прокисшим. Южнее, в Фюртлине, виноделы научились разливать вино по стеклянным бутылкам, в которых оно может храниться годами, но в «Приюте охотника» о таких секретах еще и слыхом не слыхивали. Впрочем, округлость купеческого брюшка говорила о том, что с пивом он знаком гораздо лучше, чем с вином.

Чтобы не отставать, старая дама тоже потребовала себе сладкого пирога. Фрида следом за братом поспешила на кухню исполнять заказ. Я встал и подошел к камину наполнить свою кружку из медного кувшина. Мне не терпелось прочесть записку в кармане, но меня смущало множество обращенных на меня глаз.

Когда я возвращался на место, нотариус одарил меня взглядом злобного хорька:

— Вы усугубляете свое преступление!

— Если мне предстоит сдохнуть как собака, этого наказания хватит и на десяток таких проступков.

— Только не вините потом меня в своих неприятностях!

Я сделал большой глоток и собирался уже было вытереть губы рукавом, но передумал, опасаясь подцепить какую-нибудь гадость. Потом обратил внимание на этого зануду. Он был не из тех людей, которыми я восхищаюсь, — ничтожество, рядящееся в тогу закона и полагающее, что это добавляет ему величия. Взгляд его метался как муха, старательно уклоняясь от встречного взгляда, его длинный нос украшали прыщи и угри, плечи ссутулились лет этак на десять раньше, чем им полагалось бы.

— Это еще почему? Кто, как не вы, назначили себя моими судьями?

Он покраснел до корней волос; правда, я этого не видел: берет мешал.

— И вовсе не я! Я только позволил себе высказать точку зрения, согласно которой ни одна из известных мне окрестных администраций не претендует на право юрисдикции в этом гм... населенном пункте.

— Ну да, и поэтому вы присвоили это право себе. — Я сделал еще глоток. Горячее пиво обожгло мне горло, разом прогрев от макушки до пяток, но мне было не до наслаждения этим теплом.

— Боги судят людей, и им все ведомо, — убежденно произнес законник. — Однако прямые свидетельства их всеведения редки, — добавил он после некоторого размышления.

Я заметил, что ветер завывает уже не так громко и что мох на полу уже не шевелится, а ставни почти перестали хлопать. Погода в горах Гримм капризна, порой достаточно и часа, чтобы произошли перемены к лучшему. Конечно, буран мог и утихнуть, но холод и снег никуда не делись и ждали меня за дверью.

Тяжелые шаги означали возвращение нашего хозяина с глиняным кувшином и двумя маленькими кружками. Пока купец изучал оттиск на воске, которым был запечатан кувшин, и все глаза обратились в его сторону, я торопливо развернул записку и прочел: «Ключ от конюшни на балке над дверью». Я быстро спрятал записку и допил остаток из кружки. Фриц все еще стоял спиной ко мне.

Ну что ж. Если я еще смогу передвигаться после того, как он со мной разделается, конюшня может быть сравнительно неплохим убежищем от непогоды. Но за мной останутся следы. Я не смогу положить ключ на место, не оставив дверь за собой незапертой, так что утром он меня обнаружит. Нет, не пойдет.

Я решил, что мне стоит подумать лучше над тем, как ответить на небылицы Марлы. По меньшей мере один человек подал мне намек в последние несколько минут.

Купец объявил, что вино вполне приемлемо. Личико актрисы скривилось, когда она пригубила его, но и она согласилась, что вино изысканно. Старая дама вежливо предложила ей кусок своего пирога. В камин подбросили еще дров. Публика приготовилась слушать.

— Не хватит ли на сегодня с нас рассказов про Междуморье? — предложил старый солдат. — Расскажи-ка нам историю про какое-нибудь другое место, майстер Омар!

— Именно это, капитан, я и собирался делать. Фрау Марла рассказала нам историю чудесного спасения. Я поведаю вам об избавлении другого рода. Итак, слушайте, майне дамен унд геррен, я начинаю рассказ про Бога, Который Не Говорил.

9. ОТВЕТ ОМАРА НА РАССКАЗ АКТРИСЫ

В правление Великого эмира Мустафы Второго столица его островного эмирата славный город Альгазан процветал, как никогда прежде, — на зависть всему миру. Корабли его доплывали до берегов, о которых знали раньше разве что из легенд, и торговали роскошными тканями, благовониями, нефритом и жемчугом, рабами и пряностями, маслами и духами, самоцветами, изделиями искусных мастеров и резной слоновой костью. Цари и короли стекались сюда подивиться на блеск и великолепие дворцов и парков, купцы со всего света торговали на его базарах, сотни богов проживали в его храмах. И не было ему соперников на трех океанах, ибо ни дерзкому царю, ни пирату не одолеть было его флотов и армий.

Но не все улицы его были вымощены мрамором, и не все жители его обитали во дворцах. Мужчины и женщины дюжины народов теснились в трущобах и доходных домах, в зловонных переулках, где не ступала нога богатеев. Ибо столетиями стекался народ в Альгазан: кто в поисках богатства, кто — спа-

саясь от преследований, кто — просто по велению своего бога. Редко кто достиг процветания; большинство погрязло в нищете. Их потомки так и остались на задворках — целые кварталы чужеземцев, не смешивавшихся с местным населением, лишенных преимуществ гражданства. Альгазанийцы второго сорта, хотя в открытую преследовали их редко. То, что эти иноземцы вытворяли друг с другом, было похуже.

Одним из них был юноша по имени Дусс — альгазаниец по рождению, но не по закону. Его кожа и волосы были светлее, чем у местных, не говоря уж об акценте. В день, о котором я поведаю свой рассказ, он стоял еще на пороге зрелости. Он часто проверял свой рост по отметинам на дверном косяке, и в те редкие минуты, когда поблизости случилось зеркало и не было посторонних глаз, он внимательно обследовал свою верхнюю губу — скорее потешаясь над собственным оптимизмом, нежели в надежде увидеть что-то стоящее. Был он крепкий и здоровый, что странно — учитывая условия квартала, в котором жил. Темные глаза его были быстры и живы; он улыбался чаще, чем можно было ожидать, и те немногие взрослые, кто обращал на него внимание, были о нем неплохого мнения.

По чистой случайности у него даже была работа: у Гозспина — Поставщика Наилучших Свежайших и Вкуснейших Овощей. Это означало, что Дуссу и еще несколькими мальчишкам позволялось стоять у дверей лавки Гозспина с восхода солнца и почти до заката. Когда из лавки выходила покупательница с грузом заплесневелых корней или вялой зелени, Дусс старался перекричать остальных, предлагая свои услуги по доставке товара на дом. Четыре или пять раз в день его предложение принималось. Тогда он провожал даму по базару до тех пор, пока она не завершала свои покупки, в результате он оказывался таким нагруженным, что сам напоминал ходячий базар. Вернувшись домой, дама расплачивалась с ним по своему усмотрению. Он был весел и почтителен, улыбка его нравилась всем, и нередко выпадали дни, когда он зарабатывал десять или даже двенадцать медных грошей.

Считалось, что половину этого он должен отдавать Гозспину, и он так и поступал. За это Гозспин позволял ему покупать самые залежалые овощи с умеренной скидкой. Если у Дусса и после этого оставалось немного денег, он покупал еще черствую краюху хлеба в соседней булочной. Потом оставалось самое сложное: благополучно донести свой обед и остаток наличных до дома.

Жил он в очень маленькой комнатухе в очень высоком доходном доме в квартале, известном обыкновенно как «Безбожный квартал». По дороге домой надо было еще пройти территорию дразильянцеv, йоркобинцев, альфоли и Детей Вузза. Да и местные альгазанийцы были ненамного лучше.

В тот вечер, о котором пойдет речь, Дусс нес домой буханку хлеба, два перезрелых манго и пучок почти съедобного шпината. Свернув в особо зловонный переулок, дабы избежать нежелательной встречи с йоркобинской шпаной, он напоролся на шайку несовершеннолетних альфоли. В результате этой встречи он лишился двух оставшихся медяков, зато приобрел несколько дополнительных синяков. Помимо этого, его набедренная повязка и сандалии полетели в сточную канаву, а обед вывалился в пыли.

Не самое радостное завершение тяжелого трудового дня, хотя нельзя сказать, что очень уж необычное. Дусс подобрал еду и одежду и зашагал дальше. Живот болел, правый глаз заплаыл, спина украсилась новыми царапинами. Могло быть и хуже. По дороге он повстречался вдобавок с компанией Детей Вузза. Оценив его плачевную внешность, его сочли недостойным внимания, пообещав, однако, разобраться с ним в другой раз.

Добравшись наконец до Дома Множества Богов, он устало вздохнул. Миновав темную подворотню, оказался он во дворе, где помещался колодец и туалеты. Солнце никогда не попадало сюда, ну разве что в полдень, на несколько минут. Те, чьи окна выходили наружу, презирали тех, кто проживал со стороны вонючего двора, на что дворовые отвечали, что улица воняет еще сильнее. Эти две категории жителей пользовались разными коридорами и лестницами. Комната Дусса выходила во двор, на седьмом этаже.

Он вымылся сам, сполоснул еду, наскоро простирнул одежду и направился к лестнице. На нижней ступеньке — чего вполне можно было ожидать — сидела, преграждая ему путь, компания юнцов чуть старше его. Некоторые жевали сонный корень. Ступенькой выше сидел Цветок, их вожак. При виде Дусса все разом нахмурились.

— Пропустите меня, пожалуйста, — сказал он.

— Кто это тебя так сегодня? — спросил Цветок.

— Стража эмира.

С минуту все молчали, хотя Дусса это мало тревожило. Все хорошо знали, что он брат Верна, а в Доме Множества Богов это уже было неплохой защитой, хотя парни Цветка не любили его за то, что он отказывался вступать в их шайку и вместе с ними досаждать дразильянкам, йоркбинцам, альфоли и особенно презренным вуззианам.

— Пустите его, — буркнул наконец Цветок, и двое сидевших посередине посторонились, давая ему пройти. Дусс поднялся на один пролет, ожидая, что его будут хватать за коленки, но сегодня этого не случилось.

Он поднялся еще выше, прошел по коридору, потом снова по лестнице...

Старики, сидевшие у своих дверей, здоровались с ним, и он кивал им в ответ. Он задержался поболтать с Луносветой, хорошевшей с каждым годом, задержался еще дольше, общаясь с Полнорадом и Бесстрахом, своими лучшими друзьями, которые выразили сочувствие по поводу его новых синяков. На четвертом этаже старый Чистокамень попросил принести ему воды, так что он оставил свой обед на его попечение и спустился во двор с ведерком. На шестом этаже Грозотуча, которая была еще старше, попросила его вылить таз из-под умывальника, так что ему снова пришлось проделать весь путь туда и обратно... В общем, на то, чтобы добраться до комнаты, которую делили они с Верном, у него ушло полчаса.

Кто-то шарил по комнате в его отсутствие, и в этом тоже не было ничего необычного. Проверив тайник под половицами, он убедился, что до него не добрались. В тайнике хранились их ценности: книга, деньги, одежда и, конечно, их семей-

ный бог, который оберегал все это. Больше в комнате ничего ценного не было: два тонких спальных коврика, бадья для воды, заменявший стол старый ящик. Все осталось на своих местах.

Поделив хлеб и прочую снедь на две неравные части, Дусс достал из тайника бога и поставил его на ящик. Потом он устало сел на свой коврик и стал ждать Верна. Тот пришел совсем скоро, притащив с собой мешок лука.

Верн был на девять лет старше и заметно крупнее, чем Дусс когда-нибудь мог вырасти. Как многие здоровяки, он передвигался с неспешной осторожностью, будто опасаясь что-нибудь сломать. Его серые глаза и необычно светлые каштановые волосы доставили ему в детстве немало хлопот, и уже тогда он узнал, что силой своей надо пользоваться с осторожностью, даже когда драку затеял не он. Рыжеватая борода и крючковатый нос придавали ему грозный вид, вовсе не соответствующий его характеру. На деле это был уравновешенный, даже чуть флегматичный молодой человек, хотя он мог быть и свирепым, если его довести. Дуссу он заменял и отца и мать с тех пор, как те умерли десять лет назад, и Дусс боготворил его с истовостью мальчишки, у которого никого больше нет на всем белом свете.

Верн работал грузчиком в порту, используя свою недюжинную силу в благих целях. В день он зарабатывал не меньше тридцати грошей, хотя половина уходила старшему, а еще пять — гильдии грузчиков.

Братья улыбнулись друг другу. Они спросили друг друга, как прошел день, и оба решили, что день прошел не слишком плохо, хотя и нельзя сказать чтобы слишком хорошо. Верн притворился, будто не замечает синяков Дусса. Он сказал, что обед на вид неплох, хотя и был правдивым человеком — тогда, когда правда необходима. Он опустил на колени перед стоявшим на ящике богом, и Дусс стал на колени рядом с ним.

— Отец Крав, — молвил Дусс. — Благодарим тебя за то, что ты хранил и оберегал нас весь этот день, и за пищу нашу. — Эту молитву он запомнил еще с тех пор, как их отец произносил ее, и он повторял ее каждый вечер.

Бог не ответил. Бог никогда не отвечал.

Жители Безбожного квартала получили свое прозвище за то, что никогда не посещали ни одного из сотни храмов на острове. Они и не нуждались в этом, ибо у каждой семьи был свой бог вроде Крава.

Крав это настоящий зуб дракона — старый, черный, размером с два здоровых кулака Верна — весьма угрожающе, если представить, какого же размера должен был быть весь дракон.

Но он никогда не говорил. Другие мальчишки рассказывали Дуссу, что их семейные божества разговаривают с их отцами, а иногда даже с ними самими, но Крав не говорил никогда. Зато настоящий зуб дракона был куда более впечатляющим богом, чем какая-нибудь фигурка из глины, или камня, или металла, и Дусс гордился своим богом.

Они обедали молча. Дусс как младший взял себе меньшую часть. Они проголодались, поэтому обед не занял много времени. Они не достигли состояния сытого блаженства, следующего обычно за сытной трапезой, однако Дуссу это состояние было вовсе не знакомо, так что и не было повода для огорчения. В комнате было уже почти темно, подходило время ложиться спать. Почти каждый вечер братья перед сном разговаривали. Верн рассказывал Дуссу про родителей, которых тот почти не помнил. Потом они засыпали, готовясь к новому дню.

Посуды у них не водилось, так что мыть было нечего, и никому из них не хотелось пить настолько, чтобы спускаться для этого на семь этажей. Дусс забрался в тайник и достал оттуда книги.

После самого Крава книга была самым ценным их имуществом. Верн более или менее научился читать у матери, а потом сам научил этому Дусса, и по вечерам теперь они читали книгу вдвоем. Дусс читал уже лучше, чем Верн, хотя старался этого не показывать. Впрочем, чтцы из них обоих были так себе. Книга оказалась сложной; она рассказывала историю страны, откуда много лет назад приплыли их родители, и написана была на языке предков. Хотя они говорили на нем с друзьями и соседями, в повседневной жизни они

пользовались альгазанианским, заметно от него отличавшимся. Так что многого в книге братья просто не понимали.

Верн улыбнулся, как бы извиняясь, и покачал головой.

— Не сегодня, — сказал он. — Сколько у нас денег?

Дусс быстро отвернулся, чтобы скрыть свое огорчение. Хотя ответ он знал и так, он на коленях подобрался к полулицу, скрывавшей тайник.

— Серебряная рыба и четыре гроша. — Всего несколько дней назад здесь лежало четыре серебряные рыбы, но у Верна разболелся зуб мудрости, и его пришлось вырвать.

— Завтра день рождения Жемчужины, — вздохнул Верн.

— Ох! Я не знал.

Верн ухаживал за дочкой Твердоупряма-извозчика. Она давала ему понять, что его старания ей отнюдь не неприятны, хотя ее мать имела на этот счет серьезные возражения. Дусс относился к этому неоднозначно. Он искренне желал брату счастья. Он признавал, что общество девушек довольно приятно, хотя и не испытывал пока такой потребности. Он понимал, что будет думать по-другому, когда повзрослеет. Разумеется, пройдет не один год, прежде чем Верн наберет достаточно денег, чтобы говорить о женитьбе. Подарок на день рождения представлялся куда более насущной проблемой.

— Пожалуй, схожу-ка я сегодня вечером, — пробормотал Верн.

Дусс старался не показывать, как ему страшно.

— Я пойду с тобой, посмотрю.

— Нет, не ходи! Мне неудобно, когда ты смотришь, и тебе это прекрасно известно! А теперь не тревожься понапрасну. Все будет хорошо. — С этими словами Верн вскочил и вышел, прежде чем Дусс успел возразить. В споре Дусс был гораздо сильнее его.

Они не могли прожить на заработок Верна — даже теперь, когда к нему прибавились те гроши, которые приносил Дусс. Когда погибли их родители, они сами чуть не умерли с голоду. Все их пожитки сгинули в огне пожара, когда городские власти боролись с эпидемией в Безбожном квартале. В те дни Верн был слишком молод, чтобы ему плати-

ли, как взрослому, хотя он был выше и сильнее своих сверстников. Они выжили только благодаря тому, что Верн зарабатывал на жизнь кулачными боями. Он начинал в поединках подростков, которые устраивались перед началом взрослых боев для раздраживания зрителей. Теперь он выступал со взрослыми. Иногда он выигрывал целых две или три серебряные рыбы за вечер.

— Его ни разу еще не изувечили! — сказал Дусс сам себе — он знал, что в комнате, кроме него, никого нет. Но что станет с ними обоими, если его все-таки изувечат?

Одна мысль об этом была ужасна. Без этих денег братьям придется отказаться от своей комнаты и переехать в жалкие ночлежки. Без них не будет ни подарков подружкам, ни надежд на женитьбу. Единственным выходом станет преступление — шайка Цветка для Дусса, а для Верна что-нибудь и того хуже. Увы, честным трудом в Альгазане не проживешь.

Кулачные бойцы часто получали увечья, некоторые даже погибали. Верн как-то раз выбил глаз противнику и после этого несколько месяцев отказывался драться, хотя ему обещали награду золотом, если он еще раз сделает это.

Дусс и так стоял уже на коленях, так что только повернулся лицом к ящику. Он коснулся лбом пола.

— Отец Крав, молю тебя, не оставляй Верна сегодня и сделай так, чтобы с ним ничего не случилось!

— Я не могу.

Дусс медленно разогнулся. Еще медленнее он обвел взглядом комнату. Он увидел именно то, что ожидал увидеть, и это было еще страшнее, чем если бы в ней оказалась сейчас вся шайка Детей Вузза. Никого. Четыре стены, два коврика, ящик... все, как должно быть.

Конечно, кто-то из соседских приятелей мог разыгрывать его, но голос был не детский. Нет, он не напоминал даже срывающийся баритон Бесстраха, которым тот так гордился.

— Кто это говорит? — дрожащим голосом спросил Дусс.

— Я.

Голос казался сильным и звучным, хотя слышался как бы издалека. Дусс подавил сильное желание вскочить и броситься вниз, в сортир.

— К-к-кто т-ты? — спросил он у пустой комнаты.

— Я, Крав, твой бог.

Голова Дусса стукнулась об пол. Его зубы отбивали дробь, а на спине выступил холодный пот.

— Чего ты боишься? — спросил голос немного удивленно. — Я — твой бог. Ты — мой сын. Тебе вовсе нечего меня бояться.

— Ты... Ты никогда еще не говорил со мной!

— Ты сам никогда не обращался ко мне, когда мы с тобой были одни, вот и все. И потом, ты уже взрослый, чтобы понять. Ну, почти взрослый.

Дусс осторожно приоткрыл один глаз. Большой черный зуб был таким же, как всегда. Дусс почти ожидал увидеть вокруг него призрачное драконье тело или что-то в этом роде, но видел только зуб.

— Но почему ты не разговаривал с Верном?

— Потому что он не мой, — терпеливо объяснил бог. — Ты мой. Только ты можешь поклоняться мне, и я не буду говорить ни с кем другим.

— Но Верн мой брат!

— Он твой сводный брат. Ты — Гордуспех Кравский. Я — Крав, бог твоего отца, и отца твоего отца, и многих отцов, что были до них. Думаю, я даже не слишком обиделся бы на тебя, зовись ты некоторое время Гордуспехом Верлийским, хотя увлекаться этим тебе, пожалуй, не стоит. Верл бог твоей матери. У нее не осталось детей, кроме вас двоих, так что я не против поделить тебя с ней. Ну, не всего тебя, конечно, но немного. Иногда, — добавил бог, и голос его зазвучал чуть менее уверенно.

Слабый свет забрезжил в сбитой с толку голове мальчика.

— Наша мама? Она была замужем за другим, прежде чем вышла за отца?

Бог вздохнул.

— В некотором роде. Твой отец знал, что Верноместь был сыном...

— Кто?

— Верн, глупыш! Его подлинное имя — Верномость. Волнорез знал, что он не отец ему, но принял его. А я — нет, так что скажи своему сводному брату...

— Но почему?

— Дусс! — свирепо рявкнул дракон. — Богов не перебивают! Тем более когда они объясняют. Боги не любят объяснять!

Дусс снова ткнулся носом в пол.

— Ладно, — сказал бог. — Так о чем это я?

— Ты говорил...

— Я сам знаю, Дусс! Вопрос был чисто риторический. Скажи, пусть Верномость... пусть он не пытается поклоняться мне. Намекни ему помягче. Если хочет, он может называть себя Верномость Верлийский.

— Но тогда где он, его бог... как его, Верл? Бог матери?

— Очень далеко отсюда, но, думаю, в безопасности.

— Ничего не понимаю!

Крав усмехнулся. Смех дракона, даже очень далекий, не самый приятный звук. По спине Дусса опять пробежал холодок.

— Дай-ка сюда книгу, Гордуспех.

Дусс поспешно исполнил приказание.

— Перелистай до конца. Теперь несколько страниц назад — пока я не скажу, чтобы ты остановился...

Дусс сидел на полу с раскрытой книгой на коленях, и Крав, видимо, мог читать, хотя в комнате было почти темно. Страницы в книге не были пронумерованы, но бог сказал Дуссу, как найти нужную ему строку, и потом заставил его читать, подсказывая каждый раз, когда тот запинался. Почерк писавшего к концу книги стал совсем неразборчивым, потому-то Дусс обычно и не читал эту часть — а еще потому, что книга кончалась так печально. Начиналась-то она довольно бодро: про то, как Утрозвезд поднял знамя восстания, отрубив царю Гросалю голову на его же собственном троне. Потом дела шли все хуже.

В комнате становилось все темнее, и рассказ становился все мрачнее и мрачнее: поражение восстания, чудовищная месть Вандока, Белороза... Некоторые подробности были просто ужасны. Верн никогда не позволял Дуссу читать такое.

— Ладно, хватит, — сказал бог наконец. — Ты слышал раньше про Утрозвезда?

— Да, Отец. — Дусс с облегчением опустил тяжелую книгу на пол.

— Ну и что думают о нем люди?

Мальчишка, который не знал, что такое сытый желудок, вряд ли считал политические дела дальних стран насущной проблемой. Он мало прислушивался к тому, что говорят.

— Ну... некоторые, наверное, проклинают его? — неуверенно предположил он. — Другие считают, что нам нужен новый Утрозвезд, чтобы попробовать еще раз?

— Неплохо, Гордуспех! Но история в этой книге не окончена. Дочери Утрозвезда удалось бежать.

— Вот здорово! — улыбнулся Дусс, услышав такое. Ему все еще было не по себе от описанных в книге жестокостей.

— Она бежала сюда, в Альгасан. Но она сменила имя. Как ты думаешь, почему?

— Гм... Наверное, потому что кое-кто не одобрял того, что сделал ее отец? Они могли отомстить ей?

Бог снова усмехнулся, и на этот раз звук этот показался Дуссу уже не таким страшным.

— А ты вовсе не глуп! Впрочем, от сына Белорозы этого можно было бы ожидать, не так ли?

— Белорозы... Но тогда Утрозвезд... Мой дед? Моя мать? И Верна?

— И Верна тоже. Думай, думай, сын мой! Ты умнее Верна. Подумай, прежде чем спрашивать дальше.

Дусс сел, подперев голову руками, и сосредоточенно взглянул на бога — ни один смертный не вынес бы такого долгого взгляда, не моргнув, но зуб дракона это явно не смущало. Дусс думал не спеша, как привык, и наконец спросил:

— Почему она назвала его Верноместью?

— А ты как думаешь, почему?

— Потому, что он внук Утрозвезда! Чтобы Верн возглавил новое восстание, и изгнал варваров, и убил царя Вандока! Он сможет?

— Он может попытаться.

А почему тогда Гордуспех? Исполнившись вдруг волнения, Дусс снова преклонил колена и коснулся лбом пола.

— Отец, а я могу помочь ему в этом?

— Да, — ответил бог. — Да, можешь. Готов ли ты начать сегодня?

Дусс вскочил. Он ощущал легкую слабость в ногах, но не колебался ни минуты.

— Да, Отец!

— Тогда заверни меня в чистую ткань и возьми с собой. Ты должен пойти и рассказать все это человеку, который может помочь тебе. Если он не сможет, тогда я не знаю, кто еще способен помочь, и дело твое безнадежно.

И Дусс завернул бога, и сбежал по лестнице в ночной город. Он никогда не вернулся в Дом Множества Богов.

10. ВТОРОЙ ПРИГОВОР

— Но это же не все! — фыркнула старуха. — Это только половина рассказа!

— Я обещал вам историю избавления? — возразил я. — Я не могу рассказать, что было дальше, потому что сам не знаю. Я могу догадываться, но я никогда не полагаюсь на догадки, только на несомненные факты.

— Ладно, кто по крайней мере был тот человек, к которому он пошел?

— Даже этого я не знаю точно. Мне не называли его настоящее имя, только местное прозвище, дабы не навлекать опасность на некоторых людей.

Девять пар глаз недоверчиво смотрели на меня.

— Все это было двести лет тому назад, — прохрипел мистрелль, в глазах которого отразился панический ужас перед чем-то сверхъестественным.

Я почувствовал, что допустил некоторую неосторожность.

— Прошу прощения. Я хотел сказать, имя не было открыто тому, кому эту историю поведали первому и который передал ее нам.

— Вздор! — буркнул купец. От вина его лицо приобрело еще более интенсивную окраску. — Терпеть не могу рассказчиков, которые обрывают историю на самом интересном месте и требуют денег за продолжение.

— И я тоже! — от всей души подхватил я. — В высшей степени непрофессиональное поведение! Просто беспринципное! Тем не менее в этом случае у меня нет выбора. Я просто не знаю продолжения. Может, кто из вас знает?

Последовало долгое молчание.

Я постарался как следует вспомнить намек, что уловил раньше в надежде узнать это продолжение — я никогда не могу устоять перед соблазном узнать новую историю, а этой я ждал два... в общем, долго. Но был ли это в самом деле намек или так, случайная оговорка? Если интересующий меня человек откажется говорить, моя игра проиграна.

Старый солдат откашлялся и сел прямее.

— Возможно, я владею некоторой интересующей всех информацией.

Я с облегчением перевел дух.

— Тогда молю вас, поведайте ее. Я искал ее очень, очень долго.

— Фу! — презрительно бросил купец. — Ветер стих. Честным людям давно пора баиньки — не так ли, птичка моя?

Его жена с готовностью улыбнулась в ответ, но тут же бросила на меня беспокойный взгляд.

— Забирай этого негодяя, трактирщик, — заявил ее муж, с некоторым усилием поднимаясь на ноги. — Переломай ему все кости, если хочешь. Пошли, женщина. Труба зовет, так? — Он пьяно хихикнул.

Фриц бросил на меня голодный взгляд и потер руки.

— Как насчет небольшого рассказика на сон грядущий? — предложил я.

Менестрель насвистел несколько тактов популярного танцевального мотива...

— Э... милый? — поспешно произнесла актриса, упираясь, как ни тащил ее супруг в сторону лестницы. — Мне так хочется послушать еще чего-нибудь, а, милый! Я хочу сказать, если благородному капитану есть что рассказать нам, с нашей стороны было бы только вежливо посидеть и послушать, так ведь? Ну еще один рассказик! О, да мы ведь не допили свое вино! Нехорошо, чтобы оно пропадало зазря, ты ведь столько за него заплатил!

Последний аргумент заставил толстяка остановиться. Недовольно пробурчав что-то себе под нос, он плюхнулся обратно в кресло и потянулся за флягой.

— Ну если только пару кружек на ночь...

Старая дама слушала этот диалог с явным неодобрением. Она обратила свой взгляд василиска на менестреля, потом на меня... и, наконец, на солдата, сидевшего рядом с ней.

— Вы хотите принять участие в этих пустяках, капитан? Вряд ли это место подходит для того, чтобы выдавать информацию личного порядка.

Вот это намек, тонкостью не уступающий приставленному к горлу клинку!

Однако старого вояку предупреждение не смутило. Он спокойно кивнул, потом оглянулся на меня. Он был стар, но от этого не менее опасен — как его старая кожаная куртка, потертая и кое-где порванная, но вполне еще годная к носке. Такой человек не стал бы носить меч, не умей он пустить его в дело. Смерив меня долгим взглядом кровожадного хищника, он в конце концов провел рукой по своим коротко стриженным седым волосам.

— Множество древних легенд говорят нам о странствующем сказителе по имени Омар, человеку, что оказывается во многих местах и во многих...

— Я слышал их. — Я одарил его самой своей обезоруживающей улыбкой. — Мифы порождают мифы, капитан. Множество мошенников брали себе это имя благодаря легендам, а это в свою очередь порождало новые. Совсем другое дело я. Я был Омаром задолго до того, как сделался менялой историй — впрочем, возможно, эта традиция повлияла на мой выбор профессии.

— Ты не старишься и снова становишься молодым — и так без конца?

— Эту легенду я тоже слышал. Вам не кажется, что так мне было бы несколько трудно завязывать дружбу, нет? Но не относитесь к подобной ерунде слишком серьезно, капитан. Вспомните, что многие рассказы звучат убедительнее, если их исполняют от первого лица. В своей истории майстер Гвилл рассказал нам об одном Омаре. Белороза отдала своего бога чужестранцу, подозрительно напоминающему того, первого, верно? Так вот, если бы я не следовал истине так скрупулезно, я мог бы изложить это событие так, словно я сам находился там, словно сам я и был этим человеком... Вот так и возникают легенды, капитан.

Он продолжал изучать меня взглядом, словно я был многообещающим полем боя.

Я начал ерзать, хотя не помнил, когда в последний раз обыкновенный взгляд заставлял меня чувствовать себя столь неуютно.

— Я могу сделать вывод, что второй круг состязания остался за мной?

Фриц тяжело нахмурился.

— Похоже, никто еще не готов отдавать тебя в руки правосудия, — согласилась старая дама, окинув всех взглядом в поисках не согласных с такой точкой зрения.

Несогласных не обнаружилось. Гвилл, чихая, успел ободряюще подмигнуть мне. Служанка не отрывала глаз от своих рук. Нотариус, казалось, засыпал.

Где-то за стеной раздалось громкое «крак!».

Актриса подпрыгнула.

— Что это?

— Мороз, фрау. — Фриц покосился на меня, чтобы проверить, понял ли я намек. — Когда ветер стихает, становится теплее. Мы ведь с вами высоко в горах. Этот звук произвело треснувшее от мороза дерево.

— О! — только и сказала Марла и хлебнула вина. Ее лицо исказила гримаса, когда она попыталась проглотить эту мерзость.

— Уже поздно! — сурово объявила старуха. — Надеюсь, вы быстро, капитан?

Наконец-то, словно увидев то, что хотел, отвел он от меня свой взгляд.

— Я буду краток насколько возможно, сударыня. Вы ведь знаете, я вообще человек немногословный. — Он порылся за пазухой. — Всю свою жизнь я был вольным мечом, наемником. Я бился за добро и за зло, хотя по возможности старался выбирать добро. — Он вытащил маленький сверток, завернутый в то, что напоминало бурый шелк. — Мое имя мало что значит... Нет, если говорить правду, когда-то мое имя значило, и много. Мой отец отказался от него, дабы не навлечь дурной славы на благородных людей нашего рода. Еще юнцом, подавшись в наемники, я был известен под дурацкой кличкой «Тигр». Я не возражал, и она прилепилась ко мне. Теперь, боюсь, я старый беззубый кот, но кое-где меня еще помнят как капитана Тигра.

Возможно, мои нынешние спутники и не одобряют меня, хотя мало кто еще видел это. — Он протянул руку, развернул сверток, и на ладони его оказалась маленькая резная статуэтка размером немного больше его большого пальца.

Мы разом склонились над ней посмотреть. Казалось, она вырезана из янтаря, ибо она горела на свету. На ней, конечно, не было полос, и все же она, несомненно, изображала тигра — тигр лежал, немного приподняв голову, словно какой-то звук пробудил его от сна. Глаза были сделаны из маленьких зеленых камешков. Удачно проданная, эта вещица могла бы обеспечить ему безбедную, возможно, даже в роскоши, старость. Мне, например, отчаянно захотелось протянуть руку и потрогать камешек.

Актриса заговорила первой. Она казалась напуганной, и, я думаю, вполне искренне.

— Это что, один из тех богов, о которых мы сейчас говорили?

— В этих краях я назвал бы его талисманом, майне фрау. Его зовут Баргар. Он не настоящий, конечно. Когда мой отец — младший из многих братьев — отправился искать

счастья в чужих краях, настоящий Баргар предсказал, что он никогда не вернется к родному очагу, и разрешил изготовить копию.

— Он... он... говорит с вами?

Морщинистое лицо немолодого воина скривилось в уклончивой улыбке, и он снова завернул янтарного тигра в тряпицу.

— Для профессионального солдата я прожил очень долгую жизнь, майне фрау. Не раз и не два судьба моя зависела от его советов.

Каким бы он ни был солдатом, задатки рассказчика у него имелись, это точно. Даже толстый купец, задремывавший в своем кресле, открыл глаза.

Тигра вернули в убежище. Еще один древесный ствол треснул в лесу, и на этот раз я услышал далекое эхо. Солдат сделал знак Фрицу наполнить его кружку, и трактирщик вскочил с места.

— Так вот, то дело, о котором нам рассказывал майстер Омар... Много лет назад мне случилось побывать на родине отца, и я, естественно, навестил нынешнего главу семьи, дабы засвидетельствовать свое почтение. Поначалу меня встретили несколько настороженно, но, когда я показал им своего маленького Баргара, мне обрадовались и приняли меня со всем положенным радушием.

Демонстрируя замечательное чувство паузы, солдат отхлебнул пива и усмехнулся.

— Боюсь, мои благородные родичи нашли меня довольно неотесанным. Я плохо вписывался в их балы и званые обеды, да и речь моя была прямее, чем у них принято даже в общении друг с другом. Но я завязал дружбу с парой младших сыновей, которые брали меня с собой на охоту. Это было мне больше по душе и по способностям. Мы неплохо повеселились тогда.

Наши поездки завели нас однажды в древний дом нашего рода, замшелую развалину среди лесов. И в этом самом доме мне показали как-то ночью очень любопытные документы.

Я сел прямее.

Капитан Тигр заметил мое движение и загадочно улыбнулся.

— Могу я угостить тебя кружкой пива, майстер Омар?

Я с благодарностью принял предложение. Фриц нехотя поднялся за кувшином. Подразнив нас еще немного, старый вояка продолжил рассказ:

— Один из моих... кажется, они приходились мне двоюродными братьями... в общем, младший из моих новых друзей как-то вечером, выпив немного лишнего, имел неосторожность проболтаться, что при всех своих титулах и регалиях, при всех своих высоких связях все мои знатные родственники ведут свой род от простого солдата удачи вроде меня самого. Он нашел это ужасно забавным — по крайней мере в тот вечер. В конце концов он поднялся на какой-то чердак и вернулся с полурассохшейся деревянной шкатулкой альгазанийской работы, с ибисами и гепардами... впрочем, это не важно.

В этой шкатулке хранились воспоминания того самого основателя рода. Многие страницы оказались утеряны, а многие выцвели так, что их уже невозможно было прочесть, но отдельные части сохранились неплохо. Несколько следующих дней... да, мне стоило упомянуть о том, что я потянул лодыжку. Не могу сказать, чтобы я имел склонность к чтению, однако временно я оказался прикованным к дому, так что перебрал почти всю эту кипу документов. И кое-что действительно представляло интерес.

Так, эти записи подтверждали то, что поведал нам майстер Омар, вплоть до мельчайших подробностей. Так, например, полное имя моего предка было Долгопамять Баргарский, но беженцы в Альгазане находили такие громоздкие имена не соответствующими обстановке и боялись, что они станут поводом для насмешек. Как и следует из рассказа майстера Омара, они сокращали их. Как меня зовут Тигр, его знали как Пами.

В молодости он участвовал в неудавшемся восстании Утрозвезда и был ранен, хотя и не слишком серьезно. Он бежал из Кайлама на том же корабле, что и Волнорез.

Все не сговариваясь посмотрели на актрису. Я даже удивился тому, что у нее осталось стыда хотя бы на то, чтобы

покраснеть. Я с нетерпением ждал рассказа о том, как же на самом деле удалось Белорозе бежать от Вандока, но так и не услышал этого. То ли этих подробностей в таинственной шкапулке капитана Тигра не обнаружилось, то ли он решил пощадить чувства актрисы и не поднимать больше этот вопрос.

— Итак, майстер Омар прервал рассказ на самом интересном месте, как справедливо заметил его честь. Я прочел воспоминания непосредственного свидетеля встречи, которая произошла той ночью. Я расскажу ее вам так, как она запечатлелась в моей памяти. Если для рассказа необходимо название, я назвал бы его так: «Рассказ о невероятном претенденте на трон».

11. РАССКАЗ СОЛДАТА

В двадцать пять лет Пами был изгоем на костылях и без гроша в кармане. В пятьдесят — почтенным гражданином, знаменитым, богатым и глубоко несчастным. Ну, если и не несчастным, то, во всяком случае, не счастливым.

Ему везло, возможно, даже слишком везло. Он знал сотни беглецов, покинувших родину одновременно с ним. Среди них были люди умелые и умные, отважные и решительные, но мало кто из них добился такого положения, как он. Ему нравился почет и уважение, нравился роскошный дом со множеством слуг. Он любил жену и дочь, и они любили его.

Если бы он добился всего этого отвагой, опасным ратным трудом — или хотя бы везением, случайным полетом стрелы или ударом меча в битве, — он мог бы хоть немного гордиться своим положением, но он боялся, что все это лишь заслуги Баргара. Он был благодарен богу, но этого ему было мало.

Как раз накануне прибытия Пами на остров эмир распорядился пополнить ряды альгазанского Иностранного Легиона. Благодаря опыту боев с варварами и полученному при Мельничном ручье ранению Пами пришелся весьма кстати.

Он показал себя храбрым, верным и исполнительным воином, но не забывал следовать советам своего бога, который не раз и не два спасал его от беды. За следующие двадцать лет он дослужился до высших постов альгазанской армии, неоднократно приводя войско эмира к победе.

При всем том у него нашлось время и на ухаживания, и он завоевал сердце дочери богатого купца. Их брак и теперь, много лет спустя, мог по праву считаться счастливым. Пами даже думал, что тут сыграли немалую роль его частые отлучки — им никогда не удавалось побыть вместе достаточно долго, чтобы надоесть друг другу. В конце концов, он не измучил жену бесконечными родами, как это бывает во многих семьях.

Теперь он был слишком стар, чтобы оставаться солдатом, а другого ремесла он не знал. Трубы возвещали о его появлении, когда он навещал дворец эмира, но он редко заходил туда, ибо терпеть не мог дворцовых интриг. Его шурины и без него неплохо справлялись с торговыми делами. Хотя честность их по отношению к посторонним вряд ли могла почитаться образцовой, сестру свою они, во всяком случае, не обманывали, так что в деньгах недостатка не было.

В пятьдесят Пами мог надеяться еще на десять, а то и больше лет жизни. Вот только что с ней делать?

Освободить родину, подсказывал ему внутренний голос. Вести из Междуморья продолжали приходить душераздирающие. Вандок Безжалостный продолжал править страной, убивая каждого, в ком видел угрозу своей власти, — даже, говорили, и собственных сыновей. Его убийцы рыскали по стране, грабя и убивая всех, кто под руку попадется, состязаясь в жестокости. Самый верный способ завоевать расположение царя это обрушить на жителей страны к югу от гор какой-нибудь новый ужас. И месяц за месяцем юношей и девушек угоняли на север, чтобы принести в жертву Холу.

Семь городов лежали в развалинах, да и все окрестности были опустошены. Заморские купцы избегали заходить в порты, ибо местным жителям нечего было предложить на продажу. Единственным исключением были работоторговцы, наполнявшие трюмы своих судов множеством добровольцев.

Беженцы в Альгазане помогали чем могли, но помощь эта была мизерна. Мало кто из них разбогател настолько, чтобы делиться. Время от времени они фрахтовали корабль и вывозили оттуда новую партию беженцев — редко в сам Альгазан, ибо эмир справедливо опасался потока нищих иммигрантов, разреши он это. Но даже подобные благодеяния были редки. Беженцы, в какую бы страну ни забросила их судьба, чаще всего обречены были прозябать в нищете. Все хорошо понимали это, и все же каждый корабль, покидавший порты Междуморья, ломился от толп беженцев.

Но не все убежали из страны, и не все искали такую возможность. Пами знал многих жителей Междуморья, состоявших с ним в дальнем родстве. Он предлагал им убежище под своим кровом и получил отказ; он делал все, что мог, чтобы помочь им, хотя золото и не всегда достигало адресатов.

Собираясь, изгнанники всегда заводили разговор о создании освободительной армии и высадке в Междуморье, чтобы изгнать ненавистных варваров, но подобная кампания требовала куда больших средств, чем они могли бы собрать. Более того, никто из них всерьез не верил, что такая попытка увенчается успехом. Вандок слишком опытный тиран, а Хол — слишком сильный бог.

Итак, через несколько дней после своего пятидесятилетнего юбилея Долгопамять Баргарский, известный семье и друзьям как Пами, а правителям Альгазана как Пами-паша, мучался тревогой и беспокойством.

Поздней ночью, распрощавшись с друзьями, Пами, мучимый бессонницей, неприкаянно бродил по своему темному дому. Жена его давно уже отправилась спать. Как обычно, разговор в этот вечер зашел о страданиях Междуморья. Как обычно, новости были плохими. Как обычно, все предложения были скоропалительны и неосуществимы. Пами-паша достаточно повидал на своем веку, чтобы сразу узнавать безнадежное дело, а каждый новый план, выдвинутый за столом, был еще безнадежнее предыдущего.

Человек не может ходить бесконечно. В конце концов он забрел в свой кабинет, к нише, в которой обитал Баргар.

Пора было спать — значит, самое время для вечерней молитвы. Он опустился на колени, как делал несчетное количество раз до этого, и сделал подношение богу, как делал это еще его отец много лет назад. Только отец его предлагал богу медяки, а Пами предлагал ему золото. Он положил перед нишей золотой, добавив его к семи уже лежавшим там монетам. Рано или поздно перед богом накапливалась вполне солидная сумма, но рано или поздно Баргар говорил об этом, давая Пами распоряжение купить на нее жене новый экипаж, или одарить неожиданным богатством случайного нищего бродягу, или сделать еще что-нибудь столь же непредсказуемое. В конце концов, золото принадлежало богу, и он волен был поступать с ним как ему заблагорассудится.

Когда с приношением бывало покончено, Пами говорил о своей благодарности богу и о своих печалях. И всегда кончал простой молитвой: «Скажи, как могу я помочь им, о Пресвятой Отец?»

Иногда бог отвечал, иногда нет — и боги, и тигры, как известно, отличаются непредсказуемым характером. Но когда отвечал, ответ его, как правило, звучал одинаково: «Я твой бог, сын мой, но не бог твоего народа. Тебя я могу хранить, могу содействовать твоему процветанию, но над ними нет моей власти. Я не могу устоять против Хола, ибо я всего лишь маленький бог. Малые боги не могут тягаться с великими богами — это познали на своем опыте еще твои предки. Так что живи и наслаждайся теми житейскими радостями, что доступны тебе».

И в эту ночь Пами упрямо повторил свою обычную молитву: «Скажи, как могу я помочь им, о Пресвятой Отец?»

И в эту ночь Баргар ответил просто: «Ступай к воротам и найди отрока, что ждет там. Пригласи его в дом, и выслушай его, и поверь ему».

На вид ему было лет тринадцать-четырнадцать — тощий как удилище, не слишком чистый, но, похоже, сообразительный и здоровый. На нем была потрепанная набедренная повязка, и он так стискивал в руках маленький сверток, словно

тот был ценнее короны эмира. Волосы его слиплись прядями, один глаз заплыл. Он стоял в свете фонаря Пами, улыбаясь ему и дыша тяжело, словно только что бежал, но Пами наблюдал за ним в окошко уже несколько минут и знал, что паренек стоял на месте — вернее, сидел, скрестив ноги, в пыли, словно намереваясь провести здесь всю ночь, если понадобится. Возможно, он ждал здесь уже несколько часов.

— Паша, мне сказано было прийти к тебе и повидаться с тобой! — Он говорил мальчишеским дискантом на языке Безбожных.

— Кто ты и кто сказал тебе это?

— Я — Дусс, паша. Гордуспех Кравский мое настоящее имя. И это Крав сказал мне.

Крав? Пами смутно помнил бога с таким именем, но не помнил, чей это был бог.

— Тогда тебе лучше войти, Гордуспех. Меня зовут Долгопамять Баргарский.

Крав? Крав?

На спине юнца запеклась кровь. Судя по всему, он дрался, и совсем недавно. От него разило луком. Впрочем, он оказался воспитан настолько, что, входя в дом, даже снял сандалии, хотя вряд ли они были грязнее его босых ног.

В светлом кабинете он показался еще более худым, а в волосах его стали заметны гниды. Глаза его расширились от удивления и восторга, когда он разглядывал мебель, ковры, картины, портьеры. Потом взгляд его остановился на нише с янтарным тигром и золотом перед ним. Он поклонился богу и бросил тревожный взгляд на Пами, не рассердится ли тот за такую вольность.

— Это Баргар, мой бог, — объяснил Пами. — Это он велел мне впустить тебя и выслушать то, что ты имеешь сказать, Гордуспех.

Оборванец радостно заулыбался.

— Тогда не мой ли бог говорил с твоим, паша? Святой Крав никогда не говорил со мной до сегодняшнего вечера, а...

— погоди! — рассмеялся Пами. — Серьезное дело не допускает спешки. Сначала сядь-ка... — он выбрал простой

деревянный стул, который потом можно было бы вымыть, и подвинул его вперед, — ...вот сюда. Теперь, могу я предложить тебе... — Вино наверняка свалит мальчишку с ног. Еда? Конечно же, еда! — Я прикажу принести тебе что-нибудь поесть. Чего бы тебе хотелось?

Мальчишка плюхнулся на стул и удивленно разинул рот.

— Давай же! — сказал Пами. — Что ты любишь больше всего?

Гордуспех Кравский еще раз огляделся по сторонам.

— Мясо? — прошептал он так, словно просил трон эмира. Он облизнул губы.

Пами потянулся к шнурку звонка.

— Когда ты последний раз пробовал мясо?

— Не помню. Но рыбу ел прошлым летом, целых два раза!

— Гм. Могу я поинтересоваться, что это ты принес?

— Это Крав, паша. Он велел мне взять его с собой.

Пами только успел усестись сам — в обитое шелком кресло, — но при этой новости вскочил. Собирать в одном помещении двух богов всегда считалось нежелательным. Это непочтительно, во всяком случае, если и не прямое кощунство, но тут, похоже, сами боги устроили эту встречу. Интересно, подумал он, и как положено себя вести в такой ситуации? Обычно никто не делит место с тигром.

— Тогда, возможно, его лучше развернуть и поставить на почетное место. Например, на эту полку?

Поспешно кивнув, мальчик развернул тряпку и достал из нее что-то похожее на черный камень.

— Крав — это зуб дракона! — гордо объяснил он. Он положил его на полку, поклонился ему и вернулся на место.

Впрочем, с драконами тоже место не делят. Надо же, какая компания!

Недоверчивый сонный слуга преклонил колена в дверях. Пами приказал принести хлеба и мяса, сладких пирожков и фруктов — ничего особо дорогого, все простое и питательное, в расчете на двоих. И побыстрее. Потом он сел и улыбнулся этим живым темным глазам. Мальчишка того и гляди лопнет, если ему не дать высказаться.

— А теперь, Гордуспех Кравский, что твой бог велел рассказать мне?

Слова полились потоком — слова, перевернувшие все вверх дном в голове его собеседника. Волнорез Кравский! Ну конечно же!

Не успел Пами переварить одно откровение, как на него обрушилось второе. Совсем еще юношей сражался он в отряде Волнореза при Мельничном ручье. Они и в изгнание отплывали на одном корабле, но в те дни Волнорез был сыном магистрата, а Долгопамять — всего лишь крестьянина. Через год с небольшим, когда Пами вернулся из первой своей кампании в Иностранном Легионе, до него дошли слухи, что дочь Утрозвезда бежала и тоже находится в Альгазане. Он даже слышал, что десять лет спустя имя ее упоминалось среди жертв Великого Поветрия. И с тех пор — ничего больше.

Выслушай, говорил его бог, и поверь.

— И он сказал, что ты можешь помочь, паша! — закончил свой рассказ мальчишка, глядя на Пами с отчаянной надеждой в глазах. Несмотря на поздний час, сам мажордом стоял в дверях, давая понять, что обед готов.

— Ступай и поешь, а я пока подумаю. — Пами проводил своего юного гостя в столовую. — Садись. Скажи, с чего ты хочешь начать. Разбавь вино как следует, Мустаир. Мне тоже красного.

Паша славился своим гостеприимством. Когда он сказал «в расчете на двоих», его слуги поняли это так, что дом их навсегда будет покрыт позором, если два любых едока в Альгазане — пусть даже самых прожорливых — сочтут угощение недостаточным. Не веря своим глазам, смотрел мальчишка на полные подносы, на золотые тарелки, потом неуверенно ткнул пальцем в блюдо жирной свинины. Слуга поднес его поближе, собираясь отрезать несколько кусков, но Дусс схватил весь ломоть обеими руками и впился в него зубами.

Выслушай и поверь!

Пами выслушал. Пами мог поверить рассказу — право же, он был рад увидеть, что черты Волнореза проглядывали в лице этого голодного оборвыша. Пами мог поверить в то,

что освободительная война под предводительством внука Утрозведа имеет значительно больше шансов на успех, чем все предыдущие восстания. В правление Вандока восстания были частым делом, он сам поощрял их. Но верит ли Пами в то, что оно увенчается успехом? Верит ли он в то, что оно поможет его народу? Еще одно поражение того же масштаба, что при Утрозведе, превратит страну в пустыню.

Следующим шагом, несомненно, будет найти старшего брата, неученого грузчика, которому предстояло стать Освободителем. Судя по тому, как обстригивали дела Крав с Баргаром, Пами предстояла работа натаскать этого незаметного труженика, сделав из него героя-патриота и великого полководца.

«Это научит меня спорить с Тигром!»

Пами приказал приготовить экипаж, а охране — ждать его. Он хорошо платил своим людям: если он требовал чего-нибудь даже среди ночи, это было вопросом нескольких минут.

Мальчик сказал, что его брат участвует в кулачных боях в Змеиной Яме, самой злочной дыре в припортовых кварталах. Что ж, это говорило о его храбрости, но не об уме! Конечно, такое вечернее времяпровождение было по силам не каждому, но как быть с качествами вождя, харизмой и всем прочим? От внука Утрозведа, сына Белорозы, можно было ожидать храбрости. Возможно, если верить преданиям, дочь выказала ее даже больше, чем отец. И отец парня, Вол... Нет.

Долгопамять Кравский чуть не уронил свой кусок.

— Сколько, ты сказал, лет Верну?

Дусс торопливо проглотил непрожеванный кусок.

— Двадцать три, паша. Через два месяца ему исполнится двадцать четыре.

Слуги убрали пустые блюда и поставили на стол новые. Мальчишка буквально смел первую перемену. Возможно, через несколько минут его стошнит... прямо на ковры. Пами и сам чувствовал себя почти так же — словно верблюд лягнул его в живот.

— Твой бог сказал тебе, кто отец Верна?

Не прекращая жевать, Дусс мотнул головой, но испуг в глазах показал, что у него есть подозрения на этот счет.

Даже драконы не любят сообщать новости такого сорта.

Змеиная Яма почти опустела; зрители, весело распевая или пьяно переругиваясь, расходились по темным переулкам. Теплохранители Пами, сомкнувшись, проложили ему путь через шумную, зловонную толпу и спустились с ним в темный, дымный подвал. На полу среди объедков и перевернутых скамей валялись упившиеся до бесчувствия, многие громко храпели.

Дусс вскрикнул и бросился в угол, куда было свалено грудой еще несколько тел. Кое-кто уже оклемался настолько, что мог сидеть. У одного свернута шея, и было совершенно очевидно, что этот уже не пошевелится. Все они принесли устроителям боев хорошие деньги, и отделали их так, словно они сразились со всей альгазанийской армией.

Когда Пами подошел поближе, Дусс отчаянно обнимал самого крупного из них, не обращая внимания на то, что перепачкал кровью новую одежду.

Первый же взгляд на Верномость развеял все сомнения в том, кто его отец. У старшего брата были более светлые волосы и рыжеватая борода — явно чувствовалась кровь варваров, и Вандок был известен своим огромным ростом. Во всех остальных отношениях вид у него был весьма плачевный. Он был оглушен, весь в крови. Ему даже дышать было больно. Даже с посторонней помощью он едва ли мог держаться на ногах. Он смотрел на Дусса, словно не узнавая.

Вздохнув при мысли о новой обивке экипажа, Пами послал домой верхового гонца с распоряжением найти лекаря.

Дусс пытался объяснить брату, в чем дело, но в конце концов сменил тактику и просто приказал великану довериться ему и делать то, что ему скажут. Верн на удивление легко подчинился. Даже с учетом полубессознательного состояния, его покорность этому мальчишке позволяла сделать вывод, что лидером в семье станет Дусс, если уже не стал. Пами в первый раз пришло в голову, что у него будет два ученика, а не один.

Когда он доставил своих подопечных домой, уже занялся рассвет, и семья пребывала в панике. Даже жена его поднялась, и оделась, и потребовала от него объяснений, давать которые он отказался.

Врач осмотрел бойца, не скрывая безгливости. На исходе первого дня Мустаир доложил, что двое братьев потребили еды больше, чем вся дворцовая обслуга, вместе взятая. Памя приказал ему не скупиться и давать братьям побольше мяса.

На второй день Мустаир сообщил, что старший брат переживает из-за своей возлюбленной.

— Скажи ему, пусть напишет ей письмо, и проследи, чтобы его доставили по адресу, — предложил Памя, будучи абсолютно уверен, что ни один из братьев не умеет писать. — Кстати, не можешь ли ты устроить ему небольшое искушение? Ничего вульгарного, конечно... Пару помоложе... хорошеньких... Я имею в виду, если они поймут, что их старания будут вознаграждены?..

Как вышколенный мажордом, Мустаир знал, что на уме у его господина, еще до того, как тот произносил это вслух.

— Да будет так, как повелит паша, — ответил он, ничуть не изменившись в лице.

Как вышколенный мажордом, Мустаир прекрасно понимал также разницу между сплетнями и важной информацией. На третий день он доложил, что наживка проглочена, а вторая девушка вернулась к исполнению обычных своих обязанностей. Позволив себе слабый намек на улыбку, он добавил, что здоровяк почти наверняка девственник.

Письмо так и не было написано.

Если подумать, полученные старшим братом травмы были даже кстати. Он не мог бы работать, а это значило, что чудесное вмешательство Памя спасло его от голодной смерти. Братья могли понять, что они попали в заключение, но что это еще лучший вариант. Они простые смертные — как устоять перед внезапно свалившейся роскошью, пищей в невиданных количествах? Ведь им не нужно теперь целыми днями работать за кусок хлеба, им не о чем тревожиться.

На то, чтобы Дусс открыл старшему брату, что отцом его является ужасный Вандок, было отведено три дня.

Это давало Пами время разработать план войны.

Для организации вторжения ему требовались деньги, оружие, бойцы и корабли. Восставшее население потребовало бы денег, оружия и вождя. И то, и другое требовало великолепной разведки и точного плана, а этого невозможно было добиться без организованного подполья в самом Междуморье. Вот чего недоставало тем, кто до хрипа спорил о грядущем восстании за обеденным столом. Эти самозванные заговорщики никогда не пытались окинуть взглядом всю стоящую перед ними задачу — да они и не представляли себе ее размеров, сложности, времени, которое уйдет на ее выполнение.

У Пами были связи при дворе эмира, в руководстве армией, родственники среди богатых альгазийских купцов. Если восстание вообще возможно, с организацией мог справиться только он. Что более важно, теперь у него был внук Утрозвезда, имя которого могло поднять людей.

Поразмышляв над этим три дня, он решил, что это все-таки возможно. На это должно было уйти не меньше пяти лет. Вандок старел, но до сих пор не избрал себе законного наследника, так что сохранялся шанс на то, что смерть его вызовет некоторое смятение в стане неприятеля. Пами мог собрать и подготовить армию в изгнании и подпольное сопротивление на месте. Он мог нанести удар зимой, когда перевалы закрыты: главной ошибкой Утрозвезда было то, что он недооценил способности противника к быстрому реагированию.

Но все это было не так уж и важно. Пами ничего не мог поделаться с Холом, богом Вандока. История показывала, что маленькие боги не могли устоять перед Холом.

Размышляя трезво, он приходил к выводу, что все это предприятие безнадежно.

Пами не надеялся, что сможет объяснить все это тигру.

На утро четвертого дня он пригласил сыновей Белорозы на неофициальную беседу в сад. Он распорядился, чтобы их

нарядили в одежды их предков, чтобы они знали, какими их увидят люди, если они решат продолжать. Понимая, что они будут ощущать себя в этой одежде неуютно, он сам оделся так же, хотя делал это в четвертый или пятый раз с тех пор, как попал в Альгазан. Он обнаружил, что или утратил навыки одеваться сам, или просто состарился. Ему почему-то не хватало еще одной руки. Ему пришлось даже прибегнуть к помощи слуги. Но все равно он никак не мог отделаться от мысли, что при первом же неосторожном движении одежды спадут с него.

Он приказал поставить кресла в укромном уголке сада, накрыть на стол легкие закуски и освежающее питье и поставить рядом еще один стол, поменьше. Он захватил с собой Баргара и положил на столик, чтобы тот мог следить за разговором.

Когда братья показались на дорожке, Пами встал с кресла. Острый взгляд мальчишки увидел бога, и он поклонился сначала ему и только потом хозяину. Старший брат повторил все за ним.

Пами поразило, как изменился паренек. Дусс утратил отчасти свою худобу, и при свете дня видно было, какой острый ум светится в его глазах. Стройный и смуглый, Горд-успех вполне убедительно казался внуком Утрозведа. Он неуверенно улыбался, но теребил в руках сверток, в котором наверняка лежал Крав, его бог-дракон. Значит, предвидел возможность того, что по окончании разговора его за ухо вышвырнут из дворца. Реалист!

Разбитое лицо Верна тоже почти приобрело человеческий вид. Его руки и правая нога были перевязаны, и из-под одежды проглядывали другие повязки. Он был богатырского телосложения, мускулист, и его флегматичность, казавшаяся поначалу просто тупостью, представлялась теперь скорее спокойной уверенностью и проявлением отваги. Его внешность впечатляла, но не оставляла сомнения: в его жилах течет варварская кровь. Как могут люди поверить ему?

Пами предложил своим гостям сесть. Те неуверенно повиливались, продолжая озираться по сторонам. Должно быть,

им никогда еще не доводилось видеть такой роскоши, хотя по альгазанийским меркам дворец Пами-паши был довольно скромным.

Прежде чем сесть самому, он поклонился им.

— Позвольте выразить мое почтение внукам Утрозвезда и сыновьям Белорозы, его героической дочери.

Мальчишка улыбнулся. Мужчина не сказал ничего, недоверчиво глядя на хозяина все еще заплывшими серыми глазами.

Пами налил вина, разбавив кубок мальчика водой.

— Есть ли что-то, чего вам не хватает? Мой дом — к вашим услугам. — Он надеялся, что они не воспримут эти слова слишком буквально. — Мои слуги будут рады исполнить любое ваше пожелание.

Дусс покосился на брата и сдержал улыбку.

— Вы очень великодушны, паша, — произнес мужчина.

Разговор не клеился. Пами-паша не имел с этими двумя абсолютно ничего общего. Им не о чем было говорить, только о деле.

— Я полагаю, это у вас там Крав? — Он показал на сверток.

Дусс кивнул, вдруг беспокойно нахмурившись, и покосился на тигровую фигурку на столе.

— Вы не видели раньше таких странных одежд? Такие носят жители у вас на родине, в Междуморье. Так вот, они используют верхнюю часть для того, чтобы носить там при необходимости своих богов. Видите, так они ближе к сердцу.

Паренек снова улыбнулся. Он сунул сверток за пазуху. Со стороны казалось, что у него с одной стороны выросла грудь.

— Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше, Верноместь? — повернулся Пами к старшему.

— Я очень благодарен вам за все, что вы для меня сделали, паша. — Речь верзилы гортанностью напоминала язык его предков.

— Для меня большая честь помогать сыновьям Белорозы.

Дусс беспокойно посмотрел на брата.

Что-то в лице Верна заставило предположить, что оно покраснело бы, если бы не кровоподтеки.

— Даже сыну Вандока, рожденному от публичного изнасилования?

— В том нет твоей вины. Скажи, как ты относишься к Вандоку?

— Мне хочется убить себя от сознания, что я тоже его отпрыск, — буркнул здоровяк. — Он просто чудовище.

— Будь у тебя шанс, пошел бы ты войной на него?

Верзила скривил разбитые губы.

— С радостью!

— Но возможно ли это? — возбужденно спросил младший.

Пами вздохнул:

— Три дня я только об этом и думал. Честно говоря, я не думаю, что нам это удастся. Варвары сильны. Поднять народ и еще раз потерпеть поражение будет ужасным преступлением. На то, чтобы подготовиться к этой войне, если такое вообще возможно, уйдут годы. Впрочем, я должен признать, что сыновья Белорозы смогли бы поднять больше сторонников, чем любой другой вождь.

— И сын Вандока? — презрительно бросил Верн.

Даже увалень-грузчик был не так глуп, как казалось, или это его умный брат как следует наставлял его. Он коснулся самой сути проблемы.

Пами пригубил вино. Нет, это невозможно. Сбрей старшему брату бороду, выкрась ему волосы черным, и все равно в нем безошибочно узнают варвара.

Что тогда с младшим? Он был неглуп и достаточно молод, чтобы учиться, хотя список вещей, которые необходимо знать вождю повстанцев, сам по себе может смутить кого угодно: стратегия, тактика, снабжение, финансы, экономика, риторика, политика... Скорее всего паренек даже не знал пока таких слов. Он и говорил-то на родном языке не очень хорошо.

Сколько времени потребуется? Дуссу нет еще четырнадцати. Десяти лет, возможно, и хватит — но Пами уже пятьдесят. Он может и не дожить.

— Я спросил моего бога, что я могу сделать, — печально произнес он. — Баргар велел мне выслушать Дусса и верить ему. Я поверил тебе, сынок! Я продолжаю верить тебе, и я

что своего бога. Но чаяния моего народа его мало интересуют. Он бог моей семьи и никого больше. Он может просто попытаться облегчить мою скорбь, дав мне надежду, и я вижу, что не могу поверить в нее. Это безнадежно. Как бы я ни желал вышвырнуть варваров с родной земли и восстановить свободу и демократию, мой ответ — нет.

Два молодых лица смотрели на него со страхом и разочарованием.

— Вы оба можете остаться здесь, у меня на службе. Я обещаю, что жизнь ваша будет гораздо приятнее, чем была до сих пор.

— Но Крав сказал Дуссу...

— При всем моем уважении к Святому Краву, Верноместь, да и к моему любимому Баргару тоже, они всего лишь малые божества. Все боги Страны Множества Богов, какой она была когда-то, не выстоят против Хола.

Мужчина с удивленным видом посмотрел на брата.

Мальчишка торжествующе ухмылялся.

— Ты забыл пророчество, паша!

Сердце Пами подпрыгнуло у него в груди.

— Чье пророчество?

— Самого Хола! — вскричал Дусс. — Когда он приказывал Ханнаилу вторгнуться в Междуморье, кто как не он обещал, что потомки Ханнаила будут править вечно? Ну вот! Как ты думаешь, почему наша мать позволила Вандоку изнасиловать ее?

На пару минут этот неслыханный вопрос лишил Пами речи.

— Это Крав тебе сказал? — спросил он наконец.

— Нет, — признался Дусс. — Я сам додумался. Но это же очевидно, разве нет?

12. ИНТЕРЛЮДИЯ

Еще одно дерево треснуло в лесу. Огонь в камине продолжал гудеть, но сквозь щели ставней блестел лед, и по

спине моей пробежал зловещий холодок. Будь я суеверен, я принял бы это за знамение.

— Все остальное — уже история, — сказал солдат. — Разумеется, ему потребовалось шесть лет. Но результат хорошо известен всем.

Купец заснул, откинув голову на спинку кресла и оглашая помещение малопочтенным храпом. Актриса держалась увереннее; она созерцала меня с заметной неприязнью, которой, клянусь, я не заслужил.

Я неуверенно оглядел собравшихся. Продолжалось ли еще наше состязание? Способен ли даже я превзойти этот рассказ?

— Боюсь, что не всем, капитан. Точность вашего повествования потрясает. Молю вас, поведайте нам, что произошло в те шесть лет?

— Увы, это неизвестно точно. Эти страницы утеряны или лежали где-то в другом месте. Во всяком случае, я их не нашел.

— Действительно жаль.

Старый солдат каким-то образом сумел оживить у меня перед глазами своего предка. Он сделал Долгопамять Баргарского очень похожим на капитана Тигра. Более того, я подозревал, что капитан Тигр тоже нашел возможность преуспеть на старости лет. Мне казалось даже, я знал, что это за возможность, но к этому рассказу мы не были еще готовы.

Фриц потянулся, сонно улыбаясь, как лев перед тем, как выйти на охоту.

Старуха подавила зевок и поправила муфту.

— Я полагаю, майстеру Омару надо дать возможность отыгаться. Можешь ты управиться поскорее, рассказчик?

Я мог попытаться затянуть рассказ до наступления весны.

— Конечно, сударыня. Майне либе дамен унд геррен, вот вам «Рассказ о вернувшемся домой голубке».

13. ОТВЕТ ОМАРА НА РАССКАЗ СОЛДАТА

Спустя тридцать лет после поражения поднятого Утрозвездом восстания руины Кайлама поглотил дремучий лес.

Покарав все семь городов Междуморья, Вандок вернулся на место, где погиб его отец. Он согнал всех оставшихся в живых жителей и заставил их собирать горючее: дрова, деревья, мебель, лодки, книги, заборы, рыбацкие сети — все, что еще не сгорело в городе. Из всего этого он воздвиг на месте, где погиб его отец и где он в первый раз надругался над Белорозой, погребальный костер. Он не разрешал остановиться до тех пор, пока большой зал не оказался забит под самые стропила, а на день верховой езды в округе не осталось ни единой щепочки.

Потом он поджег костер, и огонь горел несколько дней. Крыша, конечно, рухнула. К досаде царя, некоторые стены устояли. Когда руины остыли настолько, что можно было подойти, он обнаружил, что камень сплавился в твердое зеленое стекло, и никакими усилиями невозможно было его разрушить. Раздосадованный, он уехал, и нет свидетельств того, что он когда-либо возвращался на это место.

Со временем на берегу в нескольких милях к югу выросла небольшая рыбацкая деревушка, но в сам Кайлам жители так и не вернулись. На месте, где он стоял когда-то, выросли деревья. Зола в старом дворце превратилась в плодородную почву, но то ли зал был слишком глубокий и затененный, то ли воды не хватало, только лес отказывался расти в базилике, и так она и стояла, и на месте купола огромная дыра зияла под открытым небом. Пол ее был покрыт ковром трав и цветов, в основном кустами белых роз. Естественный сад обрамляли странной формы руины, напоминавшие застывших в танце великанов. Это был странный, неземной памятник скорбным событиям.

Как-то летним днем два человека подошли к этому месту с противоположных сторон. И тот, и другой плохо знали

лес, но слышали про стеклянный сад и сумели найти к нему дорогу. Они никогда еще не встречались и даже не связывались друг с другом, но все же оказались в нужное время в нужном месте.

Они передвигались с опаской, ибо Междуморье вообще было опасным местом. Когда следующее поколение варваров подрастало у себя в степях, их посылали на юг поразвлечься на год. Им полагалось вернуться с собранием страшных трофеев, доказывающих, что они уже взрослые и стали настоящими убийцами. Еще они угоняли с собой толпы юношей и девушек, чтобы принести их в жертву Холу. Каждые несколько лет царь сам возглавлял более масштабную карательную экспедицию, дабы показать южанам, что такое настоящая жестокость.

Да и местные жители были почти так же опасны. И кто мог укорять их за это? Все, что создавали они за свою жизнь, в одночасье могло стать добычей варваров. Их урожай и жилище сжигали без всякой причины, их детей угоняли. Они жили в потаенных убежищах в холмах, возделывая спрятанные в лесу грядки. Многие вообще забыли, что такое цивилизация, постепенно одичали и теперь мало чем отличались от зверей, обитавших в лесу, и охотились на тех, кто слабее. Поэтому осторожность путников казалась вполне естественной.

Первым к саду подошел юноша лет двадцати. Точнее, ему было двадцать лет и один месяц плюс-минус пара дней. Роста он был среднего, стройный, мускулистый. Его волосы и коротко остриженная бородка были темными, глаза тоже темными. И хотя на лице его играла улыбка, он мог быть и опасен. Он был одет в обычный для этих мест наряд, но неброской расцветки, в коричневых тонах. В эту летнюю жару руки и ноги его оставались открытыми. На поясе висел меч, и в любую секунду он мог им воспользоваться.

Выйдя к развалинам, он прислонился к березовому стволу и прислушался. Он слышал пение птиц и жужжание насекомых. Только когда он убедился в том, что ничего и никого здесь больше нет, он подошел к руинам, осторожно пробираясь к самому низкому месту стены. Даже здесь стена была

выше его роста. Часть высоты он одолел по обгоревшему стволу. Забравшись на стену, он оглядел внутренность базилики. Там никого не было. Он подождал еще немного.

Второй человек подошел к развалинам с противоположной стороны. Он шел не так остерегаясь, хотя и осторожно. Оба были примерно одного сложения и — на первый взгляд — примерно одного возраста. Этот отличался каштановыми волосами, серыми глазами... насколько я помню, он был чисто выбрит. Он тоже одевался в неброские цвета, только в одежде его преобладали зеленые тона, за пазухой он, похоже, что-то прятал. Если не считать длинной палки через плечо, на которой болтался походный узел, он был безоружен.

То ли Зеленому костюму больше везло, то ли он лучше знал подходы к руинам, но с его стороны войти оказалось гораздо проще. Трудно сказать, что было здесь раньше, — окно или дверь. Теперь от проема осталось только овальное отверстие на уровне груди, хотя внутри до земли было гораздо дальше. Наскоро окинув взглядом внутреннее пространство дворца, вновь прибывший пролез в отверстие и прыгнул вниз.

Осторожно раздвигая концом палки колючие кусты, он не спеша, бесшумно, двинулся вперед. Тому, что наблюдал со стены, показалось, что он ищет что-то. Однако, дойдя до стеклянного валуна, он сел на него спиной ко входу. Порывшись в складках одежды, он извлек черствую краюху хлеба, кусок сыра, пару персиков и принялся за еду. Солнце медленно ползло к верхушкам деревьев.

Бурый костюм осторожно спустился со своего наблюдательного поста и обогнул развалины снаружи, чтобы зайти Зеленому с тыла. Добравшись до проема, он заглянул внутрь и убедился в том, что тот все еще сидит на валуне, задумавшись и не подозревая о том, что за ним следят. Бурый выхватил меч и прыгнул в проем. И с этого момента, события начали развиваться не совсем так, как ему представлялось.

Во-первых, остекленевшая стена оказалась неожиданно скользкой. Во-вторых, он не учел того, что солнце светило ему в спину, так что тень его вполне могла встревожить предполагаемую жертву. В-третьих, Бурый забыл, что уровень

земли внутри развалин гораздо ниже, чем снаружи, и приземлился довольно жестко. В-четвертых, он приземлился точно в пышный розовый куст, в кровь расцарапав свои голые ноги. Он оступился, пошатнулся и злобно выругался. Палка Зеленого с размаху врезала ему по руке, и его меч отлетел в кусты.

Безоружный Бурый стоял, ожидая второго удара, который запросто раскроил бы ему череп. Несколько секунд оба неподвижно друг друга разглядывали.

Зеленый улыбнулся, словно то, что он увидел, удовлетворило его, и опустил свою палку. Он сел и махнул на залитые солнцем соседние камни.

— Выбирай себе валун по вкусу и будь как дома.

Он вел себя до обидного уверенно. Бурый оглянулся, прислушался, потирая ушибленную руку, он никак не мог понять, не угодил ли он в западню. Не услышав ничего подозрительного, он подобрал свой меч и вернулся на прежнее место, раздвигая им колючки. Однако он не сел на камень, как ему было предложено. Вместо этого он подошел к Зеленому и приставил меч к его горлу.

— Кто ты? — Бурый был молод и чувствовал себя одуроченным. Он злился на себя за неуклюжесть, а еще больше — на незнакомца, за его безмятежность.

— Я был здесь раньше, так что представься-ка первым.

— Зато у меня меч.

Зеленый пожал плечами.

— Ну вот, опять... Ты выказываешь достойную сожаления невоспитанность. Если мне придется обезоруживать тебя второй раз, я могу и сломать тебе что-нибудь ненароком. Ну ладно, мое имя ничего не скажет тебе, но на твоём диалекте оно звучит как Гомер. А твое?

— Я не хочу называть его сейчас.

— Тогда я буду звать тебя просто Дуссом.

Бурый сердито взмахнул мечом.

— Откуда ты знаешь?

— Слухи расползаются как муравьи. — Гомер даже не скрывал, что забавляется от души. — Сыновья Белорозы вернулись,

чтобы поднять знамя свободы и тому подобное. Дусс — имя младшего брата, сокращенное от Гордуспеха. Ты слишком молод, чтобы быть старшим.

Дусс только свирепо таращился на него.

Во взгляде Гомера промелькнула хитринка.

— И ты выглядишь не так, как я его себе представлял. Слушай, почему бы тебе не сесть и не поговорить, как подобает серьезному человеку?

— Каким ты его себе представлял?

— Сядь.

Дусс придвинул меч ближе.

— Отвечай, когда спрашивают!

— Иди к Холу!

Меч снова мелькнул в воздухе, оставив на этот раз маленький надрез на подбородке Гомера. Ранка была не больше царапины от бритья, что выказывало недюжинную ловкость в обращении с ярдом закаленной стали, хотя и не самые лучшие манеры.

Жертва сердито отпрянула.

— Местные называют эти кусты белорозами. Ты это знаешь?

— Что из этого?

Зажав одной рукой царапину на подбородке, Гомер сделал жест другой.

— Боги вырастили этот сад в память о ней. Здесь все и произошло. На этом самом месте.

Дусс окинул взглядом сад в руинах, потом недоверчиво посмотрел на собеседника.

— Откуда ты знаешь?

— Потому, что я видел это. Я видел, как был зачат твой брат.

— Этого не может быть! Ты слишком молод!

— Я старше, чем кажусь. А теперь сядь, юнец!

На этот раз Дусс повиновался, усевшись на соседний камень. Солнце спряталось за стену. Гомер одобрительно улыбнулся. Дусс, нахмурившись, убрал меч в ножны.

— Зачем ты пришел сюда?

— Из-за сна. Нескольких снов. Мне снилось это место и ты. Я понял, что мне пора.

— Пора что делать?

— Сначала скажи мне, что здесь делаешь ты?

— Мой бог велел мне прийти сюда.

Гомер довольно кивнул:

— Значит, ты признаешь, что ты сын Белорозы? Не пытайся отрицать. Ты очень похож на своего отца, Волнореза. Только пониже немного.

Бурый продолжал недоверчиво хмуриться.

— Я Дусс. А ты кто?

— Странствующий меняла историй, бродяга. Я познакомился с ней в этом зале — когда это было еще залом — как-то утром, тридцать лет назад. Она отдала мне кое-что на хранение, и я бережно хранил это все эти годы. Потом она отправилась свершать свой долг, а я смотрел. — Он вздохнул, и в эту минуту тени, казалось, сгустились вокруг него. — Какая храбрость! — прошептал он.

— Расскажи мне об этом, пожалуйста!

— Я, конечно, могу, но мне кажется, другой сделает это лучше. Ты знаешь, зачем твой бог приказал тебе явиться сюда?

— Он не говорил зачем. Боги никогда не объясняют.

Гомер заломил бровь.

— Иногда они немного раздражают, правда? Ну ладно. У меня есть еще вопрос. Спросишь ли ты его за меня, рассказав мне потом ответ?

— Что за вопрос?

— Ты ведь не сдаешься так просто, верно? Так вот, в тот день Белороза захватила с собой нож, точнее, стилет. Вандок решил, что она намеревалась убить его. Мне кажется, она использовала нож для маскировки. Мне кажется, она рассчитывала, что его обнаружат. Я хочу знать, собиралась ли она с самого начала понести ребенка от Вандока? Мне необходимо знать это! Этот вопрос не дает мне покоя вот уже тридцать лет.

Дусс криво улыбнулся:

— Меня — только шесть. Если мне скажут ответ, я передам его тебе.

Гомер кивнул и снова полез за пазуху. На этот раз он достал маленький сверток.

— Ты знаешь, на что она похожа?

— Она?

— Я всегда думал о ней как о лице женского рода. Впрочем, у богов это не имеет значения. Как ее зовут?

— Верл. Но я не знаю, на что она... он... похожа.

— Голубок.

Гомер протянул ему сверток. Дусс осторожно принял его и развернул. Он не сумел скрыть возглас удивления, а может, разочарования.

— Здесь не на что особенно смотреть, — пробормотал меняла историй. — Время от времени я насыпал ей немного зерна, чтобы она не думала, что про нее забыли, но, конечно же, со мной она не разговаривала и с тобой не будет, пока я здесь. Так что я, пожалуй, пойду прогуляюсь, пока ты будешь молиться.

Оставив свой узел лежать на земле, человек в зеленом выбрался наружу. Второй положил маленького бога на камень и стал перед ним на колени.

Минут пятнадцать или двадцать спустя Гомер снова пробрался через оплавившийся проем. Дусс завернул бога и убрал его за пазуху, поближе к сердцу. Он улыбался, но глаза его покраснели.

— Ну? — спросил Гомер.

— Он говорит, что Белороза убила бы Вандока, если б ей представилась возможность, но не надеялась на это. Она полагалась на пророчество.

Сказитель довольно кивнул:

— Именно этого я ожидал. Надеюсь, твоему брату можно доверять?

— Конечно! — Юноша откашлялся и протянул руку. — Мы покончили с делами, друг Гомер?

— Ни в коем случае! Я хочу знать все подробности! Как она бежала, и куда отправилась, и что с ней было потом, и кто организовал восстание?

Дусс посмотрел на темнеющее небо.

— Не все из этого известно мне. Есть вещи, которых я не могу тебе открыть. Остальное я охотно расскажу. Верл говорит, тебе можно доверять.

— Надеюсь — после стольких-то лет!

— Тогда пойдем к нам в укрытие, и я представлю тебя кое-кому из местных друзей. Почему бы нам не поговорить по дороге?

Так мы и сделали. Так началось восстание. Зимняя Война. Вандок прорвался на юг еще до того, как снег закрыл перевалы, но вся страна поднялась против него. Соппротивление направлялось малыми богами, которые передавали друг другу вести обо всех перемещениях тирана. К весне он уже отступал, потеряв большую часть своего войска на перевалах. Верноместь был провозглашен царем Междуморья, известного с тех пор под названием Верлия, и...

— Это не так, — заявил нотариус.

14. СПОР

— Болван! — вскричал я. — Ты меня перебил!

— Вы искажаете факты, — отшатнувшись от меня, ответил законник.

— Ты проклятый, вшивый словоблуд! Вот возьму тебя за горло, пока все угри не повылезают из твоего длинного носа! Я рассказываю историю, от которой зависит моя жизнь, а у тебя хватает наглости совать свой...

— Господа! — буркнула старая дама. — Вмешательство было невоспитанным, ответ — излишне эмоциональным. Продолжай свою недоказуемую сказку, майстер Омар.

— Недоказуемую сказку? Как вы можете судить? И как мне теперь восстановить тот настрой, то волшебство, ту тайну, то безошибоч...

— Ну, ты, трепло! — перебил купец, который успел проснуться и теперь кисло созерцал меня со своего кресла у огня. — Ты уже не в первый раз намекаешь на то, что этот твой «Гомер», или как там его, — что это ты сам и был, двести лет назад. Ты считаешь нас слишком доверчивыми или суеверными, поддающимися запугиванию настолько, что мы спасем тебя от законной расплаты? Не забывай, ты всего лишь убийца собаки и незадачливый конокрад, и все твои хитроумные намеки насчет бессмертия не спасут твою задницу от мороза за дверью... Прошу прощения, майне дамен.

Актриса ухмыльнулась.

— Мне казалось, мы договорились, — холодно ответил я, — что мое имя на протяжении столетий использовалось для обозначения сказителей. Одного из них, участвовавшего в описанных событиях, я и имел в виду.

— Ты сказал «мы»! — заявила актриса.

— Я мог увлечься сюжетом и перейти к рассказу от первого лица. Такое бывает.

Гвилл бросил на меня тревожный взгляд, хотя мне казалось, что его-то я убедил более, чем остальных.

— Мне кажется, мы можем позволить майстеру Омару продолжать, — прохрипел он.

— Я отказываюсь! Этот раунд состязания надо объявить ничейным и аннулировать.

Старый солдат улыбнулся, как кот, сожравший особо жирную канарейку.

— С каких это пор правила устанавливаются победителями?

— Если майстер Омар так убежден в своем бессмертии, — едко заметила актриса, — не понимаю, почему же тогда его так беспокоят враждебные намерения нашего хозяина?

Я никогда не утверждал, что нечувствителен к боли. Кроме того, доказать, что ты смертен, можно только одним способом — именно поэтому я никогда и не пытался этого сделать.

Ухмыляясь, Фриц поднялся с места.

— Пожалуй, пойду принесу дров, майне дамен унд геррен. Надеюсь, стук топора или вой волков в лесу не потре-

вожат вашего разговора. — Он взял меня одной рукой за шиворот и без усилий оторвал от пола. — Пожелай господам доброй ночи, Омар.

— Минуточку! — Старуха пристально посмотрела на нотариуса; бледный лоб ее морщился как пенка на горячем молоке. — Что именно смутило тебя в небылицах мастера Омара?

Небылицы! Если б я мог дышать, я бы не преминул возмутиться подобному утверждению.

Законник облизнул губы.

— Он опустил в своем рассказе любопытные события, имевшие место между военными действиями и основанием Верлийского царства.

Я издал возмущенный хрип.

— Опусти его на пол, трактирщик! — приказала старуха.

Фриц опустил меня так, чтобы ноги мои касались пола.

— Я как раз собирался рассказать об этом, — просипел я; голос мой при этом не уступал голосу менестреля.

— Значит, теперь уже не расскажешь, — заметил Фриц и снова поднял меня.

— Что тебе известно об этих событиях, мастер? — Старуха смотрела на нотариуса с открытым недоверием.

В его усмешке было мало юмора, зато полным-полно хитрого самодовольства.

— Эта информация не открывается просто так, сударыня.

Купец одобрительно ухмыльнулся:

— Мастер Тиккенпайффер является неплохим знатоком этого вопроса. Он изучал его по моей просьбе.

— Неужели? — Старая карга переглянулась с солдатом. — А ты, Омар, знаешь ли ты что-нибудь об этом? Омар? Трактирщик, будь добр!

Снова Фриц опустил меня так, чтобы ноги мои коснулись пола. Я перевел дух и даже ухитрился слегка кивнуть. До сих пор до меня не доходило, что нотариус как-то связан с бургомистром и его в высшей степени одаренной невестой, но в данный момент у меня были другие причины для беспокойства. Например, то, как Фриц молча сжимал воротник своей старой куртки.

Старуха снова контролировала ситуацию в помещении.

— Тогда, возможно, ты поделишься с нами вашими познаниями, майстер Тиккенпфайффер? И мне кажется, мы можем позволить Омару дополнить его — на случай, если ему известно что-нибудь существенное.

Фриц сунул меня обратно на лавку. Я сидел, открыв рот, как выброшенная на берег рыба. Фриц шагнул к камину и бросил в огонь последние два полена, потом вернулся на свое место, не спуская с меня хищного взгляда.

Я вспомнил, как мой старый друг Благодрав Суфский всегда советовал возлюбить врагов своих, но желательно на безопасном от них расстоянии.

Купец откинулся назад, вытянув ноги и сложив руки на пузе. Актриса напустила на себя самое скромное свое выражение — то есть напоминала не свернувшийся еще сыр. По мере того как сознание возвращалось ко мне, я начинал ощущать в помещении новую напряженность. Солдат держался начеку; даже маленькая служанка стиснула пальчики так, что они побелели. Выходит, не один я никак не соотносил до последнего момента нотариуса с этими двумя.

— Если мой клиент пожелает, чтобы я изложил суть дела, — чопорно заявил законник, — я могу поведать некоторые факты в доступной интерпретации. Вам они могут показаться несколько странными, однако прецеденты заграничной юриспруденции, вне всякого сомнения, отличаются от порядка, заведенного в цивилизованных краях вроде... — Он слегка закашлялся. — Должен заметить, что горло мое несколько пересохло от жаркого огня, бургомистр.

Купец раздраженно кивнул трактирщику. Пока Фриц ходил с кувшином за пивом, майстер Тиккенпфайффер перечислял свои ученые звания. Судя по всему, он был первым законником в Бельхшлоссе, и не могу сказать, чтобы соседство с ним слишком радовало меня. Вслед за этим он пустился в нудное перечисление исторических фактов, начисто лишив рассказ пафоса и драматизма.

Надеюсь, ни один сказитель такого уровня никогда не предстанет перед моим судом — смертный приговор ему обеспечен, что бы он там ни рассказал.

Однако, доведись мне рассказывать эту историю, она звучала бы примерно так.

15. РАССКАЗ, КОТОРОГО МЫ НЕ УСЛЫШАЛИ ОТ НОТАРИУСА

Я догнал армию в долине Дубглас, за Кладбищенским перевалом. Приближался вечер, погода заметно портилась, и даже скалы скрылись в снежной мгле. Ветер дул мне в лицо, так что я чуть не наткнулся на копыя первого поста. К счастью, я знал пароль, и меня безотлагательно проводили в освещенный шатер к сержанту. Мои бумаги были подписаны самим Дуссом и скреплены замысловатыми печатями, они произвели бы впечатление на любого. Не знаю, умел ли сержант Кровоклятв читать, но это не имело особого значения, ибо он помнил меня по Брусничному озеру и холму Одинокого Дуба. Скоро я оказался у костра, в окружении старых друзей, за миской варева, скорее согревающего, нежели питательного, но от этого не менее желанного.

— Эй, грядет заваруха! — объявил рядовой Конененавистник. — Каждый раз, как нагрянет Гомер, жди неприятностей!

Это правда: в дни, полные тяжелого ожидания, из которых по большей части и состоит любая война, я ухожу в места, где творится что-то поинтереснее. История творится не только армиями. Обыкновенно я полагаюсь на богов, не дающих мне опоздать к началу событий, вот и теперь пришел вовремя. Так что по-своему Конь был прав.

При всем при том, сказал я ему, неприятности грозили ему и без моего участия. За последние полгода его трижды продвигали в звании до сержанта, не так ли? И каждый раз понижали обратно?

— Четырежды, — признал он, ухмыляясь беззубым ртом. Дважды в один день, у Брусничного ручья.

Да, день тогда выдался хоть куда, согласились остальные. Вот бы еще таких. Взять хотя бы тех пленных, привязанных собственными кишками к деревьям, — что еще нужно человеку? Да нет, много чего еще можно придумать. Они начали вспоминать, что они сделали со следующей группой пленных, и со следующей, и что будут делать с ними в дальнейшем... Я сидел и собирал истории.

Меньше года назад Верн поднял знамя восстания, пообещав восстановить демократию и свергнуть кровавого тирана. Он начал войну с отборными отрядами из беженцев, альгазанийцев по рождению и подготовке, — одним словом, с профессиональной армией. Местные жители были тогда почти что дикими зверями, доведенными до этого состояния жестоким правлением. Зато они умели ненавидеть. Мужчины, юноши, даже женщины с детьми тысячами стекались, чтобы присоединиться к восстанию. Война подарила им смысл жизни и возможность отомстить. Они поглотили элитные отряды, слившись в едином могучем восстании, исполненные решимости утопить тирана в собственной крови или погибнуть.

Людей крепче этих мне еще не доводилось видеть, а за свою жизнь я повидал немало разного. Они ненавидели своих врагов, не жалея ради мести собственных жизней. Они преследовали всадников по руслам полузамерзших рек — я сам видел это не раз. Если дюжина повстанцев должна была погибнуть для того, чтобы убить одного врага, на это вызывалось две дюжины добровольцев. Все время, пока перевалы оставались закрытыми, Вандок не мог рассчитывать на подкрепления; его войско стремительно таяло, страдая от нехватки людей, и провианта, и стрел. Все шло к тому, что скоро он останется один. К тому же преимущество в войне на истощение было на стороне пехоты.

Бросать пешее войско против кавалерии считается делом безнадежным, ибо ни та, ни другая сторона не могут нанести решающий удар. Пехота может удержать укреплен-

ный пункт, но не территорию. Всадники могут перерезать пути снабжения неприятеля, но не могут причинить ему ущерб достаточный, чтобы вытеснить его из укрытия. Ни одна сторона не может победить. Разумеется, в конце концов одна из сторон сдастся, но только тогда, когда воевать уже не за что.

В этом случае у варваров имелось одно, но значительное преимущество: их женщины и дети находились в полной безопасности за горами. С другой стороны, они встретились с единственной известной мне армией, которая боролась с кавалерией, ложась перед ней на землю. Ни один конь не пойдет по живому ковру. Кроме того, варвары попадали в силки, проваливались в ямы на колья или напарывались на острые колючки, которые повстанцы кораблями привозили из Альгазана. В начале войны у Верна имелось несколько небольших кавалерийских отрядов, но каждую трофейную лошадь ставили в строй. Что делалось с пленными, я уже сказал.

Я видел множество свирепых воинов, но ни одной страшнее Зимней Войны.

Посидев у костра час или около того, я начал терзаться нетерпением. Я встал и пошел в лагерь. Огни едва просвечивали сквозь пелену падающего снега. Судя по запахам, я проходил мимо быков, лошадей и мулов, походной кухни и выгребных ям. В конце концов я нашел шатер военачальников. Незамеченным проскользнул я мимо часового и чуть не наткнулся на человека, стоявшего на коленях в снегу и бормочущего что-то. Я обогнул его и другого, делавшего то же самое, и уперся в третьего, встающего с колен. Когда он сделал шаг, я узнал Дусса и окликнул его. Он резко обернулся, положив руку на меч.

— Гомер! — поспешно напомнил я ему.

Он перевел дух.

— Ха! Вот теперь я понимаю, что у нас сложности. Ты ведь всегда оказываешься в решающие моменты, разве не так? — Он громко засмеялся.

— А что за решающий момент сейчас?

В Дуссе почти невозможно было теперь узнать того юнца, которого я повстречал прошлым летом. Его борода здорово отросла, он возмужал, и его глаза были глазами убийцы. Он кутался в шерстяные одеяла и походил больше всего на двуногого бычка, занесенного снегом. Армия за глаза звала его «Генерал Голова», а его брата — «Генерал Отвага». Это были справедливые прозвища, но за этот год Голова стал храбрее, да и Отвага много чему научился.

— Военный Совет. Пошли со мной, Меняла Историй. — Он взял меня за руку и почти потащил по протоптанной в снегу узкой тропинке.

— В чем проблема?

— Какая проблема? Война закончилась. Вандок отступил через Кладбищенский перевал.

— Значит, вы заперли его там? И можете выкурить оттуда голодом?

Дусс усмехнулся и пропустил перед собой в большой шатер. Внутри не было ни стола, ни печки. Только тусклая лампа висела на столбе, а вместо пола была мешанина из снега, грязи и травы. Несколько разноцветных тюков заменяли стулья. На одном сидел Верн, рядом с ним — двое альгазанийских советников. Никто даже не поднял головы, когда мы вошли.

Верн единственный во всей армии ежедневно брился и почти никогда не снимал шапки. Если бы не эти предосторожности, он был бы настолько похож на врага, что какой-нибудь фанатик наверняка убил бы его. Поначалу я и сам недооценивал верзилу с обветренным лицом и неспешной речью. Как и вся армия, я считал, что думает в семье один Дусс. Теперь я знал, что и Верн мастер неплохо рассуждать, только по-своему, неспешно и обстоятельно. Обыкновенно он приходил к верному решению. В бою же, где нужна стремительность, он мог и не думать — с мечом в руке он перемещался как солнечный блик по воде.

Все новые люди заходили в шатер, стряхивая снег с одежды, вытирая мокрые глаза и бороды. По стенам метались тени.

Армии тоже необходимы свои боги. Солдаты возят с собой священные реликвии, поют гимны, совершают жертвоприношения, советуются с авгурами. Один раз я видел, как бог сам, лично вел войско в бой, но это была моя первая встреча с богом в те времена, когда богов было почти столько же, сколько смертных. Какое они оказывают влияние на саму битву, я не могу знать. Боюсь, что очень небольшое. Домашние боже-ства должны чувствовать себя в бою не в своей тарелке, к тому же они не могут не понимать, что навлекут на себя гнев Хола, если их старания приведут к серьезным последствиям. Тем не менее они дают советы и обмениваются разведанными. Вандок не мог бы почистить зубы так, чтобы Верн не узнал об этом. Военный Совет был прерван как раз для того, чтобы каждый участник мог выйти и посоветоваться со своим богом. Теперь пришло время принимать решение.

— Мы победили! — прошептал Дусс мне на ухо. В голосе его слышались истерические нотки. — Мы можем оставить здесь небольшой гарнизон и уйти! Уйти на юг, к теплым ваннам и чистым одеждам! Мягким постелям! К еде! О, боги моих предков! К женщинам! У Вандока нет сил для новой атаки. Он проиграл.

— Вы можете уморить его голодом? — спросил я снова. Я не стал добавлять: «Не уморив при этом голодом и себя?», но подумал это, и Дусс это понимал. Только сильный гарнизон сможет предотвратить попытку прорыва.

— Наверняка. Мы запрем его, перекрыв этот конец ущелья.

— Действительно так? У него полным-полно конины. Погода тоже долго не продержится. Что, если случится оттепель?

Дусс молча смотрел на меня в упор. Потом посерьезнел и вздохнул, сдаваясь.

— Будет оттепель или нет, сам Вандок может бежать. Ему придется бросить лошадей и раненых, но сам он может одолеть перевал и вернуться в степи.

— А на следующее лето?

— Он вернется, или мы сами нагрянем к нему... Гомер, мы не можем продолжать погоню! Люди валяются с ног! Передышка необходима нам так же, как Вандоку.

Правда? Конечно, обеим сторонам нужны были отдых и перегруппировка. Однако учитывая то, что обе армии практически не могли сражаться на такой не приспособленной для этого местности, Вандок выигрывал от передышки гораздо больше. Он выигрывал еще и потому, что мог в будущем рассчитывать на свежие силы, тогда как страна Верна лежала в развалинах. Уйти сейчас означало бы провалить и эту кампанию, и следующую.

Обдумав это, я понял, что имел в виду Дусс. Альтернатива была еще хуже. Сейчас важен только Вандок, и он почти наверняка сможет уйти. Для Верна попытка преследования — вести измотанную армию без запасов продовольствия через зимние горы в земли неприятеля — почти верное самоубийство. Он рисковал всем, а что получал взамен? Лиги пустой травы? Там не было ни городов, чтобы их разрушить, ни замков, чтобы брать их штурмом. Вандок может раствориться в степях, а может сделать петлю и отрезать вторгшуюся армию от перевалов.

Теперь были заняты все места, кроме одного.

— А что говорит Крав? — спросил я.

Дусс фыркнул.

— Крав — дракон, — только и сказал он и пошел занять место рядом с братом. Я остался стоять в углу, где никто не обращал на меня особого внимания. Верл сказала Дуссу и Верну, что мне можно доверять, и мне доверяли. Это ее способ отблагодарить меня, решил я. Интересно, какой совет дала она Верну?

Братья поделили богов. Дусс остался Гордуспехом Кравским, а Верн теперь Верноместь Верлийский. Он взял себе бога матери. На отцовского он не претендовал в силу известных причин.

— Давайте решать, — произнес Верн, и разговоры разом стихли. — Яснонадежд?

— Гардильф говорит, что нам лучше отойти, — ответил первый. Что-то в его голосе сказала мне, что сам он не обязательно согласен с советом своего бога.

— Многодостой?

— Локир советует нападать, — сказал следующий еще мрачнее.

— Прямоклинок?

Верн спросил всех по очереди. Альгазанийские советники взирали на происходящее с такими непроницаемыми лицами, что это уже говорило о многом. Вскоре стало ясно, что голоса богов разделились поровну, равно как и голоса смертных. И наконец:

— Гордуспех?

Дусс пожал плечами:

— Ясное дело, Крав советует нападать! А что говорит Верл?

С минуту брат молчал. Мысли Верна походили на льдины — такие же неспешные и неотвратимые. Потом он встал, и его рост и зимние одежды превратили его в настоящего великана. Я гадал, что сейчас будет. Люди не встают, чтоб объявить об отходе. Верн был боец по натуре.

Он обвел всех тяжелым взглядом кулачного бойца.

— Верл сказала, что все дело в Холе. До сих пор Хол не вмешивался. Малым богам не дано знать, вмешается ли он в это и если вмешается, то как. Она сказала, что вопросы жизни или смерти должны решаться смертными. Вы поделились поровну, и боги тоже. Кто-то должен разрубить этот узел. Оспаривает ли кто-нибудь мое право?

Кто-то начал говорить и осекся под тяжелым взглядом вождя.

— Отлично, — подытожил Верн. — Я говорю, что отступлением войны не выиграть. С рассветом мы войдем в ущелье. Мы будем преследовать врага до тех пор, пока у нас есть враг. Мы будем биться до последнего человека, на чьей стороне бы он ни оказался.

Он не сделал паузы, чтобы дать им выразить свою радость. Это было не в его духе. Точно так же, приняв решение, он больше не слушал никаких доводов против. Он начал говорить о насущных делах: о построении обоза, о шатрах, о снабжении войска. Я вглядывался в окружающие его лица. Я увидел на них мало восторга, гораздо больше страха, сомнений и злости. Дусс и несколько других просто сморщи-

лись в отчаянии. И это высшие офицеры! Если Верну удастся повести завтра армию в бой, ему придется делать это исключительно силой воли.

В чем-то он не уступал своему отцу.

На следующее утро освободительная армия, несмотря на пургу, втянулась в Кладбищенское ущелье, заполнив его от края до края. Потери с обеих сторон были значительны, но погода и рельеф не давали возможности использовать кавалерию. Пеший строй, как приливная волна, гнал варваров перед собой. К наступлению темноты варвары остались без своих скакунов и пытались уйти, карабкаясь по склонам на четвереньках. Верн со своими воинами преследовал их.

Потом тучи рассеялись, и битва продолжалась при лунном свете, постепенно перемещаясь все выше, на ледник. Стало заметно холоднее. Пальцы примерзали ко льду и металлу. Люди срывались в трещины. Многие падали в снег и замерзали. Настоящего боя уже не было. Варвары бежали, повстанцы преследовали, и этому, казалось, не будет конца.

Если во всей этой сумятице и было какое-то подобие фронта, от него не осталось и следа с восходом солнца. Свет принес с собою куриную слепоту и лавины. Люди просто боролись за выживание в этом белом аду. Отступить было уже поздно.

С наступлением вечера остатки войска спустились в лес ниже границы вечных снегов. Люди падали вповалку и засыпали. Никто не ждал нападения, потому что врагов не осталось. После восьмидесяти лет страданий народ Междуморья отогнал варваров прочь, за границу.

Насколько было известно, Вандок был еще жив, хотя от войска его не осталось ничего. Впрочем, варвары вполне могли собрать новое, и довольно быстро. Он мог контратаковать вторгшуюся армию, он мог прорваться обратно через более легкое для прохождения ущелье и окружить ее.

Даже Верн не знал, что будет делать дальше. Теперь все было в руках богов.

Жаль, что сам я не видел того, что сейчас описал. Я догнал войско только к середине следующего дня.

Верн оставил Дусса наладить снабжение, и он организовал пеший караван из более чем четырех тысяч носильщиков. Караван змеей тянулся по ущелью, через ледники и вниз, по противоположному склону. Если вам еще ни разу не доводилось пересекать горный перевал с мешком провианта на плечах, настоятельно рекомендую попробовать. Незабываемое ощущение. Во время подъема мне казалось, что мое сердце разорвется от напряжения. На самом верху я беспокоился уже за свои легкие. Под конец я был уверен, что до конца жизни не смогу больше разогнуться.

Но хуже всего было опоздать к самому интересному: группа старейшин варваров уже явилась под белым флагом в лагерь Верна и передала Вандока в руки его сына.

Я пропустил и последовавший за этим спор. Никогда еще не выказывал Верн столь достойной вождя мудрости, чем тогда, когда спас своего пленника от толпы, — та неминуемо растерзала бы его на клочки. Рассказы свидетелей, что я собрал позже, были столь противоречивы, что в целом от них не было никакого толка. Ко времени, когда я смог сбросить мешок с провизией, с которым сроднился, все военное руководство уже отправилось к пещере Хола.

Я бегом бросился вслед за ними. Ущелье находилось всего в нескольких лигах от лагеря, и я могу с гордостью сказать, что нагнал идущих последними всего через пару часов.

У меня были очень удобные сапоги.

Священная долина была запретным местом — небольшое ущелье с довольно пологими скалистыми склонами, почти начисто лишенное растительности. Чуть выше начинаются отвесные утесы, которым ветер придал причудливую форму. Я сомневаюсь, что солнце даже весной попадает в эту долину, даже в разгар лета. На заре этого зимнего дня она казалась рекой ледяной черноты. Ветер завывал в скалах над головой, и каждый новый порыв объявлял о своем приближении хором раздраженных воющих голосов, от которых начинало ломить зубы.

На склонах чернело множество отверстий, но пещера Хола была самая большая и отличалась от остальных белым пе-

редником костей, спускающимся до самого дна ущелья. До Вандока варвары приносили в жертву своему богу только животных, но вот уже тридцать лет приношениями служили юноши и девы, пригнанные сюда из Междуморья. Стаи стервятников кружили в небе или сидели на скалах, ожидая, пока мы уйдем, оставив им привычное пиршество.

Карабкаться вверх на эту гору черепов и ребер было, наверное, нелегко и весьма неприятно даже самым фанатичным приверженцам Хола. Поэтому чуть поодаль от дороги ответвлялась тропинка, ведущая наверх, к пещере. Пока войско стояло и смотрело снизу, группа вождей начала подъем. Первым шел Верн, за ним следовали его старшие офицеры, а с ними один меняла историй. Вандок шагал в окружении охраны, и замыкали шествие старейшины варваров. Все мы были по уши закутаны в меха и со стороны напоминали, наверное, шествие троллей. Свирепый ветер сдувал и уносил прочь облачка пара от нашего дыхания.

К удивлению своему, я обнаружил, что бреду по тропе рядом с Дуссом, который, по моему убеждению, должен был находиться еще в Кладбищенском ущелье. Судя по его виду, он не спал со времени нашей последней встречи и казался сильно встревоженным.

— Что, — задыхаясь, спросил я, — задумал Верн?

Он хмуро покосился на меня своими покрасневшими глазами.

— Лучше ты мне скажи. Ты у нас рассказчик. По-моему, он рехнулся.

— А что говорит Крав?

— Крав считает, что он сошел с ума.

Да? Это мало утешало. Я перевел дух.

— Но он советовался с Верн?

Я не разобрал ответа Дусса, но мне послышалось что-то вроде «Чертов Голубь!» Возможно, это мне только послышалось — не могу поверить, чтобы он так отзывался о божьей матери.

Наконец мы поднялись к самому входу в пещеру. Внутри было темно. Над нами громоздились причудливые скалы. Ветер врывался и вырывался из пещеры, бормоча и вздыхая,

словно исполинское чудовище. Я пожалел, что в голову мне пришло подобное сравнение.

Верн приказал старейшинам стать у противоположного края отверстия, а сам с Вандоком стал прямо перед ним.

Я в первый раз видел тирана с того дня в Кайламе, когда тридцать лет назад он прилюдно надругался над дочерью убитого врага — омерзительно изнасиловал беззащитную женщину, открыв долгую эру насилия над целым народом. Тогда он являл собой этакий образчик мужественности — жестокий и мстительный, конечно, но внешне привлекательный, высокий и мускулистый. Даже в жестокости своей он казался злым, но божеством. Теперь он был просто крупным. Бесформенный в зимних одеждах, состарившийся за годы успеха и месяцы поражения, он шел тяжелой, плоско-стопой поступью старого кавалериста. Его борода была бела как снег. Только безумный взгляд из-под надвинутой теплой шапки выдавал в нем садиста, убившего тысячи невинных людей и втоптавшего в грязь целый народ.

Верн был одного с ним роста, но стройнее. В нем не было огня, да и не будет никогда. Он был тружеником. В руке он держал обнаженный меч, и еще один висел у него в ножнах на поясе. Увидев это, я начал догадываться, что произойдет.

Ветер продолжал выть и стонать.

— Святой Хол! — крикнул Верн. — Услышь мою молитву!

С минуту слышалось только рыдание ветра. Потом пещера будто вздохнула.

— Кто — ты? — пророкотала она.

Волосы у меня встали дыбом, чуть не сбросив шапку. Мне и раньше доводилось слышать оракулов, но я не ожидал ничего, кроме неразборчивого бормотания, разобрать и перевести которое могут только жрецы. В сказанном же этим ужасным голосом невозможно было сомневаться. Я упал на колени, и все вокруг меня тоже.

Верн продолжал стоять, высоко подняв свой меч.

— Я — сын Вандока и Белорозы, рожденный от насилия, выросший для мести, одушевленный ненавистью. Признай меня!

На этот раз пауза тянулась дольше. Потом пещера снова всосала в себя ветер, и чудовищный голос выдохнул:

— Ты — тот — за — кого — себя — выдаешь.

Вандок вскрикнул. Он пал на колени и протянул к пещере свои длинные руки.

— Святой Отец! Я же Вандок, сын твой, которого ты признал как семя Ханнаила, твоего избранника!

— Да — это — ты.

— Я приносил тебе жертвы! — взревел Вандок. — Каждый день приносил! Я проливал кровь во славу твою! Не бросай же меня сейчас!

Ветер завывал, пронизывая меня до костей. Пещера молчала. Мы ждали, и наконец голос послышался снова, но тише и не так разборчиво.

— Я устал от крови. Мне дурно от крови. Уйди! Уйдите все!

— Я тоже твой сын! — возгласил Верн. — Признай меня! Я заявляю права на Междуморье, согласно твоему же предсказанию. Я заявляю права на трон царства варваров — по праву победителя.

Теперь пауза продлилась еще дольше.

И при чем здесь свобода и демократия?

— Да, он совершенно спятил, — пробормотал Дусс. — Защити его, Крав! Защити его, Верл!

И тут раздался оглушительный рык.

— Докажи это! — произнес бог.

Верн явно надеялся именно на это. Он швырнул меч наземь перед тираном и выхватил второй.

Зрители внизу могли и не слышать голосов смертных, хотя я не сомневаюсь, что не услышать голоса Хола они не могли. Но жест они увидели наверняка, и по рядам их прокатился сердитый ропот.

Вандок не встал. Он повернул голову и презрительно посмотрел на бросившего ему вызов.

— Ты готов убить родного отца, щенок? — Сыновей, убитых им самим без сострадания, он не вспоминал.

— Я отомщу за свою мать! Я отомщу за тысячи погубленных тобой жизней! Встань или умри на коленях, скотина!

Вандок швырнул в Верна подвернувшимся под руку черепом, схватил меч и вскочил на ноги. Верн уклонился от снаряда и парировал удар. Лязг металла отразился эхом от пещеры и чуть позже от противоположного склона ущелья, но вслед ему уже летел новый лязг.

С минуту бойцы обменивались чудовищными ударами, каждый из которых мог бы свалить дуб. В ущелье стоял звон, как в кузнице. Потом Верн решил сменить позицию. Нога его скользнула по кости, он оступился и упал. Вандок взмахнул мечом. Верн перекатился, уворачиваясь, и продолжал катиться вниз по склону. Вандок не давал ему встать, огромными прыжками спускаясь вслед за ним. Ветер стонал и рычал в пещере, заглушая крики зрителей.

Верн наконец смог задержаться и из полулежачего положения замахнулся мечом, целя им как косой по ногам Вандока. Вандок с лязгом отбил удар. Он ногами швырял кости со склона в лицо Верну. Верн схватил чей-то таз и с хорошо слышным глухим стуком угодил им по голове старшего соперника. А потом он стоял уже на коленях, парируя еще один дикий удар. «Бамм!» — пело эхо... Вот он уже поднялся на ноги, но Вандок все еще выше...

Бамм! Дзынь! Бах! Вандок продолжал атаковать сверху, Верн отбивался и все метил ему по ногам. Как только руки их от подобных ударов не выдергивались из суставов, я не знаю. Верн пытался зайти сбоку, Вандок продолжал удерживать его внизу. Медленно, шаг за шагом теснил молодой мститель старого тирана вверх по склону. Ветер уносил облака пара из их ртов. Я почти слышал хрип их легких. Бамм! Бац! Верн потерял где-то свою шапку, его волосы развевались на ветру, а блестящее от пота лицо исказилось от ненависти.

Все вокруг меня бормотали молитвы, но я сомневался, чтобы малые боги осмелились вмешаться здесь, так близко от обители Хола.

Бойцы почти вернулись на место, где начался поединок. Только молодые мускулы могли выдержать такую чудовищную нагрузку столько времени, и старый боец не мог не ошибиться. То ли он неправильно оценил удар противника,

то ли у него дрогнула рука... острое меча Верна отбило его собственный меч и ударило его по кисти. Послышался хруст костей, и эхо ужасного металлического звона стихло.

Даже ветер, казалось, затаил дыхание. Сжав окровавленный обрубок, Вандок поднял взгляд на своего палача. Плечи Верна содрогались от попытки сделать вдох, и, похоже, у него не было сил нанести последний удар. Потом он поднял свой меч.

Вандок повернулся и, спотыкаясь о кости, скользя и падая, бросился к пещере. Верн смотрел ему вслед, не двигаясь с места. Тиран исчез в черном отверстии входа.

Ветер вздохнул. Из пещеры донесся один последний вопль и унесся вдоль по ущелью. Я решил, что это был предсмертный крик Вандока, усиленный эхом, но, возможно, это все был только Хол.

Верн опустился на колени, отчасти в молитве, отчасти просто от усталости. Мы — зрители — склонили головы. Его противник не показывался, и никто из тех, кто слышал этот ужасный вопль, не рассчитывал, что он появится еще.

Мы оставались на местах, склонив головы и дрожа от ветра, до тех пор пока Верн не встал, пошатываясь, и не убрал трясущимися руками меч в ножны.

— Отец Хол, мы оставляем тебя в мире! — вскричал он. — Никогда больше не осквернятся твои склоны кровью. Но когда-нибудь мой сын явится к тебе и потребует подтверждения твоих обещаний, и его сын в свою очередь. Мое семя будет вечно править двумя странами.

Тишина... Ветер чуть шелохнулся. И из пещеры донесся последний, глухой рык:

— Да — будет — так!

Торжествующий рев вырвался из глоток солдат и заполнил долину, снова разбудив эхо. Эти люди видели трагедию и слышали голос бога. Они не слышали, что Верн провозгласил себя их царем.

Я повернулся к Дуссу и мы упали друг другу в объятия. Он смеялся и плакал одновременно. Я — тоже. Да и все остальные.

Я думал о Белорозе, пожертвовавшей собой ради этого. Спустя тридцать лет ее месть свершилась.

16. ИНТЕРЛЮДИЯ

Вот как следовало бы рассказать эту историю. Вместо этого нотариус бубнил бесконечные выдержки из свода законов, политических комментариев и религиозных трактатов. Любой рассказ может выиграть от достоверности, подтвержденной личным присутствием рассказчика на месте описываемого события. Для достижения этого эффекта недобросовестные сказители не гнушаются приписывать это присутствие вымышленным свидетелям. Разумеется, это не относится к собравшемуся здесь обществу.

Мои грезы оборвались. Я снова сидел в полутемной, холодной зале, освещенной лишь догорающим огнем в камине. Стропила над головой пощелкивали и потрескивали, приспособляясь к перепаду температур. А Тиккенпайффер еще не кончил своего рассказа.

— И в соответствии с полномочиями, данными ему вышеозначенным Холлом, Верноместь объединил под своей легитимной властью Семь Городов и степи в единое Верлийское царство...

Как легко все выглядело в изложении этого жалкого писаки! На это ушла жизнь целого поколения, и это Дусс сделал все, а вовсе не Верн. Дусс был в их семье политиком. В конце концов разве его брат не обещал восстановить в Междуморье демократию и только потом изобрел легенду, что это бог провозгласил его царем. Как следствие этого восстание еще долгие годы теплилось в подполье. Дусс предложил компромисс, согласно которому монарх правит, опираясь на советы избранных представителей. Схема была довольно громоздка, но не без достоинств. Люди получили кого-то, кого можно славить в хорошие времена, и еще кого-то другого, кого можно свергнуть к чертовой матери в плохие.

Я не остался в стране смотреть на все это. Я успел посмотреть — издалека — на царскую свадебную процессию и услышал в день отплытия весть о помолвке Дусса. Много лет спустя я услышал на базаре в далекой стране, что оба брака оказались удачными.

— Следуя прецеденту, который создал Верномость, — бубнил нотариус, — его сын Яснорассвет также посетил означенную пещеру, где вышеупомянутый Хол подтвердил его права как законного наследника.

И ни слова о восстановленных из пепла городах, о просвещении отсталых варваров, о пышной столице, в которую превратился Утом, что Посередине? Правда, многое из этого было осуществлено позднейшими правителями. На все это ушло больше века.

— Смерть Верночести, не оставившего наследника, создала новый, так сказать, специфический прецедент...

Я навестирил уши.

— Претенденты на престол предстали в конце концов перед вышеупомянутым Холом, и он сделал из них выбор, чем выказал, во-первых, свою готовность и в дальнейшем лично разрешать конфликты такого рода, а во-вторых, приверженность к сохранению основополагающего принципа прямого наследования. Дальнейший юридический казус имел место с восшествием на престол Чистожемчужины, каковую даму бог объявил царствующей императрицей — «к удивлению многих и зависти ее родных», как справедливо заметил ученый доктор Форштайн.

Я снова потерял интерес к рассказу. Огонь в камине почти догорел, заполнив комнату дымом. Ставни снова начали хлопнуть. Я обдумал свою дальнейшую стратегию. Кто-то в этом помещении знал то, что мне очень и очень хотелось знать.

Купец и его жена казались на редкость довольными. Если занудная диссертация майстера Тиккенпфайффера так нравилась им, значит, он не даром получает свои деньги.

С другой стороны, та часть лица старухи, которую я мог разглядеть под шапкой, была мрачнее некуда. Служанка сидела с обычной своей нечеловеческой скованностью — что

это такое с ней, право же? Лицо старого вояки было опасно непроницаемо; он откинулся на спинку скамьи, сложив руки и вытянув длинные ноги.

Итак, черта проведена, и команды выстроились лицом к лицу. Только Гвилл-менестрель не принимал участия в игре. Он сидел, низко опустив подбородок, закрыв опухшие глаза и время от времени издавал хрипящие звуки.

— Бургомистр? — резко спросила старая дама. — Могу я поинтересоваться, какой у вас интерес во всем этом?

Купец утробно хохотнул.

— Религиозные привычки далеких народов могут представлять собой значительный культурный интерес, не так ли, сударыня? Во всяком случае, всегда приятно, что не приходится им следовать. В данном случае...

Я вежливо кашлянул. Неприязненные взгляды присутствующих обратились ко мне.

— Если наш ученый друг закончил свой доклад... я хотел сказать, рассказ... возможно, сейчас моя очередь отвечать на него?

— Вздор! — буркнула старая ведьма. — Время болтовни прошло. Это серьезное дело.

Фриц с неприятным шуршащим звуком потер руки и встал, огромный и зловещий.

— Неужели, сударыня? — удивился купец, сдвинув густые брови. — И что же это за дело?

— Мне показалось, — поспешно вмешался я, — что, поскольку мне посчастливилось побывать в Верлии всего несколько лет назад, я мог бы просветить вас насчет нынешнего состояния дел.

— Вздор! — повторила старуха, игнорируя меня и уставив взгляд в сидевшего напротив купца.

— Мы с Омаром прогуляемся к поленице, — сообщил Фриц, протягивая руку к моему вороту. — Я скоро вернусь.

— Свежероза! — крикнул я.

Взгляды всех присутствующих вновь обратились ко мне. Даже Фриц заметил эффект, произведенный этими словами. Он застыл, занеся свою огромную клешню над моей шеей.

Первым заговорил старый вояка.

— Когда именно, Меняла Историй, ты был в Верлии?

— В последний раз, капитан? Должно быть, двадцать лет назад.

Если люди уверены, что ты лжешь, на тебя всегда как-то особенно смотрят. Я встречался с этим и раньше, два или три раза, и именно так смотрел на меня своими прищуренными глазами старый воин. Мне не понравилось то, как его пальцы играли на эфесе меча.

— Я был тогда моложе. Не старше, как вы предположили раньше. Возможно, мой возраст не так заметен по моей внешности. Преимущества добродетели и здорового образа жизни.

Он скривил губу. Никого — за исключением, быть может, юного Гвилла — мои слова не убедили. Толстые пальцы Фрица придвинулись ближе.

— Я видел князя Древнерода Баргарского. Он слегка косил левым глазом.

Капитан Тигр вроде бы перестал кривиться.

— Ты мог видеть и портрет, — неуверенно пробормотал он. — На какую ногу он хроمال?

— Художники обычно более тактичны. Благородный князь не хроمال, когда я видел его.

Солдат вздохнул и повернулся к старой даме.

— Возможно, сударыня, на этот раз он не врет. Я ведь не упоминал это имя раньше, верно?

Это не произвело на нее впечатления.

— Насколько я помню, нет. Но нам необходимо обсудить вещи посерьезнее. — Она перевела взгляд на менестреля. — Майстер Гвилл?

Голова Гвилла дернулась. Он попытался кашлянуть и чихнуть одновременно.

— Сударыня? — пробормотал он.

— С такой простудой тебе лучше лечь. Хозяин, налей ему кружку твоего пива с пряностями. И покрепче! И, фройляйн Фрида, я бы не отказалась от еще одной чашки твоего травяного чая. Капитан Тигр, вам не кажется, что мы доста-

точно долго терпели этого конокрада? Возможно, самое время свершиться правосудию.

Напряжение в комнате достигло опасного уровня. По крайней мере мне казалось, что достигло. Фриц бросил на меня торжествующий взгляд, проходя мимо с медным кувшином. Все взгляды обратились к солдату. У него одного был меч.

Он неуверенно нахмурился. У людей его типа странные представления об убийстве. Холодное оружие вполне допустимо, а вот морозить человека до смерти — нет. С другой стороны, он явно находился в какой-то зависимости от старой ведьмы.

— Так какое дело вы имели в виду, сударыня? — Бургомистр Йоханн наслаждался игрой. Он не замечал тревоги в глазах своей жены.

— Загадку Свежерозы, конечно.

Он откинулся на спинку кресла и сложил пухлые руки на пузе.

— Я не вижу, каким образом это затрагивает вас, сударыня, но мне было бы интересно послушать, что вы можете сказать.

Она стиснула губы так, что они побелели.

— Я не вижу, каким образом это затрагивает вас! С какой стати вам вдруг потребовалось нанимать мастера Тиккенпфайффера, чтобы тот рылся в законах такой далекой страны, как Верлия?

Гвилл в полном замешательстве переводил взгляд с одного на другую. Фриц с Фридой маячили на заднем плане. Капитан, прикусив губу, оценивающе смотрел на меня. Старухина служанка продолжала сидеть с низко опущенной головой, вперив взгляд в сложенные на коленях руки, — ума не приложу, как ее шея выдерживала все это. Мастер Тиккенпфайффер ковырял в носу.

Я многозначительно посмотрел на актрису. Я достаточно ясно давал понять, что не покину помещения, не сказав пары прощальных слов, о чем она могла догадаться. Похоже, она меня поняла.

— Милый, — неуверенно сказала она. — Может, нам все-таки послушать, что майстер Омар скажет, прежде чем его... я хочу сказать, почему бы нам не выслушать то, что ему известно про Свежерозу?

Купец нахмурился. Возможно, он впервые заподозрил что-то... Как знать?

— Прошу прощения, майне геррен, — пробормотал Гвилл. — Но что это еще за роза такая?

На мгновение воцарилось молчание, словно никто не хотел говорить первым. Я открыл было рот, ибо меня всегда смущает молчание, но капитан опередил меня:

— Верлийское царство находится в состоянии анархии. Гражданская война готова разразиться с минуты на минуту. Династия, которую основал Верноместь двести лет назад, оборвалась в прошлом году со смертью Быстроклинка. Он не оставил ни одного известного наследника.

— О! — произнес менестрель, хотя озадаченное выражение его лица никуда не делось.

— Были, разумеется, претенденты, — заметил купец.

— Слишком много претендентов, — буркнула старуха, возвращая мяч.

Он смолчал.

Рука Гвилла сомкнулась на кружке, которую Фриц держал перед ним, но он, похоже, не замечал этого.

— Мне казалось, Хол обещал Ханнаилу, что его род будет править вечно?

— Совершенно верно, — ответил солдат. — И делегации ходили к священной пещере, чтобы испросить совета у бога.

Снова никто не изъявил желания продолжать.

— Я бы тоже выпил немного, — сказал капитан Фрицу. — Так вот, святой Хол оказался очень неразговорчивым. Он не признал никого из претендентов. Когда же к нему явилась третья делегация, он наконец сказал им, что они должны найти ребенка Свежерозы.

Гвилл сделал глоток, не сводя глаз с капитана Тигра в ожидании продолжения рассказа.

— У царя Быстроклинка, — сказал нотариус, — был сын, царевич Звздоискатель. Двадцать лет назад он сбежал с да-

мой по имени Свежероза. С тех самых пор про них обоих никто ничего не слышал.

— Бог упомянул их ребенка, — добавила старуха, — так что мы знаем, что сам Звездоискатель должен быть мертв. И Свежероза — тоже.

— Ха! — Купец резко выпрямился. — Откуда вам это известно, сударыня?

— Я знаю! А теперь вы мне скажите, почему все это так вас беспокоит?

Фриц ошивался где-то в опасной близости за моей спиной. Фрида принесла старухе ее чай.

Молчание. Делайте ставки, господа. Слева от меня Тиккенпфайффер Ужасный, бургомистр Йоханн, выступающий в весовой категории слона, и его хорошо известная жена. Справа от меня капитан Тигр Баргарский, безымянная служанка, находящаяся здесь с совершенно непонятной целью, и... скажем так, одна пожилая дама. Орешков? Сладостей? Покупайте сувениры!..

— Возможно, я могу несколько пролить свет на этот вопрос, — предложил я. — Все равно моя очередь отвечать на неопишемую лекцию нашего ученого друга.

— Только побыстрее. — Солдат отхлебнул из кружки.

Со злобным рычанием Фриц ринулся к камину, дотянулся до каминной полки, снял с нее маленькие песочные часы, перевернул их, поставил обратно и вернулся на свое место.

— Что справедливо, то справедливо, — заметил я, вставая. Ноги затекли. Мне пришлось долго идти пешком, а потом я слишком долго сидел. Я подошел к камину. — Ветер еще не утих, до утра далеко. История, которую я хочу рассказать, непосредственно связана с интересующей вас проблемой. Я постараюсь быть по возможности краток, но вы должны позволить мне делать это по справедливости. — Я положил песочные часы набок и вернулся на место. Сердце мое торжествующе колотилось. Впрочем, мне не стоило говорить об этом.

— Надеюсь, на этот раз меня не будут перебивать! Рассказ, который я поведаю вам, называется «Вознагражденное мастерство».

17. ОТВЕТ ОМАРА НА РАССКАЗ НОТАРИУСА

Ветры странствий забросили меня с Туманных островов в Верлию. Я сошел с корабля в Майто — городе, где я не бывал еще ни разу. За несколько часов он прочно завоевал мое сердце — маленький, но шумный портовый город с белыми стенами и красными черепичными крышами. Мужчины ходили без оружия, женщины не прятали красоту под чадрами. Дети смеялись, и даже нищие улыбались. Здесь были музыка, и цветы, и отличное вино.

Вскоре я нашел себе жилье в портовой таверне и по своему обыкновению начал зарабатывать себе на него с помощью языка. Я решил провести в этой возрожденной, процветающей Верлии некоторое время. Я решил посетить все семь ее городов и столько деревень, сколько ноги позволят.

Война и все ужасы ушли в прошлое. Монархия пользовалась народной любовью, в стране царил мир. Мужчины и женщины, по виду варвары, свободно ходили по улицам, одетые в такие же наряды, как исконные жители Междуморья.

При том, что я рад был видеть народ Верлии процветающим, я испытывал некоторое сожаление от того, что драматизм и отвага Зимней Войны оказались забыты так быстро. На второй день пребывания в Майто я нашел в заросшем уголке тенистой площади статую Верна, наполовину увитую плющом. Впрочем, сходство с оригиналом она имела весьма отдаленное, так что я не стал мешать голубям делать с ней все, что им хотелось.

На следующее утро ко мне явился посетитель. Таверна в этот час была почти пуста. Я сидел один, расправляясь с поздним завтраком — бисквиты, сыр и зрелые фиги — и прислушиваясь к деловому шуму порта за окном: крикам чаек, скрипу лебедок, голосам людей, звону конской упряжи. Впрочем, голова моя была занята больше отрывочными историями, услышанными мною накануне вечером. И тут на стол передо мной легли две мощные, волосатые руки. Владелец их сидел напротив меня.

— Скажи, ты — Гомер, Меняла Историй? — Голос у него был низкий, суровый. По нему можно было понять, что, окажись я не тем, чье имя он назвал, виноват в этом был бы только я сам.

Должен признаться, посмотрев на него, я зажмурился пару раз. Он был огромен и мускулист, но изумрудно-алая тога, накинутая на его левое плечо, была украшена веселеньким рисуночком из желтых котят. На правом же его плече красовались фиалки и ирисы на еще более веселом голубом. Между ними имел место лес черных волос и столь же черная бородища лопатой. Хоть в этих краях и питают склонность к ярким цветам, такое сочетание несколько выбило меня из колеи. Что до меня, то, поскольку казаться нездешним является существенной частью моей профессии, я был одет в кричаще подозрительную для любого коренного жителя Майто поношенную матросскую одежду.

В ответ на его вопрос я кивнул. Мой нос подсказывал мне «лошадь», мои глаза говорили «дорожная пыль», и еще, пожалуй, «пот», хотя одежда его была свежей. Он успел переодеться, но не вымыться. Спешка? Почему?

— Честнодоблесть Галмышский, — представился он. — У меня есть для тебя работа.

Его манеры раздражали меня — он вел себя так, словно исход нашего разговора предreshен заранее. Впрочем, при желании он вполне мог бы без особого труда вынести меня под мышкой, визжащего и лежащегося или в блаженно-бессознательном состоянии — как ему больше понравится. Воин? Похоже. Возможно, чей-то гвардеец. Он явно действовал по чьему-то поручению.

— Почту за честь узнать, чем могу служить тебе, Честнодоблесть.

Он нетерпеливо оглянулся, словно ожидая, что в дверь войдет его лошадь, готовая к отъезду.

— Один знатный дворянин хотел бы услышать что-нибудь из твоих историй. Он хорошо заплатит тебе. — Он сложил руки на столе, как бы собираясь встать.

Я отломил от краюхи кусок хлеба.

— Продолжай, — сказал я, запихивая его в рот.

Гость удивился, потом рассердился.

— Дом, где ты будешь выступать, находится в трех днях быстрой езды отсюда. Ты умеешь держаться в седле?

Я кивнул и продолжал жевать.

Он явно начинал закипать от ярости.

— Тогда за чем дело? Я же сказал, тебя хорошо вознаградят.

Я молча протянул руку ладонью вверх.

Свирепо вспыхнув, он полез под ирисы с фиалками и извлек оттуда кожаный кошелек. Осторожно оглянувшись, он высыпал в другую руку пригоршню золотых монет — так, чтобы я видел, — потом ссыпал их обратно и вернул кошелек за пазуху.

— Мой господин богат и щедр. — Он скрестил руки на груди, как бы предлагая мне попробовать отнять у него деньги силой.

Совершенно очевидно, это были все объяснения, которые он намеревался дать мне. Однако никто в Верлии не ждал меня, даже не подозревал о моем присутствии. Я не успел пробыть на берегу столько времени, чтобы слух обо мне прокатился на расстояние трех дней быстрой езды и заставил этого громилу скакать за мной. Когда боги имеют для меня какую-то работу, они обыкновенно посылают мне весть об этом во снах.

А я-то думал, я здесь в отпуске...

Я проглотил половину того, чем набил рот, и проямлил, жуя остальное:

— Скажи, кто меня приглашает?

Та часть лица Честнодоблести, которую можно было разглядеть над бородой, слегка покраснела.

— Я же сказал: знатный дворянин.

— А ему кто приказал?

Громила снова положил руки на стол и угрожающе наклонился вперед. Он явно считал себя оскорбленным уже тем, что его послали с таким поручением, а уж выслушивать возражения интересующего его господ объекта и вовсе представлялось ему невыносимым. Он обратился ко мне, как к слабоумному:

— Мой господин не принимает приказаний ни от кого, кроме самого царя. Тем более не отвечает он на вопросы таких, как ты.

— Он сам давал тебе поручение?

— Мне тоже не задают вопросов! Так ты отвергаешь мое предложение?

Меня так и подмывало сделать это — хотя бы ради того, чтобы посмотреть, что произойдет. Все же я решил, что это может плохо кончиться.

— Что означает: ты тоже не знаешь ответа, — безмятежно сказал я. — Ну что ж, зато я знаю. — Я встал и окликнул трактирщика сообщить ему, что я уезжаю. — Так чего мы ждем?

В вертикальном положении Честнодоблесть Галмышский был на голову выше меня. Кушак, которым был перехвачен его наряд, был сине-зеленого цвета с замысловатым узором из белых чаек и золотых дельфинов. Висевший на нем кинжал с украшенной камнями рукояткой служил, возможно, знаком различия. Он смерил меня неодобрительным взглядом.

— А багаж?

— Ничего, ради чего стоило бы подниматься вверх, — ответил я. — Прошу, показывай дорогу, ваша честь.

Мне не терпелось увидеть его со спины.

Так началась отчаянная скачка через всю страну, по цветущим долинам, по зеленым пастбищам, по холмам. Под мудрым правлением царя Верлия процветала, но у меня не было времени толком это рассмотреть. Меня уносило все дальше, мимо виноградников, садов, оливковых рощ, залитых солнцем бело-красных деревушек, и лошади наши редко переходили с галопа на рысь.

Честнодоблесть путешествовал не без блеска — четверо сопровождающих и две выючные лошади. Его люди не уступали ему яркостью одежд, что, впрочем, не мешало им мчаться во весь опор на пределе сил, и лошадей, и их самих. Мы проносились по стране подобно летней грозе — вздымая пыль,

распугивая крестьян и скот, разбрасывая деньги. На каждом постоялом дворе мои провожатые требовали лучших лошадей, сколько бы это ни стоило, и платили не торгуясь. На ночлег мы останавливались в лучших гостиницах, обедали по-царски, напропалую любезничали — не без успеха — с сельскими девицами и спали на шелковом белье. Какими бы павлинами ни наряжались мои спутники, наездники они были отменные и выносливые и рты держали на замке. Только с большим трудом, напрягая все силы, мог я с ними тягаться.

При том, что у меня почти не оставалось ни времени, ни сил на разговоры, я довольно быстро понял, что это за люди. Несмотря на царский указ, запрещающий частные армии, любой уважающий себя дворянин держал под рукой компанию молодых людей покрепче и хранил оружие в кладовой — просто так, на всякий случай. Официально я находился в обществе секретаря, флейтиста, краснодеревщика, архивариуса и художника-акварелиста. На деле — капитана, капрала и трех улан. На второй вечер мне довелось вместе с ними принять участие в потасовке с компанией юрголбианских циркачей — борцов с медведями. Они имели неосторожность оскорбить флейтиста в пивной. Мои спутники разнесли в пух и прах борцов, пивную и с дюжину других клиентов. Мне редко доводилось видеть столь методичный и тщательный процесс разрушения.

Людям, путешествующим вместе, редко когда удается воздержаться от неизбежного в долгой дороге сближения. Поначалу я считал мою охрану громилами и расфуфыренными франтами. Они же приняли меня за нищего, так что необходимость сопровождать меня оскорбляла их лучшие чувства. Некоторое подобие дружбы возникло на основе взаимного уважения. Они оценили мое обращение с лошадьми, а меня весьма впечатлили их способности по части мордобоя. Кроме того, мы сходились на почве интереса к женскому полу.

Я узнал, что они находятся на службе у действительно важного лица, Огнестреба Кравского, прямого потомка моего старого... я хотел сказать, легендарного Гордуспеха

Кравского. Дусса. Более того, Огнестрелб унаследовал владения и старшего сына Гордуспеха, став в результате фактическим главой клана и властелином Тихих Вод.

Потомки Верна продолжали находиться на троне, как и обещал Хол, однако род их был не особенно многочислен. Возможно, Верл намеренно ограничивала число рождающихся, дабы предотвратить споры из-за наследства. В тот год страной правил царь Высокочь Верлийский — даже сейчас цари не называли свой род именем Хола, кроме тех случаев, когда они посещали северные провинции. Высокочь имел репутацию волокиты, однако законных наследников у него было только двое, оба в отроческих летах.

Потомство Дусса, напротив, отличалось многочисленностью. Верлия просто-таки кишела его наследниками — князь такой-то Кравский, князь сякой-то Кравский и так далее. Я не знал, правда, поклоняются ли они до сих пор тому же единственному драконьему зубу, или бог чудесным образом поделился на всех. Сколько у дракона зубов? Впрочем, главное, я считал, что знаю теперь, кто вызвал меня и с чего вдруг такая спешка. Драконы никогда не отличались терпением.

Я ошибался. Такое со мной бывает.

Первые подозрения в том, что я пришел к неверному заключению, появились у меня в последний день поездки. День клонился к вечеру, мы скакали во весь опор с самого рассвета, и солнечные лучи больно били по глазам. Я был не в настроении любоваться пейзажем, но все же отметил про себя, что мы приближаемся к большому озеру с поросшими густым лесом берегами.

Вдруг Честнодоблесть крикнул что-то Звздоцелю Фунскому, молодому художнику. Я обернулся и увидел, что тот вглядывается вдаль, заслонив глаза рукой от солнца. Потом тот прокричал в ответ что-то утвердительное.

К моему удивлению, Честнодоблесть тут же сбавил ход, объявив, что нам незачем переутомлять лошадей. Мы двинулись дальше неспешной рысью. Я понял, что мои спутники явно испытывают облегчение.

Я подогнал свою лошадь ближе к нашему предводителю.

— Откуда вдруг такая забота о животных, капитан?

Он ткнул пальцем вперед.

— Тихие Воды.

Над верхушками деревьев в дальнем конце озера виднелось несколько шпилей.

— Так это и есть Тихие Воды? И что из этого?

Честнодоблесть фыркнул с обычным презрением военного к штатскому.

— Всему свое время, мастер Гомер.

Вот тебе и дружба! Впрочем, никто из нас не знал, что на самом деле стояло за его заданием доставить меня, и это снова раздражало его теперь, когда до цели уже рукой подать.

Я взгляделся в пейзаж впереди, стараясь обнаружить то, что так успокоило моих спутников. Мне это не удалось. Не удалось мне это и тогда, когда мы, грохоча копытами, пересекли мост и въехали во дворец Огнеястреба. Будучи иностранцем, я не узнал царский штандарт, реявший на самой высокой башне.

На своем веку я повидал немало дворцов, даже владел одним или двумя. Я видел дворцы и богаче Тихих Вод — больше, древнее, грознее или массивнее, — но ни одного прекраснее. Он раскинулся по поросшим лесом островкам, соединенным мостами. Его невозможно окинуть взглядом; с любой точки можно увидеть только небольшую его часть, но откуда ни смотри, он равно восхищает взор: увитые плющом мраморные решетки, отражающиеся в изумрудных прудах белоснежные арки, возносящиеся к небу башни, парящие среди ветвей балконы. Тот, кто предпочитает жить среди цветов, птичьих трелей и зелени, не найдет места лучше Тихих Вод.

Конечно, только небольшая часть дворца восходит ко временам основания царства, однако известно, что Дусс сам выбрал место для строительства и заложил здание. Бывший мальчишка-разносчик Наилучших Свежайших и Вкуснейших Овощей из лавки Гозпина закончил свою жизнь в роскоши. Должно быть, это доставляло ему немалое удовлетворение.

С последними лучами солнца меня препроводили в мало-выразительную жилую комнату и поручили заботам такого же маловыразительного лакея по имени Башнедуб Летусский. Напыщенность его была прямо пропорциональна количеству прыщей, да и нос его размерами не уступал самолюбию. Он состоял из рук и ног, задрапированных в одежды, рядом с которыми райские птицы показались бы простыми воронами. Честь прислуживать мне не слишком его воодушевляла.

Я смыл дорожную пыль. Башнедуб открыл сундук с платьем, чтобы я смог выбрать себе подобающий костюм, и предложил свои услуги на случай, если я не справлюсь с процессом одевания. Я обошелся без его помощи.

Тем не менее я узнал от него, что в Тихих Водах гостит царская семья: сам царь Высокочесть, царица Морешама, царевич Быстроклинок и царевна Соловьина. Это огромная честь для князя Огнестреба и княгини Розосветы, со вздохом сообщил мне лакей.

И кто из этих важных особ, спросил я, послал за мной?

Он ответил, что, право же, не знает. Собственно, добавил он, его это не интересует. Он предположил, что за этим может стоять ее светлость. Царь неожиданно решил продлить свой визит еще на неделю, так что ее светлость, лишенная столичных шутов, кукольников, жонглеров и акробатов, могла желать хоть каких-то развлечений, дабы занять лишние досуга вечера. Царственная чета отбывала наутро, и после этого жизнь дворца должна была вернуться в нормальное русло.

И Менялу Историй вышвырнут вместе с мусором?

Теперь мне стала понятна смена настроений перед пришествием. Всю дорогу Честнодоблесть со товарищи боялись, что могут не успеть доставить меня до отъезда царя.

Даже для человека, повидавшего на своем веку слишком многих монархов, в выступлении при дворе есть что-то особенное, к тому же мне не терпелось повстречаться с потомками легендарных сыновей Белорозы. Моя утомительная поездка из Майто, возможно, и не была пустой тратой времени.

Правда, уже тогда я начал подозревать, что ситуация не так проста, как кажется на первый взгляд. Должен же был кто-то назвать мое имя княгине — или бог, или смертный по наущению бога, ведь смертный не мог бы узнать за это время о моем прибытии в Верлию. Но что за смертный, какой бог? Впрочем, это мог быть и Крав.

Я был готов. Башнедуб Летусский спросил меня, не голоден ли я, и я ответил, что голоден. Он повел меня с острова на остров, через лужайки и мосты. Наступали сумерки, вдоль дорожек зажигались фонари. Наверное, на то, чтобы обойти весь дворец, ушли бы недели. Даже днем Тихие Воды — лабиринт. Я смертельно устал с дороги, и нервы мои были натянуты как струна при мысли о выступлении перед богом. Я не понял, куда мы направляемся, до тех пор, пока мы не оказались на дворцовой кухне.

— Бери себе сам, не стесняйся, — произнес мой спутник, сделав царственно-снисходительный жест рукой. — Жди меня здесь, и я приду, если ты будешь нужен.

Он повернулся и собрался идти, уверенный в том, что сделал свое дело. Я схватил его за фалды и развернул таким рывком, что чуть не вытряхнул его из одежд на глазах у всего кухонного персонала.

— Не так быстро, сынок! — сказал я. — Я не ем на кухнях, когда меня приглашают беседовать с царями. Сегодня я обедаю с царской семьей!

— Это абсолютно невозможно! — взвизгнул он.

— Значит, никаких вам рассказов.

Поняв, что я не шучу, Башнедуб Летусский сделал именно то, чего я от него и ожидал, — ударился в панику. Он завопил, призывая стражу. При царящем во дворце во все время царского визита смятении гвардейцам не было дела до одного упрямого сказителя, а все ответственные лица были где-то заняты. Они решили проблему, сунув меня в темницу.

За свою жизнь я повидал тюрем не меньше, чем дворцов. Так вот, эта была далеко не худшая — четыре грубые деревянные стены и нары, но никаких там цепей или крова-

вых пятен на полу. Хотя окно было зарешечено, за ним пел соловей. Я сел и стал ждать дальнейшего развития событий, жалея только, что стащил на кухне всего две медовые коврижки. Я как раз разделался со второй, когда загремел засов и дверь со скрипом отворилась.

Вошедшего можно было узнать без труда, хотя раньше я ни разу с ним не встречался. Он был средних лет и среднего роста. Он улыбался с обезоруживающей вежливостью. Его наряд не отличался ни излишней крикливостью, ни чрезмерной скромностью: темно-синие и зеленые тона до колен и до локтей. Он был примечателен своей непримечательностью — одно из тех безликих официальных лиц, что плодятся в щелях любого правительства, смазывая колесики, пачкая руки, заставляя события происходить.

— Мастер Гомер? Я глубоко сожалею об этом недоразумении. — От подчеркнутой искренности этих слов по коже побежали мурашки.

Я уселся.

— Ситуацию можно исправить, мастер...

— Мое имя не так важно. Я послан обсудить этот вопрос. — Он выглянул в коридор, потом закрыл дверь и прислонился к ней, улыбаясь и потирая руки. — Все ваши требования относительно предстоящего вечернего выступления будут выполнены немедленно. Мы приложили все усилия для того, чтобы обеспечить царской семье наилучшие возможные развлечения, и ваша репутация — залог того, что этот последний вечер будет подлинной кульминацией их пребывания здесь.

Мне показалось, будто меня душат.

— Вы служите князю Огнеястребу?

— То, кому я служу, не имеет значения. Я здесь исключительно для того, чтобы содействовать вашему искусству. Слава ваша опережает вас, мастер Гомер. Все мы слышали чудеса о меняле историй. Вы только скажите, что вас устраивает больше? В помещении или на улице, на лужайке? Много слушателей или лучше поменьше?

— Как пожелаете. — Его настойчивая любезность оказалась заразной. — Я могу выступать почти в любых условиях.

— Должно быть, любое ваше выступление, мастер Гомер, было бы торжеством для любого другого сказителя. Но нам нужно не просто выступление, и даже не выдающееся. Нам нужен наивысший шедевр Гомера, сказание, достойное того, чтобы о нем самом слагали сказания для грядущих поколений.

Он помолчал немного, наблюдая за мной, и у меня появилось ощущение того, что он выпускает когти.

— Вот что я могу предложить вам, — спокойно продолжал он. — Я распорядился приготовить все к вашему выступлению у Западного Портика. Это что-то вроде веранды, наполовину в здании, наполовину на улице. Мы повесим светильник над вашим местом, оставив все остальное в полумраке. Это ведь усилит драматический эффект, не так ли? Мы рассадим зрителей среди растений в кадках, статуй и тому подобного, чтобы создать — насколько это возможно — максимально интимную атмосферу.

По спине моей пробежал холодок тревоги.

— Я бы предпочел небольшое, хорошо освещенное помещение с тесно сдвинутыми местами, чтобы поддерживать внимание аудитории!

— Да? А мне говорили, что меняла историй может соткать сеть слов, опутывающую души слушателей. Я слышал, что он способен зачаровать аудиторию так, чтобы они не замечали течения времени, забыв про земные тревоги. Возможно ли такое в действительности, мастер? Могут ли простые слова сделать так?

Если кто и знал ответ на этот вопрос, так это он. Я сам ощущал себя загипнотизированным, как кролик перед змеей. Мысли отчаянно металась в поисках выхода.

— Действительно, случаи впадения слушателей в напоминающее транс состояние отмечаются время от времени. Некоторые люди отличаются повышенной восприимчивостью.

— На сколько времени? На час? Два?

Я пожал плечами. Во рту пересохло, и ответ дался мне с трудом.

— Два — вряд ли. Особенно после сытного обеда.

— Но один? Один-то час вы можете гарантировать?

Он встретил мой удивленный взгляд с невозмутимой уверенностью. Его произношение не напоминало ни Честнодоблесть, ни Башнедуба. Он прибыл из Утома с царской свитой. Перчатка на августейших пальцах. Чью партию он разыгрывает? Царица ли собирается наставить рога мужу, или царевичу не терпится вступить в права наследства? Игра велась без правил, с неограниченными возможностями жульничать. Правда, я подозревал, что мой посетитель не стал бы марать рук обыкновенным воровством или примитивным флиртом. Оставалось убийство.

— Кто вас послал?

Улыбка глубокого сожаления.

— Как раз эту информацию я вам открыть не могу.

— Скажите по крайней мере хоть, кого я должен отвлечь? Мужчину? Женщину? От этого зависит выбор темы.

Он вздохнул.

— Вы меня неправильно поняли. Мне хотелось только содействовать вашему искусству. — Рука его скользнула в складки одежды. — Однако в случае, если вы достигнете эффекта, который я описал... на час... Разумеется, по окончании рассказа мы ожидаем, что наш хозяин вознаградит вас денежно. Это не подлежит сомнению. Он будет щедр. Но если вы сумеете очаровать их так, как я говорил, то...

Он протянул руку. На ладони его сиял один из самых крупных бриллиантов, которые мне доводилось видеть вблизи, размером примерно с клубнику. Даже в полутемной камере алмаз светился как тысяча летних радуг. Он чуть двинул рукой, и по стенам заплясали мириады светлячков.

— Вы шутите! — прохрипел я. — Это же стоит безумных денег.

Он пожал плечами, как бы соглашаясь со мной.

— Мне поручено обещать вам эту награду. Не спорю, это выглядит экстравагантно, но я могу поклясться в этом именем бога моих отцов.

— Богатство мало значит для меня, — возразил я, хотя не мог оторвать взгляда от бриллианта. — Я имею обыкновение раздавать все нищим или хорошеньким девицам.

— Один час, — прошетал он, пряча алмаз. Он знал, что я проглотил наживку.

Разум шептал мне, что доверять этому учтивому мерзавцу нельзя. Опыт говорил мне, что он никогда не отдаст мне обещанного и это гонорар не того сорта, что можно требовать открыто.

Увы! Признаюсь, устоять я был не в силах.

В конце концов я простой смертный, не более того.

Лучший способ бороться с искушением, учил меня Благонрав Суфский, это доказать себе, что это твой долг, ибо нет ничего дурного в исполнении долга. Огнеястреб возглавлял старшую ветвь клана Гордуспеха. Это был его дом, значит, и Крава тоже. Дракон находился где-то здесь, неподалеку, так что в Тихих Водах не должно было случиться ничего такого, чего бы он не хотел. Зато все, чего бы он хотел, — обязательно случится. Рано или поздно. Вне зависимости от того, что я скажу или сделаю. Верно? Верно. Значит, я должен выступить так, как меня попросили, и сделать все, что смогу. В конце концов, это мой долг по отношению к тому, кто меня нанял. Долг!

Я вздохнул.

— Попробую заработать вашу безделушку, господин. — Я надеялся, что узнаю о своем успехе не по вскрику умирающего. Я сошел с ума, если надеюсь хоть раз еще увидеть этот камень...

Придворный был доволен и улыбался своей сердечной, искренней улыбкой.

— Но предложенная обстановка вас устраивает?

— По описанию вроде ничего. — Я устало поднялся. — Я оказался здесь, поскольку хотел участвовать в царской трапезе. Мне стоило бы познакомиться со слушателями заблаговременно.

— Увы, августейшая чета уже за столом, мастер Омар, а протокол запрещает кому-либо присоединяться к ним после

того, как они приступили к трапезе. Если хотите, я могу устроить так, что вы сможете посмотреть на них издали. Позже я могу объявить о вашем выходе под фанфары, если это поможет.

— Боюсь, не очень. Ладно, покажите мне жерт... слушателей.

Я смотрел на царскую трапезу из-за мраморной перегородки. Белоснежные скатерти, золотая посуда, сияющие канделябры. Должно быть, в зале обедала сотня человек, но меня интересовал только один стол. Мой таинственный придворный исчез, вне всякого сомнения, в ту скрытую политическую нишу, где обычно обитал. Заметно присмиревший Башнедуб шептал мне на ухо имена и титулы.

Царь выделялся сразу. Высокоchetti было тогда за сорок, и он правил шестнадцатый год. Это был крупный мужчина, склонный к тучности, но все же впечатляющий. Длинные волосы медового цвета падали ему на плечи, рыжеватая борода была раздвоена на конце. Он слегка напоминал своего предка — Верна, — но сходство это сводилось к обычному для варваров цвету волос. Мать Высоchetti была северянкой, так что внешностью своей он был обязан скорее ей, а не своему прапрапрапрапрапрадеду. Возможно, чтобы подчеркнуть свою скромность, он нарядился в темные тона, и это тоже выделяло его из яркого окружения. Он обладал громким голосом, еще более громким смехом и жизнерадостным характером. Меня привело в восхищение то, как он поддерживал разговор за столом, не узурпируя внимание, как это часто бывает у монархов, ненавязчиво вовлекая в него всех, сидящих рядом. Я видел, как он подшучивает над остальными и заигрывает с дамами, но никто не ощущал себя обиженным. Раз или два кто-то отпускал шутки и в его адрес, и его смех звучал так же громко и весело, как и всех остальных. Впервые увидев его воочию, я начал понимать причину его популярности. Какую бы политику он ни проводил, Высоchetti оставался незаурядной личностью. «Славный» — слово, редко применимое по отношению к царям, но к нему оно подходило без всякого сомнения.

В своем суждении о царице Морейашме я был не столь уверен. Как и он, она обладала некоторой склонностью к полноте, но ее горничные одели ее со вкусом. Ее волосы были серебряными и приятно оттеняли темные глаза и смуглый цвет кожи, более темный, чем у большинства окружающих. Она исполняет роль, подумал я, — ведет себя так, как положено вести себя царице на людях. В личной жизни она могла держаться совсем по-другому, но я не мог представить себе, как именно.

Царевна Соловьина достигла уже того возраста, когда принцесс и царевен выдают обычно замуж. Она отличалась такой же темной кожей, как ее мать. Обыкновенно я предпочитаю описывать юных дам как красавиц, но должен признать, что на мой вкус она была чересчур хрупка. Моему критическому взору улыбки ее показались вымученными, а движения — неуверенными. Необходимость сидеть на людях была для нее тяжким испытанием, хотя отчасти ее застенчивость можно было объяснить юным возрастом. Она до странного не интересовалась молодыми людьми, тщетно искавшими ее внимания, что, разумеется, можно было объяснить отсутствием здесь ее возлюбленного.

Царевич Быстроклинок находился на пороге мужественности. Хотя царевичи, как правило, отличаются не по годам выраженным интересом к прекрасному полу, он был еще слишком молод, чтобы гоняться за девицами. Он героически пытался не заснуть, из последних сил борясь с зевотой. Он не производил впечатление малолетнего монстра, затевающего заговор против собственного отца, но это вовсе не означало, что никто не строит подобных планов в его пользу.

Значит, вот она какая, царствующая семья Верлии.

Я переключил внимание на хозяина, князя Огнестреба. Я снова убедил себя, что вижу сходство с легендарным предком времен Освобождения, но снова это сходство сводилось к общим чертам. Дусс был типичным представителем народа Междуморья, и Огнестреб — тоже. Он был высок, смугл и мрачен. Его глаза находились в постоянном движении; остальная часть лица оставалась неподвижна. По его лицу я

не мог прочесть ничего. В зале стоял слишком громкий шум, чтобы я мог разобрать слова, поэтому приходилось оценивать реплики говоривших по произведенному ими эффекту. Похоже, Огнестреб шутил редко, но, если такое случалось, смех, которым встречались его шутки, казался мне слегка натянутым. Я решил, что его юмор может быть едким и даже злым.

Этот, решил я, опасен.

Его жена, княгиня Розосвета? Высокая, смуглая, поразительная. Возможно, расцвет ее красоты и миновал уже, и все же в этом зале, где красавиц хватало сверх меры, она была, несомненно, самой потрясающей женщиной. Впрочем, напряжение, вызванное необходимостью развлекать царскую семью на протяжении почти двух недель, проявлялось в ее внешности. Она казалась нервной, встревоженной... или это только мерещилось моему возбужденному воображению? Честно говоря, я не поклялся бы, что она ведет себя подозрительно. Никто бы не заподозрил в ее поведении ничего настораживающего.

Два юных пажа, прислуживавших царской чете, были ее сыновьями — так объяснил мне Башнедуб.

Я принялся изучать старших дворян, сановников, и придворных, и молодых сорвиголов, и старых лис. Я не обнаружил ничего интересного, ибо не знал, кто из них что из себя представляет. Жаль, что у меня не было лучшего провожатого. Однако, если бы я спросил своего молодого спутника, кто из присутствующих может замышлять что-то против царя, он решил бы, что я сошел с ума. Кто все-таки нанял меня в такой спешке? Кто поручил безымянному бюрократу предложить мне эту бесценную взятку? Цари по определению имеют больше влияния на двор, чем кто бы то ни было другой.

И если Высокочесь не намеченная жертва, значит, он наиболее вероятный заговорщик. Что он мог задумать?

Вы верите в привидения? Лично я — да. Я слишком часто встречался с ними, чтобы отрицать их существование, хотя и должен признать, они редки и, как правило, очень

застенчивы. В тот вечер в Тихих Водах я почувствовал присутствие одного.

Веранда с трех сторон открывалась в сад — каменные арки вели на лужайки с декоративными кустами, маленькими бассейнами, журчащими фонтанами и ночными цветами, наполнявшими воздух своим ароматом. Трудно было сказать, где кончается сад и начинается помещение. Дальний конец этого странного зала находился уже во дворце и был уставлен мягкими диванами и убран богатыми коврами, но даже там царил полумрак. Мои слушатели сидели небольшими группами между пальмами в кадках, скульптурами и большими ониксовыми вазами, в которых стояли розы. Из всех присутствующих только меня ярко осветили. Идеальная сцена для убийства. Любой мало-мальский профессионал мог бы запросто накинуть шелковый шнурок на шею кого угодно из присутствующих.

У меня не было сомнений в том, какую тему выбрать. Мы находились в Тихих Водах. Я не мог не воздать хвалу его основателю.

Молча ждал я, пока наступит тишина.

— Ваши величества, — произнес я, когда стихли последние сдавленные хихиканья и шепот. — Господа... Я поведаю вам о мальчишке-посыльном, призванном богами на великие дела.

Многие из лиц были чуть видны. Я нашел самого царя и намеревался посматривать в ту сторону, но, стоя сам под светом, с трудом различал, какие из теней в летней ночи — слушатели, а какие — статуи, или кресла, или кусты. Кое-кто из моих слушателей выпил больше, чем следовало, и поначалу они пытались шепотом комментировать мой рассказ соседям. Но я говорил, и постепенно они примолкли, и вскоре слышны были только мой голос, и журчание фонтанов, и далекие звуки лютни.

Мне показалось, когда я начинал рассказ, что у меня четырнадцать слушателей, хотя пару я мог и не заметить. Чуть погодя их стало тринадцать. Я почувствовал себя немного лучше. Потом — двенадцать. Отлично! Теперь я знал, что за игра

здесь идет. Я мог забыть свои опасения насчет убийства и не гадать больше, что мне делать, если я вдруг насчитаю пятнадцать. Одним из исчезнувших был сам царь, как я и подозревал. Кого еще не хватало, я не понял — я был слишком занят рассказом. В конце концов, это было не мое дело.

Я пообещал дать им час, и я сдержал свое слово. Никто не заметил их отсутствия. Да что там, никто даже не кашлянул.

Но когда мы вместе с моими слушателями перенеслись из трущоб Альгазана на просторы Зимней Войны, я почувствовал, что к нашей компании присоединился еще кто-то. Можете назвать это игрой моего воображения. Можете приписать это на счет нервного напряжения после трех очень долгих дней и двух очень бурных ночей. Я не претендую на то, что отчетливо видел кого-то; скорее я просто ощущал его присутствие. Раз или два мне показалось, что кто-то прячется в тени сбоку от меня, но, когда я обращал взгляд в ту сторону, он ускользал куда-то. Можно ли чувствовать смех? В тот вечер мне это удалось. Интересно, не дракон ли это смеялся — говорят, у драконов своеобразное чувство юмора. Мне кажется, это Дусс слушал мой рассказ в тот вечер, и я надеюсь, он ему понравился. Я изобразил «Генерала Голову» чуть больше и храбрее, чем он был на самом деле. В основанном им самим доме это было вполне уместно. Разумеется, я следил за тем, чтобы не принизить достоинств и «Генерала Отваги».

Когда я описывал, как Вандок скрылся в пещере, чтобы искать спасения у Хола, я каким-то образом понял, что призрак ушел. Я довел рассказ до конца.

Я часто вижу слезы на глазах слушателей. Я редко ощущаю их на своих собственных глазах.

На веранде снова сидели четырнадцать человек — значит, я выполнил свою задачу.

На этом, собственно, и кончается моя история, рассказ о рассказе. Публика рукоплескала и выкрикивала что-то одобрителное. На веранду хлынули слуги со свечами, напитками и музыкантами.

Вблизи царь оказался не менее яркой личностью. Он пожал мне руку, поздравил, пожаловал перстень со своего пальца и отпустил несколько шуток насчет найма меня в качестве царского референта.

Царица также не уступала ему в обаянии — впрочем, она была бы такой, утоми я всех своим рассказом до бесчувствия.

Князь Огнеястреб холодно поблагодарил меня и на глазах у всех передал мне туго набитый золотом кошель. При этом он не удержался от ехидного замечания относительно моих источников информации, более точных, чем его собственные архивы, и предложил, чтобы кто-нибудь из его архивариусов побеседовал со мною утром. Я не стал говорить, что с одним из его архивариусов уже знаком и что этот парень такое вытворяет по ночам... — общаясь с царями, поневоле усваиваешь такт.

Вслед за этим меня отпустили, как какого-нибудь заурядного лютниста.

Что ж, бывает.

Обыкновенно я расстраиваю такие попытки, продолжая разговор до тех пор, пока благородные дворяне не забывают о том, что я не их круга, но в этот вечер мне не терпелось доползти до своей комнаты. Честно заработав свой ночлег, я рухнул в постель со вздохом облегчения, сменившимся криком боли. Острый предмет под простыней, на который я приземлился, оказался бриллиантом размером с хорошую клубнику.

Теперь я знал, по чьему наущению меня пригласили выступать перед венценосными особами Верлии. Крав был тут ни при чем, господа! Царь наверняка советовался со своим собственным богом. Наверняка это Верл воспользовалась возможностью отблагодарить меня за услугу, оказанную ей много лет назад. Мое мастерство неплохо вознаграждалось и раньше, но никогда не получал я гонорара, сравнимого с этим алмазом. Это была воистину царская награда, да и божественная тоже.

Я больше никогда не видел безымянного придворного и не разговаривал больше ни с кем из царской семьи. Когда я

проснулся, их кортеж уже тянулся по дороге, возвращаясь в Утом.

Разговоров об архивах или архивариусах тоже больше не возникало. Честнодоблесть проводил меня до ворот замка. Он предлагал мне коня, но я отказался. На некоторое время я был сыт верховой ездой по горло.

Кто была та счастливая дама? Кто проскользнул обратно на веранду одновременно с возвращением царя? Ага! То, что я сказитель, не означает еще, что я сплетник. Это было давно и далеко отсюда. Открыть ее имя здесь и сейчас не принесло бы никому вреда, но, если бы я и захотел, я не смог бы этого сделать. Она была одна из фрейлин царевны, и я не обратил на нее особого внимания, когда наблюдал за царской четой за обедом. Меня не представили ей позже. Я не мог спросить ее имени в присутствии царя. Вряд ли она отличалась замечательной красотой; скорее, очарованием юности. Должен признаться, я испытал некоторое разочарование от того, что царь преследует одну из подруг собственной дочери, однако он обладал репутацией бабника, и его люди спускали это ему с рук. В конце концов, добрые цари встречаются не так уж часто.

Жаль, что я не успел познакомиться с Высокочеством получше. Он пал от руки убийцы всего через две недели после описанных мною событий. Царица Морейшма правила страной как регент до совершеннолетия царевича Быстроклинка.

18. ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИГОВОР

— Ты кончил? — прорычал купец.

— Я кончил этот рассказ, ваша честь. Если хотите, у меня в запасе еще много...

— Трепло! Брехун несчастный! Мы зря тратили на тебя время!

— Но мне казалось, для того-то все и придумали? Убить время долгой зимней ночью...

— Заткнись! — бросил солдат. Он казался не менее рассерженным, чем бургомистр, и значительно более опасным. — Ты обещал рассказать нам что-то важное, а угостил очередной небылицей. Во-первых, со смерти Высокочести прошло уже полсотни лет.

— Не совсем! — запротестовал я. — Сорок пять или сорок шесть.

— Молчать! — Он сжал рукоять меча. — А сорок пять лет назад тебя еще не было и в помине.

— Изложение от первого лица...

— Цыц! Ты лжец, повторяющий древние слухи и сплетни.

Я огляделся и не увидел ни одного сочувственного лица. Даже Гвилл смотрел на меня мрачно, стараясь не заснуть от своего пива. Фриц плотоядно скалил зубы.

— Где же твои доказательства, майстер Омар? — произнесла актриса. — Покажи нам этот замечательный алмаз!

— Увы, майне даме, его давно уже нет. Я таскал его с собой несколько месяцев, так и не зная, что с ним делать. Потом, наверное, потерял, или одна из моих подружек пошарила по моим карманам, пока я спал.

— Даже если то, что ты нарасказал тут, правда, — буркнул купец, — это ничего не меняет. Высокочесть не представляет собой для нас никакого интереса. Нам нужен его правнук или правнучка — ребенок Звездоискателя, сына Быстроклинка.

Фриц встал и потянулся.

— Мне надо выйти за дровами. Не вынести ли заодно и мусор?

Снова все взгляды обратились к капитану Тигру. Тот пожал плечами.

— Почему бы и нет? Как говорила ее светлость несколько минут назад, самое время свершиться правосудию. Мы достаточно долго терпели этого бродягу.

Фриц тронулся с места... Я открыл рот...

— Оставьте его, — произнес негромкий, скрипучий голос.

Все повернулись к старухе. Она смотрела в огонь, совершенно поглощенная этим занятием.

— Сударыня? — осторожно переспросил солдат. Впрочем, не он один казался удивленным этой внезапной сменой настроений.

— Оставьте его, — тихо повторила она, не оглядываясь. — В его словах, возможно, есть правда.

— Но это невозможно, сударыня! Я могу допустить, что он был в Верлии подростком лет двадцать назад, но сорок пять... — Неосторожная фраза. На его месте я не стал бы напоминать ей, что мое зрение лучше, чем ее.

На мгновение все в помещении затаили дыхание.

Она вздохнула, так и не отрывая взгляда от угольев.

— Я помню Высокочесь, и он был такой, каким описал его майстер Омар. Несомненно, история приукрашена, и все же эти сказители довольно точно передают их друг другу, и я осмелюсь сказать, что подобное событие имело место. Оставьте его.

Тигр пожал плечами и отпустил меч.

Гвилл вздохнул с облегчением.

— Если нам надо сделать выбор между рассказами майстера Тиккенпфайффера и майстера Омара, мне кажется, в последней больше профессионального блеска... — Он прервался, чтобы чихнуть, но продолжать не стал.

Никто не обратил на эти слова никакого внимания.

Фриц зарычал, как голодный лев, по ошибке прыгнувший на колючий куст. В ярости шагнул он к двери, где напаялил меховую доху, похоже, сшитую из шкур нескольких медведей. В комнату на мгновение ворвался ветер, пошевеливший мох на полу, потом тяжелая дверь со стуком захлопнулась.

— Розалинда, детка, — произнесла старуха, обращаясь к камину. — Мне кажется, настало время рассказать этим людям, кто ты.

Девушка сжалась, как бы пытаясь сделаться незаметной.

— Д-да, с-сударыня. — Она в страхе огляделась по сторонам, ища спасения, — ни дать ни взять заяц, загнанный сворой борзых.

— Почему бы тебе не сходить за ларцом? — Старуха так и не оглянулась ни разу.

— Д-да, суд-дарыня! — Девушка встала и поспешила вверх по лестнице.

Фрида вскочила и схватила меня за плечо.

— Иди за мной! Быстро!

Она забежала за стойку, схватив на ходу фонарь, и исчезла на кухне. Я удивленно встал и последовал за ней, пытаясь в штанинах Фрицева костюма.

Кухня оказалась меньше, чем я ожидал. Почти все место в ней занимали большой стол, колода для разделки туш и большая чугунная плита, в данную минуту остывшая. Слабый запах свежего хлеба сохранился в ней, наверное, со вчерашнего дня. Должно быть, Фриц, входя сюда, бился лбом о многочисленные окорока, медные кастрюли и сетки с луком, свисавшие с балок. Среди них болтались три ошипанные куриные тушки. Две стены были целиком заняты полками, на которых выстроились ряды банок, глиняных горшков и сыров, зато посреди стены, противоположной плите, красовалось окно. Фрида сражалась с щеколдами на ставне.

Я взял ее за руку — моя рука запуталась в рукаве — и отвел ее в сторону.

— Дорогая, — мягко произнес я. — Нам совершенно не обязательно любоваться пейзажем. Все равно в такой темноте он не так хорош.

— Кретин! — выпалила она, выдергивая руку. — Он ведь убьет тебя!

— Многие рассчитывали на это, и ни одному пока не удалось. — Она была почти одного со мной роста, но не совсем. Я улыбнулся, глядя ей в глаза — полные страха, сердитые голубые глаза. Да, такими глазами можно любоваться часами.

— Он ведь не шутит, Омар! Он любил это чудовище. Ты оставил его в дураках. Он все это время мечтал отомстить тебе! Я видела, как он разделял людей на котлеты за куда меньшее. А потом бросит тебя в сугроб и оставит умирать, точно тебе говорю!

— Тогда подари мне хоть один бесценный поцелуй, любовь моя, чтобы я мог отправиться к богам, улыбаясь. Всего один поцелуй, и все остальное, что было со мной в жизни, исчезнет как дым.

— Ох, глупец, ну пойми же ты, сейчас не время шутить! — Фрида снова занялась ставнем.

Я повернул ее лицом к себе и обхватил руками. Концы рукавов, свисая, болтались за ее спиной.

— Неужели ты не понимаешь, о Богиня Любви, что только твои пухлые губки привели меня обратно? Искры веселья в твоих глазах, румяный жар щек? Конечно же, я знаю, что такую красоту всегда стерегут драконы, но сердце мое оставалось здесь с весны, со дня, когда я впервые увидел тебя. Никакие угрозы, никакая опасность не остановили бы меня от...

Она начала бороться. Будь это честный поединок, меня трудно было бы одолеть. Фриду нельзя было назвать хрупкой девушкой, и я удерживал ее вполсилы. Мы крутились, шатаясь, под овощами. Я тщетно пытался прижать ее губы к моим.

— Будь у нас время для ухаживания, я бы целовал твои ноги, — выдохнул я.

— Тупица! — взорвалась она. — Одно хорошо, выбить из твоей дурьей башки разум он уже не сможет!

— Я проводил бы часы, восхваляя твои колени и сочиня сонеты в честь твоих локтей!

Я продолжал бы экскурс в поэзию и дальше, если бы она не ухитрилась наступить мне на босую левую ногу. Я поджал ногу, схватившись за нее обеими руками, и запрыгал на другой ноге, сдавленно бормоча нечто маловразумительное на дразильянском, йоркобинском и даже вуззианском. Когда я снова обрел способность говорить более или менее внятно, она возилась со ставнем. Упорная женщина.

— Что, — прохрипел я сквозь слезы, — что это ты делаешь?

— Ключ от конюшни над дверью. Фриц не видит этого окна от поленницы. Как только он вернется в дом, ты побежишь туда и возьмешь лошадь. Возможно, ты не успеешь оседлать...

— Я? Украсть коня? В такую ночь? Госпожа моя, и ты считаешь, что я...

— Разве не это ты собирался сделать в прошлый раз, нет? — Она повернулась ко мне, демонстрируя раскрасневшиеся щеки.

— Я тогда спешил. Но теперь ты сама предлагаешь мне коня, а это не интересно. Нет, я ни за что не уеду отсюда без тебя, мой бесценный горный цветок.

— Омар! — От тревоги в ее голосе могло разорваться сердце. — Фриц убьет тебя!

— А вот и не убьет! Утром я заставлю его облобызать мои башмаки.

— Ни за что! Конечно, это неплохие башмаки, но ему они будут малы.

— Да нет, на моих ногах!

Она недоверчиво фыркнула.

— Если ты сам в это веришь, они и тебе малы.

Я протянул к ней руки.

— Скажи, ты ведь откликнешься на мою любовь? Хотя бы для того, чтобы я умер счастливым?

— Вот безумец! Но ты возбудил мое любопытство.

— Я, пожалуй, промолчу о том, что возбуждаешь ты!

Она рассмеялась и взяла мое лицо обеими руками. Результат оказался еще более восхитительным, чем я ожидал. Ее поцелуй... Должно быть, хромая обратно в гостиную; я улыбался как идиот.

Что ж, идея была неплоха, но не сработала бы. Стоило бы Фрицу по возвращении не застать меня в доме, он молнией бросился бы на конюшню — прежде, чем я успел бы отпереть ее, не говоря уже о том, чтобы вывести коня. И потом, я все равно не собирался убегать отсюда.

Служанка спускалась по лестнице, прижимая к груди маленький деревянный ларец. Самое время начинаться новой истории.

Свет от фонаря упал на нее. Я увидел припухлость под нижней челюстью, и вдруг многое стало совершенно очевидным.

19. РАССКАЗ СЛУЖАНКИ

М-меня зовут Розалинда... надеюсь, что вам понравится... хотя еще меня знают как Хайди. Я работаю... то есть работала до... несколько дней назад... горничной в доме маркграфа фон дер Краффа. То есть не в замке, а в его городском доме, в Гильдербурге.

Мою маму звали Розалинда, она и меня так назвала. Она всегда звала меня просто Рози. У кухарки, что была после нее, была дочка, так ту тоже звали Розалинда, вот я и думаю, что меня стали звать Хайди, чтобы с ней не путать.

Мой отец был царевич, так что я и есть настоящая царица Верлии.

Отца своего я вовсе не помню. Помню только, как мама говорила, что был он солдатом, наемником и помер, раненый стрелою при осаде Хагенварка. Это все было еще до того, как мать моя пришла в Гильдербург, так что никто его и не помнит вовсе. Ну, из тех, кого я знаю. Я даже не знаю, как его звать было, когда он был в солдатах. Мама никогда об нем не рассказывала, а может, это я не помню. Я ведь тогда маленькая была совсем. Ни того, на кого он был похож, ничего такого. Она говорила только, что он у нее был из благородных, а вот того, как они повстречались, ничего такого не говорила. Она всегда плакала, как вспоминала об нем.

Я и ее-то не очень чтобы помню. Она казалась мне такой красивой, но мне говорили, всем детям кажется, что ихняя мать самая красивая. У нее были темные волосы и темные глаза. Кажись, она была еще высокая... не помню точно. Она померла от чахотки. Я тогда, наверно, была совсем маленькая, я только помню, что однажды ее не увидела больше.

Меня растили другие слуги, хотя они, наверно, сказали маркграфине обо мне, а она позволила оставить меня. Она добрая, правда? Не каждый ведь позволит, чтобы в доме бесполезная сирота росла? Я замка ихнего ни разу не видела, то есть не помню такого, но городской дом у них большой, а замок — тот еще больше, так мне говорили. Я живу... то есть

жила... на чердаке, но зимой нам позволяют спать на кухне, там теплее.

Ну, как я выросла, так начала работать за кров и пропитание. Мыла кастрюли... ну и полы тоже. Я девушка честная. Я стараюсь как могу, чтобы мной были довольны. Кухарка меня часто хвалит за хорошую работу, не то что некоторых. Она мне даже деньги доверяет и отпускает за покупками на рынок. И я не позволяю садовникам и лакеям, чтобы они приставали.

Как-то раз, это летом было, приключилась одна странная вещь. Вы, наверно, не поверите, но капитан Тигр и ее светлость меня порасспросили и теперь верят. Я девушка честная, я врать не буду.

Маркграф и маркграфиня уехали из города в ихний замок, а мы принялись за весеннюю уборку, это мы каждый год так убираемся, как они уедут. Ну, в других-то домах это раньше делают, но это все потому, что мы ждем, покуда маркграф уедет. Прислуга из других домов над нами смеется, мол, мы всегда поздно спохватываемся, да только мы убираемся ничуть не хуже ихнего.

Значит, в то утро помогала я Карлу и фрау Мюллер убираться в комнате у молодого господина, вот она меня и послала с ящиком зимних одеял на чердак. То есть не на тот чердак, где прислуга спит. Тот в западном крыле, а этот — в южном, и там хранят всякое добро, и там всегда темно и воздух спертый, и я всегда боюсь нацеплять паутины на чепец. Фрау Мюллер ругается, если что. Там полно всяких ящиков, и сундуков, и разного добра, и оно там хранится уже много лет. Ну, нашла я место для ящика, что принесла, и поставила его биркой наружу — это фрау Мюллер так велит, — и я не тратила там время зря, а пошла обратно на лестницу, а как спустилась немного, кто-то со мной и заговорил.

— Хайди, — говорит, так тихо-тихо.

Я спрашиваю: «Кто там?» — а у самой сердце-то тук-тук.

— Твой друг, Хайди, — отвечает, тихо, но все слышно. — Я тебе кой-чего важного сказать должен.

Вот я и спросила:

— Это ты, Раб, шутки шутишь? — Ну, я думала, что это поваренок. У этого парня только шутки на уме, это кухарка так говорит.

А голос и отвечает:

— Нет, — говорит. — Возвращайся, — говорит, — вечером, когда будет время послушать, потому как я тебе много чего скажу такого важного.

Ну, тогда я, значит, подумала, что это, должно быть, Дирк, лакей. У него на уме штучки похуже, чем у Раба, вот я и говорю, вроде как ему:

— Думаешь, Дирк, так меня и провел? Выходи-ка, — говорю, — пока я тебя здесь не заперла!

Но никто так и не вышел, вот я и спустилась, а дверь заперла — я ведь все думала, что это Дирк, вот и решила, что поделом ему, пусть посидит взаперти. Потом я услышала, как Дирк с Анной хихикают в углу бельевой, стало быть, это не он был, а потом я вроде как обо всем этом забыла до тех пор, как спать легла. А как легла, так вспомнила, что дверь-то заперла, и стала думать, что это я, может быть, Раба там оставила. А в том крыле ведь никто и не живет, как господа уедут. Я все печалилась, что вот заперла Раба и он там кричит-кричит, а его до зимы так и не услышит никто. И как вспомню, я ведь до самого вечера его не видела, даже за ужином, а чтобы он обед или ужин пропустил, такого не бывает. Это я только на завтра узнала, что кухарка его словила в кладовке, где он в варенья залез, да заперла его в погреб без ужина, а тогда я этого и не знала вовсе, а только лежала и все не спала, а печалилась. Ну и допечалилась до того, что встала — потише, чтобы Анну не разбудить, — и надела халат, и пошла на цыпочках в то крыло.

Вот я шла на цыпочках и все боялась, что меня фрау Мюллер поймает — она ведь решила бы, что это я словно распутница какая иду к Дирку или еще кому из парней, и тогда выгнала бы меня вон из дома, как уже бывало кое с кем. Но я дошла до двери на чердак, и отперла ее, и отворила тихо, и говорю:

— Раб? — говорю. — Выходи давай!

И тут этот странный тихий голос как скажет:

— Хайди, — говорит, — никакой я вовсе не Раб, и не Дирк, и вообще не лакей, и не садовник, и не конюх. Мне тебе кой-чего важного сказать надо.

Тогда я ему и говорю:

— Тогда рассказывай, а то я по лестнице подниматься не буду.

— Тебя зовут Розалинда, — говорит голос, — и твоя мать была царевна, а отец — царевич, а ты сама будешь править царицей над дальнею страной.

— Раб, — отвечаю, — если ты сейчас же не спустишься оттуда, я тебя снова запру. Будешь знать, как чепуху нести.

— У тебя, — говорит голос, — есть родимое пятно.

И он сказал, где оно, да на что похоже, и тут уж я поняла, что никакие это не Дирк, или Раб, или кто еще из наших, я ведь девушка честная!

Тут я так напугалась, что аж дух захватило.

— Ты откуда все это знаешь? — спрашиваю.

А он и отвечает:

— Я, — говорит, — бог твоих отцов. Я знал твоего отца, и его отца тоже, и кто там был до них, и они все были цари, а ты, значит, будешь королева, то есть, я хотела сказать, царица.

Ну, я так стояла и слушала, пока не замерзла, а как замерзла, поднялась на чердак да завернулась в одно из одеял, что только днем сама туда и сносила, и села, и все разговаривала с этим голосом, покуда не стала засыпать совсем с усталости-то. Тогда этот голос послал меня спать. А на следующую ночь я снова туда пришла, и на следующую тоже, и он все рассказывал мне всякого такого про меня и про страну, в которой я буду царицей.

Он сказал, что звать его Верл, а на третью ночь он сказал, где его искать, и оказалось, что это такой голубок фарфоровый на высокой полке — маленький и весь в пыли. И он сказал мне, чтобы я взяла его с собой, и положила под подушку, и тогда он будет говорить со мной по ночам, когда Анна — мы с ней живем... то есть жили в одной комнате —

заснет, и тогда мне не нужно будет ходить каждую ночь на чердак. И Верл сказал мне, что, если я его возьму, это будет не как если бы я его украла. Все равно он был мамин. Или это мама была его, он ведь бог... или не он, а она, но это, он сказал, без разницы. Он сказал, это все равно как украшение, а это украшение было мамино, а до того папино, значит, теперь оно мое по праву, а не маркграфа вовсе.

Но Верл сказал, он не может говорить ни с кем, только со мной, вот он и сказал... сказала, чтобы я его... ее днем прятала как следует, в месте, какого я и не знала раньше, даже не догадывалась.

Но ночью я клала его под подушку и лежала, а она мне все про мою семью рассказала.

Мой отец был сын царя, которого звать было Быстро-клинок. Отца было звать Звздоискатель, и он влюбился в мою маму, а она была из благородных и красивая, как мне всегда казалось, и ее звали Свежероза.

Царевич Звздоискатель сказал Свежерозе, что любит ее и женится на ней. Свежероза попросила времени подумать, но он все уговаривал ее и говорил, что любит только ее и что будет ей всегда верен, и они договорились пожениться. Тогда царевич пошел к царю и попросил его разрешения.

Но царь Быстроклинок ему не разрешил. Он сказал, что Звздоискатель должен жениться на иностранной царевне, чтобы их царства сдружились. Он сказал, что эта царевна уже едет в ихний город, Утом, на помолвку, хотя еще слишком молода, чтобы идти замуж. Но это, он сказал, без разницы, потому как и Звздоискатель слишком молод, чтобы жениться.

И тогда Звздоискатель опечалился, потому что не знал, как объяснить все это Свежерозе. Тогда он пошел в молельню, где они держали своего бога, всю в серебре и рубинах. А бог был, конечно, Верл. Царевич стал на колени, и стал молиться, и рассказал Верлу все свои печали.

— Ты прав, а твой отец не прав, — сказал ему Верл. — Свежероза тебе в самый раз пара, а у той малолетней царевны кровь поганая. Приведи мне сюда царя.

Звздоискатель пошел и сказал своему отцу, что бог его зовет к себе. Царь Быстроклинок пошел и выслушал бога, только сперва заставил его ждать несколько дней. Но так и не передумал. С помолвкой, он сказал, уже договорились, а нарушить ее — значит, будет война. И еще он сказал, чтобы ихние семейные боги не лезли в политику, потому как это царское дело. Он приказал, чтобы Свежерозу прогнали из дворца в замок у моря под названием Зардон.

Тогда царевич снова пошел молиться Верлу. На этот раз тот как рассердится на царя! Бог сказал... сказала, чтобы Звздоискатель забрал ее из дворца. Он сел на коня и уехал один, только бога с собой взял, как тот ему сказал. Он... она отвела его туда, где держали взаперти Свежерозу. Они вдвоем и сбежали. Их поженит сам бог. Царь повелел поймать их, чтоб смотрели все корабли и горные перевалы, но у них с собой ведь был бог, вот он им и помог, и так их и не поймали.

Они долго ехали на север, пока не попали в Фольксланд. Звздоискатель стал наемником, а Свежероза стала матерью, то есть это когда я родилась. И тогда он ушел на войну, а своего бога Верла оставил охранять жену и ребенка, а потому как при осаде Хагенварка у него с собой не было бога, его и ранили стрелою в плечо, и он помер от горячки.

Тогда моя мама сменила имя на Розалинду, ведь Свежероза в нашей стране имя редкое. Она устроилась кухаркой к маркграфине. И когда я была еще маленькая, она поехала раз в замок, а бога, Верла, забыла в городе. Вот она и заболела чахоткой и померла.

И всю мою жизнь бог ждал на полке на чердаке, пока я вырасту и он сможет заговорить со мной, когда я буду там одна. И он сказал мне это и еще много всего.

Он... она сказала мне, что гадкий царь Быстроклинок умер, и что в Верлии нет больше царя, и что я — законная ихняя царица. Еще она сказала, что было такое пророчество, что дочь Звздоискателя найдут за горами Гримм. Она сказала мне, что в Гильдербург приехал человек искать меня и что мне надо пойти и сказать ему, что это он ищет меня.

Ну... я тогда очень испугалась и сказала, что не пойду и не буду говорить с чужим мужчиной. Тогда Верл сказал, чтобы я сказала кухарке или фрау Мюллер, чтобы они поговорили с ним за меня, а я сказала, что они мне не поверят, и не пошла. И каждую ночь бог говорил мне, чтобы я пошла, а я все отказывалась.

А потом бог сказал, что этот человек завтра уедет и что это мой последний шанс. И тогда я оделась поскромнее, и надела пальто, и положила Верла в карман, и спустилась по лестнице тихо, словно какая дурная женщина. Я никогда так раньше не делала. Я отперла черный ход, хотя у меня руки так дрожали, что я боялась, что не открою дверь. Я вышла и побежала, куда сказал мне Верл, а потом он... она сказала мне остановиться. Там был дом, и в окнах горел свет, хотя было уже поздно.

И я стала ждать в тени, и потом подъехала карета, и вышел мужчина. Я его никогда раньше не видела.

— Ну, Розалинда! — сказал Верл, и тогда я побежала к нему.

— Капитан Тигр! — сказала я. — Это я та царица, которую вы ищете!

А потом я лишилась чувств.

20. ИНТЕРЛЮДИЯ

Это было просто ужасно. Не буду говорить о том, как она заикалась, о долгих паузах и негромких подсказках старухи, когда та замолкала совсем уже безнадежно. Даже если бы я не заметил ее зоб, я все равно мог бы догадаться, что она слабоумная, — хотя бы по тому, как она говорила. Когда она договорила до конца, все мы скорбно нахмурились. Лампа догорела и погасла; огонь в камине тоже был на последнем издыхании. Вокруг нас сгустилась темнота.

Похоже, сама Рози верила в то, что говорила. Впрочем, она и не могла не верить в это, ибо самой ей такое ни за что бы не придумать. У меня достаточно опыта, чтобы распознать обман. Я мог ей поверить. Я не мог поверить только в то, что она рассказала правду. Неужели ее спутники верят? Это ведь невозможно!

Старуха перегнулась через капитана Тигра и погладила Рози по руке. За всю ночь это было самое заметное ее движение. У меня на глаза аж слезы навернулись.

Несколько минут все молчали. Возможно, все, как и я, пытались представить себе эту трогательную дурочку на троне Верлии. Это тоже было невозможно, если только ее не будут использовать как марионетку — выдадут за какого-нибудь сообразительного молодого дворянина, который сможет держать власть в своих руках и не будет испытывать брезгливости, ложась с этой слабоумной в постель.

Не эту ли игру задумали капитан Тигр и его госпожа? Не натащали ли они эту беднягу для роли в этой игре в надежде выдать ее за законную наследницу, чтобы править страной через ее голову? Я был о них лучшего мнения. И потом, это ведь не обычная история с пропавшим наследником. Как, интересно, надеются они добиться того, чтобы Хол признал самозванку?

Между мной и девушкой все еще сидел нотариус. Он повернулся ко мне, и я прочитал у него на лице те же сомнения. Он слегка вырос в моих глазах. Я покосился на купца, на актрису, на менестреля и увидел ту же жалость — и ту же брезгливость.

Сама Рози вернулась тем временем в свое обычное состояние тупого безразличия, она опустила голову и в оцепенении замерла, как и до того, — добавились только ларец у ее ног и маленькая фарфоровая птичка на коленях.

Первым, конечно же, заговорил бургомистр. Впрочем, он не стал тратить время зря, нападая на беспомощную девушку, а принялся прямо за старуху — она, несомненно, и была движущей силой этого заговора.

— Не хотите ли вы объяснить вашу роль во всем этом, сударыня?

Старая дама передернула плечами и продолжала смотреть в огонь. Ей, должно быть, шел уже восьмой десяток, и эта бесконечная ночь исчерпала ее силы.

— Как вы могли бы догадаться, я родом из Верлии, — прокрипела она. — Мне больно видеть, как страна катится к гражданской войне... ассамблея, раздираемая распрями... города, отстраивающие старые стены... Когда до меня дошли вести о пророчестве Хола, я подумала, чем я могла бы помочь. Я слышала о капитане Тигре и наняла его в помощники.

— Но почему вы? Женщина ваших лет, отважившаяся на такое нелегкое путешествие? Что-то очень уж рьяный у вас патриотизм, сударыня!

— Мои сыновья оба в армии.

Он подождал, но она не добавила больше ничего.

— Если вы провозгласили эту судомойку своей законной царицей, почему бы тогда не одеть ее согласно чину? — Он и не думал скрывать крайнюю степень недоверия.

— Ради ее же безопасности, — ответила старая дама все тем же усталым шепотом, — до тех пор, пока мы не прибудем в Верлию и не сможем рассчитывать на более надежную защиту, разумно сделать вид, будто она просто моя служанка. Она не возражала.

Еще бы Роза возражала! Она выполнила бы все, что повелела бы ей «госпожа». Даже сейчас она, похоже, не замечала, что разговор идет о ней. Впрочем, главное заключалось в том, что она не способна была быть никем, кроме служанки, так что начать оказывать ей царские почести означало бы лишить ее остатков разума.

Бургомистр Йоханн обратил свой праведный гнев на солдата.

— Вы верите в эту сказку, капитан?

— Верю.

— Сопливая девчонка из прислуги подбегает к вам на улице, заявляя, что она ваша царица, и вы ей верите? Вот просто так? — Учитывая то, что он обращался к единственному вооруженному человеку в помещении, купец заметно рисковал.

— Не совсем так, — с расстановкой ответил Тигр. — Мы отнесли ее обратно во дворец маркграфа и привели в чувство. Она замерзла до полусмерти и до смерти перепугалась... того, что натворила. Мы вытянули из нее весь этот рассказ — не столько, сколько вы слышали сегодня, но достаточно для того, чтобы возбудить наше любопытство. Мы задали ей кое-какие вопросы. Ответы изрядно удивили нас. На следующий день мы спросили еще кое-что. Мы навели справки в ее окружении.

— Но главная свидетельница — вот эта игрушка? — фыркнул Йоханн.

Все разом посмотрели на фарфоровую птичку, которую девушка достала из ларца. Да, это была голубка — фарфоровая голубка с красивой глазурью. Она ни капли не походила на того Верла, которого я... о котором я упоминал в рассказе про Белорозу. Впрочем, мое слово против утверждений этой компании не стоило бы ни гроша. И даже я не мог бы утверждать, что с тех давних пор бог не мог поменять свое воплощение. В конце концов фигурка — это не сам бог, а только его изображение, так сказать, обитель, символ. Украшение — это всего лишь украшение.

Тигр снова заговорил, таким же тихим голосом, в котором ощущалась угроза — словно вынутая из колчана стрела.

— Давно уже ходили слухи, что царевич Звздоискатель, исчезнув из дворца, захватил с собой царского бога. По общему мнению, именно это послужило причиной, что второй брак царя оказался бесплодным, и его сестра тоже умерла, не оставив наследников. Жители Верлии верят в то, что их боги защищают их от несчастий, но лишь в разумных пределах. Они знают, что остаются смертными. Главная обязанность бога — продолжение рода. Отсутствие наследников — в этом уже надо винить бога.

— И конечно, — ехидно заметил купец, — эта птица не разговаривает ни с кем, кроме самой Розы?

Последовало молчание. Сырые дрова, которые принес Фриц, стреляли и шипели в камине. Песочные часы так и лежали, забытые, на каминной полке.

Двое мужчин в упор смотрели друг на друга в сгустившейся тишине.

— Вы называете меня дураком, сударь?

— Вот уж нет.

— Тогда лжецом?

— Я хочу лишь объяснений, капитан. Я считаю вас достаточно умным человеком, чтобы ожидать доказательств посерьезнее тех, что мы услышали.

Тигр кивнул, принимая это подобие извинений, но оставив угрозу незримо висеть в воздухе.

— Разумеется, есть и еще доказательства. Мы с ее светлостью проторчали в Гильдербурге две недели. На следующий день мы намеревались ехать к вам в Бельхшлосс. Я переговорил со всеми мало-мальски влиятельными горожанами. Я задавал очень много вопросов. Двое молодых людей явились к нам, заявляя, что это они пропавшие наследники. Другой человек, постарше, претендовал на то, что он сам царевич Быстроклинок. Мы с ее светлостью без труда разоблачили всех троих. Я не был на приеме у маркграфа фон дер Краффа, поскольку его не было тогда в городе. Так что если вы полагаете, что девушка подслушала мой разговор, можете оставить эту мысль. Это первое, что и нам пришло в голову.

Купец раскрыл рот, закрыл его и наконец произнес:

— Майстер Тиккенпфайффер?

Нотариус откашлялся.

— Это не обычный юридический казус, бургомистр. Понятия человеческие имеют свои пределы. Главным судьей в данном случае будет являться исключительно сам бог. Имеющиеся прецеденты... — Испепеленный взглядом своего клиента, он поспешно прокашлялся еще раз. — Однако настоятельно необходимо прояснить еще несколько позиций. Ну, например... Вы, капитан, ведь не единственный, кто этим летом странствовал по Фолькслянду с расспросами. К нам в Бельхшлосс тоже заходили несколько, так что вся эта история неделями была поводом для сплетен.

— Полагаю, что так.

Это отчасти было делом моих рук. Я первым поднял этот вопрос еще весной. Собственно, я начал рассказывать эту историю в Гильдербурге в тот самый день, когда у нас вы-

шел конфликт с Фрицевой собакой, и после я все лето только этим и занимался. Мои усилия не увенчались успехом. Разумеется, я завидовал тому, что Тигр со старухой добились большего успеха, обрабатывая дома местной знати. Лично я занимался больше пивными и борделями, обитатели которых, как правило, больше знают, да и развлекают гораздо лучше.

Тиккенпфайффер кашлянул.

— В большинстве городов прислуга богатых семей выступает как гильдия мастеровых. Они подслушивают разговоры за столом, а потом болтают в своем кругу — лакей из одного дома шепнет горничной из другого, например. Ваша претендентка упоминала, что выполняла поручения кухарки. Она могла услышать эту историю на кухне или на рынке.

Тигр смерил человечка поверх головы Розы ледяным взглядом — как вам уже известно, я полностью разделял его чувства. Розы не обратила на это никакого внимания.

— Вряд ли вас удивит, советник, если я скажу вам, что подобная мысль приходила и нам в голову. Когда девушка выказала знание некоторых подробностей, которых я не упоминал раньше в разговорах — вроде вероятности того, что царевич похитил отцовского бога, — я не исключал возможности того, что это могли упомянуть те, другие, что наводили справки до нас. Не стоит недооценивать силу слухов, как вы со мной наверняка согласитесь. Солдатам это известно не хуже, чем юристам.

Сарказм ничуть не задел эту увертливую канцелярскую крысу.

— Но вы допросили управляющего маркграфа?

— Его экономку. Она подтвердила порядочность девушки. Кроме того, она подтвердила, что верлийские дела обсуждались на половине слуг.

Тиккенпфайффер дал этому факту дойти до сознания присутствующих, словно стараясь произвести впечатление на судью. Несомненно, это был существенный момент.

— Итак, — продолжал он, — бог не говорит ни с кем, кроме нее? И вы приготовили список вопросов и отослали Розы спросить все это у бога?

— Разумеется.

— И ответы вас убедили?

Солдат оглянулся на старую даму. Она вернулась к мрачному созерцанию огня — возможно, единственного в помещении, что могла разглядеть. Дрова дымили так, что на глаза наворачивались слезы, чего раньше не было.

— В большинстве своем, — ответил Тигр. — Были некоторые вопросы, на которые бог отказался отвечать. Была пара противоречий, не скрою, но вы не можете не понимать, что познания девочки о мире весьма неполны. Возможно, в некоторых случаях она неправильно поняла вопрос или ответ бога. За исключением этих мелочей она достойно выдержала испытание. Она нас убедила!

Почти убедила, подумал я. И у него, и у его госпожи остались сомнения, в которых они не признаются.

— Можете ли вы привести пример? — вкрадчиво осведомился Тиккенпфайффер.

— Мы попросили ее описать дворцовую молельню в Утоме, в которой обитал бог. Она ответила нам: серебро и рубины. Это не из доступных каждому подробностей. Только лица, приближенные к царской семье, могут знать это, но ответ верный. Этого царевича Звздоискателя в последний раз видели в замке Зардон. Это тоже соответствует истине, хотя никогда не объявлялось. Ваши слухи в Бельхшлоссе говорили об этом?

Тиккенпфайффер покосился на своего клиента. В полумраке купец казался бесформенной темной массой, излучавшей подозрение. Актриса рядом с ним напустила на себя вежливо-скучающий вид, но стиснула кулачки так, что они побелели. Гвилл тупо уставился в пространство, с трудом сдерживая подступающий сон. Все молчали.

— Мы попросили ее описать нам своих родителей, — продолжал солдат. — Сама она их не помнит. Наши расспросы прислуги подтвердили, что она действительно дочь бывшей кухарки, умершей много лет назад, когда Розалинде не исполнилось еще четырех лет. Мало кто помнил ее мать, и никто не знал ничего об ее отце. Роза спросила Верла и

вернулась с описанием Звздоискателя и Свежерозы, которые мы сочли абсолютно точными.

Тиккенпфайффер скова негромко кашлянул — эта его привычка начинала действовать мне на нервы.

— На каком основании? Вы признались нам ранее, что сами рождены не в Верлии, капитан. Могу я узнать, откуда вы сами знаете внешность исчезнувших любовников?

Должно быть, ветер сменил направление. Огонь трещал, и шипел, и снова наполнил комнату дымом. Тигр хрипло кашлянул, отмахиваясь от него рукой.

— Эй, трактирщик! Почему здесь так темно? Будь так добр, принеси свечей! И мне кажется, я не отказался бы еще от твоего пива с пряностями. А перекусить?

Фриц вскочил как вышколенная собака и, бормоча извинения, бросился на кухню.

Фрида поднялась с достоинством.

— Хлеба и сыра, сударь?

Некоторые из нас согласились, что это было бы очень кстати. Она вышла вслед за братом.

— А теперь, бургомистр, — продолжал солдат, — мне кажется, настал и ваш черед ответить на кое-какие вопросы. Вам-то какой интерес от того, что творится где-то в Верлии?

— Нет, это вы мне не ответили еще, капитан. Откуда вы знаете, что девица ответила правильно?

— Эти сведения не...

— Это я, — тихо произнесла старая дама. — Я — мать Свежерозы.

Старуха сделала попытку выпрямиться, уставив мутный взор в купца.

— Теперь вам ясно, каким образом я замешана в это дело? Пророчество упоминало мою дочь, которую я вот уже двадцать лет считала мертвой! У Свежерозы было над сердцем родимое пятно, напоминающее по форме розу. Поэтому ее и называли Свежерозой. Бог описал эту отметину Розалинде, и она рассказала нам это. Эта девочка — моя внучка.

Это, несомненно, была самая драматическая речь из всех, что произносились в эту ночь. Купец побледнел до такой степени, какую я считал невозможной для людей его комплекции. Его жена — тоже. Да и мне самому показалось, что меня огрели булыжником по голове.

Я даже подумал — в первый раз, — нет ли какой правды в словах девочки-судомойки. Но она не похожа была на Свежерозу!

Нет, этого никак не могло быть, и самым удивительным в этом было то, что я не мог доказать этого. Публика вышла на сцену, смешавшись с актерами. Как топор, оборачивающийся против его обладателя, или как лук Онедара, чьи стрелы поражают стреляющего из него, рассказ о Верлии заразил и слушателей. Древняя трагедия наполняла гостиную «Приюта охотника» подобно едкому дыму из камина.

Вернулся Фриц с двумя зажженными лампами. Комната осветилась немного — в ней и впрямь стояла голубоватая дымка. Глаза у всех слезились.

— Мне кажется, самое время проветрить помещение, — заявил я. — Свежероза была очень красивой и достойной восхищения юной дамой. Мне трудно представить ее себе простой кухаркой, хотя я не сомневаюсь, что ради спасения любимого ребенка она пошла бы на все. Чего я совершенно не могу себе представить — так это Звздоискателя в роли солдата-наемника.

Старуха обернулась, пытаясь разглядеть меня.

— Майстер Омар? Некоторое время назад ты утверждал, что был в Верлии двадцать лет назад.

— Совершенно верно.

— Не был ли ты случайно замешан в бегство моей дочери?

— Был, сударыня.

— Ха! Я могла бы догадаться! Отлично. Расскажи нам об этом.

— Моя версия событий не во всем соответствует тому, что вы слышали до сих пор, сударыня.

— В этом я не сомневаюсь. Начинай.

21. ОТВЕТ ОМАРА НА РАССКАЗ СЛУЖАНКИ

Я вовсе не собирался возвращаться в Верлию так скоро. Нанимаясь в экипаж «Золотого хомяка», я намеревался побывать на руинах Альгазана, чье богатство и великолепие давным-давно канули в прошлое. Однако боги властны над ветрами, и они наслали на нас воистину ужасный шторм. Наш искалеченный корабль с трудом дотянул до причала в Кайламе.

В первую же ночь, когда он стоял в тихой гавани, а я спал в своем гамаке, мне приснились Тихие Воды. Во сне я стоял у брода, там, где река впадает в Долгое озеро. Место это было мне незнакомо, ибо дорога, по которой попали сюда мы с Честнодоблестью Галмышским, шла по другому берегу. Мне не приходилось видеть дворец с этой стороны, но я узнал причудливые башни среди деревьев, блеском своим затмевающие великолепие золотого осеннего убора. Я понял, что бог зовет меня.

Жизнь моряка переменчива. Утром, когда к нашему борту подвалила баржа с пресной водой, я незаметно проскользнул на нее и был таков.

До осени, которую я видел во сне, оставалось еще довольно много времени, да и следующие ночи не принесли новых снов, говорящих о неотложности дела. На несколько недель я задержался в Кайламе, а потом по обыкновению своему не спеша отправился в путешествие через всю страну. Стояло время уборки урожая, и для меня всегда находилась работа, если по какой-либо причине не удавалось поддерживать свое существование каким-нибудь иным способом.

В Верлии наступили нелегкие времена. Я видел слишком много заколоченных окон, необрушенных виноградников, садов, где ветви ломаются от тяжести неснятых плодов. Предложение выпить за здоровье царя встречалось довольно вяло, а одно лишь упоминание о налогах могло испортить весь вечер.

На этот раз источником напастей была Бунья, маленькое царство, граничившее с северными степными провинциями. Задумав расширить свои владения, Быстроклинок откусил больше, чем мог прожевать и проглотить. Война тянулась уже много лет, высасывая из Верлии золото и мужчин. Жителей Междуморья никогда особенно не интересовали далекие степные земли, так что эта бесконечная война не пользовалась в народе популярностью. Как говорил в свое время Благодрав суфийским шейхам, войны, как любовные романы — их легко начать и трудно оборвать, и обходятся так же дорого.

Я избегал тех мест, где бывал раньше, так что никто не приглядывался ко мне так, словно лицо мое ему знакомо.

Со временем листья пожелтели, а я приблизился к месту назначения. Сон тоже начал повторяться. Мне ни разу так и не было сказано, что от меня требуется. Я просто видел озеро, реку и силуэт дворцовых башен вдаль. У реки лежали камни — старый очаг. Зеленая лужайка у реки, очевидно, служила излюбленным местом привала путешественников, но мне не было сказано, с кем мне предстоит встретиться там. Я не знал и того, чего мне ожидать — комедии или трагедии, эпоса или любовной истории. Боги ставят и то, и другое.

Последние несколько дней я путешествовал с караваном купцов. Они уделяли мне толику от своих трапез, а я платил им своими рассказами, и это всех вполне устраивало. Предводителем этой компании был низкорослый скупердяй по имени Богосвидетель Нурбийский — впрочем, в рассказе моем он не играет ровно никакой роли, да и тогда от него мало что зависело. Он искренне полагал, что боги создали его только для того, чтобы он денно и нощно радел о состоянии своего кошелька.

Еще одним свидетельством печального состояния дел в Верлии при царе Быстроклинке стало то, что даже такой жалкий караван путешествовал в сопровождении наемного охранника. Подобно мне, он был иностранцем, профессиональным солдатом удачи, и к тому же единственный во всей

компании он обладал привлекательностью. Я так и не смог опознать его произношения, хотя он звал меня Омаром, а не Гомером, как принято у местных. Он откликнулся на имя или прозвище Зиг. Судя по сноровке, с которой он управлялся с конем и мечом, его образованности и манерам, происхождения он был благородного. Несмотря на свои молодые годы, он успел постранствовать по свету — кому, как не мне, судить об этом? Он был неплохим рассказчиком, любил посмеяться, хотя не открывал ничего из своего прошлого за исключением полушутливых намеков на то, что был изгнан с родины за отказ на притязания знатной дамы.

Мы вышли к Долгому озеру к полудню холодного осеннего дня. Окрестные холмы желтели в своем золотом трауре, вода голубизной не уступала лазури. Я знал уже, что князь Огнеястреб Кравский пал на войне. Его сыновья — я видел их, когда они исполняли роль пажей при царе Высокочести — выросли и снискали славу на полях сражений.

Мы ехали вдоль берега и к вечеру увидели шпили Тихих Вод — с того самого места, которое я видел во снах: брод, выступающие из воды камни, старый очаг. На поляне никого не было. Я предложил остановиться и разбить лагерь. Зиг внимательно осмотрел поляну и согласился. Ворчливый старый Богосвидетель настоял, чтобы караван прошел еще час. По части выматывания лошадей ему не было равных, да и другого такого места мы могли бы и не найти до темноты.

Но как ни крути, а он начальник. Зиг пожал плечами. Я вздохнул. Боги призывают меня, когда хотят, чтобы я стал свидетелем какого-нибудь события. На меня можно положиться как на правдивого свидетеля, и я никогда еще не подводил их. Я был на месте — значит мне нужно ждать здесь до тех пор, пока не понадобятся мои услуги.

Мне было бы довольно трудно объяснять все это, поэтому я просто попрощался с Зигом, поблагодарив его за приятное общество. Несколько менее искренне поблагодарил я Богосвидетеля и его спутников за оказанное гостеприимство. Потом я уселся на свой узел и не без печали стал смотреть на то, как мой обед исчезает за деревьями.

Я едва успел размотать свою леску и наживить на крючок первого червя, когда на тропе, по которой ушел дальше караван, послышался стук копыт несущейся во весь опор лошади. Молча вознес я хвалу своим божественным покровителям за ту точность, с какой рассчитывают они время.

Из-за деревьев вылетела взмыленная лошадь, а верхом на ней — перепуганная дева. Подобные страсти приключаются сплошь и рядом в романтических легендах и даже в некоторых правдивых историях из тех, что я рассказываю. Известно, чем они кончаются: отважный герой повисает на поводьях, останавливая обезумевшее животное. Дева без чувств падает на руки героя... рука и сердце... блестящая свадьба и полцарства в придачу, разумеется.

Это в легендах. В реальной жизни, увы, подобные действия приведут скорее к несчастью, чем остановят лошадь. Схватиться за поводья гораздо проще на словах, чем на деле. Мне приходилось видеть, как люди пытались сделать это, в результате чего всадники погибали. Самым верным будет кричать бестолковой девице, чтобы она держалась как следует и дала скотине носиться сколько угодно, пока не устанет, что так и так случится довольно скоро. Если девице удастся не стукаться головой о нижние ветки, с ней не случится ничего серьезного. В конце концов, черт возьми, лошади умеют бегать! Если ее не трогать, лошадь не побежит, куда не надо.

Так-то оно так, но должен признать, что я вскочил на ноги и бросился наперерез. Можете считать это рефлексом.

Следом за ней из-за деревьев вынырнул Зиг, как безумный пришпоривавший своего коня. Я вспомнил, что боги редко требуют от меня прямого участия в событиях, и остановился. К несчастью, лошадь с девицей, услышав догонявшего ее скакуна Зига, свернула в мою сторону.

Зиг выдернул злополучную деву из седла, но не удержал равновесия — даже у самых умелых наездников редко имеется опыт подобных трюков. Я бестолково дернулся в сторону и как раз угодил под спасителя и спасенную, совершавших поспешное и незапланированное приземление. Мы все трое

кубарем полетели на землю, причем кто-то из них, а может быть, и оба ухитрились врезать мне под дых, а боком я со всего размаху шмякнулся о землю.

Зиг зацепился ногой за стремя.

Как оказалось, быть свидетелем некоторых из устроенных богами событий не такое уж простое дело. Когда мир наконец перестал вращаться, тела — включая мое собственное — были разбросаны по всей лужайке.

Девушка поднялась на колени. Несмотря на мое полуоглушенное состояние, я понял, что, рассказывая про это событие, мне придется использовать все имеющиеся у меня в наличии превосходные эпитеты. Правда, в ту минуту из меня почти выбило дух, а также большую часть мозгов.

Поэтому назовем ее просто потрясающей.

Зиг тоже принял сидячее положение. Я не говорил еще, что он был высок, красив и мускулист? Широкие плечи, мужественный подбородок... в общем, полный стандартный набор.

Традиционные верлийские наряды ярки и удобны, но не слишком подходят для тех случаев, когда их обладателей тащат по траве. Вся поляна была усеяна обрывками платья.

Эти двое не отрывали глаз друг от друга.

— Вы не покалечились, сударь? — спросила она.

Ага, подумал я, любовная история! Вслед за этим меня стошнило.

Такова была моя первая встреча с княжной Свежерозой Кравской. Правда, тогда я не знал еще ни того, кто она, ни того, какую роль ей суждено сыграть в верлийских делах.

Через несколько минут на поле боя появились Богосвидетель Нурбийский и его друзья в сопровождении нескольких извергающих громогласные проклятия молодых людей на разгоряченных конях под предводительством моего старого знакомого Честнодоблести Галмышского. Он заметно постарел и пополнил и еще заметнее полысел, но в остальном остался все тот же. Судя по всему, он командовал эскортом юной дамы и кипел от ярости из-за этого досадного происшествия.

К счастью, я был уже у самой воды, умываясь с помощью кого-то из знакомых купцов. Мне удалось избежать взгляда Честнодоблести, а когда он послал справиться о моем самочувствии, я заверил парня, что со мной ничего страшного и что я не принимал никакого участия в спасении.

Зига и княжну Свежерозу, разумеется, привели в относительно пристойный вид. У Зига была сломана лодыжка. Лицо Свежерозы украсил неописуемо пышный синяк. Они так и не отрывали глаз друг от друга. Честнодоблесть проследил за тем, чтобы обоих усадили верхом, и вся кавалькада отправилась в замок оказывать дальнейшую необходимую помощь. Богосвидетель в конце концов решил стать на ночлег на этой поляне, и я завернулся в свое одеяло, стараясь не думать о ноющих синяках и ссадинах. Наутро мы двинулись дальше, но прошла неделя, прежде чем я смог стоять прямо.

Я понимал, что на этом история не кончилась, однако такие вещи быстро не делаются. В ожидании следующего действия я решил навестить Утом, что Посередине. В прошлое мое посещение Верлии столица пребывала в трауре по Высокочести, поэтому я обошел ее стороной. На этот раз я решил навеститься в гости к царской семье.

Моя методика никогда меня не подводит: несколько вечерних выступлений в лучшей гостинице для утверждения репутации, потом приглашения выступить в частных домах, внимание со стороны знати... ну и в конце концов приглашение во дворец.

Я почти не опасался того, что кто-нибудь вспомнит мое выступление в Тихих Водах. Мало кто видел меня там, и как правило, аристократы боятся показаться большими дураками, чем они есть на самом деле. «Клянусь богами, вы выглядите еще моложе, чем когда-либо, не так ли?» Нет, это вряд ли. В крайнем случае я всегда мог прикинуться собственным сыном, однако я придерживаюсь правила не говорить ничего, кроме чистой правды.

Спустя два месяца после истории с удравшей лошастью и три недели с моего появления в столице меня вызвали во дворец.

* * *

Дворец поражал монументальностью. Я видел сторожевые башни тоньше, чем колонны в бальной зале. Все дверные проемы — это какие-то узкие щели, все лестницы — крутые спирали, которые легко оборонять. Контраст между этой крепостью и хрупкой красотой Тихих Вод вполне соответствовал разнице характеров двух братьев, заложивших эти дворцы. Всю свою жизнь Верн оставался бойцом.

При первой нашей встрече Быстроклинок был сонным юнцом, с трудом подавлявшим зевоту. Спустя четверть столетия он превратился в голодного волка — угрюмого, мрачного, мнительного. О, манеры его были вполне безупречны. Он вел себя, как и подобает царю, благородному дворянину — но опасному дворянину. Он не заливал страну кровью, он не осуждал своих друзей на пытки, однако по виду его можно было предположить, что он вполне способен на это. Он был высок, строен и чисто выбрит, подавая личный пример новой моды. О нем говорили, что он крепок и активен, как люди на десять лет младше его, однако царившую в его душе черноту он скрыть не мог. Слишком много монархов страдали навязчивой идеей относительно их места в истории, и он не мог не понимать, что его правление не будет поминаться добрым словом. Кровопролитной войне не было видно конца. В погоне за славой он добился лишь разочарования.

Жена его умерла пару лет назад. Ожидалось, что он женится второй раз, и весь двор гудел, выдвигая предположения на этот счет. В данный момент обязанности официальной хозяйки дворца исполняла его сестра. Царевна Соловьина казалась еще более хрупкой, чем при нашей первой встрече, — еще более горестной и изможденной. Ее брак оказался бездетным. Муж ее жил теперь отдельно от нее, напропалую развратничая в своих поместьях, плодя бастардов как козел, словно назло, чтобы доказать, что не повинен в отсутствии законного наследника. Над ней нависла еще более черная тень; жить ей тогда оставалось меньше года.

Имея на престоле этих двоих, а на границах — войну, двор превратился в какое-то болезненное, выматывающее

нервы подобие карнавала — веселье на поверхности и бездонная чернота под ним. Я уже говорил, что даже скромные верлийские землепашцы предпочитают одеваться поярче. Придворный же люд блистал как россыпь бриллиантов на солнце, как самоцветы на подкладке из черного бархата.

В первое свое посещение Большого зала я снова повел собравшимся историю Зимней Войны, сделав, конечно же, ударение на Верне. Рассказ был встречен довольно неплохо. Меня проводили стоя, овациями, а также увесистым мешком золота, предоставив мне заодно апартаменты во дворце на любой удобный мне срок. Благородные дамы засыпали меня приглашениями в свои салоны и будуары — разумеется, в то время, когда меня не требовал к себе царь.

Вскоре я устал от аристократов, ибо жизнь их лишена реальности, однако бывает и так, что я устаю от бедности, и мне не мешало поправить свои финансовые дела. Каким бы угнетающе искусственным ни казался двор в дневное время, вечером он становился возбуждающе пестрым и разнообразным. В конце концов, время было зимнее, а зимой пуховые перины куда приятнее, чем придорожные канавы. Несколько дней я нежился в тепле. Все, чего мне недоставало, — это новых историй. С восхода до заката я не слышал ничего, кроме заурадных сплетен. Потом во дворец вернулся наследник престола, и слухи вдруг стали зловещими.

Впервые я увидел Звздоискателя на званом балу, где веселящаяся толпа сияла ярче свечей. С высоких балконов лилась музыка. Молодежь обоего пола кружилась в веселом танце, проносясь вихрем разлетающихся разноцветных одежд. Прислонясь к массивной колонне, я пытался отдышаться от одного из таких диких танцев, подбирая метафоры, подходящие для описания этого зрелища: рой стрекоз, стайка тропических рыбок, сумасшедший выводок зимородков? Мешок павлинов... Снегири в цветочной лавке...

Музыка — еще быстрее, танец — еще безумнее... Все больше обессилевших пар искали спасения по углам. Удивительно, но царь находился в самом центре веселья, отплясывая не хуже других. Для человека, возраст которого при-

ближался к сорока, он держался на удивление неплохо. Я усмехнулся и стал ждать, сколько он еще продержится.

Потом я узнал его партнершу, и на этом праздник для меня закончился.

Я повернулся к своей спутнице — имя которой, признаюсь, совершенно выскочило из головы, хотя и не должно бы, поскольку... ладно, это к делу не относится.

— Я вижу, его величество нашел вторую по красоте даму в этом зале?

— Свежероза Кравская, — промурлыкала моя подруга, запуская свои пальчики мне под платье, чтобы пощекотать ребра. — А вы что, ничего еще не слышали?

— Что не слышал? — спросил я, отвечая ей соответственно — мы любезничали в довольно-таки укромном местечке за пальмой в кадке.

— Царь сделал выбор. Оглашения помолвки ожидают со дня на день.

Неужели? А что тогда мой приятель Зиг? Что с тем романом, завязку которого я созерцал своими глазами? Я совершенно забыл о ребрах. Боги ставят трагедии так же часто, как любовные истории.

Царь наконец исчерпал свои царские силы. Задыхаясь, он резко остановился, и музыка тотчас смолкла. Смех, радостные возгласы, аплодисменты... Толпа танцоров начала рассасываться.

На моих глазах Быстроклинок подал Свежерозе руку и отвел ее в сторону — хотя мне кажется, он больше опирался на нее, чем она на его руку. Я мог понять его выбор. Расставить всех красавиц в этой зале по ранжиру было бы непосильной задачей, однако она гарантированно попала бы в пятерку лучших на взгляд любого из присутствующих здесь мужчин. Конечно, он был старше ее, однако эта разница в возрасте не выходила за рамки приличия. Когда верлийский царь делает выбор, какой выбор остается его избраннице?

Оркестр заиграл снова. Зал начал заполняться танцующими.

— Ох! — только и сказал я: моя спутница ущипнула меня.

— Вы про меня совсем забыли! — угрожающе шепнула она.

— Неправда! Неправда! — возразил я и увлек ее танцевать, пока она не изнасиловала меня прямо за пальмой.

Однако и танцуя, я старался приблизиться к царской ложе, где Быстроклинок и его невеста потягивали вино. Рядом с ними сидела царевна Соловьина с еще более болезненным, чем обычно, видом. Обыкновенно мрачный монарх улыбался. Свежероза смеялась какой-то его шутке. По ее поведению я не мог заключить ничего. Парящая. Потрясающая.

— Уж не дочь ли она старого Огнеястреба? — прошептал я на ухо своей партнерше: танец был из тех, что позволяют крепко прижиматься друг к другу.

— Еще одно слово о ней, — нежно прошептала она в ответ, — и я выцарапаю вам глаза.

Тут...

Прямо через танцующую толпу, рассекая ее как барсук высокую траву, прошла компания из восьми или девяти молодых людей, одетых в черное. Веселье стихало за их спиной как срезанное серпом.

Невысокий, но плотный юнец во главе компании не мог быть никем иным, как Звздоискателем, наследником престола. Если его отца я называл голодным волком, то его можно сравнить с исхудавшим медведем. У него были похожие на дупла глаза, которым я никогда не доверяю. Мне показалось, что на лице его заметны следы разложения, но, возможно, я позволил себе попасть под влияние слухов. Даже по меркам двора его репутация как записного дебошира была исключительной.

Остальные могли быть только его закадычными друзьями. Про них я тоже слышался разного. Некоторые из них репутацией своей превосходили даже его — развратники, пьяницы, бретеры и просто головорезы. Я ничего не имею против молодежного бунтарства — если за этим стоит какая-то позиция. Про позицию Звздоискателя я ничего сказать не мог; скорее всего ее не было и в помине. Он не выступал ни за войну, ни против нее, ни за, ни против чего угодно. Он был за себя, любимого, — и все.

Царевич небрежно поклонился отцу, взял Свежерозу за руку, словно собираясь приложиться к ней, и выдернул ее из кресла, поймав в свои объятия. Прежде чем кто-то успел вымолвить хоть слово, он уже кружился с ней в танце. Хрустальный бокал упал на пол и разбился. Соловьина подавила крик. Царь вскочил на ноги вне себя от гнева. Он опоздал. Они исчезли, а на пути его стояли дружки царевича — вся затея была тщательно спланирована. Редко доводилось мне видеть столь возмутительный поступок, проделанный с такой помпой.

Юнцы в черном поклонились и тут же растворились в толпе искать себе партнерш для танца. Я наступил на ногу своей спутнице и пробормотал извинение.

Надо ли говорить, что с этой минуты дворец гудел как потревоженный улей. Лично я несколько не удивился бы, объяви Быстроклинок о своей помолвке в ту же ночь, не дожидаясь даже согласия дамы. Я знал монархов, поступавших таким образом, но он не сделал этого. Скандал не стихал несколько дней. Царь был старше дамы на четырнадцать лет, царевич — младше на пять. Кого из двух она выберет? Когда я спрашивал, почему она должна обязательно выбрать из этих двоих, на меня смотрели, как на полного идиота.

Слухи плодились самые разнообразные. Так, из шипения сердитых матрон следовало, что гадкая девица нарочно настраивает отца против сына. Судя по тому, что я слышал о Звездоискателе, он затеял всю эту историю самостоятельно, без чьего бы то ни было наущения. Впрочем, некоторые утверждали, что он первым пасся в этих лугах и что это царь вторгся в чужие владения. За всем этим стоит мамаша девицы. Или, если вам больше нравится такая версия, мамашу срочно вызвали ко двору, дабы она вразумила свою дочь. Царь угрожал лишить сына наследства. Царевич угрожал отцу революцией — теория не такая уж невероятная, учитывая состояние страны.

Помимо самой Свежерозы, излюбленной темой разговоров был царский бог. Любая другая верлийская семья испро-

сила бы божественного совета и строго бы ему следовала. Верн и все его потомки старались четко разграничивать полномочия семейного божества, Верл, и государственного — Хола. Хол был могуч, но далек; он мог предсказать события, но сам в них не вмешивался. Он являлся единственным исключением. Еще со времен Ханнаила люди Верлии придерживались странных взглядов, согласно которым богам не дозволялось лезть в политику.

Какой бог правил здесь? Кого поддерживал Верл — сына или отца? Или у него были вообще совсем другие планы? Никто бы не смог ответить на этот вопрос, кроме членов царской семьи, а они явно не собирались посвящать в это посторонних.

Мне отчаянно хотелось поговорить с самой девушкой. А как раз этого-то я и не мог, поскольку она куда-то скрылась. Конечно, у нее ситуация не из легких, и все же я не особенно тревожился. Я хорошо помнил, как ее сняли с несущегося во весь опор коня, уронив при этом на менялу историй. Да любая, кому по силам пережить такое и вдобавок вежливо поинтересоваться у своего спасителя, как он себя чувствует, должна быть прочнее седельной кожи. Мне не терпелось узнать, что же происходит за кулисами и что случилось с Зигом, но я не сомневался в том, что рано или поздно все узнаю.

Разумеется, я узнал — и даже раньше, чем ожидал.

Мрачная пелена окутала дворец. Царь впредь до следующего распоряжения отменил все назначенные балы, пиры и прочие увеселения. Таким образом, в моих услугах как придворного сказителя временно не нуждались, и сразу же на меня посыпались приглашения почтить своим присутствием дома столичной знати. Не забывайте, была зима, а ночи зимой долгие. Я сделал одолжение.

Я вернулся во дворец незадолго до зари и, должен признать, находился не в лучшем виде. Я немного злоупотребил изысканными яствами, крепкими напитками и девичьим вниманием. Ну, не девичьим, а, скажем так, юной дамы по

имени Славачень Гнашская. Она происходила из очень почетной семьи и обладала исключительной гибкостью, равной которой я не встречал вне цирковой арены. Моя старая приятельница, Женщина-Змея Гальда могла бы поучиться у нее кое-каким штукам. Не прибегая к помощи рук, она могла... но я отвлекаюсь. Скажем только, что я был весьма утомлен, и этого достаточно.

Во дворце была какая-то кутерьма, и повсюду носились гвардейцы. В обычном состоянии я ни за что бы не прошел мимо, не поинтересовавшись, в чем дело, но у меня голова была как чугунный котел, и страшно клонило в сон. Я заметил, что меня пропустили внутрь без лишних расспросов, и это само по себе странно. Первая реакция любого уважающего себя дворца на какое-либо потрясение, как правило, заключается в запираании наглухо всех входов и выходов, и тем не менее стража позволила мне войти, даже не посмотрев на меня. Я устало поднялся по лестнице и доплелся до своей двери.

Я подошел к ней как раз вовремя, чтобы остановить отряд вооруженных людей, намеревавшихся взломать ее.

— В чем проблема? — осведомился я хриплым шепотом.

— Именем его величества, откройте! — прорычал старший офицер.

Возможно, впрочем, он и не рычал, но суть слов его от этого не менялась.

Будучи не в настроении спорить с такой луженой глоткой, я порылся в карманах, нашел ключ и отпер дверь. Меня бесцеремонно отпихнули в сторону и ворвались в комнату. Там не было ничего подозрительного. Я это точно знал. Я подождал, пока им не надоест шарить по всем углам и заглядывать под стол и они не выйдут. Даже не подумав извиниться, они направились к соседней двери.

Утром у меня будет достаточно времени выяснить, что же творится, решил я. Теща себя мыслями о мягкой постели, я ввалился внутрь и запер за собой дверь. Комната была ярко освещена.

В моем любимом кресле сидела Свежероза.

Я прислонился к стене и зажмурился, подождав, пока шум в голове поутихнет. Когда я набрался сил открыть глаза, она еще сидела на том же месте.

— Мастер Гомер? — тихо произнесла она. Она обладала идеальным сложением, этакий эталон женской красоты, обернутый, насколько я мог судить, в шелк. Цвета были темными и насыщенными, темно-синими и зелеными. Одежды тесно облегали изгибы ее тела, но еще более привлекало мой взгляд то, чего они не скрывали. Ах, этот бок, это бедро! И в моей спальне! Ущерб, нанесенный мне Славачеством, разом позабылся. Я выпрямился, пригладил рукою волосы, одернул одежду...

Свежероза неуверенно ответила на мою улыбку. Возможно, это была не самая ободряющая из моих улыбок. Я заметил, что ее волосы чуть рыжеватые, а глаза — темно-синие. Именно глаза сказали мне, что это не простушка-служанка, с которой можно справиться всего парой льстивых слов.

Я осторожно поклонился.

— Госпожа моя, вы оказали мне большую честь, почтив своим посещением.

— Боюсь, я также подвергаю вас большой опасности. Вы не присядете?

Шатаясь, доплелся я до соседнего кресла. Она чуть нахмурилась, заметив неуверенность моих движений. Я рухнул на мягкие подушки и как идиот уставился на нее.

Она недовольно нахмурилась.

— Мне кажется, мы уже встречались. Я приношу вам свою самую искреннюю благодарность за вашу храбрость.

— Я счастлив, сударыня.

На губах ее мелькнула слабая улыбка. О, эти губы!

— Правда? Боюсь, я почти не заметила вас тогда. Я была несколько потрясена. Мне стоило бы обратить на вас больше внимания и поблагодарить тогда же. Собственно, я узнала о вашей роли в той истории лишь впоследствии.

— Как дела у Зига?

Она снова нахмурилась.

— Его нога, должно быть, уже зажила.

Я ждал. Она сменила тему.

— Боюсь, я снова пришла просить вас о помощи.

Боги, да она могла бы ходить по мне в туфлях на шпильках, если бы захотела. Увы! Мое дело было безнадежным. Передо мной в очереди стояли по меньшей мере трое. Ладно, ну и пусть.

— Так просите же, сударыня!

— Должно быть, вы уже слышали... или догадались. Я пропала. Стражники обыскивают дворец. Они ищут меня.

Шестеро гвардейцев искали ее в этой комнате. В ней негде прятаться. Тайные ходы тоже исключаются. Я тщетно попытался собраться с мыслями, хотя чувствовал себя так, словно их разметало ураганом.

— Вы шелестите платьем, как кролик в сухой траве, и все же они вас не заметили?

Она мотнула головой, отбрасывая длинные волосы назад. Что за волосы! И что за плечо...

— Я нахожусь под защитой.

Ага! Туман понемногу рассеивался.

— И чем могу я помочь вам?

— Найдите мне коня и приведите к воротам, выходящим на реку. Я переберусь вплавь. — Она смерила меня взглядом, пытаясь не обнаружить свои сомнения. — Вы уже доказали свою храбрость, мастер Омар. Вы пытались... Я хочу сказать, что вы уже спасли меня однажды. Мне говорили, что вы из тех, кто приходит на помощь в беде. Можете вы сделать это для меня?

Я заметил, что на столике у кровати стоит графин с водой. Я выпрямился и двинулся к графину, ну, положим, не совсем к графину, но более или менее в том направлении.

— Для вас, госпожа моя, я сделаю все, что в моих силах. Вы застали меня в не самую удачную минуту. Дайте мне немного времени прийти в себя. Все, что вы сказали мне, разумеется, останется между нами. Так как поживает мой друг Зиг?

Я наконец добрался до графина и утолил жажду, стараясь не смотреть в ее сторону. Последовала долгая пауза, ви-

димо, она сильно сомневалась, стоит ли доверять злостному пьянице.

— Зиг нанялся к нам в дворцовую гвардию.

— Не сомневаюсь, что он великолепный воин.

Она хихикнула, и я удивленно посмотрел на нее.

— Мама в тот же день отправила его в Зардон. Она сказала, до тех пор, пока его нога не заживет полностью. — В темно-синих глазах блеснули слезы, хотя и не совсем убедительные.

— А где этот Зардон?

— Почти в самом удаленном от Тихих Вод месте Верлии. Ну, возможно, не совсем так, но, во всяком случае, это самое удаленное поместье из тех, которыми владеет моя семья. На западном побережье.

— И туда вы и собрались сегодня, сударыня?

Она прикусила губу.

Утолив жажду, я почувствовал себя немного лучше и вернулся в свое кресло.

— Я умею делать выводы, но не проговорюсь даже под пыткой. Но зачем вам моя помощь? Вы продемонстрировали способность быть невидимкой. Почему вы не воспользуетесь этим и в конюшне?

— Возможно, за стенами дворца моя защита уже не действует.

Ну конечно, Верл ведь домашний бог.

— В таком случае я буду счастлив помочь вам.

Свежероза улыбнулась — летний рассвет, хор птичьих трелей...

— Она сказала, что вы поможете. Я буду очень признательна. И, я уверена, она тоже.

— Одна ваша улыбка вознаградит меня за все — но, признаюсь, я ужасно любопытен.

— Верл предупредила меня об этом! Но она сказала, я могу рассказать вам, потому что вам можно доверять.

— Нем как могила!

Не слишком ли мрачное сравнение в данных обстоятельствах?

Она одернула платье, отчасти прикрыв так впечатлявшее меня бедро.

— Царь хочет жениться на мне. Царевич тоже хочет жениться на мне. Впрочем, царевич согласен и на меньшее, если это только можно считать меньшим, — уж во всяком случае, это больше того, на что согласен царь, да и я сама тоже. Я понятно объяснила ситуацию?

— Никогда еще не встречал женщины, которая так доходчиво объясняет.

Она кокетливо склонила голову:

— Вы очень добры!

— А кого любите вы сами?

— Зига, конечно. — Она чуть удивленно нахмурилась. — Не знаю, как вы об этом догадались. Остальные ни о чем не подозревают. Мама уверена, что вовремя нас разлучила. Боги, целых две недели! Я никогда раньше не верила в любовь с первого взгляда.

— Конечно, нет! — усмехнулся я.

— Романтический вздор!

— Абсолютная ерунда! И сколько на это потребовалось?

— Не больше секунды. Столько времени, сколько надо, чтобы сесть. Я не успела разглядеть его, пока он не выдернул меня из седла.

— Я видел его лицо. Он ведь не возражал, правда? Знаете, а я ведь никогда не пробовал такого — решительно-мужественного — способа ухаживания. Похоже, он действует быстрее моих обычных методов. Впрочем, это мы можем обсудить по дороге.

— Но вам совсем не обязательно провожать меня! Это опасно — ведь царь уже приказал искать в городе, и...

— Вся королевская... то есть царская конница не остановит меня, госпожа моя. Я провожу вас к человеку, которого вы любите, или погибну. — Видите ли, мой язык порой говорит не совсем то, что мне бы хотелось.

Она прикрыла глаза самыми красивыми ресницами, какие я видел когда-либо.

— Спасибо. Но вы понимаете, что наживете себе опасных врагов?

— Вот почему Верл выбрала иноземца. Кстати, что она говорит по поводу царского спора из-за вас?

— Она запретила думать обо мне обоим. Она непреклонна! Но, боюсь, они оба не очень-то прислушиваются к ней.

— Они сошли с ума. — О том, что мужчин можно свести с ума красотой, я промолчал.

В самом дворце моей помощи не требовалось. Какая-то польза от меня могла быть только после того, как мы минуем речные ворота. Я знал это. Верл знала это. Свежероза знала это. Они оставили за мной право выбора. Не то чтобы я мог поколебаться в своем решении — я знал это. Верл знала... Тьфу, не обращайтесь внимания.

А странно, оказывается, быть невидимкой. Стража прочесала дворец от подземелий до башен, и все без толку. Поэтому они начали все по новой. Царь пообещал выпороть всех и каждого. Я знаю это точно, поскольку слышал, как они перешептываются. На крутых спиральных лестницах, в узких коридорах они проходили так близко от нас, что мы могли разглядеть щетину на их подбородках и капли пота на лбах. Они отступали в сторону, давая пройти Свежерозе, но ни разу не взглянули ей в лицо и не спросили имени.

На конюшне все было еще чудней. Гвардейцы стояли вокруг нас чуть не толпой, обсуждая, где же может прятаться эта чертова девка. Конюхи играли в кости. Никто из них не проявил ни малейшего интереса к тому, что мы выбрали двух самых выносливых жеребцов и оседлали их. Солдат даже открыл нам ворота, не прекращая обсуждать при этом с приятелем, каким образом эта чертовка могла улизнуть из дворца.

Та же чертовщина продолжалась и у речных ворот. Впрочем, их вообще никто не охранял. Какому идиоту придет в голову кататься на лодке зимой, верно?

Я полагал, что самым слабым местом в плане бегства будет заставить лошадей поверить в то, что нет ничего приятнее, чем поплавать немного зимней ночью. Возможно, Верл и здесь помогла нам, но Свежероза была прекрасной наездницей, так что могла добиться этого и сама. Мой жеребец

последовал ее примеру без особого сопротивления. Бр-р! Помнится, я протрезвел разом.

Через несколько минут мы уже неслись в лунном свете по северному тракту. До Зардона оставалось четыре дня езды.

Теперь и мое присутствие пригодилось. Не в качестве воина, нет, — я не удосужился даже захватить меч. Когда против тебя все царство, от одного клинка мало проку. Не могу сказать, чтобы голова моя варила лучше, чем у моей спутницы, да и с лошадьми она управлялась почище моего, а вот чего ей не хватало — так это дорожного опыта. Свежероза представления не имела о бережливости, она не смогла бы договориться о ночлеге и о еде, не вызвав подозрений, — до сих пор ни разу не путешествовала без солидного вооруженного эскорта. Не думаю, чтобы она смогла проделать все это без моей помощи, не оставив за собой цепочку озадаченных свидетелей.

Так или иначе, мы добрались до Зардона, никем не остановленные. Путешествовать верхом зимой — не самое простое занятие, выматывающее как духовно, так и физически. Конечно, хорошо, что не ударили морозы, но ветра и дождя было предостаточно, а уж грязи-то... Столько, что больше и желать нельзя. Изматывающая езда, короткие дни и нескончаемый унылый сельский пейзаж кого угодно взбесят. Свежероза переносила это ничуть не хуже меня, а возможно, и лучше. Правда, ее воодушевляла любовь к Зигу.

Я все думал, что мы будем делать, когда найдем его, но не рискнул спрашивать. Я опасался, что на этот раз боги ставят трагедию.

Весь последний день мы ехали вдоль скалистого берега моря. Побережье к югу от Кайлама почти необитаемо. В некоторых бухтах сохранились еще маленькие рыбацкие деревушки, но крестьянские дома редки. Мы избежали посторонних глаз, скользая призраками в тумане, наползавшем на берег с моря.

Когда начало темнеть, мы остановились дать отдых лошадям, и нам пора было перекусить. Хлеб зачерствел настолько, что, боюсь, мы хрустели им громче, чем лошади — сухой травой. Я замерз, устал и почти отчаялся.

— Нам надо побыстрее найти кров, — мрачно заметил я. — Иначе мы скоро не будем видеть собственных рук, держащих поводья.

— Мы почти на месте.

Я удивился, откуда она знает это. Все, что я видел, — это траву, да и ту немного. Даже лошади, которые паслись всего в нескольких шагах от нас, еле виднелись сквозь туман.

Должно быть, она заметила мои сомнения.

— Последняя речка, которую мы пересекли, это Пильский ручей. Я поймала в нем не одну форель. Мы уже на земле моего брата.

— Тогда расскажите мне про замок.

— «Замок» — слишком громкое название. Так, блокгауз на возвышенности. Его строили как сторожевую башню для защиты от пиратов. Мой дед превратил его в охотничье поместье.

Я почувствовал себя немного лучше.

— А гарнизон в нем большой?

— Сейчас вообще никакого. Все воюют на севере. Я думаю, там только Зиг и один-два тюремщика.

Так мы могли еще надеяться на успех. Человека со сломанной лодыжкой держать взаперти не так уж трудно. Но посади его верхом, и он сможет передвигаться не хуже нас. Вот только будут ли там лошади? Жаль, что мы не купили запасного коня, пока была такая возможность, но теперь рассчитывать на это не приходилось.

— Ну что ж, доверимся богам, — пробормотал я с набитым ртом.

На ближних подступах к замку нам пришлось спешиться и вести лошадей в поводу. Тропа петляла между деревьями, пока не вынырнула на каменистое плоскогорье. Мы разговаривали только шепотом, хотя вряд ли кто мог услышать нас сквозь шум прибоя. Я ощущал его ногами почти так же, как слышал ушами, хотя мы поднялись довольно высоко. Если в такую ночь замок охраняется снаружи, значит, в нем столько людей, что нам не на что рассчитывать.

Замок Зардон замаячил перед нами темным прямоугольником на фоне чуть более темного неба. Кукольный замок — ящик не больше десяти шагов в поперечнике, не выше двух этажей. Тропа упиралась в арку ворот, и створка была открыта. Я перестал беспокоиться относительно гарнизона и задумался, что нам делать, если внутри никого не окажется.

Впрочем, я не знал также, что мы будем делать, если внутри кто-то окажется. Я даже не спрашивал, потому что не хотел слышать ответ. Кто я такой, чтобы мешать настоящей любви?

Я подозревал, что моя волевая спутница намеревается как можно быстрее сочетаться с Зигом законным браком, дабы поставить свою семью и своих августейших преследователей перед свершившимся фактом. Что потом? Возможно, Свежероза слишком плохо представляла себе дворцовые нравы, чтобы предвидеть неизбежные последствия такого шага. Зато я представлял, и даже слишком хорошо. Во дворце ходили слухи об участии тех, кто имел неосторожность не угодить царевичу. Сам царь запросто мог бы упрятать Свежерозу в темницу до скончания дней. О том, что он сделает с Зигом и со мной, я старался не думать.

Тем временем мы привязали коней к ограде, и Свежероза направилась к двери. Я схватил ее за руку.

— Сначала обойдем замок и посмотрим, горит ли в окнах свет.

— Попробуйте, и совершите нырок с рекордной высоты.

— Ох... Ладно, тогда опишите мне внутреннюю планировку.

— На этом этаже конюшня, кухня и помещение охраны. На втором — зала и две спальни. Пошли.

Мы нырнули в дверь и оказались в темноте. Свежероза взяла меня за руку неожиданно теплыми пальцами и повела за собой, находя дорогу на ощупь. Если где-то рядом и были лошади, это были самые тихие и лишенные запаха лошади из всех мне известных. Я ощущал запах моря и дыма. Мы дошли до лестницы и начали подниматься. К счастью, ступени были каменными и не скрипели. Мы передвигались в полной тиши-

не, нарушаемой только рокотом прибоя и отчаянным стуком моего сердца, слышным, наверное, и в Утоме.

Потом мы свернули за угол, и впереди показался свет, выбивавшийся из-под двери. Мы пригнулись и заглянули в щель.

Я увидел ножки мебели и четыре башмака. Трещал огонь. По крышке стола стучали игральные кости. Я услышал раздраженный мужской голос.

— Отлично! — прошептала Свежероза. — Это Честнодоблесть!

Прежде чем я успел сказать что-то, она перепрыгнула через последние ступеньки и распахнула дверь.

Я сполз по лестнице вниз, считая ступени коленками, чтобы свет не упал на меня. Я услышал удивленные крики и грохот двух падающих стульев. Я узнал голос Зига, вопрошающий, что, именем всех богов... и примерно тот же вопрос, произнесенный другим знакомым мне голосом, надменность которого с годами ничуть не уменьшилась — Честнодоблесть, мой давний провожатый, протащивший меня от Майто до Тихих Вод, чтобы развлечь царскую семью. Вряд ли в Верлии насчитывалась дюжина людей, помнивших меня с тех пор, но он был один из них.

— Я пришла забрать Зига, — заявила Свежероза.

— Вы привезли приказ вашего брата, госпожа?

Значит, он намерен возражать, чего я мог бы ожидать от него. Я не слишком верил в способность Свежерозы очаровать его настолько, чтобы он послушался данного ему приказа, хотя, возможно, она надеялась на это. Я решил вмешаться, пока не прошел эффект неожиданности.

Я взлетел по лестнице и шагнул на свет рядом с ней. Я постарался изобразить на лице самую свою зловещую, загадочную улыбку, однако не вполне в этом преуспел, потому что невольно зажмурился от яркого света.

Зала явно не заслуживала такого названия. Это была убогая комнатенка, хотя при данных обстоятельствах она показалась довольно уютной. В камине весело плясал огонь, а вокруг были расставлены кресла и стулья, в количестве явно

избыточном для комнатки такого размера. Стены украшали многочисленные удочки. Здесь было еще две двери. Они оставались пока закрытыми; во всяком случае, никто не прибежал проверить, что за посетители пожаловали.

Зиг стоял. Он не мог подойти ближе, он был прикован цепью за ногу. Честнодоблесть стоял ближе, преграждая путь Свежерозе.

— Омар! — крикнул Зиг.

Честнодоблесть поперхнулся и уставился на меня.

Я говорил уже, что Зиг был мне по душе. Опытный солдат удачи всегда действует по обстоятельствам. Зиг схватил со стола кувшин и обрушил на голову своего тюремщика. Кувшин разлетелся вдребезги, во все стороны полетели глиняные черепки. Честнодоблесть пошатнулся и обрушился на пол с ужасающим грохотом, от которого содрогнулся замок.

Свежероза бросилась в объятия своего возлюбленного. Ей он тоже явно был по душе.

Поскольку им было не до меня, я занял себя полезным делом. Я связал Честнодоблести лодыжки и запястья обрывками его же собственного наряда. Он лежал без сознания, но никогда не грех перестраховаться. За этим занятием я нашел ключ от оков Зига и освободил его. Потом подобрал меч Честнодоблести и положил на стол так, чтобы Зиг мог легко взять его, когда вернется к реальности. Кинжал Честнодоблести я присвоил себе, полагая, что он когда-нибудь может и пригодиться. У него была красивая рукоятка из резного янтаря. Покончив с этим, я выбрал кресло поудобнее и уселся наблюдать за развитием романа.

В конце концов мои друзья оторвались друг от друга настолько, что смогли говорить.

— Любимый!

— Сердце мое!

И так далее. Очень мило.

Тем временем все царство охотилось на нас, а проходы через перевалы закрыты — зима. Кто рискнет навлечь на себя царский гнев, приютив у себя трех беглецов? Куда нам податься отсюда?

— О, милый, милый Зиг!

— Моя милая, милая Свежероза!

Не знаю, сколько бы они еще продолжали в том же духе. Их отвлекло от этого занятия только появление царевича и еще одного мужчины. Они вдвоем шагнули в комнату, и вид у них был крайне злой и усталый с дороги. Их черные плащи стали серыми от грязи. Оба были вооружены. Поскольку мой кинжал не шел ни в какое сравнение с их мечами, я остался на месте.

Вновь прибывшая пара огляделась по сторонам, с радостным удивлением узнав меня. Я вяло поднял руку в знак приветствия. Я тоже узнал этого второго, Высокосила Оргазского. Его опасались как самого дерзкого дуэлянта во дворце и самого закадычного друга Звездоискателя.

Зиг и Свежероза слегка отстранились друг от друга, чтобы посмотреть на вошедших.

Царевич не стал тратить время на любезности.

— Пора в постельку, дорогая. Что это за мужлан?

— Мы с ним помолвлены.

— Нет, дорогая. Ты помолвлена с царем. Сегодня ты будешь спать со мной, а завтра отправишься домой к папочке. И все будут счастливы, если ты не будешь болтать своим прелестным язычком. А если нет, это уже твоя проблема. А теперь отошли эту деревенщину прочь, и ему никто ничего не сделает. Покажи ему выход, Сил.

Зиг взял меч, предусмотрительно положенный мною на стол, и проверил, легко ли он выходит из ножен.

Царевич вздохнул.

— Ладно, прикончи его.

Оба выхватили мечи одновременно. Высокосил нанес сокрушительный удар, намереваясь перерубить Зигу шею от уха до уха. Удар был парирован, и он еле увернулся от стремительной контратаки. Вот вам и деревенщина, сударь!

В комнате стояло слишком много мебели, да еще вдобавок связанный Честодоблесть на полу, чтобы можно было говорить о фехтовании в традиционном смысле слова. Закончился ли бы поединок иначе, сражайся они на открытом

месте, я затрудняюсь сказать. Зиг все еще заметно хромал, что давало бы его сопернику заметное преимущество в обычном поединке. Однако на этом пятачке, где и двигаться-то, собственно, негде, это не играло особой роли, а дрался солдат получше дворянина. Мечи лязгали и звенели. Высоко-сил вскрикнул и, сложившись пополам, опрокинулся на стол, свалив на пол кости, кубки и половину подсвечников, потом сполз с него как скатерть и бесформенной грудой рухнул на пол. Он издавал довольно неприятные булькающие звуки и мог считаться мертвым или умирающим. Я закинул ногу на ногу и оставался на месте, понимая, что ставки в игре растут.

Звздоискатель был заметно потрясен, увидев, как быстро разделались с его чемпионом, но быстро сумел спрятать тревогу под маской высокомерия.

— О, чертовски глупо! Кто бы ты ни был, мужик, ты только что зарубил достойного аристократа. Ты меня-то хоть знаешь? Объясни ему, кто я, дорогая!

— Хочешь верь, хочешь нет, но это наш царский наследник.

— Для меня он просто свидетель. Отойди в сторону. — Зиг как будто вырос. Теперь он царил в этом помещении — с окровавленным мечом в руке, любимой женщиной за спиной и мертвым врагом у ног. Его светлые волосы блестели в свете оставшихся свечей, в голубых глазах не было видно и тени страха, и он улыбался, словно все это доставляло ему изрядное удовольствие. Героя я распознаю с первого взгляда.

Судя по всему, Звздоискатель такими способностями не обладал. К моему удивлению, он не стал отступать, хотя дверь за его спиной была открыта, а внизу его, вполне возможно, ждала шайка головорезов. Сам он не прославился как боец. Ходили слухи, что без своих дружков он самый последний трус. Однако сейчас он схватился за меч.

— Я не только царский сын, наследник престола, моей рукой свершится божья кара! Брось меч или сдохни, мужлан!

— Спасайся лучше, пока можешь, царевич! — Зиг двинулся к нему, перешагнув через труп Высокосила.

Звздоискатель заметил его хромоту и, усмехнувшись, вытащил меч. Делал он это так неловко, что Зиг мог разрубить его пополам прежде, чем он встал в позицию. К удивлению моему, Зиг этого не сделал. Я с тревогой посмотрел на Свежерозу, надеясь, что наш общий друг не собирается выказывать романтического нежелания проливать августейшую кровь. Вдруг он надеется дать царевичу урок фехтования на мечах, отпустив с безобидным шрамом вместо выпускного диплома, пожав руку на прощание и все тому подобное...

Дзынь!

Бах! Дзынь! Дзынь! Тарарах!

Я перевел дух. Зиг просто не хотел атаковать безоружного человека, вот и все. С самого начала это был поединок не на жизнь, а на смерть. Даже если Зиг и не хотел этого, он не мог драться вполсилы с человеком, жаждущим его смерти. И с чего ему драться вполсилы? В конце концов, не он затеял кровопролитие.

К тому же он был живой человек, а не мельница, которая останавливается, когда ты перестаешь крутить ручку. Он распалился от первого поединка. Вряд ли найдется и один человек на тысячу, способный остановиться на его месте.

Царевич показал себя не таким уж плохим бойцом. Зиг отступил на шаг. Мне кажется, он ожидал, что соперником его будет любитель. Однако он очень быстро пришел в себя, раскусил соперника и сам перешел в наступление.

Большая нога сильно мешала ему, но он отогнал Звздоискателя от двери, погнав его в глубь комнаты и, когда тот, пытаясь, наткнулся на стул и оступился, пронзил насквозь.

Царевич с ужасным криком упал. Свежероза вскрикнула; шагнула вперед и тут же отпрянула от фонтана крови.

Я подошел к нему с другой стороны, на ходу прикидывая, какое наказание полагается у верлийцев за убийство члена царской семьи. Парень еще дышал, хотя видно было, что он уже не жилец. Я опустил его на колени и перевернул его на спину. Ярко-алая кровь фонтаном била из раны в животе. Глаза его удивленно раскрылись — никто из нас не готов к встрече со смертью.

Он выдал из себя только одно слово: «Предательство!..»

Он истек кровью на моих глазах. Это заняло всего несколько секунд.

Он был мертвее мертвого. Кровь остановилась, глаза закатились. Я не ошибаюсь, видя смерть. Звездоискатель умер в ту ночь.

Я поднялся с колен. Влюбленные снова обнимались.

— Оставьте это на потом! — резко сказал я. — Мы только что убили наследника престола. Что нам теперь делать?

Свежероза заглянула в глаза Зигу.

— Мы уезжаем, — заявила она.

— Бежим? Любовь моя, я ведь всего нищий бродяга!

— У меня нет выбора, милый! Возьми меня. Мы будем странствовать вместе.

— Все это, конечно, замечательно! — вмешался я, прежде чем они снова занялись признаниями во взаимной любви. — Как нам выбраться из страны?

— Ты же моряк, верно ведь, милый? — сказала Свежероза. — Ты сам мне говорил. Там, в бухте, есть рыбацкая деревня. У меня есть деньги. Мы купим лодку.

Зиг удивленно поднял брови.

— Открытую лодку? В такую погоду?

— Если ты можешь, я тоже смогу, милый. Я буду вычерпывать воду.

При мысли о подобной перспективе меня пробрала дрожь, но в этом был некоторый смысл.

— Я могу управляться с парусом, — буркнул я. — Что нам делать с Честнодоблестью?

— Возьмете меня с собой, — пробормотал Честнодоблесть. — Иначе меня вздернут на дыбу, а потом отрубят голову.

Зиг ухмыльнулся и толкнул его ногой.

— Ты это честно, а, пленный?

— Могу поклясться. Я все слышал. Можешь доверять мне.

— Тебе? После того, как ты жульничал в кости? Ни за что! И потом, пойми, у тебя больше шансов выжить, если ты останешься здесь.

— Не думаю, — сказал я. — Мы будем находиться под божественным покровительством.

Я показал им то, что обнаружил завернутым в платок в кармане у царевича: маленькую глиняную голубку. Не то что-бы она была красива или слишком похожа на настоящую, просто глиняное изображение птицы. Один глаз — маленький черный камешек, на месте другого дырка. Ноги голубки скручены из проволоки, и она потеряла пару ногтей.

Вот почему царевич вдруг выказал неожиданную храбрость.

Вот почему, умирая, он прохрипел: «Предательство!»

Молча передал я бога Свежерозе.

Вытерев с рук царскую кровь, я разрезал путы Честнодоблести его же собственным кинжалом и вернул его ему.

Потом я осторожно спустился по лестнице посмотреть, сколько еще человек привел с собой царевич. Я ожидал увидеть небольшую армию. Я обнаружил еще двух лошадей, привязанных к забору рядом с нашими.

Вот вам и вся правда, майне дамен унд геррен. Свежероза бежала, но не с царевичем. Он умер. В этом я совершенно уверен. Бог — Верл — покинул страну, названную в его честь, и это, возможно, объясняет, почему у Быстроклинка так и не родилось другого наследника.

Мы спустились к ближайшей рыбацкой хижине и сменяли четырех лошадей на полусгнившее подобие дори и кое-какую провизию. Похоже было, что посудина, которую нам подсунули, развалится от малейшего ветерка. Даже флегматичный увалень, владелец лодки, испытывал некоторое смущение, сплавив нам эту рухлядь в обмен на четырех породистых лошадей, но Свежероза дала ему вдобавок и золота. Что ж, вряд ли его счастье продлилось долго! Я не сомневаюсь, что царские гвардейцы увели лошадей, когда обыскивали окрестности.

Путешествие наше нельзя было назвать приятным, но оно оказалось не таким плохим, как обещало. Зиг был опытный моряк, да и я умел управляться с такелажем. Корпус, и мачта, и парус — все норовило развалиться, но мы импровизировали на ходу и в результате остались живы. Свежеро-

за держалась как солдат. Солдат Честнодоблесть все путешествие провалялся, страдая от морской болезни.

Когда мы добрались до Альгазана, я был призван, чтобы стать очевидцем революции. Мы простились. Никого из них я больше не видел. Прошлой весной я узнал, что в пророчестве упоминался ребенок Свежерозы, живущий где-то за горами Гримм. Как многие другие, пришел я сюда, чтобы найти его или ее. Мне это не удалось.

Вот и все, что я могу вам рассказать.

22. ПЯТЫЙ ПРИГОВОР

Фриц не пожалел для нас свечей. Гостиная ярко осветилась в первый раз с моего прихода — отблески огня играли на оружии, висевшем над камином, на безделушках на каминной полке, даже на тускло раскрашенных глиняных глазах голов-трофеев, за каждой из которых на стене колыхался лес теней от рогов. Ветер за стеной завывал все свирепей. Где-то посередине моего рассказа дверь начала колотиться, словно обезумевшие кастаньеты.

Увы, единственное счастливое лицо, которое я мог разглядеть в осветившейся комнате, принадлежало Фриде. Она смотрела на свои руки, не на меня, но на щеках ее обозначились ямочки: что-то обрадовало ее. Пропорционально ее радости возросла и досада ее брата.

Что же до остальных моих слушателей... старуха, похоже, заснула. Я очень надеялся, что она просто задумалась, поскольку рассчитывал на ее поддержку.

Рози сидела, открыв глаза, но, судя по всему, не видела ими ничего. Фарфоровый голубок и шелковый платок, из которого она его вынула, все еще лежали у нее на коленях.

Гвиль только что не терял сознания, и его вряд ли беспокоило что-то, кроме его страданий. Я слышал, как хрипит у него в груди.

За исключением этих лиц свечи освещали только непризнанные взгляды: купца, актрису, нотариуса, солдата. Четверо из семи — большинство.

— Брехня! — рявкнул купец, складывая руки на пузе. — Ты мог бы придумать чего-нибудь позанимательнее. В твоей истории больше прорех, чем в решете. Думаешь, мы такие недотепы? — Он закашлялся. — Что у тебя с дымоходом, трактирщик?

Фриц стоял, стиснув кулаки.

— Ветер переменился, ваша честь. Камин дымит иногда при южном ветре. — Он с ненавистью покосился на меня.

Его сестра мне подмигнула.

— Это добрая весть, сударь. Слушайте! — Мы прислушались. Где-то что-то капало. — Погода здесь переменчива, но, когда зимой ветер дует с юга, это обычно к таянию снегов. Наша дверь часто стучит вот так при южном ветре. Я не даю Фрицу укрепить ее, потому что люблю этот стук. Он как обещание, что весна вернется, обещание надежды.

— И дорога очистится?

— На Гильдербург — это уж точно, — мрачно кивнул Фриц. — Насчет перевала... ну, возможно. Только еще не утро. Северный ветер может вернуться.

Он искренне надеялся, что вернется. Но даже если он вышвырнет меня сейчас без башмаков и плаща, у меня будет шанс. Я буду не один, и кто-нибудь из путешественников, может, и одолжит мне одежду на дорогу. Снег быстро раскиснет, а потом превратится в грязь. Я блаженно улыбнулся ему и покачал головой — пусть знает, что мои надежды основаны не только на изменениях в погоде. Я не намерен и дальше позволять этому громиле-переростку измываться надо мной. Хватит!

Но пока...

Пока я обратился к купцу:

— Вас смущают какие-либо места в моем рассказе, майн герр? Я клянусь, что все до единого слова в нем — правда.

— Значит, ты добавляешь ко всем своим преступлениям ложную клятву! А ну, законник, допроси-ка этого горе-свидетеля!

Нотариус довольно ухмыльнулся.

— С удовольствием, ваша честь!

— Сначала разделайся с его сказками, а потом мы позволим нашему хозяину разделаться с ним самим. — Толстый боров расхохотался, в восторге от собственного остроумия. Актриса визгливо вторила ему. Фриц довольно ухмылялся.

— Отлично. — Нотариус повернул ко мне свою крысью морду. — Поговорим сперва о смертных, майстер Омар. Что случилось с телами царевича и его друга?

Я чуть отодвинулся от него — очень уж противно пахло у него изо рта.

— Понятия не имею. Мы оставили их лежать на месте.

— И тем не менее вот уже двадцать лет о смерти царевича никто так и не узнал? Вам это не кажется странным?

— Возможно — особенно теперь, когда вы заметили эту подробность. За столько лет его могли бы и найти.

— И вы сменяли четырех лошадей с царской конюшни на простую лодку? И как, позвольте узнать, получилось, что ищейки не нашли этих лошадей и не развелили ничего о беглецах?

— Я полагаю, рыбак сделал все, чтобы этого никто не заметил.

— Неужели вы всерьез думаете, что исчезновение царского наследника расследовалось так поверхностно?

— У меня слишком малый опыт покушений, сударь. Царь Быстроклинок вполне мог обрадоваться тому, что избавился от такого сына. — Я искренне забавлялся. Мое и без того невысокое мнение о нотариусе отнюдь не повысилось при ознакомлении с его методом ведения допроса.

— Даже если допустить, что такая развязка устраивала его, не мог же царь оставить без внимания такую неслыханную дерзость, как покушение на члена августейшей фамилии? Он наверняка должен был прочесать все окрестности и допросить с пристрастием местных жителей. Почему же он этого не сделал?

— Вас интересуют мои предположения? Я очевидец, а не теоретик.

Он скривился.

— Ваше описание бога не подходит к тому голубю, которого показали нам сегодня.

— Я придерживаюсь своих показаний.

— Но как это могло быть, что тот идол, которого вы видели, был царским богом? Царевич взял Верл с собой. Это логично, возможно, этим и объясняется то, что он выследил вас. Но как Верл могла допустить, чтобы его убили?

— Я вам уже сказал. Он был удивлен этим не меньше вашего. И потом, повторяю: я предпочитаю не строить предположения, особенно в том, что касается поступков богов.

— Но вы украли этого бога! Вы отдали его женщине. Как можно похитить семейное божество у его семьи?

— Ответ тот же.

— Тьфу! — взревел купец, которому явно надоел этот фарс. — Вся эта история — вздор с начала до конца. Ты сказал, что бог подсказал Свежерозе, как выбраться из дворца. Но эти верлийские семейные боги говорят только с членами своих семей! Разве не так? Разве не это нам сегодня повторяли всю ночь?

— Таково широко распространенное мнение, — ответил я, пожав плечами. — Меня попросили — я просто изложил факты, вот и все.

Все разом покосились на старуху, но та продолжала сидеть, низко опустив голову. Лица ее не было видно под полями шляпы. Может, она спала, но я подозревал, что она слушает наш разговор. Я надеялся, что слушает. Мне очень скоро понадобится ее помощь.

— Какие, к черту, факты? — взорвался толстяк. — Ложь! Ложь с первого до последнего слова! Мы даже не касались главного возражения. Если Свежероза сбежала не с царевичем, а с чужеземцем, как мог Хол провозгласить ее ребенка законным наследником престола?

— Я же сказал вам, я не пытаюсь строить предположений о мотивах поступков богов.

— Вздор! Дерьмо! Вы со мной согласны, капитан?

Солдат смерил меня взглядом холодных как кремень глаз.

— Да, на мой взгляд, история не выдерживает критики. Вся страна на протяжении двух десятков лет верила, что царевич Звездоискатель бежал с женщиной, которую любил, поскольку его отец — царь — намеревался жениться на ней против ее воли. Утверждение, что он вовсе убит... и что тело его осталось лежать на месте убийства... по меньшей мере спорно.

— Вышвырнуть этого обманщика вон! Забери его, трактирщик!

Фриц начал подниматься с лавки.

— Оставьте его, — проскрипела старуха.

— Вы ему верите? — взорвался Тигр.

Рози подпрыгнула, испуганно озираясь по сторонам.

— Майстер Омар солгал этой ночью только дважды.

— Дважды? — вскричал я, заглушив поднявшийся ропот. — Максимум одно крошечное отступление от истины! Такое не считается, сударыня. В конце концов, я сделал это просто из уважения.

— Дважды, — повторила она, глядя на меня поверх голов. Ее морщины неожиданно сложились в улыбку, а глаза заблестали жемчугами в сиянии свечей. — Ты назвал меня самой красивой женщиной в зале.

— Это была истинная правда...

— Даже в те дни это было бы чудовищным преувеличением. Но все равно спасибо тебе за это. — Она усмехнулась.

— Это была правда. А второе... этого требовали соображения чести.

Остальные удивленно переглядывались. Фриц испустил звериный рык — похоже, его терпение лопнуло.

— Отнюдь. Это только запутало ситуацию. — Голос старухи напоминал шелест сухой листвы. — В благодарность за твою ложь, майстер Омар, я спасу тебя.

— Весьма вам признателен, сударыня.

Она кивнула и выпрямилась — видно было, что даже это движение далось ей с трудом.

— Я вижу лица уже не так ясно, как когда-то, но когда впервые услышала твой голос сегодня... Он принес с собой

воспоминания. Ах, какие воспоминания! Остальные могут не верить. Они хмурятся и пытаются избежать неприятной правды, но я принимаю то, что ты сказал, майстер Омар, хоть понимаю и не все. Ну что ж, слушайте вы, все. Я — Розосвета Кравская, и это мой грех положил начало всей истории. Давно это было... и все же я до сих пор расплачиваюсь за него.

23. РАССКАЗ СТАРОЙ ДАМЫ

Что знаете о богах вы, рожденные не в Верлии?

Вы жаждете богов великих, но далеких. Вы ходите в огромные храмы и молитесь там толпами, надеясь каждый на то, что из всех голосов он услышит именно ваш. Вы наделяете своих богов неземной силой и не видите того, что перегрузили их сверх всякой меры ответственностью за всю землю. Вы ожидаете, что ваши молитвы будут услышаны, а грехи — замечены. Вы молитесь своим богам войны о победе, не думая, что враги ваши молят их о том же. Вы оглушаете их хором противоречивых требований, а потом удивляетесь, почему они подводят вас.

А что мы? Нас устраивают боги маленькие, наши собственные, семейные боги. Мы знаем, что сила их невелика, но мы и не требуем от них слишком многого, и поэтому они могут помочь нам. Поскольку нас — детей их — мало, они слышат нас и помогают нам, и за это мы верны им. Всю жизнь свою я преклоняла колена перед одним и тем же богом, даря ему всю свою любовь и преданность, всегда уверенная в том, что он любит меня и заботится обо мне.

Увы, не вняла я его предостережениям! Однако это моя вина, не его.

Позвольте мне поведать вам об этом. Дома мы ежедневно воздаем почести нашим богам — мы делаем им приношения, поклоняемся им. Мы живем с нашими богами, а они —

с нами. Мы просим их о помощи и испрашиваем их благословения на все, что собираемся предпринять. Мы в Верлии знаем о богах больше, чем любой из вас. Мы вырастаем с нашими богами — они нас и растят.

Четыре раза в жизни мы обращаемся особо к нашим богам. Когда рождается ребенок, родители приносят его своему богу в присутствии всех взрослых членов семьи, и бог принимает его и объявляет об этом. «Он мой!» — говорит бог, или: «Она моя!» Верлийские мужья не гадают, верны ли им жены.

Когда дети их вырастают и вступают во взрослую жизнь, их снова приводят к богу. Они приносят ему особые обеты, и снова бог принимает их, впервые обращаясь непосредственно к ним: «Ты мой!» — или: «Ты моя!» И редкие из них не плачут, услышав впервые голос своего бога.

Третье посвящение происходит при браке, когда юноша приводит свою невесту или девушка — своего жениха. Бог принимает нового члена семьи, и после этого она или он тоже принадлежат этому богу.

И наконец, когда игра кончается, когда мы лежим на смертном одре, нашего бога снова приносят к нам. Мы — верлийцы — умираем в присутствии наших богов, зная, что после этого никогда больше с ними не разлучимся.

Верлийцы доверяют своим богам. И главное, в чем мы возлагаем надежду на наших богов, — это надежда на потомство, чтобы было кому поклоняться им и помнить нас.

Меня зовут Розосвета Кравская. Но и до того, как вышла я замуж, мое имя было такое же: Розосвета Кравская. Мой отец был Дерзодух Кравский, младший сын детей Крава из Фэйрглена — небольшой ветви большого клана. На деле отец мой был всего лишь крестьянином, работавшим на своего дядю, и это при том, что бог его был одним из самых сильных и знаменитых.

Когда мне исполнилось двадцать лет, я считалась красавицей, но какая женщина не красива в этом возрасте? Красота недолговечна.

Когда мне исполнилось двадцать лет, я привлекла внимание Огнеястреба Кравского, старшего сына Орлокрыла Кравского, патриарха нашего клана. Даже тогда я была невысокого мнения об Огнеястребе, но я знала, что ему предстоит унаследовать Тихие Воды. Его жена стала бы хозяйкой прекраснейшего дворца во всей Верлии. Такая возможность кружила мне голову, пока не вскружила совсем.

Настал день, когда Огнеястреб предложил мне, чтобы отцы наши договорились о свадьбе. Поскольку я была благородного происхождения, он почитал меня достойной себя. Поскольку росла в бедной семье, он ожидал, что я буду покорной. Все остальные его чувства сводились к похоти. Сердцу моему был тогда уже мил другой. Звали его Честнотруд Светов, и это имя подходило к нему как нельзя лучше. Я испросила совета у матери, хотя и не надеялась особенно получить его. Она сказала, чтобы я обратилась с этим к богу, и так я и поступила.

Я пошла в молельню, и преклонила колена перед зубом дракона, и поднесла ему красивую шелковую шаль, которую соткала сама, вышив на ней осенние виноградники в холмах, и поведала ему свою проблему.

— Что нашла ты в Честнотруде? — спросил бог.

Богу не лгут.

— Его тело, — призналась я.

— А в Огнеястребе?

— Его дворец.

Дракон вздохнул.

— Тело меняется. Он растолстеет и полысеет, и он так похотлив, что даже при всех моих усилиях защитить тебя ты родишь ему не меньше полудюжины сыновей, таких же недалеких, как их отец. Впрочем, как человек Честнотруд лучше. Огнеястреб ревнив и вздорен. Его дворец останется стоять, но радость твоя померкнет, когда с годами ты привыкнешь к роскоши дворца. Все же на самом деле ты ищешь власти и уважения, и радость, которую ты обретешь от этого, с годами только возрастет, когда красота твоя уже увянет. Ты должна сама избрать то счастье, которое тебе больше по душе.

Я выбрала Огнестреба. Это мой первый грех. В день нашей свадьбы он представил меня своему богу, и конечно же, это был тот же бог.

— Она моя, — сказал Крав и хихикнул — а от драконьего хихиканья бросает в дрожь даже самых отважных. — Она всегда была моей. Не дразни ее слишком, сын мой.

Тогда я не поняла этих слов, и не думаю, чтобы муж мой вообще понял их.

Он нашел наслаждение в моих объятиях, и со временем я научилась получать некоторое удовольствие в его. Я подарила ему двух сыновей, и оба оказались достойны своего бога. Но Огнестреб оказался ревнив и вздорен, как и предсказывал бог. Я не давала повода для его ревности, и я выдерживала его гнев. Если он бил меня, я давала ему сдачи. Он грозился высечь меня. Я обещала ему уйти в бордель и осрамить его на все царство. Он пытался ограничить мое законное право на владение его имениями, а я играла на его ревности, угрожая нарожать ему легион ублюдков. Наша совместная жизнь никогда не была тихой, но точно так же она редко бывала скучной.

И пришел день, когда я сделалась хозяйкой Тихих Вод, а никакая женщина не могла бы мечтать о лучшем поместье.

При этом он путался с любовницами, пытаясь игнорировать меня. Однако было и у него слабое место. Он слишком много пил. Когда он напивался до чертиков, я приходила к нему в спальню, и он не мог устоять передо мной. Это было противно, конечно, но оно того стоило. Я проделывала это каждые месяц или два, чтобы он никогда не был уверен, что ребенок, которого я могла бы понести, — не его. Поймите: у нас с ним был один бог. Кто бы ни был отцом любого ребенка, которого я могла бы понести, Крав принял бы его, ибо я с самого начала принадлежала к его семье. Огнестреб не думал об этом до свадьбы — я объяснила ему всю прелесть ситуации при первом же удобном случае. Впрочем, знание это не улучшило его характера — я ведь упоминала, что он был ревнив.

И все же я оставалась верна ему, хоть он вряд ли в это верил.

Пока не появился Высокочь.

Майстер Омар описал вам царя, и он вновь предстал у меня перед глазами. В нем было все, чего недоставало Огнеястребу, — веселье, страстность, открытость, великодушие. Юность с ее безумствами для нас миновала, но любовь даруется не только молодым. На самом деле истинная любовь приходит в зрелые годы, потому что только тогда способен понять, что тобой движет не просто минутное влечение. Страсть — плод любви, а не ее источник. Почему только молодые не видят этого?

Я полюбила царя, а он меня. Наша любовь длилась годы, но за все это время мы были близки только четыре раза. Я помню каждое мгновение этих встреч. Огнеястреб подозревал, а может, и догадался об этом, а Высокочь не желал раздоров со столь могущественным человеком, ведь это могло привести к гражданской войне. Мой муж следил и подстерегал нас. Четыре раза!

Высокочь гостил у нас со своим двором, и со всех сторон меня окружали глаза. Мы могли разговаривать, но только у всех на виду. У нас не было возможности побыть наедине, делать то, чего мы так отчаянно желали.

В отчаянии пошла я к Краву.

— Всего час! — молила я. — Боже мой, подари мне один час с тем, кого я люблю!

— Мне не жаль счастья для тебя, дитя мое, — ответил дракон. — Но счастье всегда имеет свою цену. Какую цену готова ты заплатить в этом случае?

Боже, какая я была дура!

— Любую! Что угодно!

— Ты неосторожна! Я не знаю эту цену, Розосвета, а то назвал бы ее тебе. Я знаю только, что цена может быть очень высока.

— Я готова заплатить! — воскликнула я.

Единственный раз слышала я тогда, как мой бог плачет.

— Огнеястреб тоже мой сын, и я не хочу наставлять ему рога, как бы он ни заслуживал этого.

— Ты удержишь меня?

— Нет, — произнес Крав тихо. — Слушай. Есть такой человек, его зовут Омар. Он менял истории. Пошли самого верного своего слугу в Майто, он найдет его там в таверне «Золотой якорь». Пусть доставит его сюда. Скажи Высокочести, пусть предложит ему взятку. Она должна быть царской, ибо этот сказитель равнодушен к богатству. Только небывалый подарок может произвести на него впечатление. В благодарность за это он так зачарует слушателей своим рассказом, что вы вдвоем сможете ускользнуть незамеченными. Даже Огнестреб не устоит перед речью этого человека. Но если царь покусится, ничего не выйдет.

Какая женщина устоит перед таким соблазном? Я могла потребовать от человека, которого любила, чтобы он показал, как я дорога ему. Конечно же, Высокочесть принял вызов. Я чуть не сгорела со стыда, когда увидела бриллиант, который он предложил отдать ради меня.

Но это не Верл устроила все это! Верл была дома, в Утоме. Это все дело рук Крава. Кто, кроме царя, мог предложить мастеру Омару такой алмаз? И кто мог назначить такую цену, если не сама хозяйка дома?

Вот в чем солгал вам Омар. Он видел, кто исчезал одновременно с царем в тот вечер. Высокочесть никогда бы не совратил подругу своей дочери! Никогда! Это была я, но Омар солгал вам сегодня, чтобы не осрамить меня.

Я никогда не признавалась в этом раньше, но сейчас я вспоминаю об этом даже с гордостью.

И я навеки благодарна меняле историй за те бесценные минуты с мужчиной, которого я любила.

Две недели спустя Высокочесть погиб. Девять месяцев спустя я родила Свежерозу.

Вот какова была цена, и мне пришлось расплатиться сполна.

О, как трепетала я в день ее наречения! Мы не могли не пригласить всех знатных родственников, старших членов всех ветвей нашего огромного клана, этого требовал обычай. Они пришли все. Весь клан, дети Крава. В молельне собралось столько народа, что яблоку негде упасть.

Огнестреб внес ребенка. Он был убежден, что это не его дочь. Ничто не убедило бы его в обратном, даже если бы он держал меня запертой в ящике, а единственный ключ хранил у себя в кармане. Он положил ее перед богом.

— Она моя, — сказал Крав. — Она Свежероза Кравская.

— Но она моя? — вскричал мой муж на глазах у всех собравшихся гостей. Ох, ну и стыд!

— Ты, — ответил дракон, — дерьмо!

Грянул такой оглушительный хохот, что чуть не обрушился потолок. Ни слова не произнес больше бог, и никогда больше не давали Огнестребу забыть об этом. Никогда больше не ступала я в его спальню и ни в чью больше, ибо любовь моя была мертва.

Спустя несколько лет Быстроклинок затеял войну из-за Бунии. Огнестреб погиб в первом же сражении, и я только обрадовалась, избавившись от него. Мой старший сын вступил в права наследства, но жениться не успел. Они с братом отправились на войну, и я правила Тихими Водами в одиночестве. Это были самые счастливые годы моей жизни! Я ничего не могла с собой поделать. Разве грех признаваться в этом?

У меня росла дочь, Свежероза. Она была гораздо младше моих сыновей и была для меня отрадой. Даже ребенком она была прекрасна, и с каждым днем красота ее все расцветала. Она была умна и своенравна. Мы то и дело ссорились, но по любви. Она знала, что я люблю ее, даже когда мы дулись друг на друга.

Не могла не знать.

Уверена, что знала!

И она любила меня. Мы не говорили об этом; во многом мы были слишком схожи.

Предложения руки и сердца начали сыпаться на нее, когда ей исполнилось двенадцать. Я отложила все разговоры на эту тему до тех пор, пока ей не исполнится четырнадцать. Когда этот день наступил, Свежероза сама отказалась говорить об этом. Спустя десять лет предложения все еще поступали, и она продолжала давать отказ — даже говорить об

этом не хотела! Она не выйдет замуж, заявляла она, пока не кончится война, ибо она не хочет остаться молодой вдовой. Все это очень мило, но число перспективных женихов таяло как сосульки по весне. Лучше уж мертвый муж, чем вообще никакого.

Половина молодых людей в царстве перебивалась в гостях в Тихих Водах. У Свежерозы был конь по кличке Пробник. Большинство этих молодых людей после попытки прокатиться на Пробнике оказывались в кустах — он предпочитал терновник. Тех, кто оставался цел, она брала покататься на лодке летом или на коньках зимой. Она топила их или морзила. Любого богатыря, кто выдерживал все эти испытания, она приглашала пофехтовать. Была у нее такая рапира с фокусом... Один или двое чуть было не поплатились жизнью. Думаю, понятно, что я была в отчаянии?

И вот как-то раз Пробник испробовал свои штучки на ней. Я так и не знаю, что спугнуло ублюдка, но я сотни раз предупреждала ее, что она играет с огнем, садясь на этого дьявола. При всем ее умении он понес. Ее принесли домой изрядно побитую и в расстроенных чувствах. И в этих расстроенных чувствах она оставалась и потом. Должно быть, прошел месяц, прежде чем до меня дошло, что за это время мы не поссорились ни разу и что она избегает меня.

Вскоре я обнаружила причину. Майстер Омар описал его как героя, такого романтического сорвиголову. Я же увидела нищего иностранца-наемника, чуть не свернувшего моей дочери шею. Мне не нравился он сам, его произношение, его манеры, его кошелек, его происхождение, а более всего его несомненное влияние на мою дочь. Я избавилась от него без особого труда, как вы уже слышали. С одной лодыжкой сломанной, а другой закованной, он, по крайней мере некоторое время, не должен был мешаться под ногами.

У нас с дочерью вышла из-за этого ссора, крупная даже по нашим меркам. Я выдвинула ей ультиматум. Если она не будет помолвлена до весны, сказала я, я сама устрою ее брак. По закону ее брат мог распоряжаться ее рукой и поступил бы так, если бы я настояла на этом. Потом я отправила ее в

столицу. В отсутствие сыновей, при царившем в стране хаосе я не могла сама уехать из Тихих Вод. Я приказала ей написать мне, когда она получит приемлемое предложение.

Письмо от нее пришло лютым зимним днем. Царь или его наследник, писала она. Она еще не решила, кто из них. Царь — старый зануда и, по слухам, импотент, наследник — головорез-дегенерат, но оба преследовали ее день и ночь, и как я думаю, достойны ли они?

Я не думаю, чтобы она поощряла их назло мне. При всем ее сумасбродстве она бы не стала крутить хвостом перед любым из них, не говоря уж об обоих. Мне кажется, просто так случилось. Кто бы из них ни начал, ненависти между ними было достаточно, чтобы поощрить второго на соперничество, и Свежерозе не надо было прилагать к этому никаких усилий. Я совершенно уверена, что она не знала тогда, почему и тот, и другой брак совершенно исключены.

Я-то, конечно, знала. Я завизжала, чтобы закладывали карету, и уже через час неслась по дороге в Утом. Я приказала кучеру загонять лошадей хоть до смерти, если надо, но чтоб он доставил меня в царский дворец за два дня. Даже летом на эту дорогу у меня никогда не уходило меньше пяти.

Обдумывая будущее моей дочери, я совершенно упустила из вида царскую семью. Царевич был еще мальчишка, на пять лет младше ее. Я как-то забыла, что мальчишки вырастают. Я знала, что царь, весьма вероятно, женится вторично. Это нас не касается, решила я, ведь он ее брат. Царевич приходился ей племянником. Но они-то этого не знали! Никто не знал этого, только боги и я. Вот когда пришло время мне платить ту цену, которую предрек Крав. Мне предстояло признаться в супружеской неверности перед всей страной — мне, потаскухе, спавшей с человеком, не бывшим моим мужем. То, что это случилось только четыре раза, только четырежды и только с царем... Что ж, до этого не дошло. Я была спасена от позора.

На полпути в Утом направлявшийся в Тихие Воды курьер узнал мою карету, остановил нас и передал мне второе письмо от Свежерозы. Я поняла, что опоздала.

Звздоискатель гнался за моей дочерью по дворцовому коридору с целью приласкать, если не хуже. Буквально убегаая от его непрошеного внимания, она спряталась за первой попавшейся дверью. Это оказалось помещение, в котором она еще ни разу не бывала раньше, — царская молельня. Я бывала там. Мы, дети Крава, всегда отдаем дань почтения Верл, когда навещаем царский дворец, хотя теперь нас отделяет от Белорозы слишком много поколений, чтобы ее бог признал нас.

Дверь, конечно, оказалась незаперта, несмотря на царившую в помещении роскошь. Никто не посмеет украсть из молельни в Верлии.

Свежероза преклонила колена и извинилась за вторжение. Верл ответила.

Я думаю, первые слова были: «Ты — моя», хотя у каждого бога свои привычки. Бог сказал Свежерозе, что она здесь по его воле. И объяснил, в чем проблема. И царь, и царевич просили совета, и бог запретил обоим думать о ней. Он не сказал, почему, ибо боги никогда не объясняют. Боги сильно гnevаются, если их приказы не выполняют. Свежероза — тоже одна из его детей, равно как и оба мужчины.

— Если боги хранят твои грязные тайны, мама, — писала она, — кто я такая, чтобы выдавать тебя?

Жаль, что я не сохранила этого письма. Многое из того, что она написала, было злым и несправедливым, но это писалось сгоряча. Еще она писала... Ладно, я его не сохранила и уже не помню теперь. Она написала, что собирается бежать из дворца. Она не говорила, куда собирается направиться, но я и сама догадывалась. Она прощалась со мной.

Дура! Она ведь могла заполучить своего нищего чужеземца! Она запросто могла шантажом заставить меня принять его, а от царского гнева ее бы защитили совместными усилиями все дети Крава! Почему она не додумалась до этого? Зачем ей было отказываться от всего? Зачем прощаться?

О, я тоже сошла с ума! Моя карета не проехала бы по проселкам, и я поскакала верхом. Даже тогда я была немолода — на шестом десятке, — но в следующие два дня за

мною не мог угнаться никто из моего эскорта, кроме одного юноши. Не говорите, что я ее не любила! Я едва не угробила себя этой скачкой. В часе езды от Зардона моя лошадь пала. Я приказала последнему своему спутнику спешиться и поскакала дальше одна. Одна!

Вряд ли я сильно разминулась с тобой, майстер Омар. В камине все еще тлели уголья. Два тела на полу еще не остыли. Два тела, и только у одного царевича меч в руках? Не надо отличаться особым умом, чтобы понять: один меч на два трупа означает, что здесь были другие люди. Однако убит был наследник престола, и даже все дети Крава вместе взятые не смогли бы защитить Тихие Воды от обвинения в заговоре.

Честно говоря, о лодке я как-то не думала. Отправиться в море на открытой лодке — зимой, в такую погоду? Немыслимо! Все, о чем я думала, — это о лошадях и укромных местах. Царские офицеры нагрянут не сегодня-завтра, думала я, пытаюсь вспомнить все известные мне убежища и дороги к ним. Я пыталась рассчитать, когда Свежероза и ее любовник вернутся домой и каким путем... В том, что она вернется домой, я не сомневалась — домой, к любимой мамочке.

Я решила, что должна выиграть время, запутать следы. Я отволокла трупы к окну и сбросила их в море. Крови было слишком много, чтобы ее вытирать, так что я подожгла дом. Собственно, гореть там могли только крыша, пол второго этажа и мебель. Стены остались стоять, и я думаю, что они стоят там и сейчас. Позже на пожарище нашли и опознали меч царевича, но никакого следа тел, конечно. Я даже не надеялась, что в результате моей импровизации тайна останется нераскрытой двадцать лет.

На рассвете я была уже у своего управителя. Не забывайте: это ведь была земля Крава, земля Тихих Вод. Мои люди прочесали все окрестности задолго до появления царских солдат. Мы нашли лошадей, майстер Тиккенпфайффер! Мы увезли оттуда старого рыбака, и никто так ничего и не узнал.

Странное дело, как рождаются легенды! Мало кто видел мою дочь с майстером Омаром. Гораздо больше людей знало о царевиче, ибо он скандалил на каждой остановке. Две

пары скакали разными путями, хотя почти одновременно. Каким-то образом рассказы о них слились в один миф о двух беглых любовниках.

Когда я услышала про лодку, я только рассмеялась. Я думала, что это хитрый ход, чтобы направить погоню по ложному следу. Я думала, они проплывут немного вдоль берега и высадутся, чтобы найти свежих лошадей и отправиться в Тихие Воды. Я поехала домой, ожидая застать их уже там. Их там не было. Я стала ждать. Шли дни, и мне в конце концов пришлось признать, что они, должно быть, утонули в море. Моя дочь так и не вернулась ко мне. Я потеряла всякую надежду и только в начале этого года узнала о пророчестве Хола.

24. ИНТЕРЛЮДИЯ

Скрипучий старческий голос стих, но все глаза в гостиной оставались сухими. Даже слезившиеся от насморка глаза Гвилла, похоже, просохли ненадолго.

В конце концов актриса нахмурилась.

— Невеселая история, — заметила она. Остальные промычали что-то, соглашаясь с ней.

— Я страдала из-за любви, — прошептала старуха.

Я перевел выражение Фриды как «ужасная старая стерва!», но оно, возможно, несколько теряет в переводе. В первый раз за ночь компания была единодушна в своем мнении.

Купец откашлялся.

— Похоже, выходит загвоздочка, сударыня. Рассказ вашего претендента не согласуется с имеющимися у нас сведениями.

Все посмотрели на Розу, которая, конечно, не заметила этого.

— Трактирщик? — окликнула старуха. — До рассвета осталось недолго, не так ли?

Фриц почесал поросший щетиной подбородок и встряхнулся, как лошадь.

— Похоже на то, сударыня. — Он подошел к окну и припал к глазку. — Небо на востоке светлеет, госпожа.

— А таять продолжает?

— Да, госпожа.

— Если нам выезжать утром, нам, возможно, стоит соннуть недолго. Рози!

Рози подпрыгнула, словно кто-то уронил ей за шиворот горящую головню.

— С-суд-д-дарыня?

— Пора спать.

— П-п-пора, суд-дарыня?

— Наверх. Возьми Верл с собой и не забудь: ложись к стене, чтобы и мне осталось место.

Менестрель вздрогнул. Он потянулся и зевнул.

— Может, мне тоже...

Я поймал его взгляд и покачал головой. Я подозревал, что мне понадобится его помощь, и очень скоро. Удивившись, но не возражая, он без лишних слов опустился обратно на скамью, неуверенно покосился на меня и вытер нос рукавом.

— Что вы имеете в виду, бургомистр? — резко спросила старуха, возвращаясь к прерванному разговору.

Купец снова сдвинул брови.

— Вы сами сказали, что видели Звздоискателя мертвым. И все же Рози утверждает, что она его дочь.

— Возможно, родившаяся уже после его смерти?

— И когда это могло случиться? Нет, нет, сударыня! Ее отец был простым наемником и погиб при осаде Хагенварка. Возможно, мать девочки придумала эту сказку насчет принца, а может, это она сама придумала. Но вы поверили ей, как поверили Верл. Ваш рассказ не совпадает с тем, что говорил бог.

— Не так важно, кто ее отец. Она внучка Высокочести. Вот почему Хол провозгласил ребенка моей дочери законным правителем — Звздоискатель тут вовсе ни при чем.

Лицо толстяка скривилось.

— Так где и когда умер Звздоискатель? В Зардоне или при Хагенварке? Ведь не может быть то и другое одновременно.

Старая дама молча сжала губы. Она как раз принадлежала к тем людям, кто допускает и то, и другое одновременно, веря в то, во что ей хочется верить. Даже сейчас она не хотела признать всех последствий своей супружеской измены. Ей хотелось бы, чтобы весь мир поверил в то, что ее дочь бежала со Звздоискателем, хотя сама же знала, что он погиб. Но тут она вздохнула.

— Возможно, вы правы. Я признаю, что в рассказе Розы имеются несоответствия. Отец-солдат в ее описании похож гораздо больше на этого парня, Зига, чем на Звздоискателя. Но в нем и много правды! Она знала, как меня зовут — имя матери Свежерозы. А это не известно почти никому. Она знала год рождения своей матери. И многое другое. Возможно, Хол объяснит.

Купец презрительно фыркнул.

Мне не нравилось то, что Фриц держался за моей спиной — так я не видел, что он там задумывает. Еще мне не нравилось то, как все кругом начали зевать.

— Случаи, когда юные девы слышат голоса, не так редки, — заметил я.

— Она совершенно полоумная! — кивнул Йоханн, в первый раз за ночь соглашаясь со мной. — Она может вообразить все, что угодно. Но как эти ее голоса могут говорить правду? — Он покосился на меня с нескрываемым недоверием.

— Возможно, этот ее голубь — демон? Если вы верите в богов, вы должны верить и в демонов, или злых богов.

Всем разом стало неуютно при мысли о находящемся в доме демоне.

— Нет, это я просто так предположил, — успокоил я их. — Но она страшно заикается, вы заметили?

— У вас есть другое объяснение, майстер Омар? — спросил солдат.

Внутренний голос посоветовал мне быть осторожнее, и я помолчал, обдумывая ответ. С точки зрения чистого искусства я не сомневался, что Роза совершенно неуместна. Она просто попала не в тот рассказ. Боги бывают жестоки или капризны, но, как правило, им не изменяет вкус. Роза не имела отношения к верлийским делам. Просто листик, унесенный ветром и оказавшийся в бушующем море.

— Мне не кажется, что она лжет вам, сударыня, — сказал я наконец. — Но я не думаю, что это ваша внучка. Если я смогу поколебать вашу уверенность в этом, вы ведь не бросите ее?

Старая карга снова собрала свои морщины — на этот раз она нахмурилась. Она не привыкла к возражениям, не привыкла признавать чью-то правоту, не привыкла даже связывать себя обещаниями.

— Роза мне неплохо помогает. Она послушна. Мне нужна горничная, чтобы помогала мне одеваться. Моя сбежала в Гильдербурге с молочником.

— Значит, вы обязательно возьмете ее с собой в Тихие Воды, приходится она вам внучкой или нет? — сказал я, не дождавшись других слов. — Даже если ее ввели в заблуждение, что более всего похоже на правду, вы обеспечите ей пристойную жизнь?

Я решил, что княгиня посоветует мне не совать нос не в свои дела, но любопытство ее взяло верх, как оно обычно и бывает.

— Можешь оставить свои опасения на этот счет, майстер Омар. Я забочусь о своих слугах, всегда заботилась. — Возможно, она и правда сама верила в это. — Говори же! Мы можем уже дожждаться рассвета. И потом, все равно твой черед рассказывать.

— Я даже пытаться не стану превзойти ваш душераздирающий рассказ, сударыня! Но я знаю одну притчу, подходящую к нашему случаю. Можете судить о ней по своим меркам, если угодно.

Купец застонал и обернулся посмотреть на свою молодую жену. Она не очень убедительно улыбнулась ему в от-

вет. Он сменил свое первоначальное решение и опустил обратно в кресло.

— Валяй. Какую белиберду ты поднесешь нам на этот раз?

— Историю про Агваша — торговца лошадьми, разумеется.

Никто не отреагировал на это, кроме Гвилла, менестреля. Он удивленно выпучил на меня глаза, потом расплылся в улыбке.

25. ИСТОРИЯ ПРО АГВАША — ТОРГОВЦА ЛОШАДЬМИ

Как обычно, с приходом весны Агваш спустился с Мортланских гор в долины скупить лошадей для продажи на летних ярмарках. И пришел он в деревушку Ванбург, а в ней — в дом старого своего друга Негрола, который тоже знал толк в лошадях. И обнял Негрол Агваша, и усадил его в тень фигового дерева, что росло за его домом, и крикнул, чтобы принесли для его старого друга вина и пирогов. А потом они долго обсуждали вдвоем щедрость богов, коварство людей и грабительские налоги.

Когда Агваш насытился и освежился, кликнул Негрол своих слуг, чтобы привели с пастбища лошадей, и выставил их на обозрение пред Агвашем, приговаривая: «О, Агваш, друг мой, смотри же! Оцени стройность их бабок, блеск шкуры и стремительность бега!» И восхвалял Негрол своих лошадей, сравнивая их с легендарными скакунами прежних лет.

И отвернул Агваш лицо свое, и вскричал:

— Воистину велика жестокость богов! Ибо довели они меня к старым моим годам до такого, что даже честный человек не может заработать себе на кусок хлеба честным трудом! Настолько понизили они цены на лошадей, что стали те дешевле даже гранатов. Но еще хуже того, позволили они мне дожить до таких лет, что вижу я друзей своей юности состарившимися и утратившими остроту глаз своих. Неужто не способен отличить ты день от ночи, старый друг мой?

Полагая, что друг его шутит, хлопнул Негрол весело в ладоши, а затем продолжал восхвалять лошадей, что выставил на продажу.

И отвечал Агваш с горечью:

— Воистину с той поры, как спустился я с гор, не видел я скотины достойнее пойти на обтягивание книжных переплетов! — И указал на признаки глистов, и на свидетельства колик, и на мозоли, и на множество других недостатков, не замеченных другими.

И кликнул Негрол слуг, чтобы убрали этих лошадей и пригнали новых.

И вздохнул Агваш так, словно сердце его разрывалось на части.

— Раз уж таким я уродился добрым человеком и раз уж был Негрол моим другом несчетное множество лет, позволю я капризу взять верх над разумом на этот раз. Да, утону я этих хворых кляч с его полей, дабы избавить его от необходимости самому хоронить их. И пусть жены мои даже будут поносить меня, если прослышат об этом, обзывая старым сентиментальным дурнем, оставляю я ему четыре золотых на то, чтобы он на старости лет занялся разведением коз или любым другим ремеслом, что будет ему больше по способностям.

Тогда воззвал Негрол к богам, призывая их в свидетели того, что Вернок предлагал в двадцать раз больше в расчете на голову за весь табун, ибо хотел купить его для улучшения крови своих лошадей.

Агваш же пал лицом в пыль, проклиная богов за то, что настолько лишили старого его друга Негрола разума, что тот верит хоть одному слову, вышедшему из-под бороды такого всем известного лжеца, как Вернок.

И так далее.

Позже, когда тени сделались длиннее, они снова обнялись, утерли слезы, каждый убеждая другого, что это он разоряет себя ради старого друга. Негрол снова потребовал вина для гостя, и они снова уселись под фиговым деревом и выпили за то, чтобы настали лучшие времена.

И сказал Негрол:

— Воистину жаль, Агваш, что дела твои пришлись на времена столь тяжкие! Сохрани ты те силы и рассудок, что были у тебя когда-то, ты смог бы разгадать тайну Твака, ибо воистину еще не родилось лошади на этом свете, что сравнилась бы с Тваком.

И вздохнул тогда Агваш, и согласился, что воистину это разрывает сердце. И хотя времена и впрямь тяжкие, добавил он, было бы очень любопытно посмотреть на этого замечательного коня, если он и впрямь так хорош, как те, которых знали они во времена юности. Однако лично он, Агваш, сильно сомневается в том, что такой конь может еще найтись, ибо не может он, Агваш, припомнить заводчика в этих краях, у которого мог бы найтись такой.

И сказал Негрол:

— Достоинства Твака не из тех, что открыты взору — по крайней мере моему, хоть он пока и острее твоего, как, впрочем, было и всегда. А что до заводчика, так владеет Тваком некий человек по имени Пило, которого всегда можно найти в этот час на базаре. Пойдем же вдвоем, и если ты не согласишься со мною, что не видел ты еще коня замечательнее Твака, то верну я тебе тот дырявый мешок фальшивых монет, что всучил ты мне за мой замечательный табун. Однако же, коль выяснится, что сказал я тебе правду, придется тебе удвоить сумму.

Агваш обдумал это так и этак, ибо был он человек осторожный, но в конце концов согласился на такие условия. И встали они тогда, и пошли на базар. Там нашли они человека по имени Пило и его коня Твака, стоявших в толпе зрителей.

И сказал Агваш:

— Воистину не видел я еще коня столь кривоногого и тощего, столь старого, но способного еще держаться на ногах. Однако позволь заметить, что не таковы были условия нашего спора.

— Согласен, не таковы. А теперь приготовься и смотри.

И протянул Негрол человеку по имени Пило серебряную монетку, и дал ему этот Пило взамен овсяную лепешку из тех, что продаются на рынке по дюжине за медный грош.

И показал Негрол лепешку коню, говоря так: «Твак, это мой старый друг Агваш. Скажи, сколько у него сыновей?»

И начал Твак бить по земле копытом, а хозяин его, человек по имени Пило, считал удары. Надо же! Стоило тому досчитать до четырех, как Твак остановился.

И дал тогда Негрол Тваку лепешку, и сказал:

— Агваш, у тебя четверо сыновей, так что должен ты мне теперь еще мешок золота.

И как ни был потрясен этим Агваш, как человек осторожный и осмотрительный он обдумал все это некоторое время, но наконец склонил в печали голову.

— Вот ни за что бы не поверил, что старый друг мой задумает такой обман, — сказал он. — Ведь этот человек по имени Пило наверняка узнал у тебя раньше ответ на вопрос, что задал ты этой дохлой кляче. Он держит коня за уздечку и подает ему знак, чтобы тот перестал бить копытом.

Тогда достал человек по имени Пило из кармана своего халата еще одну лепешку и сказал:

— Вижу я, что ты человек нездешний. Поскольку ты сомневаешься, я привяжу Твака к этому вот столбу и позволю тебе задать еще один вопрос бесплатно.

И привязал он Твака, а сам отошел в сторону, а Агваш тем временем набирался смелости задавать коню вопрос на глазах у стольких зевак. И спросил он: «Скажи, Твак, скольких лошадей купил я у Негрола сегодня?»

И ударил Твак копытом о землю четырнадцать раз, а потом остановился.

И сказал Негрол: «Согласись, Агваш, не правда ли, ты не видел еще в жизни коня замечательнее, чем Твак? Ты купил у меня четырнадцать голов, и ты должен мне мешок золота!»

И обеспокоился тогда Агваш за свое золото. Но, обдумав это еще немного, решил он, что Негрол мог и догадаться, какой вопрос задаст Агваш Тваку, и подсказать ответ человеку по имени Пило заранее.

— Этот твой Пило — замечательный дрессировщик, — сказал он, доставая серебряную монету. — Я задам еще воп-

рос, но он должен будет уйти туда, где конь не увидит и не услышит его сигнал.

Он ожидал, что человек по имени Пило будет противиться таким условиям, но тот даже не думал. Он дал Агвашу овсяную лепешку в обмен за его монету, а потом пошел и стал за палаткой Могура-корзинщика, где Твак не мог его видеть. Тут увидел Агваш, что все зрители улыбаются, и стало ему еще страшнее. Он решил задать такой вопрос, ответа на который не мог знать никто в деревне, кроме него самого, чтобы никакой тайный помощник в толпе не смог подать сигнал коню.

— Твак, — сказал он. — Три ночи пришлось проторчать мне в городе Пульнке по дороге сюда. Скажи, сколько дев обнял я в городе Пульнке?

И стукнул Твак копытом по земле четырежды, а все зрители захлопали в ладоши.

И заплакал Агваш, и дернул себя за бороду.

— Воистину, — сказал он, — не видел я коня замечательнее, чем этот, и я должен своему старому другу мешок золота, да сгнойт боги его легкие и да наполнят его потроха червями и прочими хворобами.

И сжалился тогда Негрол над его бедой, и сказал ему так.

— Увы, — сказал он, — нет цены этому коню, и не продаст этот человек по имени Пило его ни за какие деньги. Но видят боги, ты, друг мой, самый строгий и зоркий судья в лошадях, с каким я имел несчастье иметь дела. Поэтому есть у меня к тебе еще одно предложение. Может статься, что в этого коня вселился демон. Или может статься, у этого человека по имени Пило есть секрет, способный принести неплохой доход всякому, кто его узнает. Оставайся у нас в деревне и наблюдай. И если через три дня ты сможешь рассказать мне, каким образом Твак творит свои чудеса, я верну тебе оба мешка золота. Но если не сможешь, сам отдашь мне еще столько же.

И сильно расстроился Агваш при мысли о том, сколько же это золота придется ему отдать в случае проигрыша, но все же согласился на новый спор и не сходя с места начал

осыпать человека по имени Пило серебряными монетами за право задать вопрос коню.

И вышло так, что Твак ответил Агвашу, сколько у него братьев. Твак ответил ему, сколько колонн у дворцового храма в Мортлане, сколько горошин в горшке, сколько кабаков в Пульнке и сколько столов в каждом. Еще Твак стукнул копытом, как раз когда Агваш проводил правым указательным пальцем по шраму на левой руке, хотя тот был скрыт рукавом. И наконец, Твак ответил Агвашу, в какой день какого месяца родился брат отца его отца.

Конь отвечал на вопрос вне зависимости от того, в какую сторону стоял мордой, видел он своего хозяина по имени Пило или нет, или даже стоя в палатке наедине с самим Агвашем.

Это все было в первый день.

На второй день Агваш не стал больше тратить на овсяные лепешки, но сел в тени на краю базара и стал наблюдать за конем Тваком. Однако мало что увидел он тогда, ибо никому в деревне не хотелось больше сомневаться в способностях Твака, и только чужаки готовы были платить втридорога за овсяные лепешки. Один лишь купец подошел спросить, сколько дней придется ему ждать одного важного для него письма, но на этот вопрос Твак отвечать отказался, так что человек по имени Пило вернул купцу его серебряную монету, а овсяную лепешку положил обратно в карман.

На утро третьего же дня Агваш снова пришел на базар. И увидел он там человека, ведущего в поводу хорошую верховую кобылу, и обратился он к нему со своими обычными для такого случая словами: «Не продашь ли ты мне, незнакомец, свою клячу, ибо собаки мои голодны и нету мяса у меня, чтобы накормить их?»

Человек вздохнул и объяснил, что кобыла эта — все, чем он владеет на этой земле, а также единственный близкий друг и источник дохода, ибо выигрывает любую скачку вне зависимости от соперников, но что он может подумать, не расстаться ли ему с этой кобылой, если собеседник его достаточно богат, чтобы предложить за нее разумную цену.

И отвел Агваш человека вместе с его кобылой к Тваку, и заплатил человеку по имени Пило серебряную монету, и спросил:

— Скажи, Твак, какую наименьшую плату возьмет этот человек за эту кобылу?

И ударил Твак копытом о землю семь раз, и сказал тогда Агваш человеку:

— Предлагаю тебе за эту кобылу семь золотых.

Тогда посмеялся человек над таким предложением и сказал:

— Клянусь, за такую кобылу даже и двадцать золотых предлагать — это грабеж.

— Воистину грабеж, — согласился Агваш и отошел.

И позже, в разгар дня, подошел этот человек к Агвашу, сидевшему в тени на краю базара, и сказал, что готов взять семнадцать золотых. Агваш же стоял на семи.

И в конце дня подошел человек к Агвашу снова. Плача, взял он у него семь золотых, отдав ему кобылу.

И встал тогда Агваш, и пошел в гончарную лавку, и купил там два самых лучших горшка, один оранжевый и один красный, оба с крышками. Солнце клонилось уже к закату, и пришел тогда Негрол к Агвашу, говоря: «Ну что, друг мой, скажешь ли ты мне, как творит Твак свои чудеса, или отдашь еще два мешка золота?»

— Не может такого быть, — отвечал ему тогда Агваш, — чтобы старый барышник не перехитрил старого коня, так что придется тебе, друг мой, вернуть мне те два мешка золота, что проиграл я тебе по старой дружбе.

И пошли они вдвоем к коню Тваку и хозяину его по имени Пило, и купил тогда Агваш две овсяные лепешки. И половина жителей Ванбурта собралась послушать, сможет ли Агваш объяснить, как творит Твак свои чудеса, ибо шла о нем слава как о человеке, что знает толк в лошадях.

И показал Агваш Тваку оранжевый горшок, и спросил:

— Скажи, Твак, сколько горошин в этом горшке?

И стукнул Твак копытом по земле четыре раза, а человек по имени Пило считал вслух, и остановился. И сказал Агваш Негролу:

— Друг мой, загляни-ка в оранжевый горшок и скажи мне, верно ли ответил этот конь.

И сделал тот, как его попросили, и сказал:

— Воистину так, в этом горшке лежит четыре горошины, не больше и не меньше.

И отдал Агваш Тваку первую лепешку. Тогда показал Агваш Тваку красный горшок и попросил коня, чтобы тот сказал ему, сколько горошин и в этом горшке. Твак стукнул копытом по земле раз, и еще раз, и еще, а человек по имени Пило все считал вслух, и когда они досчитали до ста, сказал Агваш Негролу:

— Друг мой, загляни-ка теперь в красный горшок и скажи нам, верно ли это?

И заглянул Негрол в красный горшок, и сказал:

— Надо же! Здесь ведь только три горошины!

Тогда Твак перестал бить копытом по земле, а человек по имени Пило вернул Агвашу одну серебряную монету, ибо не смог его конь сказать верно, сколько горошин лежит в красном горшке.

И увидев это, заплакал Негрол в сильном горе, и порвал на себе одежды, ибо решил он, что придется теперь ему вернуть старому другу два мешка золота, которые считал уже своими.

— Увы мне! — вскричал он. — Выходит, теперь ты знаешь, как конь творит свои чудеса. Так скажи мне быстрее, и я — ах! — верну тебе обещанные деньги, ибо нет под небесами человека честнее Негрола.

Но сказал ему Агваш на это:

— Нет, не знаю я этого. Пойду я теперь в свой шатер собрать два мешка золота, хоть это все деньги, что остались у меня теперь, и дети мои теперь будут страдать от голода, но я принесу тебе это золото, старый мой друг.

— Но ты же выиграл спор! — вскричал Негрол.

— Нет, проиграл, — отвечал Агваш. И так они спорили, кто из них кому должен два мешка золота, а все смотрели на них в сильном удивлении.

И сказал Негрол:

— Но ты же знаешь, как творит конь свои чудеса!

— Нет, — вздохнул Агваш, — не знаю. Верно, есть у меня одна теория, но это всего лишь догадка, предположение, и я могу ошибаться. Значит, я проиграл и буду платить.

— Так поведай мне свою теорию, — сказал Негрол, — и тебе не надо будет платить.

— Нет, не могу, — возражал Агваш. — Я заплачу тебе, друг мой, ибо я тоже честный человек.

И дернул себя тогда Негрол за бороду.

— Скажи мне свою теорию, — сказал он, — и я сам отдам тебе два мешка золота, а от тебя не возьму ничего.

— Не могу, — повторил Агваш. — Я не могу доказать, что моя теория верна, и ты сможешь назвать меня лжецом. Нет, воистину я не открою тебе свою теорию, даже если ты предложишь мне десять мешков золота.

И вскричал Негрол, словно от страшной боли, и сказал затем:

— Пять!

— Восемь, и ни мешком меньше!

И так далее.

Так и вышло, что позже вечером, когда друзья сидели вдвоем в шатре у Агваша и никто не мог их слышать, Негрол отдал Агвашу семь мешков золота и три меха хорошего вина в придачу, и сказал тогда Агваш:

— Вот какова моя теория. Сдается мне, этот ваш Твак — конь старый, и много раз продавали и перепродавали его из рук в руки, и столько раз видел и слышал он, как свершается купля-продажа, что и сам выучился не хуже конеторговца. И когда спросил я Твака, сколько может запросить тот человек за свою кобылу, начал Твак бить по земле копытом. И досчитав до семи, он остановился, и так и случилось, что в конце концов смирился тот человек, согласившись на семь золотых. Однако кто мог знать эту цену раньше, кроме самого этого человека, а он не мог ни сказать этого Тваку, ни подать ему сигнал, ибо это было бы просто глупо с его стороны.

Так вот, когда мы с тобой, старый мой друг, торговались из-за четырнадцати полудохлых кляч, что я купил у тебя,

заметил я, что перед тем как назвать сумму, которую был готов принять за них, ты делал паузу. Ты говорил что-то вроде «я могу согласиться на...» или «я возьму только...», а потом ждал, пока я не посмотрю тебе в лицо в ожидании, пока ты договоришь. И признаюсь, эта твоя привычка изрядно раздражала меня, ибо перенял ты ее у меня.

— Может, так оно и есть, — согласился Негрол, — хоть я и не думал об этом раньше.

— Даже в молодые твои годы богов тошнило от твоей зловонной лжи, да и впад в старческий маразм, ты не сделался лучше. Так вот, это твое извращение имеет единственной целью посмотреть на мое лицо, дабы видеть, удовлетворит ли меня такая цена.

— Лицо Агваша, — возразил Негрол, — подобно горе Беломраморной, и никто не может судить по нему, что кроется за его выражением. Это хорошо известно любому и каждому во всех долинах вплоть до реки Крокодильской.

Эти слова были приятны Агвашу, и все же продолжал он хмуриться, словно не принесли ему радости.

— Может, это и верно для неумытой черни, но это никак не относится к такому прожженному и беззастенчивому мошеннику, как ты, старый мой друг. И, сдается мне, к старому коню Тваку. Ибо как бы ни стремился человек скрывать свои чувства так, чтобы они не отражались на его лице или в повадках, он все равно выдает себя в мелочах, которые не пройдут незамеченными для пристального взгляда. Возможно, он даже сам не отдает себе отчета в этих сигналах, и все же они посылаются и принимаются.

Негрол обдумал все это и налил себе и старому другу еще вина.

— Тогда объясни мне про эти два горшка, что показал ты Тваку, — оранжевый, содержимое которого он угадал, и красный, на котором он ошибся.

— Воистину нет ничего проще. Я знал, что в оранжевом горшке четыре горошины, ибо сам положил их туда. Но я попросил другого положить горошины в красный и накрыть его крышкой прежде, чем вернуть его мне, — так, чтобы я

сам не знал, сколько в нем горошин. Поэтому Твак не видел никого, кто знал бы верный ответ, и не увидел сигнала, говорящего о том, что он досчитал до нужного числа, поэтому он и не переставал бить по земле копытом.

— И точно так же не смог он ответить купцу, когда тот получит письмо, ибо купец сам не знал ответа.

И сказал тогда Негрол:

— Воистину нет на просторах между Мортланом и рекой Крокодильской жулика и пройдохи страшнее тебя, и ограбил ты меня в мои старые годы!

И на следующий день ушел Агваш из Ванбурта, забрав с собой всех лошадей, которых купил, а с ними все золото, которое выиграл, чему был весьма рад.

26. ШЕСТОЙ ПРИГОВОР

— Розы — не лошады! — возмутилась старуха.

Я вздохнул. Чертова старая карга не хотела посмотреть правде в глаза.

— Нет, сударыня. Она ишачиха. Вам известно, что ишачий труд делает с людьми? Я могу назвать вам множество достойных домов, где к лошадям относятся лучше, чем к челяди.

Меня перебил солдат. Он говорил негромко, но убедительно, словно разнимая двух ссорящихся пьянчуг:

— Твоя притча занимательна, Омар, но какое отношение имеет она к нашему случаю? Конь, про которого ты рассказал, стучал копытом до тех пор, пока не видел, что удовлетворил спрашивающего. Потом он останавливался и получал награду. Мне приходилось встречать много умных лошадей, но Розы не топает по земле ногой.

— Она заикается! — ответил я. — Скажите, разве не так это происходило? Вы спрашиваете ее о чем-то — ну, например, о том, как звали ее мать. Она уходит спросить Верл — или фигурку, про которую думает, что это Верл. Потом

возвращается, и вы повторяете вопрос. Она очень нервничает, она заикается, бормочет что-то... В случае с именем ее бабки... Кстати, эта экономка маркиза говорила вам, как звали ее мать?

Он пожал плечами.

— Они полагают, что Марша, но столько лет спустя они уже не уверены.

— Она верит, что ее настоящее имя — Розалинда, а имя ее матери — Свежероза, так что вполне естественно, она начинает со звуков, напоминающих эти имена. Верный ответ — Розосвета, и услышав его, вы улыбаетесь и киваете, верно? Стоит ей издать звук, хоть немного похожий на ответ, которого вы ждете, и вы каким-то образом показываете свое согласие. — Я огляделся по сторонам: не выказывает ли кто-нибудь знаков согласия со мной? — Всю свою жизнь Розы была последней из последних. Ей приходилось угождать дюжине разных людей одновременно — и каждый считал своим долгом кричать на нее, а то и бить. Еще бы ей не научиться угождать людям! Я думаю, она сама даже не понимает, как делает это.

— Вздор! — пробормотала старуха. Никто не выразил несогласия с нею.

Похоже, я не завоевал особой поддержки.

Гвилл зевнул. Его зевок оказался заразительным. Наступал рассвет. Бледный дым от свечей висел в воздухе. Все устали от долгой бессонной ночи. Я чувствовал, что все больше сидящих в комнате не прочь были бы последовать примеру Розы и пойти спать. Если я останусь без слушателей, мне придется иметь дело с Фрицем. Но оставалась нерешенной еще одна загадка, и это препятствие стоило убрать с дороги в первую очередь. Я посмотрел на купца, который зевал громче остальных, лениво потягивался.

— Ну, бургомистр? А вы что расскажете нам, дабы завершить эту ночь?

Он бросил на меня кислый взгляд, потом задумчиво покосился на свою жену. Марла казалась бодрее остальных, но конечно же, по роду деятельности ей полагалось привыкнуть к долгим и утомительным ночам.

Она ответила ему застенчивой улыбкой.

— Наверное, уже поздно, Йоханн, милый! Почему бы нам не подняться и нырнуть в постельку, а? — Она похлопала ему по брюшку золотой цепью.

Он с неожиданным интересом поднял свои кустистые брови.

— Ты хочешь спать, любовь моя?

— О, немножко. Устала от всей этой болтовни. — Она погладила его по щеке.

— Гх-м! — вмешался солдат. — Бургомистр, вы ведь так и не сказали нам, зачем прибегли к услугам мастера Тиккенпфайффера, тем более по вопросам, касающимся отдаленной Верлии?

Купец поколебался немного, потом пожал плечами.

— Ну, вообще-то я хотел, чтобы это было сюрпризом. Видите ли, мы с моей дорогой женой проводим медовый месяц.

Тут уж поперхнулся даже Гвилл.

— Вы захватили с собой в свадебное путешествие нота-риуса, майн герр?

Фриц и солдат не удержались от двусмысленной ухмылки. Даже старуха как-то странно хмыкнула.

— Попридержи язык, менестрель! — огрызнулся толстяк, презрительно зыркнув на старую даму. — Пожалуй, эта минута не хуже любой другой, чтобы открыть всю правду. Не знаю, верю ли я в байку Омара про коня, сударыня, но точно знаю: ваша бесценная Роза не та, за кого вы ее принимаете.

— Тогда молю, просветите нас!

— Милый? — вмешалась актриса и перегнулась через его плечо, чтобы поцеловать его. — Неужели ты любишь меня меньше, чем эту скучную Розу?

— Потом, любовь моя.

— Ну же, милый!

— Сказал тебе, потом! Я поведаю седьмой рассказ, чтобы открыть тайну.

— Уу! — взвизгнула Марла, внезапно меняя тактику. — Открыть тайну? Вот здорово! И что за сюрприз, а, милый? Сюрприз для меня?

Он потрепал ее по коленке.

— Тебя он удивит не меньше, чем остальных, птичка моя. — Он громогласно прокашлялся и обвел нас хмурым взглядом, дабы убедиться, что мы слушаем его с должным вниманием.

— Я — бургомистр Йоханн, старший магистрат Бельхшлосса. По профессии своей я торговец. Я унаследовал дело от своего отца и сделал свое предприятие одним из самых крупных в Фолькслянде. Я считаюсь самым богатым человеком в городе — если не считать крупнейших землевладельцев, разумеется, и я точно знаю, что далеко не все из них... ладно, шут с ними. У меня четверо сыновей и две дочери. Моя первая жена умерла несколько лет назад. Я собирался жениться вторично, но дела все не давали мне такой возможности. Сами понимаете, выбрать себе жену — дело серьезное!

— Как мне повезло, что ты повременил с этим, милый, — вmeshалась актриса, хлопая своими огромными, как опахала, ресницами.

Я поймал взгляд Гвилла и поспешно отвернулся. Я сразу вспомнил дымную, вонючую залу в гильдербургском «Бархатном стойле» и танцующих на столах девиц. Потом я попробовал представить себе почтенных отцов Бельхшлосса, восхищающихся новой женой бургомистра. Одна эта мысль...

Так что такое лукавство, черт поberi?

27. РАССКАЗ КУПЦА

Я заинтересовался верлийскими делами несколько месяцев назад, в начале лета. Я сидел в своей конторе, как обычно занятый делами. Сами понимаете, богатство отдыха не приносит. Мы работаем больше, чем бедные. И потом, моя деятельность как городского главы тоже отнимает уйму времени.

Помню, я был тогда не в духе. Я уже забыл, что так раздражало меня — наверное, бесконечная тупость моих кон-

торщиков. У них мозгов как у цыпленка, и они только и ждут, чтобы прикинуться больными или когда рабочее время кончится. Я даю им два свободных дня в месяц! Вполне достаточно на все их болезни.

Ну да ладно. В общем, в тот день ко мне явился очень необычный посетитель. По большей части мои посетители — это другие видные купцы или цеховые мастера, видите ли, или часто заходят еще дворяне денег занять. Я люблю заставить их подождать. Так вот, когда мне доложили, что меня хочет видеть какая-то пожилая монахиня, это не произвело на меня особого впечатления. Я в голову не мог взять, зачем это меня хочет видеть какая-то монахиня, если не для того, чтобы покланяться денег на ремонт своей обители или чего другого в этом роде. Я, возможно, и не нашел бы для нее времени тогда, если бы только в приемной у меня не торчал один тощий юный аристократ, о котором я знал, что он надеется занять у меня солидную сумму. Еще я знал, что ему позарез нужны деньги. Чем дольше я его промариную, тем меньше он станет визжать, услышав мои условия. И потом, увидев, как женщину, к тому же духовного звания, пропускают вперед него, он понял бы, что солнце встает не для него одного и не только из-за того, что он обладает наследственным правом писать в серебряный горшок, ну и так далее. Поэтому я приказал послать сперва за этой монахиней.

Она вошла, опираясь на посох, ее облачение было все выцветшее и поношенное, и я даже не узнал, какого она ордена, ибо была она не из Бельхшлосса и не из Гильдербурга. Она была старая и немощная, и я даже предложил ей сесть, хоть и не собирался позволять ей долго рассиживаться.

Я продолжал подписывать бумаги.

— У меня мало времени нынче утром, сестра, — сказал я ей. — Так что вы уж, пожалуйста, побыстрее.

Она примостилась на самом краешке кресла и вроде как не знала, что ей делать со своим посохом. Она все дергалась и волновалась.

— Простите, что мне пришлось отвлекать такого занятого человека, как вы, бургомистр, — сказала она. — Я не

беспокоила бы вас, когда бы дело не было таким важным. Через несколько недель ей давать обет.

Ясное дело, старая карга была здорово взволнована.

— Кому это «ей»? — спросил я.

— Послушнице Марле, ваша честь.

— А я здесь при чем?

— Вы ни при чем. То есть мне хотелось бы, чтобы вы были при чем... О Боже! Видите ли, мне кажется, это может быть очень важно.

Признаюсь, тогда я сильно сомневался во всем этом. Я решил, что дам этой жабе еще пять минут, а потом прикажу вышвырнуть вон. Но скоро ее рассказ меня заинтересовал. Я не какой-нибудь бродячий мастер молотъ языком вроде Омара, так что даже не буду пытаться рассказать вам все, как она это рассказала. Я просто изложу вам голые факты.

Моя посетительница назвалась сестрой Заух из какой-то крошечной обители в Лютцфройле, о которой я слыхом не слыхал. В горах их полным-полно. В конце концов, дешевле сбавривать нежеланных дочерей в монастыри, чем копить им на приданое. Монахини довольствуются куда меньшим — уж я-то знаю!

Но эта история была совсем другого рода. Лет двадцать назад, холодной зимней ночью, в двери обители постучалась женщина. Она была больна — точнее, умирала — и несла с собой маленькую девочку. Мать почти сразу и умерла. Девочку оставили в приюте. Ничего особенного. Лютцфройль расположен по ту сторону Гильдербурга, если ехать из Бельхшлосса — то есть по эту, если смотреть с нашего нынешнего места, — и если кто-то, перевалив через горы, свернет не в ту сторону... но это я забегаю вперед. Сначала-то я думал, что можно идти на юг, и увидеть, что перевалы непроходимы, и заблудиться по дороге обратно.

Сестра Заух давно уже выбилась из своих пяти минут, и я сказал ей, чтобы она переходила к делу. Она достала старое-старое письмо. Сестры, судя по всему, пытались узнать, кто такая эта умирающая женщина, но безуспешно. Настоятельница написала письмо маркграфу, но в силу каких-то

причин его так и не отправили. Оно пролежало в бюро двадцать лет. Монахини ведь не особенно деловые дамы. Сама сестра Заух нашла это письмо несколько недель назад.

Так вот, девочка выросла и готовилась принести обеты. Ну и что, спросите вы? Но сестре Заух самой пришлось приехать в Бельхшлосс по какому-то там семейному делу, и она захватила девушку с собой. И раз уж она оказалась здесь, она решила посоветоваться с представителем власти. Не посоветую ли я, что стоило бы сделать? На всякий случай?

Я? С какой это стати должен я заботиться о потерянных аристократических ублюдках? Но, наверное, бургомистр представляется этим старухам-святошам кем-то вроде маркграфа.

Ну, письмо оказалось лучше, чем бормотание этой древней старухи. Оно подтверждало рассказ про умирающую женщину, но в нем упоминались также некоторые слова, что повторяла она в бреду. Одним из них было «царевич», и это, разумеется, привлекло мое внимание. Бред — слабое свидетельство, но были и другие доказательства. Ребенок был завернут в одеяло из очень хорошей шерстяной ткани с вышитым в углу вензелем из сплетенных рук. В письме имелась зарисовка этого вензеля, и она походила на подлинную, хотя обычно я не трачу времени на всякую там геральдическую чушь.

Я принялся допрашивать эту старую сестру Заух. Ей нечего было добавить. Одеяло давным-давно потерялось, письмо так и не отослали. Она не хотела, чтобы послушница Марла знала что-нибудь о нашем разговоре, если только не подтвердится, что она действительно благородной крови, — чтобы не расстраивать ее. Это казалось вполне разумным.

Разумеется, я отнесся к этому скептически. Я пообещал старой курице, что наведу справки об этом вензеле и дам ей знать тотчас, как узнаю что-нибудь. Она сказала, что переезжает, так что не может оставить свой адрес. Мы договорились, что она заглянет ко мне через несколько дней, и на этом наш разговор закончился.

Я проследил, чтобы ее проводили, и переключил внимание на другого посетителя, и скоро почти забыл об этом деле. Но на следующий день ко мне зашел по делу майстер Тиккенпфайффер. Я увидел письмо — оно все еще лежало у

меня на столе — и показал ему. Он согласился, что письмо кажется подлинным. Я попросил его навести справки, не особенно надеясь на какой-нибудь интересный результат.

Ну, как вы, наверное, уже все поняли, сплетенные руки оказались гербом царского дома Верлии! Это было изрядным сюрпризом, ибо Верлия, как вы сами понимаете, страна неблизкая. Я и представить себе не мог, каким образом это одеяло оказалось так далеко. Я решил, что оно вовсе не оттуда. Женщина сама могла вышить этот вензель, чтобы помочь своей дочери.

К тому времени я, конечно, слышал о Верлии, но немного, хоть и путешествовал изрядно. Мало кто из жителей Бельхшлосса вообще знал, что где-то есть такая страна, ибо большинство-то и в Гильдербург за всю свою жизнь не выбирается. Однако через несколько дней по городу поползли кое-какие занятные слухи. Как бургомистр я узнаю новости не позже остальных — это, в конце концов, мой долг! Прошу обратить на это внимание, ибо это важно. Сестра Заух говорила со мной прежде, чем кто-нибудь в городе узнал об исчезнувшем наследнике!

Я поручил майстеру Тиккенпфайфферу докопаться до сути произошедшего.

Когда старуха снова пришла ко мне, я сказал ей, что девушка и впрямь может оказаться важной. Я попросил возможности встретиться с ней.

Сестре Заух нездоровилось, и она хотела как можно скорее вернуться к себе в монастырь, но она прислала девушку ко мне. Так я познакомился с Марлой.

Я был очарован с первой же минуты, как увидел ее! Такая невинная, такая беззащитная красота — и, возможно, дочь древнего и влиятельного рода! По натуре своей я человек не слишком романтический, но не скрою, ее положение тронуло меня. А очень скоро я перестал заботиться о том, кто были ее родители. Я влюбился!

Я сделал предложение. Она приняла его. Мы поженились.

Ну да, я знал, что существует небольшой шанс того, что она окажется аристократического происхождения, но не это повлияло на мой выбор. Возможность узнать это казалась

так мала, а возможность доказать что-то — и того меньше. Не так уж много пропавших наследниц имеют богов, ждущих, чтобы доказать подлинность их происхождения! Я люблю ее саму и буду любить, каким бы ее происхождение ни было. Я принимаю ее такой, какая она есть, без приданого или верительных грамот.

И только позже, когда Тиккенпфайффер вернулся с окончательным докладом, только тогда понял я, что невольно женился на царице.

28. ИНТЕРЛЮДИЯ

— На мне? — взвизгнула Марла. — Ты хочешь сказать, я законная царица, о которой мы слышим всю ночь? — Так и не дав Йоханну возможности ответить, она повисла на нем и с пылом поцеловала.

Как говорится, нет дурней дурнее старых дурней.

Я осмотрелся по сторонам. Оцепенелое недоверие — слишком слабый эпитет. Глаза Фриды расширились, и она прижала руки ко рту. Даже квадратная челюсть Фрица слегка отвисла. Рука капитана Тигра инстинктивно схватилась за рукоять меча.

Гвилл, впрочем, пребывал в состоянии, близком к аполексическому удару. Мы с ним обменялись взглядами. Мы оба знали больше, чем остальные. Мы оба знали, что Марла никак не могла быть той, за кого ее выдают... разве не знали? Голова моя что-то плоховато соображала с недосыпу. Может ли быть такое, чтобы такого ушлого торговца, как Йоханн, провели в делах, столь важных для его благосостояния?

Может ли Марла быть пропавшей царевной, несмотря на ремесло, которым она занималась в Гильдербурге?

С минуту никто не осмеливался сказать ни слова. Потом купец стряхнул с себя восторженную супругу и гордо огляделся по сторонам, изучая нашу реакцию. Первым загово-

рил солдат. Голос его был сух как соль и не выражал никаких эмоций.

— Сударыня, похоже, вы нашли сегодня вторую свою внучку! И внучатого зятя в придачу!

Купец вздрогнул и нехотя переглянулся со старухой. Надо же, какая большая и счастливая семейка!

— Ну конечно, сударыня, — без особого удовольствия сказал он. — Вы видите перед собой свою настоящую внучку и царицу.

— Я не верю ни одному вашему слову!

— Заверяю вас, факты неопровержимы! Даты совпадают. Настоятельница — то есть бывшая настоятельница, ныне уже покойная — написала подробное, хоть местами и чуть слишком многословное описание произошедшего. Она привела последние слова умирающей женщины. У меня с собой — наверху — переписанный текст ее письма. Уж не хотите ли вы усомниться в словах святой матери? И позвольте напомнить вам, все это привлекло к себе мое внимание до того, как вся эта верлийская история стала известной в Бельхшлоссе. И кто в такой дыре, как Лютицфройль, мог знать царский герб столь удаленной страны?

Гвилл снова поймал мой взгляд, как бы спрашивая, что нам делать. Я обдумал этический аспект проблемы. У меня не было особенных причин отравить Марле удовольствие, да и Йоханну тоже. Но я чувствовал, что развенчал Рози довольно бесцеремонно. Теперь я просто не мог уже быть излишне снисходительным ко всем остальным присутствующим.

Ну, почти ко всем.

Верно, фрау (или фройляйн?) Марла приходила мне на помощь несколько раз за этот вечер, но не по своей воле. И если уж на то пошло, рассказ ее мужа о сестре Заух касался единственного лица, кто не переставал поддерживать меня и кто заслужил мою поддержку куда больше, чем она.

— Кажется, опять моя очередь? — Я не стал ждать возражений. — Воистину сложное испытание, ваша честь! Как это ни грустно признавать, кажется, я встретил наконец достойного соперника, и — надо же! — в последнем раунде. Все же я сде-

лаю все, что в моих силах, и не сдамся без боя. Самое лучшее, что я могу сделать, — это поведать вам печальную, недолгую и надзидательную историю вальдграфа Мюнстера.

29. ОТВЕТ ОМАРА НА РАССКАЗ КУПЦА

Впервые я встретил Мюнстера шесть или семь лет назад, в Винлянде. Тогда он был совершенно буйным, безрассудным юнцом. Этим летом я снова столкнулся с ним в Гильдербурге. Конечно, он изменился с тех пор, но не так, как меняется большинство мужчин к зрелым годам. Теперь он стал еще более буйным и безрассудным.

Должно быть, вы слышали уже о его брате, маркграфе. Во всем Фолькслянде не найдется землевладельца богаче его. Вне всякого сомнения, вы можете назвать с дюжину его дядюшек, двоюродных братьев и сестер и так далее, занимающих видные места при дворе, в Церкви или в области финансов. О респектабельности этой семьи ходят легенды. Фамильное древо их настолько ветвисто, что напоминает скорее целый лес.

Мюни — единственная паршивая овца, вышедшая из этого благородного семейства, и уж он прикладывает все усилия к тому, чтобы стать настолько паршивой, насколько это вообще возможно. Он унаследовал благородную внешность своих предков, но на этом сходство кончается. Как правило, день его начинается ближе к полудню вином, женщинами и песнями и продолжается в том же духе. К его основным увлечениям относятся женщины, дуэли, пьянство, пьяные ссоры, шулерство, бросание тени на доброе семейное имя, мелкие пакости вроде разлитого на лестнице масла, но и другие козни, на которые склоняет нас дьявол, не прошли мимо его внимания.

При всем при этом он — один из самых обаятельных людей, которых я встречал за свою жизнь. Он щеголяет сво-

им богатством, одевается безукоризненно и привлекает к себе взгляды всех встречных женщин. Я редко видел его без спутницы, и, как правило, он ослепительно улыбался. Не родилось еще такого коня, что он не смог бы объездить. Он может напиться до чертиков с тобой на пару и разбудить после этого на рассвете, предлагая поразмяться немного в скачке с препятствиями — свежий, буйный и неотразимый. Короче, вся жизнь его — непрерывный вызов.

Позвольте мне привести один небольшой пример. Кажется, тогда ему еще не исполнилось двадцати. Я присутствовал при этом, правда, всего лишь как зритель. Час был поздний, и все золото на столе, как обычно, постепенно сгрудилось перед Мюни. Все остальные пребывали уже в пьяном и злобном состоянии, ибо все как один были старше его и не привыкли проигрывать. Он же был по обыкновению весел и игрив.

Совершенно неожиданно, без предупреждения он ткнул пальцем в самого богатого и сильного человека в компании и обвинил его в передергивании карт. Учítывая, что за последние три часа этот человек просадил чуть не целое состояние, обвинение прозвучало на редкость неубедительно. Надобно еще добавить, что человек этот заслужил репутацию отменного фехтовальщика.

Не успели мы опомниться, как человек этот вскочил и обнажил шпагу.

— Пижон чертов! — вскричал он. — Я сейчас тебе укорочу язык, наглый мальчишка! — Зрители поспешно отскочили поодаль.

Мюни неторопливо поднялся.

— Защищайся, мерзавец! — сказал он и выхватил свою шпагу. Там, где полагалось быть клинку, свисал, раскачиваясь, кусок шелкового шнура. Не веря своим глазам, уставился он на него. Все остальные — тоже. Воцарилась мертвая тишина.

— Вот черт! — сказал он. — Должно быть, на этот раз я выпил больше, чем нужно.

Вся комната взорвалась смехом и аплодисментами.

Только его противник предпочел не заметить шутки. Он презрительно фыркнул и нанес удар. Мюни отбил его эфесом шпаги и взмахнул шнуром как кнутом. Шнур обмотался вокруг шпаги противника, и Мюни резким движением вырвал ее у него из руки. Возможно, будь он трезв, я бы не поверил своим глазам; должно быть, он много дней отрабатывал этот прием. Он схватил противника рукой за горло и опрокинул на пол, после чего без лишних слов вернулся за стол и принялся тасовать карты.

И это в шестнадцать или восемнадцать лет.

Сразу же по приезде в Гильдербург я отправился в «Щит маркграфа» — самое дорогое и респектабельное заведение в городе. В холле торжественная тишина и полумрак, пол устлан мягкими коврами, на стенах темные панели полированного дерева. «Щит маркграфа» — из тех заведений, где на каждом шагу расставлены медные плевательницы, а если ты ненароком промахнешься мимо одной, слуга несется бегом подтереть — очень стильно, хотя на мой взгляд немного бессмысленно. Обычно я избегаю такой роскоши, но на этот раз устал от долгой дороги. Поскольку в кармане моем звенело несколько талеров, я мечтал о горячей ванне и вкусном обеде.

Швейцар в ливрее подозрительно меня осмотрел и решительно подошел поближе, намереваясь спросить, что мне нужно.

— Омар! — проревел зычный голос откуда-то сверху, с лестницы, и Мюни собственной персоной перемахнул через перила, упал на пышный диван, спружинил и замер как ни в чем не бывало передо мной. Пожилая дама, сидевшая на другом конце дивана, продолжала еще подпрыгивать вверх-вниз в полнейшем шоке. Мюни нежно обвил меня руками, словно я нашедшийся вдруг должник.

Разумеется, после этого меня приняли как желанного гостя. Друг брата маркграфа — их друг. Еще бы: даже если Мюни и съезжал, не заплатив по счету, его семья покрывала все его долги. Я несколько удивился тому, что они вообще позволили ему вернуться из-за границы, но они позволили. Он заказал мне самый лучший номер, весело болтал всю

дорогу до его дверей и потребовал вина, чтобы мы могли выпить, пока я отмокал в медной ванне.

Позже он пригласил свою тогдашнюю подружку, чтобы она познакомилась со мной, не забыв приказать, чтобы она захватила с собой что-нибудь из его запасной одежды. Завернутый в полотенце, я был представлен одной из самых прелестных дам, каких только можно себе представить. Он всегда отхватывал себе самых лучших. Она выступала здесь в качестве его жены, ибо «Щит» ревностно блюдет свою репутацию, и даже Мюни приходилось соблюдать некоторые приличия, если он хотел оставаться здесь.

Жизнь моя сразу же утратила покой. Мне не терпелось приступить к поискам исчезнувшего наследника, но общество Мюни оставляло мало времени на все остальное.

Где-то на третий день я, пошатываясь, вернулся в свой номер после продолжавшихся почти всю ночь расспросов в заведениях куда худшей репутации. Время близилось к рассвету. Не успел я стащить с себя одежду, как в номер мой ворвался Мюни — чисто выбритый, неотразимый, как всегда улыбающийся.

— Омар! — возгласил он. — Рад видеть, что ты уже встал! Река поднялась! Я арендовал пару гнилых посуды — устройм соревнования по гребле!

Я нырнул в кровать и натянул одеяло на голову. Он попытался сорвать его с меня.

— Мне надо работать! — возмутился я.

Он ухмыльнулся.

— Тогда с какой стати ты пьянствуешь ночь напролет?

— Какое же это пьянство? Рассказываю истории, задаю вопросы, слушаю. Разведка.

— Ба! Ты начал не с того конца! Тебе надо побеседовать со священниками, с ноблями, а не путаться со всяким сбродом. Можешь вернуться к нему потом, если ничего другого не получится. Начни с отцов города, а потом спускайся вниз.

— По опыту своему я знаю, что сброд не только интереснее и больше знает, но и охотнее готов помочь. Отцы города пожалеют мне и ваксы со своих башмаков, — во всяком случае, без уймы подготовительной работы.

— Ба! — повторил Мюни, и в глазах его появился хорошо знакомый мне опасный блеск. — Они послушают меня! Скажи, если я устрою тебе встречу с городской верхушкой, ты пойдешь грести со мной?

Я сдался, готовый на все, только бы меня оставили в покое. Не прошло, однако, и двух часов, как он вылил мне на голову полный графин воды и объявил, что пора идти и все только меня и ждут.

Одну лодку мы разбили на первом же перекате — разумеется, ту, в которой сидел и я. Как ни странно, никто не утонул, хотя почти все нахватало изрядно синяков. Мюни забрал нас в свою лодку, и мы отправились дальше. Эта продержалась аж до Громова водопада. Мы развели костер, чтобы просушиться немного, но лошадей подали быстрее, чем ожидалось. Оживленным галопом вернулись мы в «Щит маркграфа».

Я едва успел переодеться поприличнее, как начали съезжаться отцы города — купцы, нобли, священники. Возглавлял всю эту компанию бургомистр собственной персоной. В большой зале собрались по меньшей мере тридцать мужчин и несколько видных дам. Они расселись и стали ждать, что хочет от них устроитель встречи. Нет, право же, полезно быть чьим-нибудь братом! Гостиничная прислуга прыгала вокруг как лягушки.

Мюни представил меня и предложил мне изложить свою просьбу. Чувствуя себя так, словно квалифицированные палачи терзали меня без устали сорок дней и сорок ночей, я начал рассказ о пророчестве Хола.

Мюни уже слышал его от меня, поэтому тихонько отошел в сторону. Возможно, он увлекся обдумыванием очередной пакости. Если он и в самом деле думал об этом, он преуспел весьма и весьма. Далее мне придется полагаться на его рассказ, поведенный мне позже.

В гостиницу вошла пожилая матрона с увесистой на вид сумкой. Вся прислуга, как я уже сказал, пребывала в панике по случаю такого нашествия богатства и власти, и в вестибюле не оказалось ни единого портье.

Повинуясь безошибочному инстинкту на скандал, Мюни поклонился.

— Могу я помочь вам чем-нибудь, сударыня? — предложил он.

Старая дама поколебалась, беспомощно огляделась по сторонам и пробормотала что-то вроде: «Не могли бы вы найти мне кого-нибудь, кто поднял бы багаж в номер?»

Мюни без лишних слов взял у нее сумку и подал ей руку.

Они поднялись по лестнице вместе.

— Не будете ли вы так добры, молодой человек, — сказала она, отперев дверь, — положить сумку на кровать?

Когда Мюни, как ему и было сказано, укладывал сумку на кровать, он услышал щелчок замка. Он обернулся и увидел, что женщина срывает с себя одежду. Как выяснилось, уверял он меня потом, она оказалась по меньшей мере лет на пятьдесят моложе, чем показалось ему вначале, и вообще являла собой потрясающий экземпляр цветущей девицы на выданье.

Тем не менее он поклонился ей как ни в чем не бывало.

— Не могу ли я услужить вам еще чем-нибудь, сударыня?

Она все еще стояла у двери.

— Я сейчас закричу, — спокойно сообщила она. — Вы вломились сюда и пытались меня изнасиловать.

— Не помню, чтобы у меня было такое намерение, сударыня, но теперь, когда вы сказали это, я должен признать, что идея не так уж плоха.

Зная Мюни, я не сомневаюсь, что он оставался совершенно спокоен, и полагаю, это его спокойствие несколько обескуражило ее. Должно быть, она знала, что он член влиятельной и весьма уважаемой семьи. Должно быть, она знала, что внизу собралась почти вся знать Гильдербурга, — но она не довела разведку до конца. Если что и беспокоило когда-либо молодого вальдграфа, то не скандалы.

— Я закричу! — повторила она. — Ваша жена...

— Какая жена? — Мюни всегда отличался быстротой реакции. Он швырнул в нее подушку. Разумеется, она отмахнулась от нее, но он уже набросился на нее, накрыв ей лицо другой подушкой. Он отволол ее на кровать и привязал к ней лентами, оторванными от простыней. Не спрашивайте меня, как это можно сделать при сопротивлении жертвы.

Мюни есть Мюни. Впрочем, даже ему это, должно быть, далось не очень просто.

Он так и не сказал мне, продолжал ли он в том же духе или ограничился этим, а я не спрашивал. Собственно, ничего другого она не заслуживала, однако при всей своей дьявольской бесшабашности Мюни не лишен странной для такого забулдыги галантности. Он буен и порой опасен, но он не садист. Впрочем, это вовсе бы не испортило игры, так что как знать?

Однако я внизу не знал ничего этого. Я как раз подошел к кульминации рассказа, когда по лестнице вразвалочку спустился вальдграф Мюнстер, неся на плече обнаженную девушку, связанную и с кляпом во рту. Стройный, элегантный и невозмутимый, пронес он ее через весь зал к дверям, осторожно поставил на входные ступени и вернулся в зал, вытирая руки.

Отцы города взорвались как пороховая бочка. Мюни, его подружку и меня изгнали из города. Не одна неделя прошла, прежде чем я осмелился пробраться обратно в Гильдербург, чтобы возобновить свои поиски по кабакам и борделям.

Последний раз я видел вальдграфа Мюнстера, когда он собирался на какое-то грандиозное семейное собрание в обществе ручной обезьянки, украденной им из цирка.

30. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР

— На что это ты намекаешь? — взревел купец. Лицо его приобрело цвет спелого черного винограда, зато руки, стиснувшие подлокотники кресла, побелели. Казалось, он вот-вот бросится на меня.

— Я ни на что не намекаю, ваша честь. Я просто излагаю факты, оставляя выводы и заключения на усмотрение слушателей. Да, кстати, Гвилл. Ты говорил, что тебя обчистили в гильдербургском переулке...

Гвилл, похоже, и сам уже подумал об этом. Он очень пристально смотрел на актрису. Впрочем, теперь и все ос-

тальные, конечно же, смотрели на нее, но его взгляд был самым угрожающим из всех.

Марла являла собой образец спокойствия, скромно скрестив руки на коленях. Она выдержала наши взгляды с отвагой истинного профессионала, каковым, без сомнения, была. Даже неприятель порой вызывает восхищение.

— Ваш голос! — произнес Гвилл. — Твой голос! А я-то думал, где это я слышал его раньше! И ведь не только в «Бархатном стойле»!

— Вот уж не знаю, о чем это вы все, — невозмутимо ответила Марла и повернулась к мужу. — Не пойти ли нам в постельку, милый?

— Так, значит, никакая это была не шайка! — вскричал Гвилл. — Только ты одна! У тебя ведь была клюка! Отцовская лютя!

— Вы оба говорите про Гильдербург, а не про Бельхшлосс! — взревел купец, перебив его. — Мы у себя в городе не терпим таких женщин!

— Правда? — удивился я. — Разве я не сказал, что шантажистка была изгнана из города тогда же, когда и мы с Мюни?

— Ложь и клевета! — Он наполовину выбрался из кресла, согнувшись словно огромная жаба, готовая выстрелить своим смертоносным языком.

— Должен признаться, я не успел разглядеть как следует ее лицо, ваша честь. Но ее татуировки я точно узнаю. Впервые я видел их в «Бархатной»...

Лицо Йоханна сменило цвет с пунцового на бледно-серый, а потом приобрело слегка зеленоватый оттенок — возможно, этот эффект был вызван особенностями свечного освещения. С болезненным омерзением повернулся он к актрисе.

— Татуировки?

Она пожала плечами:

— Я приберегала их для тебя в качестве сюрприза.

— Так ты и была сестра Заух? Но герб?

— Я нашла его там же, где, наверное, и Тиккенпфайффер, — в библиотеке нашей ратуши, прямо под твоим кабинетом. Читать надо больше, милый Йоханн!

Ура! Вперед! Он замахнулся на нее, опрокинув на скамью. Она вцепилась в него, увлекая за собой вместе с креслом. Они с изрядным грохотом грянулись об пол, и эху удара вторили визги и крики со всех сторон. Сквозь эту сумятицу голосов доносились отдельные различимые фразы, но я не припомню ни одной такой, чтобы я мог ее воспроизвести, — язык Фолькслянда славится своей выразительностью. Эта часть сражения явно осталась за Марлой. Может, бургомистр не знал, что означали эти слова? В конце концов Йоханн перестал ругаться и принялся просто визжать.

Только совместными усилиями капитана Тигра и Фрица любящую пару смогли разъединить, с большим трудом подняв Йоханна с пола. Марла поднималась на ноги без посторонней помощи. Вид у нее был свирепый, и она потирала горло. Купцу досталось значительно сильнее; складывалось впечатление, что она удачно заехала ему коленкой. Конечно, она была профессионалом, а он был отнюдь не Мюни.

Гвилл поставил кресло на ножки, Фриц водворил Йоханна обратно, где он и остался сидеть, согнувшись и всхлипывая. Марла огляделась по сторонам посмотреть, что замышляют остальные. Когда взгляд ее упал на меня, волосы мои чуть не стали дыбом.

— Отцовская лютия! — повторил Гвилл, придвигаясь ближе к ней.

Марла самодовольно ухмыльнулась:

— А ты подай на нас в суд! За все мои долги расплачивается Йоханн. Так ведь, крошка Тикльпоппер?

Тиккенпфайффер имел не слишком радостный вид, без сомнения, переживая по поводу утраты важного клиента. Он облизнул губы и промолчал.

Актриса снова передернула плечиками.

— И потом, менестрель, ты ведь не можешь пожаловаться, что я пожалела сил, развлекая тебя позже, разве не так?

Нотариус вздрогнул. Гвилл покраснел и отвернулся.

Йоханн застонал. Я не особенно жалел его. Что бы он там ни говорил, ни за что не поверю, что он сделал предложение хорошенькой юной послушнице раньше, чем узнал о

результатах исследования Тиккенпфайффера. Он пытался сесть на трон, а угодил прямоком в выгребную яму.

Фриц прошел у меня за спиной и отодвинул засов на ставне. В комнату ворвался солнечный свет и морозный утренний воздух — нельзя сказать, чтобы в Фолькслянде не знали, что такое оконные стекла, но до такой глухомани, как «Приют охотника», они еще не доходили. Мох на полу снова зашевелился. Тлеющие угли в камине задымили, потом разгорелись.

Ночь прошла, все истории рассказаны...

Мы вернулись к реальности.

— Утро, господа! — гортанно рассмеялся Фриц. — А теперь мне предстоит разобраться с майстером Омаром.

Теперь мне предстояло разобраться с Фрицем. Не спорю, подобная перспектива изрядно претила мне, господа, но я не видел другого выхода. Первые свои реплики я адресовал майстеру Тиккенпфайфферу — весьма почтительно, должен заметить.

— Вы упомянули нынче ночью виру, советник. Выкуп. Называлась сумма в пятьдесят талеров. Скажите, обязательно ли мне платить наличной монетой, или мне позволено предложить равную или большую ценность?

Он вытарасил на меня свои крысиные глазки.

— Обыкновенно суд не возражает, если пострадавшая сторона согласна принять мзду в любом выражении, стоимость которого не меньше установленного судом денежного эквивалента. Однако это зависит от конкретных местных установлений администрации, осуществляющей юрисдикцию на данной территории.

Я решил, что, возможно, его тарабарщина что-то и означает.

Одна из лапищ Фрица нежно сомкнулась на моей шее. Голос его показался мне подобным шуму надвигающейся лавины — если, конечно, лавина может звучать скептически.

— Что ты хотел предложить мне, бродяга?

Как что? Как можно меньше, не больше, чем необходимо.

Взывать к купцу или его половине было бы по меньшей мере наивно. Гвилл не отказал бы мне, но сам сидел без гроша. Фрида благоразумно не вмешивалась.

— Капитан Тигр, — сказал я, стараясь говорить немного быстрее. — Вы намерены безучастно смотреть, как этот садист-переросток удовлетворяет свои звериные инстинкты к насилию?

Солдат продолжал стоять у огня, приглядывая за купцом. Он пожал плечами:

— Правосудие на его стороне. Ты сам виноват в своих неприятностях.

Фриц продолжал поднимать меня. Позвоночник хрустнул. Я обеими руками вцепился в скамью.

— Госпожа Розосвета! За много лет я неоднократно оказывал вашей семье значительные услуги. Видите ли, у меня временные затруднения с наличностью, так что я вынужден...

— Убери его отсюда, трактирщик! — проскрипела старая жаба. — Терпеть не могу вида крови. Особенно если с этого начинается день. — Она даже не обернулась. Черная неблагодарность!

Усилие, прилагаемое к моей шее, означало, что Фриц готов поднять меня, скамью и сидевшего на ней мастера Тиккенпфайффера в придачу. У меня не оставалось выбора.

— Верл! — прохрипел я. — Помоги!

Давление слегка ослабло — или по крайней мере перестало усиливаться, — и даже старуха повернулась, чтобы посмотреть, что происходит.

— Ты взываешь к идолу Розе? — удивился солдат. — А мне казалось, ты разоблачил его?

— Я взываю к подлинной Верл. — Я говорил совершенно убежденным голосом, на полную октаву ниже, чем обычно, — подозреваю, из-за того, что шея моя заметно вытянулась. — Сударыня, если я отдам вам в руки бога вашей дочери, вы подкупите этого кровожадного варвара?

Фриц фыркнул и, оторвав наконец мои руки от лавки, поднял высоко в воздух.

— Погоди-ка! — произнес капитан Тигр. — Да у него отговорок больше, чем у ребенка, когда ему пора ложиться спать! Так ты знаешь, где можно найти настоящую Верл?

— Ммм... аг...га, — прошептал я, испытывая некоторые затруднения с произношением. Фриц встряхнул меня.

— Не иначе, в тайнике в каком-нибудь далеком городе? До которого много месяцев пути?

Я попытался мотнуть головой и задержался в воздухе, как рыба на леске.

Солдат недоверчиво нахмурился.

— Право же, это твой последний шанс, Омар! Показывай нам бога. Ее светлость рассудит, настоящий он или нет. Если настоящий, мы заплатим за тебя твой долг. Если нет, я подержу нашему хозяину его куртку, если он вспотеет.

Я каркнул что-то и взмахнул руками.

— Опусти его на минутку, Фриц.

Ноги мои коснулись пола, и я снова смог дышать.

— Вам достаточно оглянуться, капитан. Видите полку над камином? На ней, как раз за песочными часами. Вы как раз найдете там маленькую глиняную голубку. Не то чтобы она красива или слишком похожа на настоящую, просто глиняное изображение птицы. Один глаз... Да-да, вот эта. Сдуйте с нее пыль, пожалуйста. А теперь, если вы покажете ее на свет...

Фриц зарычал, как голодный пес, и встряхнул меня.

— Она лежала там, сколько я себя... — Он осекся. Фрида встала и смотрела на нас обоих. Ее щеки были значительно бледнее, чем обычно.

— Это она! — вскричала старуха, придвинув фигурку почти к самому своему носу. — Святая Верл!

Фриц отпустил меня, и я мешком повалился на пол.

— Довольно с тебя пятидесяти талеров за твою безделушку, трактирщик? — сухо поинтересовался капитан Тигр.

— Капитан... — Фриц обошел лавку и стал рядом с Фридой, но для того ли, чтобы успокоить ее, или чтобы успокоиться самому, я сказать не могу. — Это всего-навсего старый семейный сувенир. Он не стоит ровным счетом ничего. Берите его себе на здоровье. Я не знаю, какую проделку придумал этот старьевщик...

Увы! Мне стоило бы оставить все, как есть, но я не могу сносить, когда меня обзывают старьевщиком.

— Это настоящая Верл, ты, тупица! Это означает, что Свежероза бывала в этих местах. За горами Гримм, гласит

пророчество, и это лишнее тому подтверждение. Жаль, что я не знал этого летом — этого и про родимое пятно...

— Родимое пятно? — фыркнула Фрида. — Что еще за пятно?

Ну да, их с Фрицем как раз не было в комнате, когда разговор шел об этом.

— У Хайди ведь тоже есть пятно, но, подозреваю, не совсем той формы, да, капитан?

— Нет, и насколько я понял, совсем не на том месте. — Солдат улыбнулся.

— Ну что же, это подводит черту под делами этой ночи, — радостно заявил я. — Раз уж я теперь официальный постоялец, дружок, можешь прямо сейчас подать мне меню завтрака.

— Какое пятно? — повторила Фрида.

— Да и одежда моя, должно быть, уже просохла...

Капитан Тигр сурово нахмурился.

— У Свежерозы имелось родимое пятно в форме розы, прямо над сердцем.

Ох как не хотел я, чтобы он говорил это!

Фриц — торопливые попытки его сестры скорее мешали ему — уже расстегивал жилет.

31. РАССКАЗ ТРАКТИРЩИКА

— Но он же ведь не подкидыш какой-нибудь! — Фрида сидела рядом со мной, судя по всему, не замечая моей руки у себя на плече. — Это какая-то бессмыслица!

Фриц сидел теперь на кресле слева от камина — на почетном месте. Жилет его был все еще расстегнут, демонстрируя отчетливо видную под пышной растительностью на груди красную отметину.

Бургомистр Йоханн, хромая, отправился спать — жалкое подобие самонадеянного толстяка. Старая дама хлюпала в платочек, утешаемая капитаном Тигром. Марла продолжала

маячить где-то на заднем плане. Гвилл и Тиккенпфайффер сидели в полном оцепенении.

Свечи прогорели и погасли. Узкая полоса солнечного света лилась в единственное окошко, и помещение казалось темнее, чем ночью. У меня слегка кружилась голова, как это бывает после бессонной ночи.

— Для меня это вовсе не бессмыслица, — возразил я. — Правда, некоторых подробностей все равно не хватает.

Фрида описала нам своих родителей. Она даже показала их портрет, написанный каким-то бродячим художником в уплату за обед. Это была симпатичная пара, но обычного для крестьян Фолькслянда капитального телосложения, ни капельки не похожего ни на Свежерозу, ни на Зига.

Глиняная голубка лежала в лапищах Фрица. Он остолбенело смотрел на нее, так и не произнеся ни слова с той минуты, как старая дама стала пред ним на колени. С некоторым усилием я, казалось, мог найти в его чертах определенное сходство с Зигом — может, что-то в очертаниях рта? С несколько большим усилием я мог найти даже сходство с Верном — гораздо более молодым Верном, чем тот, которого я знал когда-то. Скорее с его изваяниями. Верн ведь умер почти двести лет назад, не так ли?

Потом Фриц оторвал наконец от нее взгляд и хмуро посмотрел на меня.

— Если это еще один из твоих халтурных трюков, рассказчик, я своими руками сверну тебе шею и втопчу в грязь.

— Какие уж тут трюки... У меня не было ни малейшего желания дарить тебе целое царство за какую-то блохастую дворнягу. Ты никогда не слышал голосов в этой комнате?

— Нет, не слышал! — В голосе его снова зазвучали опасные нотки.

— Во всем незначе об этом кричать. Ты в этом уверен? И ты никогда не задумывался, кто охраняет твой постоянный двор от разбойников? Ну что ж, ты можешь сам очень быстро это выяснить. Унеси Верл куда-нибудь, чтобы мы не могли услышать вас. Она будет говорить с тобой, это я тебе обещаю.

Он разинул рот.

— Упроси его, — сказал солдат. — Мы все хотим знать. Он нерешительно поднялся.

— Капитан, проследите, чтобы он не спер тут ничего, пока меня не будет?

— Ладно, парень. То есть я хотел сказать — ваше величество.

Фриц скептически хмыкнул. Продолжая держать маленькую глиняную птичку с такой опаской, словно это сырое яйцо, он направился к двери. Ветер захлопнул ее за его спиной. Его тень мелькнула за окном. С минуту мы ждали, потом услышали далекое бормотание. И ничего больше, если не считать капли и ветра в лесу... или еще нежного голубиного воркования?

— Оттепель продолжается, — прервал я затянувшееся молчание. — Вы попытаете пересечь перевал сегодня, капитан?

— Полагаю, да. Нам надо выехать по возможности скорее, пока погода не поменялась. — Солдат посмотрел на Фриду. — Но согласится ли ваш брат оставить гостиницу?

Да, об этом мы и не подумали! А вдруг Фриц не откликнется на призыв?

— Это зависит от того, что говорит ему сейчас бог, — ответил я. — Если вы успеете на корабль в Винлянде... да нет, все равно до весны вы не одолеете перевалов, чтобы попасть к Холу. Не думаю, чтобы народ принял его до тех пор, пока его не признал бог.

Тигр покосился на старуху и улыбнулся.

— Слово ее светлости тоже не лишено веса, мне кажется.

— Крав признает его для семьи, — пробормотала она, не отнимая от лица платка.

— Да, пожалуй, верно. Да у него и вид царский!

Правда? Ну, во всяком случае, роста ему хватало. Кинг сайз.

— Вид у него потрясающий! — буркнула старуха, немного приходя в себя. — Замечательный царь, и внук тоже замечательный!

Бедный Фриц!

— Но как быть с постоянным двором? — Солдат снова повернулся к Фриде.

— Есть один человек в Гильдербурге — он хотел купить его в прошлом году, когда наши родители... Майстер Тик-

кенпфайффер, скажите... вы собираетесь еще на юг или возвращаетесь домой?

Нотариус пробормотал что-то неразборчиво.

— Он возвращается домой, это уж точно, — вмешалась Марла. — Я уверена, Йоханн потерял всякий интерес к Великому Холу. — Она хихикнула.

— Я тоже! — заявил Гвилл, глаза которого блеснули. — В смысле, я тоже на север. Кстати, мне нужен адвокат, чтобы заявить об ограблении с применением силы. Вы еще заняты у бургомистра, советник, или готовы заняться другим клиентом?

— Мне надо еще обсудить свой статус с его честью, майстер Гвилл. Но если я и не смогу сам защищать ваши интересы, я готов порекомендовать вам других достойных юристов, кто мог бы.

— Даже на столь простое дело?

— Ну, я бы так не сказал.

— Он хочет сказать, Тангельпуппер, — пояснила Марла, — что мы с Йоханном пойдем на все, чтобы он только не появился в Бельхшлоссе, чтобы трепаться там. Верно, менестрель?

— Более или менее, сударыня.

Марла рассмеялась.

— Ну и сколько будет стоить твое молчание?

— Назовите сами.

— Это к моему благоверному. Как насчет золотой цепи, что он носит?

Гвилл зажмурился.

— Пожалуй, это убедит меня продолжить путешествие на юг.

— И остаться там?

— Разумеется.

— Тогда пойду поговорю со стариной Кошельком. — Она подошла к лестнице. — Если он заартачится, покажу ему одну-две татуировки. — И, хихикая собственной сообразительности, она вспорхнула по ступенькам.

Мы с Гвиллом обменялись торжествующими взглядами. Даже Фрида и солдат улыбались. Похоже, наш толстый приятель, женившись, получил гораздо больше, чем ожидал. Во всяком случае, остаться снова холостяком ему явно не грозило.

За окном промелькнула тень Фрица.

* * *

Он вошел с видом человека, которого только что оглушили по голове. Надо быть выдающимся актером, чтобы так изобразить бледность. На деле не так уж просто даже изобразить дрожь в руках или идти так, словно на плечах твоих лежит невидимый мешок муки. Нет, в данном случае скорее два мешка. Или даже три. В общем, я сомневаюсь, чтобы он врал нам, рассказывая, что случилось.

Он положил фигурку обратно на каминную полку, помялся немного и на мгновение склонил перед ней голову. В глазах его блеснули слезы, но, возможно, от ветра. Не будь он так массивен, он казался бы совсем еще мальчишкой.

— Омар... Мы больше чем квиты. Я беру все свои слова обратно.

— Не беспокойтесь, ваше величество. Большая их часть вполне мною заслужена.

На мгновение в его взгляде промелькнули знакомые свирепые искорки прежнего Фрица.

— Ладно, не буду. Если честно, у меня все еще чешутся руки свернуть тебе шею, но постараюсь этого не делать. Она говорила со мной.

Мы ждали.

Он пожал плечами.

— Фрида... Мы с тобой не... Я — приемыш. Они никогда не говорили мне об этом.

— Мне тоже. — Она освободилась от моей руки и подошла к нему. Они обнялись. Не отпуская ее, он повернулся к нам.

— Я сын Зигфрида из Хольценвальда и княжны Свежес-розы Верлийской.

— К черту вступление! — вскричал я. — Рассказывай быстрее!

— Ваше величество! — угрожающе напомнил Фриц.

— Прошу прощения, ваше величество! Конечно, ваше величество!

— Вот так-то лучше! Вот что она мне рассказала: они направлялись на север, в Фолькслянд. У моего отца там проживала семья. Честнодоблесть тоже был с ними — верный

слуга ей, друг ему. Их отряд попал под лавину. Честнодоблести удалось выбраться, и он с несколькими другими спасшимися начал копать. Они нашли ребенка — меня. Он решил отправиться за помощью и взял меня с собой, пока я не замерз в метель. Он добрался до этого постоянного двора.

— И мама взяла дитя? — не выдержала Фрида.

— Да. И Верл была завернута вместе со мной, конечно. Но он не нашел здесь помощи — тут не было тогда ни одного постояльца. Это было в ту самую ночь, когда ты родилась. Отец не мог оставить свою жену с новорожденным младенцем, ясное дело. Так что Честнодоблесть ушел один. Он попал под другую лавину.

Некоторое время слышался только шум ветра в деревьях и капель за окном...

— Моя дочь тоже погибла? — Голос старухи звучал почти неслышно.

Фриц помолчал немного, прежде чем ответить.

— Нет. Их с Зигфридом откопали, и они ушли на юг с остальными. Весной они прошли на север через другой перевал, считая меня погибшим.

— Она еще жива?

— Верл сказала, чтобы я передал тебе: Свежероза нашла свое счастье, и тебе не надо больше искать ее.

Хольценвальд был единственным городом, в который я не заходил летом. Интересно, почему?

— Но у нее были еще сыновья? Дочери?

— Это все, что мне позволено сказать, госпожа моя!

Бог явно рассказал Фрицу больше, гораздо больше. Он говорил негромко, но в голосе его появилась некая царственная уверенность. Старуха снова согнулась в своем кресле и замолчала. Если мать Фрица до сих пор жива, замужем и у нее почти взрослые дети, вряд ли она рвется на родину. Свежероза всегда была себе на уме, и я не сомневаюсь, что бог тоже прекрасно знал это.

— Мне было сказано, чтобы я отправился с тобой в Верлию, и обещано, что весной Хол признает меня законным царем страны. — Фриц посмотрел сверху вниз на свою по-

раженную приемную сестру. — Нам придется бросить постоянный двор, дорогая. Я знаю, это покажется ненормальным, но у нас теперь целое царство.

— О нет! — Фрида освободилась от его руки. — Мама и папа не одобрили бы этого! И потом, представь себе, что будет, если Хол не признает тебя? Я подожду здесь до тех пор, пока не получу от тебя официального приглашения на коронацию.

— Но я не могу оставить тебя здесь одну!

Она невесело усмехнулась:

— Это мой постоянный двор, не твой! Твое царство, не мое!

— Ты всегда будешь желанной гостьей, и ты всегда будешь моей сестрой. Госпожа Фрида! Я пожалую тебе царское поместье!

— Нет, не надо! Я лучше останусь в тени и выберу тебе подходящую жену. Я не позволю, чтобы тебя баловали все эти прелестные расфуфыренные придворные дамы.

— Ладно, посмотрим! — усмехнулся он. — Пока же мы с тобой честные трактирщики. Давно пора предложить гостям завтрак.

— Цари не прислуживают! — ехидно возразила Фрида. — Ступай собирай вещи. Омар поможет мне. Правда, Омар?

Меня охватила буйная радость.

— С удовольствием, любимая! Мое фирменное блюдо — сотэ из верблюжьего горба с терном...

— Хоть яичницу ты сможешь пожарить? Валяй. Ступай и пакуйся, ваше величество!

— Можно подумать, мне много надо брать с собой, — ответил он с улыбкой. Улыбка, правда, вышла натянутой. То ли на нашего трактирщика свалилась слишком большая ноша, то ли он ввязался в слишком хитрый обман.

Позже я смотрел им всем вслед, стоя на пороге и обнимая прекрасную Фриду. Я пообещал остаться и помочь ей по хозяйству до тех пор, пока мы не получим вестей из Верлии. Снежные вершины высились над поросшей лесом долиной, сияя под голубым небом. Однако погода в горах ме-

няется быстро. Если нам повезет, новый снегопад может запереть нас здесь на несколько недель. Я с нетерпением ждал этого.

Бургомистр Йоханн и фрау Марла уехали верхом на север, прихватив с собой следовавшего за ними на почтительном расстоянии мастера Тиккенпфайффера. Я слышал громкий голос Марлы, наставлявшей своего супруга, до тех пор, пока они не превратились в маленькие черточки на дороге.

Капитан Тигр повел свою карету на юг, увозя с собой княгиню Розосвету и Розалинду, ее служанку. Еще с ними уезжали маленькая глиняная голубка, менестрель Гвилл, обмотанный тяжелой цепью червонного золота, а также Фриц Верлийский, по рождению законный правитель Верлийского царства.

Когда все стихло, я нежно поцеловал Фриду в щечку.

— Ты только подумай, — сказал я. — Его потомки будут править вечно! Устрашающая перспектива!

— И я подозреваю, ты еще не раз нагрянешь к ним в грядущие века, чтобы нарасказать сказок про их предков?

Я нахмурился: мне не понравилась тень сомнения на ее милом личике.

— То, что я шатаюсь по свету довольно давно, вовсе не означает, что я буду шататься так вечно.

— И у нас есть только твои свидетельства того, как долго ты шатаешься, правда ведь? Неужели ты думаешь, что я хочу водить дружбу с человеком, которому уже тысяча лет?

— Если ты боишься, что возраст сильно повлиял на меня, ты ошибаешься. Тебе доказать?

— Не сейчас. — Она попыталась сбросить мою руку с плеча, но это ей не удалось.

Я нежно пожевал ей мочку уха.

— Надеюсь, Фриц будет относиться к птице с уважением. Она довольно требовательное божество. Его предки — Дусс и Верн — поняли это, и их мать, Белороза, — тоже. Его дядька, Звездоискатель, познал истину дорогой ценой. Одним словом, опасная голубка.

— Несомненно. Но почему бог навлек на царскую семью столько несчастий?

— Я говорил уже, что никогда не пытаюсь понять логику богов. Но, возможно, царская семья допустила ошибку. Морейашма, например. Ее сын, Быстроклинок, был неважным царем, а Звездоискатель по некоторым признакам мог оказаться еще хуже. Поэтому Верл решила принести в царский род немного свежей крови. Или ей просто наскучило целых сто лет сидеть взаперти во дворце, и она решила по странствовать, как делала это со мной. Я думаю, отпуск в «Приюте охотника» ей понравился.

Фрида фыркнула — этот звук определенно не шел ей.

— У тебя на все готовый ответ, да?

Опять пикировка...

— О чем это ты?

— Я понимаю, голубка была спрятана за часами. Ты, случайно, не рыскал там весной, нет? Не находил ее раньше?

— Княгиня Розосвета опознала в ней подлинную Верл, — возмутился я в ответ на такое неверие. — Уж не думаешь ли ты, что я стал бы целое лето таскаться по северным болотам, знай я, что она здесь? И потом, есть ведь еще родимое пятно.

— Когда ты залез на конюшню, а Фриц поймал тебя там — насколько я помню, он ведь был тогда без рубахи, а?

— Откуда мне знать было тогда, что родимые пятна кого-то интересуют? Позволь напомнить тебе, это княгиня Розосвета подняла вопрос насчет родимых пятен! Она-то и опознала отметину.

— Да эта старая ведьма не видит ничего даже у себя под носом.

— Фрида, любовь моя! — взвыл я. — Ты что, считаешь своего брата самозванцем? Ты считаешь, он врал, утверждая, что бог говорил с ним? Как он тогда надеется пройти святого Хола?

— Да не знаю я! — вздохнула она. — Хол может решить, что так будет лучше для царства. Даже богам приходится иногда грешить против истины, наверно. Фриц был бы просто дураком, если бы упустил такую возможность, разве нет?

Я тоже вздохнул — печально видеть так мало веры в существование столь юном и невинном.

— Ночь выдалась долгой и утомительной, о мой хрупкий цветок эдельвейса! Почему бы нам не подняться в спальню?

— Спальню?

— Почему бы и нет? Приближенный к святым Благонрав Суфский учил верных, что любовь приходит в разных обликах и что надо всегда принимать то, что даруется.

— Я больше привыкла к сестринской привязанности. Омар, самое время доить коров, и тебе надо принести воды, чтобы я помыла посуду. Потом надо нарубить дров, вымыть полы, сбить масло, смолоть муку, вычистить конюшню, забить свинью, ободрать и освежевать ее, прокоптить окорок, накормить кур, вывести лошадей пастись и сварить пива. Мне нужны дрова и вода в котле, и еще развесить белье.

Я застонал так громко, что лес отозвался сочувственным эхом.

— Но ко времени, когда я сделаю даже десятую часть, понаедут новые постояльцы!

— Работе трактирщика нет конца. Как ты думаешь, почему мои родители произвели на свет только одного ребенка? Начни с коров.

Вот и весь рассказ, господа! Рассказ трактирщика. Все до последнего слова — истинная правда. Вот как попал я в «Приют охотника». Кстати, прошу вас всех убедиться, что цены наши все еще проставлены в гильдербургских талерах. А теперь не подлить ли вам еще нашего знаменитого пива с пряностями?

ПОСТСКРИПТУМ

Притча о чудесном коне Тваке основана на рассказе про Умного Ганса, коня в Германии, демонстрировавшего схожие способности. Мне не хотелось бы, чтобы вы думали, будто я сочинил ее.

Содержание

РАЗБОЙНАЯ ДОРОГА	5
ПРИЮТ ОХОТНИКА	303

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru

<http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Дункан Дэйв
Разбойная дорога
Приют охотника

Редакторы Е. А. Барзова, Г. Г. Мурадян
Художественный редактор О. Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина
Младший редактор Н. К. Чернова

Подписано в печать 22.03.01.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 3746.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»

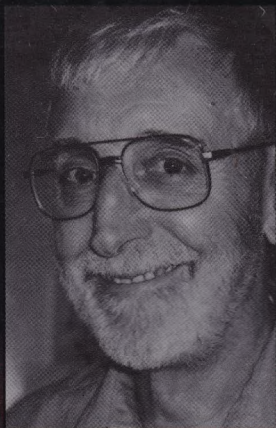
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

По дорогам, градам и весям бродит Омар. Меняла Истории, и жизни не хватит на то, чтобы поведать все, чему он был свидетелем, о чем рассказал потом в историях, где ложь казалась правдивее правды, а правда — лживее лжи.

Желаєте услышать о великих городах и могущественных богах, кровожадных варварах и прекрасных девах? Пожалуйста!!!

Желаєте услышать, как звенели мечи и пели стрелы, как наступала орда завоевателей на мирное Междуморье, Страну Множества Богов, и лишь чудо могло спасти людей от ярости диких воинов? Слушайте!..

А может, вы желаете услышать историю о том, как довелось Омару побывать богом? Лучшую из историй про любовь и войну, про славу и бесславие, про опасность, чудеса и таинственный Занадон, прекраснейший из городов на равнинах? Рассказ получится долгим, но впереди у нас — долгая дорога!..

ДЭВ
Дункан

Разбойная дорога
Приют охотника

ISBN 5-17-007090-X

9 785170 070909